КН
15
Л-13
Т.У

П. Л. ЛАВРОВ

Срок возврата
книги:

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

ДОМАРКСИСТСКОГО ПЕРИОДА

II

П. Л. ЛАВРОВ

МОСКВА—1935

П. Л. ЛАВРОВ

КН
15
Л 13

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В ВОСЬМИ ТОМАХ

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ, КОММЕНТАРИИ, ПРИМЕЧАНИЯ, БИОГРАФИЧЕСКИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКИ И. С. КНИЖНИКА-ВЕТРОВА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

1875—1876

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
160232

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Переплет работы художника А. А. Толоконникова

Технический редактор М. Масляненко

Сдано в набор 11/VIII 1934 г.
Подписано к печати 5/XI 34

Формат бумаги 62 x 94 см., 1/16
27 печ. л. 42 00 зн. в 1 печ. л. Изд. № 129
Наряд типографии № 427

Тираж 5000 экз.
Уполномоченный Главлита В 99293

Отпечатано в типо-литографии им. Воровского
Москва, ул. Дзержинского, 18

СТАТЬИ

(1875)

ПРЕДИСЛОВИЕ

[к «Общественной службе в будущем обществе» Цезаря де-Папа] [1]

Так как в социологии тесно связаны вопросы теоретические и практические, то всегда порицание существующих общественных форм было в глазах недовольных этими формами связано с представлением того, что должно заменить их. Политические реформаторы и революционеры выступали с готовым законом, который надо ввести, с готовой конституцией, которую надо положить в основание нового государственного строя. Точно так же и социалистические реформаторы и революционеры должны были всегда с большею или меньшею подробностью представить людям, которых они пытались убедить, картину окончательного общественного строя, который имеется в виду при их проповеди реформ или революции.

Пока социализм переживал фазисы религиозного и метафизического развития, пока он был лишь недовольством тем, что существовало, и темным стремлением к справедливейшему, пока организация рабочих не дала ему твердой почвы, на которой он мог отличить возможные средства для осуществления своих задач,— весьма понятно, что до тех пор картина будущего социалистического общества создавалась гораздо более путем кабинетной фантазии, чем рационального обсуждения ее подробностей. Утопист сам не знал, каким образом и на какой почве осуществить желаемый переворот. Ему надо было подготовить эту почву. Ему надо было внушить ученикам и читателям ту же ненависть к существующему порядку, которая одушевляла проповедника; ему надо было перелить в них свой энтузиазм к общественному типу, рисовавшемуся в его воображении. Поэтому достаточно было, чтобы критика наличного общества была резка и убедительна, достаточно было, чтобы будущее общество было привлекательно и отличалось *как можно более* от того, против которого утопист хотел вооружить своих приверженцев.

Отсюда вытекает характеристическая черта всех утопистов будущего общества у религиозных социалистов, а также у социалистов-теоретиков до половины нынешнего века. Все эти утопии грешат стремлением к фантастическому, чрезвычайно слабы в своих указаниях средств перехода от существующего порядка к тому, который имеется в виду установить, и авторы их, стараясь нарисовать общество, возможно непохожее на настоящее, но в то же время не имея возможности отделаться от влияния среды, из которой возникли все их мысли, все их привычные представления, обыкновенно создают общество совершенно невозможное, потому что переносят в него один или несколько элементов из старого общества (от которых автор никак не мог освободить свои привычки мысли) и, при существовании этого разлагающего элемента, допускают возможность рационального развития и гармонического функционирования всех прочих элементов, внесенных в утопию на основании логической потребности социалистических задач. Эти утопии XVI и начала XIX века страдают преимущественно несогласимостью смелых созданий фантазии с переживающими остатками старого и полным пренебрежением к реальным способам перехода от настоящего к будущему.

В настоящее время положение дел совершенно изменилось. Во второй половине XIX века определилась, окрепла и продолжает крепнуть совершенно прочная почва для будущего социального переворота, именно *организация всемирного пролетариата.* Он представляет явление вполне реальное, и его организация выросла из задач, в которых нисколько не участвовала личная фантазия.

Постепенно, после многочисленных попыток гармонизировать интересы труда и капитала, передовые умы пришли к научному убеждению, что гармония этих интересов невозможна. Постепенно, после столь же многочисленных попыток теоретически и практически помочь социальным бедствиям путем государственной власти, именно «благодетельными» реформами, вводимыми традиционными монархиями или политическими революциями, передававшими власть от одной группы личностей другой,— после всех этих блестящих, но тщетных попыток государственной помощи пролетариату, после того как всякая законодательная реформа делала положение большинства населения хуже, а всякая либеральная революция усиливала рост капитализма и тем самым увеличивала безнадежность положения пролетариата, — выработалось, наконец, в лучших представителях интересов пролетариата убеждение, что нынешнее государство неразрывно связано с нынешним экономическим строем, что пролетариату нечего ждать от нынешней государственной власти, от законодательства и от политических революционеров; что ему нужно *разрушить* нынешнее государство, чтобы создать будущее общество; что *социальная революция,* которая *одна* может обещать сносное буду-

щее для человечества, не может иметь ничего общего с нынешними формами законодательства и с нынешними консервативными, прогрессивными и либеральными оттенками политических партий.

Борьба против капитала и современного государства ведется теперь не в книгах, ведется не кабинетными мыслителями; она ведется в организации класса, которого мысль постоянно работала над самыми практическими, обыденными вопросами; она ведется людьми, весьма мало склонными фантазировать о далеком будущем, но весьма чуткими к практическим несообразностям предлагаемых им целей.

Дело теперь не в том, чтобы раздражить пролетариат против существующего порядка вещей: никто лучше его не испытал самых тяжелых сторон этого порядка. Дело не в том, чтобы сделать будущее привлекательным: положение современного пролетариата так тяжело, что весьма незначительное улучшение его быта способно иметь для него весьма значительную долю привлекательности. Но он должен видеть *возможность* достижения цели; он должен чувствовать ее практическую осуществимость в ближайшем будущем теми средствами, которые более или менее доступны для его привычек мысли.

Поэтому перед новыми теоретиками будущего стоит уже задача, во многих отношениях отличающаяся от той, которая побуждала утопистов прошлого к их построениям. Задача социальной революции есть, конечно, разрушение старого общества и создание нового; ближайшая деятельность проповедников революционного социализма заключается, конечно, в проповеди борьбы против капитала и современного государства, в проповеди разрушения старого порядка. Но логическая необходимость вызывает их и к ответу, хотя бы в общих чертах, на неизбежный вопрос: каков же будет строй того общества, которое заменит настоящее? что имеет в виду *создать* социальная революция, когда она совершит свою обязанность разрушения?

Именно эта логическая необходимость вызвала на Брюссельском конгрессе федералистов Интернационала постановку вопроса: «Кто и как будет отправлять обязанности общественной службы в новой социальной организации?»— Ответом на этот вопрос и служат две записки, перевод которых мы помещаем в этой брошюре.

Перед авторами их была задача не обрисовать общество, *возможно более* отличное от современного, но, напротив, указать формы, которые, не заключая враждебных пролетариату условий, составляющих главные причины современной сословной борьбы, в то же время не казались бы утопически-неосуществимыми, не вызвали бы в современном пролетариате скептического отношения к построениям авторов. Надо было для всякой непривычной формы, долженствующей осуществиться в будущем обществе, доказать, что она необходима; надо было для каждого общественного

отношения, установленного жизненной и исторической рутиной, но несогласимого с требованиями будущего строя, показать, почему это рутинное начало должно быть оставлено и чем оно заменится.

Имея перед собою среду, привыкшую к практическим вопросам, неохотно поддающуюся увлечениям фантазии, авторам записок о будущей общественной организации приходилось рисовать картину общества, *возможно менее* отличного от современных, привычных форм, картину, требующую возможно менее работы фантазии, связанную во всех подробностях возможно более с реальными задачами современности, с господствующими привычками мысли. Сами авторы, действуя в этой практической среде, выработанные ею и разделяя ее склонность удерживать возможно более из привычного порядка и поддаваться возможно менее увлечениям фантазии, могли бессознательно подчиниться всем последствиям этого направления мысли.

Последствия эти заключали некоторые неизбежные недостатки, резко отличающие построения нашего времени от утопий минувших периодов. Прежние утописты говорили об отдаленном будущем, недостаточно уясняя те явления, которые неизбежно должны были иметь место при переходе от старого порядка к новому. Новые теоретики будущего общества излишне озабочены минутою, которая непосредственно наступит за победою пролетариата; они переносят беспрестанно эту заботу и в отдаленное будущее, когда несколько поколений успеют вырасти при новых условиях; они не могут не внести в картину этого будущего мысль о тех временных затруднениях, которые должны представиться пролетариату в первую минуту после победы присутствием в среде его значительного числа людей, все привычки которых выработаны старым порядком вещей. Картину общественного устройства, составляющую *окончательную цель* социальной революции, им крайне трудно отделить от картины общества, где присутствует еще значительное число враждебных пролетариату элементов.

Прежние утописты были слишком смелы в своих фантастических построениях, предполагали переворот совершившимся и в таких психических особенностях человека, изменение которых нам трудно понять, и, совершенно бессознательно для самих себя, вносили в свои построения старые привычки мысли, несогласимые с их общим планом будущего общества. Новые теоретики, напротив, настолько опасаются оторваться от реального наблюдения, что готовы сознательно перенести в картину будущего общества такие элементы настоящего общественного строя, которые тесно связаны с настоящею системою всеобщей конкуренции и эксплоатации слабых сильными; такие элементы, которые, оставаясь в будущем обществе, вызвали бы в нем большую часть бедствий настоящего строя. Новые теоретики из опасения не быть достаточно практическими перестают иногда быть последовательными.

Поэтому в новых теориях мы встретили даже указания на изменения, которые социальная революция, при своем последовательном развитии, должна внести в семейный строй. Прежние утописты обращали большое внимание на этот вопрос; новые теоретики должны бы очень хорошо знать, что нынешние экономические порядки тесно связаны с нынешним семейным строем, что в государственных порядках он играет немалую роль, что, оставляя его неизменным, мы сильно рискуем вернуться к прежним эгоистическим и индивидуалистическим побуждениям и к прежним общественным бедствиям. Тем не менее они так обходят этот вопрос, что можно думать, будто они предполагают в будущем социалистическом обществе прежний семейный строй.

Обе записки, перевод которых мы помещаем, вышли из среды Интернационала и, следовательно, не допускают частной собственности, но привычки мысли так сильны у автора, что в обеих записках мы находим выражения, как будто указывающие на существование частной собственности в будущем социалистическом обществе; в обеих как бы предполагается и личное или семейное имущество и расчеты между лицом и общиною, расчеты между разными общинами и т. п.; наконец, допускается система податей и сборов, не особенно далеко отходящая от нынешней системы. Экономические последствия принципиального отрицания частной собственности далеко не приняты в соображение надлежащим образом, как бы из опасения нарисовать картину, слишком отличающуюся от того, к чему привыкли люди, живущие при настоящих условиях.

В обоих этих отношениях обе записки стоят на одном уровне, и первая чаще вызывает возражения лишь потому, что она подробнее. Но вопрос о государственном элементе в будущем обществе, *повидимому,* получает в них весьма различное решение. Одна ставит прямо государство как руководящую общественную группу в будущем обществе; другая столь же прямо отрицает всякую государственность. Но это различие гораздо более кажущееся, чем действительное. Если записка Женевской секции, упоминая о самых основных положениях будущего общества, говорит о «свободных и равноправных обществах будущего», об «автономии личностей и групп», то при подробностях организации, в ней излагаемой, несмотря на краткость записки, легко видеть, что «автономия личности» сильно подрывается существованием и общиной и федеральной полиции; что образование специального штаба федерального войска отдает в руки федерации власть, которая может значительно подорвать и «автономию» отдельных общин; что записка вносит понятие о *принудительной власти* в представление о будущем обществе, невольно высказывая это понятие и в обязательности единообразной программы учения и во многих других подробностях. Прения, происходившие по этому поводу на Брюссельском конгрессе[2], показали также, что сторонники же-

невской записки и вообще представители юрского противогосударственного направления несравненно более опасаются *слова* «государство», чем принципа власти, в нем предполагаемого. Записка Брюссельской секции, резюмированная и защищенная де-Папом, произвела подавляющее действие и убедила бо́льшинство присутствовавших и читателей, что противники государственности в данном случае не всегда сами уяснили себе, против чего именно они борются. Де-Пап открыто вносил государственный элемент в свое построение, бесспорно требовал власти, и власти принудительной, во многих случаях для разных групп своего будущего общества, а его противники готовы были допустить всю организацию общества, им предлагаемую, лишь бы избавиться от слова «государство», им ненавистного. Очевидно было, что обе партии стояли в *принципе* на почве, совершенно подобной, и что брюссельская записка уяснила многое в их собственных взглядах тем, которые воображали, что отрицают безусловно государственность.

В действительности, то же явление повторилось в новых построениях и по этому вопросу, которые мы только что указали по вопросу семейному и экономическому. Теоретики нового общества находились и здесь слишком под давлением приобретенных привычек мысли. Они все — государственники и антигосударственники — одинаково *слишком много* допускали в будущем государственного элемента. Они не могли отделаться от представления общества, где всеобщая конкуренция на всех путях вынуждает присутствие власти подавляющей, сдерживающей и руководящей. Они не могли отделаться и от идеи государственного территориального единства. И тут новые теоретики были недостаточно смелы, недостаточно последовательны в проведении понятия о социальной революции, вероятно, опять из боязни оставить реальную почву и впасть в неосуществимую утопию.

Но если теоретику будущего необходимо иметь в виду реальные данные личных и общественных потребностей, то ему столь же необходимо быть строго последовательным в отрицании тех общественных элементов, которые вызвали все нынешние общественные бедствия. Он должен помнить, что перенесение в будущее общество одного лишнего элемента нынешнего строя может вызвать повторение самых печальных явлений прежней истории.

Мы надеемся посвятить вопросу о государственном элементе в будущем обществе особенное рассуждение[3] и потому не имеем нужды останавливаться здесь долго на этом вопросе. Ограничимся сказанным. Новые теории будущего общества, вызванные современным ростом рабочего социализма, страдают в своих построениях недостатком смелости и последовательности в отрицании тех самых начал, против которых борется рабочий социализм. Они слишком подавлены привычными представлениями *нынешней семьи, нынешнего* государства, даже *нынешних* экономических отноше-

ний. Они предполагают, что социальная революция, по своем совершении, оставит целыми гораздо более остатков старого, чем она *может* и *имеет право* оставить, если только хочет достигнуть своей цели: заменить всеобщую конкуренцию всеобщею солидарностью и борьбу всех против всех — справедливостью.

Но, выходя из реальной почвы рабочего социализма, эти теории несравненно внимательнее прежних утопий рассматривают вопрос о том, что приходится делать пролетариату в первую минуту после одержанной победы. В этом отношении они заключают много интересного. Предлагаемые в переводе записки указывают на то, какие средства будет иметь в своих руках пролетариат в присутствии значительного числа побежденных, но не уничтоженных врагов, и какие меры, по мнению авторов, пролетариату придется принять в этом случае для надлежащего обеспечения своей победы. Конечно, было бы лучше, и авторы несравненно цельнее обработали бы свой труд, если бы они выделили эту практическую, временную задачу пролетариата и не смешивали ее с более отдаленною целью окончательного устройства общества по идеям рабочего социализма. Смешение *окончательной цели* социальной революции — цели, ими далеко не вполне выясненной — со *средствами* обеспечения пролетариатом только что одержанной им победы—средствами, несравненно лучше и яснее ими продуманными— вызвало те недостатки записок, которые невольно поражают читателя.

Но, несмотря на эти недостатки, которые мы считали нужным указать читателям, вопрос об организации общества по началам рабочего социализма — как немедленно после победы пролетариата, так и в более отдаленном будущем — настолько важен, что мы считали полезным при первой возможности сообщить читателям ответы на этот вопрос, вышедшие из среды нынешнего европейского пролетариата.

Мы сочли нужным сопровождать некоторые места записок пояснительными и полемическими примечаниями, предоставляя себе вернуться к рассмотрению этого вопроса в его целости в другом месте. Нумерованные примечания принадлежат редакции, примечания же авторов сопровождаются соответственными указаниями[4].

НОВЫЙ 1875 ГОД[5]

Лондон, 13[1] января 1875 г.

В день русского Нового года мы печатаем первый лист нашей новой газеты. На первой странице ее мы посылаем приветствие вам, далекие братья, в разлив гонений, преследований, заключений, ссылок, на вас обрушившихся, как посылали привет вам тому год назад на страницах нашего журнала, в разлив народного горя, народного голода...

Мы говорили вам тогда: боритесь; это единственное средство помочь страдающему народу; бросайте семя; оно созреет. Мы говорим вам теперь: продолжайте бороться; брошенное семя зреет...

Оно зреет. Проповедь социальной революции прошла во все углы России; она дошла до дальних городов ее; она проникает в народ.

Оно зреет. Это знают народные губители, и оттого их озлобление, оттого их ужас, оттого усиленные гонения, вас постигающие.

Оно зреет. Бросайте его еще и еще на почву, дымящуюся кровью и потом народа, вашею собственною кровью. Ваши жертвы неизбежны. Вы знаете, за что вы боретесь; вы знаете, из-за чего вы гибнете. Вы искупаете грехи отцов и дедов. Лишь мужественною борьбою, самоотверженными жертвами за народ вы оплатите то, что должны ему.

Держите высоко, держите крепко знамя ваше. Это и наше знамя.

Просты и ясны слова, на нем написанные.

Лишь социальная, лишь народная революция может спасти народ русский. Лишь она может спасти и человечество.

Подготовляйте же социальную, народную революцию. Подготовляйте ее в народе, который один может совершить ее. Подготовляйте себя к ней умственно и нравственно, в понимании и привычках жизни, словом, мыслью, действием.

Организуйтесь для крепкого, единого действия. Организуйтесь для пропаганды в народе. Организуйтесь помощью пропаганды. Организуйтесь среди народа, с народом вместе.

Несите дальше и дальше великое слово, великое дело социальной революции.

Не жертвуйте даром ни одним человеком, ни одною силою, но смело стойте за свое знамя в минуту опасности, в минуту расчета.

Когда же придет другая минута, минута настоящей борьбы, идите с народом против старого мира, не оглядываясь назад. Пусть рушится гнилое старье, пусть свободно растет новое...

Мы знаем, что наше знамя есть и ваше знамя; знаем, что наше слово нашло среди вас отголосок и сочувствие.

Мы ожидаем для нашего нового органа еще большего содействия вашего.

Мрачна картина, которою мы открываем наш первый номер. В России безумные, безобразные преследования; смущено бестолковое правительство перед волнующеюся молодежью высших школ, опасаясь тут встретить ту самую грозную оппозицию социально-революционных идей, которую оно ловит и старается раздавить в пропаганде среди народа, и само оно подготовляет развитие этих идей своими действиями. Некоторые из наших кор-

респондентов и сотрудник, отчет которого одной группе студентов мы начали помещать в этом номере [6], может быть, слишком строго отнеслись к большинству нашего студенчества, но мы уверены, что наши молодые читатели поймут то глубокое сочувствие к ним, ту любовь к народу, ту преданность социальным идеям, которые одушевляют самих порицателей их... А под этими волнениями и преследованиями лучшей части нашей интеллигентной молодежи расстилается картина гниения старого мира, народного страдания, всеобщего разложения Российской империи,— картина, сквозь которую лишь там и здесь пробиваются ростки новой свежей жизни. И во всем мире то же. В хаосе старой цивилизации здесь либералы и консерваторы ползают у ног Бисмарка, целуя его ботфорты; там совершается купля и продажа Испании в пользу жалкого потомка Бурбонов, предвестника воцарения во Франции еще более жалкого отпрыска грязной семьи Бонапарте; в свободной Америке солдаты разгоняют парламент; в столь же гордой своим процветанием Англии сотни людей гибнут на усовершенствованных пароходах и железных дорогах, чтобы из их трупов цари биржи выжали себе несколько лишних соверенов. А между тем рабочий народ страдает всюду от Дуная до дальнего Запада американской республики; всюду капиталисты торопятся вымучить из него себе крупный доход. Зато во всех главных центрах поднимается и борьба против этого старого врага; всюду волнуются и организуются рабочие, здесь еще на чисто легальной почве, там все более убеждаясь в неизбежности революционной борьбы, в других местах неотвратимо переходя на почву тайных союзов и неумолимой революции, всюду объявляя себя непримиримыми врагами существующего порядка вещей. Между этими явлениями борьбы за будущее союз двух больших немецких социалистических партий [7] составляет самое блестящее и самое отрадное явление.

Мрачные тучи покрывают весь горизонт современного общества в начале нового года; но мы верим, что мрака этих туч должны бояться лишь враги наши. Из этих туч должен грянуть гром, который поразит современное государство и современное буржуазное общество.

РУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И КОНСЕРВАТОРЫ [8]

Лондон, 27[15] января 1875 г.

Реакция царствует в России и беззастенчиво заявляет свое владычество. Она нагло топчет русский умеренный либерализм в прессе, на кафедрах высших учебных заведений, в самоуправлении, в судах. Она уже не считает нужным церемониться с тощими призраками «прогрессивных» реформ, которыми еще вчера так тщеславилось русское лицемерное императорство. Этот

номер дает читателям многочисленные указания на такое положение дел[9]. Раздавлен один из самых скромных органов либерализма; раздавлен потому, что «не дает поводов» к легальным преследованиям. Преследуется вся пресса, которая не разделяет ожесточенного лая крайних реакционеров. Готовятся раздавить невинную автономию профессорских коллегий, отнять у русской молодежи всякую иллюзию относительно того, что ее профессора — чиновники и только чиновники. Полиция явно грозит выборным общественного самоуправления. Присяжных преследуют за произнесенный ими приговор. Готовят удар советам присяжных поверенных. Наказания для новобранцев «всесословной» повинности различаются по сословию. Словом, все пункты «либеральных» реформ оказываются явною, наглою ложью, игрою императорской власти, чтобы лучше пустить пыль в глаза западным «либеральным» публицистам. Ничтожны были в сущности все хваленые реформы, но и они кажутся слишком революционными для современного прилива правительственной реакции. — И число защитников реакции в прессе возрастает; может быть, скоро за ними одними останется все поле русской журналистики. На кафедрах университетов предлагают проект международного шпионства. В брошюрах и газетах требуют передачи всего самоуправления дворянству и восхваляют сибирскую каторгу. Число ссыльных, число арестованных и преследуемых растет. Растет и наглость шпионов, внутренних и заграничных. Читатели найдут факты, сюда относящиеся, в этом же номере.

И в то самое время, когда все либеральные кумирчики оплеваны, поруганы и затоптаны, когда лицемерие правительства ни для кого не тайна, а беспорядок легальной империи и бедствия народа режут глаза, в это время один из самых видных органов либерализма решается писать о «великой благодарности верховной власти», о «важных государственных реформах, которые было бы справедливее назвать актами отречения от прошедшего». Эти постыдные слова доказывают лучше всего, что русская либеральная партия, надежда наших умеренных легалистов, не имеет никакой энергии для борьбы, что она никогда не в состоянии не только отвоевать у императорства какие-либо «свободные права», которые России дать не хотят, но даже не в состоянии постоять за права, легально данные, но которые подвергнуты на каждом шагу осмеянию и поруганию. Она вечно будет вздыхать и ворчать втихомолку; вечно будет целовать руку палачей России и никогда не решится на какую-нибудь решительную, рискованную борьбу. Мы призвали ее представителей на равный бой, на свободной почве. Мы уверены, что они на него не пойдут, потому что у них нет убеждения, вызывающего ненависть к врагу и решимость постоять за свою мысль.

Но и торжество русского консерватизма крайне эфемерно. У него есть полная внешняя возможность господствовать, но он ли-

шен всякой *внутренней* возможности установить это господство. Ему недостает умственных и нравственных сил. О консервативной прессе можно сказать то же, что мы давно уже сказали о персонале правительственного лакейства: «Ни одного талантливого государственного человека; ни одного надежного помощника для правительства; ни одного даровитого защитника. Все сохранившее силу умственного развития и достоинство человеческого характера — в оппозиции». *Личная* польза и *личный расчет* — вот единственные побуждения консервативных слуг правительства. У них тоже нет убеждения, которое бы они отстаивали.

Нравственно бессильны русские либералы; они не могут отстоять ни малейшего из своих требований; у них нехватает энергии ни для какой серьезной борьбы. Нравственно бессильны консерваторы, чтобы привлечь к себе живые общественные элементы. Ни те, ни другие не верят достаточно в то, что написано на их знамени, не верят достаточно, чтобы нести это знамя вперед, борясь со всеми врагами, жертвуя всем для его победы.

Но вы, братья-товарищи, верите социальной революции. Вы готовы жертвовать всем, готовы бороться со всеми врагами и потому восторжествуете над лающею сворою консерваторов и над трусливым стадом либералов, увеселяющих своими стонами слух ликующей реакции.

Боритесь, братья, боритесь! Рядом с вами явился новый орган пропаганды в народе. Несите в народ социальную пропаганду. Боритесь! Вы победите, потому что в вас одних есть *нравственная* сила.

В Европе социальная буря все приближается, и старое общество все более выказывает свое бессилие противостоять ей. Между тем как полмиллиона жителей Уэльса готовы обречь себя на голод и страдания в борьбе с капиталом, рабочее движение, не зная различия племен и рас, захватывает, с одной стороны, негров Америки, с другой — призывает на социальную борьбу южных славян. А в это время либералы Англии мечутся в сознании, что последний талантливый представитель их мнений вышел из их рядов в отвращении к своему прошедшему. «Либеральный» король Испании посвящает шпагу свою мадонне и клянется возвратить церкви то, что у нее отнято. Скандальные процессы биржевого грабежа волнуют Вену и Лондон. И когда среди этого мира воров и мошенников, сознающего свою нравственную гниль, является *последний и единственный* честный представитель старых политических идеалов, старый республиканец, бессознательно и фатально создавший монархию, бескорыстный борец за французскую республику, которого оплевала эта республика без республиканцев, бедняк, отказывающийся от денег в пользу общества, где все покупается и продается, — этот мир готов видеть в Гарибальди нечто сверхъестественное, героя какой-то давно рассказанной сказки, выходца из давно засыпанной могилы. Оно и правда. То, за что бился

Гарибальди, умерло и не воскреснет. Политические идеалы старых республиканцев — старая, старая сказка. А слишком изломан, слишком утомлен последний герой прошлого, чтобы стать в ряды новых борцов, чтобы услышать слова нового евангелия. Пусть услаждается слух последнего патриота старого времени единогласным приветом его соотечественников. Он честно бился за то, чему искренно и самоотверженно верил. Он не в рядах социалистов Интернационала только потому, что уже не может понять их. И потому именно он одинок среди гниющего старого мира, из которого вышел, и среди нового мира, в который вступить уже не может. Он единственный светлый представитель прошедшего, но будущее принадлежит лишь тому, кто написал на своем знамени девиз рабочего социализма.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В РОССИИ и ПОВСЮДУ [10]

Лондон, 13[1] февраля 1875 г.

Русское правительство поставило на очередь рабочий вопрос и для его решения призвало собрание русских *нотаблей.* Под руководством Валуева собирается и заседает эта пародия на представительство России, где низкопоклонное чиновничество и предводители русского дворянства с его почетным прошедшим придворного лакейства и крепостничества, вместе с некоторыми либеральными промышленниками, тоже небезызвестными своим капиталистическим бескорыстием, создают законы о найме *отсутствующих* рабочих. Это — самое крупное явление в России и настолько крупное, что мы считаем нашею обязанностью посвятить ему особую статью в следующем номере [11], а пока только упомянем о нем здесь. Богатый материал по этому вопросу доставляют нам каждый день приходящие газеты. Разливанное море высших экономических и политических соображений кипит печатными волнами. Хищные русские капиталисты нагло высказывают в консервативных и псевдолиберальных органах свое алчное желание видеть рабочего скованным буквою подьяческого контракта и рисуют себе, как его по этапам будут тащить на их поля, обдирать с него последнее в форме бесчисленных штрафов. Правительство явно вступает в союз с русскими капиталистическими классами. Мы можем только радоваться этому. Положение становится чище и определеннее.

Рядом с этим явлением другие известия, принесенные газетами, теряют свое значение, хотя сами по себе они были бы не лишены весьма заметного содержания. Но накопление материала заставило нас вообще отложить до следующего номера наш общий обзор гнили старого общества с ее многочисленными симптомами. Мы сообщаем читателям отдельно некоторые черты из истории арестов последнего времени [12], истории, для которой новым ма-

териалом, только что нами полученным, мы не могли воспользоваться для настоящего номера. Сообщаем отдельно и корреспонденции о положении пролетариата в Одессе и о характеристических чертах полицейской филантропии в этом городе. Читатель, может быть, прочтет не без интереса и корреспонденцию об одиссее двух русских эмигрантов-рабочих, о которых мы уже упоминали в прошлом номере.

В Европе же идет старая история. Удивительные республиканцы Франции были буквально *испуганы* своей победой в версальском собрании, победой, которая создавала сенат с невозможными аттрибутами путем всеобщих выборов. На другой же день их испуг не имел никакой причины продолжаться, так как они были снова поражены, и неподражаемое собрание, отвергнув жалкие попытки конституции, отвергнув и предложение распущения, снова потянуло канитель своего бессилия и бессмыслия. В Англии, с обычным схоластическим торжеством, парламент собирается бестолково толочь воду, причем либералы выбрали, наконец, своим представителем самую ничтожную титулованную ничтожность. В Германии железный канцлер хочет отнять у общин руководство школами. Два короля испанские дерутся между собою и поочередно бьют друг друга. Словом, везде все благополучно гниет и распадается в высшей европейской политике. Между тем стачки и выпирания бросают в Англии сотни тысяч народа на улицу; рабочий вопрос стучит во все двери дворцов и парламентских зал. Рабочий вопрос, ставший на очередь в России, поставлен на очередь и в Австрии. Сознание связи между рабочими движениями всех стран и необходимости решить рабочий вопрос нелегальным путем проникает все более и более в ряды рабочих. Итальянский агитатор говорит следователю: моя профессия — заговорщик; моя родина — весь мир. Работники Буда-Пешта заявляют пред целым светом, что борются за благо *всего человечества,* что рабочие должны *уничтожить* современные несправедливые общественные условия. Льется кровь рабочих в Петрошени; льется в Трапезунде. Борьба заостряется с каждым днем, с каждым часом. Рабочий вопрос, который думают эскамотировать эксплоататоры в своих комиссиях, становится все более с фатальною неизбежностью вопросом *социальной революции.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕЗЛЮДЬЕ

Лондон, 27[15] февраля 1875 г.

Тому несколько лет, в соперничестве интриг, кишащих около русского императорства, должен был уступить Валуев. Тогда высоко сияла звезда Шувалова. С тех пор борьба интриг продолжалась. Барятинский [13] воевал против Милютина [14]. Возвышался и падал Бобринский [15]. Но как ни перетасовывал Александр II

двойки и тройки, бывшие у него в руках, они не обращались в крупные карты. Сплоховал и могучий Шувалов. Повидимому, императорство русское обращается снова к Валуеву. Он во главе комиссии о переустройстве высших учебных заведений. Он во главе комиссии «по рабочему вопросу в России». Он сокрушает жалкую автономию университетов и пишет радикальные объяснения для работ, имеющих в виду самое бесцеремонное подавление рабочего народа. Он — человек минуты. Но—увы!—его давно знают, насквозь разглядели, и под гладкими фразами фокусника политической ярмарки никто не ожидает найти ни одной государственной идеи. Он — государственный человек на безлюдьи. Сравнительно с теперешними букашками русской высшей администрации не только Сперанские и Мордвиновы, но даже весьма некрупные Канкрины[16] и Нессельроде[17] кажутся какими-то гигантами государственного дела. Государственных людей нет в России. Прибавим, что, по нашему убеждению, их и быть не может.

И это справедливо не для одной России. Всюду патриоты-политики, артисты парламентаризма и бюрократизма испуганы безлюдьем. В стране Меттерних и Штейнов с ужасом следят за каждым нервным припадком, за каждою капризною выходкою князя Бисмарка. Чем была бы новоиспеченная Германская империя без Бисмарка? Кто мог бы поспорить с великим канцлером или заменить его? Не тупой ли Арним[18], игрушка всяких мелких литературных сплетников, толстая муха, путающаяся в первой паутине, раскинутой клерикалами? Не маленький ли интриган Ласкер? Не те ли ничтожества национально-либеральной или прогрессистской партии, которые растеряли все свои аргументы, все свои принципы при первом выстреле Садовой, при первой удачной бойне? У Бисмарка нет и не может быть преемников в Германии. А что такое политика этого руководителя судеб современной Европы? Он, только что раздавивший Францию, благодаря ее нелепому централизму, хочет внести французскую централизацию в Германию; хочет централизовать школьное дело, отнимая его у общин; хочет централизовать управление округов и провинций, ослабляя всюду влияние местного элемента. Современный «гений» не находит ничего лучшего, как итти по избитой, проторенной дороге старой политической рутины, приведшей его предшественников к гибели. — А вне Германии? С грустью пишут английские газеты о том, что парламентское красноречие скоро обратится в вымершее искусство. Вяло и безнадежно совершают сменяющиеся министерства свою обиходную рутину. Голоса Кассандры раздаются все громче и громче, предвещая падение старой парламентарно-аристократической Англии. Не возвратятся уже времена Питтов[19], Фоксов[20], Каннингов[21], Кобденов[22]. Нет преемников у Гладстонов[23] и Брайтов[24], почти отказавшихся от политической деятельности; нет соперников и у ста-

реющего Дизраэли [25]. Но не одни старые партии вигов и тори издыхают от безлюдья. Нет людей и в новых образующихся политических партиях. Каких энергических борцов за новую программу выставили английские радикалы, английские республиканцы? Перед нами манифест бирмингэмского республиканского общества. Оно поднимает свое знамя «на основании принципа, по чувству неизбежного долга,— долга ко всему, что истинно, чисто и справедливо; долга к родине, долга к человечеству». Английские республиканцы в своем манифесте нападают на милитаризм и на государственную церковь, на аристократию, грабящую у народа 150.000.000 фунтов стерлингов в форме ежегодной ренты и захватившую большую часть земель; нападают на громадность числа нищих рядом с богатством немногих, на неправильное распределение имущества, на бессилие рабочих обществ в борьбе с капиталистами. И что же противопоставляют они этим общественным язвам?— Старый символ веры в свободу, равенство и братство; к этому они прибавляют веру в ассоциацию, «без которой немыслима свобода, равенство и братство», веру во «всеобщую и неизменную справедливость,— справедливость в сношениях между всеми и каждым, распространяющуюся на все разветвления общества, справедливость в международных сношениях». Но как же добыть эту справедливость? Как разъяснить настоящий смысл свободы, равенства и братства, которые, при прежнем их понимании, бросили две французские республики под сапог двух Бонапартов? Чем заменяют английские республиканцы землевладельческую аристократию? Чем устраняют они страшную неравномерность имуществ? Чем устраняют пауперизм? Неужели они могут на минуту верить, что замена королевы Виктории президентом британской республики излечит эти язвы? Где их энергические деятели? Где их ясная программа? Уж не шарлатан ли Брадлоу [26] будет их предводителем в борьбе? Разве они не видят, не слышат, что давно уже идет проповедь единственной международной программы, способной заменить старый гнилой мир новым? Но слово социальной революции пугает их. Его еще не поняли и представители рабочих обществ на Ливерпульском конгрессе. Где же усвоить его английским республиканцам? И вот они повторяют старые формулы, не разъясняя их, предлагают лечить болезнь заговорами из мистических слов, в которые не смеют вложить надлежащего содержания. И у них нет будущего; и среди них нет и не может быть государственных людей. — Их нечего искать и в измельчавших и изолгавшихся до конца политических партиях Франции. В жалкой и позорной игре уступками и личными интригами, которая шла и идет в Версале, ни одна партия, ни один кружок, ни один человек не остались верны своей программе, своему знамени. Консерваторы-монархисты провозглашали права народа, и республиканцы отвергали их; все торговали своими основными принципами из-за минутной победы, пугались

своих успехов, чуть не радовались своим поражениям и каждый день, каждую минуту выказывали свое политическое бессилие. И даже деятели вчерашней народной партии, едва вымолвят слово — высказывают бессилие своей политической мысли. Что пишет, на что надеется в своем письме к Гарибальди Феликс Пиа, крупный деятель Парижской коммуны? Он пишет о Соединенных Штатах Европы; надеется на республику такого типа, который превзошел в политической продажности и экономическом безобразии даже дряхлые монархии Европы. — Рабочий народ страдает всюду, волнуется всюду. Ясно поставлена программа рабочего государства без территории, или всемирной федерации рабочих секций, которые должны заменить все современные государства, разрушить все гнезда современного хищничества. Но эту программу не решается провозгласить ни один из современных государственных людей; она не по плечу ни одному из «знаменитых», из «гениальных» политических деятелей старого типа. Она ждет новых людей, вышедших из масс. Но она одна имеет шанс в будущем, и потому *нет* государственных людей в настоящем *и не будет*.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 ГОДА [27]

Лондон, 13[1] марта 1875 г.

Многие из наших читателей получат этот лист нашей газеты в самый день 18 марта. Другие прочтут его около того же времени. Поговорим же об этом великом дне, о его роли в истории человечества, об отблеске, который падает от красного знамени Парижской коммуны на ближайшее будущее, о луче света, который бросает пламя этой Коммуны в мрак более отдаленного будущего...

Великий день!.. Не странно ли называть великим днем зарю «третьего поражения пролетариата»?.. История человечества! — Кто помнит в пляшущем, торгующем, интригующем Париже 1875 г. те короткие дни, когда из парижской ратуши провозглашалось «социальное возрождение», «конец монополий и привилегий»? Не разметаны ли на все ветры немногие живые представители этих дней? Не сгнили ли давно изуродованные трупы остальных? Не продолжается ли империя Наполеона III в гнилой республике Тьеров и Мак-Магонов? Дозволительно ли сказать, что волна истории человечества сохранила в своих грязных современных отливах хотя бы микроскопический остаток двухмесячного эпизода, который с отвращением называют современные люди порядка «безумием и преступлениями» Коммуны? Где красное знамя социальной революции? Где пламя взрыва пролетариата? Не повторяем ли мы в честь наших друзей, наших героев, наших идолов те избитые, выдохшиеся фразы, которыми в былое время и в настоящем легитимизм прославлял и прослав-

ляет героев лурдских видений и белой лилии, бонапартизм — героев мошенничества и нежной фиалки, всякая раздавленная, забытая, окаменелая партия минувшего — своих эфемерных лилипутов-героев, своих мгновенных идолов-божков, проглоченных бессознательно гигантом истории?

Фразы? — Посмотрите на бледные лица версальских убийц; прислушайтесь к яростным воплям французской и всемирной буржуазии при одном напоминании о Парижской коммуне, и в искаженных чертах палачей, в хрипе клеветников вы узнаете, были ли так малы эти раздавленные пролетарии, которые заставляют до сих пор дрожать законодателей громадных держав, царей биржевого и промышленного капитала. — Где красное знамя социальной революции? — Оно развевается во всю свою ширину перед мыслью Мак-Магонов и Бисмарков, Дизраэли и Александров, и им никуда не укрыться от кровавого блеска этого вечно присутствующего пред их глазами, все растущего символа завтрашней их судьбы. — Где пламя взрыва пролетариата? — Оно горит все ярче, оно развивается все шире под банками и биржами в сознании банкиров и биржевиков, под парламентами и министерствами в сознании ораторов порядка и министров-фокусников. Оно вспыхивает на каждом голодном трупе, который вскрывает озабоченная полиция. Оно выставляет свои длинные языки на каждом торжестве сытых, на которое молча смотрит оборванный рабочий. И знают сытые, что нечем залить этого пламени. Знают боги капитализма и государственности, что против этого пожара не устоят никакие новоизобретенные сундуки, противостоящие «огню и ворам», никакие крепости и дворцы, охраняемые «внимательной полицией» и «верным войском». Много жертв погибло под пулями шасспо и митральез на долине Сатори, на брестских понтонах, в пустынях Новой Каледонии, но взамен каждого из погибших растут новые, более озлобленные борцы, и на чердаках дальних кварталов Парижа много детей повторяет со слов матери грозное предание Коммуны. Пляшет, торгует и интригует буржуазный Париж на улицах, вчера изрытых картечью, в скверах и парках, из почвы которых вчера торчали руки и ноги расстрелянных, в залах, вчера освещенных заревом Тюльери и ратуши, но около этого танцующего, торгующего и интригующего Парижа есть другой, голодающий и озлобленный Париж, который помнит и не забудет *великих* дней...

Да, великих дней... Трудно разглядеть в спутанных нитях истории связь между событиями. Трудно бывает иногда отличить мишурного героя минуты от скромного строителя прочного будущего. Но есть мгновения достаточно знаменательные, чтобы невозможно было их смешать с обыденным ходом вещей, мгновения, перед которыми останавливается мыслитель наравне с обыденным зрителем. Последний поражен в них резкими внешними чертами, общими со многими другими заурядными явлениями. Мысли-

тель видит в них совершающийся акт метаморфозы человечества, изредка доступной глазам исследователя.

И потому 18-е марта не может, не должно быть забыто. Потому Парижская коммуна 1871 г. врезала в истории человечества след более крупный, более неизгладимый, чем Наполеоны и Веллингтоны [28], чем Ватерлоо [29] и Садова [30].

Врезали след не люди... Они были ниже своих ролей. Врезала след не геройская борьба на баррикадах, не мужество перед пулями версальских палачей... За самые пошлые знамена люди умели биться геройски; из-за самой нелепой идеи умирали без страха мученики.

Врезала след та идея, которая бессознательно для действующих лиц воплотилась в страшной драме. Врезал след урок будущему, вынесенный из перипетий этой драмы.

Без пролетариата не могли происходить никакие революции, кроме дворцовых; а ряд цареубийств, замен одних «богопомазанников» другими, подобный тому, который дали петербургские Романовы в восемнадцатом веке, вовсе не входит в историческое революционное предание. Без пролетариата не могли происходить никакие революции, но все революции, произведенные до 1871 г., были произведены лишь с помощью пролетариата. Произвела их буржуазия, и пролетариат служил ей лишь орудием. Он бился в 1789 г. за то, чтобы Национальное собрание господствовало над королем; в 1830 г. за то, чтобы указы Карла X были отменены; в 1848 г. за то, чтобы правительство более либерального оттенка сменило правительство Гизо и К°. Конечно, пролетариат бросался в битву под давлением *своих* экономических бедствий; он искал лечения *своих* общественных язв; но он верил, что их может излечить собрание адвокатов, банкиров и литераторов; он верил, что ему следует поручить руководство революций знаменитостям, политическим докам, выработанным тем же классом, который так долго и неустанно эксплоатировал его. Если в 1848 году в правительстве имели место рабочие, то руководящая роль принадлежала не им. Если в июньские дни произошел разрыв между буржуазиею и пролетариатом, то июньские дни не успели развиться в революцию, и нам неизвестно, кого выдвинул бы июньский пролетариат 1848 года в первые ряды, если бы он одержал победу.

Революция 1871 г. *в первый раз в истории* решилась с самого начала поставить в своей главе «неизвестных людей» из народа. Парижская коммуна 1871 г. была *первою* организациею общества, во главе которой стояли Франкели, Варлены, Тейссы [31], Пенди [32], Клеманы [33] и другие работники физического труда, и при всех ошибках, при всех несовершенствах управления Коммуны они доказали, что рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чем работники интеллигенции, считавшие

до тех пор администрацию своею специальностью. Мы не имеем никакой причины восхвалять законодательство Парижской коммуны *само по себе*, как орган рабочей революции, но *сравнительно* с декретами, вышедшими из парламентов и министерств, наполненных тщательно выращенными, выхоленными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли может заслужить какое-либо порицание: переплетчики, слесаря, золотых дел мастера оказались настолько же годными для этого дела, как и воспитанники различных лицеев и специальных школ, выросшие в сфере дельцов и политиков. Парижская коммуна, в свое короткое существование *окончательно уничтожила иллюзию*, что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в отношении руководства общественными делами; иллюзию, что пролетариат на другой день после победы все-таки будет нуждаться в интеллигенции побежденных буржуа и все-таки должен будет поставить в своей главе тех, против которых восстает. Теперь можно повторить *на основании опыта* то, что можно было прежде сказать лишь на основании логических соображений: рабочий класс для своих революций и для постройки *своего* будущего общества не нуждается в людях, к нему не принадлежащих. Парижская коммуна 1871 г. провозгласила на весь мир грозную для старого общества весть: рабочий пролетариат созрел для управления своими делами; не нужны человечеству специальные администраторы, банкиры, судьи, адвокаты, учителя; из гнили этого старого мира вырос ему наследник. Революция 1871 г. была моментом, когда из личинки *четвертого* сословия выработалось *единое человечество трудящихся* и заявило свои права на будущее. Великие дни марта 1871 года были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была *первая революция пролетариата.*

Но те «великие дни», в которые пролетариат обошелся без знаменитостей буржуазного мира, принесли пролетариату и тяжелый, кровавый урок. Эти исторические дни были «третьим поражением пролетариата». Почему? — Конечно, многие причины обусловили падение Коммуны. Ей пришлось бороться со сложными компликациями событий. Пруссаки стояли перед Парижем. Пролетариат других городов Франции, привыкших итти за Парижем, был лишен самодеятельности. Пока польская эмиграция не дала Коммуне надлежащих предводителей, военное дело было организовано непростительно дурно, а потом было уже поздно: потеряно было время, и сделаны были ошибки непоправимые. Но дело не в поражении. Есть поражения, которые честнее других побед, и есть осужденные, которые всходят на эшафот истории с более высоким сознанием, что они сделали свое дело, чем сознание, с которым подымают над их головою топор палачи, выдвинутые тою же историею для их казни. — Парижская коммуна не только была раздавлена вечными врагами рабочего народа. Она не сде-

лала надлежащим образом *своего* дела. Она была «третьим поражением пролетариата» и в отношении самой роли, которую играл в ней пролетариат. Она объявила «социальное возрождение», но не попыталась даже осуществить его. Она объявила «конец старого правительственного и клерикального мира, конец милитаризма, чиновничества, эксплоатации, биржевой игры, конец монополий и привилегий», но не сделала ни одного решительного шага к их концу. Она поставила программу социальной революции, но не решилась выполнить этой программы.

Почему? — Потому что социально-революционные элементы ее были смешаны с элементами политической революции. Потому что рядом с Франкелем и Варленом среди руководителей заседали якобинцы, не пошедшие далее идолопоклонства пред Робеспьером, Дантоном и Гебером[34] (как будто Робеспьер, Дантон и Гебер могли бы думать и действовать в 1871 году, как они думали и действовали в 1792 г.). Потому что социальный вопрос, *единственный* живой вопрос нашего времени, должен был постоянно уступать вопросу политическому. Потому что пролетариат делал опять-таки *не свое* дело, прежде чем обратиться к *своему* вопросу. — Тяжелый и кровавый урок дали великие дни 1871 г. будущим революциям пролетариата: прежде всего и резче всего победоносная революция должна поставить вопрос *социальный*. Дело не в «свободе, равенстве и братстве»: дело в свободе от всякой экономической эксплоатации, в равенстве всех борцов против монополий, в братстве всех рабочих, соединенных против праздных бездельников...

И тут выступает на вид еще другой урок.

«Мир и труд!» провозглашала Коммуна в первом своем заседании. «Пусть, наконец, воцарится мир...» говорила она в воззвании к французскому народу. И это были не только слова официальных документов. Руководители Коммуны действительно пытались во все время ее существования успокоить буржуазию, примириться с ее представителями в Париже, установить мир между трудом и капиталом, между парижским пролетариатом и версальскими палачами, между обездоленными рабочими и царями биржи. — Мир?! — Да, мир есть дальняя, весьма дальняя цель социальной революции. Да, установится мир между общинами и секциями рабочих будущего общества, вся жизнь которого будет — всестороннее развитие личности и человечества. — Но где же *сегодня* элементы мира? Может ли эксплоататор, живущий потом и кровью работника, примириться с тем, что он будет лишен всех позорных средств своего существования? Имеет ли право рабочий примириться с палачами братьев? — Нет и не может быть мира между буржуазией и пролетариатом. Нет и не может быть мира между нынешним государством и «социальным возрождением». Буржуазия это знает, и государство это знает. Они *не могут существовать* при «социальном возрождении». Они и борются ожесточен-

но за свое существование. И пролетариат *должен* знать это. И он *должен* бороться, потому что и он борется за все свое будущее. Для него *мир* невозможен. Уступки невозможны. Как только Коммуна воскликнула «мир!» пред лицом своих социальных врагов, она тем самым сделала невозможным «социальное возрождение»; она подписала тогда же «третье поражение пролетариата».

И вот воспоминания, вот великое значение, вот исторические уроки Парижской коммуны 1871 г.

Рабочие не нуждаются в людях господствующих классов и могут одни создать свое общество со всеми его практическими требованиями. Рабочие имеют не только право *одни* составить человечество,— они и могут *одни* составить его.

Революция пролетариата должна быть прежде всего революция *социальная,* а союз между социальной революцией и старым якобинством ведет к самоубийству социализма.

Нет и не может быть мира между пролетариатом и буржуазией, между растущим обществом будущего и гнилыми развалинами прошедшего. Они должны бороться *на смерть,* чтобы наступил *мир* в *будущем* обществе.

УЧЕНЫЕ-АГРОНОМЫ

Лондон, 13[1] апреля 1875 г.

Есть нечто фатальное в современной социальной розни. Не только добровольно и сознательно имущие классы эксплоатируют неимущих. Не только рассчитанно употребляют они всемогущество капитала, изворотливость доставляемого богатством разнообразного знания, наконец, организованные легальные, полицейские и военные средства государственной власти для порабощения себе низших, невежественных и неорганизованных масс. Они при настоящем положении дел не могут сделать ничего в свою пользу, не разоряя большинства, не ухудшая его положения. Каждое улучшение положения имущего класса соответствует фатально новым бедствиям для народа. Тот, кто в наше время принадлежит к классу эксплоататоров-собственников, не может уже сказать себе: я не хочу вредить массам нищих-братьев, но наука и техника должны мне доставить средства личного обогащения, которые увеличат мои наслаждения, не доставляя никому страдания. Нет, законы общественной солидарности не дозволяют вам утешать таким образом свою чуткую совесть, почтенные либералы-спекуляторы! Наука и техника, направляемые вами на цели личного обогащения, неизбежно направляются и к обеднению масс. Выбирайте! Или скажите откровенно: мы хотим знания и улучшенной техники для того, чтобы помощью их господствовать над порабощенными массами, эксплоатировать их труд в свою пользу, увеличивать свои наслаждения, увеличивая их страдания.

Или отрекитесь от цели личного обогащения, ограничьтесь тою долею наслаждения, которая придется на вас при участии всех в этих наслаждениях, и употребите все свои силы на то, чтобы направить науку и технику к единственно нравственной и единственно законной их цели: к уяснению мысли и к улучшению быта масс без малейшего личного преимущества для кого бы то ни было.

Ярким подтверждением сказанного является деятельность обществ наших сельских хозяев и вопросы об улучшении сельского хозяйства, возникающие на их съездах. Вот собрание «цивилизованных опекунов» народа. Здесь сходятся члены нашего имущего класса, наиболее развитые теоретически и технически. Допустим, что из них лишь меньшинство принадлежит к позорным товарищам Бланков, к тем, которые живут лишь мыслью о предании разоренных и голодных масс в полное рабство группе крупных землевладельцев. Пред сельскими хозяевами технический ученый вопрос: как увеличить производительность земли? как увеличить доходность своего имущества? какая система обработки и сельского хозяйства вообще выгоднее для владельца? Пред мыслью техника исчезли все прочие вопросы народной жизни, экономической солидарности, социологического фатализма: пред ним абстрактный кусок земли, составляющий частную собственность и из которого собственник должен извлечь наибольшую пользу помощью изобретательности мысли его, ученого техника. Как психолог Бэн[35] и анатом Гаутон во имя абстрактной задачи дают совет палачу, как лучше мучить преступника, «не вредя мышцам и коже», и как совершать смертную казнь, «достойную современного состояния науки», так техник-агроном абстрагирует задачу, как обогатиться сельскому хозяину, нисколько даже не считая нужным спросить себя: какое социологическое значение имеет это обогащение?

Конечно, при подобной *абстрактной* постановке вопроса он решается легко и быстро. Перед нами нищие и разоренные эксплоатациею и налогами сельские общины; перед нами мелкие куски земли частных собственников, в большинстве случаев лишенных оборотного капитала; перед нами, наконец, крупное землевладение с разнообразием почвы, с большими средствами, с возможностью воспользоваться последними усовершенствованиями техники, последним словом науки. Само собою разумеется, что техник, не колеблясь, решает и может решить вопрос только одним способом: для увеличения производительности почвы, для ведения хозяйства *рациональным* образом, для увеличения «земледельческого богатства России» необходимо, чтобы мелкое хозяйство общин и беднейших землевладельцев было поглощено крупным. Надо, чтобы Россия покрылась крупными хозяйствами. Пока улучшение общинного крестьянского хозяйства и мелкого хозяйства технически невозможно — о нем нечего и думать. Вся изобрета-

тельность техники, весь научный элемент агрономии должны быть направлены на развитие крупного хозяйства там, где оно есть. Наука и техника должны иметь в виду лишь крупного землевладельца. Только ему они могут давать советы, потому что только он может воспользоваться этими советами.

Таким образом, совершенно естественно, научно общества сельских хозяев пришли к поддержке преимущественно крупного землевладения. Этот факт не укрылся от внимания некоторых беспристрастных и рассудительных публицистов, которые откровенно высказали в этом отношении замечательные результаты. Они убедились, что «специалисты» агрономии, руководящие этими обществами, именно потому, что эти специалисты дорожат «прежде всего успехами собственно *технической* стороны дела, *бессознательно для самих себя* употребляют все свое знание, всю свою силу на поддержку *одной* только формы земледельческого хозяйства», именно крупного землевладения больших капиталистов, и, следовательно, усиливают ту форму хозяйства крупных эксплоататоров, «которая и без того уже находится в более выгодных условиях сравнительно с мелким крестьянским производством». А результат деятельности наших цивилизованных агрономов выражается так: «*При существующих у нас условиях* всякое земледельческое улучшение, применимое только в крупных хозяйствах, не только не производит соответственного улучшения экономического быта массы, а даже, наоборот, понижает ренту крестьянских земель, низводя ее на худших участках до отрицательной величины, т. е. лишая известную часть крестьянского труда всякого вознаграждения». Фатально техническая цивилизация меньшинства становится орудием эксплоатации большинства в пользу немногих крупных хищников.

Это именно то заключение, которое мы указали в начале статьи. Но автор этих заметок как бы признает, что результат деятельности сельскохозяйственных обществ *мог бы* быть иным при ином их устройстве и при иной постановке сельскохозяйственной задачи. Он как будто допускает, что, решая абстрактную задачу личного обогащения, агроном мог бы притти к решению не только безобидному, но и благодетельному для большинства. Автор обращается к ученым агрономам с надеждою, что они «предпочтут сделать уступки в отношении теоретических требований своей специальности, чем служить сознательным орудием репрессии мелкого хозяйства, обеспечивающего существование огромного большинства населения». Он предлагает «в виду существующего антагонизма интересов» содействовать образованию обществ, «которые имели бы специальною целью развитие мелкого хозяйства» и в которых члены были бы ограничены «максимальным цензом», т. е. размер их имущества не превосходил бы определенной величины.

Мы полагаем, что автор увлекается здесь иллюзиею, которая

не может выдержать ни малейшей критики. В экономической борьбе мелкое хозяйство не может устоять против крупного, и при существовании рядом только этих двух форм хозяйства всякое техническое улучшение неизбежно усилит преобладание крупного землевладения и поведет к разорению крестьянства. Рассуждая на почве частной собственности, техник-агроном *должен* стать на сторону крупного хозяйства; *должен* обратиться в руках капиталиста в орудие эксплоатации; *должен* дать капиталисту средства усилить свое давление на мелких собственников и на нищие массы; *должен,* наконец, сказать прямо мелкому собственнику, что конкуренция с крупным для него невозможна и должна фатально кончиться его обеднением и разорением. Сельскохозяйственная техника, столь же мало может дать мелкому собственнику силы бороться с крупным, как механика может в параллелограме сил отклонить равнодействующую от большей, слагающей к меньшей. Для мелкой собственности конкуренция с крупной безнадежна именно во имя научных условий сельскохозяйственной техники.

Единственный рациональный исход заключается в *уничтожении* как формы крупного, так и формы мелкого частного хозяйства, прекращая их конкуренцию поглощением крупного и мелкого землевладения обработкою неделенной земли сообща, употребляя на эту обработку все улучшения, которые сельскохозяйственная техника дозволяет при обработке крупных участков. Пределы этих участков при *неделенной* земле определяются научно, по свойству почвы, а не по случайностям купли и продажи; следовательно, эти участки представят еще более удобств для сельскохозяйственной техники, чем нынешние крупные поземельные владения. Крупное землевладение должно разорить народ в пользу немногих монополистов. Мелкое землевладение должно истощить почву, понизить производительность страны и в борьбе бесцельной конкуренции должно столь же неизбежно разорить народ. Только общее пользование неделенною землею всею массою населения, с общею обработкою земли всеми наличными силами, при пособии всех данных науки и техники, с распределением продуктов по потребностям, доведет производительность земли и выгодность сельского хозяйства до максимума, а в то же время научно удовлетворит задаче социологии — улучшить до высшей возможной степени благосостояние всего населения. Современные ученые агрономы *неизбежно* служат эксплоататорам-капиталистам. Агрономы, работающие в пользу мелкого землевладения, столь же *неизбежно* ставят себе противонаучную задачу. Только агрономы, которые будут решать свою задачу на основании результатов социальной революции, могут быть одновременно и учеными и людьми.

СЛУХИ О ВОЙНЕ

Лондон, 2[15] мая.

Политический горизонт государств Европы покрыт мрачными тучами. Волнуются биржи. Курсы быстро падают и снова поднимаются. Самые разнообразные слухи о близости войны и о ненарушимости мира распространяются, сменяют друг друга и окончательно оказываются одинаково недостоверными. Грозные ноты требуют от Бельгии изменения ее законов, чтобы предупредить замыслы против драгоценной жизни Бисмарка. Русские и австрийские сыщики, не дожидаясь подобных «напоминаний», сами представляют заподозренных в столь ужасном намерении в руки прусской полиции. Поездка русского императора в Германию есть обещание мира для одних, признак близкой войны для других. Газеты Германии жаждут нового принижения Франции. Германский посланник произносит высокомерные речи в лондонском клубе. Тьер собирается совещаться с русским императором. И среди всей этой политической сумятицы, при задорной биржевой спекуляции на понижение и повышение бумаг, при всеобщих военных приготовлениях, сыплются заверения о миролюбии и дружелюбии из кабинетов Берлина, Петербурга, Лондона, Парижа, а русский император продолжает звать своих братьев на конгресс для устранения бедствий войны — в пользу завоевателя, конечно — и даже закидывает гуманное слово о всеобщем разоружении.

Волки собираются; волки сверкают хищными глазами. Конечно, дело идет о всеобщем мире, о взаимной дружбе...

И никто не верит сладкоглаголивым речам министров и государей. Слишком часто заявления о всеобщем согласии были именно предшественниками кровавой резни. Никто не доверяет и своему союзнику. Войска Италии и Австрии могут завтра так же легко делить добычу разграбленных французских городов с войсками немецкого императора, как могут итти вместе с французскою армиею против тяготеющего над Европою кирасирского ботфорта Бисмарка. Тот самый Вильгельм, который сегодня с таким радушием принимает Шувалова, Горчакова и своего племянника, может весьма удобно завтра же писать письма Августе [36], что всевышний помог ему благополучно дойти с войсками до Двины, до Шелони, до Невы. Шулера политики, рассыпаясь в ласковых словах, смотрят зорко на пальцы друг другу, зная отлично, что всякий из них передернет при первом удобном случае; и всякий из них держит за пазухой револьвер, вполне уверенный, что его добрые друзья готовы каждую минуту ограбить у него недавние продукты его передергивания. Публика же, деньги которой по фатальному процессу сыплются на игорный стол, смотрит с тупым удивлением на штуки коронованных джентельменов, глухо сознавая, что все они перебрасывают друг другу ее имущество,

ее кровь, но примиряясь с неизбежным выводом: все равно, кто бы ни выиграл в шулерской игре, ей одинаково придется платить за победу и за поражение; ее ограбит каждый из политических соперников; ее будет давить и эксплоатировать всякий император, король, президент или как бы там они ни назывались.

Конечно, мы не станем загадывать вместе с большинством буржуазных газет Европы, что имеет больше шансов в ближайшем будущем: мир или война? Мы не станем взвешивать относительное картежное искусство состязующихся шулеров, для того, чтобы узнать, кто из них имеет вероятность победить в этом состязании. Это очень мало интересно, потому что все они одинаково враждебны народам, которых история сделала их жертвою. Между всеми современными политическими деятелями нет ни одного даже настолько сильного мыслью, чтобы в видах личного интереса и личного честолюбия встать в ряды борцов за будущее и отожествить свои планы с растущими стремлениями подавленного и раздраженного большинства. Государственных людей теперь нет и быть не может, говорили мы, и это приходится повторять снова и снова. Столкновения государств потеряли даже тот интерес, который как будто имели в недавнем прошедшем. Иллюзии национальной гордости, торжества политического принципа, иллюзии, которые были связаны еще недавно с представлением о победе «своих», выказались теперь во всей их пустоте и бессодержательности. Бросая беглый взгляд на результаты войн последнего времени, приходится с некоторым удивлением сознаться, что выигрывали постоянно побежденные и проигрывали победители.

Вот перед нами Франция с победоносными кампаниями в Крыму и в Италии: ее победы принесли французскому народу усиление наполеоновской империи, усиление спекуляторского грабежа, ложную уверенность, что у Франции есть сильное войско, есть искусные генералы, есть патриотические государственные люди, уверенность, что жалкий ярмарочный шарлатан, стоявший в ее главе, есть гениальный руководитель судеб Европы, что ему за его «гениальность» следует простить и измену клятве, и убийства на бульварах, и все, все прошедшее. Эта иллюзия была так сильна, что слабодушная либеральная оппозиция, наконец, склонилась перед злодеем 2 декабря: Оливье [37] стал министром, Парадоль [38] — посланником, Лабулэ [39] — приверженцем империи. Наука Леверрье[40], Тьерри[41], Мори[42], Шевалье[43] давно уже лизала сапоги императора. Если бы мексиканская и немецкая войны были удачны, иллюзия была бы упрочена, и Франция гордилась бы ею.—Но немецкий шулер ловко передернул; французский не доглядел. Франция пала к ногам бисмарковской священной империи. Французы узнали, что их генералы — изменники или идиоты, что ни среди политических деятелей, ни среди спекулирующей и плутующей буржуазии нет патриотизма, что «гениальный император» — трусливая и идиотическая кукла в руках спекулирующих шар-

латанов. Франция узнала, что ее великие представители политической интеллигенции, которыми она гордилась, когда они были в бессильной оппозиции, могут составить лишь идиотическое и столь эгоистическое собрание представителей, которое едва ли имело себе подобное в истории, и что в этом собрании цвет интеллигенции Франции оказывается одинаково тупым и трусливым, к какой бы партии он ни принадлежал, что Луи Бланы, Гамбетты, Литтрэ[44] будут одинаково апплодировать резне французских рабочих на улицах Парижа, одинаково оставлять без протеста деятельность палачей «комиссии помилования», одинаково благоговеть пред интригами Тьера, пред тупым бессмыслием Мак-Магона. Франция не только побеждена, она унижена нравственно; но никаким иным путем она не могла бы разглядеть грязь своего недавнего прошедшего, низость и пошлость ее политических знаменитостей, невозможность ее прежних руководителей. Она побеждена, она унижена, но она выиграла понимание своего настоящего положения.

А вот и ее победительница, Германская империя. Тому лет десять ее либеральная партия еще имела какой-либо смысл, как будто имела принципы, которые защищала; ее литература критически относилась к вопросам общественным, поклонялась лишь идее. Это было время, когда Германия имела в своем прошедшем лишь поражения и унижения; незадолго пред тем Пруссия прислушивалась скромно к словам Меттерниха и Николая и сознавалась, что ее Блюхер[45] не победил бы без Веллингтона, что ей не дойти бы до Парижа без помощи Александра I. Это было время, когда немецкие шулера с грустью признавали, что шулера других стран передергивают куда лучше их. Но вот и между ними явился шулер-мастер. Бисмарк и Мольтке обчистили французских игроков и с удовольствием смотрели из Сен-Дени, как обыгранные ими мошенники избивали десятки тысяч французского народа, чтобы обеспечить себе господство за игорным столом разоренной Франции. На основании награбленных пяти миллиардов и несметной добычи расцвела священная Германская империя. И что сделалось с немецким либерализмом, с немецкою философией, с немецкими великими идеями? Вся немецкая наука, философия, поэзия повалились огулом к ногам идола в кирасирских ботфортах. Идиотское бессмыслие захлебывания военным величием Германии дошло до размеров, которые казались немыслимы. Современная немецкая публицистика по своему умственному и нравственному ничтожеству может поспорить с версальским собранием. Культурная борьба против католицизма вернула Германию к схоластике ближайших преемников Лютера. Мысль немецкая пала и падает ежедневно, ежечасно. Германия победила; она давит на Европу. Но еще не было в истории Германии нравственного и умственного падения, равного тому, которое она представляет теперь...

Перейдем в другое полушарие. До кровавой войны между се-

верными и южными штатами, демократическая (рабовладельческая) партия давила в конгрессе и в сенате Северо-Американских Штатов. Республиканская (негрофильская) терпела ряд политических поражений. Она в это время несла высоко знамя идеи освобождения порабощенных рас. Она посылала Броуна [46] поднимать рабов. Она вырабатывала Линкольна [47]. Она имела, повидимому, высокую политическую программу, служила прогрессивной идее и была способна выставить людей, соответствующих этой программе и этой идее. Она, казалось, играла заметную историческую роль в развитии человечества. И вот ей удалось раздавить врагов своих и врагов целости союза. Конфедерация пала. Демократы были побеждены, и республиканцы восторжествовали. Что же оказалось? Победители во имя идеи оказались самыми обыкновенными торговцами своими политическими правами, самыми обыкновенными грабителями побежденных штатов, самыми обычными эксплоататорами страны. Продажность, грабеж, индифферентизм к общему благу, спекуляции всевозможных видов, лицемерие в политических программах и заявлениях выказались ярче в «образцовой республике», чем даже в дряхлых государствах Европы. Победа партии освободителей негров, партии северных борцов за идею окончилась их нравственным падением и очевидным доказательством, что передовая политическая партия самого свободного государства в мире не имеет никакой прогрессивной программы, не заключает в себе вовсе политического понимания. Теперь ни один добросовестный политический идеалист не может уже указать на Северо-Американские штаты как на политический идеал. Торжество единства американского союза вызвало его историческое развенчание.

Нужно ли напоминать о крымской войне и о том, как проснулось даже наше сонное общество, наша сонная литература под возбудительным действием государственного поражения? Мы не будем на этом останавливаться, потому что слишком часто хвалители «великих реформ нового царствования» противополагали его «либерализм» и «общественное оживление» последнего двадцатилетия капральству Николая и гробовому молчанию общества в эпоху 1849 — 1854 годов. Правда, как будто проснулось тогда русское общество и как будто оказалось впечатлительнее к словам только что умершего Белинского, к звону герценовского колокола, к жгучему анализу Чернышевского и Добролюбова. Это был, точно, выигрыш от политического поражения. Но не надолго хватило в русском обществе этой полусонной энергии. Через девять лет она была исчерпана. Когда Польша была еще раз раздавлена, Катков стал богом, а Муравьев — политическим идеалом; московскому доносчику подносили символические чернильницы; виленскому палачу подписывал адрес председатель литературного общества без всякого протеста его сочленов; это общество отказывалось даже ходатайствовать публично за сосланного Чернышевско-

го. И в то время, как Чернышевский, Михайлов, Серно-Соловьевич[48] были в каторге, в то время, когда Муравьева призывали диктаторствовать в Петербург, почти вся литература огулом подписывала адрес императору по случаю «покушения» Каракозова. С тех пор история нашего общества и нашей литературы известна. При торжествующем движении «русских орлов» в глубину Азии для расширения почвы ташкентского грабежа, при ряде торжеств кн. Горчакова в дипломатических столкновениях Европы, при повторенных попытках русских шулеров соперничать в передергивании с своими заграничными братьями, все ниже и ниже падает русское общество. Биржевые и железнодорожные спекуляции расширяются и привлекают все большее число господствующих и интеллигентных классов в свои почетные состязания. Земства соперничают между собою в ничтожестве и с администрацией в воровстве. Русская адвокатура становится притчею во языцех. Представители либеральной и радикальной прессы покорно преклоняют головы и спины под повторенными и все усиливающимися ударами розог, которыми их осыпает власть. Консерваторы дерзко высказывают свои похоти и публикуют проекты всесословных волостей. Тупо смотрит общество на голодающий и вырождающийся народ, на эпидемии арестов, доносов, обысков. Традиция Белинского, Герцена, Чернышевского иссякает в пределах России. Наши ученые боязливо сторонятся от волнующейся молодежи, отрекаются от реалистического предания в пользу галлюцинаций спиритистов. — Как политическое поражение России хотя временно пробудило русское общество и сделало его несколько более чутким к слову протеста, так политическое усиление Российской империи повело к постепенному понижению русской общественной мысли. И Россия хотя несколько выиграла от первого; и Россия, очевидно, проигрывает от последнего. Политическое торжество русского правительства в возможной войне повело бы, по всей вероятности, к еще дальнейшему общественному разврату, как оно повело бы к дальнейшим притеснениям, к торжеству реакции.

Либералы и политики могут останавливаться в недоумении пред этим странным явлением. Для тех, кто видит в рабочем социализме единственное решение общественных вопросов и признает единственным путем к их решению социальную революцию, оно объясняется весьма просто.

Борьба за идею, искренняя и плодотворная, может быть в наше время лишь одна: борьба труда с капиталом, борьба пролетария с силами, создающими, поддерживающими и эксплоатирующими пролетариат. Все прочие партии, все прочие наличные силы борются и могут бороться между собою лишь за право хищничества, за удобство эксплоатации. Государство в наше время есть не что иное, как политическое орудие хищничества, обращенного всегда на свой народ, обращенного на соседей в минуту политического торжества. Всякое политическое торжество, во имя чего бы

оно ни произошло, должно привести только к разливу хищнических страстей, к большему гнету на народ и его защитников, к удобнейшей и более широкой эксплоатации побежденных, к понижению мысли в обществе, потому что ни одна партия, кроме рабочего социализма, не имеет и не может иметь программы, заключающей прогрессивную идею. С другой стороны, всякое политическое поражение, потрясая могущество побежденного государства, рассеивая иллюзию величия его правительства, открывает пред обществом действительную гниль общественной жизни, доказывает невозможность излечения общественных бедствий путем власти, созданной для хищничества, содействием людей, не имеющих другой жизненной цели, кроме хищничества, и потому самому всякое политическое поражение действует живительно на общество. Оно становится более чутким к повторенным словам рабочего социализма: ваши предводители и ваши власти — враги ваши. Они ведут вас в бой, который требует вашего имущества, вашей крови, вашей жизни, но не может ни в каком случае вести к вашему благу. Всякая борьба в наше время, вне борьбы за право труда, есть борьба не за какую-нибудь идею, не борьба патриотов, а борьба хищников за право хищничать, борьба мошенников за право мошенничать. — Те страны, которые сегодня победили, ликуют, радуясь победе. Но кто ликует в них? Те немногие, которые награбили крупную наживу. Затем ликуют те прихвостни, которые получают подачку от крупных грабителей, но эти скоро убедятся, что подачка, им брошенная, невелика. Затем еще ликует огромное число жадных паразитов, которые надеются на подачки от тех же хищников и прыгают, облизываясь и вертя хвостом, около стола, где пируют грабители. Но снова поднимаются политические тучи. Около вчерашних победоносных хищников собираются другие, готовые ограбить у них продукты грабежа. Вот раздался выстрел. Сотни тысяч валятся под картечью. Сотни тысяч мрут в госпиталях. И над этими трупами другие прихвостни ловят подачки новых «богом избранных» победителей; другие жадные паразиты прыгают, облизываясь и вертя хвостом, около новых столов, обрызганных кровью. Только тогда просыпаются вчерашние победители, сегодняшние побежденные,—просыпаются к сознанию, что добыча от грабежа прошла мимо их и оставила им только неудовлетворенную жажду хищничества и разоренье. И снова они прислушиваются к растущему реву социалистической волны: Все государства — враги народов! Все власти — хищники для себя, не дающие даже обрывков добычи тем, которые выносят их на плечах своих, которые умирают из-за этой кровавой добычи. Единственная полезная война, это — война против всякой государственной власти! Единственная справедливая победа, это — победа рабочего над его врагами!

Но господствующие классы глухи к этому зову и все надеются, что на их долю выпадет доля военной добычи. И радуются они

победам, которые неизбежно ведут к нравственному падению обществ. Плачут они над поражениями, которые приносят им горькие доказательства общественной гнили, невозможности политического прогресса.

Пусть радуются те, которым надо плакать. Пусть плачут те, которым следует радоваться.

Но какая роль социалистов-революционеров среди новых готовящихся столкновений? Какая роль проповедников рабочего социализма в минуты, когда под личиною патриотизма или политических соображений готовится новое передергивание карт коронованными шулерами?

Роль социалистов-революционеров определена их задачею. Когда они будут достаточно многочисленны и достаточно хорошо организованы, они просто скажут, в минуту объявления войны, государственным хищникам: *Мы не хотим*. Мы — войско. Мы — народ. Ваше время прошло; сойдите со сцены. Мы начинаем нашу последнюю войну, для которой нам не понадобится ни дальних походов, ни многолюдных битв, потому что, как только мы организовали и вывели в поле наше войско, враги наши обратились в ничто. Мы — всюду, и им некуда укрыться от нас. Мы — все, и им остается только положить оружие и просить нашего помилования.

Но пока социалисты-революционеры еще недостаточно организованы, недостаточно многочисленны. Они могут лишь воспользоваться войною хищников; они могут воспользоваться тем экономическим расстройством, которое всякая война вносит в общество: они могут воспользоваться явным грабежом, явным притеснением солдата, которого гонят на войну его чиновные эксплоататоры; они могут воспользоваться тем приливом новых представлений, новых понятий, которые простолюдин-солдат одной национальности найдет в чужой стране.

Они укажут работнику, лишенному работы, мелкому промышленнику, разоренному войною, на беззастенчивый грабеж народа властью для своих целей и укажут ему в союзе пролетариата верное средство остановить этот грабеж.

Они напомнят солдату, которого ведут на войну от семьи, как эта власть, которая гонит его на бойню, тиранила его еще вчера; как она унижала его пред офицерством; какие жалкие и пошлые приказы писали еще вчера какие-нибудь Николаи Николаевичи старшие, чтобы тщетно пытаться не допустить до него, солдата, слова правды, чтобы сделать его орудием своего хищничества, палачом народа. Они укажут ему на грабеж командиров, на грабеж в госпиталях, и когда он остановится, измученный, на привале или в лагере, когда он, голодный и оборванный из-за воровства интендантств, захочет отвести душу в насмешливой песне над идиотом-генералом, над грабителем-полковником, они подскажут ему, что ему не насмехаться надо над врагами своими и врагами народа,

что ему надо стать братом и товарищем народа, надо быть готовым отдать свое оружие и свою силу на великую борьбу пролетариев.

Когда же солдат придет, союзником или врагом, в чужой город, где уже кипит борьба между рабочим и капиталом, они сведут его с борцами за пролетариев; они дадут ему послушать речь рабочего, у которого один враг — капитал, у которого одно отечество — всемирный союз работников; они скажут солдату, что именно он, пролетарий, погнанный на бойню из-за хищничества венчанных шулеров; именно он, кому внушали вражду к народам, страдающим, как страдает и его народ под бременем капиталистического и государственного хищничества; именно он обязан вступить в братский союз пролетариев всех стран противу всех разбойничьих властей; именно он обязан принести с собою на родину семя всемирного братства пролетариев, семя всемирной борьбы народов против их эксплоататоров.

Война или мир, социалистам-революционерам все равно. Они должны делать *свое* дело. У них дома и в походе *один* враг, присутствующий *всюду* и против которого они должны бороться *всюду*.

Факты буржуазной истории, война или мир между коронованными хищниками суть лишь разнообразные случаи для этой борьбы. Социалисты-революционеры должны пользоваться этими фактами для *своего* дела, для пропаганды социальной революции.

Они готовят и будут всюду готовить свою великую последнюю войну. В *этой* войне победа не принесет за собою нравственного падения, потому что это будет победа труда и правды.

ГОТОВЯЩИЙСЯ ПРОЦЕСС

Лондон, 13[1] июня 1875 г.

До нас доходят слухи, что знаменитая комиссия Слезкина — Жихарева [49] кончила свой доклад; что она скоро закроется (конечно, чтобы возродиться немедленно для пожирания новых жертв); что составлен уже обвинительный акт, обвиненные разделены на категории и что скоро начнется суд над сотнями, чуть ли не тысячами нахватанных и заключенных мужчин и женщин; над студентами и простолюдинами; над теми, которые смело вызывали народ к восстанию противу его врага — государства, и над теми, которые попались с обрывком запрещенной книжки; над теми, которые виновны в желании учить рабочих, не взяв на то дозволения; виновны в том, что предпочли черную работу среди народа хищнической деятельности; виновны в том, что были знакомы с опасными людьми; в том, что возмущались при виде эпидемии арестов и шпионства; в том, что сочувствовали голодному, подавленному народу...

Скоро начнется суд... Конечно, газеты не осмелятся сообщить ни одного слова, вне просмотренного и дозволенного отчета, из которого будет выкинуто все живое, в котором будут целиком приведены лишь слова подлой лести адвокатов пред подозрительною властью и слова оскорбления несчастным, заранее осужденным, если в них осталось сколько-нибудь энергии и решимости стоять за свое дело. Этот искаженный отчет будет *официальным* историческим документом вечно лицемерной, вечно лгущей империи Александра. Но мы надеемся, что наши друзья дадут нам возможность сообщить нашим читателям и *действительные,* неофициальные факты процесса; дадут возможность еще раз обличить казенную ложь и верноподданическое лицемерие лакеев русского императора.

Скоро начнется суд... Уже не снова ли знаменитого Чемадурова [50] мы увидим во главе его? Дадут ли старым, уже опытным прокурорам прибавить новые слои вонючей грязи к тем старым слоям, которые так художественно облепили их? Или новое поколение честолюбивых борцов на арене лжи и низости намеревается превзойти своих предшественников? Кто удостоится царского плевка, назначающего его членом этого судилища, в котором каждый судья — подлый лакей, каждый судья — палач, каждый судья — враг своей родины в угоду грязному, трусливому императорству? Кто эти смелые витязи чинолюбия и лакейства, собирающиеся этот раз вписать свои имена на странице, до которой нельзя дотронуться, не запачкав рук, не заклеймив навсегда своего будущего, не отрекшись пред современниками и пред историею от всего сколько-нибудь похожего на название честного человека? Кто намерен принять участие в комедии поругания правды? Кто собирается клеймить позором друзей русского народа? Кто облизывает себе губы при мысли о царских милостях за измену России? — Мы готовы записать имена ваши, господа прокуроры-сыщики, господа судьи-лакеи!

Скоро начнется суд... Можно предвидеть уже, какое безобразное целое создадут обвинители из разнородных данных, которые получены из следствия над тысячью личностей, захваченных в сотне разных местностей, при совершенно различных условиях,— личностей, различных по характерам, по развитию, по общественному положению; личностей, из которых даже самые энергические, самые «преступные» в глазах сыщиков, палачей и царских лакеев действовали не сообща, не под влиянием какой-либо единой — к сожалению, еще не существующей — организации, но соединены были лишь одним общим сочувствием голодному, страждущему народу, одною общею ненавистью к хищному правительству-вампиру, сосущему кровь из жил русского рабочего, существующему лишь для увеличения бедствий народных, для противодействия всякому прогрессивному движению в России. Мы уверены, что прокуроры-сыщики с особенным искусством обоб-

щат ошибки и неудачные приемы одних подсудимых, чтобы возвести эти ошибки и неудачные приемы в общую характеристику движения. Немногих слабодушных, разбитых заключением и пытками, они выставят как представителей всех разнообразных «преступных» групп. Случайные увлечения неустановившихся молодых натур они выставят как господствующие принципы партии борцов за будущее русского народа. И все сплетни пустоголового общества, все признания измученных физическими и нравственными истязаниями жертв, все худшие случайности разнообразной борьбы тысяч людей соберут они, чтобы забрызгать грязью лучших и самых энергических представителей движения, чтобы подавить их клеветою, ложным истолкованием их побуждений и их деятельности. Чистые будут объявлены солидарными с менее чистыми, действовавшими за тысячи верст от них. На лучших возложена будет нравственная ответственность за дела наиболее слабодушных.

За изобретательностью клеветы, за изворотливостью лакейских обвинений, конечно, дело не станет. Целые потоки грязи постараются эти палачи вылить на чистое знамя борцов за русский народ. Те, которые никогда не побледнели бы пред опасностью каторги и виселицы, могут побледнеть пред недостойною клеветою, которою постараются замарать дорогое им знамя, их чистую деятельность. Но пусть они спокойно глядят в будущее. Их оправдает оно; их оправдает история. Да и в настоящую минуту свободная русская пресса за границей найдет возможность защитить их от оскорблений и обличить их бессовестных обвинителей-лакеев.

Всего менее для своей защиты они могут положиться на своих официальных защитников. Несчастные жертвы недоразвитости русского общества, номинальные органы свободного слова там, где нет и не может быть никакой свободы слова, номинальные служители правды в государстве, где все основано на лицемерии и насилии, — наши пресловутые адвокаты занимают положение, на котором, как мы уже говорили, они могут иметь лишь будущность знаменитых говорилок и будущность профессии, выгодной в материальном отношении. Представителями общественной идеи, защитниками общественной правды, борцами за лучшее будущее своей родины они сделаться ни в каком случае не могут. Они обречены фатально на то, чтобы тратить свои замечательные иногда таланты и знания на мелочь жизни и на эгоистические цели своего личного возвеличения и обогащения.

Они не могут даже помочь своим клиентам в процессе, подобном тому, который готовится. Читатели найдут в этом номере газеты сведения о процессе итальянских интернационалистов и могут по немногим данным судить о разнице в этом отношении нашей адвокатуры от адвокатуры даже такой страны, как Ита-

лия, которая далеко не играет в настоящую эпоху руководящей роли в историческом движении мира.

Мы не говорим уже о том, что итальянский адвокат *мог* защищать Интернационал, на что не решился бы и не мог решиться ни один из знаменитейших и либеральнейших «защитников правды путем свободного слова» в пределах России. Но защитник итальянских социалистов мог прямо требовать от имени своего клиента *высшей меры наказания,* мог объявить от имени его *вражду государству* и презрение к помилованию со стороны учреждения, олицетворяющего, в глазах его клиента, общественное зло. Защитники в этом случае не отличались особенным талантом, да не были вовсе и знаменитостями европейской адвокатуры. Но в своих не особенно хитрых речах они сумели спасти для своих клиентов то, что должно быть всего дороже общественному борцу, именно чистоту и величие идеи, за которую боролись их клиенты; и эти клиенты, выходя из суда под ударом жестокого, варварского приговора, могли итти гордо и радостно. Они шли мучениками за то, во что верили, и не допустили ни одного пятна лечь на знамя, которое несли в общественный бой.

Наши адвокаты не могут, вероятно, и по внутреннему убеждению стать на эту точку зрения; но если бы кто-либо из них и способен был на подобную «неблагонамеренную» мысль, то он не мог бы этого сделать фактически, не рискуя очутиться в объятиях жандармов немедленно по окончании своей речи, а может быть, и до окончания ее. Наш адвокат может лишь, в виду воображаемой пользы клиента, умалять его достоинство по возможности, унижать его нравственно, ползать у ног власти, восхвалять отсутствующую «правду и милость» в судах и подпускать искусно прикрытые изворотливым словом либеральные шпильки прокурору и судьям, которые давно облекли свою атрофированную совесть тройными обшивками из кожи носорогов или даже из железа мониторов,— прокурору и судьям, которые слушают речь красноречивой говорилки со столь же объективным спокойствием, с каким слушают пение Патти или шансонетку Жюдик [51], и рассчитывают, какую награду они получат к грядущему празднику за добросовестное оклеветание подсудимых в обвинительной речи или за столь же добросовестный лакейский приговор *по указаниям свыше*, который или готов уже, или будет им сообщен в последнюю минуту, но в котором речь адвоката, показания свидетелей, объяснения подсудимых, народные страдания, общественные вопросы, благо родины, честность и правда — играют столь же мало роли, как надежда подействовать на этих судей патетизмом и аргументами играет мало роли в красноречивых переливах слова растроганного защитника.

Весь ожидаемый процесс есть не более как оборона испуганного хищника-правительства против растущего общественного неудовольствия, против разлива социалистической пропаганды,

против опасности, грозящей ему от социального переворота. Весь суд есть комедия с плохими актерами. О правде нет в нем и речи, и все знают это. Виновны ли *эти* подсудимые? Нарушен ли ими существующий закон? До этого никому дела нет. Для паники русского правительства нужны жертвы — и они падут. Для лицемерия русского правительства нужен формальный приговор, обставленный всеми внешними признаками легальности, и он состоится со всеми приличными церемониями, с надлежащим числом лакейских статистов для самых грязных ролей, с формальностью фехтования между прокурором и адвокатами, с формальностью тысячекратного обращения к «правде и милости в судах», с возвеличением «правосудного правительства», «благодетельных реформ настоящего царствования» и т. д. и т. д. — И когда суд произнесет свой приговор; когда самые энергические подсудимые обратятся в осужденных мучеников; когда другие, «по суду оправданные» или подвергнутые легкому взысканию, будут милостиво отправлены в ссылку административным порядком; когда комедия будет сыграна, а актеры-лакеи удостоятся высочайших наград за свои роли лакеев и палачей, тогда испуганное правительство оглянется на минуту, воображая, что жалкая комедия достигла цели. «Враги мои забросаны грязью, — скажет оно. — Они запуганы варварством приговора. Большинство их изловлено. Я могу быть спокойным».

И оно ошибется.

Грязь упадет толстым слоем не на врагов его, а на его пособников и лакеев.

Не запугать ему настоящих борцов за правду, за народное освобождение. При своей панике оно хватает сотни, заключает тысячи, но и десятая доля захваченных и заключенных не состоит из его настоящих, выработанных врагов, из тех, которые составляют *душу* дела. Из *этих* врагов еще очень, очень немногие схвачены. А из случайно захваченных и заключенных лишь часть выходит запуганною, разбитою, неспособною на дальнейшую агитацию. Другая часть, измученная и раздраженная физическими и нравственными истязаниями, выносит из погрома лишь большую решимость бороться противу злобных врагов, большую ненависть к этим врагам, чем чувствовала до того. Можно было раздавить прежние движения, когда программа их была неясна, неопределенна, когда девизами агитаторов служили бессодержательные громкие формулы либерализма и когда слишком часто агитатору приходилось во время самой агитации сознаваться, что он сам не знает, какая реальная суть скрыта в блестящих словах его девиза. Теперь — дело иное. Цели движения совершенно ясны и просты. За его девизом скрыто вполне определенное экономическое и нравственное содержание. Свобода рабочего социализма не есть старая политическая свобода, допускавшая рабство пролетария пред капиталом. Социальная революция не может быть похо-

жа на старые политические революции, при которых вопрос был о том, *кто* будет властью. Социалистическая справедливость не имеет ничего общего с изворотами старой легальности. Настоящие борцы за рабочий социализм, за социальную революцию всегда остаются на реальной почве, всегда проверяют свое стремление к общественной правде реальными явлениями жизни в ее целости, и они не разочаруются, не испугаются, не утомятся. Число врагов правительства не уменьшится от этого процесса и от приговора, каков бы он ни был, но возрастет. Если приговор будет варварский, он увеличит мартиролог борющейся партии и одушевит ее будущих борцов не только мыслью о правде, но еще чувством мести. Если он будет снисходителен, то борьба не ослабнет, потому что мы боремся не против *варварского* правительства, не против *дурного* правительства, а против *правительства вообще*, каково бы оно ни было. Не может подкупить нас милость от тех, которых право быть милостивыми столь же возмутительно, как право быть палачами. Не может смягчить нас кажущееся правосудие со стороны тех, самое существование которых есть бесправие. Борьба началась и будет продолжаться неутомимо, неумолимо, с неизбежными жертвами, с решительным подготовлением минуты, когда рухнет, наконец, все это здание императорского и капиталистического бесправия и хищничества.

Правительство не будет иметь причины успокоиться. Шире и шире идет пропаганда в народе. Идет она путем революционной агитации. Идет она еще больше путем беспрестанных притеснений, беспрестанных оскорблений, беспрестанного грабежа народа со стороны господствующих классов. Идет она даже такими путями, которые казались бы мало вероятными. Вот пензенский губернатор пишет в своем образцовом показании (приложение II к «Докладу» валуевской комиссии, стр. 15): «Солдаты, не успев в краткий (?) срок службы усвоить все требования строгой дисциплины, вносят в сельское общество *идеи свободы и равенства* (!), выражающиеся в грубом неуважении к старшим». Можно ли было ожидать, что даже армия станет бессознательным орудием революции в глазах высших органов русского правительства?

Да, готовящийся процесс, готовящийся (а может быть, и изготовленный уже) приговор не должны успокоить русского правительства. Дрожит земля под его ногами. Все дальше просачивается революционный яд. Не дремлют и не унывают враги его.

НАША СИЛА

Лондон, 27[15] июня 1875 г.

Повидимому, консервативные силы в русской литературе собираются вести открытую войну против социально-революционной пропаганды в России. Перед нами несколько номеров появившей-

ся в начале года в Петербурге газеты «Русский Рабочий», иллюстрированной английскими картинками и полной английской фарисейской поучительности. Последние номера газет принесли известие о зарождении подобного же издания и в Москве. Хамелеон — «Голос» — говорит о необходимости поддерживать деятельность «Общества для распространения св. писания в России» для того, чтобы противодействовать распространению «массами» изданий, «враждебных истинным интересам общества и народа». «Санкт-Петербургские Ведомости» в своей последней, третичной, баймаковско-усовской [52], форме помещают фельетон с очерком любовных несчастий и гражданского раскаяния русского революционера, ходившего «в народ» и которому опротивело это дело. И в европейских буржуазных газетах появляются корреспонденции из Петербурга, явно направленные против «Вперед». Одна из таких корреспонденций помещена недавно в берлинской «Национальной Газете». Наконец, «Московские Ведом.», этот старинный ковчег русского консерватизма, поместили в № 137 письмо г. Щербаня [53], вполне посвященное нашей газете. Консерваторы собирают свои силы на литературном поле, надевают свои древние доспехи; с одной стороны, направляют «в народ» свои иллюстрированные и поучительные листки, с другой — поучают интеллигенцию России и Европы в публицистических статьях и в беллетристической форме, в корреспонденциях на русском и на иностранных языках. Добро пожаловать, храбрые витязи старого мира! Дайте посмотреть на себя.

Надо признаться, что не в казистом виде выезжаете вы на бой. Перержавело ваше оружие, охромели ваши кони, да и силы-то ваши не прежние. Что за дрянная, дряблая, даже вовсе не русская проповедь на листах «Русский Рабочий»! Точно переряженная английская методистка в сарафане. Нет, этому картонному щиту не устоять против копья социализма. А что сказать о защите помощью библии? Ну, этот конь едва дышит: так его изъездили. Еще недавно пробовали на нем кататься и социалисты, но бросили по негодности. Погарцуйте еще на старушке, господа консерваторы! Оставим в покое и нового наездника в органе гг. Баймакова, Усова и комп.; на этот несчастный орган такая уж полоса нашла, что он возбуждает лишь жалость.

Но «Московские Ведомости»! И еще давно известный Щербань! Что же? Мы ему очень благодарны. Он для нас немало потрудился и написал для «Вперед» премилую рекламу. Даже чуть ли не о всех изданиях наших объявил. Выбрал очень милые цитаты на пользу читателей газеты г. Каткова. Да еще предлагает в «Правительств. Вестнике» перепечатывать наши «наиболее характеристические заявления». Это было бы очень, даже очень недурно. А ведь он воображает, что оно было бы и не весть как ехидно! Мы-то бьемся о наибольшем распространении наших изданий. Наши друзья ежедневно рискуют для этой цели. А добродушный

г. Щербань просит русское правительство помочь нам! О, г. Щербань! Вашими бы устами да мед пить. Да не вашего разума это дело!

Эх, Михаил Никифорович![54] Распустили вы вашу газету. Совсем распустили. Было и ваше времечко, но уже давно поговаривать стали, что вы мозгом пооослабели. Оно, должно быть, действительно так. Ну, что сделалось из «Московских Ведомостей» со смертью вашего второго я, г. Леонтьева! Неужели у вас ни одного порядочного сотрудника не осталось? Хороши же русские консерваторы, когда и на «Московские Ведомости» нехватает у них таланта. Вот хоть бы статья г. Щербаня. Мы-то ей уж очень довольны, но как вы думаете, похвалил ли бы ее г. Леонтьев?..

А впрочем можно бы спросить у него самого. Нынче ведь время спиритизма, и духов вызывать — дело обыденное. Они приходят, как известно, и сами, даже к знаменитым зоологам и химикам. Ну, вот, в один прекрасный вечер «материализуется» в редакции «Московских Ведомостей» покойный Леонтьев и испугает он своих недавних товарищей замогильною речью в роде следующей:

«Братья! За что вы мучите меня на том свете своею бестолковостью! Я ли не воспитывал в вас дух художественной клеветы, иезуитского доноса и нахальной выдумки! Разве так пишут про врагов? Разве так обзывают их? — Как? Вы допускаете «целую современную революционную литературу» и у нее «безукоризненную внешность», «богатство материала», «обширные связи с Россией»? Вы сообщаете читателям добродушно, что редакция социально-демократического органа не имеет причины жаловаться на недостаток сочувствия в русской молодежи и в русском народе. Вы забываете в большинстве случаев обязанность искажать выписки, делаемые из сочинений врагов, обязанность, лежащую на всяком добропорядочном литераторе нашего кружка. Вы даже — о, ужас! и трикраты ужас! — перепечатываете слова врагов о «жалком правительстве»? Да понимаете ли вы, бестолковые ученики мои, что вы могли перепечатать всевозможные ругательства правительству, но сообщать читателям, что его считают «жалким» — не свирепым, не страшным, не внушающим ужас и трепет, а внушающим жалость и презрение, — это самая жестокая ошибка, это хуже преступления... И вы еще наивно сообщаете, что вы «не имеете понятия» о кружке лиц, издающих «Вперед», что «имена составляющих его лиц» вам «неизвестны». О, бестолковые, сто раз бестолковые ученики мои! Так ли я учил вас? Неужели мне и во гробе не будет покоя? Неужели мне придется доставлять вам через медиумов статьи для «Московских Ведомостей»? Неужели мне придется постоянно матерьялизовать свою руку, подобно китаянке Жэкэ[55], и писать вам статьи, которые вы разучились писать?

Надо было внушить читателям, что приверженцы социаль-

ной революции ненавидят правительство, но трепещут перед его могуществом и его проницательностью; что их ужас пред ним и пред консерватизмом — которого вы, конечно, единственные представители — проглядывает в каждой их строке, в каждом ругательстве, изрыгаемом их изданиями, которые так безобразны по самой внешности, что до этих изданий нельзя дотронуться без перчаток; что, взяв их в руки и в перчатках, приходится сто раз опрыскиваться духами, прежде чем вытравишь из них отвратительный запах «эмигрантской агитации», их проникающий. Надо было внушить читателям, что корреспонденции во «Вперед» пишутся из Муромских лесов отвратительными людоедами, которые только что объелись трупами архимандритов и губернаторских помпадурш. Надо было сказать, что журнал издают хорошо известные вам по именам беглые каторжники, которые воруют на улицах Лондона в масках с отравленными кинжалами, роют подземный проход в лондонский банк, собираются взорвать на воздух все столицы; что они составляют воровскую ассоциацию, которая подучила брать взятки даже столь почтенного человека, как ваш друг и сотрудник Маркевич [56]; что они, как вам досконально известно, произвели взрыв в Риджент-парке, участвовали в сожжении Моршанска, в потоплении Тулузы, выпускали фальшивые векселя на Солодовникова, свалив это потом на почтенную игуменью Митрофанию [57]; что они украли все деньги, которые доброе правительство и народолюбивые консерваторы послали в изобилии в Самару и в Тирасполь; что они сталкивали поезда с железных дорог; что они от имени эдинбургского университета будто бы приглашали Циона [58]; что они всюду грабили, жгли, воровали, убивали и пожирали свои несчастные жертвы...

Только так можно писать о врагах, а вы что сделали? Вы возбудили любопытство людей, которым никогда не пришлось бы, может быть, и посмотреть на «Вперед». Вы доставили этим злодеям нашим читателей в кружках, куда «Вперед» не мог проникнуть. Вы выказали их силу перед нашим дряблым обществом, которое только и уважает, что силу. Вы выказали прямо бессилие нашего правительства в борьбе с агитаторами, когда общество наше боялось правительства только из опасения его силы. Или вы думаете запугать общество новым красным призраком и доставить себе новый период господства, как в 1863 году? О, жалкие, бестолковые ученики! Тогда мы с Катковым умели писать и редактировать, а теперь никто из вас и написать-то ругательную статью не умеет: где же вам попасть хоть на час в предводители общества, которого не могли возмутить ваши доносы, но которое отвертывается от вашего бессилия, от вашей бездарности! Увы и трикраты увы! Прошло время наше. Вами поставленные редакторы только губят свои издания. Ваши честнейшие сотрудники уличаются во взяточничестве. Ваши статьи становятся все хуже и пошлее. Вы перестали понимать даже дело худо-

жественного доноса, над которым мы столько трудились с Михаилом Никифоровичем. Пригласите лучше в сотрудницы китаянку Жэкэ...»

Так будет поучать дух Леонтьева своих растерянных преемников, но мы заступимся за т. Щербаня и за его статью, которую китаянке Жэкэ никогда не написать бы. Конечно, эта статья составлена очень наскоро, и, очевидно, г. Щербань более знаком с каталогом книгопродавца Штура, чем с реальными изданиями заграничной прессы. С ее же историею в десятилетие 1863—1873 годов он вовсе незнаком. Ну, да этого и не требуется. Он не прочь при случае исказить смысл цитируемых им слов; но и это совершенно в порядке вещей в том органе, где он постоянно участвует. Мы готовы даже исправить некоторые — лишь некоторые — его промахи. Есть между ними и довольно забавные. Он уверяет, например, что мы «жалуемся» на «русскую либеральную партию» за то, что она не имеет энергии для борьбы. Бедный г. Щербань еще не выучился даже понимать термины настоящего разделения партий, не говорю у нас, в России, а вообще в Европе, с которою ему следовало бы быть более знакомым, если бы всю редакцию не поразил старческий маразм. Прочтите, милый публицист, первую попавшуюся европейскую книжку о современных партиях, и вы узнаете, что социалисты никогда и нигде не могут «жаловаться» на недостаток энергии в либеральной партии, что они могут только *радоваться* этому недостатку, как облегчающему им их собственное дело. Социалисты-революционеры — враги либералов повсюду. Вы этого не знали, милый публицист? Поучитесь...

Мы готовы добродушно поправить и вашу другую ошибку, вполне уверенные, что вы ее сделали невольно, на том основании, что *в ваших сферах* совершенно естественно думать, как вы думаете. Вы пишете о нашем издании, что «выпускающий его кружок обладает большими денежными запасами». Вам представляется, — и это, повторяю, совершенно естественно в *ваших* сферах, — что компания капиталистов составила довольно солидный фонд и приступила к делу, предварительно его обеспечив. Оно так обыкновенно делалось и делается у вас в мире капиталистической конкуренции. Но на этот раз вы ошиблись, и мы нисколько не находим нужным скрывать полного отсутствия у нас «больших денежных запасов», потому что в этом обстоятельстве наша сила, в нем ручательство нашей жизненности, в нем контроль, который, независимо от нашей воли, существует для нас самих и для всех наших соотечественников в том, что мы выражаем не мнение какой-нибудь личности, не мнение маленького кружка, но стремление довольно значительной части русского общества. Вам это кажется парадоксом, а оно так.

Социально-революционная партия в России еще так недавно возникла, и организация ее еще настолько недостаточна, что она

не смогла бы еще составить «больших денежных запасов». Эти «большие запасы» могли бы получиться лишь от нескольких капиталистов-агитаторов. Подобная опора для социально-революционного издания была бы сама по себе элементом слабости. Кроме того, если бы существование издания было обеспечено в материальном отношении небольшим кружком личностей, то наше дело вообще было бы крайне шатко и подчинено случайностям. Правительство русское в своей слепой погоне за врагами могло бы случайно попасть и на те личности, на которые опиралось бы в подобном случае наше дело. Одни могли быть погублены, другие запуганы, третьи просто увлечены обещаниями и искушениями. И дело бы пало. С другой стороны, лица, ведущие самое издание, если бы они имели в руках большие денежные запасы, могли бы поддаться личным увлечениям и поддерживать дело, не имеющее никакого основания в потребностях и стремлениях передовой части нашего общества. Это были бы декламации в пустыне, эволюции литературного штаба, за которым не было бы армии. И читателям крайне трудно было бы судить, насколько нужна и насколько имеет реальной почвы партия, может быть, и малочисленная, но имеющая в руках орган и пользующаяся им для придания себе вида жизненности и силы. С деньгами в подобную игру можно играть довольно долго и довольно успешно. В этом случае сами публицисты легко подчиняются иллюзии и воображают, что они поддержаны обществом, когда они поддержаны лишь материально — возможностью печатать свои мысли.

Наше положение совсем иное. Издания наши существовали и существуют на средства, притекающие к нам из русской социально-революционной партии, собираемые по грошам от людей, у которых мало денег, которые сами едва могут существовать, но которые дают нам долю своих скудных средств, потому что видят в этих изданиях выражение *своих* стремлений, *своих* убеждений. «Больших запасов» составить они не могут, но зато пока будет в России социально-революционная партия, пока мы будем выражать ее программу и ее стремления, до тех пор средства у нас *будут*. Усиление социально-революционных изданий, их сносная внешность и возможность доставить им сносное содержание есть вернейшее средство для наших читателей и для нас самих проверять силу социально-революционной партии в России. Правительство могло бы словить или искусить трех-четырех агитаторов, которые вели бы издания на свои средства. Оно бессильно против тысяч бедняков, посылающих свои гроши на дело, которое считают нужным. Издатели могли бы увлечься *своею* фантазией, если бы они имели в руках «большие денежные запасы». Они сели бы на мель через полтора месяца после первого «увлечения» при настоящем положении дел, потому что не нашли бы поддержки в партии. Вот почему недостаток «больших запасов» составляет нашу силу. Мы *знаем*, что наше дело опирается на сочувствие

значительного числа наших товарищей в России; *знаем,* что каждый миг нашего существования есть свидетельство факта, что сотни людей откладывают гроши своего тяжелого заработка для того, чтобы звучало русское слово призыва к социальной революции; *знаем,* что когда мы пойдем по ложной дороге, когда увлечемся своей фантазией, а не настоящим русским революционным делом, мы окажемся сейчас бессильны и одиноки, сделаемся жалкими проповедниками ненужного слова отсутствующим слушателям; *знаем* и то, что, пока мы говорим, как должно, никакие бешеные ловли правительства на революционеров не подорвут наших друзей, потому что они не два-три богача-агитатора, они не в двух-трех местах, они — всюду, где молодые сердца бьются любовью к народу и ненавистью к его притеснителям; всюду, где полуголодный пролетарий интеллигенции может уделить грош из того, что у него есть в кармане, для дела, которое составляет его лучшее убеждение. И мы *знаем,* что, если мы будем делать надлежащим образом наше дело, завтра мы будем еще сильнее, потому что сегодня мы говорим лишь с сотнями или тысячами агитаторов из нашей интеллигенции, завтра мы будем говорить с сотнями тысяч народа. А когда *он* услышит нас, когда *он* не случайно, не единицами, а массою усвоит задачу социальной революции, тогда эту силу ничто не сломит, и она победит.

Вот почему мы, начиная наше издание без «больших денежных запасов», но с крепким убеждением, что говорим «нужное слово», решились сказать на первой же странице: «Это не дело лица, это не дело кружка, это — дело всех русских, сознавших, что настоящий политический порядок ведет Россию к гибели, что настоящий общественный строй бессилен исцелить ее раны».

Вот почему мы говорили тогда: «Много ли нас, мало ли нас — сочтете в день настоящей борьбы».

Мы не знали тогда числа наших товарищей, не знаем его и теперь. Начиная дело с ничтожными средствами, мы говорили себе: наше существование должно служить доказательством того, что нас много, потому что без этого мы не можем просуществовать и нескольких месяцев.

Прошло более двух лет. *Мы существуем.* Злейшие враги наши должны признать, что за нами есть сила. Они не могут себе представить ее иначе, как в форме силы капитала. Они ошибаются. Наша сила значительнее силы капитала, которого у нас нет. Это — сила сочувствия всех врагов настоящего хищнического порядка. Это — сила убеждения в необходимости социальной революции для спасения народа русского.

Пока нас поддерживает это сочувствие, это убеждение, до тех пор наши враги бессильны против нас. Какие бы меры ни предлагали реакционеры, это для нас безразлично. Будут ли они молчать, как молчали до сих пор, это не остановит тайной пропаганды, и тысячи листов наших понесут в самые далекие углы Рос-

сии проповедь социальной революции, о которой не смеют говорить бледные от страха и ненависти враги наши. Будут ли они бороться с нами явно в печати, искажая наши слова или передавая их точно с целью напугать собственников и торгашей, кулаков и эксплоататоров, они будут писать лишь рекламу в пользу нашу, разносить наше слово дальше, чем оно могло бы попасть без того, и рядом с возмущенным и испуганным чиновным или биржевым паразитом это слово прочтут десятки свежих голов, которые отзовутся на это слово пробуждением мысли, решимостью действовать. Клеветы на нас бессильны в той среде, которая одна может быть для нас восприимчива. Правда о нас может лишь усилить нас. Гонение против наших товарищей может только раздражить уцелевших. Средств существования наших изданий враги наши уничтожить не могут, потому что бедняки всегда найдут грош для поддержки слова, звучащего их убеждением, для поддержки дела, от которого они ожидают спасения для народа русского.

Мы сильны не богатством — его можно отнять.

Мы сильны потому, что мы *всюду*...

Мы говорили это тому два года, внутренно убежденные, что оно *так*. Мы повторяем это теперь, убежденные в этом тем самым, что мы *просуществовали*.

Мы всюду... Ищите нас... *Мы всюду*... Боритесь с нами. — Мы всюду; с нами все живое... И этим мы победим вас, хотя у вас есть капиталы, а у нас нет.

Петербургский корреспондент берлинской «Национальной Газеты» пишет, что деятельность «Вперед» бесплодна, потому что теперь все злоупотребления в России подвергаются открытому суду (!), пресса свободна от цензуры (!!!) и незачем посылать за границу корреспонденции с обличениями, которые могут быть помещены в газетах, издающихся в пределах империи. Этот жалкий лепет лакея-корреспондента достаточно повторить, чтобы судить о том, из какой тины выползло это пресмыкающееся. Эта статья доставила нам одно удовольствие: она вызвала нам привет берлинского органа рабочих-социалистов, которому мы тоже посылаем братский привет на общем поприще социальной революции. Что касается до бесплодия деятельности «Вперед», то, конечно, эта деятельность была бы бесплодна, если бы ограничивалась той сферой случайных обличений и обвинений, которая одна понятна петербургскому корреспонденту берлинской газеты. Но наши цели иные. Мы боремся не против частных злоупотреблений, которые обличаем иногда лишь попутно. Мы боремся не против тех «преступлений», за которые обвиненных сажают на скамью подсудимых пред нынешними прокурорами под защитою нынешних адвокатов во имя нынешних кодексов легальности. Мы боремся против общего неизбежного зла настоящего порядка вещей. Мы призываем к суду социальной революции преступников.

которые идут с поднятою головою воровать на биржи; преступников, которые убивают рабочих истощением сил на фабриках и на железных дорогах; преступников, которые ограбили у народа обширные поместья, составляющие их «священную собственность»; преступников, перед которыми ползают чиновные лакеи и увенчанные звездами паразиты; преступников, которые сосут кровь миллионов своих подданных и носят на головах обрызганные этою кровью короны. И потому деятельность «Вперед» была бы бесплодна лишь тогда, когда бы он не умел возбудить к себе сочувствия между врагами нынешнего общественного порядка, когда бы он не умел внушить читателям своим отвращения к тому хищническому строю, против которого вызывает «крик мести народной» автор стихотворения, вслед за этим помещаемого[59].

НЕЧТО О РУССКОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ОАЗИСЕ[60]

13 мая

«Буржуазная пресса, как сказал один немецкий социалист-агитатор *, дает богатый материал, так что нам остается только освещать его и делать из него выводы». Это было сказано о немецкой прессе, но оно верно и для всякой другой; верно и для нашей русской. В самом деле, каждый номер наших газет, рядом с целыми столбцами придворных известий, известий о деятельности (или, лучше сказать, бездеятельности) нашего земства, известий о том, с каким опьянением петербургская публика наслаждается полуобнаженными красотами парижской кокотки Жюдик, и тому подобной «гнили старого», приносит нам строки и из «повести о народном горе». Правда, они очень кратки и лаконичны; они, очевидно, неинтересны для большинства читателей, но чем они кратче, тем ярче блестят среди остальной тины и грязи. — Однако это еще не все, что дают нам русские газеты. Рядом с «гнилью старого» они подносят нам и «рост нового» — только не в том смысле, в каком это выражение употребляется в журнале «Вперед», т. е. рост нового социального строя; нет, они говорят о «росте нового» врага нашего — пришедшего на смену еще не успевшего окончательно догнить старого врага, на смену основанного на крепостничестве русского барства; они говорят о росте русской буржуазии.

Буржуазия стремится сконцентрировать все средства производства в руках немногих. Верность этого закона была доказана экономистами всех стран на бесчисленных примерах. Он верен и для России. Каких безобразных размеров концентрирование собственности достигает у нас, в России, это читатель может ви-

* Отто Вальстер на народном собрании в Лейпциге 30 апр. 1875 г.

деть из примера, о котором он, наверно, уже знает из русских газет и о котором я имею в виду ему только напомнить.

73-й номер «Голоса» извещает нас, что 12 марта наст. г. было заседание комитета «Общества для содействия русской промышленности и торговле»[61], что в этом заседании некий П. А. Мясоедов сделал сообщение о фабричной и заводской промышленности в Брянском уезде Орловской губ. и в смежных с ним уездах Смоленской и Калужской губерний, при этом главным образом о деятельности С. И. Мальцева[62], главного, если не единственного, заводчика той местности. «С.-Петерб. Вед.» в 71-м номере поместили извлечение из сообщения г. Мясоедова, сделанное каким-то скромным И. З—им, под названием — уже не столь скромным — «Русского фабрично-заводского оазиса». Сообщение г. Мясоедова, а также и подтверждение его со стороны других членов собрания привело комитет вышеупомянутого общества в такой восторг о деятельности г. Мальцева, что они немедленно, «почти единодушно» (неужели в комитете были личности, которые, — не скажу отрицали, — нет, но которые сомневались в громадности заслуг г. Мальцева?), постановили избрать почтенного заводчика «в почетные члены общества при громких рукоплесканиях всех присутствующих». — Это постановление комитета было предложено на утверждение общего собрания членов общества, бывшего в зале С.-Петербургской городской думы 26 марта. Редакция постановления целиком помещена в «Бирж. Ведом.» (1875, 85), из которых я ее и выписываю, снабдив кое-какими примечаниями и выводами, сделанными мною на основании данных отчета г. Мясоедова, который, к сожалению, не вполне помещен в вышеупомянутом номере «Голоса». Я на заводах мальцевских никогда не был, никаких особенных материалов под руками не имею, но пользуюсь обязательным сообщением г. Мясоедова да пособием четырех правил арифметики. Это все имели, конечно, в своем распоряжении и члены «Общества для содействия» и т. д. Посмотрим же, на основании этих всем доступных данных, насколько логически полученные выводы относительно «Русского фабрично-заводского оазиса» могут совпасть с восторгами гг. Мясоедова, З — го, комитета и всего общего собрания «Общества для содействия» и т. д.

Итак: «Комитет общества для содействия русской промышленности и торговле», в заседании своем 12 сего марта, по выслушании доклада члена комитета П. А. Мясоедова и заявлений членов: Сафонова, Скальковского[63], Софронова и других о фабричной и заводской деятельности Сергея Ивановича Мальцева в Брянском уезде Орловской губ. и в смежных с ним уездах Калужской и Смоленской губерний, имеющего там до 107 фабрик и заводов»... из которых: хрустальных и стеклянных в Брянском уезде Орл. губ. — 5, в Рославльском уезде Смол. губ. — 2 завода; механических, чугунолитейных, железоделательных — 7;

фаянсовый — 1 в Жиздринском уезде Калужской губ.; 5 заводов по части винокуренного, пивоваренного и водочного производств; сверх того, много менее значительных заводов и промышленных заведений, занимающихся кожевенным, кирпичным, дегтярно-скипидарным производствами, паровые лесопильни, заводы для эмалирования посуды и т. д. Заводы эти соединены следующими средствами сообщения: рельсовых путей 20 верст, на сооружение которых потрачено 200.000 рублей; 130 верст шоссейных дорог, стоимость которых равна 326.000 рублей и ежегодный ремонт которых простирается до 7.400 р.; по рекам Десне и Балве 8 пароходов, покупка которых обошлась в 124.000 рублей, и, наконец, 100 верст телеграфной проволоки. Все это находится «на участке* земли в 238.000 десятин», т. е., полагая в одной квадратной миле 5.022 дес., «участок» г-на Мальцева занимает $47^2/_5$ квадр. мили, т. е. превосходит владения многих германских государств и почти все швейцарские кантоны, взятые отдельно.

Итак, комитет «... принял во внимание: 1) Что сто лет тому назад, а именно до 1768 г., означенная местность, непригодная для хлебопашества, покрытая лесами, болотами и песками, не давала средств к существованию местному населению. 2) Что все существующие там фабрики и заводы, ежегодный сбыт произведений которых доходит в настоящее время до 6.500.000 рублей, *обязаны своим возникновением неутомимой столетней деятельности только двух лиц:* нынешнего владельца и отца его...» Тут гг. члены комитета, вероятно, в пылу восторга, забыли, что, кроме «двух лиц», на заводе есть и были также и рабочие, которые тоже что-нибудь да сделали. В настоящее время число их простирается, по докладу Мясоедова, до 128.354 человек, из числа которых: 12.589 — постоянных рабочих-техников, 15.765 — вспомогательных рабочих на самых заводах и 100.000 (мы, читая эту цифру, думали, что это опечатка, но, как видно далее из «постановления», это не опечатка, а даже несколько уменьшенная цифра) для подвоза, рубки леса, разработки руды и тому подобных работ. Столетний труд этих сотен тысяч рук, как мы сказали, забыт; оно и понятно: он ничто в сравнении с «неутомимой столетней деятельностью» двух Мальцевых — отца и сына.

Далее, «3) Что *эти фабрики и заводы* обеспечивают постоянною работою и *кормят* хлебом население *по меньшей мере в 200.000 человек*»... — Чтобы читатель получил понятие о том, насколько заводы Мальцева обеспечивают и кормят двухсоттысячное население той местности, в которой они находятся, сделаем некоторые численные соображения о среднем заработке рабочего на этих заводах. Мы просим читателя заметить, что *вовсе не имеем в виду* получить точную цифру этого заработка. Мы имеем в виду лишь одно: доказать с очевидностью, что маль-

* Слово «территория», употребленное в «Голосе», кажется, более подходит в данном случае, чем «участок земли».

цевские заводы, по тем данным, которые имел пред собою комитет общества, *вовсе не кормят* «населения по меньшей мере в 200.000 челов.», «обеспечивая его постоянною работою», что если бы это население кормилось только заводами Мальцева, оно давно бы умерло с голоду; следовательно, что комитет в этих словах дозволил себе совершенно такую же нелепую и вопиющую ложь, какую дозволил себе он же в словах, что «два лица», именно богатыри Мальцевы, *без помощи рабочих,* создали индустрию мальцевской территории. Итак, возьмем числа.

Г-н Мясоедов в своем докладе говорит, что Мальцев выдает «заработной платы *постоянным рабочим* ежегодно 1.264.179 руб.». Что подразумевает г. Мясоедов под словом *постоянные рабочие,* из его доклада неясно, по крайней мере в том виде, как этот доклад напечатан в «Голосе». Можно предположить, что г. Мясоедов подразумевал только упомянутых 12.000 постоянных рабочих-техников, но можно допустить, что тут говорится и обо всех 128.000 рабочих, которые также, как мы только что видели из «постановления комитета», будто бы «обеспечены постоянною работой». В виду этого недоразумения сделаем два расчета: 1) Положим, что 1.264.179 руб. выдается только 12.589 челов. В этом случае каждый получит средним числом (1.264.179 : 12.589) 100 руб. 42 коп. в год, или 27½ копеек в день. *Это был бы средний заработок рабочего техника.* Как ни ничтожна эта заработная плата, как ни ужасно нищенское существование человека, работающего целый день, убивающего на этой работе свою жизнь, теряющего на ней все свои человеческие права и делающегося ни более, ни менее, как орудием в руках эксплоататора, но эта цифра гораздо выше действительной и вот именно почему. Не может быть, чтобы на заводах Мальцева, кроме «постоянных рабочих-техников», не было других рабочих, тоже «постоянных», но не техников, именно, как выражено в отчете Мясоедова, «вспомогательных рабочих»; их по отчету 15.765; все ли они постоянные или нет — этого из отчета не видно. Предоставляю читателю самому сделать вывод среднего заработка, принимая число «постоянных рабочих» в 28.354 чел.*, сам же пойду далее. 2) Положим, что 1.264.179 р. выплачивается всей массе рабочих, т. е. 128.354 человекам. Но тут мы снова наталкиваемся на недоразумение, которое мы постараемся решить в пользу мнений комитета. Дело в том, что из доклада г. Мясоедова не видно, вошли ли в эту сумму или не вошли те 700.000 руб., которые г. Мальцев платит за «наемные подводы»; допустим, что не вошли. Тогда наша цифра увеличится на 700.000 руб. и возрастет до (1.264.179 и 700.000) 1.964.179 р. Разделив эту сумму на число рабочих, т. е. на 128.354, получим, что средний годовой заработок для всех рабочих заводов Мальцева должен бы быть

* Он равен 44,58 руб. в год, или 12 с небольшим копеек в сутки.

равен (1.964.179 : 128.354) 15 руб. 30 коп., что составляет *менее $4^{3}/_{5}$ копейки в день.*

Первый вывод т. е. что средняя рабочая плата для рабочего-техника (след., рабочего, изучившего какую-нибудь специальность) не превышает 27½ коп. в день, ни в каком случае не может быть опровергнут на основании данных, сообщаемых «Голосом» и «Бирж. Вед.»; можно лишь заметить, как мы и сказали, что он слишком высок, так как эти рабочие-специалисты должны делить этот заработок с рабочими-неспециалистами, но тоже «постоянными».

Что же касается до моего второго вывода, т. е. что средняя заработная плата всех рабочих вобще равна 4 с небольшим копейкам в день, — вывода, в возможность которого я склонен верить, то на него мне могут возразить следующее: может быть, часть, и даже большая часть, рабочих 107 заводов г-на Мальцева получает вознаграждение за свой труд не из взятых нами 1.964.179 р., а из сумм, показанных г. Мясоедовым как израсходованные на приобретение сырых и горючих материалов, — материалов, добываемых, может быть, большею частью в пределах обширной мальцевской территории; или, может быть, большинство рабочих только по временам, следовательно, не «постоянно» заняты в оазисе г. Мальцева; что они работают там между прочим; что главное их занятие другое, хоть бы земледелие и т. п. Может быть. Но тогда нечего комитету восторгаться, что заводы Мальцева «кормят» это население и «обеспечивают его постоянной работой». У меня нет других сведений о заводах Мальцева, так что я не могу ни опровергнуть этих возражений, ни доказать верность выведенной мною цифры; но, принимая слова комитета в прямом смысле, я легко могу доказать, что средняя дневная плата если и превышает выведенные мною $4^{1}/_{5}$ коп., то ни в каком случае не могла бы достичь 14 коп. в сутки.

В самом деле: г. Мясоедов определяет годовую производительность заводов в 6.560.863 руб. Сделаем совершенно невероятное предположение, что вся эта сумма делится между 128.354 рабочими; окажется, что каждый из них получил бы ни более ни менее как (6.560.863 : 128.354) 51 р. 11½ коп. в год, или *ровно 14 копеек в сутки.* Вот maximum среднего заработка, — maximum, который достигнут никогда быть не может, по невозможности нашего предположения.

Итак, если допустить слова комиссии, что мальцевские заводы «кормят» даже не 200.000-ное население, а население в 128.354 человека, и доставляют ему «постоянную работу», то вышло бы, что средняя заработная плата на мальцевских заводах никаким образом не могла бы достигнуть 14 коп. и, очень вероятно, равнялась бы $4^{1}/_{5}$ коп. в сутки. На эти деньги рабочие должны бы были прокормить себя, своих ребят, еще неспособных к работе, свою лошадь, если она занята извозом, и, самое главное, упла-

тить государственные, земские и другие поборы. Возможно ли человеческое существование при подобных условиях? Очевидно, нет. Тем не менее, имея пред собою эти данные, опираясь на них, комитет буржуазного общества имел наглость лгать, что мальцевские заводы «кормят» население в 200.000 человек!..

Переходим к следующему пункту: «4) Что нынешний владелец этой местности, С. И. Мальцев, в течение 45 л. своей жизни, не взирая на значительные трудности (?), лишения» (!), — г. Мальцев, как сообщали те же «Бирж. Вед.» (номера не помню), тратит на себя ежегодно «ничтожную сумму в 12.000 руб.»; мы не совсем доверяем этому известию и думаем, что сумма эта далеко не так «ничтожна», — «и пожертвования (???), с одинаковою любовью к делу и энергиею занимался водворением и развитием в России имеющих государственное значение отраслей промышленности, по которым отечество наше находилось в полной зависимости от иностранных государств; заводы С. И. Мальцева, сообразно с потребностями государства, во время отечественных войн были даже приспособляемы для выделки предметов обороны», — т. е. для поддержки деспотизма «неудобозабываемого» родителя нашего «милостивого» монарха,— «а затем, с 1867 г. — к изготовлению подвижного состава железных дорог», т. е. г. Мальцев способствовал железнодорожной горячке, которая унесла в могилу не одну тысячу русского рабочего люда и дала возможность нажиться нескольким мошенникам-эксплоататорам à la венский Оффенгейм.

Пункт 4-й разбирал г. Мальцева как деятеля общественного, как гражданина. Перейдем теперь к 5-му пункту, где высказываются его заслуги как работодателя: «5) Что одна из главнейших забот С. И. Мальцева была постоянно направляема на улучшение быта рабочих», — прелести быта рабочих на мальцевских заводах читатель может себе представить, припомнив только что выведенную, единственно возможную цифру средней заработной платы, — «на предоставление заболевающим медицинской помощи, для чего при заводах и фабриках устроены лечебницы и больницы». — Не стану говорить о том, какую пользу могут принести аптеки и больницы вообще и населению, дневной заработок которого был бы далеко ниже 14 к., в особенности. Выведем только размер той медицинской помощи, о которой здесь идет речь. Кольб[64] в своей статистике* говорит, что рабочие в 26 лет, от 15 до 41 года, болеют средним числом 182½ дня (т. е. ровно полгода), что составляет 7 дней в году на каждого рабочего. Чем рабочие становятся старше, тем болезненнее, как видно из выводов Кольба. Положим, что рабочие заводов Мальцева находятся во цвете лет, а следовательно, они (так как условия в России нисколько не лучше заграничных, на основании которых Кольб де-

* Kolb. «Handbuch der vergleichenden Statistik», Seite 427.

лал свои выводы) болеют ежегодно (128.354 × 7) 898.478 дней. На больницы и аптеки, по словам т. Мясоедова, тратится ежегодно 30.000 руб. Разделив эту цифру на число хворых дней, получим ежедневную медицинскую помощь каждому больному рабочему; она *немного более 3 копеек*. Предоставляю людям, знакомым с медициной, решить вопрос, какую помощь можно дать больному *на три с небольшим копейки*.

Далее: «на обеспечение участи престарелых, увечных, вдов и сирот, которым выдаются постоянные пенсии на сумму в 12.000 р. ежегодно»; число пользующихся этими пенсиями неизвестно. «Увечных, вдов и сирот», за неимением материала, выкинем из расчета, а выведем только для престарелых.

По вычислению академика Буняковского[65] (см. «Русский календ. Суворина», 1873 г., стр. 121—122), на 10.000 жителей правосл. населения России приходится стариков, переживших 60-летний возраст, след. нуждающихся в поддержке: мужчин—515, женщин—669; всего—1.184. Это на 10.000. На население в 200.000 их будет: 10.300 мужч. и 13.380 женщин; всего—23.680 челов. Г-н Мальцев дает им 12.380 р. ежегодно. Следовательно, *по 50 коп. в год на каждого старика*. Хорошее обеспечение...

(Я принимаю, что на заводах Мальцева работают мужчины и женщины, иначе было бы невозможно объяснить, каким образом из населения в 200.000 нашлось около 130.000 человек муж. пола, способных к работе).

Далее: «и на предоставление детям рабочих безвозмездного образования, для чего на средства заводчика устроено 15 школ, из коих одна техническая, семиклассная». — Относительно школ у нас нет почти никаких данных. Знаем только, что их 15 (в «Голосе» 14), что число преподавателей 25, а учеников 1.500. Последняя цифра ничтожна для населения в 200.000 человек. По вычислению того же Буняковского (там же), мы видим, что число детей 8—14-летнего возраста — следовательно, нуждающихся в обучении — на население в 10.000 будет муж. пола 1.341, женск. 1.329, всего 2.670. Следовательно, на 200.000 населения их будет 26.820 муж. и 26.580 женск. пола, или вместе 53.400 человек. Обучается в школах г. Мальцева всего 1 500 детей; следовательно, более 50.000 детей растут без всякого образования. Интересно бы знать, сколько детей работает на заводах Мальцева? — Что касается до «семиклассной технической школы», то, я полагаю, она приносит гораздо больше пользы самому г. Мальцеву, которому нужно же иметь лакеев, чтобы помогали ему высасывать сок из 200.000-ного населения, чем самому населению.

Наконец: «и 6) что в настоящее время С. И. Мальцев, для обеспечения существования созданного им и отцом его дела в будущем, с целью обеспечения заводов от раздробления, учреждает особого устройства товарищество, на которое прежде всего

возлагается обязанность *обеспечивать и улучшать положение рабочих* и служащих на заводах». Этой заботой т. Мальцева о будущем своего «дела» — дела о сдирании шкуры с 200.000 населения—оканчивается перечень доблестей владельца «оазиса» с 107 фабриками и заводами.

Я думаю, нечего передавать читателю, что буржуазное общество, самая фирма которого показывает, что оно содействует грабежу и обману в России, утвердило избрание Мальцева в число своих почетных членов.

Материал, которым я располагаю, исчерпан. Я думаю, мне нечего прибавлять от себя к тем выводам, к которым я пришел. Нужда, подавляющая нужда рабочего населения — прямой и неизбежный результат их. Картины этой беспредельной нужды я, не живя на месте, не в состоянии нарисовать. А потому обращаюсь к тем из наших друзей, которые живут в той местности, где находятся заводы Мальцева, к людям, которые имеют возможность наблюдать эту нужду и, может быть, даже испытывать ее на своей шкуре; к ним обращаюсь я с просьбой прислать в редакцию «Вперед» картину положения рабочего люда на мальцевских заводах. Факты, сообщенные очевидцами, были бы прекрасным подтверждением выводов, полученных здесь из материала, доставленного нашим врагом — буржуазией; но кроме того — самое важное — факты, сообщенные очевидцами, были бы бесценным материалом для хроники нужды и горя «русского люда — голодного люда».

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ И БУРЖУАЗНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ

Лондон, 13[1] июня.

Газеты принесли нам циркуляр министра просвещения. Телеграф сообщил его в разные европейские издания, и теперь сила и распространение социально-революционной агитации в России официально признаны русским правительством. Нам сообщают, что записка, разосланная графом Паленом [66] по этому поводу, понравилась императору и он пожелал, чтобы другие министры сделали то же. Граф Толстой [67], давно уже идущий в первых рядах самых грязных и тупых лакеев императорства и давно уже с успехом трудящийся над отуплением русского общества, если не мог предвосхитить у своего товарища самой идеи записки, поторопился опередить его обнародованием этой идеи. Циркуляр русского министра просвещения интересен во многих отношениях, и мы, может быть, найдем нужным к нему вернуться. Теперь же мы отмечаем для наших читателей, которые, вероятно, все прочли его, лишь сознание министров о распростране-

нии социально-революционной пропаганды «в 37 губерниях» и о том, что, судя по тексту (довольно безграмотному), который читаем в газетах, повсюду «отцы и матери подбивали своих детей» к этому учению. Но, отметив это мимоходом, мы не имеем возможности нынче остановиться даже на этом пункте, тем более на многих других красотах министерского циркуляра. Мы ограничимся здесь только рассуждением по поводу двух строчек в циркуляре графа Толстого.

Он пишет, между прочим, что революционеры «не гнушаются... ни воровством, ни грабежом, ни даже убийством и что именно их-то вознамерились они * избрать своим орудием», прибавляя, что все это «обнаружено следствием».

Итак, граф Толстой нашел нужным затянуть старую песенку испуганной буржуазии о глубокой безнравственности социалистов-революционеров и призвать нынешнее «нравственное» общество к обороне против этих злодеев. Мы недавно предсказывали, что именно это оружие будет употреблено против агитаторов, но мы, правду сказать, предполагали более «изобретательности клеветы» и более «изворотливости лакейских обвинений», чем выказал граф Толстой. Правда, что от графа Толстого мы не имели права ожидать значительного остроумия.

Но в настоящем случае граф Толстой был ниже наших ожиданий *даже от него*. Ссылаться на результаты следствия! Какая неловкость! Какое легкомыслие! Да кому же в России или за границей неизвестно, что следователи в России всегда найдут то, что желательно найти какому-нибудь Чемадурову, Палену и т. д.? Неужели они станут рисковать своею карьерою? Полноте; эти примерные юноши с аттестатами зрелости, юноши, которых вы, граф, воспитываете для политического лакейства и наушничества, не остановятся ни перед чем, чтобы угодить вам, граф. И вы, конечно, улыбались сами, легкомысленный граф, читая собственную ссылку на результат «следствия». Но улыбались не вы одни. Улыбались почти все читатели. Слова императорских следователей, императорских министров и самого императора получили на этот счет в современном мире почетную известность: им никто не верит, пока их не подтвердят *более* достоверные свидетели. И вашим словам не поверят уже потому, что они скреплены вашею подписью; не поверят вдвойне, легкомысленный граф, потому что вы ссылаетесь на следователей. Ком грязи, вами брошенный, фатально облепляет вас самих.

* Мы уже сказали выше, что циркуляр довольно безграмотно написан. Министр русского просвещения, как и следовало ожидать, не умеет писать по-русски. Но всему есть предел. Во всякой гимназии учитель очень строго бы взыскал с мальчиков, которые украсили бы свои классные «сочинения такими «их-то они» (относя «их» и «они» к разным предметам), какие поместил в своем циркуляре министр просвещения. Лучше бы давать просматривать ваши циркуляры, просвещенный граф, кому-либо более грамотному.

Но вернемся к самому тексту ваших обвинений. На них едва ли стоило бы отвечать по малой ценности источника, из которого они истекают, и потому, что уже слишком часто была выказана бессодержательность всех этих «жалких слов». Но никогда не худо еще раз заявить откровенно, каковы именно нравственные основы, принимаемые большинством социалистов-революционеров, к каким практическим результатам пришли люди, объявляющие войну старому миру, и кто именно в настоящей социальной борьбе представители начал убийства и грабежа. Поэтому мы воспользуемся вашим циркуляром, легкомысленный граф, как поводом — хотя довольно мизерным — для того, чтобы поговорить с читателями о нравственности революционеров-социалистов в ее отношении к нравственным правилам нынешнего общества.

Нравственность революционеров-социалистов? Да разве может быть у них какая-либо *особая* нравственность? Разве может различаться нравственный кодекс людей, смотря по их политической программе, смотря по исторической задаче, которую они себе ставят? Разве для кого-либо может не быть нравственно обязательною выработка убеждения, способного руководить человека в жизненных столкновениях, в общественной борьбе? Разве для кого-либо может не быть нравственно обязательною постоянная критика собственных убеждений, постоянное развитие их изучением чужой мысли и жизненным опытом? Разве для кого-либо может не быть нравственно преступною жизнь, противоречащая убеждениям, трусость пред проведением этих убеждений в практику, трусость пред жертвами, налагаемыми убеждением на человека?

Да, в *этом* отношении нравственность *одна*. Всегда и всюду человек без убеждения был человеком без нравственности, человеком, не развившим в себе человеческого достоинства. Всегда и всюду человек, неспособный критически отнестись к собственному убеждению, окаменевший в догмате, до которого он не смел и не хотел касаться, был человеком с извращенной, уродливой нравственностью, унижающею человеческое достоинство. Всегда и всюду человек, действующий несогласно с своим собственным убеждением, неспособный принести жертвы своему убеждению, был жалким и позорным преступником противу нравственности.

Поэтому социалист-революционер, одинаково со всеми партиями мира, возвысившимися над животною беззаботностью и над пошлым индифферентизмом, говорит себе: выработай убеждение, развивай его критически, вноси его беззаветно в жизнь, чего бы это ни стоило. *В этом — основа нравственности,* и эта основа *неизменна.*

Но нравственность могла иметь историю вследствие только что выставленного второго требования, требования критического развития нравственных убеждений, их более точной формулировки в теоретическом смысле, более строгого приложения их к данному общественному строю, к данной общественной или личной задаче.

Основы нравственности оставались те же, но формула ее изменялась и *развивалась,* и различная оценка элементов одной и той же общественной задачи разделяла практическую форму нравственности передовых партий от нравственности партий застоя или партий реакции.

В отношении *формулировки* общественной нравственности социалисты-революционеры опять-таки в сущности не отличаются от большинства партий, называющих себя передовыми в наше время. Слова: «свобода, равенство, братство», почти сто лет тому назад формулировавшие общественный идеал исторического движения нашего времени, остались девизом и будущей социальной революции. «Любовь» к братьям, любовь к человечеству, которую признавали главным прогрессивным двигателем истории передовые мыслители, передовые идеалисты; «человечность», о которой столько толковали кабинетные философы, — и для революционеров-социалистов составляют могущественнейший нравственный аффект, вызывающий их деятельность. «Наибольшая общественная польза», которую поставили утилитарианцы задачею практической социологии, есть задача и социальных революционеров настоящего, и все эти девизы, все эти задачи концентрировались для социальных революционеров в одной основной формуле, которую не решатся отрицать никакие партии современные, которую едва ли бы решились отрицать какие-либо кружки людей, когда-либо поставивших себе *нравственную задачу;* нравственность социальных революционеров формулировалась словом *справедливость.*

Сознательно признанная цель подготовляемой социальной революции есть *царство справедливости.* Нравственное убеждение социалистов-революционеров заключается в том, что это царство должно быть основано на развалинах всего, что мешает его установлению. Перед каждым социалистом-революционером стоит практическое требование: жертвуй собой, жертвуй всем, чтобы создать царство справедливости; жертвуй собой, жертвуй всем, чтобы приблизить на один день его осуществление.

Справедливость была одним из древнейших нравственных требований человечества, но традиции и привычки затемняли ее понимание, и ее истинное значение бледнело в ряду *других* требований, повидимому, столь же обязательных, столь же нравственных, но, повидимому, с нею несогласимых. Привычка отожествляла справедливость с легальностью или с обычною нравственностью; мистицизм противополагал ее любви, как низший, менее человечный элемент; практика позволяла себе временно отрицать справедливость во имя «общественного порядка» или «общественного спасения»; скептики развертывали пред человечеством длинный ряд противоречивых пониманий ее в истории и спрашивали насмешливо: «где справедливость?» — Социально-революционная нравственность вывела эту древнюю формулу из этого хаоса; поставила ее во главе своих нравственных стремлений,

устраняя тем все кажущиеся противоречия во имя более точного понимания общественной задачи, и поглотила все другие нравственные формулы в этой высшей формуле.

Легальная и обычная нравственность не суть справедливость,— провозгласили проповедники социальной революции; это — лишь видоизменяющиеся формы, в которых, при их историческом росте, неполное понимание справедливости смешивается с животным побуждением хищничества, с эгоистическим расчетом сильного, с бессмысленным уважением к древнему обычаю, с тупым страхом перед таинственною традициею. Формы легальности и обычной нравственности *должны были быть* противоречивы, потому что этот безобразный продукт исторического процесса постоянно изменялся по количеству и по качеству содержащихся в нем элементов, под влиянием исторических событий, страстей, увлечений, заблуждений, верований, и лишь мало-по-малу из него выделялся заключающийся в нем единственно нравственный элемент, элемент справедливости. Но эти изменяющиеся исторические смеси называли себя справедливостью, нравственностью, и до сих пор близорукие отметчики былого или расчетливые софисты готовы их называть так, чтобы во имя их безобразной пестроты отрицать справедливость и нравственность, грозящие обличением всякому общественному непониманию, всякому эгоистическому расчету, грозящие гибелью старому миру, который вырастил это непонимание и этот эгоизм. Этим тупицам и софистам, постоянно толкующим о несогласимых противоречиях в историческом понимании справедливости, социальные революционеры отвечают спокойно: то, о чем вы говорите, *не есть* справедливость, именно потому, что в нем есть противоречия, но в этих пестрых исторических продуктах есть один элемент непротиворечивый и гармоничный. Он — та справедливость, которую мы стараемся выделить из старых учений и осуществить в будущем общественном строе путем социальной революции.

В этом будущем царстве справедливости только и могут осуществиться те идеалы, которые по частям, отрывочно, были формулированы в прежних нравственных девизах передовых партий. Лишь в нем возможны истинная свобода, истинное равенство, истинное братство; лишь в нем осуществляется наибольшая общественная польза; лишь в нем и в стремлении к нему заключается общественный порядок; лишь то, что приближает это царство справедливости, есть дело общественного спасения. В работе для осуществления этого царства — единственный исторический прогресс, единственная человечность. Все работающие для этого осуществления суть братья по общему делу. Любовь к ним, любовь к человечеству, которое может быть спасено лишь путем этого осуществления, есть единственно осмысленная любовь, и *она* есть тот аффект, который вызывает справедливость. Именно *эта* любовь говорит каждому революционеру-социалисту: жертвуй всем

за братьев твоих, за тех, которые с тобою трудятся для основания будущего царства, за те миллионы, которые будут блаженствовать в этом царстве. Она же говорит: неси истину в ряды тех, которых еще не коснулась проповедь общественной справедливости, поучай незнающих, разъясняй заблуждающимся: они — *возможные* работники при создании будущего царства, они — *возможные* братья твои; во имя справедливости жертвуй всем для того, чтобы увеличить число их. И в этом случае побуждения любви совпадают с требованиями справедливости. Но та же самая любовь к человечеству вызывает ненависть ко всему, что мешает осуществлению царства справедливости; та же любовь призывает человека на неумолимую, непримиримую борьбу против начал, враждебных этому осуществлению. Как она требует жертв для помощи братьям, точно так же она требует жертв для великой борьбы за высший идеал справедливости. Лишь тот умеет любить, кто умеет бороться против зла, грозящего тому, что он любит выше всего.

До сих пор, как мы видели, нравственность социалистов-революционеров не отличается ничем существенным от нравственности передовых партий нашего времени; в ней повторяются их формулы; но она в то же время придает этим формулам гармонию и единство, подводя все нравственные требования под одно высшее требование, под требование справедливости. Ни один из логически мыслящих представителей тех групп, которые считают себя прогрессивными, не имеет права отречься от требований: осуществляй справедливость, стремись к воцарению ее в мире и борись с ее врагами, чего бы ни стоила эта борьба тебе или обществу.

Но требование критически уяснить содержание справедливости ведет нас на шаг далее и с тем вместе выделяет социалистическую нравственность из других нравственных кодексов нашего времени. Основою справедливого общежития может быть лишь *общий труд* на *общую пользу*. Общество не есть идол, пред которым должна быть заколота личность с ее индивидуальными требованиями. Царство справедливости может быть осуществлено лишь всесторонним развитием каждой личности. Но лишь общество может служить средством воплощения справедливости, а на воплощение ее, следовательно — на благо общества, личность должна направлять все свои силы. Она может *нравственно* наслаждаться лишь в процессе социального прогресса; она может развиваться лишь в развитии справедливого общежития. У нее нет ничего своего, отдельного, что она имела бы право противоположить общественному благу. Поэтому ясно понятый и нравственно развитый эгоизм перерождается в страстное стремление наслаждаться высшим наслаждением *труда для общественного развития;* он перерождается в убеждение, что всякое личное наслаждение развитого человека непрерывно связано с *этим* высшим наслажде-

нием и что все, отнятое даром у общества, отнято у собственного высшего блага.

Отсюда вытекают несколько положений специально социалистической нравственности: Позорно праздное наслаждение. Преступно пользование социальными благами без соответственного труда на пользу и на развитие общества. Преступно получение от общества хотя немногим более того, что ты заслужил своим трудом на пользу его. Но оно существует только для твоего всестороннего развития, и это — *одно,* на что ты в нем имеешь право; с твоей же стороны все твои силы, как силы единицы, едва достаточны, чтобы поддержать и усилить процесс социального развития, который составляет твое высшее наслаждение и твой высший социальный долг. Поэтому *ты должен отдать обществу все твои силы и довольствоваться от него лишь необходимым для своего существования и для своего развития.* Ограничивай все потребности для того, чтобы большая доля сил и средств приходилась в пользу твоей высшей потребности: потребности развиваться нравственно для лучшего содействия социальному развитию. Ограничивай то, что тебе необходимо взять от общества для твоего существования. Развивай в себе способность наслаждаться общим благом и отдавай себя беззаветно этому наслаждению. Как только установлены эти начала социалистической нравственности, то все остальное вытекает из них как логическое следствие, и социалист, который не выводит этих следствий, выказывает лишь недостаток логической последовательности своей мысли.

Царство справедливости, которое мы *обязаны* установить, для которого не должно жалеть никаких жертв, из-за которого надо итти на неумолимую борьбу, есть в то же время царство *всеобщего труда на всеобщее благо.* Кто же может создать его? Лишь те, которые и теперь исполняют завет его, те, которые трудятся. Следовательно, единственное основание будущего общества есть рабочее сословие; единственные братья социалиста — работники и те, которые способны понять, что лишь труд есть основание справедливого социального строя.

Враги этого строя, враги каждого социалиста, это — праздные эксплоататоры чужого труда, жадные монополисты общественного богатства, монополисты наслаждений, развития, социальных сил. Это — все силы современного общества, которые поддерживают монополию и эксплоатацию во всех ее видах. Это — современные государства, которые мешают наступлению единственно нравственного царства, царства труда и справедливости. Это — весь современный порядок, который давит на рабочего, обогащает праздного эксплоататора, вырабатывает все формы монополия.

Итак, во имя справедливости, во имя любви к человечеству, во имя единственной логической нравственности, убежденный социалист обязан работать *для социальной революции,* для ниспровержения всего современного политического и экономического строя

путем революции, организованной в среде его братьев-рабочих и осуществленной их взрывом против их врагов.

Социальная революция есть победа в войне против монополии во всех ее видах, в войне противу современного социального строя во всех его отраслях. И эта война, ежедневная, ежеминутная, не жалея ни себя, ни других, — вот нравственная обязанность социалиста-революционера, а мы только что сказали, что всякий логический социалист *должен* быть революционером.

Война — старый, слишком старый факт человеческой истории. Самые возмутительные войны старались прикрыть свои кровавые деяния, свои хищнические захваты, свои злодейства ореолом борьбы за благо семьи, за торжество истинной веры, за славу и величие отечества. И до сих пор в манифестах властей, которые желают воодушевить массы, покорно идущие на бойню по их зову, раздаются слова: за братьев по языку и подданству! за святую веру отцов! Особенно же: за милое отечество, за отечество, которому вы должны принести все в жертву, для которого вы должны сжечь свой дом, заколоть родного сына, безжалостно истреблять врагов, итти лазутчиком в их ряды, готовясь на виселицу, выманивать их тайны насилием и обманом, захватывать их богатства и приносить их трупы и награбленную у них добычу на алтарь родины, которая жаждет кровавых жертв, алчет чужого золота. Таковы *ваши* войны, такова *ваша* военная нравственность, государственники-патриоты!

И мы ведем войну против врагов за наше отечество, за наших братьев, за нашу веру. Наш враг, это — старый мир с его социальным строем. Наши братья, это — рабочие всех стран и племен, эксплоатируемые этим социальным строем. Наше отечество, это — растущий союз рабочих-социалистов. Наша вера, это — ожидаемое царство справедливости, царство труда. Из-за того, чтобы устроить это царство, мы, в нашем отечестве без территории, со всеми братьями, которых мы мало-по-малу привлекаем в наше отечество, объявили войну старому обществу, совершенно откровенно высказывая, что ни мира, ни перемирия мы не заключим, что в минуту социальной рволюции не оставим камня на камне в прежнем социальном строе, что в нашем царстве труда и справедливости мы разобьем в куски нынешние государства с их судами и администрациею, с их войсками и их шпионами, что мы развеем богатства капиталистов с их дворцами, пирами и паразитами, что мы не допустим существования праздных людей.

Как же нам вести войну с вами? Не по тем ли правилам, которые вы внесли в ваши военные кодексы? Не поучиться ли нам у вас военной нравственности? Не следовать ли нам буквально вашим указаниям?

Мы понимаем, почему вас пугает *война*, нами вам объявленная! Мы понимаем, почему вы переводите ее для себя словами: *убийство и грабеж!* Вы не можете себе представить войну иначе,

как беззаветным убийством и разгулом грабежа. Пред вами фатально восстают в воображении *ваши* герои «священных» войн, которые въезжали в разграбленные города по трупам десятков тысяч беззащитного населения. Пред вами славные маршалы и генералы, грабившие дворцы китайского императора и хивинского хана; пред вами Виндишгрец [68], входящий в Вену; пред вами Гайнау в Венгрии; пред вами взятие Праги; бойня на бульварах Парижа, произведенная «установителем порядка» Людовиком-Наполеоном; пред вами затмившая славу 2 декабря бойня при вступлении версальцев в Париж... О, вы правы! Ваши герои порядка, ваши военные знаменитости, это — убийцы огулом, которые для вас отожествили понятие о героизме с убийствами, превосходящими всякое воображение; ваши прославленные военные подвиги, это — трупы без числа, это — захват чего попало разнузданными грабителями, это — разгул животной страсти, освященной громкими словами борьбы за братьев, за веру, за отечество! — Вы глядите в свое сердце и в нем видите, что вы не можете иначе вести войну, как путем бесцеремонного убийства народа и беззастенчивого грабежа. И вы говорите о нас: это убийцы и грабители.

Но вы ошибаетесь. Мы — созидатели царства справедливости, и, во имя справедливости, мы *должны* понимать войну иначе, чем ее понимаете. Для нас огромное большинство людей, стоящих даже не в наших рядах и подозрительно и недоброжелательно смотрящих на нас, состоит из наших *возможных* братьев, а жизнь каждого нашего *возможного* брата для нас *должна* быть дороже собственной жизни. Мы — борцы за царство труда, и, во имя уважения к *труду*, для нас всякое имущество, не заслуженное трудом, *должно быть* гадко и отвратительно.

И потому, господа защитники буржуазной нравственности, мы *не можем* вести войну вашими средствами, не впадая в противоречие с собственными нравственными требованиями. Мы *не можем* проповедывать беззастенчивый грабеж чужого имущества, как только оно плохо лежит, не продолжая вашей традиции хищничества. В действиях человека есть доля необходимого, не подлежащего никаким нравственным законам, как остаток того животного прошлого, которое он вынес из древней и бессмысленной борьбы за существование. В этой сфере необходимого и неизбежного социалисту приходится действовать теми средствами, которые необходимы и неизбежны. Есть у социальной революции враги, с которыми братство навсегда невозможно. Есть оружия гадкие, но которыми *приходится* действовать по необходимости. Но об этих всегда печальных и очень редко неизбежных средствах мы говорить не станем. Они вне области всякой нравственности, а мы говорим о *социально-революционной нравственности*. Долгим развитием человечество выработало в своей истории и нравственное начало; из смутной нравственности старого мира выросла социалистическая нравственность, с ее единственной свя-

тыней — справедливостью; и во имя этой единственной святыни социалисты говорят: ни убийство, ни грабеж *нравственными* быть не могут. Провозглашая «именно» эти печальные продукты необходимой борьбы *нравственными* средствами, мы перестали бы быть искренними борцами за справедливость и стали бы лицемерами социалистической нравственности, как вы лицемерны в вашей проповеди уважения к святыне собственности, к святыне человеческой жизни, как вы лицемерны в ваших патриотических восторгах.

Вы говорите, что мы требуем убийств, а что для вас человеческая жизнь — святыня!

Святыня! — Да не вы ли создали целую литературу лирических и эпических прославлений убийства? Не вы ли воспевали легенду убийства из-за угла Геслера? Не вы ли ставили памятники вашим героям-убийцам, взрывавшим на воздух корабли и крепости с тысячами ни в чем неповинных солдат? Не вы ли воссылали благодарственные молитвы вашему богу любви — вы так ругались над *вашим* богом — за то, что вам удалось покрыть трупами братьев поля Сольферино и Садовы, ущелья Кавказа и оазисы Туркестана. Не вы ли внесли во все ваши кодексы слова убийства, приговор смерти на виселице, смерти на гильотине, смерти под пулями, смерти под палками, для чего вы обращали ваших защитников отечества, ваших солдат в палачей? Что вы сделали бы с солдатом, который, из искреннего уважения к святыне человеческой жизни, не стал бы стрелять в брата своего во время битвы или во время казни? Не наущаете ли вы на убийство колеблющегося? Не грозите ли вы ему самому казнью? Не соблазняете ли вы его наградами? Не требуете ли вы убийства без размышления, без выбора, без жалости? Не говорите ли вы откровенно солдату: убивай, не зная, кого убиваешь! Убивай того, кого насильно гонят на бойню. Убивай всякого, кто одет в мундир врага, кто говорит его языком! Убивай из засады, из-за угла зазевавшегося часового! Убивай родного отца, родного брата, хотя бы он был безоружен, хотя бы стоял на коленях, если начальство приказывает стрелять в мужиков, недостаточно покорных своим вампирам! Убивай — это славное дело! И за это вот тебе награда, вот тебе крест — символ бога любви! — Это вы называете уважением к святыне человеческой жизни!

Вы говорите, что мы требуем грабежа, а что для вас чужая собственность — святыня!

Святыня! — Да не вы ли с гордостью считаете миллионы и миллиарды контрибуций, взятых с побежденных? Не вы ли восхваляете легендарных поджигателей чужой собственности в Москве и в Сарагоссе? Не вы ли говорите вашим героям-патриотам: добычи, добычи твоей родине!

И еще если бы эти убийства без числа, эти грабежи без меры совершались из фанатического патриотизма. Но в вас нет патри-

отизма, вы из-за убеждения, *даром,* ни на одно из этих «*славных*» дел неспособны. Все эти «славные» дела покупаются и продаются. Вы говорите вашим героям: убивай побольше, и мы озолотим тебя. Грабь для государства; оно и тебе уделит долю по мере твоего грабежа. Захвати неприятельский корабль: это *твой* приз. Служи верным орудием правительству-вампиру, и ты получишь из вымученных от народа денег богатое содержание, на которое могли бы прожить десятки бедняков; ты будешь жить во дворце, где могли бы укрыться сотни не имеющих крова; ты получишь в аренду или в собственность землю, с которой могли бы прокормиться тысячи. Это — почетная награда за твое лакейство. Наслаждайся спокойно богатством, вымученным у народа, наслаждайся среди тех, которые умирают от голода, от холода, от избытка труда, и передай заслуженную тобою награду детям, чтобы они в праздности продолжали наслаждаться тем, что ты награбил и что для тебя награбило у народа государство. — *Это* вы называете деятельностью для отечества! Жалкие лицемеры! У вас один кумир — личное обогащение, личное наслаждение самого низшего сорта, и если вам не предложить приманки в виде этого кумира, никакое нравственное убеждение не поведет вас на вашу лакейскую службу, на ваши подвиги самоотвержения правительству-вампиру. И ваше любимое вами отечество знает это; оно знает, что вашу любовь можно купить на рынке, и оно ее покупает за деньги, награбленные у народа. Ваша жизнь, государственные и общественные герои, есть жизнь открытого грабежа того народа, о котором вы говорите с таким одушевлением, грабежа того отечества, которому вы готовы, по вашим словам, отдать последнюю каплю вашей крови, последний грош вашего состояния!

Социалисты-революционеры в своем нравственном учении не говорят о святыне человеческой жизни, о святыне собственности. Для них дорога лишь жизнь брата-работника социальной революции, неприкосновенна теперь лишь собственность работника, нужная ему для его существования и развития; неприкосновенна в будущем лишь собственность общества, которое будет стремиться воплотить царство труда и справедливости. Для них единственная святыня — справедливость! Они прямо говорят, что нет жертв, которых нельзя принести этой святыне, но она лучше охраняет жизнь их братьев, лучше охраняет даже жизнь и имущество врагов их, чем лицемерное идолопоклонничество старого мира пред эфемерными святынями человеческой жизни и собственности. Социалистическая справедливость говорит своим борцам: мне не нужно ни жизни отдельных ничтожных личностей, ни богатства отдельных мелких грабителей. Мне нужна социальная революция, полное и всеобщее разрушение старого мира, полная и всеобщая победа. Нет отдельных личностей, от жизни или смерти которых зависела бы эта победа. Ее не купить той жалкой добычей, ко-

торую можно отнять у одного хищника. Придет минута революции, и достаточно прольется неизбежной крови. Придет она, и разом все богатства хищников попадут в мои руки. Поэтому для торжества моего царства не может быть нужна отдельная жертва врага, отдельный захват имущества хищника. Дело идет о борьбе, о торжестве масс. Дело идет об установлении царства труда; оно требует и теперь трудовой жизни, а не захватов чужого. Дело идет об установлении царства справедливости: она есть любовь к тем, которые уже братья твои, и к тем, которые *могут* быть тебе братьями.

Строитель царства труда и справедливости, отдай все силы твоему делу, но бери от общества лишь необходимое! В будущем ли обществе, в теперешнем ли, всякий *лишний* грош, взятый тобой *для себя,* для своего личного существования и наслаждения, есть грош, отнятый у братьев. Ты на него не имеешь права: в будущем обществе он принадлежит обществу, в настоящем — твоим братьям-рабочим. Для того, чтобы быть достойным строителем царства труда, живи трудом и только заработанное трудом считай своим по праву, но и из него лишь то, что тебе необходимо для жизни и для развития. Ты, признавший высшим наслаждением труд на общее развитие, на основание царства справедливости, не имеешь права иметь избытка. Если же ты, имея возможность зарабатывать себе хлеб собственным трудом, станешь жить на счет твоих братьев-социалистов, эксплоатируя их доверие, как жили и живут многие политические трибуны старых партий, то ты изменник собственному делу, ты худший враг социальной революции, чем предводители буржуазной эксплоатации. Живи трудом. В борьбе против монополии никогда не пользуйся орудием монополии, так как это — измена социализму в самом его принципе. В борьбе с миром хищничества избегай хищнических средств; это — средства врагов твоих.

Строитель царства справедливости, борись не против людей, а против принципа! Проповедуй истину всем идущим против тебя по слепоте и заблуждению, по принуждению и по слабости, так как эти слепые и слабые — твои братья, эксплоатируемые теперь твоими врагами! Одни проснутся по слову истины завтра, других разбудит гром социальной революции, но все они *возможные* участники в братском союзе будущего общества, а жизнь каждого *возможного* брата для тебя должна быть дороже собственной; отнять ее было бы нравственным преступлением. Страшное и печальное дело всякое убийство; бессердечное и легкомысленное убийство, это — оружие врагов твоих.

Прежде всего и выше всего держи крепко знамя своего убеждения, знамя борьбы за труд и справедливость, за будущее братство человечества! Это знамя должно быть чисто и незапятнано ни одной лишней каплею крови, ни одним лишним пятном хищнической собственности! Ты не имеешь права без крайней необ-

ходимости рисковать нравственною чистотою социалистической борьбы.

Тебе *кажется*, что жизнь *этого* человека, *этого* врага тебе *необходимо* взять. Но обдумал ли ты, что ты сделаешь? Чем заслужил этот презренный, дрянной враг — будь он хоть императором или Бисмарком — чем заслужил он мнение, будто от его жалкой жизни зависит торжество социальной революции или даже движение ее вперед на один шаг? — Это мы говорим о заявленных и сознательных врагах социальной революции, но всегда ли в этом случае радражение направлено на действительного врага? А может быть еще тот, на чью жизнь ты поднимаешь руку, есть *возможный* брат завтра? И кровь его будет на знамени братства во имя справедливости? И ты в состоянии будешь стать перед судом братьев и сказать им: я убил того, кто мог быть завтра среди вас? И ты, положась на свой рассудок, доступный и увлечению и заблуждению, на свое чувство, зараженное унаследованною кровожадностью, унаследованным бессердечием, произнес смертный приговор своему брату? И ты с непростительным легкомыслием брызнул кровью на свою святыню? Достоин ли ты после того быть в ряду борцов за братство, за справедливость?

Тебе *кажется*, что имущество, отнятое у этого хищника, было бы полезно для революционного дела в руках твоих, в руках твоих братьев. Тебе *кажется*? Так, по-твоему, социальную революцию можно купить, и еще такою дешевою ценою? Жалкая социальная революция! Но подумал ли ты о страшном, развращающем влиянии твоего захвата на себя самого, на твоих товарищей? Так и для нового социального порядка можно хищничать? Так хищничеством можно скреплять камни строящегося царства труда? Бедное царство труда! Помни: ты сам и твои товарищи все выросли в обществе, проникнутом привычками жизни на чужой счет, и для вас искушение возможно... А если ты подпадешь искушению, ты разом встанешь в ряды худших эксплоататоров, эксплоататоров идеи социальной революции в пользу личного грабежа. Но если ты и пройдешь мимо искушения, то чем ты смоешь с твоего знамени грязь ненужного захвата незаработанного, непожертвованного добровольно имущества? Чем ты докажешь своим судьям-братьям, чем ты докажешь себе, что для революционного дела была крайне необходима именно эта захваченная грязная копейка или этот захваченный, грязный миллион, что все равно, так как пред богатством социальной революции копейка и миллион — одно и то же? — Поверь, для совершения социальной революции будет довольно того, что принесут ей добровольно ее строители, а когда она совершится, ей будет принадлежать *все*.

Употребляй все свои силы, все свое время на подготовление социальной революции и знай, что одно горячее слово пропаганды, которое приобретет тебе двух-трех новых братьев, во сто

раз ценнее в прогрессе подготовления социальной революции, чем жизнь самого опасного врага: семя удачной пропаганды приносит все новые и новые плоды. Знай, что пропаганда, подвинувшая на один день наступление социальной революции, принесет гораздо более выгоды страждущему человечеству, чем захват миллиона, переданного в ряды революционеров, миллиона, который, при нынешних привычках, может слишком часто искусить тех, чрез руки которых он проходит. Проповедник социализма, который живет работой и посвящает все свободное время революционной организации, есть лучший борец против хищничества капитала, лучший строитель царства труда и справедливости.

Но довольно. Эта статья разрослась уже до слишком значительных размеров. Мы откровенно подняли перчатку наших обвинителей и откровенно высказали им наше нравственное учение, учение социально-революционной нравственности.

Мы требуем от братьев выработки крепкого убеждения и жизни, согласной с этим убеждением. Мы стремимся установить царство труда и справедливости на развалинах старого мира праздного эксплоататорства и неправды, мира, которому объявляем непримиримую войну. Мы говорим нашим братьям: отдавайте на социально-революционное дело все свои силы, живите трудом для основания царства труда и оставляйте себе лишь необходимое. В вашей непримиримой и неумолимой борьбе с врагом да хранится в вашем сердце свято единственная святыня — справедливость, которая есть любовь к нашим братьям-рабочим. И этой святыне приносите в жертву все, если необходимо: себя, друзей, врагов. Все, что вы делаете для себя лично вне необходимого, отнято вами у братьев; все, что вы делаете для создания царства справедливости, есть ваша обязанность, пока это не марает вашего знамени, пока это не есть оружие монополии, пока это не есть обман ваших братьев, пока это не есть отступление от начал труда и справедливости, которым вы взялись служить...

Вот учение нравственности социалистов-революционеров. Оно, действительно, не совсем похоже на нравственность старого мира....

А вы, господа министры, нас обвиняете в проповеди убийства, грабежа и воровства! Вы, каждая минута жизни которых есть убийство сотен голодных и изможденных работою; вы, которые в каждой комнате ваших палат навалили продукты хищнического грабежа целой страны; вы, каждая мысль которых есть мысль о вчерашнем удачном воровстве народа или подготовление еще более удачного воровства на завтра. Лгите и клевещите на нас сколько угодно... Нам не нужно ничего, кроме свидетельства ваших собственных слов, чтобы назвать вас убийцами рабочего народа и его грабителями!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И БУРЖУАЗНАЯ НАУКА

Лондон, 27[15] июля [1875 г.]

Совершенно в порядке вещей, если представители государственной эксплоатации или органы консервативной и псевдолиберальной прессы нападают на социалистов-революционеров за те начала, которые *действительно* выставляются социалистами против существующего порядка вещей. Это — начала революционные, разрушительные для капиталистического и всякого эксплоататорства, для литературного и всякого паразитизма. Как же не нападать на эти начала эксплоататорам и паразитам? Они борются за свое существование.

При той опасности, которую представляет для них социально-революционная пропаганда, организация сильной социально-революционной партии, и при той привычке ко лжи и плутовству, которая присуща современному общественному строю, нисколько не могут нас удивить и те возгласы о безнравственности социалистов, которые хронически повторяются нравственными мошенниками биржи и дипломатии, нравственными грабителями рабочих масс, нравственными убийцами народа. Всегда «защитники порядка и добрых нравов» клеветали на тех, которые дерзали доказывать, что существующий «порядок» есть беспорядок, а господствующие «добрые нравы» представляют во всех своих сферах трудно вообразимую картину сплошного разврата. Это *было и будет*. Поэтому обзывание социалистов убийцами и грабителями только глупо со стороны противников социализма, глупо потому, что старо и изъезжено и никого не обманет. Все знают, для чего все это пишется, и никто не спрашивает себя, верно ли это, так как слишком известно, что писатель вовсе не думает в этом случае об истине, а только о надлежащем «ужалении» враждебных партий.

Но иногда господа консерваторы и псевдолибералы вдруг сболтнут о социализме кое-что такое, от чего читатель останавливается в недоумении, насколько тут может быть рассчитанной лжи.

Этот раз мы остановимся на одном вопросе, который мимоходом затронут с разных сторон, так как он, в связи с иными действительными фактами, дошедшими, может быть, в их отрывочности до сведения читателя, неточно знакомого с предметом, мог представиться последнему в извращенном виде. Это — вопрос об отношении социалистов вообще и русской социально-революционной партии в особенности к умственной работе, к ее продуктам, особенно в форме реальной науки, наконец, к нынешним высшим школам. Хотя для внимательных читателей «Вперед» то, что мы здесь выскажем, не представит ничего особенно нового, но иногда не худо повторить и то, что было сказано.

Тому некоторое время «Московские Ведомости», с своим

обычным нахальством, говоря об университетском уставе 1863 г., заявили, что в пользу сохранения этого устава ратуют вместе с петербургскими газетами и «женевские эмигранты наши»(!?). По краткому отзыву, нам сообщенному из наиболее достоверного источника, о содержании записки министра юстиции *, в этой записке говорится, что наша революционная молодежь разделяется на несколько групп, из которых одна отрицает и обучение в высших школах и всякую науку, стремясь притти к состоянию «среднего рабочего человека» относительно знаний и умственного развития; другая отрицает обучение в высших школах, но признает необходимость знания; наконец, третья имеет в виду воспользоваться и знанием и правами высших школ, чтобы вести борьбу со старым обществом из среды этого общества. По словам лица, передавшего нам это, записка графа Палена находит наиболее опасными последних революционеров.— Наконец, пресловутый «Голос» в передовой статье (№ 174), в которой обиняками просит конституции для борьбы с социализмом (за что, повидимому, он получил нагоняй), объявляет, что в «программе социального будущего», между прочими красивыми вещами, на которых мы нынче не остановимся, «наука исключается из будущего общества»; объявляет, что «Вперед» признает «ненужными обществу... медиков, учителей», признает обязанность каждого «быть прежде всего *физическим* работником, а потом, если останется время, «побаловаться» наукою или искусством»; наконец, переводит слова какой-то «заграничной революционной книжки, предназначенной для народа»: «пущай все работают» — требованием исключительно «отдаться труду физическому», причем «на место человека с его разнообразными стремлениями» и т. д. «ставится *физический работник*»; само собой разумеется, что орган либерального конституционализма во имя «многовековой» культуры призывает «правомерное государство» (сиречь конституционное царство буржуазной эксплоатации) дать «отпор коммуне физических работников».

Конечно, словам «Московских Ведомостей» не многие поверят: слишком уж неудачное лганье на социалистов это ратование за какой-то университетский устав 1863 года. Каким это «женевским эмигрантам» мог понадобиться этот жалкий устав? Читавшие «Вперед», конечно, улыбнутся мысли, что мы «исключаем науку». (Увы, на нас нападали за совсем иное!). Но большинству лиц, до которых доходят отрывочно номера нашей газеты или известия о социально-революционной пропаганде, может быть, не совсем ясно, насколько во всех приведенных известиях может скрываться верных фактов и что в них прилгано не нарочно или намеренно. Припомнятся этим читателям слухи о прениях, бывших на конгрессах Интернационала о допущении или недопуще-

---

* См. две другие редакции ниже, во 2-й корресп. из Москвы.

нии в его среду работников мысли. Припомнятся и слухи о спорах в нашей революционной молодежи по поводу статей «Знание и революция»; слухи о том, как молодежь, бросая дипломы, шла в народ. И найдутся читатели, которые готовы будут поверить, что в приведенных цитатах есть и доля правды.

Нет, добродушные читатели «Московских Ведомостей», «Голоса» и всех консервативно-либерально-лакейски жужжащих произведений нашей прессы или даже официальных и конфиденциальных публикаций русских министров; нет, если вам попадется на глаза этот листок «Вперед», то уверьтесь, что ваши учителя в министерстве и в прессе не имеют ни малейшего понятия о том, о чем они пишут. Они не только не усвоили действительного смысла социально-революционного учения о значении науки в строе будущего общества и в умственной деятельности каждого ее члена, но они не поняли даже, о чем именно шли прения в среде Интернационала или в кружках русских революционеров.

Поясним эти элементарные данные социально-революционной мысли.

Никто из представителей этой мысли не думал никогда «исключать науку» из «социальной программы будущего»; напротив, все убеждены, что наука в будущем обществе будет далеко превосходить по своей общественной роли, по количественному и качественному содержанию ее в частной и общественной жизни, по своей теоретической последовательности и практической приложимости все то, чем может гордиться по этой сфере нынешнее хаотическое общество. Если социалисты-революционеры нападают на нынешнюю науку, то вовсе не потому, что она слишком широка и отнимает слишком большую долю в деятельности человечества. Напротив, они находят, что нынешняя наука слишком труслива и шатка, слишком мало систематична, слишком мелка и безобразна, имеет слишком микроскопическое значение, играет слишком *жалкую* роль.

В самом деле, неужели вы, господа защитники нынешней науки, воображаете, что будущее общество сколько-нибудь может довольствоваться тою жалкою, позорною ролью, которую играет хотя бы ваше прославленное естествознание рядом с эпидемией спиритизма, рядом с догматами православия и католицизма, шекерства и философского теизма? Неужели вы думаете, что в будущем обществе можно представить себе химика Бутлерова [69] и физика Крукса [70], исследователя педогенезиса и соперника Дарвина, разговаривающими с духом китаянки Жэке, благочестиво слушающими бессмысленную болтовню медиумов, созерцающими материализующиеся ручки, или столы, летающие вопреки законам тяготения? Неужели в будущем обществе осмелится хотя бы самый посредственный мыслитель толковать, что он ест в куске теста тело своего бога? Неужели тогда ученик какой-либо школы будет вспоминать без смеха и презрения целую литературу,

толкующую о незапятнанном зачатии, о бессмертных душах, которые жарятся в аду, о дьяволах и мертвецах, о чудотворных иконах и источниках? Неужели тогда великие ученые, подобно Литтре, опозорят свои последние годы маскарадом приема в масонство? Неужели тогда найдутся философы с достаточно туманной головою, чтобы толковать о мировой бессознательной воле? Сознайтесь, господа, что наука, идущая на такие уступки, дозволяющая рядом с собою существовать таким ребяческим безобразиям, есть еще нечто жалкое и довольно позорное.

Наука будущего будет с улыбкою рассказывать эту историю отрывочных попыток мыслить критически, беспрестанно сменяющихся игрою в чудесное и призрачное. Это будет наука вполне реальная и вполне цельная. Она не допустит рядом с собою храмов, воздвигнутых нелепому. Она не будет только знанием отрывочных фактов, она будет пониманием связной цепи законов всего существующего.

Что же, — скажут, улыбаясь насмешливо, нынешние академики, — какая же это будет *новая* наука? Нет, она будет та же самая, *ваша наука,* но наука последовательная в мысли, в методе, в систематическом целом. Ваши великие предшественники поставили вам задачи, но вы по трусости мысли не в состоянии продумать их решения. — С XVII века идет непрерывно борьба за научную критику против нелепостей религиозного догмата, потерявшего всякий смысл. Вы все не решаетесь исполнить завещание великих борцов минувшего. Социалисты-революционеры исполнят его. — Тому более века призраки метафизики брошены в одну сорную кучу с призраками Сведенборга[71]. Вы не забавляетесь первыми и с новым наслаждением возродили в новой форме вторые. Социалисты-революционеры прекратят эту ребяческую забаву.— Тому полвека могучий ум набросил очерк иерархии наук с иерархией методов их исследования и в вершине этой иерархии поставил социологию, завещая вам построить ее, найти ее метод, сделать из нее действительно царицу наук[72]. Но вы, жалкие трусы в области мысли, сделали фетиш из его слов, сделали мумию из социологии и не нашли живого метода для вашей верховной науки, не ступили шага вперед для того, чтобы посадить вашу царицу мысли на ее родовой трон, чтобы подчинить ее задачам задачи всех вспомогательных наук, чтобы соткать ее научные задачи с задачами жизни. Мы исполним дело, которое вы не сумели, не решились сделать. Мы посадим социологию на ее трон. Социальная революция осуществит союз науки с жизнью, потому что ее задача — перестроить общество по естественным и неизменным законам социологии, слить жизненные стремления личности с условиями общественного прогресса, понять все сущее с точки зрения этого прогресса и в жизни коллективной воплотить понимание социологии как верховной науки, для которой все науки составляют лишь служебные вспомогательные ступени.

Вы видите, что мы хотим для будущего общества *вашей* науки, но в ее последовательной строгости, в ее гармонической стройности, в ее жизненной правде. Для вас это недоступно, потому что вам надо заботиться о личном обогащении, вам надо охранять личную безопасность от соперников, от слуг традиции, от подозрений власти. Вы живете среди лицемерия, среди вечной конкуренции, среди вечных уступок из-за личного блага. Для вас *истинная* наука невозможна.

Но для нас она возможна, и мы осуществим ее. Нас не спутывают ваши путы. Нам не для чего лицемерить, не с кем конкурировать, некому уступать. Критика мысли может быть действительно свободна лишь в будущем обществе рабочего социализма. Он один даст и гармоническую науку.

Вы допустили, что неизменный механический закон есть единственный закон природы, что ничто не уклоняется от роковой связи причины со следствием. Вы допустили это, но... вам нужно место для свободной воли, для бессмертной души, для всемогущего бога... Играйте, дети! Для будущей науки социалистов не нужны все эти игрушки.

Вы развернули факты общественной гигиены, вы указали источники эпидемий и вырождения в страшных общественных условиях современного строя. Вы знаете это, но... вы не смеете вымолвить последнего слова. Вы в смущении лепечете: здесь медик бессилен, здесь наша наука останавливается... Да, жалкие недоучки, *ваша* наука останавливается, потому что это еще не наука, а лишь отрывки знания, размещенные в клетки, разгородки которых ваше нравственное бессилие не может разрушить. Но для настоящей науки эти разгородки не существуют. Наука, настоящая наука — одна. Медик бессилен перед эпидемией, вызванной голодом и нищетой. Да, медик точно бессилен: он не пропишет лекарства против этой болезни, он не может даже построить для нее госпиталя. Медик бессилен, но медик — человек, медик — член общества; там, где медицина умолкла, раздается голос социологии, и она говорит медику: я — верховная, царственная наука — скажу средство там, где мои помощники бессильны. Против социальной болезни нужно и социальное лечение. Когда нищенство масс есть неизбежное следствие общественного строя, когда этот строй грозит человечеству вырождением, когда медик и геолог, техник и философ, все, что мыслит искренно, все, что мыслит научно, — становится в одни ряды, решает одну социологическую задачу, которая решается не в кабинете, а на площади, не одним отвлеченным мышлением, но и целесообразным действием. Эта задача, одновременно задача науки и жизни, есть *социальная революция*.

Социальная революция есть научное решение научной задачи. Вы не хотите видеть это по непоследовательности и трусости мысли, из личного интереса и из желания спокойствия в вашей

жизни паразитов и эксплоататоров. Мы решим задачу и тем самым дадим возможность осуществиться цельной и стройной науке будущего, способной решить все задачи, поставленные нашими предшественниками и перед цельностью которых вы остановились в бессилии. Мы работаем именно для того, чтобы создать науку, более широкую, более цельную, более последовательную, более систематическую, чем ваша, а вы толкуете, что мы «исключаем» науку из будущего общества... Мы верим, что вы говорите это даже не из обычного лицемерия, а из жалкого умственного бессилия, из ребяческого недомыслия.

Мы сравнивали до сих пор *содержание* науки для будущего и для настоящего общества, и, при всем громадном превосходстве первой, мы не колеблясь признали, что, по крайней мере, вопросы будущей науки давно уже поставлены и суть те самые вопросы, которые существуют и для современной науки. Но если мы обратимся к сравнению *общественной роли* науки в обществе рабочего социализма и в среде нынешних буржуазных эксплоататоров, то придется сказать, что нынешние «защитники науки» от социалистического варварства не имеют даже ни малейшего понятия о той роли, которую по всем правам должна играть в коллективной жизни наука, роли, которую она, безо всяких искусственных мер, *будет* играть в будущем строе.

В самом деле, что за ничтожную роль играет в настоящее время в общественной жизни наука, это лучшее, едва ли не единственное великое приобретение старого мира!

Среди миллионов безграмотного населения, задавленного работою из-за куска хлеба, недоступного по недостатку досуга для какого бы то ни было научного вопроса, в *некоторых* государствах развивается грамотность и существуют школы; но что за пособие для мысли *эта* грамотность, *эти* школы? Для темного люда существует и особая литература, тщательно охолощенная от всяких серьезных вопросов, существует особое миросозерцание христианского фетишизма и поучения, миросозерцание, над которым смеются, которое презирают все представители современной интеллигенции. Система грамотности, школ и литературы для народа в самых передовых государствах в *этом* отношении есть система отупления масс, система формализма, который дает лишь более возможности господствующим классам упрочивать свое господство под личиною просветительной филантропической деятельности. А прибавим, что для России и эта мизерная доля участия масс в движении современной мысли официально выражается следующими цифрами: *одна* школа на 3.435 душ населения, один учащийся на 84 жителя.

Над этими массами, которые совершенно забыты защитниками науки и которых даже эти защитники всеми силами отталкивают от ее области, стоит система школ для образованных сословий, система школ, которая создает все органы деятельности и

власти господствующих классов. Что же? Вырабатывают ли эти школы научную мысль, интерес к научным вопросам? Внушают ли они уважение к науке?— Подите на Невский проспект в Петербурге, на Итальянский бульвар в Париже, на Роттен-Роу в Лондоне, Под-Липы в Берлине, посмотрите на толпу блестящих представителей господствующих классов современного общества в этих «фокусах цивилизации», и вам покажется совершенно комичным толковать о «научных вопросах», о «научной мысли» в отношении к подобному люду. Ступайте на выход в Зимний дворец или в собрание германского рейхстага, или в палату лордов, загляните на биржи — эти храмы действительного современного культа — и попробуйте спросить себя: какую роль наука играет в мысли и деятельности политических и экономических владык нынешнего мира? Это был бы вопрос помешанного. — Огромному большинству образованного класса, прошедшего через все училища, гимназии, лицеи, университеты, наука в ее действительной сущности — бессодержательное, непонятное слово; в деятельности этого большинства она просто *никакой* роли не играет. Совершенно понятно, что в России министры просвещения с откровенной наглостью заявляют, что эта никому ненужная роскошь годна лишь для богатых.

Но вот маленькое, очень маленькое меньшинство действительных ученых. Допустим, что их тысяч пять (что чрезмерно много) для полутора тысячи миллионов современного человечества. Это — лучший, единственный, истинно прогрессивный продукт буржуазной цивилизации последних столетий. Какова же общественная роль этих *лучших*? Какое место они занимают в господствующих слоях общества? Как смотрят на них *силы* мира? Как смотрят они сами на себя?

Нигде и ни в чем жалкая, позорная роль науки в настоящее время не выражается так резко, как в положении этих «представителей прогресса исторической мысли». За исключением нескольких единиц, выдвинувшихся случайно из толпы товарищей и разыгрывающих видную политическую или общественную роль, *несмотря* на свое звание ученого, вся остальная «умственная республика» занимает *последнее* место в распределении влияния между группами господствующих классов. Генерал-фронтовик, дошедший до осмысленного понимания лишь слов команды; чиновник, дописавшийся и докланявшийся чрез тридцать лет корпения над отчетами, докладами и регистрами до крупного титула; биржевой пройдоха, награбивший миллионы ловкой спекуляцией; фабрикант, знающий лишь свои котлы или станки да систему высасывания жизненных соков из рабочего; крупный землевладелец, проведший в пьянстве, в разврате, в гиканьи на заезжем поле и в храпении самую большую и самую безобидную часть своей жизни, — все эти общественные силы скорее будут приглашены в совет государей или народных законодателей для

решения государственных вопросов, чем доцент, профессор, академик, член всевозможных ученых обществ, светило первой величины в мире современной науки. Эти *силы* будут с высокомерием и с некоторым презрением смотреть на *непрактического* человека; они спросят его, как эксперта, и примут его данные к сведению, но им показалось бы совершенно диким дать ему роль в руководстве общества потому только, что он, дескать, ученый. Вот если он — банкир, лорд, крупный собственник, это — другое дело. Но ученый!.. Полноте, разве наука, как наука, может заслуживать какую-нибудь видную роль в современном обществе!

И заметьте, что это сознание ничтожной, совершенно ничтожной роли науки в современной общественной жизни признается вполне правильным огромным большинством современных ученых. Скажем более: при нынешней организации ученых занятий эта ничтожная роль им дается совершенно правильно, так как они, в огромном большинстве, не имеют умственного права на какую-либо иную роль. Когда один из великих умов только что истекшего периода создал в своей фантазии общественный строй с учеными во главе,— как Платон ставил во главе государства философов, — то эта позитивная диктатура ученых могла быть мыслима лишь в связи с энциклопедической иерархией наук, да и при этом осталась фантастическим уродством вследствие перенесения в будущий общественный строй из старого мира старой системы разделения работ.

Действительно, послушайте большинство ученых мыслителей: они проповедуют, что ученому должно сторониться от жизненных вопросов современности, они проповедуют своему миру политический и социальный индифферентизм.

Да и на что годится большинство их в политических и общественных вопросах? Вот математик, астроном, химик, зоолог, слово которого на конгрессе специалистов — и по праву — есть божественный глагол. Но это светило науки не понимает самого элементарного вопроса из соседней области. Этот великий ум объездил мир в ученых экспедициях — то были знаменитые подвиги ученого самоотвержения и научных завоеваний — и в этих экспедициях даже не подумал ни разу о судьбе народов, среди которых жил, о смысле казней в Дагомее [73], крепостничества в недавней России, громадных владений лордов в Великобритании, продажности представителей народа в Соединенных Штатах Америки. Он толкался с своим геологическим молотком среди горнорабочих, он прилагал теорию вероятностей к статистическим таблицам смертности ткачей, он измерял суженный череп и исхудалые члены рахитических детей белорусских крестьян, и в этом образцовом мозгу, выработанном всею предыдущею цивилизацией, никогда не шевельнулась мысль о том, что пред ним данные самого громадного исторического вопроса, вопроса социального. Он видел все это и со спокойною совестью, с детской

беззаботностью пожимал руку эксплоататорам, преклонялся пред биржевыми царями, принимал ордена от деспотов, выпрашивал подачки из бюджета, залитого народною кровью. Для *его* науки страдание народов, борьба сословий, нравственность человечества составляли совершенно посторонний вопрос.

Но это был посторонний вопрос не только для математика или натуралиста. Современная борьба за свободу и за правду была посторонним вопросом для историка, который жил мыслью в обществе времен Перикла[74] или Ивана Грозного. Задача о справедливом общественном строе была задачею постороннею для юриста, который воссоздавал в своем уме связь между эдиктами преторов, законами лонгобардов[75] и кодексом Наполеона. Ученый исследователь народной литературы, следя ревностно за всеми оттенками ритма и метафор в вариантах народной песни, оставался глух к звуку народного горя, в ней воплощенного. Это было не *его* дело. Это была не *его* специальность. Лучшие продукты цивилизации последних столетий, талантливые и даже гениальные ученые оказывались в большинстве уродливыми умами, искалеченными узкими разгородками своих специальностей, неспособными понимать жизнь, неспособными наблюдать ее. Немудрено, что общественные эксплоататоры не давали места в своих советах этим уродам эрудиции, этим гениальным калекам науки.

Между этой ролью производства образцов уродства мысли и общественной ролью, которую мы требуем для науки будущего, нет ничего общего.

Мы требуем науки для *всех*. Не грамотности и не катехизиса. Не школ, личкающих учеников вокабулами, собственными именами и отрывочными фактами, не школ, которые неспособны развить ни жажды понимания, ни критики мысли, ни сочувствия к человечеству, ни вражды ко злу, ни нравственного чувства обязанности; не школ, внушающих презрение к науке, воспитывающих лакеев, карьеристов и лицемеров. Не факультетов, разграничивающих науку на кельи для помешанных с одною неотвязною мыслью и громоздящих в этих кельях разделения и подразделения со строгим требованием (будто бы научным) уместить всю работу мысли в одну келью, в один отдел ее, в одно подразделение этого отдела. Мы требуем *для всех* науки, уясняющей мир в связи его реальных явлений, уясняющей человека в единстве его физической, умственной и нравственной жизни, уясняющей общество в его правомерных требованиях общего благосостояния, солидарности между всеми и каждым, справедливости для всех и каждого. Мы требуем *для всех* науки, усвоившей вопросы жизни; науки, которая была бы живым элементом в живом процессе общественного развития; науки, в самых отвлеченных, в самых мертвых сферах проникнутой сознанием подготовления живых вопросов, развития живых задач современности; науки, вырабатывающей крепкую мысль цельного живого человека и

ставящей ему основною задачей знания: учись, чтобы уметь жить; знай, чтобы понимать, как *должно* жить.

Мы хотим для знания господствующей, преобладающей, всеобъемлющей роли в обществе. Не конгресса гениальных специалистов, не понимающих ничего за узкими пределами своего *фаха*[76]. Не собора философов-теоретиков, смотрящих с высоты своего уродливого умственного величия на толпу, трудящуюся в поте лица у их ног. Мы хотим, чтобы *всякий* человек, *всякий* работник физического труда был в то же время работником мысли. Мы хотим *для всех* достаточного досуга, чтобы понять задачи науки. Мы хотим *для всех* доли в ее умственных наслаждениях. Мы требуем для каждого ученого, для каждого мыслителя, почетного права разделять физический труд братьев, почетного права сознавать себя их товарищем в борьбе за жизненную справедливость, за нравственное благо. Мы требуем для ученых не только места в истории теоретической мысли, но и места среди их братьев в истории практического прогресса человечества. Мы требуем, чтобы их ум не был искалечен схоластическими перегородками, чтобы их душа не была развращена обязательным равнодушием к радостям и печалям их братьев, чтобы их тело не было изуродовано и отравлено непривычкою к физическому труду. Мы требуем для них *полных* прав человека, и мы дадим им эти права.

Понимаете ли вы теперь, жалкие болтуны о том, будто мы «исключаем науку из будущего общества», понимаете ли вы, чего мы хотим? Понимаете ли вы, что такое будет эта «коммуна физических работников»? Всякий работник физического труда будет *в то же время* работником мысли. Разделяя физический труд на всех, доводя принцип разделения труда до его высшего предела, ограничивая минимумом время каждого специального труда и время всего физического труда для каждого работника, меняя труд, чтобы сделать его здоровым и привлекательным, будущая община даст *всякому* достаточно досуга для того, чтобы *всякий* мог достичь образования, которое бы позволяло ему интересоваться всеми живыми научными вопросами, понимать их и наслаждаться умственными наслаждениями, совершенно незнакомыми теперь огромному большинству человечества; достаточно досуга, чтобы *некоторые* не остановились на этом образовании (далеко превосходящем нынешнее), но, рядом с своим участием в физическом труде *всех*, посвятили свои досуги ученым открытиям не как выделенный кружок умственных редкостей, а как живой элемент живого целого, находя сочувственный отзыв своей работе мысли во всем обществе, их окружающем.

Не общину «физических работников» создаем мы, а общину всесторонне развитых работников, сознающих свою солидарность в физическом труде, как в труде мысли, с своими современниками, с минувшими поколениями и с далеким будущим. Ва-

ше разделение труда, которым вы отупляли пролетария и искалечивали мысль ученого, сделается в гармонической организации труда именно средством всеобщей солидарности и всеобщего развития.

Понимаете ли теперь, почему мы осмеиваем *вашу науку*, почему мы отвращаемся от *ваших* школ? Потому что ваша наука *недостаточно* научна, потому что ваши школы суть пародии на *настоящие школы*. Мы хотим *настоящих* школ, и только социальная революция создаст их. Мы хотим настоящих ученых, и социальный строй выработает их.

Вы видите, что спор о допущении или недопущении работников мысли в состав Интернационала имел совершенно преходящий, временный интерес, независимый от сущности их работы. Теперь существует разделение труда таким образом, что работники мысли в огромном большинстве не суть работники физического труда, а потому большею частью по привычкам и симпатиям принадлежат буржуазии, следовательно, могут по праву внушать недоверие рабочему классу. К будущему обществу самый вопрос не приложим, так как в нем не будет двух противоположных классов работников, а всякий работник физического труда будет в то же время работником мысли.

Может быть, теперь вы несколько поймете и спор о науке и школьном учении, который, говорят, в записке министра юстиции выставлен столь существенным отличием враждующих будто бы социальных партий. Против науки будущего, *настоящей* науки, никто не спорил. Никто не отвергал и школ будущего общества. Никто не отвергал и необходимости учения. Но живое сознание необходимости социальной революции для осуществления *единственной* настоящей науки, *единственных* рациональных школ, выразилось двояко. Одни, под влиянием этого сознания, под влиянием отвращения к жалкой и позорной роли науки в современном обществе, думали, что можно разом оборвать все связи с этим недоразвитым продуктом мысли; они торопили социальную революцию, оставляя *все остальное* на последующее за ней время и думая, что к ней можно подготовить себя и других, разорвав все связи с научным мышлением. Другие, — и к ним принадлежал «Вперед», — считали этот решительный обрыв неудобным и помощь научной мысли, даже в ее теперешнем состоянии, существенною для революции. Разногласие было не в понимании роли науки для будущего общества. Оба оттенка социалистов уважали эту науку несравненно более, чем уважаете ее вы, ее эксплоататоры и унизители. Разногласие было лишь в понимании ее вспомогательного значения в настоящую минуту. И на этот счет вы можете успокоиться: разделение мнений вовсе не так велико, чтобы не допускало соглашения, а практика борьбы учит лучше всякой теоретической полемики.

Пора кончить. Нельзя быть очень раздраженным на против-

ников, которых приходится обвинять скорее в невежестве и в непонимании, чем в злонамеренности. Мы советуем им хорошенько подумать о том, что *они* сделали из науки, которую защищают. Мы им сказали, что *мы* намерены сделать из нее. Пусть читатели сравнят и судят.

ДВА ВАЖНЫЕ ДОКУМЕНТА

Лондон, 13[1] августа.

Газеты принесли нам отчет о первом из многочисленных процессов по социально-революционной агитации последнего времени[77]. Друзья прислали нам копию с официальной записки о распространении этой агитации. Отчет о процессе, как и следовало ожидать, сжат и узок до последней крайности. Записка совершенно ясно показывает растерянность государственных знахарей-эмпириков пред фактом, который пугает их своею громадностью и который в то же время им хотелось бы выставить неважным и легко излечимым; пред фактом, в котором они не могут скрыть присутствия высокого нравственного самоотвержения со стороны большинства деятелей и относительно которого им в то же время желательно было бы внушить читателям убеждение, что он есть результат самой глубокой безнравственности. Таким образом, материал, представляемый этими документами, крайне недостаточен, очевидно лжив, и мы не сомневаемся, что наши друзья в России дадут нам возможность со временем дополнить, исправить и разъяснить его читателям данными, которые никогда не проникнут в официальную и официозную печать. Но при всей недостаточности этого материала он все-таки представляет уже теперь возможность хотя несколько ориентироваться относительно полученных результатов агитации, относительно тех действий правительства, в которых оно само представляет материал для дальнейшей агитации против него, и относительно тех мер, которые следует принять деятелям революции, чтобы сделать свою пропаганду более плодотворною.

Прежде всего в только что полученном экземпляре процесса бросается в глаза крайняя небрежность прикрыть тенденциозность суда даже какими-нибудь юридическими приличиями. Все актеры этого жалкого фарса вполне проникнуты сознанием, что они ни для кого и ни для чего не нужны, что никто не верит в *серьезность* их функций, как органов юридической правды и юридического беспристрастия; они проникнуты этим сознанием настолько, что даже не трудятся прикидываться юристами, стремящимися открыть истину. Все исполняют свое дело с плеча, не заботясь о самых обыкновенных приличиях.

Товарищ обер-прокурора Шрейбер произносит дубоватую речь, пересыпая ее на каждой строчке словами: «преступные сочине-

ния», «преступные стремления», «преступные попытки», не тратя дорогих цветов красноречия и не делая ни малейшего усилия убедить почтенных «сенаторов и сословных представителей» в верности обвинения, верности, к которой эти почтенные лакеи-палачи, конечно, вполне равнодушны. Он самым наивным образом противоречит сам себе в одном и том же периоде своего бестолкового словоизвержения, то признавая, что передача «преступных сочинений» в незначительном количестве может служить «указанием на то, что преступные сочинения были передаваемы без злого умысла», то сейчас же утверждая, что «передача даже одного экземпляра преступного сочинения есть также передача злоумышленная». Он, не краснея, обвиняет подсудимого (Диомида Александрова) в «передаче» книг лицам, самое существование которых «не обнаружено», и не находит нужным что-либо возразить адвокату, который осмелился указать этому служителю юридической правды, что «это значит почти то же, что обвинять человека в нераскрытом преступлении». Он обещает в начале речи показать слушателям те «действия нижних чинов московского полка», которые «доказывают, что в русской армии живет дух воинской дисциплины и... глубокая преданность престолу и отечеству», да так потом и не показывает совершенно ничего. Наконец, г. Шрейбер находит совершенно излишним даже возражать что бы то ни было адвокатам подсудимых, хотя очевидно, что дело вовсе не было разъяснено юридически, степень участия в нем четырех лиц из всего числа обвиненных была крайне сомнительна, а все главные свидетели были в высшей степени подозрительны. Но г. Шрейбер совершенно прав. К чему ему трудиться для такого очевидно нелепого фарса?

Столь же бесцеремонны господа «сенаторы и сословные представители». Да и на что им церемониться? Большая часть из них уже люди *бывалые* и знакомые читателям «Вперед». Как обвинитель Шрейбер фигурировал в числе законодателей по вопросу о «недозволенных сообществах» (см. «Вперед», т. III, отд. II, стр. 122), так гг. сенаторы Евреинов, Тизенгаузен, Хвостов[78], гг. представители сословий русской империи кн. Мещерский[79], Новосельский, Зарин были записаны нами (см. там же, стр. 200) в числе судей по долгушинскому делу[80]. Из новых лиц, согласившихся разделить с этими историческими знаменитостями славу юридического лакейства, встречаем сенатора Турунова и предводителя дворянства Сназина-Тормасова. Что же, прибавим и эти имена. Их запомнят наши друзья в России. — Таким образом, большинству представителей «правды и милости» стесняться, действительно, было нечего. Они заклеймены, привыкли к плевкам правительственных поручений, привыкли к презрению со стороны всего, что насколько-нибудь *живет* в России, и делали свое дело, как исправные лакеи-палачи. Они отказали защитникам в прочтении основного материала обвинений, так что на *гласном*

и публичном суде были *гласно* и *публично* предъявлены лишь обертки тех самых книг, за *содержание* которых ссылали людей на каторжные работы. Они отказали в допросе подсудимых, допросе, который мог сколько-нибудь уяснить для посторонних слушателей или для самих судей нравственный смысл участия того или другого подсудимого в рассматриваемом деле. Они прямо и откровенно обнаружили, что не нуждаются ни в каком разъяснении, что заявленные сыщики для них — прекраснейшие свидетели, что противоречия в свидетельских показаниях, режущие глаза, вовсе неинтересны для них, что обвинитель может говорить, что угодно, и они лакейски-безупречно, скотски-единогласно произнесут свое «виновны» на все вопросы обвинителя.

Что сказать о защите? Мы посылаем радостный привет в темницу двум незнакомым нам братьям, Дьякову и Сирякову [81], которые сумели вынести из суда и следствия чистым свое знамя, наше общее знамя. Они, как видно из обвинительного акта, прямо заявили, что целью их деятельности была социальная революция; они решились не обращаться к помощи адвокатов; решились не отвечать на судебном следствии. Действительно, в данном случае улики были слишком очевидны, чтобы они могли понадеяться вывернуться и продолжать свою агитаторскую деятельность; они не могли думать и не подумали о попытке ослабить наказание ценою личного унижения. Они остались вполне верны своему делу. Трудно судить, насколько они поступили правильно, отказавшись от речей на суде и, следовательно, от возможности публично провозгласить начала социальной революции, которым служили, как начала единственно обязательные для всякого, любящего народ русский. Вероятно, они заранее знали, и знали наверное, что им *этого* говорить *не дозволят*. Конечно, в подобном случае может быть полезнее для дела было бы сделать все-таки попытку и вызвать фактическое доказательство, что в «гласном судопроизводстве» русской империи защита — *несвободна. Мы,* впрочем, не можем быть уверены, не была ли сделана подобная попытка, и не скрыл ли это «Правительственный Вестник», а за ним и другие газеты. Со временем мы узнаем и напечатаем то, что теперь неизвестно. Но, во всяком случае, при отсутствии более подробных сведений, мы теперь же заносим на наши страницы, что Дьяков и Сиряков были *первые обвиненные социалисты,* которые не дозволили защитникам бросить пятна на знамя социализма, открыто признали себя приверженцами социальной революции и спокойно пошли под удары судей-палачей, как на ожиданную случайность социально-революционной борьбы. Вологодская семинария дала партии будущего двух молодых деятелей, имена которых с гордостью вспомнят их товарищи. Идите, братья, спокойно и мужественно на ваше мученичество! Может быть, вам не долго придется переносить его, но прекратит его не милость царя-кровопийцы, а взрыв русского народа...

Об адвокатах других обвиняемых мы затрудняемся высказать определенное мнение, настолько жалок отчет о прениях в «Правительств. Вестн.». Повидимому, и защитники этот раз вовсе не думали скрывать своей уверенности в совершенной бесполезности своей аргументации и довольствовались даже меньшим того, что требовало обычное юридическое приличие. Все, что находим в газетах из их речей, носит на себе следы крайней искусственности, а существенные вещи если и выставлены, то как бы мимоходом, с чрезмерной осторожностью. Но, повторяем, при том крайнем искажении прений (они все сбиты в один номер «Прав. Вестн.»), которое встречаем в газетах, мы не в праве делать никакого заключения, пока не получим от приятелей более подробного отчета об этих прениях.

Чем же из этого дела можно воспользоваться для будущей деятельности социальных революционеров в России и особенно для агитационной пропаганды? Мы думаем, что в нем есть пункты, которые не следует пропустить без внимания, и они не ограничиваются новым фактическим подтверждением общего правила, насколько необходима осторожность и внимание при выборе личностей, к которым пропагандисты обращаются для расширения своей пропаганды. В настоящем случае три сыщика были введены в число распространителей, чего, с некоторою осторожностью, может быть, легко бы избежать. Но осторожность и внимание сами собою предполагаются всегда и везде, — следовательно, на этом пункте нечего останавливаться.

Но пропагандисты в народе обратят в этом процессе внимание, между прочим, на другое обстоятельство, именно на то, как мало повредили Дьякову и Сирякову и как мало помогли Герасимову [82] и Диомиду Александрову [83] различные способы, принятые теми и другими держать себя на суде. Дьяков и Сиряков ни против кого не показывали, не пробовали свалить с себя ответственность на других и ничем не помогли обличителям-сыщикам и судьям-палачам. Герасимов и Александров пытались свалить беду один на другого да на Дьякова, пытались выгородить себя насколько возможно, проходили чрез все юридические уловки, которые, при суде *юридически-добросовестном,* должны бы внушить сомнение судьям и облегчить значительно их участь. В результате же приговор назначил для всех первых четырех обвиняемых высшую легальную степень наказания, и вся разница в приговоре была как раз такова, какую требует буква закона между зачинщиком (Дьяковым) и его пособниками, совершеннолетними (Герасимов и Александров) и несовершеннолетним (Сиряков). Почтенные судьи-лакеи не взяли ни на иоту в соображение, насколько подозрительны личности сыщиков-свидетелей, как велики противоречия в показаниях их и в показаниях солдат, как крайне недостаточны улики (особенно против Александрова) и насколько все эти обстоятельства требовали бы с юридической точ-

ки зрения смягчения приговора для двух мещан. Дьяковское дело даст прекрасный материал пропагандистам для убеждения лиц, вербуемых из народа в ряды социальной революции, что в существующих судах нет и не может быть для них правды; что судьи-лакеи не обращают ни малейшего внимания на обстоятельства, облегчающие вину подсудимого или принуждающие усомниться в этой вине; что этим жалким орудиям мести испуганного деспота заранее предписано, что и как сделать, а потому приговор их нисколько не может быть изменен юридическими уловками подсудимого и попытками его спасти себя, свалив вину на товарищей. Герасимов и Александров ничего не могли потерять, если бы отказались вовсе отвечать и держались бы стойко, никого не запутывая и не обвиняя. Между приговором зачинщику всего дела и откровенному стороннику социальной революции, Дьякову, с одной стороны, и приговором Александрову, относительно которого не доказана передача *ни одного* экземпляра запрещенной книги — с другой, разница всего на *один год* каторги. Всякий пропагандист сумеет весьма убедительно воспользоваться этим фактом для того, чтобы сказать товарищам: стойте крепко, держите свое знамя высоко, не выдавайте никого, отказывайтесь отвечать; вы этим не повредите себе ни на иоту.

Другое, весьма немаловажное обстоятельство, которое можно вычитать из данных этого процесса при всем искажении отчета о нем, есть обстоятельство, которое было тщательно прикрываемо обвинением, но которое лезет на свет изо всех дыр этих юридических лохмотьев. Уже многие корреспонденции приносили нам известия, что пропаганда в народе встречает весьма часто удобную почву и что пропагандисты из народа начинают уже появляться то там, то сям рядом с пропагандистами из привилегированных классов. Факты дьяковского процесса подтверждают это бесспорно, тем более, что, очевидно, ни личности, которые тут действовали, ни среда, в которой они действовали, не были исключительны; между тем эта среда оказалась восприимчива, два пропагандиста из народа успели даже скрыться от преследований, а краткость времени действия не могла дозволить более значительного распространения пропаганды. — Но есть еще весьма значительный и для нас утешительный факт, о котором мы не решались до сих пор говорить с читателями, хотя имели об нем сведения (см. прим. на стр. 263 в № 9), но который вполне обнаружен настоящим процессом. Пусть прокуроры и адвокаты толкуют в напыщенных фразах о «проявлении всегда и всюду» в русской армии «духа воинской дисциплины и глубокой преданности престолу», о «вполне испытанной преданности русского солдата царю». Мы знаем теперь, и внимательные читатели газет знают, что самая трудная часть пропаганды, перед трудностью и опасностью которой многие останавливались в недоумении, *пропаганда в войске,* даже в твардии русского императора,

не представляет вовсе непреодолимых трудностей. Если здесь *можно* работать уже теперь с успехом, *то и должно работать здесь усиленно,* и это поле действия привлечет на себя *особенное* внимание русских пропагандистов. Мы, впрочем, и теперь воздержимся от дальнейшего развития этого пункта.

Но мы сказали уже, что дьяковское дело — едва заметная частица того громадного процесса об агитации, который охватил почти всю Россию своею сетью и о котором мы печатаем официальную записку, вероятно, ту самую, которая служила основанием недавно помещенному в газетах циркуляру графа Толстого. Она не нуждается в комментариях. Разбросанные деятели социальной революции из нее увидят, как далеко раскинулась пропаганда их товарищей. Из 37 губерний, названных в этой записке, весьма многие представляют, повидимому, по нескольку *независимых* друг от друга центров пропаганды, так что число этих центров, *открытых правительством,* далеко превышает испугавшую всех цифру 37, хотя, конечно, следует взять в соображение, что весьма многие из этих «революционных кружков» записки, как нам очень хорошо известно, состояли из очень мирных личностей и попали в список революционеров лишь «по недоразумению» да по желанию сыщиков увеличить важность своей деятельности. Зато, само собою разумеется, эти революционеры по недоразумению сыщиков, которых следует скинуть со счета, с избытком покрываются кружками и центрами пропаганды, о которых не знают сыщики и которых они, как мы надеемся, не откроют так легко. Как бы то ни было, для разбросанных деятелей революции в высшей степени важно знать, что почва уже затронута в стольких местах и что они, при правильной организации, могут рассчитывать на немалое число пособников и на некоторую подготовку почти всюду, куда судьба бросит их для деятельности.

В виду этого распространения пропаганды, в виду содействия ей или участия в ней со стороны личностей, которых никаким образом нельзя назвать ни мальчишками, ни недоучками, ни людьми без положения и без будущего в прежнем обществе, совершенно карикатурны те средства, на которые намекает с некоторою осторожностью записка и на которые с большою смелостью указывают граф Пален и граф Толстой в своих циркулярах. Записка жалуется (стр. 466), что «деятельность агитаторов не встречала достаточно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета о значении и цели этих преступных стремлений, до сих пор относилось к ним с апатией, равнодушием, а иногда даже с сочувствием, и что «молодежь»... не находит отпора пагубным и разрушительным учениям в этой среде, где она растет и развивается». Граф Пален находит (см. «Вперед», № 8, стр. 235) необходимым, «чтобы еще во-время все благомыслящие элементы обще-

ства соединились с тем, чтобы не только в официальной деятельности, но и в сфере частной жизни противодействовать влиянию и распространению этих вредных и разрушительных начал». Граф Толстой наставительно говорит, что «школа должна воспитывать семью», что «наставники заменяют в этом случае родителей» именно для «отпора пагубным и разрушительным учениям» и что «не только долг, но и совесть» (для графа Толстого существует и такой «долг», который противоречит повелениям совести) обязывают органы русского просвещения приготовить «верноподданных не по имени только, а на самом деле, людей достаточно развитых и просвещенных, которые сознательно поддерживали бы государственный порядок».

Итак, русское правительство в своих самых видных представителях жалуется на «апатию и равнодушие» русского общества и взывает к его помощи, к самодеятельности «благомыслящих элементов» этого общества и к нравственному влиянию официальных «наставников» для «отпора пагубным и разрушительным учениям»... Мы не станем останавливаться на противоречивых и самообличительных заявлениях двух министров русского императора. Этому предмету посвятил подробное рассуждение наш сотрудник, статью которого мы поместим в следующем номере. Но что это за среда, к которой обращается за помощью русское испуганное императорство? Что это за «благомыслящие люди»? Что это за официальные «наставники», долженствующие воспитать людей, «которые сознательно поддерживали бы государственный порядок»?

Это — самая та среда, из которой в продолжение целого ряда поколений батогами и пытками, фухтелями Павла и Аракчеева, каторгою и шпионством выколотили и выморили всякую самостоятельность, всякое человеческое достоинство. Это — самые те «благомыслящие люди», которых выучили говорить под диктовку всякой власти, от любовника императрицы до квартального включительно; те самые, которых выучили чувствовать по указаниям табели о рангах, начиная с дядюшки Максим Петровича, который кувыркался для улыбки Екатерины, до коллежского регистратора, который доносил, когда в трактире кто не скинет шапки при разыгрывании органом «Боже, царя храни!» Это — те самые официальные «наставники», которые выкланялись и выподличали свои жалкие места у директоров и которым первым условием было поставлено — не думать. Русское императорство употребило все усилия, чтобы русское общество дошло в умственном и нравственном отношении до последней степени низости. Оно разрушило в России всякую политическую жизнь, а теперь ищет около себя крепкую буржуазию для борьбы с социализмом. Оно производило в продолжение многих поколений искусственный подбор «благомыслящих людей» для выработки в этом обществе наиболее идиотского и

лакейского типа человека. Оно из этих продуктов человеческого скотоводства выбирало в «наставники» юношества тех, которые отличались самыми характеристическими признаками принижения умственного и нравственного. И теперь, когда успех этого подбора выказался в достаточной мере, когда русское «благомыслящее» общество обратилось в достаточно вонючий кисель, когда официальные «наставники» достаточно заслужили всеобщее презрение молодежи, — теперь русское правительство ищет опоры в этом вонючем киселе, хочет обратить в пророков и апостолов этих презренных, запачканных школьных ищеек... Надо господам министрам иметь колоссальную наглость, чтобы написать подобное воззвание. А жалкий царек радуется, как хорошо пишут столпы его империи.

Среди этого благомыслящего общества жуиров и хищников, готовых продать все за чин да за теплое место, за концессию или за хороший куш, выигранный на бирже; среди этих чиновников-воров, собственников-воров, земцев-воров; среди этих губернаторов-убийц, фабрикантов-убийц, железнодорожников-убийц те же самые министры поднимают голос против социалистов-революционеров, обвиняя их в том, будто они «вознамерились избрать своим оружием именно воровство, грабеж и убийство». Мы уже говорили о социально-революционной нравственности по поводу слов циркуляра графа Толстого. Но вот перед нами «факты» следствия, на которых основано было высоконравственное обвинение министра просвещения. Вот они, безнравственные социалисты! Это — помещица, которая ведет пропаганду против того самого богатства, с которым могла бы спокойно жуировать в столице или за границей. Это — дочери высших чиновников, которые для черной работы отказываются от своего положения в ряду благовоспитанных девиц, посвящающих досуги ловле женихов и продающих свое тело мужу, сгнившему в разврате, исподличавшемуся в лакейских властей, изворовавшемуся на бирже. Это — человек, который отдает 40 000 рублей, «почти все свое состояние», на дело пропаганды. Это — офицеры, которые не едут грабить дворец хивинского хана, не добиваются места батарейного и бригадного, чтобы обворовывать солдат, не убивают друг друга на дуэли за публичную или за аристократическую развратницу, а идут работать кузнецами среди народа, чтобы проповедывать социально-революционное евангелие... Что за безнравственные люди! Как удобно привести подобные примеры «самых ярых вожаков крайней революционной партии» для подтверждения слов министра просвещения, что эти люди хотят «именно» воровства, грабежа и убийства... Но граф Толстой, скажут мне, имел в виду других. О, да; перевернем страницу. Из 2 000 захваченных, из 770 обвиненных по суду, из чуть ли не сотни известных сыщикам кружков следствие открыло, будто бы в двух кружках «предполагалось» произвести грабеж; да в пись-

ме одного человека выражено будто бы «сочувствие» к «возникающему» (даже не возникшему) сообществу фальшивых монетчиков; да еще один мальчик 15 лет советовал будто бы другому обокрасть, «как можно полагать», по совету одного из «самых ярых вожаков революционной партии»; да в одном кружке «найдены адресы» конокрадов... И это все? И граф Толстой говорил только на основании этих «предположений», этих, «как можно полагать», этих смутных «сочувствий», этих адресов... Что все это ложь, видно уже из крайней нерешительности терминов записки; но допустим на минуту невероятное; допустим, что это было бы правда. Из 2 000 захваченных и 770 обвиняемых оказалось бы два человека, *сочувствовавших* и *толковавших* о чем-то смутно зарождающемся в роде фальшивых ассигнаций и кражи. Из 100 кружков два будто бы «предполагали» грабить... *Один* человек на *тысячу! Один* кружок на *пятьдесят!* И еще *сочувствовали, толковали, предполагали...* Да взгляните в зеркало, милые опоры престола и собственности! Возьмите список начальников отдельных частей армии и флота, список всех лиц, занимающих хлебные места, список всех губернаторов, список переводителей дворянства и председателей управ, список городских голов, список министров и членов августейшей семьи и, просмотрев этот список за последние 25 лет, осмельтесь сказать, что в нем есть 5 на 1 000, которые бы не грабили, не крали, не убивали... *Пять на тысячу!* Да это чересчур много. Таких не будет *один на тысячу*... И вот говорим не о «сочувствии», не о «предположении», а о самом факте воровства, грабежа, убийства. Повторяем, не будет одного на тысячу, чистого от этого факта... А ведь вы, наследственные воры, наследственные грабители, породили то поколение, которое отказалось теперь от традиции хищничества и подняло знамя социальной революции! Если бы все ваши дети, подобно «благомыслящим», оказались ворами и плутами, это было бы в порядке вещей. Удивительно то, что ваше гнилое семя могло вырастить хотя нескольких самоотверженных борцов за истину. Удивительно, что святая купель социализма в состоянии была омыть ваших детей настолько, что вы можете лишь *одного из тысячи* заподозрить, да и то лишь в «сочувствии», в «предположении» тех дел, которые составляют ваше прирожденное свойство. А самое это подозрение вы произносите так робко, таким дрожащим голосом, что вы, очевидно, сами сознаете его лживость... Именно здесь видна очищающая, возрождающая мощь социализма... И это — развращенные социалисты-революционеры пред высоко-нравственным обществом старого мира!

Но социалисты-революционеры не успокаиваются в своем нравственном превосходстве, не предаются розовым мечтаниям в сознании гнили мира, против которого они борются; паника растерянного правительства и нравственное бессилие общества

еще не обеспечивают победы партии будущего. Эта партия должна выработать в себе возможность победы собственными средствами. Серьезные социалисты-революционеры знают очень хорошо, что настоящая организация пропаганды, как она ни кажется «опасною» автору записки, тем не менее составляет лишь элементарный зародыш того могучего революционного организма, который должен охватить собою все революционные силы России, связать их друг с другом полною солидарностью в действиях и, не отнимая самостоятельности у разных местных центров, совокупить все эти центры в одно гармоническое целое, способное в каждую данную минуту направить свои силы на определенную частную цель быстро и согласно. К созданию и к развитию этого могучего организма направлены и должны направляться теперь все мысли русских социалистов-революционеров, так как лишь он избавит их от большинства опасностей, неловкостей и ошибок, которые теперь подрывают деятельность и в значительной степени способствовали открытию того, что могли открыть сыщики. Серьезные социалисты-революционеры знают, что *организация* партии есть *не только* деятельность многих по *общему* плану для *общей* цели. Это — лишь *соглашение*. Организация же социальная, как организация жизненная, требует для своей целесообразности, чтобы все части организма могли *быстро, согласно и гармонически* отвечать воздействием на всякое действие извне; могли *быстро, согласно и гармонически* приспособиться ко всякому новому явлению в среде, где действует организм; могли по мере надобности *быстро, согласно и гармонически* концентрировать свою деятельность на меньшем числе точек или расширить на большее, перенести эту деятельность с места на место, приостановить или усилить ее. Целесообразная социальная организация для революционной цели требует вполне самостоятельной жизни и деятельности небольших групп и даже личностей при обычном ходе дел и в то же время требует *возможности* быстро направить все эти самостоятельные органы, автономные клеточки революционного организма к одной цели, как крепко связанные части могучего целого, централизованного для решительного удара опасному врагу. — Столпы петербургского императорства находят «опасным» зародыш русской революционной организации. Что же скажут эти столпы, когда пред ними будет вполне развитая, гармоническая и живущая всеми своими частями организация революционных сил?

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАТАЛИЗМ

Лондон, 27[15] августа.

Фатально тяготеет прошедшая история человечества над современными его вопросами. Фатально вмешиваются в живые задачи, в живую борьбу старые предания, старые страсти, и неудержимо идут люди биться под старыми знаменами за старые идеалы, которые уже столько раз разочаровывали человечество. Дорогие силы тратятся в геройских подвигах, которые не могут принести блага человечеству. Дорогая кровь льется в самоотверженной битве за блага, которыми фатально должны воспользоваться враги прогресса. И когда страсти улягутся, когда история перевернет еще страницу, самоотверженные герои, бившиеся в полной уверенности, что они бились за народ, увидят с глубокой болью сердца, что их кровь и их героизм, и трупы их павших братьев, и все жертвы, принесенные массами,—все это послужило средством для захвата власти или влияния старыми или новыми врагами народа, послужило светлою приманкою, чтобы еще раз обмануть массы и отдалить их взрыв против их эксплоататоров. Это — фатализм истории...

Еще недавно, развертывая пред читателями картину «хаоса буржуазной цивилизации» «Вперед», т. III), мы видели, как в наше время окаменелые религиозные вопросы были выдвинуты на один из первых планов европейской политики, и с тех пор эти живые мертвецы не переставали занимать видное место в жизни Европы. Епископы шли в заключение. Политики, подобные Гладстону, меняли рассуждения о финансовых вопросах на рассуждения о богословских и церковных проблемах. И массы, воспламененные старым преданием борьбы за идеалы религии, волновались в швейцарской Юре и на улицах Брюсселя, толпились около гонимых епископов или около чудотворных кумиров кровавого сердца Иисуса... Это было печальное воспоминание старого времени, но, по крайней мере, социалистам не пришлось участвовать в подвигах религиозных марионеток. Социалисты могли всюду сторониться с холодным презрением и от бисмарковских «борцов за цивилизацию», и от слепых игрушек клерикалов; и от поклонников Марии Алакок[84], и от «вольтерианцев» гамбеттизма; и от швейцарских членов союза Пия, и от «свободномыслящих» централистов швейцарской государственной власти. Этот временный прилив религиозной волны в истории новой Европы не изменил ни на одну иоту рост и развитие социально-революционного движения рабочего класса.

Но в настоящую минуту пред нами другое проявление того же исторического фатализма; оно, правда, ограничено более тесным пространством, отодвинуто в один угол карты Европы, но зато оно вызвано идеями, далеко не столь отсталыми, как чисто религиозные вопросы; оно опирается на традицию, несравненно

более живую в массах и несравненно сильнее сросшуюся со всеми их страстями и верованиями; оно является значительным препятствием социалистической агитации, сословной борьбе, рабочему движению противу эксплоататоров труда в стране, где социалистическое движение только что обещало принести богатую жатву; оно охватывает население, говорящее языком, близким к тому, на котором мы ведем нашу пропаганду, население, с которым мы могли говорить без переводчика и среди которого мы нашли немало сочувствующих друзей и товарищей.

Мы говорим о кровавой борьбе, которая вспыхнула вчера в одном углу Герцоговины, сегодня охватила уже значительную часть Боснии, завтра фатально разольется по Сербии и Черногорью, откуда толпы за толпами уже идут неудержимо в ряды инсургентов; может быть, послезавтра поднимет уже волнующиеся населения Албании, Фессалии, Македонии, а затем дойдет до Черного моря и Босфора...

Первый повод к волнению был, повидимому, повод экономический, отказ в уплате тяжелых податей. Но едва этот повод вызвал столкновение, едва грянули выстрелы в ущельях Балканов, едва брызнула кровь на эти поля, в продолжение веков политые кровью, как экономический вопрос отступил на задний план. Во имя старой национальной борьбы славян против турок, во имя старой расовой борьбы европейцев против азиатов, во имя старой религиозной борьбы христианства против ислама — в одну массу, одушевленную одною страстью, смешались земледельцы и землевладельцы, полуголодные рабочие и богачи-эксплоататоры, радикалы разных оттенков и приверженцы Карагеоргиевичей[85], Обреновичей[86], верноподданные Франца Иосифа австрийского[87], Николая Черногорского[88] и, вероятно, Александра русского, православные и католики, скептики и попы. Хищники, нажившие миллионы эксплоатацией народа, посылают тысячи червонцев туда же, куда посылает свой грош пролетарий хорват. Сословные враги бьются, умирают и торжествуют рядом. Все вопросы великой экономической борьбы нашего времени отодвинуты на второй план и забыты. Одна страсть, одна идея одушевляет всех: бей турка! бей поганого! бей нехристя! Кто первый поведет в битву на него — тот наш герой. Если Николай Черногорский, то да здравствует югославянский король Николай! Если Александр Карагеоргиевич[89], то пусть над Балканом властвует он, вчера осужденный за участие в убийстве! Если они не смогут или не сумеют, то хотя бы пришлось стать под скипетр Габсбурга, хотя бы под скипетр Романова, только бей турка! бей поганого! бей нехристя!

Фатализм истории поставил на первое место в югославянщине в настоящую минуту национальную ненависть, расовую ненависть, религиозную ненависть. Фатализм истории поставил в одни ряды, плечом к плечу сословных врагов и заглушил пропо-

ведь социальной революции криками ненависти, общей эксплоататору и эксплоатируемому. Фатализм истории дал новый шанс хищникам экономическим и политическим, князьям и императорам выступить героями в глазах ослепленных масс и установить новый хищнический порядок, новый трон вампиров на костях жертв, которые бьются за национальную независимость, за политическую самостоятельность, за христианство... Пред этим фатализмом в данную минуту бессильна проповедь братства всех рас и народов, проповедь создания рабочего общества, где не будет ни праздных хищников, ни вампиров-правительств. Социалистическая проповедь среди южных славян должна выждать своего времени...

Мы писали тому два года назад, что «мы сочувствуем глубоко борьбе всех наших братьев славян против господства обветшалой культуры Турции... но мы сочувствуем этой борьбе настолько, насколько в ней проявляется стремление к лучшему общечеловеческому будущему». Мы готовы повторить это и теперь. Да, мы глубоко сочувствуем всякой борьбе безвинно подавленного и притесненного против его притеснителя, борьбе всякой группы людей за их свободу и независимость. Для нас и спартанские цари, умиравшие за свободу Греции в борьбе против Ксерксов [90], и полусумасшедшая Жанна д'Арк [91] под Орлеаном— светлые типы *старого* мира, наполненного мрачными типами прямых хищников, беззастенчивых эгоистов и злобных фанатиков-палачей. Мы не можем отнестись иначе, как с уважением, и к польским повстанцам, и к ирландским фениям [92], умиравшим еще вчера в бою против сильного врага, томившихся и томящихся в тюрьмах, казематах, в рудниках. Мы признаем их героизм и сочувствуем ему, но и это — борцы *старого* мира, борцы за идеалы, которые оказались бессильными для блага человечества, для блага масс. Пред нами целая жизнь героической деятельности Мадзини и Гарибальди; они дожили до того, что могли видеть плоды этой деятельности; и эти плоды оказались — нынешняя Италия Виктора Эммануила...

Для нас есть одна святая война: это — война труда противу капитала, война рабочего противу праздного хищника, война свободных братских масс пролетариата противу системы государств, давящих на массы и разделяющих между собою землю на политические территории, людей на враждебные национальности, чтобы удобнее высасывать кровь и пот народа. С тех пор как благовестие рабочего социализма раздалось в мире, всякая сила, истраченная на иную борьбу, есть сила, *потерянная* для прогресса человечества; всякая капля крови, пролитая на алтаре старых идеалов—религиозных, государственных и национальных, есть жертва, принесенная *ложным* богам. Борьба за ту или другую религию бессмысленна, когда все религии оказываются болезненными призраками человечества, вырабатывающегося из

животного и полусознательного состояния до миросозерцания здравого реализма и рациональной справедливости. Борьба за самостоятельность той или другой государственной территории есть бесцельная трата сил для масс, которые будут подавлены и эксплоатированы всякою государственною властью при настоящем порядке. Борьба за национальность есть иллюзия, когда социальный переворот разрушит одним ударом всякую национальную противоположность и раздельность и провозгласит братство всего человечества. Единственная независимость, за которую стоит и следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов. Единственная свобода, за которую стоит и следует проливать кровь, есть свобода развития всех рабочих групп для установления гармонического порядка нового равноправного социалистического общества. Единственная вера, которая может и должна одушевлять человека к энергической борьбе, есть вера в возможность осуществления реальной справедливости в социалистическом строе.

Поэтому, при всем сочувствии к страстным и героическим борцам за старые религиозные, государственные и национальные идеалы, когда дело идет о борьбе слабого противу сильного, притесненного противу притеснителя, мы все-таки не можем иначе смотреть на эту борьбу, как с глубокою грустью. Нам жаль каждой силы, напрасно истраченной; нам жаль каждой капли крови, пролитой на жертвенник ложных богов, потому что мы знаем: на этом пути нет и не может быть спасения для человечества; все эти силы понадобились бы для *отложенной* теперь борьбы за единственное святое дело народов; все эти жертвы гораздо более понадобятся на алтаре истинного бога — социалистической справедливости. Нам тяжело смотреть на героев, идущих в бой под влиянием исторического фатализма.

И, к сожалению, мы не можем уже верить, что приобретение национальной независимости должно быть первым шагом для *возможности* начала борьбы за социальную революцию. Мы знаем, что *общая* борьба за национальность и за государственную самостоятельность слишком часто устанавливала между естественно-враждебными сословиями симпатии, которые мешали успеху социалистической проповеди противу эксплоататоров. Мы знаем, что героизм политической борьбы слишком часто облекал хищников ореолом в глазах масс. И потому мы не можем считать общую страсть, сближающую экономических врагов, хорошею почвою для проповеди социальной революции. Мы не можем считать движение, разжигающее национальную ненависть, хорошею почвою для проповеди братства всех рабочих в борьбе противу их хищников. Мы не можем считать войну под хоругвью церкви хорошею почвою для развития критики мысли, отрицающей всякий традиционный авторитеть

Мы знаем, напротив, что пропаганда социализма разлилась в

городах Венгрии до преобразования империи Габсбургов в двуглавую державу Цислетании и Транслетании. Мы знаем, что в Чехии и Хорватии, несмотря на национальную борьбу славян противу господствующих национальностей, рабочие славянские группы сформировались под общим знаменем рабочей международной борьбы. Мы убеждены поэтому, что социальная пропаведь при удобных условиях может найти столь же восприимчивую почву среди рабочих подчиненных и подавленных национальностей, как и среди рабочих национальностей, политически самостоятельных. Мы верим: Эльзас и Лотарингия поймут скоро, что для своей независимости им должно более рассчитывать на социал-демократов Берлина и Дрездена, чем на саблю Мак-Магона и Дюкро[93]; ирландские рабочие догадаются, что их дело не в парламентской агитации рэпилеров[94] или даже не в политико-революционной агитации фениев, а в пробуждении английских рабочих обществ от их легалистического сна к сознанию необходимости социальной революции; польские пролетарии, наконец, сознают, что пропагандисты социальной революции на Волге и на Днепре им более братья, чем Чарторийские в Париже или Плятеры[95] в Рапершвиле. Все подавленные, все угнетенные победят *прочно* своих врагов лишь одним общим взрывом без различия национальностей, взрывом, которой поднимает на воздух *весь* капиталистический строй и *все* государства...

Итак, мы не можем не смотреть с грустью на волнение, поднявшееся среди южных славян во имя старых идолов национальной независимости, государственной автономии и христианской церкви и заглушающее проповедь социализма между нашими братьями. Мы знаем, как бы ни выпал результат борьбы, эта проповедь одинаково пострадает. Найдет ли нужным грязная дипломатия православных и католических князей и императоров подавить восстание в крови масс и поддержать целость Оттоманской империи, или мы накануне возникновения новой славянской державы над Балканами,—поражение и победа героических борцов за старые идеалы одинаково враждебны успехам социального дела. В обоих случаях национальная ненависть станет поперек международного братства рабочих; в обоих случаях массы народных борцов внесут в число своих героев новых представителей хищнического порядка, хищнических сословий; в обоих случаях национальная, государственная и религиозная иллюзия затмит для страждущих масс их истинные интересы. Конечно, социально-революционные начала, как все живое, как все исторически-реальное, в свое время восторжествуют, — мы в этом уверены, — но их торжество между южными славянами отодвинется, и много энергических сил истратится даром, много дорогой крови прольется на алтаре ложных богов...

Потратится даром и сила, самая важная для нас; прольется на алтарях ложных богов и кровь, самая дорогая для нас,— сила и

кровь наших братьев, южнославянских социалистов. Мы знаем: нет вероятности,— может быть, нет возможности,— для них противостоять фатализму истории, который поднял кругом их целое население. Проповедники общечеловеческого союза рабочих против всех эксплоататоров будут биться с пролетариями другого племени во имя национальности, которая должна завтра утонуть в общечеловеческом братстве, во имя государства, которое эксплоатирует рабочих, во имя веры, которая всегда служила орудием отупения и порабощения народов. Они будут биться рядом с теми, которые были и должны были быть вчера, которые будут и должны будут быть завтра их врагами... Мы не имеем слова укора для этих жертв исторического фатализма... Нам больно видеть эту нравственную эпидемию, охватывающую и самых разумных, и самых крепких; нам больно за них, нам страшно за них; но мы знаем, что против этих исторических бичей личная мысль, личная энергия бессильна...

Мы скажем нашим братьям одно. Постарайтесь помнить, что те экономические и политические хищники, рядом с которыми вы сегодня бьетесь как братья, будут завтра вашими злейшими врагами и что сегодняшнее товарищество в исторической буре не уничтожило и не уничтожит ни одного из тех существенных экономических противоположений, которые делят современное человечество на два непримиримые лагеря, эксплоатируемых и эксплоататоров, жертв и хищников. Постарайтесь помнить, что те, которых вы убиваете как врагов, те, которые убивают около вас ваших братьев, суть в огромном числе пролетарии иного племени, которые были и должны были быть вчера, которые будут и должны быть завтра вашими братьями, и что сегодняшняя битва на смерть за идолы старого мира не уничтожает ни одной из тех существенных экономических и нравственных связей, которые созидают из рабочих пролетариев всего человечества одно великое братство, солидарное в страдании, солидарное и исторической задаче, солидарное в неумолимой борьбе с эксплоататорами. Никто и ничто не в силах удержать вас, жертв исторического фатализма, от пути, по которому слепо увлекаются народы под влиянием старой страсти, старой традиции... Но среди братоубийственной борьбы, среди фанатического служения идеалам прошлого вы можете и должны сохранить сознание, что страстный порыв ваших соплеменников, увлекающий и вас, есть не путь к спасению, к благу человечества, а буря исторического фатализма; что буря пройдет, оставив за собою не спасение, не общее благо, а новые обломки, новые жертвы и новые страдания масс в пользу старых или новых их эксплоататоров; буря пройдет, и тогда вам нужно будет начать снова, начать с самого начала вашу проповедь единственной святой войны, войны противу мира хищников.

СОЦИАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Лондон, 13[1] сент. [1875].

Среди трескотни речей политиков и шопота переговоров дипломатов, среди грома кровавых войн за округление границ, среди борьбы за обогащение биржевых и промышленных волков, вырывающих друг у друга из пасти куски награбленных капиталов, среди хныканья религиозных сект «не от мира сего», обделывающих тем не менее самым ловким образом свои «мирские» дела, среди рутинного повторения сотнями тысяч вчерашних дел, вчерашних слов, вчерашних мыслей, потому лишь, что это все — вчерашнее, привычное — раздается все громче и громче между новым поколением проповедь рабочего социализма: «Нет политики вне рабочего вопроса. Нет разделения между людьми вне разделения между трудящимся пролетарием и праздным эксплоататором. Всеобщая конкуренция должна смениться всеобщею солидарностью. Вера в рай или в ад не от мира сего должна смениться верою в реальное блаженство всемирного братства работников. Отряхнем от себя прах старого мира и завоюем новый».

Совершенно естественно, что эта проповедь вызывает со всех сторон враждебные крики, вопли раздраженных клеветников, насмешки и ругательства людей привычки и рутины.

«Социализм — измена отечеству»! — восклицают политики.

«Социализм — грабеж»! — вопят капиталисты.

«Социализм — кощунство над святыней»! — шипят ханжи.

«Социализм — гибель человечества»! — лепечут рутинеры.

«Социализм — нелепая фантазия, противоречие законам природы, противоречие процессу истории!» — говорят с спокойным пренебрежением представители буржуазной науки.

Так как социалисты признают себя естественными врагами капитализма, мракобесия и жизненной рутины, естественными врагами современного хищнического государства, то они нисколько не могут возмущаться, когда их осыпают ругательствами и клеветою те, которым они сами объявили непримиримую войну, те, которым они сами не дадут и не могут дать пощады. Но когда против них восстают будто бы во имя последнего слова науки, той самой науки, в которой они видят самую верную опору своих требований, самую лучшую помощь для своей борьбы, для своей победы над старым миром, то социалисты не могут пройти мимо, оставив без ответа нападение, которое может временно поддержать дух их врагов, внести временно колебание в ряды их приверженцев. Они нравственно обязаны оценить и опровергнуть положения, выдающие себя за научные истины. Рассмотрим некоторые из этих положений.

«Если бы личная собственность была где бы-то ни было уничтожена, — пишут убежденные дарвинисты (Georg Seidlitz, «Die Darwinische Theorie» [96], 2-е изд. 1875 г., стр. 192), — как о том

мечтают социал-демократы и коммунисты, то тем самым атрофировался бы необходимый общественный инстинкт и всякая цивилизация, как бы она ни была высока, опустилась бы вследствие регрессивного преобразования... между тем как одновременное прекращение всякой конкуренции должно было бы иметь следствием быстрое атрофирование умственных и всех других способностей. Подобное состояние могло бы где-нибудь быть вызвано искусственно, но оно скоро исчезло бы в присутствии более цивилизованных соседей, как исчезают индианцы перед северо-американцами. Поэтому нам нечего бояться призрака коммуны... естественный подбор устранит его быстро и представляет самое могучее средство для решения всех социальных вопросов».

«Кто прав?—спрашивает другой (Robert Byr, «Der Kampf ums Dasein»[97], т. V, стр. 261 и след.), — все борются друг с другом и все правы!.. Борьба за существование есть естественное состояние человечества... и потому она — наша задача, я готов бы сказать — наша религия. Все борются — бедняк, требующий коммунизма, богач, ее осуждающий, ум, ищущий развития, заржавелый аристократ, духовный, солдат, республиканец, ищущий удобств конституционалист, монарх, — *все они правы:* дело идет о их существовании. Дело идет о том, *кто победит*. Кто бы ни победил, он должен итти вперед по трупам побежденных: таков закон природы. Кто колеблется в испуге, тот сам отнимает у себя шансы существования. При этом основном законе, конечно, невозможно *примирительное решение. Борьба бесконечна.* Эта великая борьба обусловливается двумя положениями... что цель оправдывает средства... и исключением *любви*... Бейтесь и боритесь, губите друг друга и поднимайтесь друг над другом... боритесь за существование сознательно или бессознательно, силою или хитростью, с мужеством или с трусливым упорством; следуйте вечному побуждению, господствующему над вами от рождения до смерти, — но не лгите, что вы любите друг друга».

«Социальная демократия, — пишет третий (Tr. v. Hellwald, «Kulturgeschichte»[98], 1875, стр. 785 и след.), — сражается своим способом и с таким же правом, как монархисты, республиканцы или демократы. Ее победа, как можно ожидать, потрясла бы основания нынешнего нравственного порядка, даже подвергла бы сомнению самое его существование, но если бы она имела место, то была бы лишь торжеством старого начала: сила выше права... Никакие законы и учреждения в мире не могут помешать, чтоб в человеческом обществе одной доле не выпала роль жернова, другой — роль зерна... Каково бы ни было решение социального вопроса, человеческие бедствия и рабство никогда не исчезнут из мира. Между людьми происходят перестановки, прежние страдальцы сменяются новыми страдальцами, изменяется форма, но сущность остается все та же».

Если бы, действительно, результаты, приведенные в этих ци-

татах, можно было считать результатом вполне научным, но социализм был бы нелепою и вредною фантазией. Если бы непременным последствием устранения частной собственности и борьбы за кусок хлеба было бы «атрофирование умственных и всех других способностей», то учение социализма было бы учением регресса. Если бы борьба всех против всех была естественным состоянием человечества, если бы все борющиеся партии были *одинаково правы,* а любовь, связующая людей, была бы *навсегда* призраком, то социалистическая проповедь о царстве справедливости и любви была бы безумием. Если бы цель социального переворота, к которому мы стремимся, заключалась лишь в том, чтобы «прежних страдальцев» заменить «новыми страдальцами», то переворот этот не имел бы права назваться *социальным.* В таком случае теперь дело бы шло опять лишь о том, кто захватит власть и кто будет эксплоатировать других, как об этом лишь шло дело при всех политических переворотах.

Если социализм не есть борьба за нравственное право противу вопиющей несправедливости, если бы он не был учением братской любви, связующей всех рабочих и долженствующей связать все человечество; если бы социалистический строй не мог и не должен был сделаться средою *высшего* развития всех личных способностей,—то слово *социализм* не имело бы никакого смысла.

Не особенно трудно доказать, что эти страшные выводы, обрекающие социализм на позор и на самоубийство, суть не только не «последнее слово науки», но представляют сами призрак, к которому достаточно подойти поближе, чтобы убедиться в его нереальности.

Борьба за существование есть закон органического мира, и многие мыслители доказывают ее присутствие даже в мире небесных тел или в области слов и звуков человеческого языка. Но если все органическое ей подвластно, то тем не менее ее фазисы изменяются, она принимает иные формы и, наконец, в своем развитии переходит в процесс, который столь же мало похож на первобытные явления этой борьбы, как совершенное насекомое мало похоже на личинку, из которой оно развилось.

Борьба за пищу, борьба за элементарные условия бытия происходит сначала в мире живых существ самым наивным образом, без раздражения и ненависти, из одной необходимости. Борются за обладание почвой семейства организмов; борются за средства жизни с большим ожесточением роды и виды одного семейства; с наибольшим напряжением оспаривают друг у друга почву, воздух, пищу особи одного и того же вида. При этом жертвы неисчислимы; природа полна трупами; из 20 видов гибнут 9, из 357 особей — 295, а то и четыре пятых всего числа.

Однако и в этом первобытном фазисе одним из орудий в борьбе за существование является общежитие (еще не общественность): для того, чтобы иные растения не погибли в борьбе про-

тив врагов, они должны появиться группами, обществами. Отдельные особи гибнут все без исключения: имеют надежду выжить лишь члены более многочисленных групп.

Но вот в мире животных вырабатывается культурное общество пчел и муравьев, вырабатываются привязанности среди птиц и млекопитающих. Борьба за существование не прекратилась, но в ней возникли явления, не имеющие никакого сходства с прежними явлениями.

Общество насекомых борется на смерть со всем окружающим, но в среде общества *нет вовсе борьбы* ни между особью и обществом, ни между особями самого общества; каждая особь идет в битву, пренебрегая опасностью и собственным благом, *из-за общей цели;* каждая особь *помогает* другой *в общем* деле. Орудием борьбы за существование *общества* является *солидарность* его членов. Все это стоит еще на степени унаследованного инстинкта, лишено почти всякого сознательного, личного побуждения, соединено с рабством всех пред унаследованными формами культуры, с порабощением, хищничеством, жестоким истреблением части населения (наприм., трутней), но тем не менее существует уже *инстинктивная солидарность, взаимная помощь* определенного круга особей, и это *отрицание борьбы за существование* между особями является самым могучим средством для благоденствия их солидарной группы.

Среди птиц и млекопитающих аффект связал семью или стаю. Стремление к эгоистическому наслаждению переработалось в самоотвержение за детенышей, за самку, за товарищей, и опять в борьбе за существование семьи или стаи победа обеспечена наибольшею силою аффекта, *связующего* особи, силою *любви* — правда, животной, большей частью преходящей, но тем не менее вызывающей подвиги самоотвержения, вызывающей полное *отречение от борьбы за существование* против тех, к которым особь привязана. И вся жизнь, все развитие породы обусловлено этою *любовью* матери к детенышам, самца к самке, товарищей стаи друг к другу. В этом фазисе развития мира организмов борьба за существование перешла в *прочувствованную солидарность* между особями одной группы.

Из приматов, наконец, выработался человек. Он повел борьбу за существование со всем окружающим миром животных и растений, повел борьбу и в среде человеческого рода теми орудиями, которые для него приготовил животный мир, но он внес в эту борьбу и кое-что новое.

За кусок хлеба дрались голодные, когда ничто не обеспечивало каждого из них от голодной смерти. Это была борьба всех против всех, подобная той, которая имела место в первом фазисе существования органического мира. За эгоистическое наслаждение боролись дикие жуиры на островах Тихого океана, под портиками древнего Рима, в салонах Парижа и в передних Зим-

него дворца. За личное обогащение борются до сих пор промышленники, биржевики, спекуляторы, не зная даже той инстинктивной солидарности с подобными себе, которая существует в муравейнике; продавая жен и детей, разоряя друзей, на что не был бы способен попугайчик, которого держит в клетке животное «высшего развития». Буржуазия возвела этот фазис борьбы за существование в систему. Она выработала теорию беззастенчивого эгоизма до тонкости. Она положила всеобщую конкуренцию в основу науки (!) об общественном богатстве. Она с радостью ухватилась и за труды Дарвина как за *научное* оправдание своей жизненной практики; зачерпнув грязными руками из источника науки воду, которая в ее руках сделалась грязною, буржуазия с восторгом объявила, что ее грязь присуща научной истине; и ее ученые, сознательно или бессознательно оправдывая сущность буржуазного строя, пришли, наконец, к тем торжественным «последним словам науки», которые мы с отвращением только что выписали для читателей. Жалкие школьники не заметили, что из великих открытий Дарвина они уловили лишь один, самый низший фазис борьбы за существование и что сам животный мир до человека уже довел эту борьбу до иных, высших фазисов. Мы не сомневаемся, что жизненная теория современной просвещенной буржуазии не возвысилась над формою жизни самых низших существ органического мира; но может ли это относиться к социализму, который *именно потому* борется с буржуазией?

Подобно муравьям и пчелам, люди выработали *инстинктивную* солидарность, как оружие в борьбе за существование общества. Они шли автоматически умирать за племя, за предание отцов, за царей, которых никогда не видали и бытие которых отзывалось на их жизни лишь страданиями, за государство, которое высасывало из них последнюю копейку. И эта инстинктивная солидарность была могучим оружием в борьбе общества. Она поддерживала бытие групп, которые давно должны были бы развалиться. Она доставляла торжество преданиям, потерявшим всякий смысл. Она облекала ореолом славы державы хищников, которых трудно даже назвать людьми.

Подобно птицам и братьям-млекопитающим, человек вел борьбу не только за существование, но за наслаждение и за увеличение своих наслаждений. Для наслаждения он готов был рисковать своим существованием, готов был и жертвовать им. Для высшего наслаждения он готов был отречься от низших. А между человеческими наслаждениями одним из высших явилась *прочувствованная солидарность* связующего аффекта, солидарность *любви*. Вся история полна безумными жертвами и геройскими подвигами *прочувствованной солидарности,* весьма часто неосмысленной, весьма часто обращенной на недостойные существа, но придающей громадную силу, непобедимую энергию тому, кого аффект вел в бой за любимых людей. И в борьбе человеческих

групп за существование та группа, члены которой были связаны самой прочной привязанностью, наиболее страстно прочувствованной солидарностью, — имела значительное преимущество пред группами, где не было никакой связи, но и пред теми, которых связывали лишь привычка и предание. *Любовь,* связующая личности группы, была историческою силою для поддержания существования, для расширения благоденствия группы, ею скрепленной.

Но недаром мозг человека развился лучше и полнее, чем у других животных. Человек придумал и другие орудия в борьбе за существование. Он перевел эту борьбу в фазис еще высший. То обобщение, процесс которого лишь изредка мы можем подозревать в иных особях остального животного мира, причем еще всегда возможно сомнение; то обобщение, которое представляется страшным трудом для дикаря на низших ступенях общественной жизни, — получилось как продукт доисторического развития исторических наций. Человек стал обобщать мысли и мыслить при пособии отвлеченностей. Мало того: он создал отвлеченные идеи, которые противопоставил себе как предметы аффекта. Он воодушевлялся идеями. Он *полюбил* идеалы. Он стал способен жертвовать собою, оставлять привычки, отвергать предания, побеждать личные аффекты, посылать на смерть любимых людей — из-за философской *идеи,* из-за нравственного *идеала.*

Эта способность создавать обобщающие идеи и их любить дала начало новым связующим элементам между людьми. Любимый идеал стал для человека внутренно-обязательным *нравственным* идеалом, и чувство *нравственного долга,* как высшего наслаждения, которому подчиняются все прочие, выработалось в результате длинного ряда психических процессов из первобытных начал безусловного эгоизма, безусловной жажды наслаждения, каково бы оно ни было. Нравственное убеждение дало начало *праву* борьбы за наиболее нравственную идею, и в борьбе партий и мнений человек признал «правыми» лишь то мнение, ту партию, которые представили *высшее* нравственное начало, ручательство более прочной солидарности между людьми. Инстинктивная солидарность первобытной привычки, первобытного предания скрепилась идеею нравственного долга, и *сознанная солидарность* стала на ее место. Расширение обобщающей идеи позволило распространить прочувствованную солидарность за пределы семьи, личной дружбы, личной страсти, личного знакомства. *Любовь* к согражданам, к соотечественникам, к соплеменникам, к единоверцам связала государства, нации, расы, церкви, и в новом фазисе борьбы за существование между громадными группами держав, народов, религий победа обусловилась *наименьшею* борьбой за существование между личностями этих громадных групп, *наибольшею* энергией взаимной любви и преданности, связующей между собою эти личности. Сознательный патриотизм, сознательная любовь к братьям по племени или по убеждению до-

ставляли победу грекам над персами, швейцарцам над войсками Австрии и Бургундии, босым республиканцам Франции над армиями коалиции.

И чем шире была группа, связанная солидарностью, чем энергичнее было сознание солидарности между ее членами, тем безопаснее она была в борьбе за существование с окружающими ее врагами, тем легче была ее победа над ними. *Сознанная солидарность*, продукт борьбы за существование и высшая форма орудия в этой борьбе, была в то же время отрицанием грубого, первоначального фазиса этой борьбы, когда всякая особь была врагом всякой другой, и чем ближе были между собой особи, тем яростнее они боролись за жалкие средства существования. В высшем фазисе требовалась и получалась *возможно меньшая* борьба между близкими членами общежития для того, чтобы самое общежитие могло *возможно успешнее* бороться с другими общежитиями.

Но идея, расширяющая союз солидарных личностей для облегчения борьбы, все росла и развивалась. Незнакомые семьи помогали друг другу во имя солидарной национальности. Дальние города подвергались добровольно ужасам грабежа и войны во имя солидарного государства. Люди разных рас, разных языков, разных культур жертвовали собой друг для друга, как братья по солидарной религии. Не могла ли развивающаяся идея солидарности для облегчения борьбы вырасти, наконец, до того, чтобы охватить *все человечество* и противопоставить его как *солидарное общество братьев* остальному миру минералов, растений и животных?

Эта мысль не имела в себе ничего нелепого, ничего фантастического, ничего ненаучного. С первого культурного общества животных солидарность членов группы была могучим орудием в борьбе групп за существование и, обеспечивая группы, тем самым обеспечивала огромное число ее членов при готовности каждого жертвовать для целого. С первых сознательных человеческих союзов явилось и стремление расширить союз на возможно большее число особей и скрепить его возможно тесною солидарностью между его членами, так как это были два условия его силы в борьбе за существование, два условия обеспечения благоденствия его членов. Поэтому все государства стремились к завоеваниям; все религии исторического периода—к пропаганде; все фазисы цивилизации — к распространению своих культурных форм. Поэтому явная и тайная полиция, кара закона, тенденциозное преподавание в школах, тенденциозная литература, религиозное учение и религиозный культ служили орудиями для насильственного или мирного привития чувства солидарности подданным государства или пастве церкви. Расширение союза солидарных на все человечество и развитие сознания солидарности между членами союза до самой высшей степени было вполне за-

конным историческим результатом процесса, происходившего с самого начала бытия человечества и корни которого терялись в глубине дочеловеческого мира организмов.

Мысль о единстве и солидарности человечества должна была явиться давно и явилась среди того же народа, который внес в мир почти все элементы критического мышления. Древнегреческие мыслители уже считали себя гражданами мира и говорили о братстве людей. Эту мысль заимствовало у язычников христианство, и она стала самым ярким украшением фантастического учения, которое никогда на практике не могло осуществить ее. Со времени Возрождения все школы мыслителей толковали о «гуманизме», об «общечеловеческих началах», и более или менее ясно сознанная солидарность человечества, как единого целого, стала обыденною формулою для высших умов последних веков.

Весь вопрос заключался в том: где найти начало, скрепляющее солидарность между всеми людьми?

Когда к этой задаче присмотрелись внимательнее и при этом взяли в соображение связующие элементы, присутствовавшие в новом обществе и унаследованные им от прежних периодов, то трудность решения задачи выказалась во всей своей громадности. Развитие общественной жизни в последние сто лет удесятерило еще эту трудность, и, наконец, в наше время нашлись люди, которые должны были сознаться, что при *нынешних* орудиях солидарности между людьми солидарность человечества *невозможна.*

Действительно, все те силы, которые выставила история для того, чтобы связать людей в солидарное целое, или вступили в борьбу между собою, или оказались несостоятельными, или были разложены и обращены в призраки в самом историческом процессе.

Национальная связь, государственная связь, религиозная связь вступили в борьбу между собою, так как нации были разделены между разными государствами и заключали в себе приверженцев разных религиозных учений; государства объединяли юридически различные национальности; религия распространялась на различные государства. Ни одно из этих объединяющих начал не хотело и не могло уступить другим; соглашение между ними было невозможно, так как их односторонние задачи развивались совершенно иными путями и совершенно независимо одна от другой, даже в противоречии одна к другой. Борьба между этими началами должна была повести и повела к колебанию относительно обязательного, нравственного значения каждого из них, к индифферентизму относительно их требований, а, следовательно, к полному ослаблению их *связующего* элемента, к бессилию их, как источников общественной солидарности.

Религиозная связь оказалась несостоятельною и сама по себе, так как научная критика подорвала убеждение в какой бы то ни

было «религиозной истине» [99], а затем привычка к критике мысли побудила пересмотреть основания обязательности национальной и государственной связи, нашла в этих основаниях лишь *привычку и насилие,* и тогда *нравственная солидарность* подданных государства или членов одной национальности перестала существовать.

Но самым могучим разлагающим элементом всех этих старых связующих начал оказалось развитие *экономической борьбы* между всеми личностями современного буржуазного строя, независимо от их подданства, национальности и форм их религиозного культа.

По мере того, как европейская цивилизация вырабатывала современное *царство буржуазии,* все элементы общественной жизни подчинялись основной задаче буржуазии, именно конкуренции личностей на поприще обогащения. Космополитизм промышленных, торговых и финансовых предприятий отодвинул на второй план личные аффективные связи, не только религиозные, но также национальные и государственные вопросы. Купля и продажа охватила семейный союз, прения законодательных собраний, политику кабинетов. Но мы видели выше, что именно в борьбе за обогащение мы находим переживание в человеческом обществе самого элементарного фазиса борьбы за существование, фазиса личной борьбы всех против всех. Таким образом, все связующие элементы, выставленные до сих пор человеком для того, чтобы перевести борьбу за существование в высшие фазисы, заменить ее солидарностью личностей внутри групп и расширить, по возможности, каждую группу солидарных личностей, оказались несостоятельными пред буржуазным началом конкуренции. Оно разъело всякую солидарность между людьми, поставило законом общежития личный интерес, противоположный всем прочим личным интересам, или, иначе говоря, всеобщую борьбу. Немудрено, что в виду этого результата *исторического прогресса* человечества многие мыслители отчаялись в возможности всякой искренней солидарности групп, признали «борьбу бесконечною», связующую любовь — лживым призраком и эксплоатирование одних личностей другими — вечною необходимостью. Немудрено, что подобный взгляд на вещи породил и те пессимистические миросозерцания, которые представляют одну из болезней современной мысли.

Именно при этом бессилии всех прежних связующих начал, при историческом росте разъедающей всякое общество борьбы личностей за обогащение, при явной невозможности найти какой-либо элемент солидарности на пути прежнего исторического развития, *социализм* выступил на сцену истории как *требование солидарности всего человечества.* Он требовал этой солидарности на той самой экономической почве, которую буржуазный капитализм сделал преобладающею и которая, подорвав все прежние начала

человеческой солидарности, вырастила современную борьбу всех против всех. Социализм выступал на борьбу не только как *сила* в ряду других сил, но как единственная *нравственная сила,* как единственное начало, имеющее *нравственное право* на победу, так как один вносил в человечество возможность солидарности, он один выступал с решимостью прекратить борьбу всех против всех, борьбу, которой буржуазный порядок не только не препятствовал и не мог препятствовать, но которую этот порядок разжигал и которая при своем развитии постепенно сводила человечество на самую первобытную ступень борьбы организмов.

Социализм не отрицает всемирную борьбу за существование, но он продолжает традицию сплачивания возможно больших групп солидарных личностей для большего успеха в этой борьбе. Его особенность заключается лишь в том, что он распространяет требование солидарности на *все человечество* и требует прекращения борьбы за существование *внутри* человечества, как давно она уже прекратилась в кружках людей, связанных личной привязанностью, как государственники требовали прекращения борьбы внутри государства, как христиане хотели прекратить ее внутри церкви верующих. Когда социализм достигнет своей цели, тогда человечеству, сплоченному всеобщей солидарностью, предстоит последний и высший фазис борьбы за существование в органическом мире, фазис борьбы со всеми нерациональными инстинктами и привычками органического мира, чтобы этот мир, лежащий вне человечества, довести до высшей ступени гармонического развития, которая допускается *возможностями,* заключенными в этом мире.

Социализм есть высший фазис нормального исторического развития борьбы за существование. Ему подготовлением служили явления *инстинктивной* солидарности и *прочувствованной* солидарности между особями группы. Его история началась с первого момента *сознанной* солидарности людей во имя общей идеи, во имя нравственного идеала. Он сам себя сознал как *социализм* с той минуты, когда сознал, что начало монополии во всех человеческих отношениях, аффективных, политических, экономических, есть начало, отрицающее солидарность и не допускающее ее установления, когда объявил войну монополии во всех ее формах. Он стал практическою *возможностью,* когда буржуазная конкуренция подорвала все сознанные начала солидарности прежнего времени, допускающие монополию, и свела все человеческие отношения на экономическую борьбу. Он стал исторической *силою,* когда нашел в рабочем пролетариате всех стран элемент солидарности будущего человечества, способный обойтись без прежних пут церковного и государственного порядка, способный сделаться почвою сознательного общечеловеческого союза и всестороннего развития личности.

Не раз высказанное мнение, что «уничтожение права частной собственности» повело бы к ослаблению «социального инстинкта», а «прекращение конкуренции» вызвало бы «атрофию умственных и других способностей», находится в прямом противоречии с фактами зоологии, антропологии и истории. Самый сильный социальный инстинкт среди животных мы находим в общинах пчел и муравьев, где нет ни малейшего обособления собственности, где конкуренция внутри улья или муравейника совершенно отсутствует, и при этом даже *беспозвоночные* развили в себе умственные способности до того, что порою удивляют человека. Самое элементарное антропологическое наблюдение указывает, что сила семейной и дружественной связи (т. е. социальный инстинкт, связующий семью или дружеский круг) обусловливается тем, чтобы в семье или в дружеском кругу *все было общее* и никакие расчеты *моего* и *твоего* не вносили элемента разлада в эту солидарную общину; самое элементарное наблюдение говорит, что всестороннее развитие способностей и деятельности членов семьи или дружеского круга может быть лишь парализовано или атрофировано, если члены этих общин конкурируют между собою, как бы каждому захватить *большую* долю наслаждений и получше эксплоатировать всех других в виду личного интереса. Наконец, в каком же учебнике, в каких прописях не повторялся изъезженный исторический вывод, что государство сильно и крепко лишь тогда, когда все подданные готовы жертвовать всеми благами жизни и самою жизнью для государства (т. е. подчинять начало частной собственности и личного наслаждения общему делу); что государство разрушится, когда его подданные борются между собою из-за личных интересов (т. е. конкурируют *внутри* государства). Странно было бы, если бы отсутствие разъединяющих интересов частной собственности и отсутствие конкуренции внутри группы, благотворное для улья, для аффективного союза лиц, для государства, вдруг стало бы разрушительным и смертоносным для человечества вообще. Если признать это заключение логическим, то надо во всяком случае сказать, что оно противоречит всякой обыкновенной логике науки.

Социалистическое общество должно быть обществом солидарных личностей, связанных сознательною готовностью пожертвовать личным наслаждением для общего блага. Подобное общество, по всем естественным и историческим аналогиям, должно иметь *большие* шансы в борьбе за существование с обществами эгоистических и конкурирующих одна с другой личностей, пока эти два типа обществ будут стоять рядом. Поэтому *естественный подбор* должен повести к победе социалистических обществ, а не к истреблению их, и социалисты готовы согласиться, что в этом случае «естественный подбор есть самое лучшее средство для решения социальных вопросов». Если неизбежный «закон природы» заставляет победителей итти вперед по трупам побежден-

ных, то социализм пройдет к солидарности человечества по трупам врагов этой солидарности, потому что он *один прав* в последней борьбе. Среди различных рабочих организаций путем естественного подбора переживут, разрастутся и втянут в себя всех других те организации, тип которых представит наиболее шансов победы в борьбе за права пролетариата, те, которые будут заключать в себе наиболее элементов солидарности. Последняя борьба за существование между буржуазией, неспособной к солидарности, и сплоченным пролетариатом должна и фатально и по праву кончиться в пользу последнего.

И тогда будущее человечество рабочего социализма будет развиваться безо всякой помехи внутренней конкуренции при взаимной поддержке всеобщего братства... Но самое существование связующей любви отрицают современные мыслители. «Режьте друг друга, — говорят они людям, — но не лгите, что вы любите друг друга». Эти близорукие наблюдатели не могут и не хотят видеть те самые факты, которые подрывают все их теории и позволяют социалистам с уверенностью смотреть в будущее. Эти жалкие «ученые» не умели даже счесть те изумительные суммы денег, которые уже теперь жертвует по копейке полуголодный, измученный работою пролетарий для пособия лишенным работы братьям, которых он не знает лично, которые страдают за сотни верст от него, входят в состав другого государства, говорят на другом языке, но которые все-таки братья ему, потому что работают, голодают так, как он, притеснены так, как он, борются против тех же врагов — против капитала и государства, и с которыми этот «невежественный», подавленный ежедневными заботами пролетарий сознает свою солидарность в борьбе за будущее. Если бы факты связующей любви и не были записаны совершенно ярко в зоологии и антропологии, то достаточно было бы приглядеться к современной истории пролетариата, чтобы убедиться, насколько прочувствованная и сознанная солидарность его может быть живою основою будущего общества.

Фатальный закон борьбы за существование должен был вести человечество к выработке социализма и должен привести к его победе. Фатальный закон естественного подбора наиболее способных пережить составляет именно ручательство победы социализма. Великие открытия Дарвина, за которые с такою жадностью уцепились буржуазные мыслители, думая на них построить «научную» теорию вечной конкуренции между людьми и вечного эксплоатирования одних другими, при внимательном изучении служат лучшею научною опорою социализму и лучшим доказательством того, что лишь солидарность человечества, требуемая социализмом, может обеспечить будущность развития человечества.

НОВЫЙ РАЗГУЛ СЫЩИКОВ.

Лондон, 27[15] сентября.

Каждая осень приносит России новый порыв ревности сыщиков и шпионов, и нынешняя осень не составила в этом отношении исключения. Нам с разных сторон шлют письма о повальных арестах, особенно в Москве, обещают подробности, но и то, что дошло до нас, настолько уже характеристично, что мы считаем для себя обязательным сообщить немедленно читателям хотя ту долю полученных нами отрывочных сведений, которая, по нашему мнению, не может повредить жертвам неистовств охранителей престола и капитала. Некоторые известия нам сообщены с разных сторон как вполне достоверные. Другие суть не более как слух, более или менее опирающийся на хорошие источники, но все вместе представляют эффектную картину бешенства испуганного правительства, каждый раз воображающего, что вот оно захватило корень зла, и почти сейчас же убеждающегося, что оно переломало лишь несколько веток, да большею частью попало и на ветки другого, совершенно невинного дерева, которое потому лишь пострадало, что росло вблизи со страшным деревом социалистического познания добра и зла. Надеемся, что наши друзья дадут нам возможность скоро представить точный и подробный рассказ о том, что теперь мы сообщаем лишь в отрывочных данных.

Центром нового погрома представляется Москва. Там, пишут, захвачен целый кружок молодых людей, уроженцев Кавказа, которые не хотели итти жить в тюрьмах по произволу сыщиков, чтобы через несколько месяцев быть выпущенными «по недостатку доказательств»; не хотели отдавать свое имущество на грабеж официальным защитникам собственности, тем более, что у одного из них была значительная сумма собственных денег, а известно, как бесцеремонно обращаются сыщики русского правительства с деньгами и ценными предметами, захваченными у арестованных. Поэтому эти молодые люди заперлись и защищались против жандармов, как пишут, огнестрельным оружием. Убитых не было; молодые люди были взяты, и их деньги, по всей вероятности, составят почетный приз Слезкино-Жихаревской шайки *. — «Арестована, — пишут нам, — Батюшкова [100]**, та самая, о которой упоминала записка, разосланная графом Паленом (№ 15, стр. 464). О ее аресте сообщают с разных сторон отвратительные подробности. Ей пришлось лично отбиваться от сыщиков, и они так

---

* Едва ли не к этому аресту относится слух о выстреле, сделанном будто бы в жандарма барышнею, слух, сообщаемый ниже первым из наших петербургских корреспондентов и перенесенный там на барышню.

** Нам сообщили фамилию человека, ее выдавшего, но, до получения подтверждения, мы воздерживаемся от печатания ее.

ревностно исполняли свое дело, что *«выбили ей зуб»*. Они рассказывают, будто она съела кусок бумаги, и они пытались помешать ей. Но мало ли что рассказывают эти продажные палачи. Бумаги не существует. Да если бы оно и было так? Каждый человек имеет дорогие частные письма, которые готов защищать от грязных рук правительственных шпионов хотя бы ценою жизни Все-таки остается факт, что в настоящее прогрессивное царствование при аресте *женщин*, даже не уличенных, а только *заподозренных* в «преступных» идеях, допускается либеральное *выбивание зубов*. Прогресс, великий либеральный прогресс! — Говорят, арестованы: Цвиленев[101] с компрометирующими будто бы документами и книгами; Аносов[102]; офицер Иванов[103]; одна женщина на Ярославской железной дороге с книгами и бумагами; затем целые *«кучи»* рабочих. Арестован целый кружок молодых девиц, которых тоже считало *опасным* для себя русское всемогущее правительство. При этом «начальство убеждено, что накрыло самое пекло революции». Радуйтесь, радуйтесь, бешеные трусы! Мы вам докажем скоро, как далеки вы от «пекла».

Об арестах вне Москвы подробностей нам не сообщают, но пишут о «многочисленных» арестах в Одессе, об арестах в Туле, в Рязани, в Орле, в Петербурге. В селе Иванове, как слышно, арестована целая группа молодых людей и до 30 рабочих. В Вильне были арестованы, но после освобождены, «две барышни-польки, дочери врача З — го». В Харьковской губернии, как ходит слух, убит Рогачев[104], который стоял на первом месте в списке разыскиваемых («Вперед», № 2, стр. 42) и о котором упомянуто было в записке, разосланной министром юстиции, в числе имен «самых ярых вожаков крайней революционной партии»; он убит, как пишут, жандармом после отчаянной защиты, в которой сам убил двух жандармов. Впрочем, этот слух еще далеко не вполне достоверен.

Итак, вот новые жертвы, из которых большинство окажется взятыми «по недоразумению»; другие пойдут, большею частью безвинно, в административную ссылку без суда; некоторые предстанут на суд низкопоклонных «служителей правды» и бессердечных палачей и пойдут на каторгу для удовлетворения правительственной жажды мести, для успокоения, хотя в небольшой мере, правительственной паники; иные имена придется нам с болью сердца прибавить к мартирологу нового времени. Может быть, иные... но нет, братья, это мы не можем думать и на минуту! Нет, никто из вас не дрогнет и не унизится перед палачами, никто из вас, даже из самых молодых, даже из самых неопытных, не отречется от знамени, к которому вы примкнули, от знамени народа, от знамени будущего, от знамени социальной, народной революции. Вас могут мучить, вы можете страдать, вас могут убить, но развратить вас не могут слуги народных вампиров!

Мы надеемся, мы уверены, что социально-революционное дви-

жение в России перешло уже тот фазис, когда арест двух-трех десятков лиц мог остановить его. Оно пустило корни, которых уже не вырвать сыщикам, и *теперь* преследования могут лишь *усилить* его. Мы надеемся, мы уверены, что к нашим революционерам можно уже теперь приложить то, что писал Либкнехт о социально-демократической рабочей партии в Германии, обращаясь к правительству «империи борцов за цивилизацию»:

«Чего достигают процессами, систематическим преследованием нашей партии? Нам придают силы. В нас укрепляют убеждение, что мы правы. Нас не преследовали бы, если бы нас не боялись. И почему, спрашиваем мы противников, *боитесь вы нас?* У нас нет ни денег, ни солдат; у нас нет никаких средств внешнего могущества... Чего же вы боитесь в нас? Все, что у нас есть, это — наши принципы, наши идеи, и *наших идей боитесь вы,* потому что у вас нет идей, которые вы могли бы противопоставить нашим... Каждое насилие против нас придает нам более силы, увеличивает число наших приверженцев... Всякий человек — прирожденный бунтовщик: он инстинктивно восстает против грубой силы и становится на сторону ее жертв... Вы хотите «затоптать» движение, цель которого есть, для миллионов детей труда, подавленных в прахе, гибнущих в нищете, осуществление прав человека, завоевание человеческого достоинства, человеческого существования! Топчите! Здесь вы затоптали вспыхнувший огонек, — но и там, и в другом месте, за вами, перед вами — кругом, повсюду прорываются новые пламенные языки; это — подземный огонь, господа, который вы не потушите! *Горит почва, на которой вы стоите!..* Вы хотите схватить «заговорщиков», «бунтовщиков», «агитаторов»? Хватайте каждого фабриканта, который обогащается неоплаченным трудом своих наемных рабов! Хватайте каждого землевладельца, который эксплоатирует труд сельского поденщика!.. Хватайте каждую машину, которая производит революцию в промышленности и земледелии!.. Хватайте правительства и законодательные учреждения!.. Хватайте железные дороги, электрические телеграфы, пар... Хватайте самих себя, хватайте судей и присяжных,— хватайте всех и каждого, потому что все имеет на себе печать революционного времени и всякий несет с собою яд революции»...

Да, русские капиталисты и купцы, русские чиновники и сыщики, столбы и державные эксплоататоры русской империи, и у вас загорелась почва под ногами, и у вас нет ни одного обрывка идеи, которой вы были бы в состоянии противопоставить требованиям социальной революции, которая своим неотразимым приближением заразила не только тех, которые ее уже поняли и стали решительно под ее знамя, но заразила и бессознательные еще массы, заразила даже своих врагов и преследователей...

Что вы можете противопоставить проповеди братского союза всех трудящихся, союза, который должен смести с земли рус-

ской всех паразитов, питающихся жизненными соками трудящегося народа? Что вы можете противопоставить людям, идущим в острог, на каторгу, на смерть из-за убеждения в святости народного дела?[105]

Не противопоставите ли вы нам идею самодержавного богопомазанника, безответственного пред рабами, единого просвещенного божественным разумом среди темной толпы? Вы сами не верите уже этой полинялой тряпке; вы сами толкуете о либерализме, о законности, о современных идеях... Вы лжете, конечно, но вы должны лгать, потому что самодержавие потеряло цену на историческом рынке и объявлено фальшивою монетою. Вы готовы дать конституцию, лишь бы вы нашли для нее достаточно лживую форму, чтобы она *казалась* либеральной, а *не была* либеральной. Вы завтра дадите ее, может быть... если только вы *успеете* дать ее...

Или не вынесете ли вы против нас хоругвь православия, этого вечного раба сильных, который никогда не протянул руки страждущему, подавленному народу русскому,— этого жалкого паразита, который прожил тысячу лет на русской почве, внушив к себе лишь презрение? — Но кто и когда мог опереться на эту болотную трясину? Разве православие могло спасти кого-нибудь? Разве вы когда-либо были христианами? Разве вы когда-нибудь верили в какого-нибудь бога, кроме вашего кармана?

Или вы встанете под знамя европейской цивилизации, под знамя либеральных идей законности, политической доблести гражданина, под знамя свободы совести, свободы слова, свободы собрания, под знамя равенства и братства?—Да разве вы можете сделать это? Разве может это сделать в настоящее время которое-нибудь из государств — «представителей цивилизации»? Разве не знают всюду собственники-хищники всех национальностей и рас, что они *не могут* не стеснять свободы пролетария, если не хотят, чтобы завтра же разлетелось вдребезги их хищническое царство, опирающееся исключительно на полицию и на войско? Разве кто-либо в «цивилизованном» мире верит в равенство между сытым собственником и голодным бездомником, в братство между фабрикантом и его поденщиком? Разве вся гражданская доблесть «передовых» народов не вынесена давно на рынок и не продается в убыток рядом со всеми идолами и со всем историческим хламом доброго старого времени? Разве не все знают, что законность есть лишь маска сильного, чтобы приличнее притеснять слабого, орудие богача, чтобы ловче удушить нищего? Разве кто-либо в мире может искренно, не краснея, говорить о принципах европейского либерализма, о цивилизации, которая создала царство биржевых воров над миллионами вырождающегося пролетариата?

Или вы станете говорить о патриотизме, о нравственности?— Мы вам доказывали десять раз и докажем еще и еще, что вы об-

воровывали и обворовываете отечество, что вы продавали и продаете его, что в вас нет и не может быть патриотизма, что вы безнравственны до мозга костей, что у вас нет собственной святыни, которую вы не оплевали бы, нет нравственного правила, которого вы не осмеяли бы в вашей баззастенчивой борьбе за обогащение.

У вас нет и не может быть принципов, и потому вы можете лишь опираться на силу в ваших гонениях на социалистов. Но и ваша сила вовсе не прочна, и тайное сознание этой непрочности усиливает вашу панику, усиливает то озлобление, с которым вы бросаетесь на всякую жертву, не разбирая, насколько она опасна для вас; то озлобление, с которым ваши сыщики выбивают зубы женщинам, пытают свои жертвы, тащат в тюрьмы чуть не детей, грабят и убивают. Да, ваша сила непрочна.

Она непрочна особенно в русском царстве, потому что русское правительство тщательно постаралось, в продолжение нескольких веков, подавить в своих подданных всякое политическое стремление, всякое гражданское чувство, уничтожить в обществе всю политическую жизнь. Оно обратило дворянство в лакеев, не дало образоваться буржуазии с какими-либо самостоятельными правами, и теперь, когда ему приходится бороться с началами, в борьбе с которыми ему нужна опора общества, оно не имеет близ себя ни аристократии, ни буржуазии; оно не имеет ни одного политического союзника в обществе; не имеет даже в рядах своих чиновников ни одного преданного человека, ни одного искреннего защитника. Правительство не доверяет и не может доверять ни чиновнику, ни земству, ни спекуляторам. Чиновничество думает лишь о собственной наживе. Земство и спекуляторы представляют у нас, как всюду, лишь ряд конкурирующих между собою единиц в борьбе за обогащение. Эта нестройная армия может еще и сегодня и завтра давить, мучить и убивать революционеров; но она никогда не может составить стройного и сплошного целого, которое было бы в состоянии *победить* социализм, потому что в ней нет никакой связующей *силы*.

Эту силу дает лишь крепкое *убеждение* и горячее чувство *солидарности*. У врагов наших *нет* и не может быть убеждений; между ними *нет* и не может быть солидарности, и потому у них *нет* связующей силы и они *победить* не могут.

Но можем ли мы победить их? Да, если наше убеждение достаточно прочно, чтобы соединить всех нас в одну могучую организацию, которая разлилась бы по всему пространству нашей родины, укрепилась бы всюду, соединяя неисчерпаемые силы страждущего народа с малочисленными, но энергическими борцами из молодой интеллигенции, борцами, отрекшимися от всего старого мира, готовыми на казематы, на каторгу, на пытку, на смерть, лишь бы содействовать воскресению народа русского из

его тысячелетнего гроба. Да, если наша солидарность есть не пустое слово, если мы готовы отречься от личных самолюбий, от мелких соперничеств, чтобы стать действительною силою, чтобы вести свое дело тихо, разумно и энергически, охраняя то, что можно охранить; отдавая врагу лишь неизбежные жертвы, употребляя все свои личные силы, все свое личное уменье на сплочение и усиление революционной организации и готовя в ней последний, смертельный удар врагу народа русского, врагу человечества, врагу правды.

Пусть падают жертвы! Если у нас достаточно убеждения, если у нас достаточно солидарности, то победим мы.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН

Сочинения А. И. Герцена, с предисловием. Т. I. Женева, изд. Г. Георга, 1875.

I

При многочисленности и разнообразии вопросов социально-революционной пропаганды, которая составляет существенную задачу наших изданий, мы не имеем возможности дать в них определенное место критике литературных произведений, даже имеющих более или менее близкое отношение к вопросам, нами рассматриваемым. Не имеем этой возможности, хотя и знаем очень хорошо, что в текущей литературе можно удобно проследить и следы гнили старого общества, и развивающиеся ростки нового, и разные извращения социальной мысли под влиянием переживающих остатков старых начал, под влиянием непонимания и непоследовательности в стремлениях к будущему.

Впрочем, вне того ограничения, которое налагает на нашу деятельность количество наших литературных сил и величина наших материальных средств, еще другие соображения не позволяют нам придать литературной критике — конечно, с точки зрения социально-революционных тенденций — того объема, который она заслуживала бы по внутреннему значению ее вопросов. Она была бы обязана обратить особенное внимание, во-первых, на проявления социалистической и революционной мысли в *дозволенной* литературе нашей родины, проявления, которые сознательно скрываются под *приличною* формою и скрываются так хорошо, что их не замечает опьянелая реакция, или которые бессознательно для автора приводят к тем самым выводам, которые составляют сущность нашей программы. Во-вторых, наша литературная критика должна была бы обратить особенное внимание на произведения русской заграничной литературы, на произведения лиц, которые борются рядом с нами, с той же самою программою, как и мы, или с программою, близкою к нашей, и во

имя этой самой программы нам пришлось бы отнестись иногда довольно строго к иным произведениям, на наш взгляд мало удовлетворительным или даже вовсе неудовлетворительным.

Но мы считаем вредным для нашего дела как то, так и другое. В первом случае мы помогали бы русским правительственным сыщикам и подрывали бы ту пропаганду, которую сознательно или бессознательно ведет в нашу пользу печать, имеющая несравненно более читателей в России, чем наши издания. Во втором случае мы парализовали бы действие на умы произведений, хотя далеко и не удовлетворительных, но тем не менее направленных против наших же врагов и способных произвести благотворное действие на иных читателей, несмотря на свои недостатки, слишком для нас заметные. — Поэтому мы предпочитаем вовсе не касаться этих двух родов произведений. Мы отказываемся *подчеркивать* те проявления нашей литературы, которые могли бы служить поддержкою наших стремлений, рискуя, что их *истинное* значение может остаться незамеченным большинством читателей,— отказываемся, потому что знаем: наше подчеркивание обрекло бы их на гибель. Мы отказываемся от разбора того, что нам кажется неудовлетворительным в русской заграничной литературе, стараясь лишь противопоставить непоследовательным рассуждениям более последовательные, ошибочным — менее ошибочные, и предоставляя нашим общим врагам удовольствие порицать и осмеивать произведения, выходящие из разных групп русской социалистической или революционной эмиграции.

Как только мы пришли к неизбежному решению отказаться от этих двух, едва ли не важнейших для нас, отраслей литературной критики, она вообще может иметь лишь совершенно случайное значение в наших изданиях. Есть факты, которые обойти невозможно; есть литературные явления, которые для *нашего* дела имеют такое же, если не большее, значение, как и факты жизни; их мы *обязаны* разобрать на страницах «Вперед!» и потому не отказываемся и не можем отказаться от случайного помещения критико-литературных очерков, в связи с задачами социально-революционных вопросов, но постоянно следить за современною литературою с точки зрения этих вопросов мы не можем.

В настоящую минуту пред нами подобное литературное явление. «Семейство» и «немногие друзья» Александра Ивановича Герцена приступили к изданию его «Сочинений»*. Первый том этого издания пред нами, и оно должно заключать «более 15 томов». Мы ни минуты не хотим усомниться, что семейство и

* Мы надеемся, что это издание, как сказано в предисловии (стр. VIII), будет заключать «все, что Герцен напечатал или оставил после себя в рукописи», хотя в заглавии с сожалением заметили отсутствие слова «Полные».

друзья А. И. Герцена окончат это издание, несмотря ни на какие жертвы. Мы знаем из предисловия, что нашлись средства на «монумент» Герцену в Ницце, но «друзья» Герцена должны же были настолько понимать его значение, чтобы знать, что единственный возможный, единственный достойный такого человека «монумент» есть издание его полных сочинений, теперь рассеянных в разных книжках, брошюрах, листках журналов и газет и почти недоступных в их целости для читателя. В мраморе и бронзе стоят безжизненными истуканами среди живых многие знаменитые когда-то мертвецы, никогда не жившие, неспособные жить и не оставившие после себя ничего живого. Люди, подобные Герцену, не нуждаются в куклах, едва нуждаются в надписи «Герцен» на скромном камне. Им нужно одно: им нужно, чтобы людям было доступно их слово, то слово, которое для них заменяло слезы («С того берега», 35), то слово, которое одно «спасает мир», когда оно «носит в себе зародыш нового мира» (там же, 181), то слово, которое было историческим звеном в развитии мысли человечества. *Они* могут жить *вечно,* пока их слово гремит среди потомства, находя отзыв в далеких звеньях, с ним связанных; они живут среди современных им истуканов в общении словом и мыслью со всем тем, что развилось из одного корня с ними. Бывают эпохи, слишком занятые насущною борьбою, чтобы могли думать о своих предшественниках и о генезисе собственной борьбы. Тогда на время как бы ослабляется значение замечательных деятелей прошедшего. Но эти эпохи сменяются другими. Отдыхая на минуту от борьбы, человечество снова связывает свое настоящее с лучшими представителями минувшего времени. Тогда воскресают в полном блеске те, которым их друзья дали возможность говорить с потомством. Отнять у них эту возможность есть убийство нравственное, убийство историческое, и этого убийства в отношении Герцена не совершат те, которые могли воздвигнуть ему «монумент» среди ряда «монументов» разных ничтожеств. Полные сочинения Герцена *должны* быть изданы теми, которым дорога его память, должны быть изданы даже в том случае, когда бы, в буре современной борьбы, они встретили недостаточное сочувствие. Если настоящее поколение его не услышит, то надо, чтобы его услышало потомство и имело *возможность* оценить его место в истории. Друзья Герцена *обязаны* дать ему возможность говорить с потомством и занять то место, которое ему принадлежит по праву.

Но как понимают это место те самые, которые собираются воздвигнуть А. И. Герцену этот единственный достойный его памятник? Изданному первому тому предпослано предисловие. В нем автор набрасывает очерк значения Герцена как в отношении его современников, так и в отношении новой «русской заграничной литературы». Автор называет Герцена «русским Вольтером»; находит «поразительное сходство» в эпохе Герце-

на — для России и Вольтера — для Франции; утверждает, что борьба, в которой участвовал Герцен, была борьба «в сфере науки, философии, религии, искусства»; что он, поэтому, «не был вовсе политическим человеком», что голос его доходил «в глубь обширной страны русской... проходя через стены Зимнего дворца»; что он «не дотрагивался до формы правления»; что он не выходил «из круга тех вопросов, с которыми все могли быть согласны»; что, поэтому, он «представлял собой... русское современное ему общество без всякого различия сословий». Современная русская заграничная литература, по мнению автора предисловия, сузила эту программу, стала представительницею лишь «дроби русской мысли», и между ее произведениями и «творениями Герцена, кроме общего желания способствовать прогрессу, нет решительно ничего общего, невозможно даже сказать, чтобы первые были измененным продолжением или развитием вторых». Во всем предисловии, определяющем значение Герцена в русской мысли, *ни слова* не сказано об отношении к социалистическим идеям того самого, который в письме к императору изо всех возможных характеристик выбрал для себя одну — «неисправимого социалиста».

Не знаем, думал ли автор, что подобная оценка возвышает значение Герцена в истории или умаляет его. Полагаем первое, хотя уверены, что автор писал не с целью умалять или возвышать это значение, а единственно с целью *оценить* его беспристрастно. Мы желали бы тоже быть вполне беспристрастными, но находим приведенную оценку радикально ошибочною почти во всех ее положениях. А так как мы придаем Герцену весьма важное значение в развитии русской мысли именно с той стороны, которая для нас всего важнее по самой нашей программе, то считаем не бесполезным посвятить несколько страниц нашей газеты оценке «неисправимого социалиста», слово которого имело в продолжение многих лет громадное значение для русского общества. Мы не имеем возможности сказать, подобно автору предисловия, что при составлении этой статьи «перечитали все оставленное Герценом»; напротив, у нас в настоящую минуту под руками лишь малая доля того, что он написал, но мы надеемся, что этого будет достаточно, чтобы подтвердить цитатами тот взгляд, к которому мы пришли, на значение Герцена в движении русской мысли.

II

Если бы нужно было приискать *один* эпиграф к биографическому очерку Герцена, то едва ли можно было бы найти лучший, чем первая строфа стихотворения, посвященного ему в 1858 году его самым близким другом Н. П. Огаревым:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Но в одну формулу можно включить характеристику даровитой и деятельной личности; лишь искажая черты этой личности. Эпиграф, *исчерпывающий* смысл книги, свидетельствовал бы о бедности ее содержания. Если бы приведенных строк было достаточно для надлежащего понимания роли Герцена в истории, то он потерялся бы в толпе либералов, которые чуть ли не в продолжение всей новой истории Европы до самого нашего времени выступали защитниками принципа «свободы», боролись за нее, приносили ей в жертву себя и других; большинство их имело счастие умереть раньше, чем они вглядывались в значение девиза, ими провозглашенного, и убеждались, что он, сам по себе, лишен содержания, что всякий борец за свободу должен бы ответить себе прежде всего на вопрос: *какая* свобода? — и что, лишь внеся в эту слишком широкую формулу реальное содержание, можно сказать, какому историческому течению принадлежит этот борец.

Герцена нельзя ни на минуту обвинять в том, будто он обманывал себя на этот счет. Он был всегда врагом призрачных формул и громких фраз без содержания. Он с ранних лет определил себе главных врагов русской свободы. С первых *свободных* литературных трудов своих он оставил за собой толпу либералов, упивающихся бессодержательными девизами. Он смело вскрыл фальшивость их кажущихся решений и указал столь же смело на единственный путь *настоящих* решений поставленных ими вопросов. Правда, он не решился итти довольно далеко по пути, им самим указанному; правда, он увлекался иногда тем самым, что вчера еще так решительно уничтожил своим беспощадным анализом; правда, он душою болел о том мире, которому сам подписывал смертный приговор; правда, он не всегда умел различать истинных союзников своего дела и истинных борцов за будущее под формами для него не симпатичными... Но мы и не думаем вовсе, что Герцен был идеалом во всех подробностях своей исторической деятельности, идеалом, который мог бы быть поставлен на поклонение и подражание будущим поколениям. Такие идеалы не существуют. Герцен был *человек* в самом широком значении этого слова. Если он гораздо яснее большинства своих современников понимал исторический смысл переживаемой эпохи и с энергиею бросал свой обширный ум, свой громадный талант в борьбу с общественною ложью, с общественным злом там, где он их видел; если он беззаветно шел в бой именно на том месте, где этот бой ему казался всего существеннее, то и он был

не чем иным, как результатом своего времени, результатом данного общества, результатом той группы этого общества в России, которая выработала тогда лучших представителей русской мысли; он был результатом тысячи обстоятельств, определивших его личность в ее обособленности; он был результатом не только развития мысли в ее неуклонных выводах, но еще личных симпатий и антипатий, тем более влиятельных на человека, чем шире и восприимчивее его природа, чем она горячее и энергичнее. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Не имеет недостатков лишь тот, кто лишен и всяких достоинств. Но можно спросить: многие ли из современников Герцена сделали *столько*, сколько сделал *он* для уяснения смысла современной ему эпохи, для пробуждения русской мысли и для сообщения ей настоящего взгляда на общественные и исторические задачи, для подготовления почвы к более определенной постановке общественного вопроса? Если нам назовут рядом с его именем другие имена, которые имеют *такую же* важность для русской мысли, для мысли человечества вообще, то с этим нельзя не согласиться, но их немного, очень немного. Если же захотят утверждать, что другие сделали *более*, то в этом позволительно усомниться *. Не скрывая от себя недостатков Герцена, тесно связанных с его достоинствами, не скрывая от себя ошибок, им сделанных и которые совершенно объясняются особенностями его личности, его обстановки, его развития, мы постараемся указать его роль среди его современников и его связь с дальнейшим движением русской общественной мысли.

Помещая, неизбежно, этот очерк кусками, мы желали бы заранее указать читателю те главные начала, которые для нас составляют характеристические черты Герцена, как исторического деятеля, и которые мы разовьем постепенно. Нам кажется, что всего удобнее это сделать, выбрав из его сочинений (по крайней мере тех, которые у нас под руками) ряд афоризмов, которые могли бы служить эпиграфами для разных глав его подробной биографии. Такой биографии мы, конечно, не имеем в виду, да у нас для нее нет и достаточно материалов. Но когда-нибудь она будет написана, и, надеемся, будущий биограф нашего знаменитого мыслителя-публициста согласится, что именно *эти* эпиграфы охватывают самые характеристические мысли Герцена и вносят надлежащее реальное содержание в то стремление к «свободе», которое поставил общею жизненною формулою для него и себя друг целой жизни Александра Ивановича.

Вот черты, которые мы выставляем этот раз на размышление читателю:

---

* Конечно, это мнение не может быть чем-либо иным, как личным взглядом пишущего эти строки.

«С тринадцати лет я служил одной идее и был под одним знаменем: войны противу всякой втесняемой мысли, против всякой неволи, во имя безусловной независимости лица». («Пол. Зв.», VI, 240).

«Мальчиком 14 лет... пред алтарем, осквернённым кровавою молитвою (по поводу подавления бунта 14 дек.), я клялся отомстить за казненных». («Пол. Зв.», I, 228).

«В этой среде (русского императорства) чуется зловещее веянье, присутствие *преступления,* не совершившегося, не прошедшего, а *продолжающегося,* невольного... Пути ко всему злому раскрыты во всю ширь. Добро невозможно». («Пол. Зв.», VII, вып. II, 11).

«Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе». («С того бер.», 2 изд.; Посв., VI).

«Ветхий мир... обновляться не может; общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шаг к осуществлению ее будет выход из него». («С того бер.», 2 изд., 52).

«...Всякий порядочный человек совершенно посторонний во всех политических вопросах...» (Там же, 101).

«Убедитесь, что маленькие революции, маленькие перемены, маленькие республики недостаточны, круг действия их слишком ограничен, они теряют всякий интерес». (Там же, 88).

«Все идет к тому, чтобы разрушить дряхлые основы общественности». (Там же, 130).

«Мы призваны казнить учреждения, разрушать верования, отнимать надежду на старое, ломать предрассудки, касаться до всех прежних святынь без уступок, без пощады. Улыбка, привет одному возникающему, одной заре, и если мы не в силах подвинуть ее часа, то по крайней мере можем указывать ее близость тем, которые не видят». (Там же, 103).

«Главное различие между ними (социалистами) и политическими революционерами состоит в том, что последние хотят переправлять и улучшать существующее, оставаясь на прежней почве, в то время как социализм отрицает полнейшим образом весь старый порядок вещей с его правом и представительством, с его церковью и судом, с его гражданским и уголовным кодексом». (Там же, 187).

«Либерализм, последовательно проведенный, непременно поставит человека лицом к лицу с социальным вопросом». («Пол. Зв.», IV, 149).

«Сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг — враг по праву — существующего гражданского порядка — пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды. Нам еще жаль старый порядок вещей: кому же и пожалеть его, как не нам? Он только для нас и был хорош, мы воспитаны им, мы его любимые дети, мы сознаем, что ему надо было

умереть, но не можем ему отказать в слезе. Ну, а массы, задавленные работой, изнуренные голодом, притупленные невежеством, они о чем будут плакать на его похоронах?» («С того бер.», 2 изд., 58).

«Проповедуйте весть о смерти... проповедуйте смерть, как добрую весть приближающегося искупления».(Там же, 90).

«А там настанет весна... начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории. — Основной тон его мы можем понять теперь. Он будет принадлежать социальным идеям». (Там же, 143).

«Западная цивилизация своим последним словом поставила отречение от «современного гражданского устройства»; если Европа и осуществит это завещание, то это именно не та, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая... задавленная нуждой, бедная, обойденная...» («Пол. Зв.», II. Введ. VII).

«Мир спасается *словом,* носящим в себе зародыш нового мира, а не воскресеньем из мертвых старого». (Там же, 181).

«Среди этого... поднимается... в Лондоне... голос, утверждающий, что в русском народе не только есть начало революционное, но социальное, которое следует развить». («Пол. Зв.», I, 225).

«С нами революция, с нами социализм». (Там же).

«*Крайности ни в ком нет, но всякий может быть незаменимой действительностью...* Теперь вы понимаете, от чего и кого зависит будущность людей, народов?

— От кого?

— Как от кого? — Да от нас с вами, например. Как же после того нам сложить руки». («Пол. Зв.», VI, 324).

III

А. И. Герцен принадлежал по своему возрасту к поколению, давшему целую группу замечательнейших талантов и двигателей в нашей литературе и в нашем обществе, и, что еще важнее, эти люди, из которых должны были выработаться и нынешний редактор «Московских Ведомостей», и нынешний проповедник анархизма, были сближены во взаимодействии кружков, самым тесным образом влиявших друг на друга, сближены личными симпатиями и взаимным уважением, причем естественным путем происходило взаимное развитие, более крепкое сближение более аналогических элементов, выделение несходных и окончательная выработка программ деятельности, часто весьма различных от тех, которые ставились сначала теми же самыми личностями. В этих кружках, связанных и тем, что составляло общий девиз одних, и тем, что вызывало нескончаемую полемику между другими, развивались рядом Грановский [106], Белинский, Герцен. Этих трех имен достаточно, чтобы определить важность эпохи; меж-

ду тем она была и эпохою Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Тургенева. Все деятели эпохи родились в промежутке между 1808 и 1818 годом. Несколько старшему поколению принадлежали влиятельнейшие славянофилы, как Хомяков[107], или крайние западники, как Чаадаев[108].

Эти последние и по возрасту и по преданию связывали эпоху Пушкина и декабристов с эпохою Белинского и Герцена, как люди 50-х годов связывали последних с современным движением. При всем разнообразии этих эпох последовательность традиции русской мысли можно проследить во всех этих пяти фазисах с логическим переходом от одного к другому. — Во-первых, в начале двадцатых годов — энергическое стремление к лучшему политическому строю по иностранным образцам, с большою неопределенностью программы, с отрывочными, неясно продуманными задачами, с крайней шаткостью даже в замечательнейших талантах и личностях. Затем тридцатые годы — эпоха подавленных, изломанных, изуродованных личностей, готовых судорожно ухватиться за католичество и за православие из ненависти к николаевщине. Затем в конце тридцатых и в сороковых годах возрождение мысли путем горячей и разносторонней полемики, которая велась и по поводу реализма в эстетике, и по поводу значения разных эпох истории, и по поводу терминов метафизической философии, и по поводу реальных общественных задач; тяжелая пора, когда Белинскому и Бакунину приходилось ломать в собственной мысли старые идеалы, чтобы дать место уясняющейся реальной истине; когда вчерашние друзья расходились из-за теоретических вопросов и вчерашние противники сходились во имя лучшего понимания практического дела; когда скептицизм невозможно было вырвать из своей души самым могучим умам; когда так жаль было старого мира, к которому люди привыкли, но неотразимо росло убеждение в необходимости нового, совсем иного. Затем, в 50-х годах и в начале 60-х, параллельно с крахом николаевщины и с карикатурными реформами первых времен александровщины, ожесточенный разрыв со старым, насмешливая карманьола «нигилизма» над разбитыми идеалами прошедшего, с постановкой практических вопросов все более резкой, с озлоблением партий, которые уже не могли ни уважать, ни выносить друг друга. Затем, в настоящую эпоху, полное уяснение программы и начало битвы, настоящие литературные и общественные представители которой еще в будущем; начало битвы, где враги имеют определенную задачу, не нуждаются ни в насмешке, ни в озлоблении, для того чтобы знать невозможность сближения; где солидарность союзников основана не на личных симпатиях, а на плане битвы; где дело идет о том, чтобы целому теоретическому и нравственному мировоззерцанию победить или погибнуть. — Мы здесь не имеем возможности развивать даже сколько-нибудь подробно эту не-

прерывную и логическую традицию русской мысли, тем более, что для первых фазисов оно в значительной мере уже сделано и в «дозволенной» литературе, но, кажется, достаточно даже самого схематического сближения этих пяти эпох, чтобы видеть постепенное развитие их одной из другой, их логическую последовательность. Но третью эпоху, которую одну мы имеем теперь в виду, никто из ее деятелей — даже Белинский — не связал так прочно с развитием последующих двух эпох, как сделал это Герцен.

Герцену было 13 лет в 1825 году, когда николаевщина развернулась во всем своем казарменном величии. В 1839 году он вернулся из ссылки, и с этих пор началось его влияние на его современников — влияние, которое достаточно характеризовать для первого периода (до отъезда за границу в 1847 г.) одним фактом: оно сделало из Белинского, который издавал «Московский Наблюдатель» и писал статьи о «Бородинской годовщине», того Белинского, который был автором знаменитого письма к Гоголю.

В начале тридцатых годов, как писал сам Герцен («Пол. Зв.», VII, I, 113), «Россия *будущего* существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства, такими ничтожными и незаметными, что им было достаточно места между ступней самодержавных ботфорт и землей,— а в них было наследие 14 декабря, наследие общечеловеческой науки и чисто народной Руси... (116). Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место... Под этим большим *светом* безучастно молчал большой *мир* народа; для него ничего не переменилось... Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову... этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя».

Перед ними стояли *старшие*. Одни — с громкими именами, с бесспорными заслугами в области литературы; это были *покорившиеся*, ставшие *придворными поэтами* николаевщины, Жуковский, Пушкин; это были низкие проповедники «смирения», как характеристики русской народности, в роде Шевырева [109]. Другие — бесспорные таланты, но изломанные тяжестью эпохи: они отрицали в отчаяньи всякую будущность у русского народа, поклонялись католичеству, как Чаадаев, или пытались противопоставить казарменной николаевщине фантастическую Россию небывалого московского периода, с живою религиозностью в мумии православия, с живыми политическими интересами в народе, раздавленном московскою татарщиною, с живою связью между царскою властью и обществом, которое считало эпохи московского господства лишь по ряду воспоминаний о задушении русских народоправств и об увеличении бедствий русского народа.

Невольно и фатально эти борцы за сочиненную русскую народность, эти фантазеры о величии восточного православия — и во главе их Хомяков — помогали распространению господства удушающего казарменного взгляда на Россию и на ее историю, того взгляда, который формулировал граф Бенкендорф [110] в словах (сказанных, конечно, по-французски): «Прошедшее России достойно удивления; ее настоящее более чем великолепно; что касается до ее будущего, оно — вне всего, что могло бы представить себе самое смелое воображение».

Практические задачи, задачи личной и общественной жизни — вот что было на очереди и в России, как во всей Европе с самого начала революционного столетия в 1773 году. Романтизм и идеализм, олимпийская поэзия Гете и реализм Бальзака [111] были одинаково лишь анестетическими пластырями, вызванными желанием задушить нервную боль общества при стуке жизненных, политических и социальных вопросов, которые ломились в двери искусственно уединенного храма метафизики и искусства. В России отражалось то же течение: и у нас был свой романтизм, который ползал перед царскою семьею; и у нас тоже пробовали успокоиться от тяжелой поры реакции в философском понимании, в чистом искусстве. Но и у нас это была лишь необходимость времени, лишь по *невозможности* даже касаться практических вопросов лучшие умы обращались к поэтической области. Они хотели, как писал Герцен в своем дневнике 15 октября 1844 г., «чем-нибудь заглушить все, что остается от энергии; кругом туман, и конца ему не видать» (Соч. Герц. I, 240)*.

Практические вопросы пугали и казались невозможными не

* Автор предисловия к сочинениям Герцена находит «поразительное сходство» между Россиею времен Герцена и Францией времен Вольтера, а также и между ролями этих деятелей. Мы принуждены признать этот взгляд ошибочным и в общем и в частности. В период Вольтера во Франции, как и во всей Западной Европе, борьба практическая воплощалась в борьбу теоретическую. Христианство было *общественною* силою в форме католицизма, протестантизма, англиканизма, в организации духовенства с блестящим историческим прошедшим. От этих пут приходилось избавиться, прежде чем можно было бороться с другими общественными силами, давившими общество. Клерикализм, как нечто самостоятельное, давил не только на народы: он давил и на правительства. Поэтому коалиция свободных мыслителей с представителями светской власти против общего врага была вполне мыслима. Не имея за собою опыта иных революционных движений, кроме вызванных религиозною враждою (во французской лиге, в Нидерландах, в кромвелевской республике), мыслители XVIII века могли искренно думать, что победа свободной мысли над клерикализмом поведет к справедливому и солидарному общежитию. Но после революций 1789 г. и 1830 г. так думать было невозможно в Европе, невозможно было и в России. В последней борьба с клерикализмом никогда не могла быть серьезною задачею уже потому, что русское духовенство не имело никакой истории, кроме истории низкопоклонничества, никогда не давило ни на какое правительство, а было всегда его покорнейшим слугою. Если бы политическая власть захотела быть

только потому, что они были «запрещены», но и потому, что они не представляли никакого сходства с вопросами Европы, из которой большинство самых замечательных умов у нас всегда черпало инициативу в области мысли; грубое самодержавие, крепостничество, отсутствие даже политической традиции обособляло Россию от европейской цивилизации, которая пережила американскую и французскую революцию, только что пережила и революцию 1830 года; цивилизации, которая, развивая в своей среде пролетариат, тем не менее допускала возможность быть республиканцем в монархии, вырабатывала политическое красноречие в парламентах, политическую публицистику в прессе. Но в области теоретической, в области метафизики, когда личная мысль уединяется от бурь «эмпирического явления», не было причины русской мысли не соперничать в тонкости выводов и в изяществе построений с мыслию европейскою; в области чистого искусства не было причины русским поэтам, художникам и эстетическим критикам не превзойти Европу. Естественный ход событий, опасение за себя, жажда общения с жизнью мировой цивилизации, — все вызывало в представителях русской интеллигенции этого периода склонность уйти от практических вопросов в область искусства и философии. Большинство и ушло в нее.

В искусстве и эстетике скрытая забота о практических вопросах высказалась совершенно независимо от воли самих деятелей. Пушкин, громко выражавший презрение «толпе», и Гоголь, вырабатывавший в своей душе миросозерцание «Переписки с друзьями», положили основание реализму в поэзии, т. е. правде в изображении жизни. Белинский, в тот период, когда он был

либеральною, церковь русская звонила бы в колокола по поводу дарования свободы совести, слова, собраний. Если бы император приказал развести костры и поставить виселицы по площадям Петербурга и Москвы и на них вешать и сжигать тех, кого он вздумал бы считать себе опасными, церковь русская отправляла бы свои обряды около виселиц и костров, да вдобавок проклинала бы «врагов царевых». Эта историческая мумия была настолько ниже того infâme [112], против которого воевал Вольтер, что против нее никто не воевал; не воевали и люди тридцатых и сороковых годов. Они философствовали, потому что философствовали в это время и в Германии и во Франции. Они философствовали, потому что практически действовать было чересчур опасно. А в сущности всех волновали практические вопросы, что и совершенно понятно в эпоху, когда не проходило и двадцати пяти лет между последовательными революционными взрывами в Европе, к шуму которой постоянно прислушивались русские деятели. Но есть и гораздо более резкое различие между ролью Вольтера в XVIII веке и Герцена в сороковых и пятидесятых годах. Вольтер именно менее всех своих современников (Монтескье, Руссо, Дидро, Гольбаха и др.) занимался практическими и общественными вопросами. Герцен был именно во главе кружка, который неуклонно ставил выше всего эти вопросы, боролся за их значение с другими кружками, и под его именно влиянием кружки теоретиков обратились к вопросам общественным.

безусловным проповедником гегелевской «разумности всего действительного», выработал теорию реализма в искусстве с такою последовательностью и тонкостью, как она едва ли была выработана кем-либо из европейских критиков. И пред замечательными произведениями русского художественного реализма, пред могучею реалистическою критикою Белинского разом рухнули все старые реторические и романтические школы эстетики. «Правда» в изображении жизни стала безусловным требованием русского искусства. Но *правда* в изображении жизни, это — невольная, фатальная постановка *жизненных вопросов*. Это — невольный, фатальный призыв к их решению. И реализм в поэзии действительно привел к их постановке, призвал к их решению. Задачи беллетристики стали все серьезнее и глубже. «Натуральная школа» все ближе подходила к народу, к общественным задачам. Неизбежный поток приносил русских беллетристов к вопросам о «Деревне», о «Бедных людях», об «Антоне-горемыке», о «Хоре и Калиныче», об «Обыкновенных историях». Одновременно с этими произведениями явился и первый русский философский роман, который мог не побледнеть пред замечательными произведениями русских реалистов в искусстве. Это был «Кто виноват?» Автор был не художник — и это сейчас заметил Белинский — но он был мыслитель, *общественный* мыслитель. Он ставил прямо *общественную* задачу, хотя и в довольно тесной сфере семейных отношений. Этот роман был подписан именем Искандера [113].

Далеко не столь единообразный характер получило течение философской мысли в России, может быть, потому, что западные образцы стояли в этой области далеко ниже, чем в области искусства; еще вернее потому, что откровенная постановка философских вопросов и выработка самостоятельной философии были совершенно невозможны под николаевскою цензурою. О философии можно было спорить в «кружках»; ее выводы можно было безбоязненно развивать в разговорах или в частной переписке; но в печати или на кафедре университета она могла являться лишь в таких обрывках, с такими жалкими оговорками, что совершенно смешно было поставить наших «философов», по одной *возможности* действия их на общество, рядом с заграничными мыслителями.

Философские вопросы в кружках и в литературе были поставлены, неизбежно, совершенно теоретически; понимание сущего, логического процесса мысли, понимание природы и истории было всюду главною, единственною задачею; о настоящем и его общественных требованиях почти не говорили. Но неизбежно для кружковых мыслителей практические задачи настоящего прорывались сквозь теоретические вопросы и подготовляли решение для практических задач будущего. Самый жаркий спор шел о роли русского народа в прошедшем и о том, как «безусловный дух» в моментах своего развития воплощается в действитель-

ность. Решения были большею частью крайне односторонни и метафизичны, но это должно было неизбежно повести к другим вопросам, и их *чуяли* спорящие. Это были вопросы: что делать русскому народу в *настоящем?* Насколько разумна наличная «рассейская действительность»? В сущности о русском философствовании этой эпохи (да едва ли и не о заграничном) совершенно верны слова И. С. Тургенева: «мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления» (Соч. Тургенева. 1874, I, 34).

Каждое из господствовавших тогда стремлений в русской мысли, при своих недостатках, принесло и свой элемент для будущего.

Едва ли не единственный представитель в России школы католического демократизма, Чаадаев, в своем резком противоположении развития русской национальности развитию Западной Европы с особенною ясностью выставил отсутствие в прошедшем России государственной традиции и крепких культурных привычек, возведенных в теорию.

В своем возвеличении старинных московских порядков и фантастического московского царства *наши* романтические философы, славянофилы, всего резче выставили на вид сословное распадение русского общества в петербургский период и отчуждение петербургского императорства от массы населения.

Но это были, как мы сказали выше, *старшие*. Деятели конца тридцатых и начала сороковых годов приносили в русскую мысль иные элементы. Из кружка Станкевича[114], развившегося под влиянием шеллингистов, вышли в начале тридцатых годов наши гегельянцы. Кружок Станкевича «начал, как пишет критик нового времени, с чистейшей теории, не имевшей связи с нашей жизнью». В нем развивалось чистое учение последних годов Гегеля, примирение с действительностью во имя ее разумности. Самым могучим и неодолимым по диалектике борцом этого направления в конце тридцатых и начале сороковых годов был М. А. Бакунин. Под его влиянием и Белинский стал проповедывать «примирение с действительностью» со всею страстностью своей искренней натуры. Но в гегелизме были задачи могучего будущего: это было требование «понять действительность», это была задача понять все — а следовательно и настоящее — как момент в развитии будущего и будущего *более* разумного, более полного, чем настоящее. Это требование, эта задача сами собою вывели из теории «примирения с действительностью» всю левую сторону гегельянцев; они должны были вывести из примирительного гегелизма и Белинского. Уже в 1834 г., на первых шагах своего развития, он, в противоположность полному отрицанию будущности русского общества, которое мы находим у Чаадаева, и в противоположность слепому обожанию московской старины славянофилами, видел залог *развития* будущего нашей родины

именно в отсутствии связывающего ее прошедшего: «У нас нет литературы, — писал он (Соч. Бел., I, 131), — я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов». — Но пока, в конце тридцатых годов, кружок Станкевича боролся с славянофилами, как представитель западных идей в форме примирительного гегелизма. В начале тридцатых годов они, по словам Герцена («Пол. Зв.», VII, I, 117), «чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство». В конце тридцатых, когда Герцен вернулся из ссылки, Белинский, под влиянием «примирительного» направления своего кружка, писал (Соч. Бел., III, 267) о «царственновысоком духе русского царя» и далее (270): «в слове царь чудно слито сознание русского народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения... И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя в истории народа русского».

Рядом с этими направлениями, которые все отвертывались от жизненных вопросов, все разрывали связь с оппозиционной тенденцией двадцатых годов, развивался еще кружок, о направлении которого в начале тридцатых годов самый крупный представитель его говорил («Пол. Зв.», VII, I, 117): «Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством». Кружок Станкевича, «почти исключительно умозрительный», относился к ним холодно, как к людям «почти исключительно политического направления» («Пол. Зв.», I, 83—84). Именно «политическая», общественная идея была с самых первых лет двигателем Герцена и Огарева. Она, как самая важная, как *единственно* важная идея, стояла пред ними всю их жизнь, и рядом с друзьями, которые были связаны архаическими фантазиями славянофильства, рядом с друзьями, которым приходилось ломать свою мысль и отрекаться от своего прошедшего, чтобы попасть в *настоящее* течение своего времени, Герцену не пришлось никогда отрекаться ни от чего основного в своих воззрениях; ему пришлось лишь *развивать* свою политическую идею, разочаровываясь в иллюзиях либерализма и уясняя под ними социалистическое содержание общественных начал. При этом направлении, когда *политики,* сосланные в 1835 году, вернулись через пять лет, в период самого сильного увлечения Бакунина и Белинского примирительным гегелизмом, они вернулись «закаленные испытанием» и «померялись» с противниками.

Оказалось, что спор был сначала невозможен. «Почва, оружие и язык — все было разное» (118). *Политики* не побоялись перейти на чужую почву и бороться на ней. Они «принялись за Гегеля и немецкую философию». Они решились «понять действительность» лучше, чем понимали ее их противники, слепо следуя слову своего учителя. Плодом этой теоретической работы

были некоторые из замечательнейших философских очерков, появлявшихся когда-либо по-русски: это были статьи о «Дилетантизме и буддизме в науке» и «Письма об изучении природы». Под ними стояло опять имя Искандера. — Герцен глубоким и систематическим философом никогда не был и быть им не мог. Но эти статьи заключали самостоятельно продуманный взгляд, проникнувший сквозь туман идеалистических формул и оживленный тем реализмом, который составлял силу всех одновременных с ним философских явлений Европы: антропологизма Фейербаха, позитивизма Конта, логики Милля, общественной критики Прудона. В этих статьях была поставлена задача «прожить науку» (Соч. Герцена, I, 356); наука (Герцен, как и другие его современники, в ее полном развитии не отличал ее от философии) являлась «моментом, по обеим сторонам которого — жизнь» (359), именно жизнь, «где надобно работать, а иногда погибнуть» (358). Здесь проповедывалось тоже примирение, но примирение не в «понимании», а «примирение в жизни» (363), путем практического участия в решении жизненных задач. Философия охватывала *жизненные, общественные* задачи. Позднейший русский материализм Чернышевского и его друзей составляет прямое развитие реализма «Писем об изучении природы». И тот и другие определились влиянием Фейербаха, но в различных фазисах его мысли и с различными посторонними элементами.

Но в этот период нам важен Герцен-Искандер не как автор «Кто виноват?» или «Писем об изучении природы», не как романист или философ. Нам особенно важно его влияние на кружки, его мысль, не записанная подцензурною литературою начала сороковых годов, но действовавшая в разговоре, в полемике, где он был, по всем свидетельствам, неподражаемый художник. Результатом этого самого важного его влияния было разрушение кружка примирительных гегельянцев, поклонников одного «понимания» и «наслаждения пониманием». Бывший кружок Станкевича распался. Самая могучая сила кружка, Белинский, с тою искренностью, которая составляла особенность его характера, отрекся от своего прошедшего и столь же страстно стал бороться за внесение в литературу реальных общественных задач, за лучшее будущее русского народа, как перед тем боролся за примирение с действительностью во имя ее разумности. В частном письме от 10 декабря 1840 г. он уже возмущается «гнусною рассейскою действительностью». Он в 1847 г. пишет своему вчерашнему идолу, Гоголю, теперь «проповеднику кнута, апостолу невежества, поборнику обскурантизма и мракобесия, панегиристу татарских нравов» («Пол. Зв.», I, 68), что русскому народу «нужны не проповеди, не молитвы, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства» (66). Он с холодным презрением говорит (77) о гоголевском «дифирамбе любовной связи

русского народа с его владыками». — И этот переворот произошел под влиянием Герцена. В начале 1840 г. они встретились, и Герцен с резкою откровенностью высказал свое мнение о статьях «примирительного направления» («Пол. Зв.», I, 98): «Знаете ли, что с вашей точки зрения вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать». — «Без всякого сомнения», — ответил Белинский; и фанатик «успокоения в понимании» сцепился с тем, который еще в 1825 году «клялся отомстить за казненных». Белинский с раздражением уехал в Петербург и тогда написал свои статьи о «Бородинской годовщине», из которых мы цитировали выше отрывки. В продолжение 1840 года Белинский то упорно отстаивал свои взгляды, то возмущался в письмах против «действительности», то нападал на «узкие взгляды» противника, то сознавался в своей невольной симпатии к нему. В конце 1840 г. Белинский был побежден и с отвращением относился к своим статьям 1839 и начала 1840 годов. Конечно, нельзя не признать с новым биографом Белинского, что сама петербургская «действительность» много тут сделала и что, стремясь «понять» ее, по требованию гегелизма, Белинский должен был понять всю ее «гнусность». Но когда прочтешь рассказ о первой резкой встрече Белинского с Герценом и потом по письмам и фактам проследишь период их постепенного сближения и внутренней ломки Белинского, то едва ли можно сомневаться, что резкая речь Герцена, возбудившая в Белинском такую вражду, тем не менее постоянно звучала в его ушах, постоянно освещая ему истинный смысл «рассейской действительности»; что именно под влиянием Герцена произошла эта перемена; что именно он всего сильнее содействовал перерождению Белинского в того учителя следующего поколения, которым он был с 1840 по 1847 год.

Таким образом, роль Герцена в этот первый период его влияния на самые замечательные силы русской интеллигенции может быть характеризована следующим образом. Проповедникам теоретического успокоения на философских вопросах и примирения с действительностью он с самого начала противопоставил важность практических, общественных вопросов и преступность примирения с «гнусною действительностью». Он действовал в беллетристике, внеся сознательную общественную задачу в реалистический процесс творчества натуральной школы. Он действовал и в теоретической философии в духе натуралистического реализма. Но ни художественное творчество, ни теоретические вопросы философии не составляли никогда его окончательной задачи. За ними он всегда видел вопрос практический, вопрос политический, вопрос общественный. Своим влиянием он разрушил в руководящих кружках русской интеллигенции направление чисто теоретическое. Он выступил передовым политическим мыслителем среди полного заглушения политической мысли. Он

указал русской мысли борьбу за политические и социальные задачи, как важнейший или единственно важный вопрос. Он был главным двигателем поворота к практическим вопросам вообще и к политическим в особенности, совершившегося в нашей литературе в конце сороковых годов (конечно, и вследствие влияния революции 1848 г.). Он возродил политическую традицию двадцатых годов, но уже не как отдельное, отрывочное, либеральное стремление по иностранным образцам, а как обдуманную систему, соглашенную с особенностями русского народа и русской истории, систему, которая мало-по-малу расширяла политический вопрос до размеров вопроса социального.

Продолжение в ближайшем номере[115]

РАБОЧИЙ СОЦИАЛИЗМ

Лондон, 13[1] октября [1875].

Мы не имеем до сих пор возможности выбирать своих противников. Большинство русских изданий и большинство писателей разных групп, которые, судя по их прежним произведениям, могли бы и должны были бы возражать нам, молчат или потому, что *не могут,* по печатным условиям, существующим для печати в России, противопоставить нашей программе довольно ясно и отчетливо *свою* программу, или потому, что считают пропаганду социальной революции в России делом слишком маловажным и не имеющим будущности, чтобы тратить свои силы на борьбу с нею. Если их удерживает первое затруднение, то мы можем лишь пожалеть о них, именно пожалеть о недостатке решимости со стороны наших конституционалистов организовать свою печатную пропаганду на почве, где печать свободна и где русская либеральная или даже самая радикальная пропаганда, остающаяся, впрочем, на почве легально-конституционной, может встретить только сочувствие и, пожалуй, поддержку со стороны разнообразных оттенков либеральной и радикальной европейской прессы. Некоторое время мы надеялись было иметь возможность встретить этих противников на свободной почве; потом слухи об этом замолкли; в последнее время они опять возникают, получая как будто более определенности, но мы не решаемся доверить в этом случае нашим возродившимся надеждам и... ждем событий. Если же представители русского либерализма молчали из пренебрежения к социалистической пропаганде в России, то мы опять-таки можем лишь пожалеть о них, потому что они могут жестоко ошибиться.

Как бы то ни было, но русская пресса дает крайне мало статей, направленных против нас и сколько-нибудь претендующих быть статьями серьезными и критическими. Поэтому именно мы

не имеем возможности выбирать своих противников, и нам приходится останавливаться на каждом из них, становящемся на почву серьезной полемики, а не голословной руготни или личных нападок. Нам пришлось остановиться на статье г. Щербаня (№ 12); нам пришлось говорить о циркуляре графа Толстого, об излияниях графа Палена (№ 13 и 15); нам пришлось даже упоминать о том, что говорилось в передовой «Голоса» (№ 14). Все это были произведения весьма жалкие, недодуманные, не имеющие под собой никакой почвы в виде ясной программы и определенной критики. Все это следовало бы оставить совершенно в стороне, если бы имелись в виду иные, более серьезные противники, но эти противники молчали, и мы считали полезным если не разбирать подробно все эти статьи и циркуляры — едва заслуживающие иного ответа, кроме писем помещика Мастодонтова [116], — то останавливаться на иных выражениях, в них встречающихся, как на довольно обыденных заблуждениях, по поводу которых мы могли поговорить с нашими читателями о некоторых основных пунктах нашей программы. Мы надеемся, что эти пункты имеют сами по себе достаточно важности для наших читателей, независимо от незначительности повода, их вызвавшего.

И вот перед нами новое, прямое, обширное нападение, целых три фельетона «Голоса» (№№ 251, 252, 253), направленных против «упразднителей современного общества» и подписанных именем г. Евгения Маркова [117], приобретшего себе некоторую известность в бедной русской публицистике последнего времени своими гремучими, сверкающими, пенящимися и бросающимися в нос статьями и о всесословной волости, и об адвокатуре, и о педагогической системе гр. Л. Толстого. Мы прочли со вниманием фельетон г. Маркова.

К сожалению, и тут мы должны сказать, что нам приходится остановиться на статье г. Маркова лишь за неимением более серьезного противника. Как и другие его литературные работы, насколько они нам известны, эта статья в достаточной степени прилична, — она гремуча, она сверкает, она пенится, она бросается в нос; она принадлежит к эффектной литературе, показывает хорошее знакомство автора с образцами блестящих фельетонов и уменье талантливо усвоить приемы этих образцов. Но это произведение г. Маркова, подобно другим его произведениям — может быть, даже в большей мере — страдает некоторой беспорядочностью мысли, мы позволим себе сказать даже — некоторою несообразностью высказанных мнений между собой. Все чувства читателя поражены разнообразными впечатлениями, но эти впечатления настолько разнообразны, что вызывают не ясную мысль, а головокружение; читатель теряет почву под ногами, хватается за слишком податливые обрывки речи г. Маркова и летит, летит стремглав... и не в какую-либо пропасть —

мог ли бы столь приличный писатель, как г. Марков, увлечь читателя в какую-либо пропасть!... — но на лощеный пол сцены, на которой автор «Софистов XIX века» совершает свои прелестные антрша.

Чтобы серьезно разбирать статью г. Маркова, надо было бы знать, на какой *почве* стоит *он,* толкующий так горячо о «необходимости каких-нибудь стойких основ, какой-нибудь незыблемой почвы для общественной жизни»? Во имя каких принципов, какой программы нападает он на «упразднителей современного общества»?

Он — консерватор; по крайней мере он сам говорит, что «истинные основы государства не могут быть иные, кроме консервативных». Кажется, определенно сказано, но... чрез несколько строк читаешь: «всякий либерализм умещается в защищаемом нами взгляде». Вначале он восклицает: «впустите более света, воздуха!» В конце он с теплым сочувствием говорит о «влияниях, которые служили к расширению прав разума и воли»; в средине он с гражданской смелостью утверждает: «никто не может сказать ничего основательного противу справедливости формулы: liberté, fraternité, égalité; далее он говорит: «коренные перемены, решительные удары в решительную минуту необходимы», а в числе их так-таки и помещает «великую французскую революцию»; наконец, он находит нечто «законное в идеале утопистов», т. е. тех самых упразднителей общества, против которых он пишет свою статью. Он называет Роберта Оуэна [118] в числе «святых людей», он относится к «Международной ассоциации рабочих», как к «серьезному» явлению и даже в Парижской коммуне 1871 года признает «героизм, талант, энергию, несомненно проявившиеся у лучших представителей этого движения и особенно у этой безыменной массы работников, ставшей с детской искренностью и с твердостью мужа за дело, которое она считала делом своего спасения»... Нет, человек, высказывающий такие вещи в фельетоне русской легальной газеты, бесспорно,— либерал и даже из смелых, мнения которых не решатся подписать весьма многие из обыкновенных либералов...

Итак, решено: г. Марков либерал из передовых. Это достаточно ясно, но... этот либерал говорит какие-то довольно странные вещи, и мы, социалисты-революционеры, которых г. Марков до некоторой степени справедливо обвиняет в том, что мы признаем господ либералов «отпетыми людьми, отжившим элементом», мы все-таки не решаемся думать, будто от имени русских либералов *вообще* высказываются подобные вещи... Да, мы позволяем себе усомниться, чтобы русские либералы *вообще* так уж откровенно сознавались: «мы считаем достоинством свое материальное обеспечение, свою власть», потому что этим «мы наслаждаемся лично». Мы дозволяем себе усомниться в том, будто, согласно взглядам на вещи русских либералов *вообще,* отнс-

шение общественных деятелей к массам аналогично отношению садовода к вишневому дереву; будто народная масса «близка к животному»; наконец, будто правительство должно воспитывать общество, как охотник, который «хочет иметь хорошую гончую собаку или хорошего скакуна», руководствуясь «правилом скотного двора», которое, «разумеется, во всей силе применяется и к воспитанию общества»... Допустим, что русские либералы выработали себе какой-нибудь довольно своеобразный взгляд на общественные отношения, но все-таки признать руководством для этих отношений «правило скотного двора», применимое «во всей силе», да еще «разумеется»... Отдать себя со всем обществом под плеть псаря или скотника, хотя бы в лице русского императорского правительства, «глубоко укорененного в убеждениях, вкусах, привязанностях своего народа», это... вывертывает либерализм наизнанку.

И все это — консерватизм, «святой» Роберт Оуэн и правило скотного двора — уместилось дружно в гремучей, сверкающей, пенящейся и бросающейся в нос речи г. Маркова, уместилось — и оставило читателя в недоумении, какой группе общественных и политических мыслителей, какому оттенку консерватизма или либерализма принадлежит этот артист фельетонного слова. И не составляет ли он *свой самостоятельный* оттенок политической мысли, *единственный в мире,* причем консерватизм сублимируется до свободы, равенства и братства, а либерализм кристаллизуется в «правило скотного двора».

Мы склонны думать, что г. Евгений Марков именно *единствен,* в своих мнениях представляет и может представлять лишь себя, одного себя — но и этого довольно, конечно. Однако именно поэтому мы не имеем возможности отнестись здесь с серьезною критикою к фельетону г. Маркова *.

Мы можем только поговорить с читателем *по поводу* некоторых мыслей, встречающихся в этом фельетоне, мыслей, играющих в целом столь же странную роль, как и приведенные выше сверкания либерализма, консерватизма и скотничества, но которые в своей отдельности могли бы иному читателю показаться похожими на истину и подрывающими те начала, которые теперь выставляет рабочий социализм.

Г. Марков говорит, что имеет в виду учение, «исповедь которого можно прочесть на страницах лондонского журнала «Вперед» и которое в последние дни избрало своею миссией пресловутое «хождение в народ», но не делает ни одной цитаты из наших изданий. Представителем «партии упразднения» современного мира он принимает «Международную ассоциацию», но и тут не ссылается ни на один пункт ее статутов, циркуляров сове-

---

* Один из наших сотрудников пожелал, впрочем, написать этюд о г. Маркове. Мы с удовольствием поместим, если получим [119].

та или постановлений конгрессов. Для его способа работать это, конечно, самое удобное. Затем, с этим предварительным критическим аппаратом он в пестрых переливах своей речи высказывает, между прочим, о проповеди «упразднителей современного общества», или «Международной ассоциации», или приверженцев рабочего социализма вообще, следующее:

«Все цели, посторонние материальному благополучию массы, будут устранены... В мире нравственном и умственном... возобладает один ненарушимый средний уровень. Один гений разменяется на несколько посредственностей». Характеристической чертой своих противников г. Марков признает «забвение прошлого и отрицание своей солидарности с ним» и называет их «безумными проповедниками борьбы и раздвоения», рассматривающими «два различные возраста» народного организма (господствующие классы и массу пролетариата) как «два различные элемента, два особые мира»; признающими за весь народ лишь часть его, именно пролетариат, «образованное же общество» за «паразитный нарост»; наконец, мечтающими «достигнуть небывалого совершенства масс искоренением именно той части человечества, в которой одной хотя сколько-нибудь укоренились идеи, спасительные для всего человечества».

Создав себе таким образом врагов, г. Марков противопоставляет им, между прочим, следующее:

Человек не может обойтись «при устройстве своей жизни... без того неравенства, зависимости и эксплоатации, от которых так жестоко страдает». Склонность к предпочтению себя другим, своего — чужому есть закон не только общечеловеческий, но даже зоологический, еще вернее — мировой».

Если общество после переворота «начнет заново свою историю», то «в существенных недостатках и достоинствах своих она будет весьма близка к нашей прожитой истории». Люди в большинстве стали бедными рядом с меньшинством богатых, потому что «не могли» устоять в борьбе, были слабее, и никто в этом не виноват, кроме «роковых условий всей мировой жизни». Это большинство образовало пролетариат, который «ничего положительного не может устроить своими собственными руками», потому что он «не организм», а «низший слой, состоящий из отпавших членов всех общественных классов», и «доля бедного человека будет еще горше» после социальной революции.

Поэтому следует поставить тезисы: «полнейшая солидарность всех элементов народа в ошибках и успехах его истории, во всех слабостях и силах». «Все грехи и все заслуги народа — общие всем его слоям». «Признание низшими слоями общества своего родственного союза, своего органического единства с высшими есть необходимое условие для общей борьбы против зла».

«Смысл и содержание истории человеческого духа заключается в... постепенном распространении среди человечества исключе-

ний... избранных единиц». «Повышение уровня всевозможных человеческих способностей и приобретений... достигается именно единицами, которые в разнообразных сферах мысли и дела становятся выше толпы». «В наше время свет правды и науки сосредоточен в цивилизованных классах цивилизованных народов Запада». Эти классы в лице г. Маркова могут сказать: «Мы — это самое человечество, именно та часть его, которая сколько-нибудь осуществляет его собственные стремления». Они имеют право спросить в лице его: «Если я родился в достаточной семье, успел получить образование и достиг в обществе известного положения, то неужели eo ipso [120] я не заслуживаю никакого внимания своим интересам?». Они могут и должны «защищать свое счастье от посягательств» и не допускать «производства над обществом страшных экспериментов», не допускать пожертвования «несомненным благом в пользу несомненной неудачи».

Мы уже сказали, что не имеем даже возможности, по самому способу элегантного творчества г. Маркова, спорить с ним или разбирать его аргументы. Мы только противопоставим тем картинкам, которые он так блестяще набросал, главные черты того, что *действительно* имеет в виду рабочий социализм как в отношении к истории, так и в отношении к тому «несомненному благу», против которого он намерен предпринять свои «страшные эксперименты».

Социализм, как мы говорили недавно (№ 17, стр. 522), есть «требование солидарности всего человечества». Но это требование он выработал путем долгого развития, и в наше время он не ограничивается этим требованием. Он определил с достаточной точностью условия социологической задачи, им поставленной. Он нашел почву и средства для удовлетворения своего требования. Он определил свое отношение к прошедшей истории и взглянул в глаза затруднениям, представляющимся в будущем его осуществлению.

Он начал с темного, постепенно уяснявшегося сознания очень простой истины: «здоровое общество есть то общество, в котором господствует кооперация, а не эксплоатация». В самых разнообразных сферах жизни и мысли он искал почвы для усиления элемента кооперации, для ослабления элемента эксплоатации. Социалистический инстинкт соединял людей в общества, где все личные вкусы и стремления были подавлены безусловным господством обычая и предания. Социалистическая жажда солидарности сближала верующих около алтарей общих богов. Социалистическая необходимость в кооперации вызывала теории патриотизма, национального братства, гражданского самоотвержения из-за интересов государства. Социалистическая потребность в сближении с подобными себе при условиях, возможно удобнейших для кооперации и для солидарности, создавала условные фор-

мы сношений, оттенки *приличий*, сглаживающее общежитие наиболее выработанной культуры.

Но на всех этих путях человек встречал или уродование самых человечных своих начал, или эксплоатацию массы немногими, удобнее поставленными, или маску для самой безобразной конкуренции. Связь обычая, связь религии, связь патриотизма или национализма, связь одинаковых культурных форм оказывалась недостаточна для борьбы с хищническими элементами личности.

Она была недостаточна, потому что устраняла критику мысли и отупляла ум фантастическими задачами, потому что давала одностороннее развитие, потому что была действительною силою лишь для одной доли общества, потому что вызывала лицемерие, а не искреннее чувство солидарности, потому что не охватывала всех естественных потребностей человека, потому что уродовала личность вместо того, чтобы развивать ее общежитием.

Мало-по-малу эти постоянные неудачи выясняли и выясняют еще несколько истин социализма. Он выработал убеждение, что здоровое общественное развитие достигается лишь путем переработки общественных форм, опираясь в этой переработке на реальные факты и на научные приемы мысли, и тем самым освободился из пеленок бессознательного обычая, фантастических верований. Он выработал убеждение, что основанием социалистической общественности могут быть лишь реальные потребности человека в их гармоническом развитии, подчинении и соглашении. С тем вместе он стал *научным* социализмом. Он выработал, наконец, убеждение, что социалистический общественный строй не может быть осуществлен одним народом, одним обществом, одним племенем, при отрицании солидарности между всеми народами, всеми обществами, всеми племенами. Конкуренция со всеми ее последствиями, эксплоатация одних личностей другими со всеми ее отвратительными частностями может исчезнуть лишь тогда, когда солидарная связь охватит все человечество. Социализм доработался до требования солидарности всего человечества.

Все это получилось путем не произвольного полета фантазии, а долгого жизненного опыта, упорной работы мысли, многочисленных жертв, принесенных обычаю, религии, государству, капиталу, которые боролись против права личности оспаривать существующее, мыслить критически, жить по убеждению, а не по закону, не подчиняться сильным эксплоататорам. Люди, которые в наше время поддерживают святость существующего потому лишь, что оно существовало и существует, осуждены антропологиею, как подражатели диких островитян. Люди, защищающие святость религиозного предания, противоречат всему историческому росту рационалистической мысли. С *этими*

соперниками социализму уже и спорить нечего, потому что их достаточно разбили на всех пунктах либералы-прогрессисты, именно те, большинство которых так крепко стоит еще за легальное государство и за капиталистическое хозяйство.

И в требовании всестороннего, гармонического развития для человечества эти господа *теоретически* нисколько не противоречат социализму. Они, правда, уверяют себя и других, будто *они* именно, буржуазные либералы, требуют всестороннего развития для людей, а социализм будто бы ограничивает это развитие лишь одной стороною. По их словам, «все цели, посторонние материальному благополучию, будут устранены» социалистами в будущем общественном строе. Одни повторяют этот вздор намеренно, большинство — по невежеству или по рутине. Ни великие утописты социализма начала нынешнего века, ни уставы и прокламации «Международной ассоциации рабочих», ни лучшие органы социально-демократической рабочей прессы в которой-либо стране Европы, ни какие-либо серьезные представители русской социально-революционной мысли никогда не ограничивали задачи социализма материальным благосостоянием. Все они знали, что это благосостояние недостижимо без нравственных побуждений. Требования всеобщего братства, всеобщей солидарности, требования справедливости были всюду выставлены на знамени рабочего социализма, на знамени социальной революции.

Так же точно высоко ставят социалисты умственное развитие. Мы уже говорили недавно (№ 14) о нелепом утверждении, будто представители социально-революционной мысли хотят «исключить науку» из «социальной программы будущего». Мы не станем возвращаться к нашему требованию *настоящей науки* рядом с жалкой и ограниченной наукой нынешнего времени. Мы не станем повторять возражений против нелепых сказок о «гении, разменянном на несколько посредственностей», в обществе, которое должно дать каждой личности возможность развить все здоровые элементы своего существа и устранить удушливую атмосферу, где задыхается или уродуется большинство современных личностей.

Но в требовании всестороннего, гармонического развития для человечества между нами и господами либералами есть небольшая разница. Они хотят развития человечества таким образом, чтобы огромная масса развивала в себе лишь способность к техническому труду, к перенесению лишений, обращалась все более в рабочий скот и в машину, чтобы на счет ее труда, на счет ее унижения и вырождения вырабатывался цвет человечества, либеральное меньшинство, которому принадлежало бы все умственное и нравственное развитие, все наслаждения цивилизацией, весь прогресс истории. Социалисты понимают ту же задачу несколько иначе. Они требуют развития для *каждой* лично-

сти как в отношении технической ловкости, так и в отношении критической мысли, нравственного сознания. Они требуют для *каждого* участия в физическом труде, который удовлетворяет элементарным потребностям общества, и в умственном труде, который усвоивает человечеству истину и завоевывает ему мир, и в нравственном сознании всеобщего братства, всемирной кооперации, солидарности, охватывающей все человечество.

Мало того. Они говорят: пока *каждый* не будет развивать в себе и физическую ловкость ремесленника, и умственную критику мыслителя, и нравственное сознание всеобщей солидарности, до тех пор *никто* не может развиваться вполне человечно. Пока солидарность не охватит всего человечества, ни одна доля его неспособна жить человечною жизнью.

В самом деле, разве нынешние представители цивилизации, нынешние «культурные люди» не обречены своею технической неумелостью на вечный страх перед всякою экономическою катастрофою, перед всяким политическим потрясением, которое сможет уничтожить их ренту, их драгоценные капиталы, их собственность? Они имеют основание бояться, потому что всякое потрясение, всякая катастрофа бросит их на жертву неисчислимым мучениям, неисчислимым унижениям, может быть, голодной смерти: они ничего не умеют вне своего привилегированного положения, они — ничто, если они не эксплоатируют других, и они знают, что в *их* мире все стоящее вне господствующих классов обречено унижению и лишениям. И вот богатство, идол современного буржуазного общества, богатство, из-за которого грызутся и плутуют его представители, но которое сделалось игрушкою кризисов вследствие самых условий развития буржуазного общества, становится источником вечного волнения его обладателей. Они вечно должны быть настороже против своих собственных друзей. Они вечно должны следить за биржевыми спекуляциями, за интригами политических шарлатанов, которые могут вызвать революции, за волнением пролетариата, который грозит «ликвидациею» их богатствам. Вся жизнь их поглощена борьбою за увеличение богатства, за отстаивание приобретенного в разнообразных шансах всемирной конкуренции. Где тут думать о научных истинах, об истинном искусстве, о нравственном долге человека, гражданина! Давайте нам для отдыха фельетон «Фигаро», каскадную песенку Оффенбаха![121] Все остальное съела биржа.

Но вот ученые, художники, мыслители, государственные люди этого мира. Живут ли *они* человечною жизнью? Нет, они знают, что уединены. Они знают, что в мире, увлеченном бурею борьбы за обогащение, нет действительного интереса ни к науке, ни к искусству, ни к философскому миросозерцанию, ни к государственному делу. Всё и все ценятся лишь по отношению ко всемирной конкуренции. Они сами должны бросить свою науку, свое

искусство, свою философию, свою политическую мысль в поток этой конкуренции, должны делать из них орудия для борьбы за обогащение, или погибнуть. Науке, искусству, философии, политике приходится обратиться в слуг капитала и отказаться от всякого самостоятельного влияния на жизнь общества. Наука и философия должны отойти от всех жизненных вопросов, сделаться узкою специальностью, осудить в ученом и мыслителе все общечеловеческое, все нравственное и стать орудием отупения на той самой точке умственного развития, которую хвалители буржуазного строя громко провозглашают «единственною путеводной звездою человечества». Искусство осуждено на роль забавы людей, погрязших в чувственности. Политика становится изменою отечеству, продажей интересов большинства интересам капиталистов. Все человечное, все развивающее исчезает мало-по-малу из этих сфер жизни, которые составляли лучший продукт человеческой мысли, лучшее орудие прогресса, а теперь обратились в орудие для измельчания, для изуродования мысли под отравленным влиянием развития конкуренции капиталов.

Нам нечего повторять уже сказанное много раз о том, как тяжело современный капиталистический порядок ложится на рабочие массы, доводя их до состояния машин, а, следовательно, не только изнуряя их физически, но отупляя умственно, понижая нравственно в конкуренции с братьями из-за куска хлеба и во всех этих отношениях отнимая у них всякую возможность сколько-нибудь человечного развития.

Итак, современный порядок, который борется с приверженцами рабочего социализма во имя интересов «образования в самом всеобъемлющем смысле», во имя человечного развития, сам полагает неизбежно помеху собственным своим целям, отнимая возможность развиваться всесторонне и гармонически не только у масс, подавленных трудом в пользу их эксплоататоров, но у самих этих эксплоататоров, у представителей всесильного капитала, даже у представителей высших элементов современной мысли, изуродованной специализацией и отдалением от живых социальных интересов. Те самые, которые решаются сказать: «Мы — человечество, именно та часть его, которая сколько-нибудь осуществляет его собственные стремления», оказываются орудиями растления, извращения, принижения и отупения мысли человечества.

В виду этого гибельного процесса рабочий социализм имеет право признать *себя* представителем человечества не только по своей численности, но и потому, что он выступает на оборону *гармонического* человеческого развития против фатально изуродованных направлений мысли, на оборону высших умственных и нравственных интересов человечества против интересов чисто *материальных* в самом грубом смысле этого слова, так как это — интересы борьбы за обогащение, которые захватывают все

более всю жизнь представителей культуры, и захватывают ее настолько, что оставляют место лишь для низших чувственных наслаждений. Рабочий социализм требует развития для *всех*, устраняя конкуренцию, устраняя борьбу за обогащение, распространяя обязанность производительного труда на всех и тем устраняя изнурительный труд масс, который отнимает у рабочего всякий досуг; рабочий социализм тем самым устраняет все главнейшие препятствия, которые отвлекают работу человечества от высших задач цивилизации, от задач умственного и нравственного развития, составляющих, по словам хвалителей буржуазной цивилизации, «единственную путеводную звезду человечества».

Рабочий социализм берет *на себя* высшие образовательные, человечные цели буржуазной цивилизации, именно те цели, которые она не была в состоянии выполнить, которые она поставила, но которым противодействовала по самой сущности, и рабочий социализм имеет полную возможность их выполнить именно потому, что он есть *рабочий социализм,* именно потому, что он есть учение о солидарности всего человечества, опирающееся на *реальную* почву. Он есть учение о солидарности всех рабочих независимо от языка, от национальности, от расы; учение о солидарности всего трудящегося в борьбе против общественного паразитизма; учение о солидарности всего существующего собственным трудом в стремлении к развитию на почве реального труда.

Да, то, чего не могли сделать ни господство обычая, ни обещания религии, ни государственная организация, ни национальная связь — доставление прочной реальной основы для человеческой (и даже *общечеловеческой)* солидарности, это намеревается и надеется совершить рабочий социализм, объявляя войну тому началу всеобщей конкуренции и господства капитала, которое подорвало и вынесло на рынок религию, политику, национальность — все связующие силы старой общественности.

Это невозможно, говорят противники: «человек не может обойтись при устройстве своей жизни без неравенства, зависимости и эксплоатации». «Предпочтение себя другим, своего — чужому есть закон не только общечеловеческий, но даже зоологический». Солидарность между людьми невозможна, и потому здание рабочего социализма есть здание фантастическое, противоестественное.

Опять мы имеем перед собою крайне смело и беззастенчиво высказанное положение, которое называет себя научною истиною, но встречается со множеством ясно противоречащих ему фактов. И в мире низших животных муравей и пчела вовсе не предпочитают «себя другим, своего — чужому», но жертвуют собою для других. И среди птиц и млекопитающих самка бывает готова умереть за детенышей, самец за самку. Надо быть полным невеждой в истории, чтобы не привести сейчас же и из

среды людей тысячи примеров самоотвержения личности для блага своего племени, для блага государства, из-за религиозного или философского убеждения, не считая уже жертв *собою* и всем *своим,* принесенных любимым личностям. Оно так очевидно, что несколько совестно даже повторять подобные вещи.

Итак, положение, столь громко и решительно высказываемое о невозможности отречения от личного интереса в пользу особей или идей оказывается вполне несостоятельною болтовнею. Аффект и убеждение суть могучие начала, побеждающие личный интерес. Буржуазный порядок именно потому проповедует теорию господства личного интереса, что он выработал и развил аффект жадности богатства, которым подавил все другие аффекты, и убеждение в нравственности конкуренции и эксплоатации, которым затемнил все прочие нравственные требования. Но вся история представляет бесчисленное множество иных аффектов и иных убеждений, которые постоянно побеждали личный интерес, и если будет устранен аффект жадности богатства, если будет уничтожено убеждение в нравственности конкуренции и эксплоатации, то нет тени доказательства невозможности образовать общественный союз, где личные интересы будут поглощены новым началом солидарности.

Каково же это новое, реальное начало солидарности, долженствующее победить нынешний буржуазный мир с его разлагающим принципом борьбы всех противу всех в виду личного обогащения?

Это — начало *общего труда на общую пользу, отдавая обществу все свои силы для его развития и беря от общества лишь необходимое для личного существования и развития.* Эта формула в немногих словах заключает всю программу социалистического общежития.

Как требование общего *труда,* социализм стал *рабочим социализмом* и сделался силою, опирающеюся на ту самую реальную почву, которая сначала вырастила все, чем жило, живет и будет жить человечество.

Как отдача личностью всех своих сил на *общую* пользу, рабочий социализм есть учение *солидарности,* связующее все трудящееся одним началом, в высшей степени реальным, именно началом реального труда.

Как задача социального *развития,* на которое должны быть употреблены все личные силы, рабочий социализм есть прогрессивная историческая сила, которая стремится выработать все высшие процессы, умственные и нравственные, на почве материального обеспечения всех и каждого.

Как требование от общества лишь *необходимого* для личности, рабочий социализм есть признание безнравственности аффекта жадности богатства, безнравственности борьбы за обогащение, безнравственности монополии, отрицание конкуренции,

требование материального обеспечения для всех, при установлении «одного общего уровня» в *единственной* сфере, где установление этого уровня возможно и справедливо, — в сфере экономической, материальной жизни, причем отсутствие *всякой* монопольной собственности сделает невозможным восстановление экономической конкуренции со всеми ее результатами.

Как требование от общества необходимого не только для существования, но и для *развития* личности, рабочий социализм есть начало всестороннего и гармонического личного прогресса, умственного и нравственного, на уровне одинакового материального обеспечения. Он устанавливает *образованность,* минимум которой должен стоять, по своей реальности, цельности и основательности, далеко выше средней образованности нынешнего слоя представителей цивилизации; и на почве этой общей образованности он допускает самое безграничное разнообразие в развитии мысли научной, философской, эстетической, практической, с участием *всех* работников мысли и в работе физической, в работе, которая доставляет *всем* необходимое. Отсутствие непроизводительного накопления предметов пользования и роскоши в руках личностей, устранение избытка производства, направление техники на общеполезные цели позволят, вероятно, довести для каждой личности число часов дня физической работы до такого минимума, который оставит полный досуг работе личности над своим собственным развитием и над развитием социальным.

Кто же может сделаться двигателем социального переворота, который должен осуществить начало рабочего социализма? — До этого начала могли додуматься отдельные личности из класса, пользующегося всеми выгодами нынешнего буржуазного строя, если только эти личности мыслили критически и мыслили искренно, но мышление отдельных личностей никогда не может быть орудием истории. Она совершает свои перевороты, когда *жизнь* доставляет ей достаточно прочную почву для поддержки верной мысли, достаточно могучее орудие для ее существования. Двигателем рабочего социализма мог сделаться лишь рабочий класс, и лишь в тот период, когда фатальный процесс капиталистического производства подвинул достаточно далеко разорение этого класса. Надо было, чтобы многочисленные мелкие хозяева-ремесленники были раздавлены в борьбе с крупными предпринимателями; надо было, чтобы рабочее население бросило дома и пошло скучиваться на фабрики около могучих машин и усовершенствованных орудий производства, посылая туда взрослых и детей, мужчин и женщин; надо было, чтобы разросся по всем странам «цивилизованного» мира пролетариат, не имеющий перед собою даже *возможности* когда-нибудь поправить свое положение; тогда только история выработала весь материал, нужный для рабочего социализма как исторической силы: многочис-

ленный класс, который с каждым днем все более уясняет себе безысходность своего настоящего положения, и социологическую мысль, которая дозрела до доказательства всех фатальных результатов буржуазной конкуренции и капиталистического хозяйства, до уяснения исторического процесса, выработавшего современный пролетариат и всемирную продажность, до логической уверенности, что настоящий порядок совершенно неизбежно ведет к разрушению всех общественных связей, всех нравственных побуждений, к централизации капиталов в руках все меньшего числа личностей и к унижению, отуплению, вырождению и вымиранию всего остального населения, которое фатально попадает в ряды все разрастающегося пролетариата. Научная мысль и жизненный интерес огромного населения составили в своем союзе вполне реальную и достаточно прочную основу новому готовящемуся периоду истории общества.

«Борьба и раздвоение», которые составляют фактическую точку исхода учения рабочего социализма, им не выдуманы и не им внесены в историю. Эта борьба есть факт, который *оказался* фатальным признаком нынешнего строя; это раздвоение внесено в историю предшествующими периодами жизни человечества и лишь заострилось в последнее время как неизбежное следствие капиталистического производства. Низшим классам, было бы крайне приятно, если бы они *могли* чувствовать «свой родственный союз, свое органическое единство» с высшими, но это *невозможно,* потому что высшие классы в продолжение всей своей истории смотрели на низшие лишь как на материал для эксплоатации, как на *податное* сословие в государстве, как на *рабочую силу* на заводе или в сельском хозяйстве, и современная буржуазная цивилизация не только не подорвала этот взгляд, но, напротив, усилила его на практике вследствие усиления конкуренции из-за обогащения; усилила его в теории, возводя конкуренцию в основной экономический принцип и подводя ее под неизбежную борьбу за существование, как основной естественный закон. Выброшенные из мира конкурирующих богачей, как «особый мир», годный лишь быть материалом чужого обогащения, рабочие классы были поставлены в *необходимость* смотреть на себя как на «особый мир», обороняться против тех, которые напирали на них, и приспособляться к «раздвоению», которое было вызвано, развито и доведено до крайности теми, кто составлял историческую силу.

Но это фатальное «раздвоение», это фатальное образование двух разных миров вовсе не таково, каким его хотят выказать недобросовестные противники рабочего социализма. «Паразитным наростом» признает рабочий социализм не тот класс, который «образован», — потому что такого класса *нет*. Не имеет возможности приобрести образование большинство пролетариев, но глубоко невежественна под лоском *кажущейся* образованно-

сти и буржуазия, опьяненная борьбою за обогащение, преданная лишь чувственным наслаждениям, чуждая всяких высших умственных интересов, неспособная ни к какому нравственному пониманию, изуродованная специализациею во всех отраслях своей деятельности и потому совершенно неспособная к образованию. Господствующие классы нынешних общественных эксплоататоров имели бы *материальную* возможность быть образованными, но не имеют на то *нравственной* возможности и презирают человеческое образование, не ведущее к обогащению. Напротив, именно деятели рабочего социализма стремятся, насколько могут, к личному образованию и ко внесению его в ряды рабочего класса, к уяснению в нем реалистического понимания мира, законов социологических явлений, общечеловеческой солидарности людей. Рабочий класс, становясь органом рабочего социализма, становится вместе с тем все более органом развития и настоящей образованности и потому имеет право смотреть на класс своих эксплоататоров как на «паразитный нарост» не только потому, что они — экономические эксплоататоры, но и потому, что они, эти «средоточия правды и науки», суть первые враги всякого научного образования, первые враги всякой общественной правды. «Мыслящему пролетариату» открыты ряды рабочего социализма, и этот «мыслящий пролетариат» должен не сегодня, так завтра примкнуть к нему, потому что лишь рабочий социализм может выполнить те задачи, которые преследуют лучшие умы в науке, в искусстве, в литературе вообще. Лишь рабочий социализм может осуществить в широких размерах и тот «смысл и содержание истории человеческого духа», который «заключается в распространении среди человечества исключений, избранных единиц». Он *всем* дает *возможность* стать «исключением, избранною единицею» в той или другой сфере теоретической или практической деятельности. Он принимает к сердцу *все* «интересы»: интересы страждущего материально, давая ему материальное обеспечение; интересы человека развитого и стремящегося к развитию, устраняя все препятствия к его дальнейшему гармоническому развитию. Он ставит своей задачей не «искоренить ту часть человечества, в которой хотя сколько-нибудь укоренились идеи, спасительные для человечества», но сделать эти идеи достоянием всех и укоренить их прочно, вырвав из общественной почвы все паразитные растения, их душившие.

Рабочий социализм вовсе не «забывает» истории, так как именно история указывает ему процесс развития капиталистического хозяйства и пролетариата. *Она* именно указывает рабочим, что все прежние политические перевороты, все прежние «либеральные завоевания» буржуазии не только не послужили в пользу рабочим, но, напротив, постоянно ухудшали их положение. *История* указывает рабочему классу его ошибки, указывает

зародыши социалистических стремлений и в обычае, и в религиозных верованиях, и в утопиях, и в научном мышлении; она указывает рабочему социализму частную собственность и монополию во всех ее видах, как источник всех дальнейших бедствий, как источник современной всемирной продажности. Рабочий социализм не имеет права забывать историю, из которой черпает свои главные доводы.

Принимая за свое реальное основание рабочий пролетариат, рабочий социализм прекрасно сознает его недостатки. Он знает, что пролетариат не *есть* организм, что он состоит из тех, которые в течение развития монопольного хозяйства *не могли* стать в ряды собственников, но постоянно стремились к этому, что слабость пролетариата заключается именно в том, что большинство самых интеллигентных личностей из его среды при первой возможности делаются эксплоататорами своих вчерашних братьев, не замечая, что они этим ослабляют пролетариат как целое, как историческую силу, нисколько не обеспечивая себя или своих семей, так как их мелкие хозяйства обречены падать жертвами капиталистического производства при первом удобном случае. Рабочий социализм стремится именно потому *сделать* пролетариат организмом, охватить все группы рабочих одною обширною организациею, распространить путем пропаганды убеждение, что всякий рабочий может найти прочное обеспечение не в личном случайном изменении своего положения на несколько лучшее, а в торжестве всего пролетариата над современным экономическим порядком. С тех пор, как «Манифест коммунистов» бросил рабочим свой призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — прошло более четверти века. С тех пор, как образовалась «Международная ассоциация рабочих», прошло более 10 лет. Много неудач, много препятствий, много разочарования перенесли деятели этого процесса организации рабочего класса и по вине исторической среды их действия, и по личной вине чужой и своей собственной, но рабочие союзы распространяются по всем странам, рабочая организация крепнет и растет, пролетариат *делается* организмом, его члены все более проникаются солидарностью и все более убеждаются, что место борца в армии этой растущей исторической силы имеет более шансов в будущем, чем место мелкого эксплоататора в последних рядах буржуазии, обреченной на бесконечную конкуренцию, причем мелкие эксплоататоры неизбежно гибнут жертвою крупных.

Рабочий социализм не забывает и своей солидарности с прошлым, солидарности, представляющей столько опасностей в будущем. Он знает, что люди, готовящиеся совершить социальную революцию и воздвигнуть будущее царство труда, братства и справедливости, сами выросли в тяжелой борьбе старого мира за существование и за обогащение, что они переносят с собою в

новый мир часть привычек и влечений этой старой борьбы. Он знает, что наибольшая опасность новому созданному миру грозит именно отсюда, что старое стремление эксплоатировать других может прикрыться «новою маскою и в новом обществе». Да, мы знаем, что долгая историческая болезнь не излечивается разом, одною историческою катастрофою. Катастрофа социальной революции должна лишь разрушить гнездо болезни, источник, из которого постоянно выливаются новые и новые волны заражения, должна уничтожить в самом корне возможность монополизирования богатства и возможность злоупотребления личностью (sic) своих сил с целью личного обогащения. Конечно, при этом рабочий социализм не может иметь в виду фантастического равенства *отдельных личных* имуществ, равенства, которое всегда неизбежно приведет к неравенству; он имеет в виду *общность* всех богатств, из которых каждый берет необходимое для существования и для развития, не нуждаясь в запасе на черный день, не опасаясь будущего и потому не имея нужды вносить в жизнь борьбу за блага, которые он и без того получает, в которых все участвуют, причем всякая потребность удовлетворяется под контролем всех. В этой экономической среде, исключающей борьбу за материальные блага, не представляющей никакого препятствия развитию чувства солидарности между людьми, не изменятся, конечно, сию же минуту люди поколения, долженствующего совершить социальную революцию. Много некрасивого вызовет на другой день после этой революции присутствие в новом обществе побежденной буржуазии, не умеющей жить трудом, неспособной воспринять самую тень идеи солидарности людей, проникнутой до мозга костей привычками старого хищничества и политической интриги. Много некрасивого вызовут и старые привычки, старые влечения, которые будут невольно перенесены в большей или меньшей доле в новый строй самими его строителями. Тяжелая солидарность настоящего и будущего с прошедшим обойдена быть не может, и рабочему социализму приходится вынести свою долю ответственности за минувшую историю. Да, все слои общества были в ней виноваты. Да, можно гипотетически выразиться, что рабочие могли бы устранить и пролетариат, и капиталистическое хозяйство нового времени, если бы они ранее сплотились и раздавили еще не укрепившуюся, развивающуюся буржуазию вместе с феодальным строем союзом предводителей жакри или крестьянских войн XVI века с ремесленниками городов и захватом всего имущества в руки рабочего сословия. С этой точки зрения рабочие классы виноваты лишь в том, что не дозрели мыслию ранее, чем процесс исторической жизни вызвал эту зрелость; в том, что не имели дара предвидения, которого не имел и не мог иметь никто. Не станем спорить об этом, пусть виноваты и они. Тем более их обязанность — не повторять вины отцов и дедов, не заставлять

внуков нести последствия *их* вины. Они должны исправить свою вину и вину отцов, должны разрушить тот экономический строй, который ведет к *обнищанию, вырождению и отуплению масс*; который растлевает и уродует даже того, кто им наиболее пользуется; тот строй, который разлагает общественность, внося всюду борьбу и продажность, искореняя всюду сознание солидарности между людьми.

Первое поколение строителей нового общества может взять на себя лишь роль операторов и искорените́лей общих причин старого зла, роль установителей основ нового порядка и должно испытать неизбежные неудобства того, что оно, это поколение строителей *нового*, само выросло в *старой* среде. Но все исторические перевороты совершались не идеальными, а весьма обыкновенными людьми. *Только* это и *именно* это позволяет и социалистам с надеждою смотреть на будущее. Под влиянием более здоровой среды, более здоровых условий жизни должны вырасти новые поколения, в которых старые привычки монополии и себялюбия будут постепенно исчезать, сознание солидарности между людьми будет расти, начала рабочего социализма будут проникать в историю все глубже и глубже, все полнее и полнее. Все более искренно каждая личность будет отдавать *все* свои силы на дело общего развития. Все более внимательно каждая личность будет следить за собою, брать от общества лишь *действительно* необходимое. Личные аффекты и эгоистические побуждения будут вносить все менее дисгармонии в солидарный строй тех, которые будут трудиться для всеобщего блага. Все разнообразнее и пышнее будут развиваться личные способности, умственные, нравственные, технические, не задавленные отупляющим трудом, заботой о завтрашнем дне, заботой об обогащении, враждою с соперником на сцене вечной конкуренции. Лишь в прогрессивном развитии рабочий социализм выполнит цель всякой общественности — *сознательную кооперацию* солидарных личностей для общего блага, и внуки с улыбкой презрения прочтут изречение клоуна-писателя, который при их дедах называл социальную революцию «страшным экспериментом» и «пожертвованием несомненным благом в пользу несомненной неудачи».

РАБСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Лондон, 27[15] октября.

В одном из последних номеров журналов, полученных нами из России, мы прочли слова: «Я — русский литератор, и потому имею две рабские привычки. Во-первых, писать иносказательно и, во-вторых, трепетать».

Две? — Нет, их гораздо более. Говорить «иносказатель-

но»? — Нет, не только говорить иносказательно, но и говорить будто бы прямо совсем не то, что думаешь, говорить *противное* тому, что неизбежно должно ворочаться в мысли и что неизбежно ворочается в ней. Трепетать?— Нет, не только трепетать, но суживать свою мысль, свои желания, свои человеческие требования до самых микроскопических размеров и восторгаться, проливать слезы умиления, когда повелители рабских мыслей русской литературы бросят сдуру словечко, в котором проглядывает что-либо человеческое, попробуют щегольнуть на секунду в костюме, в котором забыта нагайка наблюдателя за рабами, свисток для напоминания собакам, чтобы они не разбегались в стороны. Знают, не могут не знать рабы, что слово, им брошенное, ни к чему не обязывает, не имеет никакого значения; знают, не могут не знать, что нагайка тут подле и что сейчас свистнет по их изогнутым, исполосованным спинам, а все-таки восторгаются, все-таки проливают слезы умиления, все-таки просят немножко, крошечку, капельку человеческих прав, человеческого существования. И это не простая челядь, ищущая милости господина, чтобы давить других рабов и набивать себе карманы подачками и воровством. Нет, это — цвет рабской интеллигенции, это — наиболее смелые, наиболее заметные по способностям, по положению; это — те, которые *могут* гнуть спину не так низко, как другие; это — рабы с именем, рабы со значением, рабы либеральные... Горьки, горьки бесчисленные проявления рабских привычек в русской литературе!

Пред нами два либеральные заявления о положении школ в России в настоящее время, о том, что для них нужно, о том, что желательно для русских педагогов, для русской семьи, о том, чего можно ожидать в будущем для этого важного элемента русской общественной жизни. Оба заявления обращены прямо или косвенно к министру просвещения. Оба выражают открытое негодование или пренебрежение относительно «возмутительных голосов наших эмигрантов», «безрассудных учений, проповедывавшихся в некоторых школах», «нелепых целей и выходок заграничного русского издания «Вперед». Одно из них подписано именем одного из самых известных и уважаемых русских педагогов, именем г. Стоюнина [122], и напечатано в русском «Revue des deux mondes» [123] — в «Вестнике Европы». Другое подписано именем еще более громким и еще более уважаемым как в русской публицистической литературе, так и в деятельности наших земских либералов, именем князя А. Васильчикова, человека, который, по собственному сознанию, принадлежит к тем наиболее обеспеченным семьям современного мира, которых всего «тысячи полторы или две в России»; напечатано оно за границею, с полным именем автора. Князь Васильчиков писал несколько ранее знаменитого циркуляра графа Толстого. Статья г. Стоюнина вызвана именно этим циркуляром. Мы оставляем совершенно в

стороне отношение этих крупных представителей русского либерализма к делу социалистической пропаганды. Мы посмотрим лишь на то, как они отнеслись к своему делу, к делу русских школ, которое для обоих близко и дорого: для одного — как педагога, для другого — как семьянина, для обоих — как русских либеральных патриотов, как крупных представителей русской либеральной мысли.

Г. Стоюнин уловил в циркуляре гр. Толстого слова: «истина не боится света» и восхитился ими, а вместе с тем и всем знаменитым циркуляром. Он несколько раз возвращается к восхвалению «прекрасной фразы» министра, к его «доверчивому отношению» к школе и заключает свою статью утверждением, что именно на основании слов министра педагоги будут «безбоязненно, непостыдно и мирно» вырабатывать «много нового». Он пишет, что на слова министра вообще «нельзя не отвечать с особенным сочувствием»; что «преступно было бы равнодушно отнестись к новым высоким намерениям министра»; что этот циркуляр возбудил «в нас (должно быть — педагогах) так много прекрасных чувств и надежд».

Переходя к частностям, г. Стоюнин говорит, что «намерение перевоспитать семью посредством школы... обещает школе прекрасную будущность»; он, повидимому, радуется, что «из школы приглашаются люди на сознательную и осмысленную защиту государственного порядка». Но затем, между всеми этими «надеждами», восторгами и восхвалениями, проскакивают оговорки. Оказывается, что школа должна не «считать себя важнее семьи», но отказаться от «покушения управлять семейными интересами по своему усмотрению» и стать «ревностною помощницею» семьи. Оказывается, что задача «защищать государственный порядок» в школах для педагогов, вовсе к тому не подготовленных, до такой степени трудна, что может скорее всего поставить благомыслящих «защитников» государственного порядка в неловкое и комическое положение или дать учителям с «преступными намерениями» повод воспользоваться «официальным позволением вести беседы с учениками» для самой ехидной пропаганды. На основании последнего либеральный педагог, только что захлебывавшийся от восторга пред словами «истина не боится света», высказывает уже совсем не «безбоязненный» совет «ограничить эти беседы».

Из той же статьи г. Стоюнина оказывается, что общество, в бессилии воспитывать детей, обращается к педагогам, а неподготовленные и связанные по рукам и ногам педагоги ничего не могут сделать для общества путем воспитания, так как «вне школы некому оберегать» молодых людей. Школа, в лице министра просвещения, обвиняет семью; семья, в лице князя Васильчикова и других, «голоса» которых «молчат», обвиняет школу, и у «юношей» не оказывается «никакого запаса для разумной,

деятельной жизни». Должно сознаться, что это положение и без циркуляра, говорящего о пропаганде в 37 губерниях, не только «печально», — но — как выражается т. Стоюнин на том лишь основании, что «истина не боится света» — оно «ужасно» для современного общества низкопоклонных чиновников, ловких спекуляторов и рабов-писателей.

Тем не менее г. Стоюнин не отчаивается. Он полагает, что «требования циркуляра должны повести к иной постановке школы», причем «уже не может быть и разлада между школой и семьею». Он говорит, что надо оберегать «сердце» юношей «от таких впечатлений жизни, которые легко пробуждают и развивают недостойные чувства и злобное настроение», например, «от чувства несправедливости, насилия, унижения и всяких озлоблений». Он говорит, что надо воспитываемому поколению «дать жить здоровою жизнью». Тогда, по его словам, и «наука будет делать свое настоящее дело»: она внушит молодежи, что общество имеет свое органическое развитие, которое идет вперед путем «улучшенных законов и стремлением лучших и просвещеннейших граждан мирно внести в общество свое посильное добро»; это именно и воспитывает людей, которые будут «*сознательно* поддерживать общественный порядок противу разрушительных сил».

Допустим, что г. Стоюнин был бы прав, но в таком случае каким образом вызвать эти *желательные* для него явления при «ужасном» состоянии семьи и школы? И что же именно могло его восхитить в циркуляре министра?

Его восхитило доверие к школе, высказанное в форме желания, чтобы школа перевоспитала общество и чтобы педагоги вступали с своими учениками в беседы о «преступных учениях», но сам т. Стоюнин прекрасно понимает, что и первое и второе желание совершенно нелепы: первое — потому что педагоги-перевоспитатели выходят из того самого общества, которое имеется в виду перевоспитать, мыслят и действуют под теми же влияниями, которые господствуют в обществе, посылают учеников обратно в это самое общество; второе — потому что одни педагоги не подготовлены, а другие ненадежны с точки зрения «поддержания государственного порядка». Но если все формы «доверия» министра к школе нелепы и неприложимы, по собственному сознанию т. Стоюнина, то чему же он так «особенно сочувствует»? в чем видит «высокие намерения министра»? что возбуждает в нем «так много прекрасных чувств и надежд»?

Неужели все ограничивается восторгом пред словами «истина не боится света»? Неужели, по мнению г. Стоюнина, кто-либо поверит, что эти слова сказаны министром искренно и заключают в себе хотя бы самомалейший реальный, практический смысл? что сам г. Стоюнин им верит? и еще в настоящую минуту, когда император призвал дворянство играть в школах роль

сыщиков и даже земству правительство не дозволяет устройства самостоятельных учительских семинарий; в настоящую минуту, когда тысячи молодых людей поименно обозначены как ненадежные для высших учебных заведений, а саратовская семинария вся целиком отмечена как опальная; в настоящую минуту, когда школы не могут даже *вовсе* иметь книг вне списка, утвержденного в министерстве и разосланного во все учебные округа; в настоящую минуту, когда самые невинные издания получают предостережения, искалечиваются, гниют в ожидании суда, которого никогда не дождутся... Не это ли признаки, что для русского просвещения «истина не боится света»?

Нет, г. Стоюнин отлично понимает, что слова «истина не боится света» лишены в циркуляре всякого смысла, не имеют ни малейшего шанса осуществиться в школах нынешней императорской России, составляют самую злую иронию над положением русской литературы и русской педагогии в настоящую минуту. Г. Стоюнин отлично знает, что в циркуляре графа Толстого нет ни одной живой мысли, ни одного ясного понятия, теоретического или практического, что тут никаких «высших намерений» не существовало, что «надеяться» не на что. Он понимает и знает все это, но все-таки написал свое восхваление, потому что наш либерализм выработал в литературе рабское чувство и рабский язык...

Но на что же надеется сам г. Стоюнин для излечения «страшной болезни всего общества»? Каким образом он убережет «сердце» молодого человека от «злобного настроения», от «чувства несправедливости, насилия, унижения» в обществе, где обман, грабеж, лицемерие, полнейший нравственный индифферентизм составляют самые ходячие черты общественного строя; в государстве, где насилие с одной стороны, приниженье с другой встречаются на каждом шагу? Откуда вы возьмете, господа либеральные педагоги, для ваших воспитанников «запас для разумной, деятельной жизни»? Его нет у вас самих, его нет в обществе, его нет в вашем государственном строе. Вы это знаете, а все-таки намерены «сознательно поддерживать» этот «государственный порядок», где страсть к наживе поглотила все страсти. Вы хотите воспитать молодежь в уважении к идолам, которым сами не верите, выдрессировать ее учением, состоящим из лицемерных фраз и восхваления того, нелепость чего сами же доказываете. Вы сами знаете, что нет возможности создать общество крепкое в борьбе против социализма путем союза глубоко развращенной семьи с запуганной и лицемерной школой, для которой вы пишете рабским языком ваши статьи, пропитанные рабским чувством.

Князь Васильчиков относится прямее к министру, что совершенно естественно в брошюре, напечатанной за границей. Он прямо признает «систему» графа Толстого, или задачу, им

«предложенную для воспитания»,— «неразрешимою и невыполнимою»; указывает, что граф Толстой начал новую систему воспитания без воспитателей и учителей; что он «не дал себе труда вникнуть» в недостатки нынешнего воспитания и «не хотел исследовать настоящих нужд и польз народного просвещения в России»; что он «замутил народное образование в России преждевременными легкомысленными мероприятиями»; что в «высших правительственных сферах не имеется ни малейшего понятия о положении и ходе дел в провинции, в сельском быту»; что «ропот и осуждение» преследуют все мероприятия министерства народного просвещения и что после графа Толстого едва ли кто «решится приводить в исполнение его предначертания».

Тем не менее либеральный кн. Васильчиков находит, что «наша пресса действительно отнеслась к этому вопросу слишком запальчиво и пристрастно», хотя, казалось бы, кому же, как не прессе, выражать всеобщий «ропот и осуждение»? кому же, как не ей, восставать противу «неразрешимых задач» и «невыполнимых систем»? наконец, можно ли «слишком запальчиво» относиться к министру, который «не дает себе труда» вникать в свое специальное дело и «не хочет исследовать» народных «нужд и польз»? можно ли молчать пред «легкомысленными мероприятиями», от которых зависит судьба целых поколений молодежи? Как бы то ни было, кн. Васильчиков осуждает излишнюю «запальчивость» бедной русской прессы, как бы оправдывая тем самым факт, что «полемика о народном образовании строжайше запрещена». Это становится несколько понятно, когда мы узнаем цель письма кн. Васильчикова. Имея пред собою «неразрешимые» общие задачи, «невыполнимые» общие системы, «легкомысленные» общие мероприятия, презрительное отношение министра к нуждам школ и народа; имея пред собою «отсутствие всякого понятия» в правительстве о ходе дел в стране,— кн. Васильчиков просит «об одном» — о сравнении прав реальных училищ с классическими! Он как будто полагает, что лишь об *этом* вопросе русское общество может сказать министру: «это наше право» в деле воспитания.

Мы всегда считали князя Васильчикова одним из самых заметных и талантливых наших либералов; всегда желали, чтобы именно *он* выступил против учения социальной революции, так как думаем, что, разбив *его* доводы и доказав несостоятельность *его* программы, мы тем самым уничтожили бы полемическую силу всего русского умеренного и менее умеренного либерализма. Мы с сожалением (*для него,* конечно) видели, что и он предпочитает в отношении социализма отделываться пустыми фразами о «тлетворных учениях» и «возмутительных голосах», но мы спокойно ждем: скоро и он и его товарищи будут *вынуждены* выступить против нас с развернутым знаменем. И вот этот самый крупный борец русского либерализма пишет по вопросу о

воспитании молодежи, вопросу столь же дорогому для либералов, как и для нас, пишет на свободной почве, смело выставляя свое имя, смело нападая на бестолкового министра, не церемонясь пред правительственным невежеством; пишет о вопросах, существенно входящих во все либеральные программы, о правах прессы в самом живом общественном деле, о правах общества в отношении губительной системы воспитания. И *он-то* направляет свой либеральный авторитет *против* права прессы порицать безумную систему обучения; он ограничивает право общественного вмешательства в дело воспитания будущих поколений микроскопическим вопросом о равноправности классических и реальных гимназий...

Неужели это — искреннее слово лучших русских либералов по одному из важнейших их вопросов? Неужели их мысль умалилась до того, что они сами ограничивают права прессы тупым безмолвием, ограничивают собственные свои права микроскопическими вопросами третьего разряда? Неужели они не понимают, что пресса, которая не смеет называть «невыносимою» и «нелепою» систему обучения, которая точно невыносима и нелепа, останется рабскою и отупляющею прессою по *всем* вопросам? Неужели они не знают, что молодежь русских гимназий, которую душит буквальный классицизм без учителей и свидетельства о зрелости, молодежь, которая нигде в официальном мире не встречает живого слова и искреннего дела, не будет «спасена» от «тлетворных учений» тем, что реальная школа будет давать право на вступление в университет? Неужели они забыли азбуку либерализма, что лишь *вполне свободное* слово *сколько-нибудь* свободно; что нелепая ситема воспитания нелепа во *всем* своем составе; что право общественного вмешательства, ограниченное микроскопическою областью и стесненное со всех сторон произволом и непониманием, *вовсе* не есть право?

Нет, они все это прекрасно знают и понимают; но система вечного страха, вечного молчания, вечных уступок укоренила в них привычку бояться всякой искренней постановки программы, всякого широкого и последовательного развития мысли. Лучшие и талантливейшие из них несут на себе это клеймо рабства русской мысли, и даже тогда, когда могут высказаться без стеснения, когда решаются заговорить прямо и откровенно, они, по старой привычке умалчивать и трепетать за свое слово, сами готовы умалять свои человеческие права до последней возможности, сами готовы ограничиваться самомалейшими уступками, которые, как им очень хорошо известно, ничему не помогут и которых им все-таки не сделают их бессмысленные официальные противники. Это уже не вина того или другого лица; это фатальный продукт истории русского слова: рабские привычки, рабское слово, рабская мысль!

Пред этим «прирожденным грехом» в слове самых заметных

личностей либерализма мы можем лишь с сожалением отнестись к непроизвольному бессилию этого слова. Пока у русских либералов не хватит решимости противопоставить нашим стремлениям откровенную и широкую программу, до тех пор русской молодежи останется лишь выбор между бессмысленным консерватизмом Катковых, Толстых, Паленов и Жихаревых и *нашею* программою. Пока гг. Стоюнины будут целовать сапог гр. Толстого, восхищаясь циркулярами, которых нелепость для них ясна, и говорить о необходимости «ограничить» право педагогов беседовать с своими учениками; пока князья Васильчиковы будут *даже в заграничных изданиях* отрицать права свободного слова и ограничивать права общества лишь обсуждением дипломов, даваемых реальными училищами, — до тех пор русский либерализм останется явлением жалким и заслуживающим лишь жалость; до тех пор ему придется играть лишь роль визжащего и ворчащего пуделя под розгою императорского самовластия; до тех пор русская либеральная педагогия и либеральная наука будет выставлять лишь Гарусовых [124], которые совершенно свободно из роли воспитателей переходят в роли доносчиков; будет выставлять лишь Боткиных [125], обращающих свое знание в пособие царскому разврату; будет выставлять лишь Пироговых [126], которые обращаются к молодежи со словом о «грозной борьбе, которую суждено вести человеческому духу за дорогое ему стремление к истине и справедливости», говорят товарищам: «я не перестану служить идее», а затем, на наших глазах, доходят до геркулесовых столбов современной рыночной нравственности — продают свое честное имя, свою громкую известность, всего себя, свою науку и свое искусство в аренду хищным предпринимателям.

Истинная педагогия *невозможна* в настоящем обществе, которое развращает молодежь в семье, где господствует «борьба за наживу»; развращает ее в школе, где педагог сам выращен в той же рыночной нравственности; развращает ее в дальнейшей общественной и политической жизни, где все нравственные побуждения, все государственные цели поглощаются хищническою конкуренциею за обогащение. Современные школы *бессильны* внушить молодежи любовь к науке, которая есть в настоящее время слуга капитала; бессильны внушить какое-либо нравственное убеждение, когда кругом господствует глубокий нравственный индифферентизм. Истинную развивающую педагогию может внести в общество лишь та самая буря, которая уничтожит «борьбу за наживу», уничтожит и самый строй, фатально вызывающий эту борьбу. Настоящие, развивающие школы могут быть созданы лишь обществом, которое станет развиваться на другой день после социальной революции.

ДИАГНОЗ И РЕЦЕПТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕДИКОВ

Лондон, 13[1] ноября.

«Голос», «Гражданин», «Новое Время», «Неделя»... Передовые статьи, фельетоны, статьи по поводу других статей... И все это из-за социалистической пропаганды, из-за циркуляра гр. Толстого. Старые партии смешались, и возникают новые. «Гражданин» подает руку «Голосу». «Неделя» — да, «Неделя» — вместе с г. Стоюниным (см. наш последний номер) похваливает циркуляр графа Толстого и надеется на его содействие школам и педагогам. Зато все резче обрисовываются две новые партии: оптимистов и пессимистов. Представителем оптимизма является «Новое Время». Напрасно ему напоминают о неудобозабываемом николаевском времени, когда все и повсюду обстояло «благополучно»... пока крымская война не сорвала масок и не отдала николаевщины на посмеяние даже тем, которые собирались создавать нынешнюю александровщину со всеми ее прелестями. Напрасно ссылаются на министерские циркуляры, на официальные бумаги, на множество корреспонденций из России в иностранных газетах. Газета г. Трубникова [127] не верит, не хочет верить; в волнении забывает историю последних месяцев, смешивает дьяковский процесс с долгушинским, хочет зажать рот всем, которые пишут о социалистической пропаганде, и находит совершенно естественным, что против общественной болезни употребляют чисто полицейские меры, как «более энергические и быстро действующие средства». При этом газета г. Трубникова высказывает себя вполне органом «нашего времени», органом рынка, на котором патриотизм и литература, наука и нравственность имеют значение лишь по своему влиянию на биржевые обороты: главная причина раздражения автора передовой статьи в этой *вполне современной газете* против его противников заключается в том, что, на основании существующих толков о внутренних волнениях в России, «Европа... потеряет доверие к нашей финансовой благонадежности» и «вследствие того на иностранных денежных рынках не только откажутся приобретать наши бумаги, но даже начнется усиленная их продажа». Так, так, г. Трубников! Это — настоящая точка зрения. Мы хорошо знаем, что для вас, как для всех «истинных дельцов» настоящего периода, консерватизм и революция, монархия, конституция, народные бедствия, война и мир — совершеннейший пустяк, пока обороты идут живо, бумаги покупаются и продаются, и вы можете искусною спекуляциею приобрести кругленькую сумму. Что касается до социальной революции, грозящей именно этим вашим драгоценностям, то каждый из вас думает про себя: на мою жизнь, авось, простоит старый дом, а там... мне что за дело! пускай его валится; мы же пожуируем на славу, пока он стоит...

Впрочем, мы не остановимся ни на «Гражданине», который

когда-то советовал старым бабам сечь агитаторов, ни на «Новом Времени», с его неконченными фельетонами о гг. Маркове и Стоюнине и с его передовою статьею, о которой мы только что упомянули. Есть вещи, которые ниже всякой критики, а статьи «Гражданина» и «Нового Времени» таковы при самом снисходительном на них взгляде. Относительно «Недели»... мы тоже предпочитаем молчать; мы желали бы лишь знать, насколько солидарны с ее передовыми статьями ее другие постоянные сотрудники...

Мы остановимся на трех передовых статьях «Голоса» (№№ 280, 281 и 294). Оставим в стороне обычные ругательства против нашей пропаганды; это, кажется, уже неизбежный ингредиент всех статей, направленных против нас «легальною» русскою прессою. Обратимся к самой сущности статей, к той картине положения России, которую рисует автор, и к тем мерам, которые он предлагает против пропаганды. Повидимому, автор принадлежит к тому лагерю, который присвоивает себе название либерального. Мы постоянно доказывали и еще раз постараемся доказать, что все меры, которые могут быть предложены этими господами для устранения настоящего брожения в России, вполне бессильны и цели достигнуть не могут. Но относительно очерка положения дел, представленного этим представителем либерализма, мы принуждены во многом согласиться с ним, как согласился и «Гражданин». Не правда ли, странное совпадение? Но мало ли что странно на свете?

Автор передовых статей «Голоса» совершенно справедливо возмущается против слов министерского циркуляра, столь охотно подхваченных его поклонниками, что пропаганда социализма может «только» находить успех между молодежью и простолюдинами; он совершенно справедливо напоминает этим «книжникам и фарисеям», что перед ними «поколение, идущее на смену всем нам», поколение, от которого «зависит все будущее нашей родины»; что перед ними «восьмидесятимиллионная громада», среди которой эти «книжники и фарисеи носятся, как незаметная крупинка, могущая исчезнуть от одного дуновения этой презираемой массы». Он справедливо (хотя осторожно) выражает «сомнение» в возможности осуществить нелепое намерение, высказанное в циркуляре графа Толстого, о перевоспитании семьи помощью школы.

В других местах автор статей «Голоса» столь же справедливо указывает на страшное экономическое положение русского рабочего, на факт, что «на недостаточных классах» населения лежит 76 процентов всех налогов и что за эти платежи, которые берутся у крестьянина из «необходимого для поддержания семьи», он не получает ни «медицинской помощи», ни сносных «путей сообщения», ни «школ», словом, — ничего... зато имеет от заботливого правительства кабак, доход с которого составляет

«значительную часть государственного бюджета», повсеместное распространение «сифилиса», периодические «голодовки» и невыносимую «систему податей». Автор справедливо указывает на разрушение в народе понятия о собственности, о *своем* хозяйстве, о *своей* семье, вызываемое невозможностью оплатить налоги дома и «цыганским» образом жизни населения, пробавляющегося «отхожими промыслами». Он справедливо видит во всем этом элементы, подготовляющие русский народ к восприятию социалистической пропаганды.

Затем, обращаясь к школе и науке в России, он справедливо указывает на «разрыв между школой и жизнью», вследствие которого молодежь, выходя из школы, видит полный разлад между «теориею и практикою»; на «скудость и вялость нашей общественной и политической жизни», вследствие чего всякое «влияние» общества на школы отсутствует; на отсутствие содержательности в «характере и средствах школьной подготовки», на крайний «упадок исторических знаний», в особенности относительно России и последнего периода; на полное неуважение к науке, которое приводит его к вопросам: «Скажите, где и в чем наука имеет у нас влияние?.. для чего нужна научная подготовка и чего, наоборот, нельзя добиться без всякой науки, чего нельзя сделать вопреки всяким научным началам?» При этом, по его словам, тому, кто «будет иметь неосторожность проникнуться уважением к науке... придется видеть в обществе ежедневное, ежечасное поругание своей богини, и, рано или поздно, он убедится в полной непригодности того, чему он верит». Справедливо он замечает, что это неуважение к науке выходит из насильственного устранения русской науки от всех жизненных задач общества, от невозможности для русской науки «оперировать над данными своей практической жизни», т. е., выражаясь яснее, от систематической вражды и унижения, которым подвергалась русская наука со стороны русского правительства. Автор столь же справедливо указывает на полное неуважение, оказываемое русским правительством и обществом к собственным законам, учреждениям, которые беспрестанно подвергаются ломке, причем самые «зрелые» русские люди заражены воззрением на наше общество, как «на бесконечную гладкую равнину, по которой плуг реформатора может гулять во всех направлениях, на которой все опыты возможны и уместны». Автор видит справедливо во всем этом условия, подготовляющие молодежь школ к пропаганде социалистов.

Он, наконец, совершенно справедливо говорит, что мы, социалисты, имеем определенную «программу» (которую, конечно, при этом надлежащим образом ругает) и определенную решимость организовать пропаганду в виду уяснения народу именно этой программы (что автор довольно неточно называет «воспитанием народа»), между тем как нынешние опекуны народа и

защитники настоящего порядка не противопоставляют нам никакой программы, ничего не делают для «воспитания в народе чувства собственности», а довольствуются лишь голословными увериениями, что народ социалистам не поверит.

До сих пор все верно. Бестолковость и нелепость министерского циркуляра, разорение народа податями, ничтожество школ, презрение к науке в нынешнем обществе, фатальное разрушение начал собственности, семьи, законности, исторического предания современным государственным и общественным строем, которые имеют в виду поддержать эти самые начала; вялость общества ко всему вне самых мелких личных интересов, отсутствие программы, отсутствие какого-либо плана действия у наших противников и утверждение, что лишь социалисты представляют в настоящее время определенную программу, определенный план действия, — все это много раз говорили социалистические писатели на разных языках; все это не раз могли встретить наши читатели на страницах «Вперед». Наши противники разных лагерей, повидимому, соглашаются с *этой* долею нашей пропаганды. «Голос» с одной стороны и «Гражданин» с другой, к нашему немалому удивлению, решились признать верность нашей критики современного русского общества. Тем лучше. В диагнозе настоящего мы, значит, не особенно расходимся. Перейдем к средствам лечения «болезни нашего общества», предлагаемым автором статьи «Голоса», к средствам, помощью которых, при существующей болезни, он хочет бороться с социалистической пропагандой.

Вот публицист лицом к лицу с разоренным и подавленным податями народом, в котором правительство и господствующие классы сами подкапывают индивидуалистические и семейные начала, сами развивают восприимчивость к социализму. Они лицом к лицу с молодежью, которая видит около себя лишь неуважение к науке, неуважение к закону, неуважение ко всякому историческому преданию, выносит из школы презрение к учителям-чиновникам, к учению, расходящемуся с жизнью, получает из жизни лишь впечатление общественной апатии, вялости политической и общественной жизни и таким образом опять-таки школою, жизнью, обществом и самим правительством подготовляется — в своих лучших представителях, конечно — к восприятию социалистического учения. Он лицом к лицу с пропагандою, которая, по его собственным словам, имеет определенную программу, определенную цель, распространяется на «все сословия и возрасты», «заходит в отдаленнейшие закоулки» России. Он, наконец, лицом к лицу с обществом, которое страдает непониманием собственных интересов, крупные представители которого в администрации и публицистике неспособны даже понять, какую роль играют «дети» и «простолюдины» в историческом ходе событий; с обществом без «определенного знамени», без «ясной програм-

мы действий»; с обществом, проникнутым «апатиею», «полным равнодушием ко всему, что выходит за пределы мельчайших, каждодневных интересов». Как же при данных условиях, им довольно хорошо понятых, он намерен оградить это общество от этой пропаганды?

В этом отношении он выражается очень осторожно, даже довольно неясно. Видно, что за ним стоит императорская цензура, которая ревниво следит за другом и недругом и не преминет больно прихлопнуть защитника современного порядка наравне с противниками этого порядка за всякое неосторожное слово. Постараемся разобрать гиероглифический рецепт нового общественного медика.

Надо в народе, говорит он, «воспитать и укрепить чувство собственности... В нем должно быть воспитано чувство индивидуальности, инстинкт личной самостоятельности...» Это объяснено далее словами:

«... Чувство собственности может быть воспитано тогда только, когда плоды трудов каждого в известной доле (?) принадлежат трудящемуся, когда является возможность сбережений, когда, под влиянием увеличившихся материальных средств, развиваются и облагораживаются потребности, когда личность сознает свою связь с принадлежащими ей внешними благами. Чувство же личной свободы воспитывается тогда, когда каждый привык пользоваться правом свободного выбора занятий, свободы передвижения и переселения, когда личной предприимчивости каждого открыта широкая дорога к достижению известного благосостояния. Наконец, чувство права укрепляется при равномерном и пропорциональном распределении государственных и общественных тягостей, когда каждый видит в законе защиту всех своих справедливых требований, когда никто не работает на другого ни прямым, ни косвенным образом».

Автору кажется, что этих целей достигнуть вовсе не трудно. «В данном деле,— говорит он,— не нужно никакой гениальной изобретательности — нужна только некоторая доля трудолюбия и доброй воли».

Для молодежи русских школ автор, повидимому, находит спасение, во-первых, в истории, как «воспитательном средстве». «Только история, только одна она,— говорит он,— приобщает человека к его народу... в смысле живого исторического тела, в смысле нравственного существа с его преданиями, идеалами, симпатиями, стремлениями. Историческое воспитание должно начинаться с самого нежного возраста... в духе честного и любовного отношения к прошлым судьбам народа».

Во-вторых, он, повидимому, желает внушить правительству, чтобы оно не продолжало непрерывной ломки законов и учреждений; чтобы оно стремилось «обратить закон в обычай, провести его начала в жизнь».

В-третьих, он говорит, что «трезвая серьезная наука» может придать устойчивость и людям в их деятельности, и общественным формам в их влиянии на личности. Он поэтому как будто требует, чтобы «данные русской практической жизни» были доступны «всестороннему исследованию, обсуждению, критике, проверке» со стороны науки, которая тогда будет «жизненна» и может «отрезвлять заблуждающихся».

Наконец, для общества вообще он указывает на Пруссию при Штейне [123] и требует «возрождения и организации здоровых общественных сил», «крепкой деятельности гражданина», воспитываемой в здоровой школе. Он утверждает, что они «действительно укрепят все основы общества, дадут ему устойчивость...» и тогда оно будет иметь возможность дать «вредным учениям» тот «энергический отпор», который он считает «необходимым» со стороны общества.

Постараемся перевести этот рецепт на более ясный язык, на европейские термины... Пусть не пугается, впрочем, неизвестный автор. Мы вовсе не хотим сказать, будто *он* подставляет под свои туманные советы именно тот смысл, который мы в них найдем. О, нет; без малейшего сомнения, верноподданный во всех статьях, он верит в непогрешимость самодержавия и в его необходимость для России; он находит, что всякое правительственное действие по системе податей и по системе обучения безупречно и не подлежит критике. Но... *другие,* менее покорные рабы русского императора, совершенно против воли автора прочтут прописанный рецепт следующим образом.

Надо, чтобы господствовал закон, а не произвол царских чиновников, царских министров, царских любимцев и самого царя. Надо, чтобы этот закон дал свободу научному слову, дал обществу политическую и общественную жизнь. Надо, чтобы политические права были связаны с частною собственностью и чтобы закон, распределяя подати по имуществу, дал возможность крестьянину-собственнику делать сбережения и увеличивать свое благосостояние (нам кажется, хотя мы не уверены, что автор хотел бы заменить общинное землевладение крестьян — личным). Надо, чтобы в школе свободное изучение истории и общественных вопросов сообщало молодым людям верный взгляд на вещи, вооружало их против непрактических взглядов на государственные меры, связывало школу с жизнью и таким образом вырабатывало поколения поклонников существующего порядка, связанных с ним всеми жизненными интересами, всеми школьными воспоминаниями, всеми общественными идеалами. Короче говоря: надо России дать либеральную *конституцию,* у которой на всех страницах было бы написано: свобода! уважение к закону! уважение к собственности!

Как давно, как страшно давно проповедуют конституционалисты это универсальное лекарство для общественных болезней!

И хоть бы они сами ему верили, как верили их отцы и деды, но они ему не верят, не могут верить.

Свобода науки! — Ну, а если профессор будет самым строгим научным методом доказывать, что капиталистический порядок фатально ведет большинство к разорению и вырождению и что единственный исход из настоящего бедственного положения есть отмена частной собственности и экономическая ликвидация современного общественного строя? Допустите ли вы свободу *этой* науки, *этого* преподавания? — Нет, вы не допустите ее, вы прогоните профессора с кафедры, засадите его в тюрьму или лишите всех средств существования, говоря, что это ложная наука и что ее мало опровергать, но надо *преследовать*. Потому что вы хотите не свободы *науки*, а свободы *для себя*, свободы для образованного меньшинства жить на счет большинства. Вы не верите в *действительную* силу своих псевдонаучных экономических теорий настолько, чтобы вести со своими противниками *научную* полемику. Никто из вас не опроверг выводы «Капитала». Вы не решаетесь даже выступить в Германии с вашими мнениями на рабочих собраниях. Вы, конституционалисты всех стран, *на деле* столь же боитесь науки, как и русское императорство, и готовы затоптать ее в грязь, как только она коснется до вашего кармана.

И вы имеете основание бояться науки. Когда *настоящая* наука развернет в школах и перед народом страницы истории, когда она уяснит «данные русской практической жизни», когда свободный и одушевленный голос искренних ученых перельет ее в строгие и наглядные выводы, то она внушит не уважение к прошедшему преданию и обычаю, не уважение к настоящему порядку вещей, а вдохнет в русскую молодежь школ решимость немедленно отречься от позорного наследства отцов, вдохнет в русских рабочих решимость немедленно покончить с настоящим хищническим порядком. Эта наука «отрезвит заблуждающихся», но заблуждающимися окажутся не приверженцы социальной революции, потому что вывод *настоящей* истории, *настоящей* социологии, *настоящей* нравственности, это — проповедь социализма.

Участие всех в политической и общественной жизни! Уважение к закону! — Ну, а если бы рабочие получили большинство в ваших собраниях и это большинство порешило бы отменить частную собственность? Допустите ли вы рабочие классы до *подобного* участия в политической жизни? Преклонились ли бы вы пред *подобным* законом? — Нет, вы попытались бы противостать ему силою, как закону, колеблющему самые «основы общества». Вы постараетесь навсегда не допустить пролетариат до *действительного* участия в политике. Оно же и так легко: где заниматься политикою тому, чья вся жизнь поглощена заботою о куске *хлеба!* Вы понимаете закон, лишь как закон, писанный *доста-*

точными классами в интересах *достаточных* классов. Вы понимаете лишь «участие в политической и общественной жизни» *собственников*. Если же пролетариат, оставаясь пролетариатом, захочет добиваться, как целое, влияния на закон и изменения закона в виду своих интересов, вы направите закон *против него*, вы лишите его по возможности права собрания; вы будете преследовать его вожаков, его друзей; вы это делали и делаете в Германии, во Франции, в Италии, в Швейцарии, в Америке; вы это делали и делаете всюду; вы то же будете делать и в России. Потому что вы, конституционалисты всех стран, *на деле* столь же боитесь свободы *для всех*, ка ки русское императорство, и готовы отречься от нее, как только она коснется до вашего кармана.

И вы имеете основание опасаться свободы. Настоящая свобода *для всех* может быть лишь в обществе, где не будет пролетариата, не будет и собственников, где действительно, по вашему выражению, «никто» не будет «работать на другого ни прямым, ни косвенным образом». *Настоящая* свобода есть свобода общества, которому основание положит социальная революция.

Итак, вы требуете свободы науки, имея заранее в виду ее ограничить так, чтобы эта наука вам не помешала. Вы требуете «крепкой деятельности гражданина», имея в виду ограничить и число «граждан» и сферу их деятельности так, чтобы эта деятельность вам не повредила.

Вам хочется науки, которая поддерживала бы вашу, заранее ей поставленную, программу. Того же хотел и император Николай. Только его программа была: самодержавие, православие и народность; ваша: собственность, обогащение наиболее ловких, господство наиболее богатых. Император Николай предоставлял *полную свободу* науке в пределах *своей* программы; вы столь же любезны в пределах *вашей*. Вам хочется конституции, которая бы всеми силами государства поддерживала *вашу* программу и подавляла бы ее противников; император Николай смотрел на государственные силы совершенно как на такие же средства для поддержания *своей* программы. Но для тех, которым ваша программа обещает вечный неоплаченный труд, вечное экономическое рабство, неизбежное вырождение, чем же вы лучше императора Николая?

Только он был искреннее вас, по крайней мере в первых двух пунктах своей программы: он действительно стремился поддерживать самодержавие и православие. Вы же все уверяете, что стоите за собственность, хотите внушить народу «чувство собственности». А вы сами же разрушаете ваш идол. Ваша борьба за обогащение, ваши акционерные компании, ваши биржевые спекуляции суть вполне естественные шаги, подготовляющие биржевые и промышленные «крахи». Одна за другою все страны Европы в разное время и одновременно делаются сценами этих эко-

номических драм. Теперь такая же драма только что разыгралась в Москве. На зло славянофилам «сердце России» заявило публично, что оно столь же цивилизовано, как и «гнилой Запад». Ему нечего завидовать Вене или Лондону; Москва имела *свой* «крах». В несколько минут собственность сотен лиц улетучилась... И в эту самую минуту господа русские либералы выражают в полголоса, между строками, жажду конституции, которая бы дала более свободы «личной предприимчивости» и тем самым внушила бы народу «чувство собственности». Они при этом в видах развития индивидуальности, повидимому, хотят покончить с общинным владением. В этом самом номере корреспондент из Полтавы указывает нам результаты частного владения в крестьянстве. При конституции или при неограниченном императорстве результат подобной поддержки «индивидуальных начал» будет один и тот же. Вся собственность в России перейдет в руки класса мелких аферистов и кулаков, чтобы потом, путем биржевых и промышленных спекуляций, концентрироваться в руках «царей биржи и промышленности». Огромное большинство народа обратится в безземельный пролетариат, в рабочие руки, с которых господа либералы снимут великодушно тяжесть *прямых* налогов, чтобы поработить их непосредственно капиталу, как порабощен ему работник повсюду...

Что же, господа, если бы вам, в вашем «честном и любовном отношении» к народу, удалось достигнуть этого прекрасного общественного идеала, неужели вы думаете, что русский обезземеленный пролетариат в несколько десятков миллионов был бы менее восприимчив к пропаганде социализма, чем теперешний крестьянин, подавленный податями и кочующий по «отхожим промыслам»? — Оглянитесь на Европу.

Молодежь школ действительно могла бы, может быть, несколько развратиться под влиянием вашей «либеральной конституции» и успокоиться на ее «изящных формах», но мы надеемся, что социалистическая традиция уже довольно сильна, хотя в меньшинстве русской молодежи, а кроме того, молодежь, которая сделалась бы сторонницею *вашего* порядка, разом потеряла бы свое нынешнее инициаторское значение. Идеалов у вас нет, кроме идеалов обогащения, следовательно — и выработали бы вы лишь борцов за личные интересы, а не самоотверженных общественных деятелей. Подобная молодежь может погибнуть со старым порядком, но поддержать его не может. Она, впрочем, не была бы тогда и нужна: во-первых, современная Европа нам доказывает, что при достаточном развитии безземельного пролетариата он вовсе не встречает необходимости в союзниках извне для развития и укрепления в себе идей социальной революции; во-вторых, к тому времени, когда ваш барин «дарует» вам конституцию (вы *сами* у него никогда не осмелитесь *взять*), к тому времени в самом народе выработается достаточное число созна-

тельных революционеров-социалистов, чтобы пропаганда социальной революции и ее окончательное подготовление перешло вполне в руки русских рабочих.

Но и эта случайность имеет весьма мало вероятности. Вы так нерешительны, так трусливы с вашими конституционными пожеланиями, что едва ли ваш барин захочет и найдет нужным дать вам эту конфетку до тех пор, когда и для него и для вас будет уже *слишком поздно,* потому что тогда пред бестолковым правительством, пред апатичным и поглощенным мелкими интересами обществом, пред ахающими и охающими либералами молодежь школ станет в ряды восставшего народа, и все ваши премудрые рецепты полетят в печку...

Народ поймет, что он может выздороветь *сам,* если захочет, — и *выздоровеет...*

Но ваше общество, господа конституционалисты, не выздоровеет. Для *него* ваши рецепты — алхимия. Против общественной «апатии», против поглощения «мельчайшими, каждодневными интересами» одно лечение — широкие нравственные идеи, горячее самоотвержение во имя крепкого убеждения. Но где вы возьмете такие идеи? где вы возьмете такое убеждение? Оглянитесь на ваших братьев, жалких либералов всех стран Европы и Америки, на позорных потомков великих героев недавнего политического прошлого. Их пристыдили искренностью даже дряхлые приверженцы отжившего клерикализма и легитимизма, и с этими полумертвыми врагами ваши прототипы справиться не могут, краснеют пред ними... Широкие нравственные идеи начертаны лишь на *одном* знамени... Крепкие и живые убеждения есть лишь в рядах *одной* партии. Эта партия—наша партия, каковы бы ни были ее оттенки. Это знамя—*красное знамя социальной революции.*

ОТВЕТ РУССКОМУ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТУ [129]

С неделю тому назад мы получили следующее письмо из Парижа:

«М. Г.!

Вы неоднократно высказывали в Вашем издании желание встретить возражения на Вашу программу действий; Вы не находите в русской «законной» печати сколько-нибудь серьезных критических замечаний; Вы не встречаете их, по Вашим словам, и на «свободной почве».

Позвольте мне обратиться к Вам с несколькими соображениями, которые возбуждены во мне чтением Вашего издания. Я далек, без сомнения, от мысли считать эти соображения решающими вопрос.

Вашу программу, мне кажется, можно резюмировать в следующих словах: социальная революция посредством самих объединенных народов.

Нужно, следовательно, поднять, просветить народ. Необходимо, чтобы он вполне сознательно произвел эту революцию, ясно понимал и средства и цели ее.

Какие же меры следует употребить, чтобы довести народ до подобного сознания? Неужели распространение книжек в роде «Хитрой механики» наилучшее для этого пособие? Вы, вероятно, согласитесь, что поднять народ для резни, внушить измученному, умирающему с полуголода крестьянину и рабочему необходимость кровавой расплаты еще не значит сделать из него гражданина будущего свободного, идеального общества. Вы не станете, я думаю, отрицать и того, что пропаганда, предполагая ее честной и горячей, еще не обеспечивает прочных изменений в том, кого она имеет в виду. Восстание, предположим, произошло. Что же потом? Разве народ окажется вполне приготовленным к решению своих судеб? Разве в действительности он достиг высокой степени просвещения, необходимой для прочности его материальных завоеваний?

Я думаю поэтому, что толкать народ к кровавой расправе — опасное и едва ли хорошее дело. Я имею в виду не возможность поражения, разгрома, весьма правдоподобных, а именно неприготовленность массы ни к чему иному, кроме натиска, вероятность появления на обломках старого цезаря или нескольких цезарей.

Кроме того, Вы утверждаете сами, что революция в изолированной местности — нелепость, что дело должно решиться общими усилиями всего человечества. Прекрасно. Следовательно, ушедший вперед народ должен подождать своих меньших братий, иначе, все равно, соседи, т. е. правительства соседних народов, не позволят ему реализовать Вашу социальную теорию. Неужели Вы предполагаете, что коммуна 1870 г. (sic) могла бы долго продолжаться в каком бы то ни было случае? А если так, то целесообразна ли зажигательная пропаганда, которая, разумеется, не может внушить народу желания ждать?

Не необходимо ли, что касается России, прежде всего добиться чего-либо подобного хоть германской конституции, дающей возможность рабочим объединяться и итти вперед при свете науки? Не имеет ли также глубокого значения введение в жизнь русского общества нового принципа народного верховенства на место императорского «быть по сему»? И можно ли поэтому обвинять русских конституционалистов, желающих оставаться на законной почве?

Позвольте мне, М. Г., не сообщать Вам своего имени, которое, само собой разумеется, не может иметь никакого значения в

разрешении вопроса, безусловная важность и настоятельность которого заставляет меня написать эти строки».

Мы никогда не имели в виду открывать страницы нашего журнала господам русским либералам для защиты их точки зрения. Мы приглашали их высказаться в их *собственных* изданиях, для чего у них, конечно, достаточно средств, если бы была лишь решимость и определенная программа. Наши же страницы открыты лишь для полемики разных оттенков социалистических партий. Поэтому, помещая теперь письмо неизвестного нам парижского конституционалиста и отвечая на него, мы заранее отказываемся помещать другие какие-либо догматические или полемические статьи из того же лагеря. Господам конституционалистам нечего прибегать к социалистической прессе для высказывания своих мыслей. Им открыто много типографских станков.

Нашему же неизвестному корреспонденту мы ответим следующее:

В целой истории не происходило ни одного вполне сознательного движения. Полное сознание целей и средств существовало в небольших группах и в отдельных единицах. Около них стояло множество лиц и групп, в которых ясность сознания постепенно ослабевала. Наконец, большинство партии, подготовленной к движению, только *сочувствовало в общих чертах* новым задачам, но зато было проникнуто ненавистью к тому порядку, против которого готовилась борьба. Победа же революционеров зависела всегда от того, что еще далее, за слоями вполне сознательных, полусознательных и горячо сочувствующих революционеров, история подготовила еще более обширные слои людей, страдающих от старого порядка, способных его ненавидеть и нуждающихся лишь в знамени, около которого они могли бы соединиться против этого старого порядка, чтоб его низвергнуть. Пока эти страдающие люди не верят другому знамени, способному их вести противу старого порядка, они возможные и даже неизбежные союзники сплотившихся и выставивших свое знамя революционеров. Но как только против старого порядка выставлено несколько знамен новых партий, то каждая из них не может уже наверное рассчитывать на то, что именно к ней пристанет этот слой, разделяющий с ней вражду к старому порядку, но не приступивший еще ни к какому знамени.

То же самое положение теперь перед нами в России. Русское самодержавие невыносимо и ненавистно всем, кроме тех, которые извлекают личную выгоду из настоящего порядка вещей. Но массе народа невыносимо не *только* оно, а в еще большей степени экономический порядок, им охраняемый и поддерживаемый. Для конституционалистов тяжелее первое, так как большинство их пользуется вторым. Нам, социалистам-революционерам, при-

ходится, следовательно, одновременно стремиться к разрушению и политического и экономического строя в нынешней России, постоянно напирая на их тесную связь; приходится и всеми силами противодействовать и той партии, которая уверяет, будто, избавившись от императорского самодержавия, народ русский поправит свое положение.

Как же действовать для этого? Укрепляя и уясняя в тех, которые уже приступили к нашему знамени, сознание условий социальной революции и ее необходимости, расширяя число вполне сознательных. Но рядом с этим приходится работать и над расширением числа *сочувствующих,* числа *ненавидящих* настоящий порядок, как источник всех общественных бедствий. Для этого именно служит та литература «Хитрой механики», о которой вы упоминаете. Наконец, рядом с этим приходится бороться с конституционалистами, чтобы те, которые только сочувствуют нам, а не прониклись еще социалистическим сознанием, не могли пристать к фальшивому, ненадежному знамени конституционализма.

Нам приходится обращаться к уму, приходится обращаться и к страсти. Мы нисколько не имеем утопической надежды довести народ в его целом пропагандою до «ясного сознания» и до «высокой степени просвещения». Но мы убеждены, что систематическая и хорошо организованная пропаганда, веденная лицами, частью принадлежащими самому рабочему классу — а между нами уже *есть* и теперь не очень мало таких — способна образовать во многих местах России довольно значительные группы *вполне сознательных* социалистов-революционеров, тем более, что начала социальной революции несравненно проще старых политических программ и доступны в своей полной ясности без особенно «высокой степени просвещения». Около этих *вполне сознательных* групп будет стоять, да и теперь уже стоит, немалое число сочувствующих социализму и ненавидящих настоящий порядок в его экономических и политических основах. Когда крепкая организация свяжет эти группы и слои, то в минуту взрыва к ним неизбежно пристанет масса страждущих от нынешнего экономического и политического строя, если она не пойдет в эту минуту за каким-нибудь призрачным знаменем, например, за знаменем «народного верховенства» в смысле конституционалистов.

Наше дело — предупредить этот случай, убеждать как народ, так и всех искренних друзей народа, что «народное верховенство» есть иллюзия, пока оно не связано с разрушением экономической эксплоатации большинства меньшинством, что на «законной почве», созданной народными эксплоататорами с целью облегчения эксплоатации народа, *невозможно* оставаться народу, не налагая на себя новых цепей; что он не должен допускать не только *императорского* «быть по сему», но и «быть по сему»

группы капиталистов — его естественных врагов. Если группы сознательных социалистов-революционеров вполне усвоят невозможность доверить представителям капитала и сохранять старый общественный порядок, если они внушат это убеждение массам, *сочувствующим* социальному перевороту, то новые цезари будут невозможны после переворота, и в этих сознательных и сочувствующих группах будет достаточно подготовки, чтобы создать строй, который, при всех своих недостатках, будет несравненно выше нынешнего, а — главное — не будет в себе заключать именно тех элементов монополии, из которых развилось самое большое количество современного зла.

Последняя заметка. Мы никогда не верили утопии, будто социальная революция должна произойти «общими усилиями всего человечества», хотя, конечно, не думаем, чтобы она могла восторжествовать в «изолированной местности». История пока зависит от Европы и части Северной Америки; остальное же человечество в счет не идет. На этом же пространстве «изолированных местностей» нет, и социально-революционное движение подготовляется всюду, хотя разными способами. Может весьма легко настать минута, когда против восстания крестьян на Волге, на Днепре, на Урале не будет иметь возможности двинуть свои войска князь Бисмарк, потому что городские рабочие Саксонии, Баварии, Брауншвейга, Гамбурга *не дозволят* ему сделать это. Нельзя ручаться, чтобы в то же время и могучие союзы Англии, давно уже организованные, не захотели перейти от легальных мер к нелегальным. А в подобную минуту, неужели вы думаете, не развернется красное знамя на берегах Сены? Неужели не поднимутся итальянские и испанские рабочие, повидимому организующиеся втайне для революции? Нет, на этот счет мы спокойны. Наши враги сильны и повсеместны, но социально-революционное движение делает успехи *всюду*, и с каждым годом предстоит все менее опасности, чтобы социально-революционный взрыв, происшедший где бы то ни было, остался «изолированным».

УЧЕНЫЕ ФАНТАЗИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ОПТИМИСТОВ

Лондон, 27[15] ноября.

Нынче нам приходится отметить отзыв о значении социально-революционной пропаганды в России, выходящий из лагеря оптимистов. С элегантною сдержанностью, с гордою самоуверенностью в своем ученом авторитете редакция «Вестника Европы» посвятила несколько страниц своего «Внутреннего обозрения» (ноябрь 1875, стр. 372—384) [180] успокоению читателей относительно возможности успеха этой пропаганды среди русского народа. Не то, чтобы высокопросвещенная редакция отрицала су-

ществование «в нашем обществе» элементов «недовольства», или «крайне неудовлетворительное экономическое и нравственное положение массы нашего крестьянства». Совсем нет; «против всего этого», по мнению автора «обозрения», «нельзя спорить». Мало того, он откровенно сознается, что «значительная часть» русского крестьянства «представляет даже особый вид пролетариата, пролетариата, прикрепленного к бездоходной земле»; что русское государство, в «воздаяние» русскому крестьянству за жертвы, им принесенные (об этих «жертвах» скажем еще ниже), сумело устроить самое освобождение и надел землею крестьян так, что произошло «отягощение земледельца и бездоходность пользования землею»; что при этом «система податей сохранила характер крепостного времени... а система паспортная, от которой зависит гражданская свобода, свобода личности в пользовании гражданскими правами, сохранила характер фискальный». Автор даже считает не невозможной случайностью, что при продолжении настоящих порядков во Всероссийской империи «все придет в упадок: и народное хозяйство, и народное здоровье, и национальное могущество». Он, как видно, признает и то, «что есть некоторое число» пропагандистов, которые «вышли» из «образованного русского общества», отреклись от «его условий и объявили им войну». Но, несмотря на все эти факты, против которых «нельзя спорить», автор «обозрения» решительно становится в ряды оптимистов, считает «суперлятивными» опасения пессимистов и видит в этих пессимистических взглядах «напраслину», взведенную «и на Европу, и на русскую молодежь, и на русское образованное общество», которое выставляется «равнодушным ко всему, что выходит за пределы мельчайших каждодневных интересов», и на массу русского народа. Он при этом посмеивается (конечно, осторожно) и над фактами, сообщенными запиской, разосланной гр. Паленом (уже не сомневается ли он в ее достоверности?), и над результатами, прямо высказанными в циркуляре гр. Толстого и в сообщениях разнообразных корреспондентов из России в иностранные газеты. Автору кажется, что все легко исправить помощью «улучшений в податной и паспортной системах и умножения народных школ»; что самое важное для «публициста, это — обратить внимание» на условия, «определяющие современную жизнь русского образованного общества», на условия, «которыми обставлена школа», наконец, на условия, почему «русская печать оказалась... без авторитета». Иначе говоря, ему хочется свободы преподавания, свободы печати, политических прав... все это, само собою разумеется, в пределах умеренности, с сохранением великих общественных начал *собственности, семьи и права наживаться*... совершенно так, как того же желают пессимисты.

Мы об этих скромных желаниях нынче говорить не будем, так как только что разобрали рецепты либеральных общественных

медиков (фармакопея пессимистов и оптимистов в этом случае тожественна) в прошлом номере; но нам интересно посмотреть, какие же такие причины побуждают редакцию нашего «Revue des deux mondes» столь оптимистически смотреть на положение дел в отношении к социалистической пропаганде, несмотря на «бесспорное» для автора бедственное положение «массы крестьянского населения» в России. И оно тем страннее, что «высокоученый» автор сам доказывает, насколько социалистическая пропаганда на западе Европы имеет свое законное основание и свою значительную опасность; всему миру грозит она, как важное историческое явление, только Россия, видите ли, от нее охранена непроницаемой бронею...

Почему же оно так? — Почему? О, за аргументами дело не станет, и со снисходительною улыбкою над невежеством читателей, возражателей, а в особенности пропагандистов социализма, «обозреватель» ученого журнала — он, конечно, должен быть профессор — сыплет аргументами историческими, экономическими, психологическими, статистическими и т. д. и т. д. Все науки и вся наука к его услугам, и все это как бы мимоходом, с тою самоуверенностью, которая так прилична ученому в присутствии профанов.

Послушаем и поучимся, как это представители русской строго научной и строго сдержанной публицистики относятся к фактам прошедшего и настоящего, к критическому методу, к самым обычным логическим приемам...

Социалистическая пропаганда, по мнению автора «обозрения», не имеет ни малейшего шанса найти удобную почву в русском народе, во-первых, потому, что она направлена противу государства, а «нет народа, более крепкого государственностью, чем народ русский». Вся история его доказывает это, представляя в себе «факты колоссальные, свидетельствующие о бесконечной преданности русского народа идее национального существования, то есть идее государства, которой он жертвовал и страданиями, и отречением от местных стародавних вольностей». Эти «колоссальные факты» суть: «новгородская Русь не отпала от владимирско-московской»; «Сибирь.. осталась в связи с Москвой»; «Смоленск и Киев тотчас по присоединении плотно пристали к Московскому государству»; «сама Украина сохранила понятие о религиозной и племенной связи с ним». Это все, видите ли, факты *народной* истории, и что оно именно так понято автором, видно из того, как за несколько строчек перед этим в его словах фигурирует «масса, все века своего национального существования служившая государству, несшая на себе все тягости его, приносившая ему в жертву не только пассивно, но и сознательно, все свои силы», масса, о которой либеральный автор говорит, что она «была совершенно забыта государством». Итак, бесспорно,

автор говорит о «черном народе»: о крестьянстве, о русских рабочих. Бояр государство никогда не забывало.

«Жертвы», принесенные русским народом «государственности»!.. Русский народ, «крепкий государственностью»!.. Что за знакомый мотив!.. Да, действительно знакомый. Тому около сорока лет этот мотив развивался славянофилами, именно тем поколением их, которое отошло в вечность, потратив свои силы в бессильном ворчании на николаевщину, во имя какого-то чудного и небывалого московского православия, и в бессмысленной оппозиции нашим «западникам», которые тогда имели в своих рядах Грановского, Белинского, Герцена. Было проявление и несколько ближе к нам. В июле и сентябре 1868 года г. Гильфердинг [131] поместил в «Вестнике Европы» две первые главы «обширного сочинения, в котором должна быть изложена первоначальная история славянского племени в его совокупности». И там он противополагает германскому (и англо-саксонскому) племени, как видите — лишенному стремления к государственности, славянское племя, которое принесло (конечно, в лице русского народа) «жертву ради государства», причем «дорогую цену... дал великорусский народ за свое государственное величие»... Г. Гильфердинг построил при этом целую философию истории, весьма красивую, но, к сожалению ... крайне неточную. Помнится, тогда это было довольно резко доказано г. Гильфердингу [132], и он не ответил, да так и не продолжал своей истории славян. И вот после семи лет в «Вестнике Европы», в статье редакционной, опять выплывает эта старая фантазия; опять русский народ противополагается другим с замечательною характеристикою, что «нет народа, более крепкого государственностью»... Опять все европейские племена — с одной стороны; русское, со своими удивительными особенностями — с другой. И это в той самой книге, где один из самых деятельных и талантливых сотрудников журнала пишет (стр. 136): «несомненные выводы науки не дают места ни тем исключительным теориям, которые, недружелюбно к нам, выделяют славянский мир в чужое для Европы явление истории, ни тем нашим теориям, которые говорят об особом... «византийско-славянском» мире — недружелюбно к Европе» [133].

Мы слишком привыкли встречать на страницах «Вестника Европы» противоречия, но если дозволительно иногда журналу таким образом выставлять на своих страницах и за и против по данному вопросу, то едва ли это дозволительно по столь важному вопросу, как значение истории русского народа во всеобщей истории. Если журнал не установил своих взглядов в этом отношении, если понимание прошедшей и настоящей роли русского народа для него подлежит сомнению, то вся его программа и все его публицистические убеждения — лист чистой бумаги. Впрочем, оставим эти колебания представителей либерализма и вернемся к определенным выражениям «обозрения».

Итак, редакция «Вестника Европы» воскресила мечтания славянофилов тридцатых и сороковых годов и философско-исторические фантазии г. Гильфердинга 1868 года! Посмотрим на научные основания «журнала истории, политики и литературы».

«Нет народа, более крепкого государственностью, чем народ русский»... Какою это государственностью, ученый профессор? — Обыкновенно государственностью называют уважение к закону, подчинение личных, эгоистических целей правящих и правимых—целям легального общежития, участие, более или менее сознательное, большинства в политической жизни, в законодательстве, в судоустройстве, в исполнительной власти. Для вас, конечно, Роб. фон-Моль есть авторитет, и потому вы, вероятно, признаете с ним, что «государство есть... организм таких учреждений, которые, руководимые коллективной волей, поддерживаемые и приводимые в действие коллективной силой, выполняют задачу» и т. д. Но если так, покажите, пожалуйста, такую эпоху в московском или в петербургском периоде жизни России, когда на Руси существовало «уважение к закону», когда правящие не подчиняли всевозможные государственные соображения своим фантазиям и страстям, когда подавленная масса не старалась хитрить с законом и обойти его, когда суды не были рынком, воеводы и губернаторы не были сатрапами-грабителями. Покажите нам, пожалуйста, учреждения, которые являлись органами «коллективной воли»; время, когда всякое свободное, независимое заявление своего мнения, противного мнениям властей, со стороны личности или группы личностей не вело к батогам, к застенкам, к каземату, к Сибири. — Вы, может быть, очень учены и непогрешимы в ваших мнениях, но едва ли вы решитесь утверждать, что русский народ, масса, о которой вы говорите, участвовала когда-либо в «государственности», как *органическом* процессе политической жизни, в «государственности», как прославляют ее ваши либеральные коллеги...

Правда, есть еще иная государственность, государственность доброго старого времени, государственность *механической* связи подданных с властью, вооруженною многочисленною администрациею, полициею, войском; с властью, поглотившею всю политическую жизнь общества, оставляя подданным лишь *покорность и молчание*. Петербургский период русской истории дал России эту государственность, но вам не может быть неизвестно — даже при всей вашей учености — что русский народ протестовал против нее миллионами раскольников, объявивших императора антихристом, протестовал непрекращавшимися крестьянскими бунтами, резнею помещиков, убийством чиновников во время пугачевщины. Вам не может быть неизвестно, что крестьянин ненавидел чиновника, избегал суда, бежал от рекрутства или искалечивал себя, т. е. противодействовал всеми доступными ему средствами всем тем проявлениям «государственности», ко-

торые только касались до него. Если он не противодействовал *иначе*, это лишь потому, что *не мог*, потому что у него отняты были все средства бороться.

За этою механическою государственностью есть еще иная, еще более почтенная по своей древности, это — патриархальная, чисто *хищническая* государственность Тамерланов, Чингисханов, к которой довольно близко подходила государственность московских Иванов. Не имея возможности проникнуть в глубину ученой мысли автора «обозрения», мы все-таки не решаемся думать, что он имеет в виду именно эту московскую, доевропейскую, почти дочеловеческую государственность...

Между тем, по его словам, выходит, что именно ей, этой московской татарщине, русский народ принес «в жертву свои силы» и даже «не только пассивно, но и сознательно». Все «колоссальные факты», цитируемые ученым автором, относятся как раз к этому периоду или захватывают его введение, период суздальских «собирателей земли».

И в самом деле, что за факты! Новгород со своими самостоятельными вечами, со своею политическою жизнью приносит себя «сознательно» в «жертву» владимирским и московским князьям, которые ездили наушничать друг на друга у татарского хана, или московским Грозным, которые соперничали не без успеха с Нероном. Украина, с ее «вольным» казачеством, с ее сознанием начал равенства и самоуправления, приносит все это «сознательно» в «жертву» власти, которая дала ей поборы «москалей-воевод», восточно-византийский церемониал царского деспотизма, ссылку в Сибирь и систематическое закрепощение населения.

Как низко приходится думать о центрах *высшей* цивилизации, которые душат в себе всякую политическую жизнь, чтобы только принадлежать к стране, в которой было бы *побольше* воевод-грабителей, в которой царь мог бы получить *побольше* налогов, чтобы дарить их своим опричникам, в которой он мог бы *подалее* распространять свои царские наезды, причем по «воплю» царя его слуги начинали резать и топить народ тысячами. Ни в какой истории, ни в какой стране не доходили люди до такого умственного разврата, чтобы свою общественную самостоятельность, свое личное и общественное развитие приносить «в жертву» расширению пределов страны, в управлении которой они даже не участвовали. Единственные факты сознательного и добровольного слияния самостоятельных политических целых с другими имели место там, где эти притягивающие целые имели на своей стороне высшую политическую идею, как Северо-Американские Штаты или французская республика. Вне этого политическую самостоятельность приносили в жертву *необходимости* или *частным выгодам*. Бывали не раз случаи, что люди подчинялись *необходимости* и, не имея возможности иначе избежать зла, по их мнению худшего, уступали независимости, которую отсто-

ять были не в состоянии. Были многочисленные случаи, когда группы лиц, принадлежавших к *господствовавшим* классам, жертвовали самостоятельностью своей родины, чтобы расширить *свое* влияние. Были случаи, когда подкупленные партизаны чужеземного владыки продавали свою родину для *своей* личной выгоды. Были случаи, когда социальный вопрос, когда борьба классов заставляла тех или других из борющихся искать союза за границею родины и уступать «местные стародавние вольности» чуждому владыке, лишь бы победить противников в социальной борьбе. Все это было совершенно естественно и обыкновенно; но что за жалкая, что за рабская, что за невозможная натура должна была быть у того народа, который целиком, без необходимости, безо всякой выгоды для себя, подчинение *большой* державе *низшего* политического строя предпочел бы народной самостоятельности при *меньшем* объеме страны. Если бы русская история представляла такие факты, то они были бы действительно не только «колоссальны», но и колоссально позорны.

К счастью, этого не было и на Руси; ученый обозреватель либерального журнала — говоря учтивее — повернулся спиной к истине, напрасно опозоривая прошедшее Новгорода и Украины.

Новгород отстаивал свою самостоятельность, пока мог ее отстаивать, и покорился лишь необходимости. Когда пришлось ему очень уже трудно бороться с растущею силою московской орды, его патриоты (и это были *настоящие* патриоты) готовы были его подчинить Казимиру [134], скорее, чем стать «холопами» Москвы; они были правы, потому что строй литовско-польский того периода стоял, в отношении политической свободы, далеко выше московской татарщины. Но между новгородцами господствующих классов были люди, которые надеялись *выиграть* при соединении с Москвою. Были люди в торговой республике, которые думали, что спасут свои барыши ценою мира во что бы то ни стало. Были изменники, купленные Москвою. Были, конечно, и фанатики православия, которые смотрели на поляков, как на поганых латинцев. Все это повело к тому, что Новгород *не мог* отстоять своей самостоятельности, *не мог* и *свободно* выбрать политического целого, к которому примкнуть. Но для *русской государственности,* олицетворенной в московских порядках, ни один новгородец не принес в жертву своей родины.

Не принес своей родины в жертву этой нелепой идее и ни один украинец, когда Украина вошла в состав Московского царства. Отстоять свою самостоятельность казаки не могли преимущественно потому, что их предводители имели пред собою не только политический, но и социальный вопрос. За несколькими десятками тысяч реестровых казаков стояла масса «посполитых» крестьян, которые хотели воли и равенства, а Хмельницкие [135], Брюховецкие [136], Дорошенки [137], под влиянием привычек польского панства, не хотели создать государства *равных* и *вольных*

для *всего* народа. Поэтому они сами подрывали свою политическую силу и, борясь за политические права, искали в то же время поддержки социальному господству одного класса над другим. При этом завоевать политическую самостоятельность было невозможно. От Польши их разделяла религиозная рознь настолько же, насколько разделяла и ненависть народа к панам. Поневоле, с крайнею неохотою, выговаривая себе права без возможности их удержать, украинцы примыкали к Москве. Они прекрасно знали, что за безобразное государство она представляет; они в отчаянии прибегали даже под покровительство султана турецкого (настолько чужда им была идея «русской государственности»), но там не могло быть ничего лучшего. Они готовы были дружиться и со шведами против Петра, и если бы полтавская битва кончилась иначе, едва ли бы они принесли свою самостоятельность в жертву кому бы то ни было. Но удар истории выпал *против* них. Они покорились *необходимости*, историческим условиям, опасностям социальной борьбы, но вовсе не покорились какой-то фантастической «государственности».

Нам достаточно этих двух примеров. Увы! «колоссальные факты», доказывающие «государственность», как характеристическую черту народа русского, оказываются фактами действительно колоссальными, но «колоссальными» в отношении ученого публициста, именно фактами *колоссального непонимания* или *колоссального извращения* исторического процесса. Там, где народ действительно принимал в довольно значительном числе участие в политической жизни, как в Новгороде или на Украине в XVII веке, он, подобно всем народам мира, стоял, как мог, за свою политическую самостоятельность, за свою независимость, но должен был покориться силе, обстоятельствам, условиям социальной борьбы, был продан господствующими классами. Называть это «жертвами», принесенными «государственности», — по меньшей мере... курьезно...

Во всех других случаях «собирания земли русской» в одно целое — если уже видеть государственность лишь в этом архаическом элементе — о *русском народе* вовсе речи не было. *Сила* присоединяла города и княжества, *сила* удерживала господствующие классы в подданстве победителя. *Народ* был в *невозможности* отстаивать свои веча и какую-нибудь долю своей самостоятельности, или ему вовсе отстаивать было нечего, так как он был одинаково жертвою грабежа тех или других своих «государей».

Но ученый обозреватель говорит, что в народе, даже «оппозиционные стремления... в крупнейших своих проявлениях, все-таки принимали государственный характер, свидетельствовали о верности самого бунта в России идее государства». Конечно, автор имеет в виду не раскол. Странно было бы подвести под эту идею государственности восстание Стеньки Разина, который в «прелестных» письмах, по словам историка, «извещал, что

идет... искоренить всякое чиноначалие и власть, установить казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен». Остается Пугачевщина... И, знаете ли, ведь именно Стеньку Разина и Емельяна Пугачева подразумевал автор, говоря «о бунтах, верных идее государства»: Стенька, видите ли, тащил с собою какого-то черкесского князька, которого называл царевичем Алексеем; Пугачев называл себя Петром Федоровичем. Итак, эта «верность бунта идее государства» выражалась потребностью в самозванцах или рутинным обращением к этим вывескам народных волнений начала XVII века.

Признаться, этот элемент самозванства составляет такой микроскопический элемент «государственности», что странно даже возражать на него. В нем есть настолько же признание необходимости государственного порядка, насколько есть его в современной сноровке противников государства обзавестись легальными паспортами. По строгой последовательности принципу мы, противники государства, не должны брать паспортов и в сношениях *между собою* в них не нуждаемся; но для других сношений считаем полезным иметь их. Уж не доказывает ли это, ученый публицист, что сами отрицатели государственности в России «верны» паспортной системе? — О, логика!

Впрочем, это мнение ученого публициста позволяет нам теперь с достаточною достоверностью разглядеть, в чем именно для него, представителя либерального журнала, заключается «государственность». Для него государство — *личность царя* или даже *имя этой личности*. — Он буквально возводит в политическую теорию и в исторический признак знаменитые слова Людовика XIV: «государство, это — я». Он идет даже далее: для него государство, это — мифическая шляпа Геслера, которой поклоняются народы, это — слово *царь*, написанное на лубочной вывеске. — Если представители русского ученого либерализма дошли до такого понимания «государственности», то нам остается лишь занести подобный факт в ряд признаков разрушения всякой либеральной теории, в ряд признаков полной немощи современного либерализма... Не правда ли, читатель, что с подобным историческим и политическим пониманием и спорить нечего?

Но стоит ли тогда разбирать другие аргументы и возражать на них? — Мы ограничимся несколькими словами, потому что знаем уже теперь, насколько *основательности* в возражениях почтенного публициста.

В Англии для него «борьба труда против капитала» возможна в одной форме, потому что «многочисленные группы людей лишены всяких средств к существованию», а «государственная власть давно отказалась от вмешательства». Во Франции она возможна в другой форме, именно в форме «коммунизма революционного», потому что «при сходных условиях» — т. е.,

роятно, тоже при лишении «многочисленных групп», и т. д. — население «приучено видеть вмешательство государственной власти во все сферы деятельности». Вероятно, в Германии — о чем, впрочем, публицист не упоминает — он признает возможность той же борьбы в третьей форме. Но у нас, видите ли, она невозможна, потому что все *известные* формы соответствуют местным бытовым условиям, которые у нас *иные*. Следовательно... Но ученый публицист никак не может перейти через это «следовательно». Он не в силах вывести такого простого заключения: следовательно, та самая борьба, к которой при разных бытовых условиях и в разных формах пришли Англия, Франция и Германия, та самая борьба будет происходить и уже происходит в России в *иной* еще форме, соответственной бытовым условиям *русского* народа.

В самом деле, при разнице бытовых условий, каких еще общих причин недостает России для этой борьбы? Сомневается ли публицист «Вестника Европы», что в России «многочисленные группы людей лишены всяких средств к существованию»? — Нет; он нисколько не отрицает бедственного положения русского крестьянства. — Или он сомневается, что наш крестьянин, неспособный существовать при «бездоходности пользования землею», поставлен «в прямую зависимость от капиталистов»? — Едва ли это возможно, так как зависимость голодного и «бездоходного» от собственников капитала слишком очевидна даже для ученого либерального публициста. — Или наше «государство», в лице полиции, войск, посредников, судей и т. д., недостаточно поддерживает капиталистов-землевладельцев, капиталистов-фабрикантов, капиталистов-железнодорожников в их эксплоатации народа? — Это он, может быть, печатно и отвергнет, а про себя с этим должен будет согласиться. — Но если все это так, то не естественно ли русскому работнику перейти от ненависти против эксплоататоров к борьбе против них, а так как государство является всюду и везде их союзником, да еще само эксплоатирует народ податями, притесняет и обманывает его в лице своих органов, то и к борьбе против «всякого чиноначалия и власти»? Конечно, формы борьбы должны быть иные: и полное отсутствие легальных форм сопротивления, и преобладание земледельческого населения, и иное положение пропагандистов—вызванных и в России, как везде, условиями народной жизни и никогда не имевших возможности вызвать эти условия — заставит эту борьбу принять характер иной, более тайный и, вероятно, более ожесточенный, более революционный, но сущность дела остается та же, а если она та же, то и социальная борьба *неизбежна* в России, как повсюду... Этого именно не может или не хочет понять ученый публицист...

Нет, говорит он: «Настроение революционное в смысле политическом, а тем более социальном, всегда предполагает в своем

основании, сверх материальных причин, еще какой-нибудь нравственный мотив, которым и бывает всегда сознание какой-нибудь несправедливости, преимущественно — социальной». Здесь либеральный публицист кивает на минувшее крепостное право, даже опасаясь как будто «поставления вновь крестьянства в зависимость от богатого класса», как это было «до 1861 г.». — О, мудрый философ! так для вас в современном отношении русского государства и русского капитала к русскому крестьянину, при его хроническом голодании, при полной невозможности кормиться своим хозяйством, существует только «материальное» бедствие? Вы не находите в этом «социальной несправедливости»? Для вас вне крепостничества этой несправедливости не существует? По вашему мнению, голодное крестьянство не находится уже *теперь* «в зависимости от богатого класса»? Вы забыли или хотели забыть то, что говорит вся современная история пролетариата: что *бедность — рабство?* Вы забыли слова Л. Б. Тургенева и графа А. П. Шувалова о «кабале» в послереформенной России, о том, что «большая часть сельских работников по названию лишь вольнонаемные, а в действительности они такие же крепостные» («По поводу Самарского голода», 125)?—Для вас это все еще не «социальная несправедливость»?—Нет, ученый публицист, нам несколько стыдно даже спорить с вами.

Но в вашей «крепкой государственности» русского народа видимо проглядывает мысль, что народ верит в *царя,* который для вас отожествляется с государством. Позвольте вам цитировать писателя не из нашего лагеря, писателя, относящегося враждебно к социалистической и ко всякой революционной пропаганде, именно автора «Ответа» редактору газеты «Русский Мир» (Berlin, 1875). Этот верноподданный оппонент г. Фадеева [139] пишет (стр. 30): «Пишущий эти строки *не раз* имел, к глубокому прискорбию, случай удостовериться, что простой народ, до сих пор свято чтивший имя царя, считавший его земным богом, теперь видимо охладевает и ему приписывает тяжесть своего положения». И далее (стр. 55—56): «Народ, раздавленный поборами, которые против прежнего увеличились в пять и в восемь раз и взыскиваются с небывалою жестокостью, не верит больше никому и ничему, даже самой власти, в которую он еще недавно сильно верил. Он видит, что освобождение не облегчило его участи, а, напротив, ее ухудшило... В крестьянине мало-по-малу складывается убеждение, что вся администрация, казенная и общественная, дворянская и земская, только для того и существует, чтобы обирать его, а для защиты его, бедного и темного человека, нет никого». — *Нам* не нужно говорить читателям, насколько наши корреспонденты подтверждают этот факт. Нам могут в этом случае не поверить: пусть за нас говорят наши противники.

Таким образом, почва для социально-революционной пропаганды в России существует, и не идеи «западного коммунизма»

несут пропагандисты в народ русский; они несут в народ только сознание, уяснение бедствий, которых никто, решительно никто отрицать не может; они несут народу сознание, уяснение *его* «бытовых условий», отдающих его *неизбежно* на жертву капитализму и бюрократии, имеющих *неизбежным* следствием, что все российское государство «для того только и существует, чтобы обирать его, а для защиты его — нет никого». Социально-революционная пропаганда в России вызвана именно особенностями бытовых условий русского народа, и именно вследствие этих условий ее формы не похожи на рабочую агитацию в других странах Европы. Общи для России и для других стран лишь *цели,* потому что общи реальные *основания* пропаганды: все растущее бедствие рабочего населения, все растущая экономическая эксплоатация его господствующими классами, все растущее сознание социальной несправедливости современного общественного строя и все растущее убеждение, что современное государство и не хочет и не может помочь народному бедствию. Пусть ученый публицист «Вестника Европы» уверяет себя и других, что успех социально-революционной пропаганды в России невозможен. Пусть верноподданный автор цитированного выше «Ответа», мечтающий о фантастическом «Административном сенате», который уврачует все бедствия России без ограничения «самодержца», пишет (60): «Политическая революция у нас, к счастью, невозможна... Социальная революция, к великому нашему благополучию... тоже невозможна». Пусть публицист «Недели» — с честью стремящийся нынче занять место в ряду наших умеренно-либеральных органов — утверждает (№ 44), что у нас в России рабочего вопроса «не существует» и что «средства к поднятию благосостояния» нашего крестьянства «не имеют ничего общего с решением европейского рабочего вопроса». Вся эта либеральная, псевдолиберальная и верноподданническая болтовня не может заглушить социального вопроса, который растет на одних и тех же основаниях *всюду,* стремится к одной и той же цели *всюду* и только видоизменяется в своих *формах* для каждой страны, сообразно ее бытовым условиям...

Но статистика?.. Наше население «разбросано по 318 267 сельским поселениям», — пишет все тот же удивительный публицист «Вестника Европы», — и «пропаганде пришлось бы обойти сотни тысяч селений, чтобы о ней хотя бы только узнал народ», да и пропагандистов-то всего у нас едва ли «1 : 1 000» в отношении к числу учащихся. О, конечно, конечно, это не малые трудности, но история справлялась и не с такими, когда существовали условия страшных материальных бедствий и возмутительной социальной несправедливости. Авось справится она и с этими. Одно должно заметить: жалка аргументация, которой приходится ставить в строй своих возражений и *таких* солдат...

Довольно, читатель, совершенно довольно... История, полити-

ка, нравственность, психология, статистика оказались несколько слабыми поддержками оптимистического либерала «Вестника Европы». Ему следовало сделать одно: отрицать бедствия русского народа; лишь тогда он доказал бы, что русским господствующим классам и русскому государству нечего опасаться социально-революционной пропаганды.

[РЕЧЬ НА ЛОНДОНСКОМ СОБРАНИИ ПО ПОВОДУ ГОДОВЩИНЫ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 ГОДА]

(4—XII—1875 г.)

Товарищи социалисты, мы сошлись здесь во имя общего нам всем убеждения, что лишь на почве международной солидарности возможно решение вопросов современной жизни, современной истории; но мы сошлись также, чтобы помянуть добрым словом борцов 1830 г. за польскую национальность. Нет ли в этом противоречия? Не должны ли мы, во имя международного рабочего социализма, знамя которого есть наше знамя, отречься от прошедшего, разорвать связь с традициею политической, национальной борьбы?—Нет, потому что международный социализм не есть отречение от истории; он есть, напротив, продукт и завершение всей предыдущей истории. С начала человечества началась борьба угнетенных против их угнетателей, жертв против их палачей. Эта вечная борьба продолжается и рабочим социализмом, который впервые поставил ее на реальную почву. Эта борьба шла во имя потребностей, во имя любви к страждущим братьям и ненависти к их врагам, во имя убеждения в справедливости своего дела. Она шла под разными знаменами, но девизы, написанные на этих знаменах, слишком часто обманывали народы, за них сражавшиеся. Народы бились под знаменами протестантизма за свободу совести, но протестантизм выработал схоластику, которая была не лучше схоластики католической. Народы завоевывали своею кровью независимость своей родины, независимость Швейцарии, Бельгии, соединенной Италии, но после побед оказывалось, что положение масс было нисколько не лучше под управлением единоплеменных эксплоататоров. Свобода, которую завоевывали народы, беря Бастилию, низвергая троны, отдавая за успех революции три месяца голода, была лишь свободою их экономических эксплоататоров. Братство между промышленником и пролетарием, между хищником и его жертвою было невозможно. Кровь народов лилась даром. И вот в 1847 году раздался клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И лишь этот призыв уяснил, в чем сила народов, где их настоящие враги, за какое знамя им следует сражаться. С тех пор этот призыв раздается все громче и громче, армия будущего растет и должна расти. Пролетарии должны соединиться во имя своей по-

требности жить и развиваться, во имя любви к братьям и ненависти к эксплоататорам, во имя убеждения в правоте своего дела. Немец и славянин, на зло старинной поговорке, поляк и русский, ирландец и англичанин, эльзасец и пруссак должны сделаться братьями, потому что они могут добыть желательную будущность лишь общим союзом против общих врагов.

Настоящее уяснило это, но оно было подготовлено прошедшим. Борьба прошедшего подготовляла решимость угнетенных масс бороться против их настоящих угнетателей. Все искренние борцы за свободу, за независимость, боролись ли они под знаменами религии, государственности или экономических интересов низших классов, были в прошедшем подготовителями настоящей социальной борьбы. Ее подготовляли восстания римских рабов, лоллардов в Англии, жакерия во Франции, крестьянские войны в Германии. Ее подготовляла религиозно-социальная проповедь богомилов, которая из южно-славянских племен разливалась по Западной Европе, грозя католицизму. Ее подготовляли чешские табористы и адамиты [139], с оружием в руках проповедывавшие религиозный коммунизм имущества и бессословность. Ее подготовляли с своей стороны борцы в области теоретической мысли противу тирании догмата: Джиордано Бруно на костре, и социниане XVI и XVII веков, которые из целого мира в одной Польше находили убежище, и там, в Раковe, в «сарматских Афинах», а после в своих скитаниях проповедывали то учение, которое должно было сделаться религией Вольтера, Пристлея [140], Чаннинга [141]. Подготовляли социальную борьбу и политические борцы за независимость Америки, за свободу, равенство и братство во Франции конца XVIII века, наконец новейшие борцы XIX века в Италии, в Греции, на берегах Сены, в Брюсселе, в Бадене. На этих полях битв, беспрестанно обманутые своими предводителями, разочаровываясь в них, народы воспитывали в себе энергическую решимость стоять за себя, завоевывать себе лучшую будущность собственными силами, воспитывали в себе и понимание той великой борьбы, которая разделила теперь мир на два непримиримые лагеря монополистов собственности и власти и рабочих пролетариев, хищников и их жертв, борцов за старый и борцов за новый мир. В ряду этих исторических предшественников, в этой вечной борьбе угнетаемых противу угнетателей почетное место принадлежит польскому народу, который в продолжение целого века отдавал этой борьбе поколение за поколением по мере того, как эти поколения вырастали, и шел на все поля битв, где велась эта борьба. Поэтому мы, приверженцы международного рабочего социализма нового времени, можем с полным правом почтить, в ряду наших предшественников, и борцов за независимость польского народа, в память которых мы собрались сегодня. На могилах старых борцов, боровшихся под разноцветными знаменами и разнообразными гербами, да

соберутся все народы теперь под единым красным знаменем социальной революции, знаменем солидарности всех трудящихся и всемирной справедливости. Во имя этого общего нам всем знамени приветствуем прошедшее, насколько оно подготовляло настоящее, но выше и прежде всего приветствуем это настоящее, которое одно может решить задачи, поставленные прошедшим. Приветствуем союз солидарных рабочих всех стран противу всех сил старого мира. Приветствуем его, товарищи всех славянских наречий, товарищи всех европейских языков, товарищи всех рас человечества!

СОЦИАЛИЗМ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО

Лондон, 13[1] декабря 1875 г.

Мы поместили (№ 18) проповедь еврейского раввина противу социализма [142]. Наш виленский корреспондент (№ 21) сообщил нам, что и литовское духовенство выступило против пропагандистов с проповедью. Недавно «Московские Ведомости» принесли нам «Слово», произнесенное по тому же вопросу 19 (31) октября в Москве протоиереем Ключаревым [143]. Повидимому, в «Православном Обозрении» помещена статья*, противополагающая социализм христианскому учению. Вероятно, в последнее время немало было произнесено «слов» против социально-революционной пропаганды нашим духовенством, всегда готовым, по воле правительства, говорить за что угодно и против чего угодно. Само собой разумеется, что мы находим всю эту «православную проповедь» против социализма вполне правильным явлением и весьма были бы удивлены, если б было иначе. Царские слуги в рясах обязаны по самому своему положению действовать так же против всякого революционного элемента в России, как и царские слуги в жандармских мундирах, в чиновничьих вицмундирах или в фраках негласных шпионов. От православного духовенства никто не ожидал ни серьезной поддержки, ни серьезного сопротивления. Хотя правительство и консерваторы прикидываются, будто высоко ставят его, но и они не настолько тупы, чтобы сомневаться в полной несостоятельности этих «пастырей» для какой-нибудь общественной роли. Народ им никогда не верил и никогда их не уважал настолько, чтобы видеть в них своих руководителей в смысле консервативном или революционном. Во всех планах общественных изменений и агитации в народе они просто в счет нейдут. И нам не приходится вовсе брать их в расчет.

* Так как мы не получаем этого издания, то кто-либо из сочувствующих нам сделал бы очень хорошо, если бы доставил нам номер 10-й за нынешний год, как и вообще мы бы желали иметь разные отзывы русской духовной литературы по социалистическому вопросу.

Но эти тысячелетние представители православия в России, сумевшие в эту тысячу лет так опозорить свое звание в глазах всех сословий, говорят во имя христианства, которое было историческою силою, а, по мнению многих, и до сих пор представляет историческую силу; они говорят во имя религии, роль которой в истории слишком значительна, чтоб можно было ее осporить, каков ни был бы взгляд пишущего на религиозные верования. Проповедь социализма имеет перед собою массы народа, для которых религиозный склад мысли составляет еще далеко не перейденный способ воспринятия предметов и явлений. Социализм не может не отнестись серьезно к историческим силам, с которыми ему приходится бороться или вступать в соглашение; он не может не брать в соображение привычного склада мысли в народе, к которому он обращается и без которого его победа невозможна. Пред проповедниками социальной революции стоят неизбежно вопросы:

Как относится учение солидарности всех рабочих, учение социальной революции к христианству в его историческом значении?

Как относится идеал социально-революционной партии настоящего времени к тому, что выработалось в сознании человечества из всей истории христианства, как христианский идеал?

Как относится социализм, как цельное миросозерцание, устанавливающее понимание человеком его теоретической и практической деятельности, к религиозному элементу в истории и в современности?

Как следует относиться пропагандисту-революционеру к народным верованиям и к религиозным привычкам в мысли и в жизни, существующим среди масс, на которые ему приходится действовать?

Вопросы эти имеют настолько исторической важности интерес, что уклоняться от их решения мы и не думаем, но исчерпать их в одной статье невозможно, и потому мы разделим их. Мы поговорим этот раз лишь об отношении социализма к историческому христианству, предоставляя себе вернуться еще к остальным вопросам.

Было время, когда религиозные социалистические учения искали тесной связи с христианством, доказывали, что христианство было настоящим социализмом и коммунизмом, цитировали в свою пользу евангелия и отцов церкви, серьезно мечтали о возрождении христианства помощью социалистической проповеди и о поддержке социалистической пропаганды всеми привычными представлениями и понятиями христианства. В то же время другие проповедники социализма находили наилучшим выставить новые учения, как религии, *продолжающие* дело христианства, как *новое христианство,* долженствующее наследовать всю силу прежнего. Это было в первой половине XIX столетия, в период

отречения от традиций XVIII века и Великой революции, в период религиозной реакции и религиозного романтизма: под этим влиянием социалисты создавали «Истинное христанство» Кабэ [144], «Новое христианство» сен-симонистов, Вейтлинг [145] писал «Евангелие бедного грешника», Бюшэ пытался прямо согласить социально-революционные стремления с католицизмом, и целый ряд подобных явлений, очень мало или даже вовсе не связанных с задачами социализма, доказывал, насколько все они были не личными фантазиями, но отражением общего исторического настроения.

С тех пор революционные и социалистические партии, повидимому, отрезвились. Романтизм во всех отраслях искусства, философии, жизни уступил место реализму. Прогрессисты всех оттенков увидели на опыте, что, позволяя себе сближение с религиозными преданиями и привычками мысли, они подают невольно руку *настоящим* защитникам этих преданий и привычек, последовательным реакционерам, и усиливают их, не придавая себе нисколько силы. Романтический и утопический социализм прежнего времени сделался *рабочим социализмом*, который, опираясь на чисто экономическую почву, тем не менее доставляет совершенно достаточное основание для учения о солидарности всех трудящихся. Правда, до сих пор во Франции, в Германии, в Дании делаются попытки соединить рабочее движение с борьбою клерикализма против господства светской власти, но теперь уже немногие внимательные наблюдатели не видят в этих довольно прозрачных комбинациях попытки просто эксплоатировать рабочее движение в пользу клерикализма без малейшей заботы о настоящих интересах рабочего класса... Правда, до сих пор там и здесь рутинеру демократизма и социализма толкуют о «проповеди Христа» как о демократическом протесте противу государства, противу собственности, противу эксплоатации человека человеком; до сих пор кое-кто готов из-под толстого слоя исторического христианства вырыть на поклонение демократическим партиям фигуру божественного «беспорточника» (sans culotte). Но мало ли в настоящем обществе можно встретить переживаний старого мира? Мало ли старой рутины и старого предания мы находим в самых передовых рядах борцов за будущее? Разве на наших глазах предания Робеспьера и Дантона не подорвали Парижской коммуны? В конце третьей четверти XIX века мы настолько уже вышли из-под влияния романтических увлечений его первой трети, что можем вполне критически отнестись к вопросу: что общего между христианством, как историческим явлением, и проповедью рабочего социализма? Могут ли подготовители социальной революции поставить в число своих исторических предшественников кого-либо из исторических представителей христианского учения?

Здесь приходится прежде всего точнее установить термины

самого вопроса, потому что разнообразие его решений в прошедшем (а частью и в настоящем) зависело преимущественно от неопределенности самых этих терминов.

Прежде всего мы говорим не о социализме *вообще,* но о единственном социализме, программу которого считаем своею, о *рабочем социализме,* подготовляющем победу *социальной революции.* О социализме, который провозглашает солидарность всех трудящихся, объявляет войну всем общественным паразитам и стремится энергическим усилием разрушить современное царство конкуренции и эксплоатации, чтобы завоевать трудящемуся пролетариату человеческое существование на реальной почве экономического обеспечения, с полной возможностью умственного и нравственного развития всех личностей.

Во-вторых, «историческими предшественниками» мы называем не всякие исторические явления, предшествовавшие настоящему положению дел и оказавшие значительное влияние на течение событий. Переселение варваров, крестовые походы и черная смерть имели весьма значительное влияние на изменение политических и экономических отношений в Европе, но едва ли кто решится их назвать «историческими предшественниками» революционного периода, начавшегося в последнюю треть XVIII века, или рабочего социализма нашего времени. «Историческим предшественником» данной исторической эпохи можно назвать такое событие прежнего времени, которое заключало в себе более или менее значительную долю элементов рассматриваемой позднейшей эпохи, не заключало элементов, ей *прямо противоречащих,* и обусловливалось историческими влияниями своей современности, несогласными с требованиями позднейшего времени лишь в такой мере, что сходные элементы обеих эпох оставались существенными и неприкосновенными. Так «Республика» Платона была историческим предшественником «Утопии» Мора и «Икарии» Кабэ, потому что, при весьма значительном различии этих трех планов общественного переустройства, все они одинаково стремились удовлетворить всем экономическим, политическим и аффективным потребностям личностей, как *одной* задаче, охватывающей все стороны общежития во имя одного требования — солидарности. Так политические революции подготовляли социальную, вырабатывая в массах решимость завоевать себе собственными усилиями условия лучшего общественного строя. Так табориты были историческими предшественниками современных социальных революционеров, потому что под религиозными формами, нераздельными от влияний своего времени, табориты весьма определительно ставили социально-революционные задачи с весьма достаточною полнотою. Так, наконец, в теоретической сфере, борцы за свободу мысли и за человеческое достоинство в XVIII веке были предшественниками теоретиков социализма, потому что боролись за уяснение истинного понимания мира и общества, что *неизбежно*

должно было привести к социализму. Все эти предшественники современных социалистических задач во многих случаях высказывали *окончательные требования,* резко противоположные теперешним, но в своих *исходных пунктах, в основаниях* своего учения или в *главных* его элементах они ставили именно такие задачи, которые, при рациональном и последовательном развитии, не только не противоречили нынешним задачам, но должны были привести к ним. Такого рода явления могут, действительно, считаться «историческими предшественниками» последующих событий, иногда с ними мало сходных по внешности; но явления, заключающие в себе радикальное отрицание самых основ последующих требований, ни в каком случае назвать такими «историческими предшественниками» нельзя, хотя бы даже их внешность имела некоторое сходство с внешними сторонами последующих событий: например, убийство Цезаря в сенате можно считать «историческим предшественником» убийства Павла Петровича и Густава III [146], но не казни Карла I [147] и Людовика XVI [148]; автор «Общественного договора» («Contrat social») в XVIII веке был предшественником автора «С того берега» в бо́льшей степени, чем автор «Века Людовика XIV» [149].

Наконец, говоря о христианстве, приходится условиться, о *каком именно* христианстве идет речь. Весьма многие европейские критики — как апологеты, так и противники: Шатобриан [150] в «Духе христианства», как Фейербах в «Сущности христианства» — рассматривали его, для своих целей, как нечто однородное, преимущественно в форме выработанного римского католицизма. Но христианство было *историческое явление,* которое изменялось в весьма значительной степени в разные периоды своего существования, в разных отраслях своих схизм, расколов и ересей. Его *общественное* значение в разные эпохи и в разных местностях было весьма различно. Социалисты, определяя свое отношение к христианству, должны определить свое отношение к его различным историческим формам.

Каковы же были эти исторические формы хотя в первый, наиболее *чистый* период развития христианства?

Христианство является нам прежде всего как учение группы евреев, которая ожидала *немедленного* конца мира и наступления царства мессии и, во имя этого скорого прекращения всех общественных задач, требовала от верующих отречения от мира и собственности, от личных привязанностей, от борьбы за национальное существование, которую вели в это время зелоты [151] против могущественной империи Рима. В *этом* христианстве боролись две секты. Одна, руководимая апостолами-столпами (Иоанном, Петром, Яковом), оставалась верна еврейской исключительности, утверждала, что ожидаемый мессия придет только для евреев, которые одни войдут в Новый Иерусалим, остальные же народы будут низвергнуты в геенну. Другая, под руководством Павла, при-

зывала все народы признать мессию, который должен немедленно притти, призывала все племена к тому же отречению от всего мирского и обещала верующим всякого происхождения участие в царстве мессии. Эти две секты спорили при жизни апостолов, спорили после их смерти. Против Павла и его приверженцев иудео-христиане направляли целую литературу: они писали «Апокалипсис», обвиняли эллинно-христиан в разврате и коммунизме под именем николаитов [152], рисовали, по всей вероятности, Павла под именем Симона-мага. Павел отвечал в своих посланиях. Его ученики сочинили небывалое соглашение между ним и Петром. Спор шел о том, о чем всегда идут споры между сектами: кто *истинный* апостол: те ли, которые видели и слышали мессию — Иисуса — на земле, между которыми был его брат, или тот, которому являлся этот мессия в видении? Следует ли совершать обрезание или нет? Формы инстинктивного коммунизма имели место здесь, как во множестве религиозных и нерелигиозных общин; существовало отречение от семьи, отречение от национальности; но во имя чего? — Во имя неизбежного, каждую минуту ожидаемого конца мира. Земные интересы не имели смысла для тех, которые должны были завтра вступить в царство мессии.

Что же? — Имеет ли современный социализм что-либо общего с этими вопросами? Для борцов за реальное экономическое обеспечение, за земные условия человеческого развития, есть ли какой-нибудь интерес в заботах несчастных психопатов, которые осьмнадцать веков тому назад ожидали мессию, долженствующего принести людям блаженство, недоступное им в империи цезарей, и спорили о том, кому можно будет вступить в это фантастическое царство, одним обрезанным или тоже и необрезанным? Их презрение к миру во имя неслыханного благополучия, ожидающего их в Новом Иерусалиме, имеет ли что-либо общее с нашей решимостью завоевать трудящимся те земные блага, которые у них отняты?

Но поколения умирали, а мессия не являлся. Для людей, не знавших его, написаны были многочисленные евангелия, которые выработали его легенду в ряде несогласных между собою рассказов. Восточная фантазия и греческая философия, еврейская нетерпимость и римская легальность приносили каждая свой элемент в массу накопляющейся христианской литературы. Гностики создавали фантастические ряды эонов, посредствующих существ между богом и миром, давая видную роль в этом ряду эону — Христу. Наиболее простые из этих философско-поэтических созданий формулировали его значение в этом фантастическом мире как воплощенное слово божие. Позднейшее из евангелий, как бы иронически приписанное тому самому лицу, которому был приписан и более древний Апокалипсис, установило для него титул сына божия. Диалектику греческих философских школ стали прилагать к вопросу о том, каким образом человек Иисус мог

быть в то же время сыном божим, словом божиим, богом. Секты умножились до бесконечности. Большинство все ждало пришествия мессии Христа. Они описывали в самых пестрых формах долженствующее наступить царство христово. Другие видели уже в облаках Новый Иерусалим. Одни доходили до скопчества, другие до полного разгула чувственности. Одни сохраняли частное имущество, другие проповедывали полный коммунизм. О борьбе же против цезарей, о борьбе против рабства, о борьбе противу всеобщего грабежа мира вольноотпущенными императоров не были и речи, потому что мир должен был пройти не сегодня так завтра, и лишь тот имел более шансов сесть одесную Христа, кто вернее определил его место, как фантастического эона в ряду эонов, кто полнее отрекся от всего мирского.

Не в этом ли периоде христианство имеет что-нибудь общее с задачами современности? Критика давно уже доказала, что литература евангелий не дала нам ни одного факта, ни одного слова, которое можно было бы с какою-нибудь достоверностью отнести к *действительной* жизни Иисуса. Пред нами хаос противоречивых рассказов, легенд, верований, фантастических построений; хаос обрывков самых разнообразных приемов мышления; хаос практических учений, истекающих из самых различных источников и требующих самых различных действий. Пред нами не *одно* христианство, а *сотни* христианств, из которых каждое защищает свое право на божественную истину, каждое называет себя правоверием, а других ересями. В этот период нет причины признать гностиков-вассилидиан [153] менее христианами, чем последователей Иринея [154], признать Христа — Слово божие по евангелию Иоанна — более существенным представлением для христианства, чем Христа в ряду 28 эонов с Огдоасом, Софиею, Демиургом [155] и т. д. Но все отрасли христианства в этот период поглощены именно вопросами о выработке теоретических представлений. Все же те вопросы, которые для *нас* составляют самое важное в это время, вопросы о любви к ближнему, вопросы о рабстве, вопросы о собственности, всего менее интересуют большинство христианских учителей этого времени.

Чувствуя полное бессилие завоевать себе земное блаженство и не желая вовсе завоевывать его, они поглощены интересами не от мира сего. И к чему? Они все верят, что мир сейчас кончится.

Но вот им открыт этот мир с его временными благами, и в то же время ожидание страшного суда ослабело вследствие долгого откладывания. Организовались *церкви* с выработавшимся разделением между духовным и светским людом, с пресвитерами и епископами, которых влияние растет. Приходится приспособляться к *земному* существованию, и «гонения» прекращаются. Организация федерации церквей под руководством епископов оказалась настолько сильною в разлагающемся строе империи, что один из претендентов на трон цезарей нашел для себя выгодным на нее

опереться. Христианство признано господствующею религиею. На соборах, под председательством некрещенного язычника-императора, мессия Иисус признан единосущным с богом. Ортодоксия раздавила ереси. Из многочисленных евангелий, апокалипсисов, посланий, деяний выбраны были немногие, вошедшие *в канон* Нового Завета. Отцы церкви IV века в ряде замечательных трудов совершили невероятное: из хаоса преданий, из отрывков еврейской, греческой и римской мысли они построили одну цельную богословскую систему, имевшую видимую стройность. Явилось, действительно, *одно* христианство, объявившее всех иноверцев еретиками и призвавшее против них силу государства. Явилось *одно* христианство, как теоретическое и практическое миросозерцание. В этом миросозерцании есть все: и любовь к ближнему и проклятие еретику, и вечное милосердие божие и вечные мучения, и отречение от мира, вырабатывающее идеал аскета Фиваиды, и богатая церковь, которая поглощает мирские имущества, и равенство, братство всех верующих, и рабство, которое церковь удержит на Востоке и на Западе до последней возможности, и забота лишь о будущей жизни и ползание епископов пред императорами, услужливость их пред варварскими королями. В этой величественной мешанине можно найти сколько угодно цитат против собственности, разврата богатых, но можно так же легко найти сколько угодно цитат в защиту собственности, в защиту цезарей, в защиту насилия над мыслию и над действиями человека. Поэтому цитаты за и против неубедительны. Важны исторические факты. Что же они дают? Как только христианство вступило в мир, оно стало поддерживать государство римское и варварское, как оно его нашло,— с жестокими началами собственности, с рабством, с неограниченным цезарем, с варварскою резнею народов, с подавлением трудящегося населения; и церковь в ее высших и лучших представителях воспользовалась совершенно спокойно всеми формами государственной и экономической монополии. Нигде она не выступила с требованиями братства и равенства. Нигде она не внесла в кодексы, писанные под ее влиянием, начал социализма, даже в самых элементарных его формах. Нигде она не потребовала даже уничтожения рабства. Христианский коммунизм этого времени имеет лишь одну форму, форму отречения от мира, форму общины аскетов.

Неужели в этой церкви с ее хаотическим миросозерцанием, сплоченным крайне искусственно в одно целое, в этой церкви с ее рабами и с ее раболепием пред цезарями и Хильдериками[150] социалисты нашего времени станут искать себе предшественников? — Или монастыри, где человек отказывается от всякого личного достоинства, должны сделаться образцами для социалистической общины будущего?

Итти ли дальше в истории... но это едва ли нужно.

Когда мечтают о том, чтобы опереть социалистическое на

христианское предание, думают большей частью о первобытном христианстве. И вот оно в трех первоначальных фазисах: как зарождающееся обособленное верование в близкий конец мира; как секты, борющиеся за фантастические вопросы для завоевания нездешнего блаженства; как учение церкви, совершенно удобно приспособляющейся к самому возмутительному общественному строю, или как коммунистические общины людей, отрекшихся от всего человеческого.

Это ли наши предшественники в истории? Это ли возможная поддержка миросозерцанию и практическим требованиям рабочего социализма?

Но это — формы, это — внешность, скажут нам, может быть. Под этими историческими формами христианства, не имеющими ничего общего с социализмом, выработался идеал Христа, идущего на добровольное страдание за братьев, идеал братства и любви, идеал царства, созданного пролетариями, — царства, где пролетарий Лазарь стоит выше богача. Разве этот христианский идеал не может быть признан предшественником идеала социалистического? — Мы другой раз вернемся к этому вопросу. Теперь нам достаточно того, что между *историческим христианством* в его самых чистых, первобытных формах и *нашим* социализмом нет и не может быть ничего общего.

МИНУВШИЙ ГОД

Лондон, 27[15] декабря 1875 г.

Сведем счеты за минувший 1875 год. Посмотрим, насколько старый мир, гордый успехами своей цивилизации, оказывается действительно здоровым и крепким в своих старых основах, или насколько правы социалисты, указывающие ему его неизлечимые раны. Посмотрим, насколько новый мир, мир рабочего социализма, который враги его обвиняют в безумии и в противоречии всем законам истории, действительно оказывается бессильным в своей борьбе, или насколько он имеет право рассчитывать на победу.

Сочтем в самом беглом очерке результаты минувшего года, наши потери и прибыли.

С чего начать? Конечно, с самых высших сфер, где заключается сила, руководящая всеми остальными силами мира, с тех сфер, для которых существует, в пользу которых действует, из-за которых страдает и умирает все остальное. Начнем с денежных царей.

Они оказались в 1875 году вполне достойными своего высокого положения. Если этот год не был отмечен таким крупным крахом, как 1873, тем не менее он в разных концах мира дал ряд последовательных представлений, каждое из которых было достаточно, чтобы обратить на себя внимание всего цивилизованно-

го мира, не говоря уже о том мире несчастных жертв, которые разом теряли свое состояние, самую возможность существования и часто не имели иного исхода, кроме самоубийства. Процесс Оффенгейма в Австрии, где были компрометированы два министра, процесс по займам южно-американских республик в Англии, где скомпрометирована целая толпа посланников, членов парламента, самых респектабельных личностей; там же ряд банкротств в несколько миллионов фунтов каждое, при самых скандальных обстоятельствах; крах калифорнского банка и самоубийство одного из «руководителей страны»; наконец, банкротство Штрусберга [157] в трех империях с крахом московского банка, с арестом за плутовство головы первопрестольной Москвы — бюджет весьма приличный, а мы упомянули лишь самые крупные явления.

Но царство денег охватывает не одних царей биржи; оно распространяет свои законы и на всевозможные сословия; его сила высказывается в самых разнообразных формах. Вот в английском парламенте доказывают, что сотни судов со всем экипажем обрекаются ежегодно гибели из-за того, что это *выгодно* судохозяевам, и пришлось собирать митинги (большею частью из рабочего люда) по всем большим городам Англии для уничтожения противодействия этому заявлению со стороны «представителей нации». Вот баронесса-игуменья осуждена — опять-таки в первопрестольной Москве — за подлог векселей. Вот в Петербурге все рвутся посмотреть на поджигателя-миллионера. Вот в Бельгии, в Англии сотни рабочих в каменноугольных копях гибнут, потому что их хозяевам *невыгодно* принимать надлежащие меры для охранения их жизни. После всего этого мудрено ли, что находится несчастный, который совершенно спокойно заказывает прибор, долженствующий взорвать среди океана на воздух судно, битком набитое эмигрантами, лишь бы ему, этому жалкому участнику во всеобщей борьбе за обогащение, получить премию в несколько тысяч талеров за застрахованный товар?

Спекулируют все обыкновенные и высокопоставленные лица: читатель недавно видел, как спекулируют высочества дома Романовых. Банкрутятся (sic) частные лица и общественные идеалы недавнего времени — государства. Банкрутится Турция, и немедленно ее обрекают гибели ее вчерашние друзья. Банкрутится Парагвай. В бесконечном восточном вопросе среди плутовства и лжи дипломатов, среди трома оружия восставших провинций, среди благочестивой болтовни в Москве о христианстве и либеральной болтовни в Европе о правах народов, о вмешательстве и невмешательстве, внезапно является новый «исторический момент»: его вносит в историю Англия, как и следует стране «передовой», стране «вполне современной»; этот новый исторический момент, это — *деньги:* восточный вопрос, как и все политические вопросы ближайшего будущего, сведен на *почву акций.*

И во всем цивилизованном мире совершается тот же процесс

все растущего подчинения всех общественных вопросов вопросу денежному, все растущее развитие спекулятивного духа, все растущая концентрация имущества в руках немногих. Россия с гордостью может сказать, что она в этом случае не отстала от других. Правда, она никогда не имела буржуазии, которая боролась несколько веков с феодализмом и с монархизмом, боролась за свободу мысли, за свободу слова, за свободу совести, за права человека. Без этой буржуазии доброго старого времени, создавшей историю западного мира, московская и петербургская Россия обошлась. Но когда внуки великих борцов вынесли в Европе и в Америке на рынок все умственные и нравственные святыни своих дедов, когда буржуазия цивилизованного мира отдалась всецело борьбе за обогащение и воздвигла для всего мира алтарь единому богу — мешку с золотом, — тогда петербургская Россия разом создала буржуазию без истории, без традиции, без политического знамени, но столь же алчную на барыш, столь же бесстенчивую в спекуляции, с таким же гражданским мужеством несущую на рынок все на свете, и в *этом* отношении вполне исполняющую знаменитое завещание: «сравнитесь с ними и, если можете, превзойдите их».

Посмотрите, какие громадные успехи сделала в императорской России эта сторона европейской цивилизации: с 1855 по 1875 год, в 20 лет нынешнего благополучного царствования, акционерные общества возросли в числе на 534 процента, в капитале — на 1 926 процентов; именно: в 1855 г. их было 81 с капиталом в 100 578 000 руб., в 1875 г. их — 813 с капиталом 1 937 170 000 руб. Ну, не Европа ли?

И мы, социалисты, вовсе не одиноки в наших указаниях на растущий европеизм русского общества в денежном отношении. Из самых разнообразных лагерей слышишь то же. Вот князя Мещерского даже г. Катков не заподозрит в социализме, а что он пишет в № 47 за нынешний год:

«В наш век — безъидеальный, продажный и преимущественно реальный — кулак более, гораздо более, чем прежде, стал царем жизни... Кулак один стал царем времени и общества. Он — *все*. Для него существует общество, для него живет в деревне народ».

Разверните фельетоны газет, которые обещают нынче поглотить в себе всю *живую* часть прессы; вы встречаетесь с каноном современной святыне — деньгам; вы на каждом шагу наталкиваетесь на прямые обличения поклонения «Ваалу». Мы в первом номере нашей газеты (стр. 15 и сл.) выписывали из русской прессы свидетельство, что «в наше, трижды благословенное и трижды прекрасное время улетучилось все, что имело какую-нибудь связь с идеей, чуждой коммерческой подкладки». Мы могли бы в продолжение целого года в каждом номере выписывать подобные же цитаты. Мы кончаем год заявлением самого умеренно-либерального, самого приличного и сдержанного журнала о «со-

временном положении вопроса о взятках»: «У нас не только не забыли брать взяток, но, наоборот, забыли, что взятку следует называть «взяткой». Взятка в новой форме стала называться «долею, дозволенным коммерческим вознаграждением; приобретение возможно больших взяток такого рода... вменяется в заслугу, как современное отличие».

И этому не помогут никакие либеральные обличения в прессе или с адвокатской скамьи, никакие осуждения Митрофаний, Овсянковых, Шумахеров [158]. Это — фатальный процесс капиталистического строя общества: тот, кто в борьбе за обогащение не преступил чрез *букву* закона, может быть гораздо большим хищником, чем тот, который подпал под удар этой *буквы*. Личная собственность, в ее нынешней усовершенствованной форме, не может не вызывать ожесточенной борьбы за обогащение, не может не вызывать всеобщей продажности, не может не отрицать всякой идеи, «чуждой коммерческой подкладки», не может не ставить крупной взятки «в заслугу», не может не создавать царства «кулаков», не может не разъедать общественной связи. Повторяем — это *фатально*.

И этот фатальный процесс идет всюду. Посмотрите на тип капиталистической страны, на Англию, лишь в *одной* сфере ее «богатств», наименее подвижной, в формах поземельной собственности и земледельческой промышленности. В последние 200 лет из каждых *девяти* собственников остался только *один*, а количество обрабатываемой земли увеличилось. В последние 20 лет ежегодно 370 мелких поземельных имуществ поглощаются крупными, а в то же время барыши землевладельцев возросли в 4 года (с 1867 по 1871) на 14 милл. ф. ст. Убывает и число фермеров, так что в 20 лет (1831—1851) исчезло их 50 000. Убывает на сотни тысяч число лиц, живущих на барыш фермеров. Убывает число земледельцев, зарабатывающих свое существование на обрабатываемой земле: в 20 лет (1851—1871) их число уменьшилось почти на одну четверть, причем особенно уменьшилось число взрослых мужчин-работников, замененных женщинами и детьми. Поземельное богатство Англии скопляется все в меньшем и меньшем числе рук, всего далее стоящих от действительного земледельческого труда; при этом все большее число лиц, *зарабатывающих* себе возможность существования в этой сфере, остаются *лишними*.

И все это, повторяем, в *наименее* подвижной сфере эксплоатации. Мы могли бы привести поразительные цифры в сфере фабричной промышленности, в сфере акционерной эксплоатации, но не имеем возможности остановиться на этом. Не мудрено, что Карл Маркс кончает новое французское издание своего «Капитала» (последние выпуски только что появились) примечанием, в котором говорит: «Многие напрасно думают, что общий кризис был, так сказать, усчитан жестокими, но частными взрывами. На-

против, он приближается к своему апогею. Англия будет местом центрального взрыва, и его отзыв почувствуется на всемирном рынке».

Какие же нравственные и общественные силы представляет современное общество для противодействия яду всеобщей продажности, всеобщего обеднения в пользу немногих счастливцев, концентрирующих в своих руках все богатства, монополизирующих все наслаждения? Что делают, что могут сделать *формальные* повелители общественных сил, министры, монархи, парламенты, при явном приближении судьбы, на которую обрекли цивилизованный мир его *действительные* повелители, спекуляторы и кулаки всех степеней, феодалы акционерных обществ, биржевые парламенты?

Скандалом в высочайшей семье мы начинали год (стр. 16); скандалы этой семьи периодически пачкали наши страницы; скандалом в той же семье мы кончаем последний годовой номер, и кроме скандалов решительно ничего не дают эти вырождающиеся представители России. Ни один из них не выказывает тени государственной мысли, понимания задач современности; иные же в продолжение всей своей жизни, как бы на показ, выставляют образцы идиотизма, не совсем обыкновенного среди высоких особ даже в наше время...

А под ними, каково положение России, как политического целого, как государства?

Мы уже много раз имели случай приводить читателю как слова наших корреспондентов, так и цитаты из писателей в реакционных листках или из изданий либералов в России и за границею для доказательства крайне печального положения нашей родины. Народ разорен, разоряется все более и более и не может не итти все далее и далее по этому пути разорения при существующих порядках, когда не только большинство косвенных налогов, но почти все прямые налоги лежат на рабочем народе, а жалкий надел, полученный крестьянством, не в состоянии не только обеспечить крестьянина, но даже сколько-нибудь оградить его от голода. Платежные средства населения истощаются, и России, финансы которой никогда не были в блестящем состоянии, грозит неминуемое банкротство. В то же время борьба за обогащение, о которой мы только что говорили и которая перешла теперь в Россию из Европы в самом пышном своем цвете, бросила на все занятия, на все должности, коронные, выборные, наемные, массу хищных ташкентцев, у которых одна цель: скорая нажива во что бы то ни стало. Беспрестанные процессы относительно захвата общественных сумм открывают в самых широких размерах это обкрадывание казны и народа. Земцы, предводители дворянства, судьи, коронные чиновники разных ведомств одни за другими садятся на скамью подсудимых. Адвокаты с наглой беззастенчивостью гордятся кличкою «прелюбодеев мысли» и «софистов XIX века», которую им дал в счастливую ми-

нуту один из самых бестолковых риторов русского слова. Университеты не знают, кем заменить кафедры, а лучшие представители науки в России не могут быть призваны на кафедры вследствие опасения в их «неблагонадежности». Для вдолбления латинских и греческих вокабул в молодежь гимназий нет учителей; самоубийства молодежи, вызванные этой системой, учащаются, а министерство с тупым упорством поддерживает систему «классицизма». Ограниченные либеральные рутинеры толкуют до паралича об обязательности народного обучения, когда сельские учителя умирают с голода, а священники отказываются преподавать в народных школах, так как эти пастыри стада Христова, всегда имевшие в виду лишь свой карман, находят это дело не приносящим достаточно выгод; когда же в какой-нибудь губернии окажется порядочный персонал школ, туда непременно поедет какой-нибудь грязный доносчик Гарусов, рекомендованный либеральным профессором, администратором, философом и педагогом Редкиным [159], чтобы разогнать все, что там было опасного. Земство бессильно пред сатрапами-помпадурами там, где оно могло бы быть деятельным; оно вполне бездеятельно или думает только о крупных окладах своих «излюбленных» там, где сатрапы-помпадуры смотрят на него снисходительно. Городские думы представляют лишь картины подкупов или самодурства. Между тем горят по всей стране деревни и города; эпидемии разливаются по целым губерниям, неурожаи, голода не прекращаются... Это — история прошлого года; это — история каждого года нашей несчастной родины...

В виду этого страшного положения, что делает правительство, на что обращено преимущественно внимание лиц, руководящих государственными делами, чем полны передовые статьи газет обеих столиц и немногих провинциальных центров, имеющих органы прессы? Чем заняты представители русской интеллигенции в печати?

Комиссия об отношении рабочих к работодателям, комиссия о высших школах, комиссия о паспортах и т. д. и т. д., не говоря уже о вечной податной комиссии. Сколько государственных забот! Но что же выходит из этих комиссий, открываемых обыкновенно с громкими заявлениями лучших намерений? Комиссия о рабочих, подняв вопрос чуть ли не во всей социалистической его ширине, отдает снова рабочего в кабалу хозяину. Паспортная комиссия, проникнутая с самого начала убеждением в страшном вреде паспортной системы, удерживает паспорты под другим названием ни более, ни менее как почти для всего крестьянства и мещанства. Комиссия о высших школах имеет в виду унизить звание профессоров, уже теперь не особенно привлекательное, имеет в виду стеснить еще более студентов, уже теперь волнующихся именно вследствие нелепых стеснений... Ни в одной из многочисленных комиссий, подготовляющих «дальнейшие реформы», не

проявилось следа, не говорим — понимания настоящего положения дел и современных общественных потребностей, но даже понимания средств, которыми современное правительство могло бы хотя временно отстаивать свое историческое значение, замазывать, если не лечить, зияющие общественные раны, внушать уважение хотя бы к своей ловкости и образованности, если не к своей честности или к своему государственному смыслу, что уже невозможно.

В начале года нам пришлось говорить о волнениях в высших школах, вызванных иезуитством и мелочным деспотизмом начальства, и в конце года приходится говорить о том же. Ни одного шага не умело сделать жалкое правительство Александра II, чтобы попытаться примирить волнующуюся молодежь с нынешними порядками. Это правительство умело создать только всеобщее шпионство, преследование всех заподозренных, и даже тех, которых, казалось, и заподозривать было бы трудно; только разлив влияния жандармов и сыщиков всякого рода; только циркуляр графа Толстого, изумивший всех — кроме двух-трех почтенных публицистов — своею бестолковостью и нелепостью; только циркуляры и записки Палена, которые призывали к помощи тех, которые помочь не могут, — хотели скрыть то, чего скрыть не умели. Министры и их пособники помогали нашей пропаганде своими мерами, волновали умы бесчисленными арестами, слухами о страданиях заключенных, о самоубийствах некоторых из них, слухами об осуждении Донецкого [160], Малиновского [161] без возможности для публики присутствовать при суде; и когда по хитрым соображениям Милютина одна группа обвиненных стала пред судом — если можно назвать судом этот жалкий юридический фарс — то и этот *деланный* суд не достиг своей цели, которую могло иметь в виду правительство: общество вовсе не убедилось в бессилии пропаганды среди войска; эта пропаганда нисколько не уменьшилась, и осужденные внушили уважение к себе во всех тех, кто в России имеет еще способность мыслить и чувствовать...

Пред общественным волнением, которое все усиливается, советники императора и их орудия оказались столь же бессильными и тупыми, как и пред народными бедствиями, пред ростом всеобщей продажности, пред распадением школ, пред эпидемией самоубийства в молодежи...

Единственный ореол, облекающий в глазах дальних зрителей русское правительство, есть его внешняя политика. Все дальше в глубину Азии идут войска русского императора; восточный вопрос возобновлен при условиях, благоприятных для политики империи; в сочувствии к борьбе южных славян против Турции правительство русское как бы действует заодно с обществом; громко кричат все официальные органы о задушевном союзе трех императоров, и газеты разных партий признают высокое дипломатическое искусство Горчаковых и Игнатьевых [162]; даже социалисты

рейхстага видят в современном состоянии европейской политики влияние России.

Эти блестящие внешности уже не раз ослепляли современников. Меттерних был величайшим государственным человеком в глазах публицистов накануне 1848 года. Луи Наполеон был политическим гением, по мнению большинства, и Франция была руководительницей судеб мира еще в начале лета 1870 года. Николаю приписывали за границею, а, пожалуй, и в России, государственный ум пред самым началом крымской войны. И князю Горчакову история не произнесла своего окончательного приговора. Конечно, при жалком политическом персонале современной Европы не особенно трудно играть в ней искусного передергивателя карт за игорным столом европейской дипломатии; тем не менее для внимательных зрителей очевидно, насколько преувеличены в настоящее время восхваления хитрости и искусству русской дипломатии. В полном нравственном и политическом фиаско совещаний о «человеколюбивом» ведении войны (*в пользу завоевателя*), совещаний, инициатива которых принадлежала русской дипломатии, — в покупке Англией акций Суэцкого канала под носом русской дипломатии, как и всех других, нельзя видеть особой политической ловкости князя Горчакова и его агентов. Чем далее распространяются пределы русских владений внутри Азии, тем более жертв людьми и деньгами приходится делать империи, финансы которой давно расстроены, и это — для края, в котором каждую минуту может вспыхнуть поголовное восстание против завоевателей-гяуров. Мы, конечно, ни минуту не предполагаем, что император или его министры могут пожалеть несчастных солдат, гибнущих тысячами в походах по степям из-за того, чтобы знамена с двуглавым орлом проникли подалее внутрь Азии. Но источник денег, которые тратятся на эти предприятия, из-за того, чтобы корпус ташкентского офицерства развивал в себе способность к грабежу и отучался от условий европейских войн, может очень скоро иссякнуть. Что касается до сочувствия южным славянским революционерам, мы можем лишь радоваться, что, с дозволения русского императора, в нашем сонном обществе произносятся спичи и собираются деньги для дела во всяком случае революционного. Это не особенно энергическое воспитание мысли, но все-таки воспитание. Каковы бы ни были *действительные* успехи русской дипломатии в восточном вопросе — для нас довольно проблематичные, — мы надеемся, что сочувствие бойцам Боснии и Герцоговины против их государя не останется без полезных следствий для русских.

Нынешнее правительство империи недолговечно. Оно само это знает. Говорят, что наследник престола имеет в виду передать долю своей самодержавной власти и ответственности законодательному собранию империи и перейти к более спокойной роли конституционного императора с хорошим куском из бюджета им-

перии для своих удовольствий. Мы далеко не полагаемся на эти слухи, вечно группирующиеся около *наследников* и почти никогда не осуществляемые ими, когда они становятся государями. С нашей точки зрения, эти слухи и важности особой не имеют. Тем не менее, в виду их, посмотрим не только на наличное правительство, но и на правительство *возможное* в будущем.

Самыми решительными кандидатами на политическое влияние являются крупные землевладельцы, дворяне-консерваторы. Они в минувший год не раз выступали со своими претензиями быть политическими людьми. В Петербурге они представили три знаменитые проекта всесословной волости, которые должны были крупным землевладельцам доставить все экономическое значение английской аристократии без той исторической борьбы, которою отцы этой аристократии завоевали себе значение. Они волновались и в Москве около князя Мещерского. Они имеют в своих руках несколько органов прессы, говорящих более смело и громко, чем какие-либо другие органы. Они имеют и поддержку во многих высокопоставленных и влиятельных лицах. Но при этих крайне благоприятных условиях, что за жалкие результаты! Что за несчастных, нелепых представителей выдвинули эти кандидаты будущей боярской думы в лице авторов записок о всесословной волости, в лице московских приверженцев князя Мещерского, в лице публицистов «Гражданина» и «Русского Мира»! Если бы политическая и общественная история последних веков не доказала и без того вполне убедительно невозможность в России какой-нибудь серьезной аристократии, то достаточно было бы взглянуть на эти образцы политических деятелей «консервативно-аристократической (!) партии», чтобы убедиться, что из их рядов ни в каком случае не может выйти талантливых преемников нынешним бесталанным правителям России.

Едва ли стоит упомянуть о партии, которая недавно казалась весьма сильною, до сих пор кричит громче всех и имеет значительные связи в нынешних правительственных сферах. Мы говорим о кружке «Московский Ведомостей», оттенок которого лишь потому можно считать отличным от партии крупных землевладельцев, что кружок Каткова — более правительственно-консервативный, деятели же только что упомянутой партии немножко реакционнее и в известной степени составляют оппозицию существующему порядку; первый несколько более рассчитывает на исполнительную бюрократию, вторые немножко более мечтают о фантастической аристократии. Но кружок «Московский Ведомостей» теперь потерял свое значение, особенно после смерти Леонтьева и очевидного ослабления умственных сил Каткова. Однообразные доносы этих господ опротивели публике; лица, к ним примкнувшие, даже наиболее талантливые, как Любимов, скомпрометировали себя слишком бесцеремонными приемами полемики и общественной борьбы. Большинство этой жалкой клики теперь

потеряло в глазах почти всей России не только право на название талантливых писателей, но даже на название искренних и честных с *своей* точки зрения деятелей. К тому же именно их связь с *нынешним* порядком, именно бюрократический оттенок, входящий в их программу, отнимает у них всякую будущность при падении этого порядка, который, как сказано выше, во всяком случае недолговечен. В новой конституционной России, которая может всплыть довольно скоро над грязным морем современной Александровщины, очень могут выступить крупными деятелями люди реакционные и ограниченные из рядов нашей псевдо-аристократии, люди, которые сделают себя и свою партию посмешищем современников; но литераторы-сыщики катковской школы имеют мало шансов быть чем-нибудь при этих новых условиях. Они — продукты Александровщины 60-х годов и останутся на волнах ее грязного моря.

Затем идут либералы разных оттенков, начиная с самых консервативных, с самых умеренных, с самых скромных, и постепенно переходя в более радикальные группы. Мы столько раз имели случай говорить о них и разбирать их эмпирические рецепты, что нам нечего более возвращаться к этим вопросам... Эти кружки и по таланту и по уважению, которым пользуются, заслуженно или незаслуженно, многие из личностей, в них входящих, будут непременно фигурировать весьма ярко в новой конституционной России, если она будет иметь время возникнуть. Они в таком случае образуют разные правые и левые центры, разные прогрессивно-либеральные и умеренно-либеральные партии; они будут дебатировать и законодательствовать; их имена будут греметь по Европе; но они будут тогда страдать той же самой неизлечимой болезнью, которая и теперь поражает их партию, поражает все либеральные партии Европы: у них нет и не может быть определенной программы, за которую они могли бы искренно и воодушевленно бороться. Если они добросовестно захотят во что бы то ни стало блага общества, спасения его, ценою самых больших жертв, от язвы конкуренции и безобразной борьбы за обогащение, от язвы разорения и обеднения народа, то они неизбежно должны перейти в *наши* ряды и принять с теми или другими ограничениями нашу программу. Если же они захотят удержать начала монопольной собственности и свободы в борьбе за личное обогащение, то они столь же неизбежно должны, чтобы бороться с растущим приливом социальной революции, перейти в ряды консерваторов во что бы то ни стало, а может быть — и реакционеров, должны заботиться об *ограничении свободы* прессы, *об ограничении свободы* собраний, об усилении принудительного и полицейского элемента в обществе, — словом, должны отказаться от либеральных принципов, должны отнять сами у себя возможность всякой *либеральной* программы. Они могут быть блестящими *статистами* нового порядка и нести эффектно по политической сцене знамена с вели-

чественными либеральными девизами, но никакая живая политическая роль в будущем для них невозможна.

Таким образом, все партии, которые могут вступить в борьбу за власть при падении нынешнего порядка, или бессильны по ничтожеству персонала, или заражены своим прошедшим, или лишены всяких шансов на политическое влияние, как самостоятельная партия. Минувший год характеризовал это бессилие. Весьма умеренно-либеральные органы прессы подвергались преследованию, и либералы, хотя пользовались бесспорным сочувствием публики, не решались ни на какой решительный шаг для того, чтобы противодействовать беззастенчивой реакции, потому что всякий резко-оппозиционный шаг с их стороны был бы помощью их врагам, социальным революционерам. В виду противодействия социалистам, либеральные органы должны были защищать реакционные меры. С другой стороны, вследствие совершенной неспособности консервативно-реакционного персонала, его пресса, при полной возможности говорить громко, не могла дать даже тени чего-либо похожего на практическую программу. Ее ограниченность превзошла все, что думали худшего о ней ее противники, и поиски Салиаса де-Турнемира [163] за сотрудниками представляют один из самых характеристически-водевильных эпизодов нашего современного общества.

Между тем смерть косит таланты, не успевшие высказаться даже в половину, даже в четверть, задавленные тяжелой средою, извращенные растлевающими общественными условиями. Минувший год унес человека, который, в другой среде, мог бы развить свои силы до весьма обширного общественного влияния, — автора «Двуглавого орла», редактора «Искры», Василия Степановича Курочкина [164]. Он не был в наших рядах, но он был одним из подготовителей русской мысли к восприятию социальной истины; он был один из честных борцов недавнего прошлого; и теперь, когда наше доброе слово не может уже повредить ему, мы заносим его имя с почетом на наши страницы, как имя одной из крупных сил отжившего периода, но сил задушевных и измельченных. Занесем на наши страницы с почетом и имя не столь крупного погибшего борца, но который тоже честно сделал свое скромное дело и тоже никогда не служил враждебным силам, это — имя Петра Бибикова [165]. Есть еще имя, которое нельзя не упомянуть в некрологе крупных русских сил, но его приходится упомянуть с укоризною, не столько ему, сколько развращающим общественным влияниям, сделавшим из Алексея Толстого [166] певца «Пантелея-целителя» и пособника самым реакционным и сыщическим наклонностям катковского кружка. Он, служитель «чистой красоты», протащил свою фантазию чрез самую вонючую грязь современного русского общества и умер егермейстером русского императора, в то время как это императорство становилось царством сыщиков. Алексей Толстой принадлежал к *одной* несчастной

группе наших поэтов, заклеймивших свое имя произведениями, которых не забудет и не может забыть потомство, заклеймивших свое имя и участием в самой позорной доле нынешних русских порядков. Алексей Толстой — егермейстер и автор «Пантелея-целителя» в то время, когда каторга и тюрьма были полны страдальцами за русский народ, и Лонгинов царствовал в прессе. Майков — цензор и автор «Коляски» в самый разгар николаевщины. Полонский — цензор и автор «Ночи в Летнем саду» на другой день после Муравьевского погрома в Петербурге. Тютчев — цензор... Довольно, отвернемся от этой позорной страницы русского служения «чистому искусству». Бедное русское слово, как тебя загрязнили фарисеи, тебе служащие!

А что в других странах Европы?

Мы не имеем возможности долго останавливаться на политических явлениях минувшего года, но, совершенно беспристрастно говоря, мы ни в одной стране цивилизованного мира не видим следов возрождения или оживления какой-либо политической партии, не видим и зародышей нового, обещающих силу жить и способность развиваться.

Новая Германская империя не укрепляется, а, напротив, выказывает уже трещины в своих недавно воздвигнутых стенах, скрепленных «железом и кровью». Награбленные миллиарды истрачены, а бедность растет, и между тем грозящие политические столкновения принуждают все усиливать военный бюджет, все умножать налоги и без того истощенного народа. В рейхстаге Бисмарк уже встречает оппозицию; скандал дела Арнима почти столько же, как скандал полемики с Ламарморою потряс нравственное значение великого канцлера; и если клерикалы, утомленные борьбою, повидимому готовы будут скоро итти на уступки, то в среде ползающих либералов в Германии уже проявляются честолюбивые стремления относительно будущего, и все грознее организуется социально-демократическая партия.

Во Франции, повидимому, «республиканская» партия торжествует. Испуганные интригами бонапартистов, все остальные партии решились допустить республику, и Гамбетта ловко воспользовался этим поворотом ветра. Новый сенат будет полон «республиканцами». Но какою ценою куплена эта победа? Гамбетта поддерживает под руку Тьера, восходящего на кафедру. Гамбетта вступает в коалицию с приверженцами лилий. Он покупает даже 12 голосов бонапартистов ценою одного пожизненного сенаторского места. Хорошие надежды имеет эта «республика»! — Мало того: только что обнародован отчет генерала Апперта, председателя военных комиссий, судивших коммунаров. В этом документе, который, по выражению «Weekly Dispatch» [167], «навсегда останется позором французской нации», даны «без всякого выражения сожаления или раскаяния» возмутительные цифры: 38 000 человек арестованных по личному доносу; 50 559 приго-

воров, из которых 16 245 осуждений. В числе арестованных 850 женщин; 654 человека не старше 16 лет, 38 — от 7 до 13 лет; 888 человек умерших без суда... И вслед за этим в «республиканский» список кандидатов внесен одним из первых кандидатов член знаменитой комиссии помилования, которую Ординер [168] справедливо назвал комиссией убийства. И вслед за этим, когда в Германии и в Лондоне рабочие протестуют против пыток и мучений в Новой Каледонии, версальская палата возмущается против Наке [169], который вздумал «не во время» говорить об амнистии и повторять с кафедры известные целому миру факты этих пыток.... Эта гнилая во всех своих членах республика марает наши страницы, когда мы упоминаем о ней.

В Англии министерство Тори выказало уже несколько раз свою полную несостоятельность. Мы говорили о деле Плимсоля, вызвавшем повсеместное волнение. Едва ли не подобное же волнение готов был вызвать циркуляр капитанам кораблей о выдаче рабов, бежавших на эти корабли. Несколько других, более мелких случаев дали бы вигам полную возможность сбить своих противников с позиции, если бы сами виги не страдали полным недостатком в государственных людях. Ловкая покупка акций египетского хедива снова подняла временно значение Дизраэли, но можно сказать положительно, что никогда в истории Англии обе господствующие политические партии не стояли так низко в общественном мнении, как стоят они теперь. Между тем не только нет в виду новых политических партий, которые бы заменили вигов и тори, но даже английские радикалы, склонявшиеся к республике, теперь значительно слабее и ничтожнее, чем были тому три года.

Совершенное распадение политического элемента в так называемой «республиканской» и «демократической» партиях Северо-Американских штатов слишком известно, чтобы мы имели повод на этом останавливаться. В настоящем году вопрос партий был сведен просто на отношение уплаты государственного долга золотом к уплате бумажками.

Мы не будем перебирать другие страны, и ограничимся общим результатом: в то время, как истинные цари и законодатели нашего времени, денежные цари, все расширяют размеры спекуляции, увлекая весь мир в свою игру, представители старых политических и общественных сил оказываются все бессильнее, все ничтожнее.

Против этой силы капитала, разъедающей общество, и против разрушающихся политических сил общества стоит рабочий класс, которому приходится погибнуть путем медленного голодания и вырождения или низвергнуть обоих своих противников. Нам остается взглянуть, что сделал он в минувший год для выполнения этой задачи.

Та могучая связь, которая была придана рабочему движению

Интернационалом, к сожалению, ослабела; надо надеяться, что это ослабление временное. Но ни федералисты, ни централисты не в состоянии были созвать конгресс в 1875 году, а о том, что носит название Генерального совета централистов, едва ли стоит даже упомянуть. — Но мысль о международном союзе рабочих противу их врагов растет и развивается. Ростки ее с одной стороны достигают Мексики, с другой — Греции, с третьей — получают благоприятную почву в Дании и не сегодня, так завтра перейдут в Швецию. Главный же, самый прочный и серьезный центр движения составляет Германия. Нам нечего повторять читателям результаты, которые они имели пред собою в «Летописи рабочего движения»; соединение двух партий немецких социалистов было самым крупным из фактов этого рода и обещает иметь самые важные и благодетельные следствия. В то же время значение рабочего вопроса во всей его широте все более входит в сознание противников, все более делается истиною серьезной науки, но мы не имеем возможности на этом остановиться.

В России и молодежь пропагандистов и сближающиеся для общего дела народные группы прямо становятся на почву социальной революции. Разногласия, еще остающиеся, касаются иных пунктов, но и они, повидимому, сглаживаются. Жестокие преследования минувшего года не сломали решимости русских революционеров, но усилили в них сознание необходимости союза и общей крепкой организации. Мы надеемся, что будущий год не пройдет без ее упрочения и расширения.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

«ВПЕРЕД!»
Непериодическое обозрение

ТОМ IV. ВЫПУСК 1-й

Лондон. Издание журнала «Вперед!»
Наборня журнала «Вперед!»
1876 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысль об этом труде занимала автора с самых первых дней издания «Вперед». Но тогда, в 1873 и 1874 г., споры государственников и антигосударственников были так страстны, самим формам централизма и федерализма споривши придавали такое громадное значение, что более серьезное и спокойное обсуждение вопроса имело мало шансов быть выслушанным со вниманием. Это время прошло. Записки, представленные на Брюссельский конгресс, и прием этих записок разными оттенками социалистов доказали автору, что страсти улеглись. В то самое время, как готовилось к печати издание «Общественной службы в будущем обществе», было приступлено и к этому труду[170].

Он не есть чисто теоретическое рассуждение, так как вопрос об элементе власти в организации убежденных социалистов есть не только вопрос будущего, вопрос отдаленного идеала рабочего социализма; это также вопрос насущной борьбы, начатой теперь в явных союзах рабочих, в тайной социально-революционной организации, борьбы, которая будет иметь место в иных формах и на другой день после победы пролетариата. Но вопрос этот, с другой стороны, настолько существенен для самих начал рабочего социализма, что, решая его в виду настоящего положения дел, приходится постоянно руководиться теми более отдаленными общественными задачами, которые заключаются в самой сущности этих начал. Этот вопрос, как все вопросы научного социализма, представляет поэтому самое тесное сплетение теории и практики, научных принципов и жизненных требований. Это сплетение идеальных и реальных элементов неизбежно усложняет вопрос и увеличивает трудность его решения. Автор попытался разобрать это решение, насколько считал это возможным. Он предоставляет читателям судить, насколько ему удалось исполнить свою задачу. Конечно, сложность вопроса требовала бы большего развития, но автор опасается, как бы читатель не обвинил его в том, что и теперь его труд вышел слишком обширным. Главное старание автора было направлено на устранение запутанности, происходящей в этом вопросе от того, что представления о государствен-

ности, относящиеся к разным периодам будущего, смешиваются как между собою, так и с представлением государства, как мы его видим в настоящем и в прошедшем. При этом смешении представлений самое решение становится невозможным.

Автор этого труда считает себя обязанным представить также несколько строк объяснения читателям по поводу обстоятельства, что труд, о печатании которого было объявлено более года тому назад [171], появляется лишь теперь. Объяснение очень просто. Во-первых, время автора было в значительной мере поглощено участием в газете, и литературное подготовление труда, размеры которого далеко превзошли то, что имелось в виду первоначально, могло подвигаться лишь медленно. Во-вторых, и это существеннее, рабочие средства наборни, довольно ограниченные, беспрестанно отвлекались от продолжения печатания этого труда изданием разного наименования книжек для пропаганды в народе, книжек, которых всего наборня «Вперед» выпустила в этот год не один десяток тысяч экземпляров. Все это не могло не задержать появления этого труда. Насколько виноват в этом автор и насколько читатель имеет право претендовать на него в этом случае, пусть решает сам читатель.

19 июня 1876 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

I. Несколько вступительных слов

Один из самых сильных и опасных врагов социализма в настоящее время есть современное государство. Против него направлена значительная доля борьбы организующегося рабочего социализма. Но в какой мере приходится будущему обществу отречься от современного государственного предания и в какой мере сама социальная революция при своем осуществлении и в своем подготовлении может и должна избегать чего-либо общего с нынешними приемами внутренней и внешней политики — в этом различные представители социальной идеи в наше время далеко не согласны между собою. Недавно еще можно было подумать, что именно этот пункт составляет принципиальный повод к раздору между партиями социалистов и что на этой почве произойдет раскол в среде рабочих. Лассальянцы боролись с современным государством лишь с целью захватить его, как оно есть, в свои руки, воспользоваться его наличными средствами для своих целей, его организациею для подавления врагов пролетариата, и даже за почву своей деятельности принимали ту случайную историческую почву, которую создали завоеватели и дипломаты, случайные удачи хищничества и еще более случайные брачные

союзы государей прежнего времени в так называемых исторических национальностях. Шире поставлена была программа партии, которая еще в 1847 году в манифесте коммунистов высказала знаменитый девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», той партии, которая выработала первую программу Интернационала и господствовала на первых его конгрессах; той партии, главный орган которой назвал себя «Народным Государством» *. Международная ассоциация рабочих должна была быть, с этой точки зрения, государством, но государством особенного рода, именно *государством без территории,* с центральною властью Генерального совета, с разветвлениями, ему подчиненными, в федеральных советах, в местных советах, в центральных органах союзов однородных ремесл, распространенных на разные страны, наконец, в элементарных социальных клеточках нового строя, в секциях. Этой грандиозной идее всемирного политического союза пролетариата с крепкою организациею явилась оппозиция с разных сторон.

Во-первых, частью извне Интернационала, частью внутри его деятельно пропагандировалась идея всенародного законодательства для всенародных целей в пределах *существующих* политических национальностей, на почве *существующей* государственности; это вело к образованию различных рабочих партий в нынешних государствах, партий, из которых одни — в государствах с более демократическою конституциею (как в Америке, в Швейцарии, во Франции) прямо стремились захватить законодательство *нынешних* государств в свои руки, отодвигая на второй план «рабочее государство без территории»; другие — в государствах, где не существовало всеобщее право голосования, употребляли все свои силы на политическую агитацию для получения этого права, опять-таки отодвигая на второй план агитацию в пользу международного союза пролетариата для повсеместной борьбы против его врагов соединенными силами.

Во-вторых, в среде самой Международной ассоциации рабочих образовался небольшой союз, имевший в виду более централистическую, *более государственную* власть, чем представлял ее Генеральный совет, заимствуя у прежнего времени все средства тайных заговоров, все приемы тайных государственных канцелярий для борьбы против врагов. Это был небольшой, и по силам всегда остававшийся ничтожным, союз *альянсистов,* примкнувших к программе так называемого «Демократического революционного союза» («Alliance democratique revolutionaire») [173].

В-третьих, из среды той же Ассоциации вышла программа,

---

* Филипп Беккер [172], впервые придумавший это название, имел просто в виду уклониться от не совсем удобного в то время названия «Республики», и слово Volkss taat должно было лишь служить заменою этому названию.

которая, как бы продолжая традицию прудоновского *анархизма,* выставляла на первый план полное противоречие между самым принципом «государственности» и принципом общества социалистов; противополагала государству рабочих, централизованному в Генеральном совете, начало автономии федераций в общем союзе пролетариата, начало автономии секций в федерациях, даже начало автономии личностей в секциях [174]; принимала за свой девиз в сфере общественных форм — свободную федерацию при отсутствии всякой принудительной власти, в сфере нравственно-общественных принципов — *коллективизм,* т.-е. добровольное и сознательное употребление всех личных сил на коллективные цели, в противоположность *коммунизму,* подчиняющему личность коллективности, хотя бы и против воли личности, и в противоположность *мютюелизму* [175], где личности всегда имеют в виду обмениваться равноценными услугами *.

Эти различные несогласия ослабили в некоторой степени развитие Международной ассоциации рабочих, вызвали полемику, очень часто переходившую в область личных нападений и личной борьбы; полемику, которая придавала противоположению централизма и федерализма в Интернационале совершенно несоответствующее этим терминам значение, полемику, которая совершенно затемнила вопрос о политической роли рабочих в настоящее время; полемику, которая, наконец, едва ли не выставила указанное разделение между партиями, как нечто более существенное, чем единство борьбы пролетариата против капитализма, против эксплоатации, против государственных притеснений.

Из-за различного взгляда на государственную помощь пролетариату и на национальную почву рабочего социализма, в продолжение многих лет две обширные рабочие партии в Германии парализовали друг друга [176]. Из-за того же многие рабочие союзы Англии лишь на самое короткое время примкнули к Интернационалу и до сих пор тратят почти даром свои обширные средства [177].

Из-за более или менее тайной организации «Альянса» на началах более централистических, его основатели были исключены,

---

* Во всем этом рассуждении мы вовсе не имели в виду личностей и их деятельности, слишком часто непоследовательной или обусловленной тысячью жизненных обстоятельств, соперничеств и т. п. Мы имели в виду лишь выставленные принципы и программы. Поэтому мы рассматриваем программу «Альянса» и программу «Анархизма», как две прямо противоположные программы, два полюса социалистических взглядов на роль государственного элемента в подготовлении и развитии социальной революции. Почему одни и те же лица могли принять и пропагандировать эти программы, это, в настоящем рассуждении, нас не касается. Это вообще дело не общего принципа, а дело *личной последовательности* в мысли и *личной совести этих лиц.* Мы имеем дело лишь с логическими последствиями или логическими противоречиями принципов.

как заговорщики, из Международной ассоциации рабочих [178], тогда как обе партии довольно снисходительно смотрели на некоторых своих членов, участвовавших в органах буржуазной прессы, вступавших в связи с буржуазными политическими партиями и т. п. [179].

Из-за централизма и федерализма произошел полный раскол в Интернационале, и была минута, когда самое существование Интернационала могло казаться сомнительным.

Из-за противоположения мютюелизма коммунизму и коллективизму последователи Прудона стали в ряды версальцев и аплодировали бесчеловечному избиению парижских коммунаров [180].

Можно было подумать, что, действительно, в этой полемике и в этой борьбе программ рабочий социализм переживает кризис, который не даст ему организоваться. Можно было подумать, что противоположение централизма и федерализма настолько существенно, что рабочие-социалисты, поддерживающие ту или другую теорию, не могут иметь друг с другом ничего общего. Можно было подумать, что государственники и антигосударственники настолько противоположны друг другу в своих целях, что между ними невозможен даже союз против общего врага.

Если бы оно было так, то буржуазия и современное государство могли бы торжествовать. Трудно пролетариату бороться против них, если бы он и не представлял резких разногласий, а при борьбе партий в среде самого пролетариата враги его обеспечены.

Но, к счастью, эти печальные явления оказались вовсе не столь существенными, как это можно было думать. Инстинкт рабочих масс, указывавший им необходимость их соединений против общего врага, побудил на практике оставить в стороне девизы, так громко провозглашенные их предводителями, и увлечь за собою самих предводителей. Лассальянцы, самые крайние централисты, националисты и государственники в среде рабочих социалистов, не раз высказывали свое сочувствие международному союзу рабочих; несмотря на крайний централизм своей организации, они сначала послали привет федералистам Интернационала, а потом и сами пришли на их конгресс [181]. Вслед за тем они же протянули руку интернационалистам «Рабочего государства» и теперь слились с ними [182]. — Два конгресса ожесточенных врагов собрались один вслед за другим в одном и том же городе [183], и речи, на них произнесенные, результаты, к которым они пришли, были настолько сходны между собою, что для внимательного наблюдателя принципы, их разделяющие, не могли не потерять значения. На другом конгрессе [184] явления были еще поразительнее. Прежде всего представители самых противоположных программ высказали с общего согласия, что между ними воз-

можен modus vivendi, дозволяющий единство действия против общих врагов всем группам пролетариата. Затем представлены были две записки об устройстве будущего общества [185], и при этом оказалось, что антигосударственники, отрицая слово «государство», совсем не прочь удержать многие его аттрибуты; что «анархизм» и теория автономии федераций, секций, личностей допускает немалую долю власти в практической своей программе; что план будущего общества, выставленный федералистом-государственником, нашел довольно много сочувствия в рядах прессы «Рабочего государства» и не вызвал вовсе существенных возражений ни со стороны государственников-националистов, ни со стороны антигосударственников интернационалистов. С другой стороны, и централисты не раз высказались в смысле, что они в значительной степени признают автономию отдельных групп рабочей организации.

Вследствие недавней ожесточенной полемики и вследствие еще более близких фактов соглашения рабочих-социалистов, несмотря на разногласие их программ, понятие об отношении современной социальной борьбы к основам государственного строя, по-видимому, стало несколько смутным. Недавние боевые крики потеряли определенность, которую им приписывали. В то же время страсти настолько улеглись, что можно теперь рассчитывать на более спокойное выслушивание рассуждений о значении государственного элемента в будущем обществе и в подготовлении социальной революции. Мы до сих пор неохотно обращались к вопросам о федерализме и централизме, так как это были клички, казавшиеся вполне ясными тем, которые писали то или другое слово на своем знамени, клички, возбуждавшие более волнение аффекта, чем рассуждение. Теперь дело несколько изменилось. Термины, раздражавшие еще недавно партии, теперь могут быть оценены не выше их настоящего логического и социологического достоинства. Мы с охотою и пользуемся первым случаем обсудить этот вопрос, который весьма не лишен значения как *элемент* будущего общественного построения или современной борьбы пролетариата с его врагами, хотя вовсе не имеет настолько важности, чтобы люди, различно решающие этот вопрос в настоящую минуту, имели основание считать друг друга врагами и не находили возможности вместе действовать против общего врага.

Наша цель — разобрать, насколько государственный элемент может существовать с развитием рабочего социализма в его окончательной цели и в подготовлении этой цели; насколько этот элемент может быть неизбежен в будущем обществе или в периоде подготовления и совершения социальной революции; а также насколько привычки личностей, выработавшихся в старом обществе, могут обусловить его напрасное и вредное внесение в организацию революционной партии, в окончательную револю-

ционную борьбу, наконец, в самый строй общества, которое придется воздвигнуть рабочему социализму на развалинах общественных форм, долженствующих быть разрушенными.

Таким образом, нам придется решать вопросы:

1. В чем именно заключается сущность государственного элемента?

2. Почему в нынешнем общественном строе он безусловно противоречит задачам рабочего социализма?

2. Есть ли возможность и вероятность, что этот элемент исчезнет совершенно в том общественном строе, который рисуется пред последовательными приверженцами рабочего социализма, как логический вывод их нынешних стремлений?

4. Насколько будет неизбежно внести государственный элемент в тот общественный строй, который придется устроить пролетариату на другой день после победы, когда среди победителей будет присутствовать немалое число побежденных врагов; когда в рядах самих победителей будет находиться еще большее число лиц, выросших в привычках старого общества, проникнутых этими привычками, и когда, поэтому, все унаследованные и приобретенные склонности этих лиц будут бессознательно противоречить укреплению нового мира, будут вызывать для него опасности и могут внести в него с самого начала элементы непрочности или даже гибели; когда, наконец, пролетариат, победивший на берегах Эльбы, Волги или Мичигана, будет иметь рядом с собой потрясенные социальной пропагандой, но еще не низвергнутые государства буржуазии на берегах Сены, Темзы, Тибра или Дуная?

5. Насколько приходится пользоваться государственным элементом социальным революционерам во время подготовления социальной революции, при организации партии, при ее деятельности, при местных взрывах, наконец, при организации последней борьбы с капитализмом и с государством, и в какой мере этот элемент, внесенный в их организацию и в их деятельность, есть элемент, развращающий их самих, разрушающий самую сущность их партии, уничтожающий вероятность ее укрепления и ее победы в будущем?

Конечно, не все эти вопросы мы имеем в виду рассмотреть одинаково подробно, исчерпать же ни один из них мы не можем по самым размерам нашей статьи. Мы преимущественно остановимся на трех последних, т.-е. на роли государственного элемента в будущем социалистическом обществе в разные моменты его существования и на роли этого элемента при подготовлении социальной революции. В остальном мы ограничимся лишь тем, что считаем *крайне* необходимым для последующего. Заметим при этом, что вопрос о противоречии государственного элемента в нынешнем строе задачам рабочего социализма, для полного своего рассмотрения требовал бы особого и довольно обширного иссле-

дования, которое здесь вовсе не имеется в виду, так как этот вопрос входит сюда лишь попутно; но это исследование мы считаем и менее необходимым в настоящую минуту, потому что в рядах социалистов-революционеров существует мало разногласий по этому предмету: почти все согласны, что с *нынешним* государством рабочий социализм не уживается и ужиться не может, что *нынешнее* государство должно быть разрушено. Разногласие обозначается резче лишь тогда, когда дело начинает итти о том пути, которым приходится совершить требуемое разрушение, и о тех размерах, в которых нынешнее государство подлежит разрушению, т. е. разногласие существует не относительно непримиримости *нынешнего* государства с задачами рабочего социализма, а опять-таки относительно участия государственного элемента в будущем обществе и в его подготовлении, что относится к последним вопросам, здесь поставленным, на которых, как только что сказано, мы имеем в виду остановиться долее.

Конечно, в предмете столь сложном, вызывающем столько разногласий и затрагивающем столько положений, принятых на веру, столько унаследованных привычек мысли, столько ассоциаций с деятельностью симпатичных или антипатичных нам личностей, трудно, чтобы два человека были вполне согласны и солидарны. Пишущий эти строки знает это, высказывает в этом случае мысли и соображения, которые *вполне* убедительны для него, но которые вовсе не обусловливают во всех подробностях солидарности всех главных участников этого издания. С тою или другою частностью тот или другой сотрудник, может быть, несогласен; более важные и существенные разногласия, может быть, вызовут возражения на страницах этого самого издания; но пишущий надеется, что это частное разногласие и возможная полемика по частным вопросам ни для одного из читателей не затемнит полную солидарность как его, так и его возможных оппонентов с основами программы *народной социальной революции,* которую поставил себе «Вперед» и от которой мы никогда не отступим.

II. Значение государственного элемента в обществе

Мы не имеем ни желания, ни необходимости вдаваться в подробный разбор различных способов понимания государства и различных определений его. Но в настоящее время, при чрезвычайной спутанности вообще социологических понятий, подразумеваемых различными лицами под одним и тем же термином, в настоящее время, когда самые ходячие представления о государстве и требования от него, повидимому, крайне различны у разных авторов по этому предмету, — в настоящее время читателю, встречающему слова «государственность» и «государство», поневоле

приходится спросить себя, о *какой* «государственности» идет речь? *Что* понимает автор под названием «государства»?

Совершенно невозможно говорить одно и то же о государстве, если будем принимать это слово в смысле того или другого из немногих авторов, которых мы возьмем для образца из обширной литературы политических и государственных наук, публицистической полемики и социалистической литературы.

Для Лассаля, например, «государство есть единство личностей в одном нравственном целом»; цель его: «положительно развивать и совершенствовать человека, другими словами — осуществлять назначение человека», и Лассаль обращается к пролетариату со словами: «ваша великая ассоциация, беднейшие классы — вот что такое государство».

Он сам противополагает *этому* государству понятие о государстве, существующее, по его словам, в буржуазии, и по которому цель государства «единственно охранять личную свободу и собственность личности». Действительно, это определение, если и не всегда вполне ясно высказанное, лежит в основании весьма значительного числа *либеральных* учений о государстве.

Совсем иное освещение придает этому слову хоть бы Роберт фон Моль, говоря: «Государство есть прочно существующий объединенный организм таких учреждений, которые, руководимые коллективной волей, поддерживаемые и приводимые в действие коллективной силой, выполняют задачу осуществлять дозволенные цели определенного и пространственно-ограниченного народа, именно как цели личные, так и общественные».

Опять-таки, похоже ли сколько-нибудь на что-либо предыдущее то государство, о котором говорит брюссельская записка, поданная на конгрессе федералистов Интернационала в 1874 г.? В ней сказано: «Государство, как мы его понимаем и как мы хотим его видеть, не есть в точном смысле власть, правительственная система... Мы можем совершенно ясно представить себе государство неавторитарное». И в других местах государство будущего объясняется, как «свободная группировка на экономических началах», в которой существенным признаком является тем не менее «администрация областная или национальная, управление разными видами общественной службы сообразно вотированным законам».

Наконец, читатель не находит не только сходства с предыдущими понятиями, но едва может и вообще уловить, что может понимать под словом «государство» отчет Женевской секции, представленный на тот же конгресс, отчет, *отрицающий* государство, говорящий об «обществе, где отсутствует всякая направляющая и правительственная деятельность», однако вводящий в это общество не только «общинную», но и «федеральную» полицию, постоянный штаб для войска, обязательную «общую программу» обучения и т. п.?

Не может же быть, чтобы те из приверженцев рабочего социализма, которые отрицают государство, отрицали «единство личностей в одном нравственном целом» или «ассоциацию беднейших классов» или «развитие и совершенствование человека». Нельзя же говорить одно и то же о государстве, которое «не есть власть и правительственная система»; и о государстве, которым руководит «коллективная воля», которое поддерживается и приводится в действие «коллективною силою», о государстве, которое контролирует «дозволенные цели». Едва ли, наконец, можно даже представить себе ясно, каким образом «правительственная деятельность» будет отсутствовать в обществе, в котором кто-либо будет облечен функциями, признанными необходимыми женевским отчетом, и насколько нельзя назвать это общество государством, отличающимся от нынешних государств лишь частностями формы.

Мы не имеем в виду здесь спорить о правильности или неправильности приведенных определений и формул, так как нельзя помешать какому-либо автору придать формуле, не вполне уясненной и установившейся, того определения, которое для него, автора, кажется удобнее и лучше. Мы хотим лишь указать читателю, что современная путаница в определении смысла слова «государство» принуждает нас, совсем против нашего желания, остановиться на определении смысла, который в этой статье будет придан словам «государство», «государственный элемент», «государственность» и т. п. Мы не думаем навязывать этот смысл другим, которые желают связать с теми же словами иное понятие, но мы просим читателя принимать в последующем изложении эти слова именно в том смысле, который мы им придаем. Нам кажется, впрочем, что этот смысл близок к понятию, всего чаще и обычнее связываемому со словами, составляющими предмет нашего рассуждения.

Мы принимаем за исходную точку для последнего разницу между понятием об *обществе,* как понятием родовым, и о *государстве,* как об одной из форм общества. Все, что говорит Лассаль о «единстве личностей в одном нравственном целом», об «осуществлении значения человека», мы относим к *обществу* вообще. *Оно,* именно, есть *единство личностей,* во имя ли интересов, во имя ли привычек, во имя ли фантастических верований, во имя ли, наконец, сознанной общности целей развития, нравственных целей. *Оно* ищет осуществить это единство в форме родового союза, экономического союза, сектаторского союза, культурного союза, государственного союза. Формы проходят, изменяются, отстаивают друг у друга первенство, господство, монополии; но цель общежития всегда одна: создать прочное единство личностей для согласной деятельности, для общей цели. На опыте эти союзы оказывались постоянно неудовлетворяющими своей цели: они оказывались союзами *непрочными,* вследствие сла-

бости связующего общественного начала; они не давали *согласной* деятельности вследствие борьбы несогласимых общественных элементов; цели их оказывались *не общими,* а частными целями немногих личностей, эксплоатировавших в свою пользу остальных. Во всех этих случаях единство не осуществлялось. Общество искало иной формы путем реформ или революций, или оно распадалось, и элементы его составляли новые общества, преследующие все ту же основную цель общежития. Для добросовестного мыслителя ясно, что лишь *нравственное* единство личностей может дать союз *прочный,* потому что лишь в нравственном единстве есть ручательство *согласия* деятельности личностей и *общности* их целей. Как только нравственное единство возникло в обществе, то одно существование подобного общества будет «положительно развивать и совершенствовать человека», и в нем будет «осуществляться назначение человека», т. е. его достоинство как человека, его *человечность.*

Это все — для общества вообще. Но какую роль в этом общем развитии играет социальная общественная форма *государственности?* — Чем она отличается от других форм? — Для уяснения этого укажем различие, которое можно принять для *свободного* союза людей, для *политического* союза вообще и для *государственного* союза, вырабатываемого обыкновенно из политического союза.

Союз личностей для общей цели может быть *свободен,* так что каждый член может изменять цель, с которою он приступил к союзу, или отступаться от этой цели; может выйти из общества, которого он был членом, не опасаясь нисколько принуждения, кроме личной неприязни или некоторых жизненных неудобств. Но в большей части случаев союзы этим не ограничиваются. За отсутствием *нравственной* связи, которая одна может доставить прочность свободному союзу, его прочность думают обусловить *принудительностью.* Общество ставится под покровительство *власти,* имеющей возможность *заставить* всякого члена союза итти к цели, которую власть указывает как *обязательную* цель для всех членов союза.

Как только *власть* существует в обществе, оно получило *политический* характер; оно поставило рядом с целями, первоначально существовавшими для членов общества, еще цель заботиться о *внешней* прочности союза, даже если бы *внутренняя* причина этой прочности ослабела или совсем исчезла. Мало того, при разрастании общества, при возможности образования в его среде еще других мелких обществ, с частными целями, *политический союз* с установленною властью вызывает еще другую форму союза, тесно связанную с политическим элементом общества и без него не имеющую возможности существовать. Мелкие союзы в среде политического общества думают закрепить свою прочность, ставя свой союзный договор под покровительство цент-

ральной власти союза. Она издает *законы* не только для связи всех членов политического союза в одно целое, но и для тех частных союзов, которые образуются отдельными группами этих членов. Таким образом, эти последние становятся обществами *юридическими,* которые отличаются от политических тем, что власть, их связующая, находится не в них, а *вне* их.

Чтобы не оставаться в отвлеченных сферах, представим себе тайное общество политических заговорщиков. Они сошлись для определенной цели; эта сознанная ими цель составляет *нравственную* связь между ними и есть ручательство единства их действий. Они разделили между собою работу агитационной пропаганды, собирания сведений, передачи известий, подготовления средств для дальнейших практических действий, работу центральных распоряжений и наблюдения за исполнением того, что все решили сообща. Но каждый из них может действовать свободно для достижения общих целей; каждый может предложить другим видоизменить эти цели, расширить их или сузить; если его убеждение подействует на часть заговорщиков, то общество может распасться или несогласные пойдут по новому пути, не потому, чтобы их принуждали к этому, а потому, что им *не хочется* отделиться от товарищей, или потому, что они считают *полезным* поддержать союз заговорщиков в его общей деятельности, хотя эта деятельность и не совсем согласна с их планами. До сих пор общество заговорщиков есть общество *свободное*.

Но вот иные из членов его находят, что при подобных условиях общество существовать не может; слишком много споров и разногласий, слишком много потери времени и сил; слишком часто люди выходят из союза по мелким неудовольствиям, по непостоянству характера; деятельности союза недостает единства; выходящие члены могут стать изменниками и подвергнуть опасности все существование общества. Словом, протестующие находят и — положим — убеждают других, что общество заговорщиков, как общество *свободное,* не может существовать. Из среды его выбирается *власть,* которая более или менее контролируется, более или менее отвечает за свои действия, но распоряжениям которой обязуются повиноваться члены общества; власть, которая в данную минуту может располагать силами членов, не объясняя каждому, почему она требует того или другого действия. Общество составляет *устав,* который члены обязуются исполнять. За неисполнение его, за неповиновение власти полагается наказание: исключение из общества или смерть. Общество стало *политическим.*

В это время между членами общества существуют или образуются еще и другие личные отношения. Некоторые из членов живут вместе, т. е. составляют небольшое общежитие. Другие вступают в экономические отношения между собою. Общежительный союз приводит к ссорам, которые могут вредить общей

цели заговора. Экономические отношения приводят к несогласиям в расчетах. В виду прочности общего союза заговорщиков, центральный комитет их, по уставу, решает споры в среде общежительного союза, утверждает или отрицает расчеты по экономическому договору между членами. Устав союза может даже заключать пункты, определяющие условия общежития для членов и устанавливающие способ экономических отношений между ними. Тогда общежительные и экономические союзы между участниками заговора получают характер *юридических* союзов, скрепленных *центральною властью.*

Но мы взяли крайне редкий случай политического общества, в котором сохранилось полное участие всех его членов в его деятельности и где члены после своего вступления в союз сохранили полную свободу выходить из него, когда им вздумается. В жизни большей части обществ, создавших в среде своей *власть,* подобное положение бывает весьма кратковременно; даже, всего чаще, оно вовсе отсутствует, и власть, с первого же момента своего существования, получает иной характер.

Она, во-первых, становится не только принудительным орудием, направляющим всякого члена к цели, в которой все согласны; она становится средством видоизменять эту цель. Она становится властью, не только *исполнительной,* но *законодательной.*

Во-вторых, принудительная сила власти перестает быть орудием принудительного стремления к цели, общей для *всех,* признанной *всеми.* В обществе образовалось два слоя, из которых один не обсуждает цели, не признает ее сознательно, но принужден к ней итти, потому что *власть* ведет его к этой цели. Общество не есть уже союз, где все работают для *общей* им цели, но союз, где цели *одной доли* общества налагаются, как обязательные, на *другую долю.*

В-третьих, выход из общественного союза большею частью затруднен; власть охраняет не только цели, для которых составилось общество, но с особенною ревностью охраняет самую целость раз составившегося общества. Раз примкнувши к союзу, человек становится *обязательным* его членом навсегда, даже если он попал в союз независимо от своей воли, потому лишь, что, например, родился в определенном месте (как в территориальных державах), или потому, что по роду своих занятий принадлежит к лицам, образовавшим союз (как для прежних цехов); все-таки он становится изменником союзу, преступником, если вздумает оставить общество. Общественный союз этого типа закрепощает личность независимо от ее воли.

Когда законодательство переходит из рук всего политического общества в руки одной доли его; когда одна группа лиц может сделать свою волю обязательной для другой; когда личность закрепощается обществу независимо от своего согласия, то мы имеем перед собою *государство,* и насколько в данном об-

ществе существует обязательное подчинение одной его доли другой, настолько в него входит *государственный элемент*.

Все существующие и существовавшие державы, начиная с Ашанти или с Персии и кончая Северо-Американскими Соединенными Штатами, начиная древнейшим известным нам строем Египта фараонов и кончая еще вырабатываемой с такими натугами конституцией французского септената, все они в рассматриваемом нами отношении совершенно тожественны: всюду одна доля лиц налагала обязательно свои решения на другую долю; всюду личность, родившаяся на данной территории, считалась преступною, если отказывалась повиноваться законам страны, считалась изменником, если восставала против этой страны.

При существовании этого государственного господства над всеми личностями данной территории, все общественные союзы между личностями проникались государственным элементом. Все договоры стали под охранение государственной силы, сделались обязательными под страхом наказания; нарушение их обратилось в преступление. Кроме того, государственный элемент проник в значительной степени в самые элементарные общественные союзы. Например, в семье не только взрослое поколение облечено властью над возрастающим поколением, но почти всюду муж облечен властью над женою, родители сохраняют власть над детьми и после совершеннолетия и т. п.

Все политические союзы, образовавшиеся для борьбы с государственною властью, насколько нам известно, были организованы на чисто государственном начале, часто даже с более безусловным проявлением власти, чем в государстве, против которого боролся союз. Огромное большинство членов, однажды согласившись вступить в союз, вследствие его общей цели обязывались безусловным повиновением всем приказаниям центрального комитета, — лица которого были часто даже вовсе неизвестны их подданным. За произвольное оставление союза, за оппозицию против центральной власти, за составление оппозиционных кружков с целью низвергнуть эту власть или изменить ее права, подданные союза весьма часто прямо наказывались смертью (напр., у итальянских карбонари). Цель заговорщиков всегда была одна и та же: захватить *власть* и *принудить* большинство населения подчиниться той политической программе, которую имели в виду осуществить заговорщики.

Государственный элемент проникал во все планы рабочей социалистической организации, до сих пор предложенные.

В «Коммунистическом манифесте», провозгласившем впервые союз пролетариев всех стран, ставится прямою целью «рабочей революции»: «обращение пролетариев в господствующий класс» («Der Kommun. Man.», изд. 1872 г., стр. 19, 20).

Организация лассальянцев (см. «Вперед», т. I, отд. III, стр. 47 и след.) отдавала все дела в руки правления, давала громадную

власть президенту союза, и еще в 1873 г. журнал их говорил работникам: «завладейте... государством» (там же, стр. 50).

Генеральный совет Интернационала был государственною силою, когда он был облечен властью «допускать или недопускать аффилиацию новых ветвей и групп», «приостанавливать действие ветвей Интернационала» и мог сам «увеличивать число своих членов» (General rules etc., изд. 1871 г., стр. 7 и 4). Интернационал смотрел на себя, как на государство, когда исключал из своей среды целые федерации не за измену программе борьбы рабочих против капитала, а «за неповиновение».

Тот самый Де-Пап, который в речи, напечатанной в «Progrès» (1870, № 7), призывал «Царство Анархии» как «отсутствие всякой власти», придал «государству — органу общих интересов» («Общ. сл. в буд. общ.», стр. 30) весьма значительную роль в построении будущего общества в записке Брюссельской секции на конгрессе 1874 г. и прямо высказал свое отношение к этому понятию в словах (там же, стр. 23): «Рабочие... государство должно принадлежать нам!» При этом должно заметить, что он внес в проектированный им общественный строй не только исполнительную администрацию экономических групп, о которой сказано выше, но самую первую группу общественной службы составил (стр. 5) из службы по «законодательству, юстиции и полиции». Куда бы ни были перенесены эти функции, они соответствуют *принудительной власти*, следовательно — *государственному элементу*.

Не могла удержаться от внесения элемента обязывающей и принудительной власти в построение будущего общества и Женевская секция пропаганды в своем отчете (см. примечания к русскому переводу в «Общ. службе в будущ. обществе», стр. 76 и след.).

Самую энергическую власть в среде современного социализма имели в виду организовать альянсисты в статутах, в том виде, как они напечатаны. Здесь мы находим и «учредительную и высшую власть», и полное сознательное подчинение ей высшего сословия — «интернациональных братьев», которые, в числе ста, управляют всем движением, и бессознательное подчинение низшего сословия — «национальных братьев», которые даже не знают о международной организации своего общества; имеем и тайную власть прежних политических союзов.

Из предыдущего видно, что «окончательное искоренение принципа авторитета», организация путем «свободной ассоциации», поставленная во главе анархической программы самым блестящим ее представителем (см. речь, напечатанную в «Историч. разв. Инт.» 1873, стр. 329) [186] не была внесена ни в практические проекты организации будущего общества, ни в способы борьбы с настоящим обществом, предложенные организаторами рабо-

чего социализма, там, где обдумана была хотя с некоторою подробностью программа предстоящей борьбы.

Ограничимся предыдущим и еще раз напомним читателю, что для нас *государство* есть общественный союз, в котором существует *власть* той или другой формы, власть, помощью которой одна доля населения делает решения, ею принятые, *обязательными* для остальной части, без возможности для последней уклониться от их исполнения, не разрушая самого союза. Всюду, где существует подобная *власть* одних личностей над другими, мы признаем существование *государственного элемента,* и во всех этих случаях представляется для нас лишь второстепенный вопрос: *кто* обладает действительною властью, *насколько* необходим и насколько стеснителен в данном случае существующий в обществе государственный элемент?

III. Нынешнее государство и рабочий социализм

Пришлось бы написать чуть ли не целый том, если бы мы принялись развивать во всей подробности положение, что нынешнее государство не может сделаться орудием торжества рабочего социализма; что мечта о революции, которая сохранила бы главные черты нынешнего политического строя для того, чтобы направить их против врагов, — мечта совершенно нелогическая. Но мы и не думаем не только войти в подробное рассмотрение этого вопроса, столько раз подвергнутого обсуждению, но не думаем даже останавливаться на нем, так как не видим в настоящую минуту в рядах приверженцев рабочего социализма сколько-нибудь серьезных защитников теории обращения *нынешнего* государства в орудие последнего. С тех пор как лассальянцы соединились с эйзенахцами *, а авторы «Коммунисти-

* Мне могут возразить, что в самой программе соединения этих партий в одну «Социалистическую рабочую партию Германии» находится пункт, где эта партия требует «государственной помощи» для «учреждения производительных ассоциаций» (см. «Вперед», № 7, стр. 214). Но прения по этому вопросу в заседании 25 мая (см. «Вперед», № 12, стр. 373 и сл.) совершенно уяснили, в каком смысле понимали эти слова работники Германии. Гассельман, лассальянец, говорил, что «организацию их (производительных ассоциаций) должен взять в свои руки сам рабочий народ, а не современные реакционные или радикальные правительства». Либкнехт же сказал, что упомянутая в вышеприведенных словах «государственная помощь не есть помощь теперешнего буржуазного государства, искать которую было бы совершенно бесполезно. Эти слова относятся к государству, которое будет основано на развалинах буржуазного строя». Некоторые члены желали вовсе выбросить абзац, заключавший эти слова, так как рабочее движение ушло настолько вперед в последнее время, что содержание этого абзаца принято быть не может. Конечно, было бы лучше этим способом вовсе избежать возможных недоразумений, но, при ясной постановке вопроса конгрессом, нельзя уже понимать вышеприведенные слова программы, как признание *нынешнего* буржуазного государства в форме возможного элемента или пособия в *будущем,* социалистическом строе.

ческого манифеста» признали, что «рабочие не могут просто захватить в свои руки готовую государственную машину и привести ее в действие для своих собственных целей» («Kommun. Man.», изд. 1872, предисл.), едва ли предстоит еще нужда терять время на доказательство трюизма: рабочий социализм для осуществления общественного строя по своим потребностям должен разрушить современное государство и создать нечто иное.

Но раз приняв это положение за бесспорное, приходится обратить внимание на ту совокупность личных и общественных потребностей, которым удовлетворяло или должно было удовлетворять государство. В этой совокупности были и есть потребности совершенно правомерные, которые должны быть удовлетворены тем или другим путем; и общество, основанное на началах рабочего социализма, должно удовлетворить им *иными* способами, если хочет отнять у защитников нынешнего государства всякую логическую основу их аргументации. Затем в той же совокупности есть другие потребности, которые имели в свое время свою достаточную причину, но давно перестали быть существенными социологическими элементами, и если теперь еще существуют, то должны вымереть в правильном общественном строе. Еще другие потребности были вызваны в самом процессе истории искажением общественного строя в пользу небольшого числа эксплоататоров и должны быть признаны не только ложными личными или общественными потребностями, но прямо вредными общественными элементами, против которых приходится направлять все усилия, не уступая им ни малейшей доли почвы в новом обществе и в его подготовлении. Мы постараемся обрисовать в самых общих чертах этот генезис государственного элемента и обрастание существенных потребностей, вызвавших государственный элемент, потребностями временными и потребностями враждебными общественному благу; это дозволит нам впоследствии поставить ясно вопросы: какие потребности государственный элемент передает будущему обществу для удовлетворения иными способами? Какие потребности прежнего времени надо считать несущественными и временными, так что частное или преходящее их удовлетворение в переходный период может быть допущено, но окончательно они должны исчезнуть, и будущее общество рабочего социализма, при своем полном развитии, не будет вовсе нуждаться в органах для удовлетворения этих временных — и тогда вымерших — потребностей? Какие, наконец, потребности нынешнего общественного строя должно считать столь враждебными самой сущности рабочего социализма, что с ними приходится бороться во всех их проявлениях? — Мы постараемся ограничиться здесь лишь крайне необходимым.

Одна из основных человеческих потребностей, самым неразрывным образом связанная с самыми элементарными формами

общественного союза и постоянно присущая обществам во всех формах их развития, есть потребность *безопасности*. Она *должна* быть удовлетворена так или иначе для того, чтобы существовала возможность членам общества подумать об удовлетворении других, менее настойчивых потребностей. Для ее удовлетворения общества слишком часто жертвовали и материальными удобствами и возможностью прогрессивного развития. Она легла и в основание исторического развития государственности как в ее первоначальных формах, так и в последующих ее фазисах.

Потребность безопасности была, несомненно, первоначальным, полусознательным побуждением образования прочных общественных единиц. Собирались ли наши предки, люди-животные, как волки для набега, потребность безопасности побуждала их не разбегаться после окончания предприятия, а оставаться вместе и сживаться в кочевую дружину с общинными женами и детьми, или с невольниками и женами-рабынями. Разрасталась ли животная семья полулюдей в многочисленное племя сродников, потребность безопасности побуждала личностей дорожить действительным или фиктивным кровным союзом. В период зоологической борьбы людей, отдельная особь была почти неизбежно осуждена на гибель. Она могла сколько-нибудь отстоять себя от разнородных опасностей лишь в союзе с другими особями. Борьба за существование для каждой особи против *всех* своих соперников становилась легче, когда эта особь отказывалась от этой борьбы *внутри* группы, чтобы вся эта группа могла успешнее бороться с врагами, вне ее находящимися. *Солидарное общежитие* было могучим оружием в борьбе за существование, могучим охранением *безопасности* личности, вступившей в группу.

В обоих случаях дружинный и семейный союз первобытного времени не был вовсе похож на современное государство. Общественная жизнь определялась преимущественно двумя элементами: обычаем и случайным деспотизмом.

Обычай царствовал над всеми во имя своей древности: *сегодня* должно было поступать, как поступали вчера, не почему другому, как потому, что так *было* вчера; а при недостатке исторических воспоминаний то, что было *вчера*, по общему мнению, существовало с глубочайшей древности, существовало *всегда*. Нарушение обычая в человеческом обществе было тогда столь же невероятным делом, как нарушение его в обществе пчел и муравьев. Это нарушение казалось таким же нравственным преступлением, как те поступки, которые мы считаем наиболее возмутительными, противоестественными. Против обычая не протестовали, как не протестовали против смены времен года или дня и ночи. Обычай был единственным связующим элементом общества, когда мысль была слаба, а эгоистические инстинкты были сильны. Обычай, удовлетворявший наиболее потребности без-

опасности, доставлял преимущество обществу в борьбе за существование. Патриарх и раб, предводитель дружины хищников и общественная жена одинаково подчинялись беспрекословно обычаю *почти* во всех случаях жизни, и это сообщало общественной жизни ненарушимое единообразие. Это было начало общественного застоя в то же время, как начало общественной прочности.

Но эта ровная жизнь нарушалась порывами личного деспотизма, потому что человек, как млекопитающееся, в самой своей природе заключал эгоистический элемент, побуждавший его, насколько возможно, пользоваться общественным союзом для своих личных наслаждений. Как только половой *общественный* союз стал переходить в половой союз отдельных семей, немедленно в семье явилась возможность безграничного произвола главы семьи, и *рядом* с жизнью по установившемуся обычаю выделились отдельные случаи, где личный аффект действовал *вопреки* обычаю. При хищнических набегах, как при защите против них, приходилось *временно* руководиться не обычаем, а приноравливаться к разнообразным обстоятельствам, и в этих случаях борьба между обществами была тем удачнее, чем руководство было энергичнее и более централизовано. При слабости умственной деятельности обществ, привыкших руководиться обычаем, лишь крайне немногие особи — их, по справедливости, можно для этого периода назвать гениальными — могли успешно руководить общественною деятельностью *вне* обычного хода дела. Их облекли *всякою* властью без договора, по самой силе вещей. Они могли удовлетворять всем своим эгоистическим наклонностям, насколько лишь они сами не опасались нарушить священный обычай. Самая неограниченная диктатура была в их руках. И общество беспрекословно подчинялось этой диктатуре во имя своей безопасности.

Но этот крайний произвол личности в данном случае не имел ничего общего с последующей государственной жизнью, потому что он был *временным* приемом при *временных* обстоятельствах, или ограничивался внутреннею жизнью семьи, как клеточки общественного организма. Все течение общественной жизни в ее целом определялось все-таки *обычаем,* царившим над всеми и который *нельзя* было нарушить.

Этот антропологический строй доисторического человечества, и до сих пор господствующий в значительной доле человеческих племен, был нарушен у исторических народов работою мысли религиозной и политической.

Среди первоначальных форм *религиозной* мысли, входивших в самые обычаи и составлявших часть этих обычаев, кое-где в человечестве стали вырабатываться религиозные учения, ставившие перед людьми, новый идеал общественной жизни, как приказание свыше, и во имя воли богов, во имя религиозного верования началась борьба против обычая. Мы не имеем здесь воз-

можности останавливаться на общественной роли этого элемента. Ограничимся лишь указанием на то, что религия стала кое-где элементом нового обычая, столь же неподвижного как прежние; кое-где она облекла жреческое сословие или предводителей дружин и племен священным ореолом, дозволявшим им удовлетворять все эгоистические стремления; кое-где она поставила рядом массу, живущую обычною жизнью, с одною или несколькими группами сектаторов, проповедывавших общественную реформу, согласную с их религиозными идеалами. Но во всех этих случаях она ставила над владыками и подчиненными, над господами и рабами один религиозный закон, один религиозный идеал, который стоял вне всякой земной власти и которому *все* должны были, *вообще говоря,* подчиняться, как подчинялись пред тем обычаю.

Совсем иной ход имел рост *политической мысли.* Внутри обществ, руководимых обычаем или религиозным верованием, происходили *постоянно* столкновения личностей, и эти столкновения требовали разрешения. Конечно, они должны были быть разрешены по обычаю и по требованиям религии. Но жизнь слишком разнообразна, чтобы в ней все можно было предвидеть; к тому же личные аффекты постоянно толкают личность на нарушение установленного порядка вещей. Для безопасности личностей необходимо было истолковывать обычай в приложении к данному спорному вопросу; приходилось преследовать страстных нарушителей обычая, нарушителей божественного закона. *Суд и расправа* появились как первая форма *постоянного* выделения одной личности или группы личностей из общества с тем, чтобы приговор этих личностей становился *обязательным* для всех и налагался *принудительно* на ослушных. Всюду, где одна и та же личность или одна и та же группа личностей по тому или другому обстоятельству *сохранили* за собою функцию истолкования обычая или верования и применения его к частным случаям, образовалось прочное зерно *государственной власти.* Хотя эти личности творили *суд и расправу* во имя обычая, пред которым сами преклонялись, или во имя верования, которое сами считали священными, но одно то, что их толкование и практическое постановление становилось обязательным для общества, по особенности их положения в этом обществе, ставило их личный разум, их личную волю привычным элементом общественной жизни. Они решали непрерывный ряд дел, и постоянно их решение должно было быть исполнено. С умножением сомнительных случаев, с увеличением сложности жизни, приговоры и распоряжения все чаще получали характер решения вопроса, относящегося к жизни значительного числа лиц. Это был частный *прецедент,* по *аналогии* с которым должны были быть решены другие подобные дела; это было юридическое указание, которым приходилось руководствоваться членам общества во многих слу-

чаях жизни, если они не хотели довести дело до суда. Это был разрастающийся *светский закон*, наложенный *земною властью*, обязательно для общества, но мало-по-малу отличившийся от обычая, потому что менялись толкователи, менялись и толкования; отличавшийся от божественного закона, потому что можно было сослаться на толкование того или другого равви в противоположность неизменной торе, на эдикт того или другого претора в противоположность древнему праву. Юридическая функция, ограждающая личности от опасностей, беспрестанно возникающих для них внутри общества, была одним из важных источников развития *государственной власти* в обществах, и осталась нераздельным условием государственности до нашего времени.

Борьба групп за существование была другим источником развития в обществе элемента власти, господствующей не только над волею других членов группы, но и над священным для всех обычаем. При размножении человечества и при элементарных средствах добывания необходимого, которые находились в руках первобытных обществ, для пропитания небольшой группы нужна была довольно обширная территория, а потому группы людей все больше входили в столкновение, борьба за существование между ними становилась все напряженнее, наконец, из временной все чаще обращалась в постоянную. Безопасность особи в группе зависела уже в *большей* степени от безопасности всей группы от внешних врагов, чем от безопасности особи от других особей той же группы. Общественная техника должна была обратить особенное внимание на ограждение существования всей группы, при территории все более стесненной внешними врагами, при опасности от этих врагов все более постоянной и более настойчивой. Именно к этому периоду, к этой усиленной борьбе групп за существование должно отнести самые важные технические успехи человечества, успехи, которые были необходимою подготовительною почвою для исторического прогресса, но которые, в то же время, почти все вели и к развитию в среде общества государственной власти.

Одно из важных средств облегчения борьбы за существование для данного общества было увеличение экономических сил этого общества. Первым шагом к этому было ограничение территории, необходимой населению для добывания средств жизни. Это было сделано, когда люди одомашнили и приручили некоторых животных; еще более, когда началась обработка земли. Охотничье племя нуждается в территории в 560 раз обширнейшей, чем народ с интенсивною обработкой земли в наше время. Конечно, разница была далеко не так огромна в первобытных племенах, но все-таки она должна была быть настолько значительна, что общества, которые имели около себя средства для существования в стадах своего скота или в растительности пищевых растений своих нив, должны были иметь огромное превос-

ходство над племенами охотников. Это превосходство заключалось, во-первых, в большем скучении населения, что облегчало и оборону, и нападение, и взаимное развитие личностей; во-вторых, в большем удобстве выбрать местность, годную для защиты и для нападения, и оградить ее искусственно или, по крайней мере, усилить ее естественные средства обороны.

Но представим себе племя, живущее унаследованными привычками и, кроме того, привычками столь отличными от привычек земледельца или пастуха, как привычки охотника; постараемся воссоздать воображением тот процесс, который должен был произойти в этой группе людей для того, чтобы перейти от одних привычек к другим, им противоположным; припомним, что в настоящее время, в виду наглядных выгод новой промышленности, ряд охотничьих или полупастушеских племен скорее вымирает, чем соглашается принять новый строй жизни; тогда только мы можем несколько понять, какой громадный общественный авторитет требовался в данном племени для совершения в нем перехода от охоты к скотоводству и к земледелию, и насколько при этом должно было усилиться начало власти, руководившей племенем и ломавшей его самые основные привычки. Весьма вероятно, что это произошло при значительном содействии новых религиозных учений, под давлением новых форм культа, тем более что мы всюду находим целый ряд преданий, обычаев, приемов колдовства и народных празднеств (древнейших обрядов культа), связанных с скотоводством и земледелием. Но как бы оно ни было, эти существенные, важнейшие шаги в человеческой культуре были неизбежно связаны с развитием и укреплением общественной власти в той или другой форме, власти, уже вовсе не временной и не ограничивающейся какою-либо одною функцией (как выше для суда), но власти, постоянно тяготевшей над всеми явлениями общественной жизни, следившей за личностью во всех ее привычках и в то же время признанной необходимою вследствие громадной выгоды, которую доставлял новый порядок в борьбе за существование.

Совершенно естественно, что подобное же выделение власти и усиление ее было вызвано прямым развитием военной техники, введением нового, улучшенного оружия, выбором новых мест жительства и их укреплением, общею организациею защиты общества, особенно же организациею нападения. Последнее обстоятельство, при умножении человеческих групп и при развитии промыслов, должно было повести, и повело, к образованию обществ, которые нашли выгоднейшим развивать в своей среде не промышленную, а военную технику, и существовать захватом результатов чужого промышленного труда, *прямым хищничеством* среди окрестных пастушеских и земледельческих племен. В подобных хищнических группах почти неизбежно вырабатывалось сословие предводителей, которому подчинялась масса

хищников во имя большего мужества, большей ловкости, хитрости, распорядительности первых. Предание прославляло их подвиги, и их дети *унаследовали* общественное значение этой хищной аристократии, весьма часто не имея даже нужды унаследовать бесспорные способности предков.

Как только образовались общества, с одной стороны специально развивавшие в себе технику военных упражнений и по самому своему строю имеющие возможность существовать лишь при пособии результатов своего хищничества, с другой же стороны — общества, которые в значительной доле основывали свое существование на мирных промыслах, — неизбежно шансы в борьбе за существование должны были в большей части случаев склоняться в пользу первых. Войны чистых хищников с промышленниками большею частью кончались не в пользу последних, хотя были случаи, когда удобное положение территории, особенные способности предводителей промышленных обществ или другие какие-либо обстоятельства делали нападения чистых хищников неудачными и принуждали их прибегать к изобретению новых средств для уравнения своих сил с силами противников. Это повело к новым фазисам развития государственности и к новым формам власти.

В иных случаях прямо хищнические общества не ограничились грабежом более слабых соседей, но *поработили* их и стали единственно-свободными повелителями населения, лишенного всех прав, но которое обладало высшей промышленной культурой сравнительно со своими господами.

В других случаях промышленные общества, не будучи в состоянии противостоять своим хроническим разорителям, добровольно *подчинились* их власти на более или менее тяжелых для себя условиях, образовав безоружных данников воинственного центра или промышленную касту нового политического целого.

Еще в других случаях, при более выгодных случайностях на стороне промышленных обществ, они нашли нужным выделить из своей среды сословие, специально назначенное для обороны общества и поддержанное трудом остальных сословий, которые, по тому самому, все более теряли привычку к военному делу, находились все более в зависимости от своих защитников и, тем самым, должны были уступать им все большую и большую долю власти.

Наконец, в тех случаях, когда прямо хищническое общество оказывалось бессильным в борьбе с окружающими соседями и рисковало вымереть в период недостаточной добычи, оно стало заводить у себя искусственные промыслы, захватывая, при удачном нападении, не только скот и имущество, но и самих жителей страны, на которую нападало, образуя у себя население иноплеменных рабов и соединяя главный промысел *господ* — разбой — с более или менее развитою разнородною промышленностью своего невольничьего населения.

Впоследствии каждая из этих форм политического развития усложнилась, комбинируя разные степени политической зависимости, разные формы рабства, крепостного состояния, барщинной и податной обязанности, вызывая к жизни разные сословия полуполитического, полуэкономического характера, с разными правами и разными тягостями.

Но главная характеристика всех этих форм общественной жизни была одна и та же. Вследствие неизбежных условий борьбы за существование, во имя самой насущной потребности безопасности целого образовалось в обществе, во-первых, резкое различие между господствующим классом и подчиненным, в форме ли совершенно бесправного отношения господ к рабам или в форме политически и юридически более или менее определенного отношения одного слоя населения к другому. Во-вторых, это *политическое* распределение власти и общественных тяжестей было самым тесным образом связано со *специализацией* занятий, с разделением работы между личностями и между группами, причем обязанность охранять общество от внешних или внутренних врагов *противополагалась* обязанности промышленного труда на общую пользу, и *власть*, за немногими исключениями, была нераздельно связана со *специальным занятием военным делом*. Немногие исключения, представляемые в этом случае историею, имели место, впрочем, вовсе не в пользу рабочего населения, а в пользу касты религиозных учителей и толкователей. Всюду, где только что упомянутая специализация произошла, там труд промышленный, производственный стал трудом раба или подданного, лишенного почти всех политических прав. В самых выгодных случаях, в небольших государствах Греции и первобытного Рима, в связи с религиозными преданиями прежнего времени земледельческий труд давал хозяевам (преимущественно крупным) политические права, но и то потому лишь, что земледелец оставался воином. Да еще в приморских и приречных местностях (в Финикии и Карфагене, на берегах Скандинавии, в Новгородских колониях) торговля составляла почетное занятие господствующего сословия потому опять, что была нераздельно связана с разбоем. Впрочем, и тут специализация военного дела не замедлила вступить в свои исторические права, хотя несколько позже. Почти повсюду *власть* перешла в руки слоев, групп или каст, посвятивших себя военному делу, и тех, которые умели поставить на свою сторону воинов, оградить свою власть их силою. Мужчины специализировали большею частью в своих поколениях военное дело и поработили женщин, которые наследственно выработали более слабые мышцы и более тонкий скелет. Сословия воинов, дворянства, господ воспитали в себе наследственную смелость, повелительность, бессовестность в господстве рядом с ловкостью в употреблении оружия, и унаследованная трусливость раба, унаследованное уважение к героям-по-

бедителям настолько же упрочивало подчинение масс и их страдание, как и их отвычка владеть усовершенствованным оружием.

На помощь этому разделению занятий и концентрированию государственной силы в одной группе, в одном слое пришли и все другие элементы общественного развития. Закон оградил понятием о праве и фиктивной справедливости то разделение, которое выросло из потребности безопасности, и перенес в кодексах это понятие на период, когда потребности безопасности приходилось иметь в виду уже совершенно иных врагов. Обычай внес это разделение в рутину жизни, вызвал представление, что оно всегда так было, всегда так будет и так должно быть. Религия вплела его в свои мифы, то приписывая господствующему классу божественное или героическое происхождение, то связывая военное дело с богоугодною деятельностью, то освещая его своими обрядами, иногда несмотря на очевидное противоречие кровопролития с ее нравственным учением (как в христианстве). Искусство воспевало кровожадных Ахиллов, Роландов [187], Добрынь [188] и возвеличивало деспотов, осмеивая труженика и раба. Философия создавала общественные теории, где возводилось в принцип различие господствующих и подчиненных рас, естественных господ и естественных рабов, необходимость отсутствия физического, промышленного труда для политического развития. Даже наука пыталась установить принцип разделения работ, как естественное начало общественного прогресса, причем понятие о разделении работ применялось в том смысле, в котором наука эмпирически застала его: человек должен был посвятить себя *целиком* одному делу: политике, военной выправке, бирже, сапожному ремеслу, изготовлению булавочных головок.

Таким образом, *естественные и необходимые* потребности человека обросли толстою корою потребностей *временных,* но представлявшихся большинству столь же настоятельными. Во все времена для личности была и будет *естественной* и неотменной потребностью — потребность безопасности, вызвавшая к существованию государство; столь же *естественна* была потребность, при усложнении жизни, разнообразить технику удовлетворения общественных нужд, ограждения общества от возможных внутренних и внешних опасностей. Но на этих потребностях выросли временные потребности: создать *касту* охранителей общества от врагов; создать *власть,* заботящуюся о принудительном исполнении разными слоями и группами общества обязанностей, на них наложенных для общего дела; поставить дело борьбы против врагов выше промышленного труда для поддержки существования общества; наконец, создать в одном и том же обществе *различные* типы людей со специальным физическим, умственным и нравственным развитием, со специальным воспитанием, приноровленным к специальным занятиям так, чтобы достоинства и

добродетели одной личности были недостатками и пороками другой: этот должен был отдавать жизнь за каждое оскорбление своей «чести» даже неуважительным взглядом; тот должен был переносить ругань и оскорбления, как вещи сами собою разумеющиеся; один должен был физическими упражнениями и общежитием развивать в себе физическую силу, грубость, бесчувственность, настойчивость; для другого все достоинство заключалось в бессилии, в слабости, в кротости; знание ремесла и экономическая расчетливость были здесь необходимым условием и заслуживали уважение, там же составляли предмет порицания. Мы нисколько не думаем отрицать, что в некоторые периоды истории человечества при данных условиях борьбы групп людей за существование все эти потребности могли иметь *важное* значение, может быть, даже составляли *необходимое* условие для перехода от одного фазиса общественной жизни к другому (хотя последнее и подлежит сомнению, так как фактический путь истории не доказывает еще *невозможности* другого пути). но ни для одной из этих потребностей не существует и тени доказательства, чтобы она составляла *навсегда* естественную и неотменимую потребность человеческого общежития, без которой исторический прогресс был бы невозможен.

Но естественный ход общественного развития, при существовании подобного разделения работ и при концентрировке власти в одном сословии, должен был привести и привел еще к новому фазису государственной жизни.

По мере размножения человеческих обществ и усложнения их культуры у исторических народов, прямая борьба между обществами становилась все труднее, а успех прямого хищничества все более сомнителен. В то же время ослабевала разница культурных форм и безусловная враждебность ко всему, что было вне данного общественного союза — к зверю или человеку одинаково. Для успеха хищнического набега вступали во временный союз чуждые общества (повествования о мифических походах Аргонавтов [189] и разрушителей Трои указывают на подобные союзы, которые существовали и между италийскими племенами в первый период Рима и могут быть указаны или предполагаемы с достаточною вероятностью в различных местностях); между чуждыми народностями происходил обмен произведений и образовывалась экономическая зависимость. Внутри обществ факты безграничного произвола сильных встречали препятствие в других силах, соперничавших с первыми; обычай изменялся слишком быстро и становился слишком разнообразен для разных личностей, чтобы его ненарушимая святыня могла оставаться подавляющею силою для личности; религия теряла свое влияние в виду индифферентизма массы, погруженной в ежедневные заботы о существовании, а кое-где встречала уже и прямое противодействие критической мысли. Ослабевала внешняя борьба обществ

за существование, борьба прямого убийства, порабощения массами и грабежа; отодвигалась в минувшее и та форма потребности в безопасности, которая вызвала в прежний период образование государственного союза, предоставление власти защитникам общества от внешних врагов, преобладание военных занятий и военной касты. Зато внутри более безопасных друг от друга обществ выступила на первый план *экономическая* борьба личностей и групп и в этой борьбе *юридический* элемент государственного союза стал могущественным оружием. С самого начала существования обществ потребность в экономическом обеспечении была столь же настоятельна, как потребность в безопасности. Обе искали одновременно себе удовлетворения в общественном союзе и органы их удовлетворения были сначала одни и те же. Люди сплачивались в дружины или в племена как для экономического обеспечения, так и для борьбы с врагами. Возникающая власть руководила распределением продуктов труда или распределением добычи точно так же, как она руководила защитою и нападением. Религиозные учения освящали экономические отношения, как они освящали убийство врагов и самопожертвование личностей в битве за свое племя. По обычаю, по изречениям оракулов, по естественному господству власти, лица, облеченные властью или господствующим положением, получали большую долю добычи или продуктов труда, чем другие, большею частью брали, собственно, что хотели взять. В принципе все было общее и все могло и должно было быть отдано каждою личностью во имя обычая, во имя религиозного предписания, во имя повеления, власти, бывшей естественным и неограниченным представителем союза, в котором каждый находил и предполагал свою безопасность. Личность не имела никаких прав пред этими идолами обычая, религии, власти; она должна была умирать с голоду, лишь бы обычай был соблюден, обряд был совершен, власть охранена; она добровольно шла на заклание, если это было нужно; матери бросали своих детей в раскаленные руки Молоха [190], подданные короля Дагомеи шли извещать его умерших предков о всяком необыкновенном событии. И представители власти или религии брали себе продукты хищничества или труда голодающего населения, брали жизнь того или другого члена государства вовсе не из рассчитанного эксплоататорства, но потому, что так *следовало* по обычаю, по обряду, по значению власти в борьбе обществ за существование; и они сами готовы были подвергнуться лишениям, мучениям, уродованиям, даже добровольной смерти, если того требовал обычай, религиозный обряд или если это входило в их роль как властителей.

Но с ослаблением значения обычая и с ослаблением прямой борьбы за существование между обществами, дело постепенно изменялось. Личные интересы стали сначала тайно, а потом более или менее явно противополагаться общественным, особенно на

почве экономического обеспечения и личных аффектов. При первых шагах критики на почве практической жизни оказалось совершенно ясно, что обеспечение безопасности группы и безопасности личности — совершенно разные вещи; что личность может обеспечить себя и близких себе, когда большинство членов общества будет страдать или подвергаться опасности; что, наоборот, безопасность для общества от внешних врагов, поддержание власти, назначенной для охранения этой безопасности, строгое охранение обычая и обряда может сопровождаться для той или другой личности и для близких ей крайнею опасностью, страданием, даже неизбежною гибелью; что, наконец, обладание властью составляет одно из лучших средств для того, чтобы обеспечить себя и близких себе от всяких опасностей, даже для того, чтобы, в случае нужды, уклониться от давления обычая и направить толкование религиозного учения в свою пользу. Далее пошло понимание реальных отношений в обществе, когда разъяснилась мысль, что самое обладание властью не настолько охраняет личность, как ее экономическое обеспечение, которое ставит в экономическую зависимость от нее значительное число людей необеспеченных экономически, доставляет ей влияние и на толкователей религии и на самую власть; что, поэтому, существеннейшая цель, к которой должна стремиться личность, поставившая других в экономическую зависимость от себя, заключается в том, чтобы государственными силами оградить за собою ту экономическую силу, которую она приобрела, а вместе с тем и направить государственную силу на удержание массы населения, экономически необеспеченной, в экономической зависимости от немногих экономически сильных личностей; что, следовательно, ограждение частной *собственности* и охранение *договора* между богатым и бедным помощью *закона*, поддержанного всеми силами *государства*, есть самое лучшее назначение последнего на пользу богатых и сильных, конечно, не беря вовсе в соображение интересы экономически необеспеченных масс.

Таким образом, естественный ход развития общественных вопросов придал государству, долженствовавшему удовлетворять потребности общественной и личной безопасности его членов, совершенно иной характер.

Личности стали стремиться в его среде преимущественно к своему *отдельному* ограждению от опасностей, в весьма многих случаях насчет безопасности целого и в всяком случае, насчет безопасности большинства членов государства. Потребность безопасности и потребность экономического обеспечения (потребности вполне естественные, правомерные и неотменимые) стали вырабатываться в потребность обеспечения для личности *монополии* тех благ, которыми личность была в силах овладеть.

Личности перешли от стремления жертвовать собою общественной связи в форме государства, ограждающего безопас-

ность этой связи, к стремлению *эксплоатировать* государственную силу для своих личных целей. Временная потребность крепкого государственного единства, купленного дорогою ценою жертв со стороны личностей, в виду общей безопасности, обратилась в маску личных интересов, именно в оружие для ограждения экономической силы немногих монополистов против всяких попыток массы отнять у них монополию.

Личности вступили сначала в борьбу за власть в виду увеличения монополизированных ими благ, в виду увеличения личного богатства. Впоследствии они нашли удобнейшим бороться за влияние на власть и на все общественные отправления с тою же целью. Наконец, найдя, что это влияние приобретается само собою при увеличении богатства, они вступили в прямую борьбу между собою за обогащение. Всякое приобретенное имущество служило средством к удобнейшей борьбе за дальнейшее приобретение. Всякая обеспеченная монополия служила орудием для увеличения влияния монополиста на власть и на все общественные отправления. Временная потребность увеличения экономических сил общества для облегчения ему борьбы за существование с другими обществами обратилась в потребность *всеобщей конкуренции* личностей в виду монополизирования каждою личностью возможно большей доли общественных благ.

Экономические отношения между личностями стали, таким образом, господствующими в сфере государства, а затем и во всех сферах общественной жизни, причем для них принят был, как безусловный тип, тип монопольных хозяйств, конкурирующих между собою и эксплоатирующих как все природные богатства, так и труд человека, с единственною целью личного обогащения при бесконтрольном праве каждого лица накоплять по мере возможности в своих руках имущество и распределять его — как и на что угодно собственнику, без малейшего внимания к нуждам и пользе других личностей. Промышленная и биржевая техника в течение последних ста лет довели практику этого принципа до последней крайности, выработав обширный свободный пролетариат, вводя машинное производство в обширных размерах, удлиняя рабочий день, уменьшая заработную плату до последней возможности и создавая таким образом неслыханные до тех пор источники барышей для предпринимателей; затем концентрируя капиталы в громадных промышленных, торговых и финансовых компаниях и усиливая их производительность самим процессом их концентрации; наконец, облегчая, помощью выпуска разнородных бумаг, всем и каждому принятие участия во всемирной спекуляции, рассчитанной на неизбежное поглощение мелких капиталов крупными, которые почти всегда играют наверняка при всеобщей конкуренции. Наука об обществе вошла в энциклопедию XIX века, как политическая экономия, т.-е. как *наука о богатстве*, и ее адепты самым серьезным образом возмущались

даже слабыми попытками, которые еще делались государственными властями для ограничения всеобщей конкуренции, для ограждения от нее той или другой области общественной жизни, для контролирования бесцеремонных борцов за обогащение, провозглашавших на все тоны требование *свободы личности,* причем подразумевалось: свобода лишь тому, кто достаточно силен и достаточно богат, чтобы ею пользоваться. А затем: laissez faire, laissez passer![191].

При преобладании подобного влияния совершенно естественно государство переставало быть органом всеобщей безопасности. Из двух его функций, юридической и военной, последняя теряла все более значения потому, что, в сущности, никакая серьезная опасность не угрожала уже обществам. Ни один завоеватель не имел в виду истребить, обратить в рабство и ограбить население. Войны велись частью из-за честолюбия владык, но в особенности из-за экономических барышей для правительств от податей с более обширных территорий или для руководителей обширных промышленных и биржевых операций, в виду открытия новых рынков, разорения финансовых соперников и т. п. Для большинства населения было, в сущности, безразлично, чиновники какого государства сбирают с него подати и на каком языке пишутся декреты, обрекающие совершенно одинаково бедного на эксплоатировку богатым и совершенно одинаково охраняющие священную собственность богатого и его свободу эксплоатировать бедного от всех попыток борьбы последнего. Правда, традиция патриотизма национального и государственного еще пережила во многих местностях, назло прекращению всех оснований для нее, имевших место в доброе старое время всеобщей борьбы между племенами и народами. Эту традицию при случае разжигают политики всеми средствами. Но подобное переживание, лишенное реального содержания в настоящих потребностях человека, не может уже долго устоять, тем более, что национальный патриотизм проповедует совсем иное учение, чем государственный; политики же с похвальною непоследовательностью выставляют на вид то один, то другой, смотря по надобности; а руководящие силы — биржевики и крупные промышленники — совершенно либерально направляют свои космополитические капиталы всюду, где можно спекулировать и эксплоатировать, философски смотря на падение и созидание империй, на переход провинций от одного правительства к другому, на изменение конституций, на республики и монархии. Они знают, что все это — суета сует, сущность же дела — в их руках, в их карманах.

Из всего государственного строя новым экономическим силам был важен один элемент — юридический, и из-за выгоды, которую доставлял им этот элемент, они оставляли старые политические власти играть в войны и мирные договоры, в либеральные конституции и в реакционные перевороты. Мы сказали

выше, что юридическая функция была одним из самых элементарных источников государственности и одним из самых существенных ее признаков. Она вышла из той же самой потребности безопасности, как и военная функция, и была столь же существенно важна для безопасности личности. Найти хорошую форму суда было задачею, над которою трудились все исторические народы и которую они до сих пор решить не могли. Суд по обычаю, суд по религиозному учению, суд по личному убеждению, суд по писаному закону, суд патриархов, суд бар, суд администраторов, суд местных владельцев, суд назначенных юристов, суд избранных юристов, суд несменяемых юристов, суд присяжных — все было испробовано и все приводило к возмутительной, очевидной несправедливости. Рядом с попыткою улучшить судопроизводство, происходил и ряд попыток улучшить самые законы, прилагаемые судом. Мы уже говорили о том, как светская мудрость в этом случае оттеснила и священный обычай и религиозное постановление. Но кто должен был быть нормальным представителем этой юридической мудрости? Кто мог, *по аналогии* с обычаем и с религиозным учением, создавать *новые* руководящие прецеденты? Конечно, роль мудрецов-законодателей и толкователей древнего предания приходилась постоянно на долю тех лиц или групп, которым историческая жизнь давала наиболее влияния на события. То были в одном случае жрецы, в другом — сенат патрициев и выбираемый ими претор; то были позже короли с их советниками. Когда же экономические вопросы стали на первый план, когда сильнейшие в борьбе за обогащение сделались преобладающею историческою силою, то законы и судьи перешли в руки богатых землевладельцев и богатых промышленников. Лорды и коммонеры[192] Англии, ее судьи и коронеры[193] сделались юридическими органами господства богатства над массами. Буржуазия царствовала в палатах и судах Франции после великой революции. Крупная крестьянская буржуазия руководила судьбами демократической Норвегии. В великой американской республике места в конгрессе и в сенате, звание судьи — имеют свою рыночную таксу.

Когда история выставила, таким образом, законодателей и судей, явились новые вопросы: как эти представители права должны отнестись к столкновениям между властью, в ее растущем значении, и обществом, подчиненным этой власти? к столкновениям между традиционными формами власти, имевшей в виду общую безопасность, и новыми общественными влияниями, выраставшими из экономических отношений, все более преобладавших над чисто политическими? к столкновениям, наконец, между монополистами, явно стремившимися концентрировать все имущества в руках возможно меньшего числа победителей во всемирной конкуренции, и массою, которая все более обращалась лишь в орудие обогащения и увеличение наслаждений для монополистов,

все более теряла всякую возможность отстаивать самое существование свое во всемирной конкуренции и была обречена все более фатально на потерю всякого человеческого достоинства, на хроническое голодание и на систематическое вырождение? Когда новая цивилизация доработалась до последних своих фазисов, когда она, рядом со всеобщею конкуренциею на пути к обогащению, гордилась своим прогрессом, своею философиею, своей гуманностью, то эти вопросы представились в такой форме: как может новое право с его «философскими» идеями и «гуманною» практикою установить понятие о *справедливом* отношении государственной власти к подданным, понятие о *справедливом* отношении вопроса о государственной безопасности к вопросу об экономической борьбе за обогащение, понятие о *справедливом* отношении между борцами за существование и за обогащение на поле всемирной конкуренции?

Решение всех этих вопросов, конечно, определилось обстоятельствами всеобщего хода цивилизации. Экономические вопросы все более преобладали над политическими; экономические силы имели в виду не захват самой власти, но преобладающее влияние на нее; господствующий тип экономических отношений был — неограниченная конкуренция монополистов: под давлением этих исторических процессов формулировались идеи «философского» права и практиковалось «гуманное» общежитие.

Из экономического мира вынесена была идея *обмена равноценных услуг*, как основной тип всех человеческих отношений, и понятие о *договоре*, как исключительной форме этих отношений. Все человеческие действия представлялись товаром, вынесенным на общий рынок, подлежащим безразличной продаже по закону спроса и предложения, на основании изменяющегося тарифа при общепринятой монетной единице; при этом все продавцы и покупатели принимались одинаково знакомыми со всеми колебаниями рыночных цен; вся нравственность на этом рынке заключалась в добросовестном исполнении заключенных сделок, в исполнении *договора* по запродаже и выплате; безопасность общества означала лишь безопасность свободного заключения договоров и обеспечение неуклонного их исполнения. Государственный союз обращался в собрание конкурирующих торговцев, одушевленных *одною* мыслью: продать дороже, купить дешевле; имеющих *один* общий интерес: исполнение рыночных сделок; требующий от государства *одной* службы: порядка на всемирном рынке. Власть должна была обратиться в полицию, наблюдающую за порядком на этом рынке и совершенно индифферентную к тому, что продается и для чего, каковы условия сделок и что из этого выходит для продавцов и покупателей.

По этому общественному идеалу строилась философия общества, создавались художественные идеалы в произведениях искусства, вносились в жизнь нравственные идеалы «добродетель-

ными» гражданами, вносились в общественный строй политические идеи реформаторов и революционеров. *Все есть договор* и договор *священен;* он должен быть соблюден личностью ценою всех физических, умственных и нравственных благ; он должен быть охранен всеми силами общества, карами, казнями, анафемами, презрением «честных» людей. *Все есть чья-либо собственность* (лица, общества, государства), т. е. полнейшая монополия собственника, и собственность *священна;* и охранять свою собственность, умножать данные «таланты» есть право и обязанность личности; у кого нет собственности, тот может и должен продавать себя, свои силы, свое тело, свою жизнь, свое достоинство и может еще просить милостыню, но у него нет *права* на блага мира среди лавок всемирного рынка. Собственность каждого должна быть охранена всеми силами общественного союза, государственного союза; она должна быть охранена заповедью, начертанною на Синае рукою самого бога; она должна быть охранена возмущением всех «честных» людей против того, кто до нее коснется. Преклонитесь перед святынями договора и собственности; сделайте из них основание и высшую цель общественного союза; ограничьте государственную силу охранением договора и собственности. Таков идеал буржуазной справедливости. — Такова цель прогресса человечества с буржуазной точки зрения. Государство на этой точке зрения обращалось в охранителя *экономического порядка,* т. е. именно того экономического порядка, который вырастал из всемирной конкуренции монопольных собственников.

Этот общественный идеал имеет своего рода стройность и привлекательность. Но он имеет и свои небольшие недостатки. Он предлагает в самом своем основании *обмен равноценных услуг,* как сущность буржуазной справедливости, и до самого прудоновского мютюелизма стремился решить задачу: осуществить этот обмен услуг на почве монопольного права личной собственности. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это — задача *невозможная;* что начало свободы договора подрывает священную собственность; что государство — охранитель экономического порядка всеобщей конкуренции—противоречит своей задаче, как охранителя общественной безопасности; что начало свободного договора отрицает самое существование государства; что ни личная безопасность, ни экономическое обеспечение, ни справедливость не осуществимы в буржуазном общественном строе; что, следовательно, этот строй противоречив сам по себе во всех своих теоретических задачах и во всей своей жизненной практике.

Мы не будем долго останавливаться здесь на экономических противоречиях этого идеала буржуазного общества, так как они не прямо входят в программу этой статьи и без того обширную. Мы напомним читателю лишь некоторые основные данные в этой области.

Обмен равноценных услуг предполагает возможность строгой оценки всех услуг и тщательной соразмерности оплаты услуг с их ценностью. В то же время «стремление к приобретению, к сохранению и к увеличению частной собственности ведет *неизбежно* к психической наклонности *переоценивать* свои услуги и *недооценивать* услуги получаемые; затем — к стремлению пользоваться выгодами своего личного положения: силою, влиянием, привлекательностью, умом, знанием и т. п. для того, чтобы получать за свои услуги *высшую* возможную оплату, отдавая за чужие плату возможно низшую» («Общ. служба в буд. общ.», примеч. к стр. 69—70) [194]. Если эти психические неизбежные следствия становятся уже сильными препятствиями для правильной оценки услуг и их оплаты, а следовательно для «обмена равноценных услуг», при *всяком* общественном строе, опирающемся на частную собственность, то тем более это должно иметь место в буржуазном строе, по мере преобладания над всеми общественными отношениями отношений экономических, и при господстве в сфере последних принципа безусловной конкуренции. Таким образом, буржуазный строй в своем развитии делает тем более *невозможным* осуществление своего идеала, чем более этот строй сам развивается.

Далее, начала буржуазного хозяйства имеют свои социологические фатальные следствия. Так как все — *товар* и существует лишь для того, чтобы быть вынесенным на рынок и проданным, то всякое имущество, всякая собственность зависят от состояния рынка, растут или убывают и совсем исчезают с изменением их меновой ценности. Но конкуренция, по мере развития буржуазного хозяйства, побуждает усиливать интенсивность промышленного производства, побуждает составлять крупные коллективные акционерные капиталы, которые пускаются в обороты без всякой возможности для их мелких дольщиков контролировать эти обороты; напротив, при всемирной борьбе за обогащение, как промышленное производство, так и денежные обороты стремятся фатально сделаться все более рискованными. А это вызывает фатально промышленные и биржевые кризисы, посредством которых совершается в громадных размерах разрушение собственности, т. е. потеря меновой ценности собственности в форме товара, произведенного в избытке, обращение в ничто биржевой ценности собственности в форме акций, при их падении. «Конкуренция — стимул и сущность буржуазного общества — является фатально врагом его священнейшей святыни, кумира — частной собственности. Фатально дает она избыток производства; фатально вызывает мелких и крупных капиталистов на борьбу за обогащение на почве слепой индустрии, выносящей на рынок товары, для которых не существует покупателей; на почве разбойничьей спекуляции, где несколько крупных капиталистов, распоряжаясь имуществом мелких собственников, бросают его в

биржевую игру, которая *неизбежно* ведет к разрушению собственности большинства мелких капиталистов для обогащения немногих бессовестных спекуляторов. Монополия больших капиталов требует союза мелких; союз их *фатально* вызывает биржевую игру. Биржевая игра *логически* влечет за собою биржевые кризисы. За ними почти неизбежно следуют кризисы промышленные. *Священная* собственность крупных капиталистов переходит из кармана менее ловкого мошенника в карман более ловкого. *Священная* собственность мелкого капиталиста обращается в нуль во имя самой сущности буржуазного хозяйства» («Кто разрушает основы общества?» в «Вперед», II, 166) [195]. Совершенно понятно, что при подобных оргиях спекуляции цены на все предметы первой потребности претерпевают страшные колебания и что кризисы биржевые и промышленные отзываются страданием, разорением, иногда гибелью не только на участниках спекуляций, но и на той части общества, которая стояла в стороне от них. Развитие общественного строя, принимающего за высшую святыню — частную собственность, ведет *неизбежно* к разрушению этой собственности и к выработке системы всеобщего хищничества, при которой ни один член не может считать своей собственности безопасной от гибели, вызванной фатальными условиями этого строя. «Вследствие самой сущности буржуазного строя, чем больше будет развиваться капиталистическое производство, тем быстрее и сильнее будет итти разрушение принципа частной собственности... Чем быстрее будет развиваться капиталистическое производство, тем чаще и тем разрушительнее будут становиться кризисы, пока, наконец, один такой кризис не унесет с собою и весь современный строй... Все историческое значение буржуазии в экономическом отношении в том и заключается, что она расшатывает, разрушает частную собственность и подготовляет почву для перехода ее в коллективную» (Там же, стр. 221—223).

Нужно ли после этого доказывать, что государство, которое — согласно предыдущему идеалу — стало бы исключительно «охранителем экономического порядка», вырастающего из «всемирной конкуренции монопольных собственников», тем самым отреклось бы от удовлетворения той самой потребности, которая его вызвала к существованию, от удовлетворения потребности личной и общественной безопасности?

Действительно, общественный строй, осуществляющий подобную всемирную конкуренцию, естественно стремится концентрировать капиталы все в меньшем числе рук, и рядом с крупными капиталистами, которых имущество растет, предполагает два класса, одинаково обреченные на более или менее постоянные страдания и на окончательную гибель в процессе конкуренции. Первый из них есть класс мелких и средних собственников, собственность которых и составляет главный материал спекуляции, приводящей к только что описанным кризисам. Естественный

ход буржуазного хозяйства должен раздавить их, перевести их имущество в карманы крупных капиталистов, а их самих бросить в ряды пролетариата, но, пока этот процесс совершается с фатальною неизбежностью, они живут в вихре случайных выигрышей и все учащающихся потерь, жадно рвут друг у друга изо рта кусок хищнических барышей, изнывают в стремлении стать в ряды крупных царей капитала, все более затягиваются в безумную игру спекуляций, все тяжелее страдают от потерь и потрясений, пока, наконец, какой-нибудь более крупный кризис не выбросит их из рядов способных бороться и не кинет их, неспособных к производительному труду, в самые низшие ряды пролетариев, в ряды мелких плутов; а не то их ждет сумасшедший дом или кладбище для самоубийц. Если одно, два поколения их переживут эти потрясения, то все равно это — неизбежная судьба третьего, четвертого. Второй класс, противостоящий крупной буржуазии промышленных и биржевых воротил, это — пролетариат, который не приносит на рынок никакой собственности, кроме своих физических и умственных сил; пролетариат, которого «железный закон» конкуренции обрекает на постоянное понижение заработной платы до минимума и на постоянное истощение непосильным трудом из-за куска хлеба; в случае же болезни, несчастного случая, старости — на неисходную нищету, голод и голодную смерть; пролетариат, который должен *неизбежно* становиться все беднее, все несчастнее; должен вымирать от болезней, которых *не может* устранить никакое медицинское пособие; должен вымирать от хронического голодания; должен вырождаться физически, умственно и нравственно при полной невозможности не только бороться мирным, легальным путем с капиталом, эксплоатирующим его силы но и отстоять хоть сколько-нибудь себя или свое потомство во всемирной конкуренции из-за куска хлеба.

Таким образом, *что* охраняет государство, берущее на себя роль охранителя *этого* экономического порядка? Для *самого малого меньшинства граждан* оно охраняет возможность увеличивать их капитал и наслаждения, им доставляемые. Для *большинства собственников* оно охраняет процесс фатального ограбления их и неизбежной их гибели из-за выгод все того же небольшого меньшинства. Наконец, для *всей остальной огромной массы народа* оно охраняет процесс постоянной эксплоатации, неизбежного обеднения, вырождения и вымирания. Должно сознаться, что это — весьма далеко от задачи охранения общественной безопасности. Между тем современное государство явно стремится к этому идеалу и даже в значительной степени осуществляет его.

Но мало того. Не только государство буржуазного идеала становится охранителем процесса эксплоатации, обнищания и гибели огромного большинства. Всякое государство, вовлеченное в процесс развития буржуазного общественного строя, неизбеж-

но становится *само* общественным эксплоатором. При господстве экономических интересов и государство неизбежно выходит на рынок продавцом и покупателем. Оно конкурирует с землевладельцами и производителями сельских продуктов, как владелец государственных земель. Оно конкурирует с промышленником, как владелец фабрик и заводов, как предприниматель. Оно бросает на биржи свои бумаги для увеличения борьбы за обогащение, для расширения поля спекуляции. Оно рядом с крупными спекуляторами, ищет возможности воспользоваться своими капиталами, капиталами народа, чтобы перетянуть мелкие капиталы в государственную казну. Оно, как и его товарищи, истощает пролетария-работника, морит его голодом, содействует постоянному обнищанию и вырождению своего народа, его медленному вымиранию. Из роли *охранителя безопасности общества* оно перешло к роли *народного вампира*.

Государство, втянутое в процесс конкуренции за обогащение, государство, пользующееся централизацией общественных сил в руках власти для охранения права высших крупных капиталистов (в том числе и самой власти) грабить все остальное и морить массу пролетариата, есть именно «заговор» одной доли общества против другой (см. *В. А. Энгельсон* «Что такое государство?» в «Полярной звезде», I, 1855), заговор сильных, имеющих в виду воспользоваться своею силою для эксплоатации всего общества в свою пользу. Но этим заговором государство не было по своему существу при первоначальном своем происхождении и при первых шагах своего развития. В первые периоды, когда личная безопасность должна была быть охранена прежде всего, оно дало личностям, насколько могло, эту безопасность ценою подчинения личности власти. *Естественная* и неотменимая потребность безопасности вызвала тогда *временную* потребность во власти и в разделении занятий. Но затем самое пользование властью сделало из этой власти *монополию* экономически сильных групп и *орудие* для увеличения и охранения их экономической монополии, их экономического господства, охранителя всемирной конкуренции и участника в ней. С тем вместе государство — орган всеобщей безопасности — выродилось в *заговор* немногих эксплоататоров против массы эксплоатируемых. Оно стало *разрушителем* общественной безопасности, врагом ее. Буржуазный строй, поставивший себе *противоречивый* идеал, ставший в своем развитии в *противоречие* с тем самым принципом собственности, который признан его основою, внес неразрешимое *противоречие* и в государственное начало, и отнял тем самым у членов общества всякое ручательство в личной и общественной безопасности, т. е. оставил одну из *основных* и *естественных* социологических потребностей *без удовлетворения*.

Но идеал буржуазного строя, как он поставлен выше, внес еще другое противоречие в принцип государственности. Он от-

нял у государства не только функцию ограждения личной и общественной безопасности: он отнял у него и самую функцию власти, т. е. стремился развивать государство в направлении к его *упразднению.*

Вовлеченное в водоворот всемирной конкуренции, государство тем самым перестало быть самостоятельным руководителем общественных сил. Космополитические капиталы всех крупных промышленных предприятий и всех бирж, в перепутанной сети своих спекуляций, господствовали над действиями государства, как капиталиста, как предпринимателя, как спекулятора. В законодательстве, в военных предприятиях и мирных договорах государственная власть принуждена была прислушиваться к мнению биржевых воротил, не то государственные бумаги претерпевали падение, и государство, как собственник, теряло часть своего имущества; ослабевал его кредит, его способность выхватывать крупные куски на оргии всемирной спекуляции. Таким образом, неизбежно фактическое руководство политическою жизнью народов (законодательством и международными сношениями), следовательно, — политическая *власть,* переходила от официальных правительств данных территорий к неофициальным группам лиц, не связанных ни с какою национальностью, ни с какою территориею, ни с какою формою конституции. Территориальные правительства, национальные антипатии, местные интересы обращались во второстепенные или фиктивные исторические силы и были подавляемы интересами всемирной конкуренции. При развитии всемирного господства конкурирующих экономических сил, все шло к тому, чтобы довести до минимума раздельность государственных территорий, различие национальных особенностей и местных интересов, самостоятельность кабинетов и законодательных собраний, обратив весь мир в одну территорию, где биржи сделались бы действительными законодателями человечества и владыки над массами полуголодных пролетариев-машин, вырабатывающих капиталы их экономических царей, да над убывающим слоем мелких собственников, пожирание имущества которых составляло бы еще предмет всемирной спекуляции. Едва ли можно оспаривать, что в этом направлении шла и идет современная история; что подобный исход есть именно *возможный* исход настоящих политических и экономических отношений, если социальная катастрофа не изменит их развития. Но, конечно, подобный расход равносилен *упразднению политической власти* или *упразднению государства.*

К тому же результату вело и ведет теоретическое развитие буржуазного общественного идеала. Всемирная конкуренция могла опираться лишь на полную свободу. Всякое стеснение свободы было стеснением сильного капитала в его возможности втягивать слабые капиталы в сферу своих оборотов, привлекать силы пролетариата на рынок, где этот пролетариат продавал бы свои си-

лы по самой низкой цене. Всемогущему капиталу нужна была полная свобода рынка, при которой было бы одно господство — господство экономически сильнейшего. Ему нужен был вполне свободный юридически пролетариат, который был бы порабощен одним владыкою — экономическою нуждою. Поэтому развитие господства экономических начал в общественной жизни шло параллельно с развитием идеи политической свободы. Требовали полной свободы для *всех* личностей, так как, при ограждении монопольной собственности в ее хищнической централизации, именно свобода *всех* личностей отдала бы массы на эксплоатацию немногим сильнейшим. Требовали полного юридического равенства для *всех*, так как, при господстве капитала, судьи и законодатели не могли быть ничем иным, как органами или рабами экономических царей. Требовали участия *всех* в политической жизни, в законодательной и исполнительной власти, так как, при порабощении полуголодных, вырождающихся масс их кормильцам-работодателям, в мире могла быть лишь одна самостоятельная сила, независимая мысль — сила и мысль капиталистов. Государство должно было сделаться исключительно договором, в котором свободно участвовали бы все на равных правах, при общем наблюдении за исполнением этого общественного договора и при всегдашней готовности направить все общественные силы против его нарушителя, кто бы он ни был; само собою разумеется, что при господстве экономических интересов это ревнивое наблюдение и эти подавляющие силы должны были быть направлены как вверх, против всякого органа власти, который бы вздумал поставить какую-либо общественную задачу выше задачи всемирной экономической конкуренции, так и вниз, против всех *объектов* свободного экономического развития, которые вздумали бы протестовать против бесцеремонного обращения их в материал для хищничества экономической аристократии и в ее рабочий скот.

Мы весьма далеки от мысли допустить, что великолепная литература борцов за политическую свободу была не более, как маскою экономического хищничества. Нет, в истории крайне редко являются личности, которые сознают все нити, связывающие их деятельность с другими руководящими стремлениями их времени. В каждую эпоху можно проследить более или менее заметные порывы личностей по всем прогрессивным, регрессивным и консервативным направлениям, но большинство этих порывов остается лишенным всякого значения или гибнет без следа, потому что успеху их противодействуют другие современные общественные течения, определяющие общий ход истории. Выдвигаются из массы, вызывают подражателей, последователей, усовершенствователей, становятся историческою характеристикою и историческою силою те порывы, направление которых совпадает с могущественнейшими общественными течениями иного

рода. Каждый борец приписывает успех своей проповеди истинности *своих* идей, их *самостоятельному* достоинству, совершенно независимо от других современных явлений, на которые он часто не обращает и внимания. Это именно придает искренность, блеск и могущество его общественной проповеди и общественной деятельности. Такова была, может быть, до конца первой трети нынешнего столетия роль борцов за либеральные политические идеи. Эти люди боролись искренно и верили, что успех их либеральных начал зависит от того, что свобода, равенство, братство суть естественные права человека. Тогда были в Европе и Америке либеральные партии с определенными программами, были и замечательные, искренние, гениальные государственные люди. Но ни одна из либеральных идей не нова; реформаторам и революционерам новой Европы можно отыскать в пыли архивов не мало предшественников; но эти предшественники заглохли и не сделались историческими деятелями, потому что не нашли поддержки. Борцы за политические идеи последних веков были вынесены на историческую сцену волною, которая состояла из деятелей и сил, не только не проникнутых убеждением в необходимости свободы, равенства и братства, но никогда не подумавших серьезно о смысле этих слов, да и не способных доработаться до какого бы то ни было нравственного убеждения. Это были борцы за *обогащение,* за господство *капитала.* Им мешали старые формы власти; им мешали традиции религиозные, национальные, государственные, неподвижность феодальных имуществ, тайна кабинетных интриг, всемогущество королевских любовниц, войны из-за престолонаследия, тарифы и таможни. Они с радостью стали под знамя идей, которых не понимали, да и не имели в этом нужды, но которые служили им прекрасным оружием для *их* целей. Они бросили вес своей растущей экономической силы в чашку либерализма, и весы политической истории изменили свое положение. Герои либерализма упивались успехами своих «чистых нравственных идей». Но рядом с этим торжеством как бы само собою росло могущество капитализма, всемирной эксплоатации и всемирного торгашества. Во второй трети нынешнего века вдруг стало совершенно очевидно, что «чистые нравственные идеи» либерализма служат вывескою царства лавочников и рабства пролетариата, составляют существенный элемент этого порядка и что борцы за великие либеральные начала самым искренним образом потрудились на пользу нынешних биржевых героев. С тех пор новые политические герои, подчиняясь фатализму истории, уже совершенно сознательно понесли на рынок идеалы отцов и дедов; либеральные партии растеряли свои программы; во всех странах оказался невообразимый недостаток государственных людей, и под жужжание старых либеральных формул, потерявших всякий смысл, современное общество фатально идет к поглощению всех интересов интересами экономической

конкуренции, к упразднению государства в пользу господства биржи.

Потому что и блестящий идеал либеральных теорий — государство, как свободный договор равноправных личностей, при участии всех в этом договоре и в самом пользовании общественною властью — есть не что иное, как *упразднение государства,* согласно данному выше определению этого понятия (см. выше стр. 221, 223 и 224), т. е. упразднение *обязательного* подчинения одной доли общества другой его доле, упразднение *юридической* власти одной группы лиц над прочим населением обособленной территории. Буржуазное государство в своем идеале не есть вовсе государство.

Итак, в процессе своего исторического развития государственный элемент претерпел крупные видоизменения. Он был вызван *естественной* потребностью безопасности; он усложнялся *естественными же* потребностями разнообразия общественной техники и экономического обеспечения; при этом усложнении он выработал общественные органы для удовлетворения *временной* потребности в специальных типах людей для разных общественных функций (власти, обороны общества, сношения с сверхъестественным миром, торговли, физической работы, домашних занятий и т. . .); затем он стал орудием в развитии общественного строя, удовлетворяющего противообщественной — и, следовательно, *патологической* — потребности экономической монополии и всеобщей конкуренции; этот строй стремится в своем развитии к упразднению того самого государственного элемента, который служил ему орудием, не способен удовлетворить ни потребности безопасности, ни потребности экономического обеспечения для большинства граждан, не способен осуществить своего собственного идеала, разрушает все общественные связи, всякую общественную солидарность, и низводит человеческое общество до низшего фазиса борьбы за существование, до борьбы каждого против всех. (Ср. «Социализм и борьба за существование» во «Вперед», 1875, 15 сент.) [196].

Современное государство сделалось орудием буржуазного строя и разлагается под влиянием этого строя; по тому самому, оно есть общественная форма, не удовлетворяющая ни одной из естественных потребностей человека, форма сама себе противоречивая; оно обречено на гибель тем самым строем, который оно поддерживает; оно поддерживает строй явно патологический, который поставил себе идеал прямо противоречивый во всех его подробностях и который фатально ведет большинство человечества к гибели для увеличения богатства и наслаждений самого малого числа крупных эксплоататоров.

Достаточно усвоить результаты только что полученные и сопоставить с этим задачу социализма вообще и рабочего социализма в особенности, чтобы убедиться, что между рабочим социа-

лизмом и современным государством примирения нет и быть не может.

Социализм вообще охватывает всю работу мысли, которая направлена на усиление элемента солидарности и кооперации между людьми и на борьбу против элемента эксплоатации человека человеком. Его практическая задача в самом общем ее смысле такова: направить всякую личность к укреплению общественной связи и к общественному благу.

Научный социализм — тот социализм, который Л. Штейн отождествлял с «наукою общества» (L. Stein: «Der Socialismus und Communismus des heut. Frankreichs», 1842, стр. 130) [107], требует *реального* основания для решения этой задачи; устраняет из этого решения рутину обычая и фантастические приемы религий; требует от общественности, которая в состоянии решить задачу социализма, гармонического удовлетворения *всех нормальных* потребностей человека; указывает на экономическое начало монополии, как на источник большей части явлений, враждебных человеческой солидарности; он требует, наконец, для своего осуществления *реальной* общественной силы, которая была бы заинтересована в его осуществлении и была бы в состоянии осуществить его.

Рабочий социализм находит реальное основание, требуемое научным социализмом, во *всеобщем труде* для общественного развития. При этом каждая личность отдает все свои силы на общественный труд, получая от общества все необходимое для своего существования и развития из общей массы естественных и культурных богатств, которые должны перестать быть монопольною собственностью или предметом монопольного пользования для личности, для кружка, для общины, для народа, но должны сделаться *общим* достоянием, так, чтобы каждый мог получать из них необходимое для него. Реальную общественную силу для своего осуществления рабочий социализм находит в *организации рабочего пролетариата,* который осужден современным порядком на бесконечные материальные бедствия, на неизбежное физическое, умственное и нравственное вырождение и потому сильно заинтересован в изменении современного порядка, а в то же время вполне может захватить в свои руки господствующую роль в данный исторический момент, во-первых, по своей преобладающей численности, во-вторых, потому, что именно он и есть производитель всех тех богатств, которые составляют материал современной борьбы за обогащение. Рабочему пролетариату нужна лишь крепкая организация, чтобы действительно взять на себя в истории ту роль, которая ему принадлежит по праву.

Но само собою разумеется, что владыки мира и руководители современного государства не уступят добровольно рабочему пролетариату своего выгодного положения. Они употребят свои громадные экономические средства и средства существующей го-

сударственной организации, вполне им подчиненной, для того чтобы отстаивать это положение. Путем *легальной реформы* рабочий социализм восторжествовать не может, а потому ему остается один путь — путь *социальной революции*. Это именно обращает неизбежно приверженцев рабочего социализма в приверженцев социальной революции. Рабочий социализм, вследствие исторических условий времени, становится *революционным социализмом*.

Можно ли же допустить, что рабочий социализм, при том значении его, которое только что указано, может воспользоваться для социальной революции теми средствами, которые представляет ему нынешнее легальное государство? Можно ли допустить, что, при удачном совершении социальной революции, он найдет нужным сохранить в новом строе некоторые элементы нынешнего государственного строя?

Социализм в настоящую минуту имеет пред собою задачу *спасения общества* от грозящего ему разложения во всеобщей конкуренции, во всеобщей борьбе всех против всех, и его первое требование есть искоренение монопольного хозяйства, уничтожение возможности накопления богатств в руках особи или коллективной единицы, уничтожение эксплоатации человека человеком. Но все это входит самым существенным элементом в современный экономический строй, а следовательно и в современный государственный строй, который постепенно становится все более подчиненным экономическому и все более обращается в защитника последнего. Все органы, все формы современного государства проникнуты (и проникаются более и более) принципом безусловной конкуренции и господства капитала. Каким же образом может социализм признать пользу для *своих* целей того самого, что составляет существенный орган его противника?

Социализм ставит себе целью удовлетворение помощью форм общежития *всех нормальных* потребностей человека, следовательно, между прочим, и тех основных потребностей *экономического обеспечения и всеобщей безопасности*, в виду которых человечество выработало в своей истории все формы экономических отношений и все формы государственности. Но мы только что видели, что современное государство, отказавшись от своей основной роли охранителя общей безопасности, сделалось органом охранения современного экономического порядка и тех лиц, которые им пользуются. Мы видели, что таких лиц становится все меньше и меньше, остальные же неизбежно обращаются в их жертвы, причем для меньшинства, состоящего из мелких собственников, экономическое обеспечение, безопасность личности и собственности обращается в иллюзию в буре повторяющихся и растущих кризисов; большинство же, составленное из пролетариата, лишено всякой возможности добыть себе экономическое обеспечение, всякой возможности обезопасить себя от самых

крайних случайностей умственного, нравственного и физического вырождения, от хронического голодания, от окончательной гибели. Какой же может быть союз между социализмом, требующим экономического обеспечения для *всех*, безопасности для *всех*, и государством, которое всеми своими силами и всеми органами охраняет строй, лишающий почти всех экономического обеспечения и безопасности?

Поэтому рабочий социализм есть полное отрицание современного государства, как охранителя строя, построенного на монополии и всеобщей конкуренции; отрицание современного государства, как общественной формы, которая противоречит потребности общего экономического обеспечения и общей безопасности.

Но именно легальный элемент современного государственного строя, т. е. формы законодательной, судебной и исполнительной власти, составляют поддержку и орудия монопольного хозяйства нашего времени; именно этот элемент, все более направленный против рабочего пролетариата, полагает решительную помеху мирному решению социального вопроса. Поэтому рабочий социализм отрицает *по существу* современный легализм, как организацию законодательной, судебной и исполнительной власти; отрицает для себя обязательность уважать и поддерживать законы, направленные против общего экономического обеспечения и общей безопасности, и противопоставляет им требование социальной революции, долженствующей охватить *все* стороны современного государственного строя.

Между современным государством и рабочим социализмом ни примирения, ни соглашения нет и быть не может.

IV. Строй будущего общества

Мы видели в предыдущем три группы потребностей, которые обусловили строй нынешнего общества, и значение этих трех групп для будущего общества определяется их происхождением.

Потребности личной и общественной безопасности, экономического обеспечения, большего разнообразия техники удовлетворения общественных нужд при усложнении жизни суть потребности вполне *естественные* и требующие себе удовлетворения во все периоды жизни общества. Этим потребностям *должно* будет удовлетворить и будущее общество, которое стремятся создать социалисты, если оно хочет иметь какие-либо шансы на историческую жизнь. При всех своих целях, отдаленнейших или ближайших, социалисты не только не отрицают этой задачи, но должны ставить и ставят ее на первое место в своем построении. Мало того, одно из их главных обвинений против современного общественного строя есть, как мы видели в предыдущей гла-

ве, именно противоречие его этим потребностям: экономический строй ведет фатально большинство к лишению всякого экономического обеспечения; политический строй покровительствует конкуренции, подрывающей личную и общественную безопасность; при усложнении жизни лишь меньшинство в состоянии удовлетворять своим нуждам разнообразием техники, для большинства же результаты этого разнообразия совершенно недоступны, и массы пролетариата в своей жизни очень мало отличаются от жизни первобытного человечества, тогда как техника направлена не только к удовлетворению требования комфорта со стороны небольшого господствующего меньшинства, но на удовлетворение множества фиктивных его потребностей, вызванных вполне искусственною жизнью этого меньшинства, жизнью, которая во многих формах своих «приличий» и «преданий» тяжела для самого этого меньшинства.

Эти *естественные* потребности именно потому не удовлетворены в нынешнем обществе, что в нем господствуют *патологические* потребности экономической монополии и всеобщей конкуренции, прямо *противоречивые* задаче *солидарности* членов общества, задаче, лежащей в основе всякого понятия об общественном союзе. Они выросли из переживающих преданий борьбы всех против всех за существование *до* появления в органическом мире начала общественной солидарности, следовательно, *до* развития *сознательного* общежития. Как всякий остаток старого периода, эти начала конкуренции и монополии не могли исчезнуть сразу, но должны были, при *правильном* и *здравом* общежитии, постепенно атрофироваться, подавляемые разрастанием начала солидарности. Но история человечества не дозволила им атрофироваться, так как *сознание* человеческой солидарности, основное понятие социализма выработалось весьма поздно, все же предшествующие ступени социалистических влечений находили в других человеческих влечениях сильное препятствие здоровому развитию. Инстинктивная солидарность первобытного обычая не в состоянии была побороть инстинкт себялюбия, тем более, что общества, жившие под давлением обычая, редко могли обеспечить всем личностям постоянное удовлетворение самых элементарных потребностей. Прочувствованная солидарность с близкими и любимыми лицами очень скоро по самому свойству аффекта сузилась, вместо того, чтобы расшириться, от племени и рода перешла к ближайшей семье, в самом теснем ее смысле, и в этой форме стала одною из самых прочных опор идей монополии и всеобщей конкуренции. Наконец, первые попытки работы человеческого сознания в форме религии вызвали борьбу с реальными общественными задачами в пользу задач фантастических, вызвали возвеличение аскетизма, пожертвование земными благами для исполнения воли неземных владык, развитие во многих странах нового эксплоататорского сословия посредников между чело-

веком и сверхъестественным миром. Но религиозное творчество стало особенно помехою правильному и гармоническому развитию человеческих потребностей в том отношении, что оно замедлило вообще установление сознательного и критического отношения к ним, мешая вообще развитию критической мысли, в которой религиозное построение видело своего худшего врага, так что критическая мысль могла укрепиться, сначала хотя бы в самых безобидных областях, лишь в исключительные эпохи; долго не могла, вследствие укоренившихся общественных привычек и давления господствующих классов, обратиться серьезно к вопросам социологии, во всех своих социалистических построениях гораздо более пользовалась методами религиозного и метафизического мышления, чем научными, и лишь в самое последнее время могла перейти от утопий и фантазий к научным приемам, разобрать точными методами значение монопольной собственности и всемирной конкуренции, и доказать, что они обрекают общество на неизбежное разрушение.

Все это заменило здоровое и гармоническое развитие человеческих общественных потребностей развитием патологическим, заглушило разрастание начала солидарности, способствуя усилению патологических потребностей монополии и конкуренции, которые лишь теперь могут быть критически признаны тем, что они есть — противообщественными стремлениями, и, вследствие этого, должны быть тщательно искоренены в том обществе, которое хочет устроить прочное, здоровое, т. е. солидарное общежитие *.

---

* Нам могут возразить, будто бы мы голословно признаем это патологическим явлением, т. е.—нездоровым, тогда как наши противники, гордо опираясь на предание, восходящее за несколько тысяч лет, считают именно первое естественным и разумным, следовательно — здоровым процессом, второе же — безумным и противоестественным, следовательно — болезненным процессом. Мы принимаем за основание, что в обществе, как в отдельном организме, может быть назван здоровым лишь тот процесс, который доставляет наименее страдания и в то же время поддерживает более продолжительное время связь организма как единого. Приняв это положение, мы желали бы, чтобы наши противники решились прямо отрицать: 1) что начало солидарности, инстинктивное, прочувственное или сознанное, не может содействовать увеличению страданий в обществе или непрочности общества; 2) что солидарность членов общества есть прямая цель всякого общежития; 3) что начала монополии и конкуренции противодействуют началу солидарности и противодействуют настолько, что общественную солидарность приходится отыскивать *в других* началах, их несколько сдерживающих. Если наши противники этого отрицать не могут, то мы спросим их: не признано ли почти всеми серьезными публицистами даже *из их лагеря*, что в настоящее время эти *другие* начала (патриотизм, религия, уважение к власти, национальная связь и т. п.) *совершенно бессильны* в борьбе с энергическим разрастанием конкуренции? Не ведет ли *неизбежно* эта конкуренция *к уменьшению* числа наслаждающихся, *к увеличению* числа страждущих, следовательно, к увеличению вообще страданий в обществе, что есть один признак патоло-

Но между общими *естественными* потребностями, которым *должно* удовлетворить всякое общежитие, и *патологическими* потребностями современного общества, которые столь же несомненно *должно* искоренить, как разрушающие общежития, мы встречаем третью группу, *временных* потребностей, исторических продуктов общественного развития; потребностей, которые могли и могут в свое время быть законными, вследствие существующих обстоятельств, но для которых надо найти оправдание каждый раз именно в *этих* обстоятельствах. Об них нельзя сказать, как о монополии и конкуренции, что они безусловно противообщественны, но нельзя их признать и элементами, присущими всякому общежитию, как потребность безопасности и экономического обеспечения. Удовлетворить этим временным потребностям приходится в той мере, в какой их цели входят в данное время неизбежными элементами в способы удовлетворения естественным потребностям общежития, не более, и потому для каждой формы общежития следует поставить вопрос: в какой мере в этой форме общежития необходимо участие того элемента, который служит удовлетворением той или другой временной потребности?

Такой временной потребности удовлетворял в первые периоды человеческой истории общественный религиозный культ, когда обычай не мог уже связывать людей при развитии эгоистических влечений, сознательная же солидарность, опирающаяся на понимание реальных отношений между предметами и между людьми, не выработалась еще по недостатку умственного разви-

---

гического общественного процесса? Не есть ли отсутствие политических и нравственных убеждений среди господствующих классов, распространение между ними пессимистических миросозерцаний — признанное явление современного общества? Не раздаются ли со всех сторон голоса Кассандры, указывающие гибель обществу без убеждений, без надежды на будущее и с растущим пролетариатом, обреченным на хроническое голодание и вырождение? Не есть ли это второй признак патологического общественного процесса? — Если же и это так, если конкуренция и монополия, в своем разрастании, фатально заглушают солидарность и ведут к смертельной болезни общества, то не имеем ли мы права сказать: здоровое общежитие требует искоренения начал монополии и конкуренции? — Но это *невозможно*, — говорят наши противники, — без них человечество жить *не может*. — Ну, мы думаем, что это *можно* и постараемся доказать вам это. Но, во всяком случае, положение дел таково: медики консерватизма и либерализма, так долго обещавшие современной цивилизации здоровье и долговечье, потеряли это убеждение, впали в пессимизм и не могут устранить гангрены пролетариата. Мы, социалисты, говорим, что должна умереть лишь нынешняя *форма* общества, самое же общество может быть здорово и долговечно при другой гигиене. История, надеемся, докажет, что мы правы. Но в двух вещах уже теперь *должны* согласиться с нами и наши противники: 1) что их общество *больно* и больно болезнью, которую они вылечить не умеют, так как она прогрессирует; 2) что мы имеем в виду устройство *здорового* общежития, или, по крайней мере, такого, в котором отсутствует основной источник болезни их общества.

тия. Религиозное учение, грозивше людям неземною силою и карами, от которых никто ускользнуть не мог, было тогда единственною — хотя и крайне недостаточною — охраною общества от эгоистического влечения единиц; но, по непривычке личности к умственной работе, оно было бы вполне бессильно для этой цели, если бы оно не символизировало общественной связи, им охраняемой, в формах обязательного общественного культа. Этот культ создавал новый обычай, и притом обычай, сильный уже не *только* своею древностью, как в предшествовавший период, но обычай, в котором воображение человека видело общение с божеством, исполнение сверхъестественного закона. — Подобный культ удовлетворял *временной* общественной потребности, но заключал в себе и значительные неудобства для того самого общества, которое нуждалось в нем: как всякий обычай, он был элементом застоя; как всякое отклонение человеческой мысли от реальных вопросов к сверхъестественным, он ослаблял и развращал мысль; как всякое общественное явление, в котором *немногие* выступали посредниками между сверхъестественными силами и массою, он вел к монополии этого посредничества и к ее эксплоатации во вред массам. Поэтому совершенно естественно на всех ступенях общественного развития возникали сами собою вопросы: соответствует ли общественный культ общественному миросозерцанию? в какой мере общество нуждается в культе? — При этом, то вырабатывался культ с духовенством, резко отделенным от мирян по своим правам и преимуществам; то общество поднимало протест против этого отделения во имя девиза: все верующие — священники; то фантастическая секта вырабатывала самые уродливые обряды культа; то культ ограничивался минимумом общественной молитвы. При известном развитии критической мысли и при выработке реалистического мировоззрения, совершенно просто, сам собою возник вопрос: нужен ли какой-либо культ для общества, которое имеет тысячи других средств и символизировать и реально проявлять свою солидарность? — Современная мысль в своих лучших представителях давно уже ответила отрицательно, и прежде существовавшая *временная* потребность общественного культа, обратившегося уже теперь в рутину и в предмет насмешек, не имеет никакого шанса на какое-нибудь удовлетворение в будущем социалистическом строе.

Следовательно, и относительно государственного элемента, относительно элемента принудительной власти одной доли общества над другою, следует поставить вопрос: насколько этот элемент может быть необходим в обществе, построенном по началам рабочего социализма, или по существу нового общежития, или временно, при разных фазисах развития нового общества?

Боевой крик рабочего социализма заключается, как известно, в двух формулах:

Прекращение эксплоатации человека человеком.
Прекращение управления человека человеком.

В последней формуле, конечно, слово «управление» должно быть понято не в смысле *добровольного* подчинения одной личности в данном случае руководству другой, но в смысле *принудительной власти* одной личности над другою.

Представляется вопрос: *возможно ли* достижение этой цели в обществе, устроенном по требованию рабочего социализма? или этот боевой крик представляет утопию, неосуществимую в действительности? Замечу при этом, что неосуществимость второй формулы влечет за собою и неосуществимость первой, так как там, где принудительная власть человека над человеком останется неизбежным элементом общежития, нет *никакой* возможности устранить случаи злоупотребления этой властью в виду удовлетворения личных влечений людей, облеченных властью (хотя бы временно), а подобное злоупотребление есть уже «эксплоатация человека человеком».

В настоящее время представители рабочего социализма как будто склоняются к мнению, что в будущем обществе «прекращение управления человека человеком» невозможно. Это особенно характерно высказалось в ответах, представленных на Брюссельский конгресс М. А. Р.[198] в 1874 году по вопросу: «Кто и каким образом будет отправлять общественную службу в будущем обществе?» *.

Один из этих ответов подан был секциею, которая могла считаться представительницею самых крайних антигосударственных стремлений социализма. Вначале встречаем даже прямое заявление необходимости «упразднения в будущем правительственного действия» (стр. 76). Тем не менее в таблице видов общественной службы оказывается (стр. 78): «*Е. Общественная безопасность:* Полиция и правосудие»; и ниже, при рассмотрении этой рубрики, авторы выражаются так (84—85):

«Можно ли, однако, оспаривать во всех отношениях полезность, приписываемую в настоящее время тому, что называется правосудием и полициею? Не думаем.

Так как интересы личностей и групп должны быть обеспечены и гарантированы, то нам кажется, что ведомства, содействующие этой гарантии, составляют «*Общественную службу*».

С точки зрения чисто местной, полиция принадлежит лишь общине, которая должна заботиться о безопасности своих членов. Община же должна заботиться об общественном здоровье, наблюдать за обманами, могущими иметь место на рынках, а также наблюдать за исполнением гигиенических правил,

---

* См. «Общественная служба в будущем обществе». Лондон. 1875. Записка Женевской секции пропаганды. В последующих цитатах указания относятся к страницам этой брошюры.

касающихся мастерских, заводов и фабрик всех родов, устроенных в районе ее действия.

Полиция станет федеральной каждый раз, когда нужно обеспечить безопасность сношений между личностями и соседними общинами или между самими общинами.

Полиция тогда... станет службой в интересах действительно общественных и необходимых».

Далее сказано о необходимости «третейского суда» при возможном «столкновении интересов», наконец, о необходимости «обуздания преступлений против личности», как входящего «в отправление медицинской службы», что несовсем ясно, но по всей вероятности должно быть понято в смысле *принудительного лечения* преступника.

Невозможно представить себе функционирование этих учреждений, долженствующих охранять общественную безопасность иначе, как в форме *принудительной власти;* конечно, предполагается, что эта власть будет употреблена «в интересах действительно общественных и необходимых», тем не менее она неизбежно допускает и *злоупотребление* ею под влиянием *личных* и *случайных* влечений. И нынче нет деспотической и эксплоататорской меры, на которой не выставлялся бы ярлык «интересов действительно общественных и необходимых»; весьма часто при этом нельзя отрицать у «руководителей судеб народов» в настоящем и в минувшем искреннего убеждения, что они действуют именно в этих интересах, но от этого нисколько не легче обществу. Если «интересы личностей и групп» приходится гарантировать особым учреждением полиции, если этой полиции приходится «наблюдать за обманами на рынках», если ей приходится «обеспечивать безопасность сношений между личностями и соседними общинами или между самими общинами», то неизбежно эта полиция должна обладать немаловажною *властью,* и не только исполнительною, но до известной степени распорядительною: обман или насилие, вообще всякое действие, нарушающее безопасность или интересы личности или группы, приходится остановить сейчас, по собственному соображению, что пред лицом, облеченным полицейскою обязанностью, совершается действительно обман, насилие, мгновенное нарушение безопасности или интересов. Следовательно, лицо, *заподозренное* в этих проступках или преступлениях, *немедленно* и *недобровольно* принуждено *подчиниться* соображениям и распоряжениям другого лица, облеченного властью. Последнее лицо, очевидно, облечено обществом правом, в известных размерах, *управлять* другими лицами. *Управление человека человеком не прекратилось.*

Точно также и решение третейского суда и медицинское «обуздание преступлений против личности» предполагают, с одной стороны, в известной мере *непроизвольное подчинение;* с другой — лиц, облеченных правом, по своему соображению, при-

нуждать других *подчиняться* их соображениям о виновности этого, о необходимости подвергнуть того принудительному лечению; следовательно, предполагают, опять-таки, *непрекратившееся управление человека человеком.*

Еще определительнее выражается другая записка, представленная на тот же конгресс, записка, автор которой занимает одно из видных мест в рядах современных теоретиков социализма[199].

Он, во-первых, считает «государство» совершенно законною, даже «неизбежною» (стр. 48) формою общежития в будущем обществе, между общиною и человечеством или всемирною федерациею (стр. 30 и 24). Правда, он несколько раз возвращается к мысли, что это государство будущего рабочего социализма не будет иметь «ровно ничего общего» с нынешним (стр. 21). Он говорит (стр. 23): «государство, как мы его понимаем и как мы хотим его видеть, не есть в точном смысле власть, правительственная система... Мы можем совершенно ясно представить себе государство неавторитарное (мы чуть было не сказали: государство анархическое)...» Тем не менее, совершенно независимо от значения, придаваемого автором этому термину, приходится признать, что элемент *принудительной власти* развит им в весьма достаточных размерах во всем общественном строе, как последний представляется автору в будущем, и автор этого нисколько не скрывает.

Этот элемент заключается, по мнению автора, в самой сущности понятия об общественной службе. Так, он говорит (стр. 3—4):

«...Во-первых, те общеполезные работы составляют или должны составить общественную службу, которые или вовсе не имели бы места, будучи предоставлены частной инициативе, или уклонились бы в этом случае от надлежащего их назначения. Во-вторых, те, которые было бы опасно оставлять в частных руках, чтобы они не обратились в монополию. Наконец, в форме общественной службы отправляются еще те работы, которые требуют обширного совокупного труда, комбинированных усилий большого числа рабочих; эти производства нуждаются поэтому в одном высшем руководстве, которое может быть отдано лишь в руки общественной администрации».

И далее развивает эту мысль следующим образом:

«Вряд ли нужно говорить, что было бы во всяком случае опасно отдавать в руки частных компаний, хотя бы чисто рабочих, большую часть из тех родов общественной службы, которые в сущности представляют монополию. В силу монопольного характера, компании эти всегда очутятся в привилегированном положении, благоприятном для спекуляции и эксплоатации общества».

«Нужно ли также говорить о том, что многие виды обще-

ственной службы вовсе не отправлялись бы никем, если бы их издержки не оплачивались обществом, т. е. если бы государство или общество не брали их на себя?.. Множество ученых изысканий разного рода, ученых экспедиций и т. п. вовсе не будут производиться или будут оставаться неоконченными, если государство или община не возьмут на себя вознаграждения тех, кто посвящает делу свое время и свое знание, потому что никакая частная компания не станет рисковать, вознаграждая научные работы, которые могут не привести ни к какому более или менее важному открытию, способному принести барыш этой компании. Возможна ли была бы рассылка писем и газет в местности почти пустынные, в отдаленные поселения, где сбор не окупает содержания персонала, если бы государство не брало этой рассылки на себя» (14—15).

«Есть некоторые работы, очень грубые, трудные и неприятные, которые исполняются в настоящее время людьми, принужденными своею бедностью исполнять их. Но если бедность исчезнет завтра, то никто не захочет исполнять эти работы. Только Фурье и его ученики могли воображать себе, как *маленькие орды* с любовью предаются очистке помойных ям. Конечно, успехи механики поведут к исполнению этих работ при помощи машин; химия же может со временем доставить средства к уничтожению всего, что в этих работах действует неприятно на наши чувства. При всем том может случиться, что некоторые из этих работ сохранят свой теперешний характер, что для них не найдется исполнителей ни по склонности, ни по призванию, ни за особое вознаграждение: а эти работы тем не менее могут быть необходимы. Не придется ли тогда объявить их общественною службою и привлечь всех к поочередному участию в их исполнении?» (60).

Отсюда уже совершенно понятно, что автор нисколько не останавливается пред оставлением в будущем обществе с небольшими изменениями разных форм государственной власти над личностью, существующих в нынешнем обществе и долженствующих, по мнению автора, совершенно законно войти в будущий социалистический строй. Так, перечисляя виды общественной службы, автор говорит (стр. 5—6):

«Прежде всего, назовем службу, гарантирующую безопасность; она обнимает три обширные области: законодательство, юстицию и полицию, цель которых вообще — охранение членов общества от насилия и обмана и обеспечение исполнения договоров».

Автор передает лишь эти формы власти общине (стр. 31). Далее находим систему наказаний в будущем обществе, набросанную в следующих чертах (стр. 10):

«...Там на преступников нельзя будет смотреть иначе, как на больных, которых надо лечить, или как на людей, увлеченных

минутной страстью, которых надо возвратить на истинный путь, хотя бы удаляя на время из общества, в виду опасности их болезни или их заблуждения. А для этого достаточно будет нескольких пенитенциарных колоний, где этим несчастным будет дана возможность исправиться и зажить свое прошедшее, при помощи работы, соответствующей их способностям».

Эти пенитенциарные колонии, по мнению автора, должны входить в сферу деятельности государства (стр. 38), цель которого «заключается именно в приведении в действие при помощи администрации, специально для этого назначенной, тех отраслей общественной службы, которые составляют главную функцию государства» (стр. 21).

Здесь нет уже ни малейшего сомнения. Перед нами «специальная администрация», которая на трех ступенях общественного союза — в обществе, в государстве и во всемирной федерации — охватывает личности и группы личностей, принудительно назначает их на «общественную работу», неспособную без того привлечь работников, или даже быть предпринятою какою-либо группою; пред нами специальная администрация, которая стоит в форме полиции на страже против «обмана, насилия», нарушения «договоров»; наконец, ссылает нарушителей порядка в принудительные больницы или в «пенитенциарные колонии». Отнять у этой «специальной администрации» возможность действовать иногда по личным влечениям и, следовательно, порою *злоупотреблять* своею властью — решительно невозможно. *Управление человека человеком* здесь не только *не прекратилось*, но входит *существенным* элементом в строй общества, в самое понятие коллективной деятельности на общую пользу, т. е. солидарного общежития.

Приведем еще цитату из писателя, принадлежащего третьей социалистической группе, где встретим еще более откровенное сознание («Volksstaat» 10 мая, 1873):

«*Отвратительна и заслуживает презрения не власть* (Gewalt) *вообще, но бесчеловечная форма, в которой до сих пор эта власть проявлялась.* При известных обстоятельствах *некоторая* доля власти будет *всегда* употреблена, потому что власть дана людям не для того лишь, чтобы они *смотрели* на нее, а для того, чтобы они ее *употребляли*. Не власть вообще может быть отменена для нас, но лишь ее *варварская форма*. С нее будет сбита *каска* и ей будет придан *человечный вид*.

Дело идет, значит, лишь об *очеловечении* власти, об *очеловечении* «управления человека человеком», а не об устранении этого управления. В памяти рисуется уже старинное изречение о «железной руке в бархатной перчатке». Если оно так, то в этом отношении будущее общество не очень далеко уйдет от современного строя.

Впрочем, при всех этих выражениях следует помнить одно:

Цитируемые авторы слишком часто не дают точных указаний, говорят ли они об общежитии, которое должен выработать рабочий социализм, когда он, победив своих внешних и внутренних врагов, переработав старые привычки и влечения, вынесенные из буржуазного мира его приверженцами, будет, наконец, иметь возможность развиваться правильно и спокойно на своих собственных началах; или дело идет о той весьма трудной эпохе, которая наступит на другой день после успешной социальной революции в довольно обширной стране, когда рядом с победителями будут стоять побежденные, запуганные, бессильные, но враждебные элементы паразитов разрушенного строя; когда за границею социалистической страны будут государства с буржуазным строем; когда большинство самих борцов — победителей, провозгласивших начала рабочего социализма, будет бессознательно хранить в себе привычки и влечения, унаследованные от строя, в котором это большинство выросло, воспиталось и развилось. Цитируемые авторы очень часто не только не указывают читателям, о котором из этих двух моментов они говорят, но едва ли не столь же часто сами смешивают эти весьма различные эпохи, переносят на последующую те черты, которые составляют неизбежную принадлежность предыдущей, и тем самым вызывают в читателе неверное понятие об их собственных требованиях от будущего общества. Это совершенно приложимо и к авторам, из которых взяты предшествующие цитаты, хотя я не имею возможности здесь доказывать это последнее положение, приводя новые выписки. Во всяком случае, допуская сомнения в том, действительно ли представители рабочего социализма разных групп в приведенных выражениях характеризовали то общежитие, которое они представляют себе, как осуществляющее *окончательно* требования рабочего социализма, я приступлю к вопросу, выше поставленному, строго отличая это последнее общежитие от того, которое может иметь место на другой день после победы рабочего пролетариата над его врагами.

Я сказал выше, что существенная, неистребимая общественная потребность, которая вызвала существование государства, существование власти, была потребность *безопасности* для личностей и групп, входящих в состав государства.

Если мы посмотрим внимательно на те поводы, которые выставлены авторами только что приведенных цитат для удержания «полиции», «специальной администрации» в будущем обществе, для употребления «принудительной власти (Gewalt)», то опять-таки нам станет очевидным, что и тут имеется в виду у каждого из приведенных авторов *охранение безопасности* личностей и групп, входящих в состав будущего общества.

Говорится об «охранении договоров», о предупреждении или наказании «насилья» над личностями, об устранении «обмана» на рынках, о безопасности сношений между личностями, между

группами и т. п. Подразумевается существование опасностей внешних и внутренних для целого общества и для его членов. *Государственная власть* является в форме полиции, администрации и т. п., как само собою разумеющееся, как *неизбежное* оружие против этих опасностей.

Итак, вопрос заключается в том: возможно ли охранить личности и группы от опасностей, им угрожающих в будущем обществе, построенном по началам рабочего социализма, не употребляя для этого *власти, правительства, принуждения* со стороны специальных лиц, назначенных имено для того, чтобы, в случае нужды, функционировать как принудительная сила? Заключает ли строй будущего общества по своей сущности другие оружия для достижения той же цели? — Если в нем опасности для личностей и групп останутся те же, а нового оружия против них нет, то, конечно, общественное самосохранение потребует и в нем государственной власти. Если же условия общежития должны быть иные, то многие нынешние опасности могут оказаться несуществующими, а против других может понадобиться совсем другое оружие.

Следует удержать в памяти, что дело идет теперь не об общежитии, которое придется устраивать на другой день после победы пролетариата, в присутствии многочисленных врагов внутренних и внешних, при участии в этом общежитии значительного числа лиц, ставших под знамя рабочего социализма без вражды против него, но и без усвоения его требований, экономических и нравственных, в форме понятного убеждения, или в форме аффективного влечения, или хотя бы в форме унаследованной привычки. Дело идет об общежитии позднейшего времени, когда рабочий социализм станет *обычаем* и *привычкою* для большинства; когда его нравственные требования можно предположить такими же руководящими основами общежития, каковы для *наиболее честных* буржуа последнего периода — начала семьи и собственности, каковы были в последний период *искреннего* либерализма начала *отечества, законности* и т. п. для лучших политических деятелей; когда можно будет считать внешних и внутренних врагов этого строя столь же малочисленными и бессильными, каковы были приверженцы феодализма времен крестовых походов при Людовике XV во Франции или каковы будут приверженцы крепостного права через какие-нибудь четверть века в России; когда воспитание, общежитие, литература, искусство, общественая наука, практическая философия будут одинаково содействовать упрочению рабочего социализма, как группы привычных представлений, возбуждению и идеализации соответственных ему аффектов, разработке и уяснению входящих в него понятий, как в частности, так и в систематическом целом. Лишь такое общежитие может считаться периодом утверждения рабочего социализма, и если мы хотим ясно ставить вопрос: насколько с рабо-

чим социализмом уживается государственный элемент? — то должны его поставить относительно такого общежития.

Но тогда сразу окажется, что некоторые опасности, существующие в современном обществе и существовавшие в длинный ряд предшествующих периодов, вовсе не могут иметь места в будущем обществе. Было время, когда закону приходилось ограждать раба от варварства его господина, но с уничтожением рабства эта опасность исчезла сама собою. Пока существуют монархии, приходится охранять общества, живущие под этою формою правления, от опасности войн между претендентами на престолы, и это достигается — весьма дурно, впрочем — рядом законов о престолонаследии или о порядке избрания монарха; но если бы все государства обратились в республики с ответственными чиновниками во главе управления, то опасность от споров за престол не существовала бы. Точно также в обществе, воплотившем в своих формах начала рабочего социализма, сами собой исчезнут все опасности, возникающие для личностей и групп из того экономического строя, который будет отменен самым установлением рабочего социализма.

Таким образом, огромное количество нынешних преступлений «против собственности» исчезнет при отсутствии частной собственности. С тем вместе множество уголовных дел и насилий, косвенно имеющих в виду захват «собственности», множество прямого и косвенного вреда общественному строю, наносимого в виду той же цели, не будут иметь места по недостатку почвы, на которой эти действия могли бы развиваться. Когда два-три поколения вырастут при условиях *общей* собственности, всеобщего труда на общую пользу и достаточных средств, предоставляемых общественным порядком не только для существования каждой личности, но и для ее развития, как до общего уровня образованности данной эпохи, так и в том специальном направлении, которое обусловлено физиологическими и психологическими особенностями этой личности — тогда желание *присвоить* себе что-либо, находящееся в общем пользовании, станет совершенно уродливым, исключительным, психопатическим явлением, и совершенно нелепо будет создавать специальную власть для наблюдения за «обманами на рынках», создавать «общественную службу» в виду отправления работ, не представляющих «барышей», рассуждать об «оплате услуг» в обществе, которое в самое свое основание положило принцип коллективности: отдавай все свои силы обществу и получай от него лишь необходимое. При общей собственности, при усвоении обычаем принципа коллективности, при удовлетворении всех здоровых потребностей личности без всякой необходимости для нее в монопольном присвоении ею того или другого элемента общественного богатства, будущее общество будет само собою охранено от громадного числа поступков, которые теперь подавляются — и то лишь в самых мелких и маловажных своих про-

явлениях и крайне недостаточно — полицейскою и судебною властью.

Более затруднений представляют, повидимому, преступления «против личности». Человека возбуждают к деятельности не только расчет и корыстные побуждения, но также аффекты, дорастающие до страсти и в этой форме способные весьма быстро дойти до явлений, которые не только граничат с помешательством, но иногда и прямо переходят в его область.

Отсюда целая область «преступных» действий, которые, по мнению строгих юристов доброго старого времени, требовали неизбежно палачей и тюремщиков, сыщиков и уголовных судей; по мнению филантропических юристов нового времени — требуют психиатрии, но при этом больницы обращаются в тюрьмы, лазаретные сторожа играют роль тюремщиков, медику же приходится и произносить уголовный приговор и исполнять его.

Можно сказать, что при солидарном общежитии, при общем труде на общую пользу, при привычном направлении мысли личности с детства на требования коллективизма — в такой же мере как теперь она направлена на борьбу за существование, на борьбу за увеличение наслаждений, на конкуренцию из-за наживы — аффекты и страсти *эгоистического* характера должны ослабеть, между тем как аффекты и страсти *альтруистического* характера (употребляя терминологию Конта) должны усилиться и сделаться основаниями отношений общежития. Можно сказать, что разумное воспитание — которым будут заниматься уже не с отвращением, не по необходимости, не из-за жалованья, не между прочим, как теперь, а исключительно по влечению — выработает поколения с аффектами, направленными на поддержку выводов спокойного размышления, а не против них, на поддержку общественной солидарности, а не на потрясение ее. Все это, конечно, весьма возможно и вероятно, даже — если дело идет лишь о значительном *уменьшении* «преступлений против личности», совершаемых под влиянием страсти — почти неизбежно. Но современное состояние психологии все-таки не дозволяет поставить вполне достоверное предсказание о роли аффектов и страстей в будущем обществе, так как до сих пор мы имеем крайне недостаточное число фактов для определения изменения силы и направления аффектов в личностях под влиянием изменения характера общественной среды и под влиянием воспитания. Среда, в которой развивались личности, была до сих пор так наполнена вредными влияниями, и воспитание было настолько подвержено случайностям в своей практике, что о степени влияния более здоровой среды и более правильного воспитания можно только догадываться.

Таким образом, приходится и в будущем обществе готовить на всякий случай оружие против оскорблений и насилий, которым может подвергаться одна личность вследствие того, что другая личность опьянена непобедимою или несдержанною страстью. Ес-

ли же это оружие может быть найдено только в специальной принудительной власти, то пришлось бы примириться со включением в строй будущего общества этой власти в той или другой форме.

Но солидарное общежитие будущего общества представляет другое оружие в этом случае, и притом оружие, действительность которого вполне испытана долгою практикою, начиная с культуры диких племен, до самоновейшей и утонченнейшей цивилизации. Обществу приходится сдерживать не так часто *непобедимую* страсть, как страсть, которую личность и *не старается* победить. Между тем усилие победить аффект выходит чрезвычайно редко из нравственного убеждения — ум человека большею частью не затрудняется относительно софизмов для оправдания аффекта — не особенно влиятельно в этом случае и опасение кары закона — от нее можно ускользнуть, а иногда и гордо противопоставить легальному осуждению нравственное оправдание. На подавление аффекта имеет самое громадное влияние *общественное мнение* того общественного слоя или того кружка, в котором действует личность, и та возможность, которую представляют формы общежития для *утайки* совершаемых действий. Большинство людей мирится со своею совестью при поступке, который не встречает порицания в окружающей среде. Люди, искренно считающие себя вполне религиозными, скорее переступят все заповеди своего верования, чем нарушат обычный обряд, ни для кого, в сущности, не обязательный, или даже общепринятое в их кружке обыкновение. Люди, смело рискующие подвергнуться самым тяжелым карам закона, содрогаются пред мыслью, что от них отвернутся не только их друзья, но даже люди их круга, которых они не особенно уважают. Нравственные и легальные преступления далеко не так страшны личностям, как нарушения обычая общепринятого правила, рутины того кружка, среди которого люди обращаются. Можно было бы наполнить целые томы историческими и житейскими примерами самомучений, которым подвергали себя люди назло своему собственному пониманию и убеждению, назло своим религиозным верованиям, назло опасностям, грозящим со стороны закона, лишь бы исполнить то, что люди, около них стоявшие — иногда обширная, но иногда весьма ничтожная группа — считали должным или приличным. И это подчинение общепринятому (для кружка), это подавление личных аффектов, как личной мысли, из-за служения общественному мнению — тем действительнее, чем менее для личности существует возможность уклониться от контроля кружка, с которым личность признает себя солидарною, чем менее самые формы общежития приучили личность к обособленной, уединенной жизни, и чем более, напротив, развили привычки кооперации. Моды в одежде именно потому тираничны, что они находятся под контролем всех и каждого. Англичане именно потому представляют

более эксцентричностей, чем другие европейские нации, что привыкли к обособленной замкнутой жизни.

Именно *это* могучее орудие должно оградить будущее общество от «преступлений против личности» несравненно действительнее, чем всевозможные «специальные полиции, администрации, суды и другие формы государственной принудительной власти. Если аффекты и страсти не ослабеют, если даже их направление не изменится настолько, как это было бы желательно, то нет причины ослабеть и тому давлению, которое с начала истории претерпевала каждая личность от общественного мнения; нет причины ослабеть той способности сдерживать свои аффекты и страсти в пределах *общепринятого,* которое усвоили люди в своей долгой привычке к общежитию и к подчинению общественному мнению. А в будущем обществе это будет уже не мнение обособленного сословия, эксцентричного кружка, фанатической секты, группы людей, раздраженных против лицемерных приличий и против несправедливого закона, но мнение целой общины, мнение солидарного союза равноправных личностей, мнение людей, умственное и нравственное развитие которых будет в *общих* чертах довольно единообразно. К тому же, при устройстве общежития на началах действительной солидарности, те привычки обособления и замкнутости жизни, которые развились вследствие монопольного хозяйства частных собственников, вследствие монопольной и ревниво-замкнутой семьи, вследствие взаимного опасения в виду всеобщей борьбы за наживу — должны замениться привычками общежития, в котором, по всей вероятности, гораздо скорее может возникнуть избыток общественного контроля, чем избыток личного обособления. Солидарная община, в которой интересы всех и каждого связаны во всех общественных отправлениях, неизбежно вызовет формы общежития, где для каждого будет почти невозможно укрыть от других сколько-нибудь серьезные явления своей личной жизни. Свободные кооперативные союзы для всех общественных функций, причем каждый член общества будет одновременно участвовать в нескольких разнообразных союзах, предполагают нравственную зависимость каждой личности от мнения множества лиц, входящих самым разнообразным образом в ее жизненную деятельность. Все эти влияния, вместе взятые, должны образовать такое сильное нравственное давление на личность, что, совершенно независимо от действительной переработки аффектов путем изменения условий общественной жизни и воспитания, привычка сдерживать проявление аффектов, противных общественному мнению, должна значительно усилиться для каждой особи, а потом сделаться наследственною. Известно, до какой степени у американских индианцев, в мусульманских странах и у многих диких племен приобретена привычка оставаться невозмутимым в присутствии чужих или даже при всяком постороннем лице; известно, как светские приличия вырабатывают уменье

сдавливать всякий личный аффект и выражать тот аффект, который, по условиям общежития, *должен* быть выражен. Заметим при этом, что подобное подавление аффектов во имя общественного мнения племени, сословия или кружка мы наблюдаем в таких обществах, где повеления общественного мнения находятся иногда в прямом противоречии с законом, с религией, с нравственным убеждением или с пониманием личности. Заметим, что в будущем обществе подобные противоречия или не должны вовсе существовать или должны быть доведены до минимума; следовательно, влияние общественного мнения должно еще усилиться. Все это побуждает заключить, что эта громадная сила общественного мнения, направленная в будущем обществе против обнаружения эгоистических аффектов и страстей в форме насилия, может и должна быть вполне достаточна для того, чтобы заменить все нынешние *специальные* принудительные формы государственной власти, имеющие то же назначение, но совершенно бессильные в борьбе с действиями, поддержанными общественным мнением (например, с дуэлями, с разбойничеством в южной Италии, с судом Линча[200] в Америке, с искалечением или даже убийством шпионов в неконституционных государствах, и т. п.).

Но допустим, что это могучее орудие будет в некоторых исключительных случаях недействительно. Допустим, что общественное мнение, поддержанное собственным размышлением личности и нравственным убеждением, поддержанное привычным строем мысли и разумною системою воспитания, окажется иногда бессильным против мгновенного опьянения страстью. И для этих исключительных случаев едва ли необходима *специальная* полиция, *специальный* суд. Как спасать утопающего бросается *всякий,* кто умеет плавать, как о пьяном или бесчувственном должен позаботиться *всякий,* кто может сделать это, так и обязанность полиции в подобных случаях лежит на *всяком* члене *солидарного* общества. Никто не облечен *специальным правом* быть властью и распоряжаться другими, но всем принадлежит *обязанность* взять на себя *ответственность* принудительного действия над человеком, которого непобедимый припадок страсти сделал неспособным рассуждать и руководить своими действиями, сообразно собственным нравственным убеждениям. Эта форма принуждения, которая неизбежна при многих болезнях, которая едва ли устранима в старчестве и в детстве, совершенно приложима к случаям неудержимых проявлений страсти, и она не заключает государственного элемента, как не заключает его спасение погибающих, уход за бессознательными больными и пьяными. Здесь нет обособленной группы лиц, привыкающей распоряжаться другими против их воли и которой все приучаются повиноваться: здесь *все* наличные члены общества составляют в данную минуту *фактически* власть для помощи нравственно-бессильному брату, с которым их связывает солидарность общей деятельности; все они действуют отно-

сительного его, как он был бы обязан действовать относительно каждого из них в подобном случае. Будущее общество не будет нуждаться в специальной полиции, охраняющей личную безопасность, потому что все будут охранять ее.

Столь же мало, в подобных случаях, может понадобиться специальный суд, если преступление не могло быть предупреждено. Если оно, действительно, совершено в порыве непобедимой страсти и вызвало негодование общественного мнения, которое есть и мнение самого преступника в трезвом состоянии, то он наказан и собственным осуждением и сознанием, что его осудили все окружающие, с которыми он связан тысячью разнообразных нитей кооперации. Надо думать, что в огромном большинстве подобных случаев — совершенно исключительных, как я уже говорил — эта кара будет настолько тяжела, что побудит преступника или *зажить* свой проступок всеми силами, или даже выселиться из общества, в котором известен его проступок, чтобы продолжать свою деятельность в другой местности. В меньшинстве более серьезных случаев, при более упорной натуре преступника, он может подлежать приговору не каких-нибудь специальных судов, но общих собраний тех самых групп, в которые он свободно вступил для общего дела и для взаимного развития. И тут все — судьи того, с кем они солидарны в общежитии: кооперация на общую пользу предполагает взаимный контроль, который не во имя специальной власти, но естественно вырастает в исключительном случае и в суд всех над каждым. Общественное мнение, присутствующее в самой совести преступника, давящее на него в известном ему негодовании всех лиц, ему близких, наконец, выражающееся в коллективном приговоре всех тех, с которыми его связало общежитие,— вот единственный суд, возможный в солидарном обществе тружеников на общую пользу над братом, опьяненным страстью. Для исполнения приговора не нужно никакой принудительной силы: сам преступник исполнит его над собою, как бы он строг ни был.

То же самое оружие общественного мнения с его подавляющим влиянием должно служить и в других случаях, наиболее трудных из тех, которые приведены автором брюссельской записки, как примеры необходимости принудительной власти[201]. Он говорит о работах, «которые... вовсе не имели бы места, будучи предоставлены частной инициативе», которые «вовсе не оплачивались бы (?) никем, если бы их издержки (?) не оплачивались обществом», и приводит в пример «ученые изыскания», «рассылку писем и газет в местности почти пустынные» и «некоторые работы, очень грубые и неприятные, которые исполняются в настоящее время людьми, принужденными своею бедностью исполнять их».

Я устраняю немедленно мотив «оплаты» работ, так как он не может иметь места в будущем обществе по самому принципу общности имущества: плата, большая или малая, лишена всякого зна-

чения в виду личности, которая и без того обеспечена в своем существовании и развитии. Каким образом оплатить труд работника в этом обществе? Он и без того нравственно обязан отдавать все свои силы обществу, общество же и без того должно давать ему все необходимое из общего имущества. Следует ли ему дать, в этом случае, кроме необходимого, *избыток*? Но что он сделает со своим избытком? Он не может купить себе никаких добавочных наслаждений. Или он будет предаваться праздности на счет других? Но в обществе, основанном на положительном экономическом начале всеобщего труда, праздность вызывает всеобщее презрение и негодование, не говоря уже о том, что он сам, под влиянием общественного мнения, привык так на нее смотреть. Если бы даже ему захотелось полениться, то он так же тщательно постарается победить это влечение, как в нынешнем светском обществе побеждают выражение скуки и зевоту, во имя «приличия». Всякая форма оплаты труда по частям предполагает частную собственность, покупные наслаждения, неравенство долей в участии выгодами общежития и труд, как зло, от которого не уклоняются лишь по невозможности или по выгодам, им доставляемым. Но все это находится в прямом противоречии с самыми основами рабочего социализма *.

Устраню также вопрос об ученых изысканиях. Наука представляет почву для самых страстных увлечений мысли; по мере обеспечения личностям необходимого, в том числе и *необходимого досуга*, можно ожидать весьма значительного увеличения числа ее адептов, из которых немногие, конечно, будут замечательными *двигателями* науки, но огромно будет число ее *почитателей*, и почитателей, несравненно лучше понимающих сущность ее задач, чем теперешние «высоко-образованные» люди; в таком случае всякий действительно важный вопрос науки не замедлит возбудить весьма обширное сочувствие, а следовательно и содействие (в будущем обществе, надо надеяться, повыведутся люди, *платонически* сочувствующие делу); не только личности, но целые общины и федерации общин вступят в свободный союз для осуществления ученого изыскания; под руководством избранных союзом специалистов-ученых будут начертаны планы нужных инструментов и материалов для этих изысканий; специалисты-механики, принадлежащие к союзу, с увлечением займутся выделкою инструментов и обдумыванием их улучшения; другие члены того же союза с такою же готовностью будут участвовать в отыскании, выборе и доставке материала; бюллетени о ходе работ в газетах встретят столько же заинтересованных читателей, сколько находят нынче скандальные анекдоты «Figaro»; они вызовут в случае нужды новых членов для союза и новое содействие; когда работа приведет

---

* См. вкратце эти основы в газете «Вперед» за 1876 г., № 27, стр. 67: «Почва для социальной революции в России» [202].

к результату, хотя бы этот результат был чисто теоретический и не имел никакого экономически-выгодного применения в данную минуту, все участники союза будут видеть в нем лестный для них результат их коллективного труда. — В этой картине я не могу найти ничего утопического, невозможного, даже требующего от человеческой природы гораздо более, чем она дает в наше время. Оно бы совершенно так могло быть и теперь вследствие привлекательности научных занятий, *если бы* борьба за осуществление и за обогащение давала теперь достаточно досуга людям, способным полюбить научную истину; *если бы* научное образование не играло такой непозволительно жалкой роли в современном обществе, особенно в том классе его, для которого существует большинство «высших» школ и который так решительно обзывает приверженцев рабочего социализма вандалами, собирающимися возвратить человечество к варварским формам цивилизации; *если бы,* наконец, сами ученые не были в значительном числе чиновниками и барышниками и не конкурировали бы между собою как относительно droit de priorité (права первого открытия), так относительно выгодных обрывков государственного бюджета или относительно эксплоатации своих собственных трудов преимущественно в направлении экономической выгодности. Так как все эти отклоняющие силы будут подавлены в будущем обществе, то можно спокойно утверждать, что никаких принудительных распоряжений государственной власти не понадобится в обществе, устроенном по началам рабочего социализма, для совершения каких угодно сложных ученых изысканий, лишь бы эти изыскания касались *действительно важного* вопроса науки. Мы уже теперь видим дорого стоящие экспедиции во внутренность Африки и раскопки в Вавилоне, производимые безо всякого государственного содействия, на частные средства газетных издателей, которые спекулируют на эти рекламы особого рода. Нет ни малейшей причины сомневаться, что в будущем обществе свободные союзы с научною целью, охватывая личности, общины и федерации общин, будут совершать изыскания более обширные, чем те, для которых когда-либо решились бы министры-политики внести крупную сумму в государственный бюджет.

Серьезнее вопрос о работах «неприятных» по своей сущности (например, вывозка нечистот) и о работах, с одной стороны трудных, а с другой — вовсе непривлекательных для того, кто возьмется за их исполнение (например, доставка корреспонденций в пустынные местности).

Можно надеяться в этих случаях на развитие альтруистических влечений, на самоотвержение в пользу общества, выработанное и привычкою к солидарному общежитию, и целесообразным воспитанием. Я вовсе не отрицаю ни возможности, ни вероятности подобного влияния, но так же, как выше, не хочу вводить в рассуждение элементы, психологические законы которых вовсе

не исследованы и реальное значение которых может быть в настоящем положении науки лишь гадательно. Я предпочитаю взести в расчет опять-таки испытанный элемент низшего сорта, но действие которого засвидетельствовано историею.

Это все тот же элемент общепринятых обычаев и рутины общежития. Люди, знакомые, хотя бы только по книгам, с образом жизни «сливок общества» в последние два века, могут припомнить сотни примеров, где люди, вполне обеспеченные и материально и по своему общественному положению, проводили день за днем в произвольно наложенных на себя мучениях неудобного костюма, душных комнат, скучнейших и бесполезнейших церемоний, даже прямо опасных для здоровья и жизни действий, лишь бы исполнить *все*, что требовали общественные приличия, и превзойти друг друга в точности исполнения этих требований. В этом нелепом направлении совершались геройские подвиги, подавлялись физические и нравственные страдания, приносилось в жертву всякое личное влечение, приносилась в жертву самая жизнь, и при этом, повторяю, самыми самоотверженными героями являлись люди, во всех отношениях обеспеченные, не гнавшиеся ни за барышом, ни за политическим влиянием, но совершавшие свои подвиги в продолжение целой жизни во имя *одного* идола—*одобрения* и *удивления* со стороны того жалкого кружка светских людей, с которым они считали себя солидарными.

Можно ли надеяться, что в будущем обществе эта готовность на самомучение в виду общественного одобрения и удивления будет играть достаточную роль для того, чтобы вызвать ряд действий на общую пользу? Можно ли ожидать, что влияние общественного одобрения и удивления в этом случае усилится, ослабеет или поддержится на том же уровне, какой мы видим в настоящее время? и достаточен ли был бы нынешний *общий* уровень этого влияния для того, чтобы, в случае сохранения этого уровня, оно могло вызвать в обществе достаточное число личностей на добровольное обречение себя на «неприятные» и «тяжелые» работы?

Примеры безусловного подчинения обычаю, несмотря на самые тяжелые жертвы, им требуемые, мы находим на низших ступенях культуры, там, где обычай составляет единственное связующее начало общежития. Затем, с развитием эгоистических стремлений и борьбы родов и сословий за влияние в обществе, за захват большей доли общественного имущества, мы находим, что обычай становится тем тираничнее в данной группе, чем высшее положение она занимает в обществе, чем менее тяжела для нее борьба за существование, чем более принятый в этой группе обычай служит ей отличительным признаком от низших общественных групп, чем сильнее в группе солидарность и чем важнее-эта солидарность для поддержания общественного влияния группы. Другой мотив для самоотвержения в пользу обычая есть мотив религиозного фанатизма, в случае обычая, связанного с сверхъесте-

ственным верованием, но этот мотив, хотя и очень силен, зато и распространен гораздо менее, потому что условия места и времени, при которых религиозный фанатизм может иметь историческое влияние, встречаются не очень часто. В народных слоях, которые преимущественно несут на себе тяжесть борьбы за существование, и в классах, представляющих главную почву *личной* борьбы за обогащение, при сильном развитии индивидуализма и конкуренции, при господстве борьбы против подавляющих привилегий и традиционных влияний, обычай теряет свое господство и вовсе не может считаться сильным орудием для общественной деятельности. Он был могуч в родовой аристократии, в исключительных придворных кружках доброго старого времени; он был силен в старой буржуазии городских патрициев, замкнутого судебного сословия, в старых цехах и рабочих товариществах с их привилегиями, потому что все эти группы вели коллективную борьбу между собою; члены их крепко держались друг друга, причем каждая высшая группа находила в обычае символ своего обособления и своей солидарности. Влияние обычая ослабело прежде всего в новой буржуазии, которая потеряла свою солидарность как сословие, развила в своей среде безграничную личную конкуренцию, подняла знамя свободы и борьбы против высших привилегированных классов, объявила себя в знаменитой фразе Сieса[203] «всем» и подорвала всякую общественную солидарность во имя безусловного эгоизма конкурирующих собственников. Вслед затем ослабело влияние обычая и в рабочем классе, обратившемся в рабочий пролетариат, причем борьба за существование становится для него так тяжела, что значение «одобрения» и «удивления» делается для каждой личности в ее среде все менее значительно. Остается небольшой слой «светского общества», слой, в наше время заключающий людей, способных жить в свое удовольствие или прикидывающихся, что они могут жить таким образом. Лишь этот класс остался в значительной степени — хотя далеко менее прежнего — подчинен влиянию взаимного «одобрения» и «удивления», обусловленного строгим, самоотверженным, а в иных случаях даже геройским исполнением того закона, который называется светскими приличиями. Именно потому, что лишь богатство может дать место в этом кругу; потому, что лишь богатство доставляет значение в современном обществе хищников и эксплоататоров, а все остальные признаки разделения между группами исчезли—именно потому каждый член этого круга сознательных паразитов общества, гордящихся своим паразитизмом, старается доказать, хотя бы строгим соблюдением законов светского приличия, свою солидарность с этим заветным кругом и готов геройствовать под тиранией этой фиктивной солидарности.

Отсюда совершенно ясно следует, что связующее начало общественного одобрения в настоящее время стоит на крайне низком уровне: оно почти совершенно ничтожно для двух самых много-

численных классов — для рабочих и для большинства участников в капиталистическом хозяйстве и в бюрократическом государстве нашего времени; оно оказывается признаком некоторой фиктивной солидарности лишь для самого гнилого слоя нашего патологического общества. Если в будущем обществе, построенном по основаниям рабочего социализма, нельзя было бы ожидать возвышения уровня этого начала, то оно вовсе не могло бы быть принято в расчет при соображениях о будущем общественном строе, как начало влиятельное.

Но слабость этого начала в настоящее время тесно связана с отсутствием солидарности между членами общества, отсутствием, которое вызвано все усиливающеюся конкуренциею с одной стороны, все увеличивающеюся трудностью существования рабочего большинства—с другой. Обеспечение всем и каждому всего необходимого для существования и для развития устранит одну из причин этой слабости. Устранение конкуренции за обогащение, кооперативный труд во всех отраслях и внесение начала коллективизма во все привычки общежития не могут не действовать прямо противоположно теперешнему порядку. Чем действительнее будет входить в привычки в общественное мнение начало коллективизма, тем значительнее должно делаться для большинства влияние общественного одобрения, и тем чаще будут вырабатываться в обществе люди, которые из-за этого одобрения совершенно искренно пойдут на всякую неприятную, тяжелую и опасную работу.

Если в наше время борьбы за наживу является достаточное число лиц, которые, безо всяких научных целей, с опасностью для жизни и с немалыми, совершенно непроизводительными расходами лезут на вершину высочайших гор или со страшными лишениями предпринимают путешествия в местности пустынные или населенные дикими племенами из-за того лишь, чтобы им удивлялись, как это они были там, — то, при окрашивании всех действий более или менее ясно понятным принципом общей пользы, действия, вызывающие одобрение, должны встретить многочисленных добровольных исполнителей. Эти «охотники» будут составлять точно такие же свободные союзы для исполнения неприятных, тяжелых и опасных работ безо всякого вмешательства *принудительной* власти, как это должно иметь место во всех отраслях общественной жизни. Конечно, это не есть еще вполне удовлетворительное решение вопроса, так как вовсе нежелательно, чтобы одни члены общества совершали хотя бы добровольно более неприятные, более тяжелые и более опасные работы, чем другие; но надо надеяться, что техника, до сих пор преимущественно — если не исключительно — направляемая на *удешевление* производства, в виду большей выгоды эксплоататоров, постарается в социалистическом обществе всеобщего труда довести неприятности, трудности и опасности всякой работы до *минимума*. Может быть, даже, она доведет этот минимум до такой

незначительной величины, о которой мы теперь едва можем составить себе понятие, но рассчитывать на подобные успехи было бы утопично, и потому, ограничиваясь лишь испытанными способами действия страстей и влечений, я устраняю соображение о гадательных успехах будущей техники. При этом ограничении все-таки можно утвердительно сказать, что усиление в будущем обществе начала солидарности должно повлечь за собою настолько усиление влияния общественного мнения, общественного одобрения и порицания в среде местных и свободных союзов, охватывающих все отрасли деятельности личности, что можно с уверенностью рассчитывать на это влияние, как на силу, подавляющую порывы страсти, порицаемые общественным мнением, и как на силу, вызывающую многочисленные действия и даже подвиги во имя одного общественного одобрения. Специальная принудительная власть и здесь оказывается излишнею.

Мне остается еще упомянуть о тех родах общественной службы, которые будто бы по самой своей «сущности... составляют монополию» и, следовательно, ставят группы лиц, которым общество предоставило бы отправление этих служб, «в привилегированное положение, благоприятное для спекуляции и эксплоатации общества», и о тех «работах, которые требуют... комбинированных усилий большего числа рабочих» и «нуждаются поэтому в одном высшем руководстве, которое «будто бы» может быть отдано лишь в руки общественной администрации».

Как пример общественной службы, которая была бы монополией в руках частного общества, автор брюссельской записки приводит (стр. 13) железные дороги и копи. Посмотрим внимательнее, могла ли бы при отсутствии частной собственности возникнуть монополия в подобных случаях и можно ли себе представить в общих чертах постройку и эксплоатацию железной дороги или разработку каменноугольной копи вполне свободным союзом безо всякой опасности для общества, конечно, такого, которое основано на всеобщем труде и в своем строе осуществляет в достаточной степени начала кооперации.

Само собою разумеется, что здесь вполне *точного* разбора дать невозможно, потому что будущее общество представит формы общежития, весьма отличные от нынешних и обусловленные новыми общественными отношениями, как всегда значительные изменения в условиях жизни выражались весьма заметными изменениями в формах общежития.

Одним из самых поразительных примеров этому может служить в прошедшем изменение форм городской и сельской жизни. Для Западной Европы, например, доказано, что общинное сельское хозяйство было вначале общим типом общественной жизни[204]. Из него развилась, с одной стороны, усадебная жизнь, с другой — городская; потом общинное хозяйство разрушилось почти без следа; наконец, в самое последнее время, под влиянием же-

лезнодорожных сообщений, государственной централизации и обширных фабричных производств, получают громадное развитие немногие большие города, а большинство малых начинает атрофироваться точно так же, как сельская жизнь представляет не мелкие самостоятельные центры, а преимущественно простое расселение сельского рабочего класса и промышленников, удовлетворяющих его простейшим потребностям. В России противоположение городов селам никогда не было значительно; города, развившиеся (в вечевой период) в довольно значительные центры земской жизни, были раздавлены политическою централизациею столиц, затем стали атрофироваться, и хотя в самое последнее время как будто начинается — в довольно жалких формах, впрочем — возрождение мелких городских центров, тем не менее Россия представляет в настоящую минуту, во-первых, многочисленные общинные сельские центры населения, имеющие свои начала солидарности, во-вторых, менее полдюжины крупных административных центров, обусловливающих государственное единство страны, и, между этими двумя главными формами общежития, усадьбы разбросанных и *ничем* не связанных друг с другом представителей частной поземельной собственности; далее, жалкие пункты местных рынков и местной администрации, называющиеся городами, но не имеющие никакой жизненности; наконец, развивающиеся фабричные центры, довольно схожие с тем, что мы находим в Западной Европе. В азиатских странах изменение форм общежития было опять иное, вследствие иных фазисов политической и общественной истории. Конечно, и общество, долженствующее осуществить начала рабочего социализма, представит новые формы общежития, тем более отличные от настоящих и прошедших форм, чем резче задачи всеобщего кооперативного труда, охватывающего население, одинаково обеспеченное во всех своих группах, отличаются от современной экономической конкуренции, все более централизующей экономические силы в больших промышленных предприятиях и на бирже и отодвигающей все большее число лиц в ряды вечно трудящегося, но нисколько не обеспеченного пролетариата. Надо полагать, что нынешнее стремление населения накопляться в больших центрах заменится более равномерным расселением его, и что новый способ расселения вызовет тип земской общины, отличающейся и от нынешнего небольшого города, и от нынешней западной деревни, и от русского села; но каков будет этот тип—сказать весьма трудно, а один этот пункт— далеко не единственный — представляет весьма значительное затруднение точному обсуждению приемов кооперации для дела, требующего значительного числа лиц или распространяющегося на значительное пространство.

Для упрощения рассуждения в этом случае, я предположу расселение в небольших общинах, не особенно далеко отстоящих одна от другой и представляющих повсеместно удобные способы

сообщения. Но здесь, как и во всем последующем, я вовсе не имею в виду начертить картину, которая должна осуществиться, а укажу лишь в общих чертах возможность вполне свободной кооперации сил для общеполезного дела, без всякой опасности для населения в отношении возникновения «монополии», «спекуляции» или «эксплоатации общества».

Положим, 100 общин, расположенных в данной местности, употребляли для топки частью каменный уголь, доставляемый с довольно дальнего расстояния, частью дрова и торф, причем поддерживались рощи для дровяного леса; определенное пространство торфяников назначалось для добывания торфа; наконец, на перевозку всего нужного топлива, на расчистку и содержание рощ для рубки дров, на самую рубку их, на работу в торфяниках употреблялось определенное число часов работы, всеми, кто принимал участие в этой работе. В собрании одного геологического общества один член читает записку о том, что по таким-то и таким-то соображениям, в местности довольно центральной для этих ста общин, должен находиться каменный уголь хорошего качества. К этому мнению пристают многие из геологов, и в газетах всех ста общин эти мнения передаются с подробностями и с комментариями. Так как общая степень развития дает полную возможность всему взрослому населению заинтересованных общин *понимать* аргументацию ученых — хотя немногие были бы способны, не будучи специалистами, самостоятельно продумать эти аргументы — то вопрос становится вопросом дня. Статистические общества местности немедленно дают приблизительное вычисление, сколько часов работы было бы выиграно, если бы каменный уголь добывался на месте. В разных специальных обществах составляются и подвергаются обсуждению на собраниях и в газетах проекты относительно того, что можно было бы сделать из пространств, занятых торфяниками, и из рощ, назначаемых для дров. Если выигрыш во времени очевиден и то же самое количество человеческого труда оказывается в состоянии не только доставить нужное топливо для рассматриваемой местности, но еще дать другой добавочный результат, то общественное мнение начинает влиять решительно в пользу приступа к работе. Между тем чисто научный интерес, возбужденный в разных геологических обществах, вызывает вербовку членов этих обществ для того, чтобы на опыте решить вопрос, точно ли правы геологи, предполагающие в этой местности большой слой угля хорошего качества. Составляется небольшой свободный союз исследователей, который выбирает руководителя разведочных работ, распределяет между членами труд изготовления нужных инструментов, разведочные работы, рассчитывая при этом на подвижные паровые машины, находящиеся на месте, на сочувствие и на содействие заинтересованного населения. Члены этого союза собираются в данную местность, вступают по другим своим специальностям (столяров,

портных, медиков, лингвистов, педагогов и т. п.) в соответственные местные союзы и употребляют определенную часть времени на исследование. Оно идет тем скорее, что население местности, возбужденное рассуждениями газет, вычислениями статистиков, спорами прожектеров, дает множество рук для ускорения исследования. Результат получен удовлетворительный; каменный уголь найден в достаточном количестве и хорошего качества.

Под влиянием всеобщего интереса составляется немедленно свободный союз для разработки найденного каменноугольного слоя. Выбирается временный комитет для составления плана и сметы работ. Составляется подробный расчет, какие именно общины и в каком количестве найдут выгодным (т. е. при меньшем количестве труда и времени на доставку) получать топливо из новых копей. Комитет общества разработки входит в сношения с собраниями общин и заручается их мнением. Таким образом, определяется количество угля, которое должно быть добываемо ежегодно из новой копи и количество часов работы углекопов, возчиков, механиков, сортировщиков, конторщиков, распорядителей, нужное для дела. Комитет публикует расчет и приглашает всех желающих записываться членами в общество для разработки. Общество приступает к работам лишь тогда, когда по всем специальностям нашлось довольно охотников. При возбуждении общественного мнения едва ли в этом встретится затруднение. Полное собрание членов выбирает постоянный комитет управления копями и их разработкою, иногда приглашает в него человека, не записавшегося членом, потому что он отвлечен другими работами, но специальным знаниям которого особенно доверяют. Ему не предлагают каких-либо особых выгод, потому что таких выгод быть не может, но давление общественного мнения может его заставить отказаться от какого-либо другого дела и вступить в комитет управления новыми копями. Каждая специальная группа работников выбирает точно также своего надсмотрщика за работами или даже приглашает со стороны. Ход работ подвергается общему обсуждению на собраниях общества, и члены комитетов, надсмотрщики сменяются в случае надобности.

Должно помнить, что при этом не существует ни обременения работою, ни резкого различия мышечной и мозговой работы, ни какой-либо материальной выгоды для лица, избранного на ту или другую должность. Положим, требуется работа 200 углекопов по 8 часов в сутки: комплект членов углекопов будет 800 в минимуме, чтобы каждый работал в копях по два часа каждый день, или, если их более 800, даже не каждый день. Все личности без исключения, вне раннего детства и старческой дряхлости, участвуют в союзах как для мышечной, так и для мозговой работы. Гигиенисты указывают нормальное отношение мышечной работы к мозговой по возрасту и по личным особенностям каждого. Общественное мнение препятствует личности — вполне свободной —

отколниться значительно от этого указания. Положим, в общество разработки копей вступит член, который принял для себя следующее нормальное распределение занятий: 5 часов мышечной и 7 часов мозговой работы в сутки. Он — член общества поддержки и ремонта плотин и каналов, которому дает по два часа ежедневно, член общества изготовления оптических инструментов (тоже 2 часа), член общества содержания улиц данной общины в чистоте (1 час ежедневно), член статистического бюро, общества переводчиков и работ по высшей математике, на что употребляет вместе 7 часов, причем, смотря по личным особенностям или меняет работу по дням, или ежедневно переходит от одной работы к другой. Он вступает в общество разработки копей углекопом, отдавая через день на это два часа, а в обществе поддержки плотин и каналов заявляет, что будет работать там через день. Ни для него, ни для общества ничего не изменилось: он попрежнему отдает все свое время на дело, оставаясь вполне свободным в выборе занятий. Он простой углекоп в обществе разработки копей; он, может быть, один из руководителей работ по изготовлению оптических инструментов, может быть — президент союза математиков-открывателей для целой страны. Точно также избранный или даже приглашенный председатель комитета управления копями и их разработки, может быть, один из многочисленных членов в союзе сапожников, один из исполнителей чужих работ в союзе химиков, работает рядом с углекопом по содержанию улиц в чистоте, и замечателен только в союзе горных техников, где был постоянно избираем для руководства трудными работами. И тот и другой отдает обществу все свои силы. И тот и другой получает от общества лишь все необходимое для своего существования и развития.

Спрашивается, каким образом этот *вполне свободный* союз для разработки угольной копи может сделаться «монополиею»? какие тут могут быть «спекуляции»? или как комитет союза может «эксплоатировать» общество?

Конкурировать союзу не с кем и не для чего. Количество угля, нужное ежегодно, заранее определено; потребители известны; от возрастания или от убывания количества добываемого угля нет ни малейшей выгоды никому из членов комитета. При малейшем неудовольствии или рабочих членов союза, или потребителей, всякое должностное лицо может быть сменено. Председательствуя в комитете управления копями, руководитель работ не изменяет ни на волос своего положения во всех других обществах, в которых он участвует. Он может лишь спекулировать на большее одобрение и уважение общества за хорошее ведение работ, за безопасность и удобство рабочих и т. п. Но это едва ли опасная спекуляция.

Общество разработки действительно имеет в своем исключительном и бесконтрольном владении разрабатываемые копи, но

это не монополия, потому что никто у него не оспаривает эту работу, да и оспаривать не к чему. Всякий, кому угодно, может приступить к обществу, и это выгодно для общества, так как всякая новая сила позволяет уменьшить работу других лиц, которые употребят свой досуг на другой общеполезный труд. Всякий член может быть выбран на общем собрании в комитет управления, может быть даже выбран главным руководителем работ, если он придумал лучшую систему ведения этих работ. При этом он может выиграть опять-таки только одобрение, уважение, известность и ничего более.

Но общество — скажут мне — может захотеть приобрести власть над сотней общин, которым оно *исключительно* доставляет топливо. Оно может запереть свои склады и, под страхом остановки всех работ, на которые нужно топливо, принудить принять свои условия. — Это, очевидно, невозможно. Во-первых, потому, что каждый член общества есть в то же время член самых разнообразных союзов, из которых он будет исключен за подобное действие; во-вторых, потому, что общество разработки не имеет ни своего дома, ни своей пищи и будет вымерено голодом прежде, чем общины почувствуют недостаток в топливе; в-третьих, потому, что топливо было бы очень скоро подвезено из окрестных местностей с небольшим увеличением труда для перевозки и размеров разработки; в-четвертых—и это главное—потому, что подобная мысль даже не может возникнуть в обществе, состоящем из людей, выросших под влиянием идеи общественной солидарности в воспитании, в обычае, в литературе, в науке, в философии.

Но для общего руководства обширными работами нужна, говорят, власть, которая придавала бы им единство и цельность, которой подчинялись бы все участники. Эта власть существует, но она — власть, избранная теми самыми лицами, которые ей подчиняются, она — власть существующая лишь до той минуты, до которой ее считают нужною для самого дела; она решительно не имеет никакого значения вне этого дела. Следовательно, в ней нет следа государственного начала, нет следа *управления* (недобровольного) *человека человеком*. Каждый член общества может каждую минуту оставить копи, но пока он участвует в их разработке, он нравственно обязан безусловно подчиняться свободно избранным руководителям работ. Общественное мнение тяжело обрушилось бы на него и в том случае, если бы он легкомысленно бросил работу, на себя взятую, и если бы вздумал не подчиняться руководству лиц, поставленных в управление работами тем самым союзом, к которому он добровольно приступил.

Мне кажется, что при подобном устройстве — а в будущем устройство может быть придумано несравненно совершеннее, чем мы в состоянии вообразить его теперь — никакой «монополии» или «эксплоатации» быть не может и вмешательство какой-либо государственной или общинной власти совершенно излишне.

Едва ли нужно входить в подробности для пояснения, что и управление железною дорогою, пролегающею на довольно значительное расстояние, не будет нуждаться ни в каком правительственном руководстве, ни в какой сдерживающей или направляющей государственной власти. Весьма легко представить себе это управление, как обширный союз личностей, состоящий частью из местных секций (на каждой станции), частью из более специальных союзов (телеграфистов, стрелочников, сторожей, кондукторов и т. под.), причем каждая местная секция входит в состав местного общинного целого, каждый специальный союз — в состав более обширного союза рабочих той же специальности; и ни один член, находящийся при эксплоатации дороги, не принадлежит ей *совсем*, но в разнообразных отраслях других своих занятий входит в состав такого же числа общественных групп, занятия которых не имеют ничего общего с железной дорогой. Эти многочисленные нити, связывающие человека с обществом и существенно важные для личного развития человека, для расширения его мысли и его способностей, составят и одно из важнейших ручательств в том, что ни один человек не будет иметь возможности на какой-нибудь отдельной отрасли деятельности попытаться противопоставить свой личный интерес интересу общему. При всякой подобной попытке ему пришлось бы разорвать столько связей важных для его жизни, что самый обыкновенный расчет побудит его воздержаться от этого, если нравственное убеждение окажется, в рассматриваемом случае, бессильным. Затем, всякий элемент монопольного хозяйства, эксплоатации железной дороги в пользу группы, которая взялась за ее управление, исчезнет вследствие того, что никакой особенной выгоды не может доставить положение участника в главном совете управления дорогою, так как выгоды жизненного положения для всех одинаковы, а выделять какое-либо имущество в свою исключительную выгоду не для чего, при отсутствии всех форм частной собственности, а следовательно, всякого покупного наслаждения.

Таким образом, я позволю себе заключить, что *обе* формулы, заключающиеся в боевом крике рабочего социализма (см. выше стр. 257) *одинаково достижимы;* что общежитие, устроенное по началам рабочего социализма, *может* устранить *управление человека человеком;* что оно *может* обойтись без специальной полиции, специального суда, специальной администрации, охватывающей разнообразные отрасли общественной жизни и тем обусловливающей образование некоторой территориальной единицы, которая противополагалась бы другим подобным же единицам и следовательно—в некоторой степени конкурировали бы с ними. *Государственный элемент в будущем обществе,* когда это общество вполне проникнется началами рабочего социализма, может не только дойти до известного минимума, но *может и совершенно исчезнуть.* Вовсе не будет существовать какой-либо—меньшей и

большей—доли общества, которая была бы поставлена в возможность, при *каждом* случае, навязать свою волю остальной доле общества, следовательно—не будет класса управляющего и класса управляемого. Все *существенные* потребности личные и общественные, которым удовлетворяла в разные эпохи государственная власть, будут удовлетворены иным путем, а *временная* потребность в государственной власти, неоспоримая в давно минувшие периоды, окажется несуществующею для общества, устроенного по началам рабочего социализма. Власть будет существовать в обществе, как форма руководства всякой коллективной деятельности, но эта власть, которую неизбежно будут «употреблять», не будет вовсе нуждаться в том, чтобы с нее «сбивали каску», или чтоб стремились ей придать «человечный вид». Она *не будет иметь возможности принять* «бесчеловечной формы», так как не будет ни одного человека, который был бы *властью* во всех проявлениях своей жизни; самая крупная личность будет участвовать лишь в некоторых формах власти и в столь же значительной доле отраслей общественной жизни будет занимать подчиненные должности. Для *каждого* специального дела будет существовать своя выборная власть, руководящая делом довольно неограниченно, однако под строгим контролем общественного мнения; но при разнообразии общественной жизни таких разнообразных властей будет весьма много, и потому именно ни одна из них не будет иметь возможности унаследовать функции теперешней государственной власти.

Представим себе разнообразно развитые личности, сознающие, что их существование, развитие, — а, следовательно, *все* для них необходимое, *все*, доставляющее им наслаждение, — вполне зависит от коллективной деятельности общества, в которое эти личности входят элементами. Представим себе, с другой стороны, человечество (или значительную долю его), связанное принципом всеобщей солидарности и как единственного коллективного собственника всех богатств земного шара (или значительной доли его). Представим себе, что эти личности, составляющие человечество, унаследовали усвоенное и развитое несколькими поколениями сознание истины, что *при отсутствии монополии* благополучие каждого в отдельности неразрывно связано с увеличением благополучия коллективного целого и что для содействия этому последнему — а, следовательно, и собственному благополучию — *единственное* средство это — отдавать все свои силы на общее дело. Представим себе множество местных общинных союзов, расселенные в которых личности связаны между собою кооперативным трудом, а самые общины между собою—взаимным содействием. Представим ряд временных или постоянных свободных союзов для определенного дела, связывающих из-за общей цели людей, живущих в различных общинах, иногда в разных частях света. Представим себе, вследствие этого, общежитие, которое неизбеж-

но втягивает всякую личность в продолжение всей ее жизни в кооперацию со множеством разнообразных лиц, сплетает наслаждения и страдания каждой личности с наслаждениями и страданиями множества других людей, а тем самым ставит каждого человека под влияние общественного мнения в такой сильной степени, до которой никогда не достигали те группы, где в минувшие периоды это мнение проявляло свое наибольшее действие. Представим себе воспитание, развивающее *каждого,* сообразно его личным наклонностям, в направлении необходимости и обязательности коллективизма, и при этом воспитании, правила которого не парализуются прямо противоположными *правилами житейской ловкости,* как в настоящее время. Представим себе литературу, искусство, ежедневные сходки в часы отдыха, воспитывающие взрослых в том же направлении.— Какое тут место остается принудительной власти, всегда уступающей в силе влиянию общественного мнения, от которого, при этой форме общежития, никто никогда не укроется? Какая помеха отдать всякую общественную работу, всякую «общественную службу», от самой мелкой до самой обширной, в руки свободных союзов, которые будут неизбежно находиться под внимательным контролем *всех?*

И не следует думать, что общество, достигнув подобного строя, достигло до предела человеческого развития, что человеку при этом не представляются весьма трудные задачи в области физической, биологической, социологической техники.

В настоящее время едва ли не так же трудно составить ясное представление о практических и теоретических задачах будущего периода, как математикам XVI века трудно было представить себе задачи интегрального исчисления, как химикам до Лавуазье трудно было предвидеть задачи современной химии, как средневековым ростовщикам трудно было уяснить себе процесс нынешних биржевых оборотов и спекуляций. Тем не менее можно сказать, что некоторые вопросы, теперь уже поставленные или предвиденные, должны найти свое решение или вызвать теоретические и практические исследования в обществе, которое будет избавлено рабочим социализмом от многих подавляющих забот нашего времени.

На первом месте здесь стоит вопрос гигиены и медицины. Лишь на почве *здорового* общежития может развиться общежитие *безопасное, экономически обеспеченное, справедливое.* Задача рабочего социализма *не может* быть исполнена прежде, чем гигиенические условия общественной жизни не будут в значительной степени изменены. А это — весьма обширное требование. Это — систематическая перестройка всех жилищ, которые для огромного большинства составляют именно источник заболеваний. Это — оздоровление обширных местностей. Это — обширные успехи техники в направлении к устранению нездоровых, тяжелых и неприятных приемов работы. И только тогда, когда гигиенические усло-

вия для всего человечества (или для всех той доли его, которая войдет в систему общежития рабочего социализма) сделаются удовлетворительными, — когда все патологические явления, унаследованные живущими поколениями, вследствие гибельных гигиенических условий жизни отцов и дедов, будут доведены до минимума — лишь тогда медицина будет надлежащим образом поставлена лицом к лицу со своими *настоящими* вопросами: с борьбою против болезней, возникающих независимо от обычно вредных гигиенических условий, со средствами продлить жизнь, сократить период дряхлости, облегчить физиологически необходимые, но тем не менее болезненные процессы (прорезки зубов, беременности и родов, смерти).

С вопросами гигиены связаны самые трудные вопросы борьбы с вредными климатическими влияниями, а пред будущим обществом уже теперь ученые социалисты (де-Пап, в своем «Cours d'économie sociale» * [205] после Гердера [206], Вольфа, Шварца [207] и Фурье) ставят не только мелкие технические задачи современной фабричной и сельскохозяйственной техники, но великую задачу «изменения температуры и климата» стран.

Если эти задачи могут казаться слишком отдаленными или даже утопическими, то едва ли кто усомнится в настоятельности задач, которые можно предвидеть в области социологии для общества, построенного на началах рабочего социализма. Я ограничусь лишь двумя. Это, во-первых, создание системы воспитания, которая вырабатывала бы физически крепких, умственно могучих и нравственно твердых людей для самого разнообразного труда, не штампуя по однообразному шаблону тысячи посредственностей — как думают или прикидываются, будто думают, некоторые нелепые возражатели социализму — но развивая все обособляющие наклонности и способности личностей в их специальностях на общей почве равной для всех образованности. Это, во-вторых, охранение самостоятельности личного характера под громадным давлением общественного мнения, которое, как указано выше, должно заменить и может заменить самые разнообразные современные учреждения, назначаемые для охранения безопасности личности, для контроля ее страстных увлечений, для направления ее сил на общую пользу, и в тех случаях, когда это направление не может быть, само по себе, приятно личности. Бесспорно, что присутствие подобной подавляющей силы может быть опасно для правильного умственного и нравственного развития личности, и чем важнее будет для общественного порядка именно эта сила, тем сложнее сделается вопрос об охранении от нее самостоятельности личности. Если и найдутся в самом развитии строя будущего общества некоторые силы, охраняющие

---

* См. брюссельский журнал „L'Économie sociale" 19 февр. 1876 г., стр. 61.

личность от этой опасности (я сейчас скажу об одной из них), то тем не менее эта опасность достаточно серьезна, чтобы потребовать от будущего общества обдуманных приемов социологической техники, и устранение ее может быть лишь результатом упорного умственного и технического труда. Я вовсе еще не коснулся других социологических вопросов будущего, которые — как, например, приспособление личных привязанностей и антипатий к формам разнообразной кооперации — могут тоже представить немалые трудности.

Но все эти вопросы, насколько можно теперь представить себе их будущую постановку, и при своем теоретическом обсуждении и при своих практических решениях едва ли могут вызвать необходимость какого-либо специального органа принудительной власти и потребовать чего-либо, похожего на нынешние государственные силы. Явятся новые *временные* потребности и создадут для себя новые *временные* органы в общественном строе, но в их числе не найдет себе места старая политическая сила, которая объединяла и противополагала территории и их населения, отделяла господствующие классы от их подданных.

Конечно, нельзя надеяться, чтобы общество очень скоро дошло до того состояния, когда воспитание, общественные привычки и общественное мнение будут достаточны для всех тех целей, о которых я говорил в этой главе. Лишь мало-по-малу аффекты и страсти перестанут вызывать безобразные поступки; лишь через несколько поколений перестанут быть обычными в социалистическом обществе явления *переживания* привычек алчности, монополизации, эксплоатации других в виду эгоистической выгоды, вследствие непонимания истины, что при строе, отрицающем частную собственность, эгоистическая выгода не существует в противоположении с выгодою общею. Даже в позднейшие периоды эти старые болезни будут проявляться от времени до времени, как шестипалая рука или косой глаз предка порою проявляется у потомка. Они будут еще обычнее в первые периоды жизни социалистического общества после полной победы его над врагами. Подавление подобных явлений, и притом почти неизбежно подавление *насильственное*, будет вызвано необходимостью. Я уже говорил, что эта функция нынешней полиции и нынешнего суда не должна создать специальных органов государственной власти, но должна лежать на обязанности личностей и свободных групп, к которым принадлежит преступник против солидарности общества (стр. 268 и след.). Мне кажется, что именно в этой функции старой государственной власти, функции, перешедшей к каждой личности в отдельности, за неимением специальных органов для соответственного отправления, именно в этом будет заключаться оружие для некоторого охранения личности от той опасности, о которой сказано выше: от избытка подчинения личности общественному мнению. Не имея возможности прибегать к полиции, к

суду, к правительству, и между тем не особенно редко встречаясь (по крайней мере, в первый период жизни социалистического общества после решительной победы) с поступками, против которых приходится действовать энергично, личности и свободные группы должны на этих случаях выработать в себе решимость принять на свою личную или коллективную ответственность именно самые решительные меры, за которые придется строго отвечать пред общественным мнением. Но до сих пор опыт показал, что самостоятельность характера всего лучше вырабатывается в личности тогда, когда этой личности часто приходится действовать на свой страх, не имея возможности прибегать к чужой помощи и не имея возможности уклониться от ответственности за свои действия. Таким образом, вместе с растущим влиянием общественного мнения—главного заместителя нынешних разных форм государственной власти—должна, именно вследствие отсутствия этой власти, вырабатываться в личностях и в свободных группах привычка действовать собственными силами с полною ответственностью за свои поступки, и, следовательно, привычка самопомощи в личности и в группе; привычка, которая должна, до некоторой степени, противодействовать опасности подавления самостоятельности личности и мелкой группы общественным мнением обширного целого. В выработке надлежащей гармонии между этими двумя общественными силами: нивелирующей силою общественного мнения и индивидуализирующей силою привычки к самостоятельным и энергическим решениям в личности и в небольшой свободной группе — будет заключаться, по всей вероятности, один из важнейших и труднейших вопросов общежития будущего строя рабочего социализма.

При этом надо иметь в виду, что упомянутая привычка к самостоятельным и энергическим решениям в личности и в небольшой свободной группе должна будет вырабатываться не в позднейший период жизни социалистического общества, даже не после решительной и окончательной победы рабочего социализма над внутренними и внешними врагами, но с *первой же минуты,* когда победоносный взрыв пролетариата подавит настолько противников, что разрушительное дело социальной революции можно будет считать оконченным, и победителям придется приступить к построению нового общества на началах рабочего социализма, в присутствии немалочисленных врагов внутренних и внешних, хотя бы временно бессильных, и с сознанием, что сами строители нового общества переносят в него с собою множество старых привычек и влечений*.

---

* В этой главе вовсе не имелось в виду разобрать все предложения, сделанные разными писателями о внесении государственного элемента власти в будущее общество. Подобная критика требовала бы размеров, далеко превосходящих размеры этого труда. Я остановился на предложениях, внесенных на Брюссельский конгресс и на цитате из

V. На другой день после революции

Задача, которая представится социалистам немедленно вслед за победою, гораздо сложнее предыдущей, во-первых, по сложности самих внешних и внутренних условий, при которых придется действовать новому обществу; во-вторых — по сложности задачи, которая будет тогда поставлена перед этим обществом и которую придется решить немедленно.

Социалистам-победителям придется взять в соображение все разнообразные группы личностей, которые войдут в состав общества на другой день после революции, и сообразить принимаемые меры с крайним разнообразием отношений этих групп к задачам рабочего социализма.

Им придется одновременно ограждать себя от наличных опасностей, грозящих новорожденному обществу, и в то же время придется остерегаться от мер, которые, при всем своем кажущемся удобстве для разрешения наличных затруднений, могут иметь самое гибельное влияние на дальнейшее будущее вследствие того,

---

«Volksstaat» лишь потому, что все эти заявления вышли из среды тех самых рабочих ассоциаций, которые составляют реальную почву для завоевания будущности приверженцев рабочего социализма, и вышли из этой среды в самое последнее время.

В произведениях, носящих более личный характер, теперь редко встречаются попытки уяснить себе формы общежития будущего общества (я говорю, конечно, о литературе, заслуживающей сколько-нибудь серьезного внимания). Упомяну здесь лишь об одном из новейших указаний этого рода. Мы находим его у Дюринга [208] в его произведениях самого последнего времени. Так, во втором издании своего «Coursus der National und Socialökonomie» (1876) [209] он посвятил целую главу (Socialitäre Schemata etc.), (319—360) плану социалистического общества будущего. Его основной элемент — «экономическая община» («Wirthschaftscommune»), устраняющая частую или, как автор ее называет, «насильственную собственность» (Jewalteigenthum), как относительно почвы, так относительно хозяйственных учреждений и жилищ. Пользование опирается на договор. Общины могут быть частью земледельческие, частью промышленные. Они не могут устанавливать каких-либо мер, исключающих лиц, вне их находящихся, так как между различными «экономическими общинами» должно быть установлено право свободного перемещения и обязательный прием новых членов «на основании определенных законов и административных порядков». Система «свободного экономического общества», образованного этими общинами, «основывается на равенственном (gleichheitlichen) обмене труда и составляет поэтому большое учреждение обмена (Tauscheinrichtung) причем автор особенно напирает на необходимость металлической монеты для совершения этого обмена, как на характеристическую черту своего плана. Перевозка всех товаров обращается в общественное дело, в роде нынешней почты. Труд обращается в «сознательный закон для человечества» и «в своем систематическом обобщении и развитии» становится «орудием цивилизации», ведущим к «облагороженным нравам» и к «лучшим формам жизненных наслаждений». Всеобщая военная обязанность должна служить к охранению общества от внешних врагов (причем, впрочем, нельзя сказать с уверенностью, предполагает ли автор это нужным лишь для ближайшего будущего или и для от-

что внесут в общественный строй элементы, враждебные рабочему социализму, или дадут возможность развиться подобным элементам. К этим немалым трудностям задачи, по самым реальным условиям ее, присоединяется при обсуждении ее заранее еще то усложнение, что она в своей конкретной постановке; вовсе не допускает общего решения для разных стран, но потребует различных приемов решения в разных местностях, сообразно пути, который приведет в каждой местности к социальному перевороту. Одна и та же цель — ограждение от однородных опасностей и стремление построить общество на одинаковых началах рабочего социализма — обусловит различие приемов, смотря по условиям среды, в которой совершился переворот.

Первое и самое важное различие произошло бы в том случае, если бы можно было допустить, что социальный переворот был бы в одних странах совершен путем прямого восстания пролетариата и насильственного ниспровержения им существующих политических властей, а в других странах — путем легального захвата власти рабочим классом и легальной установки начал рабочего социализма, причем господствовавшие до тех пор классы и защитники старого порядка были бы поставлены в необходимость поднять бунт против формально легальных действий социалистов. — Я не думаю, чтобы это различие встретилось на самом

даленной системы «экономических общин»). Полная свобода союзов для определенной цели обнимает (или может обнять) и полицейский союз для охранения порядка и безопасности внутри союзной группы. Все культы, всякая духовная власть — устранены, и в «теоретическом умозрении допускается исключительно (ausschliesslich maassgebend) лишь рациональная наука». Но именно политическая сторона нового строя у Дюринга не совсем ясна: как мы видели выше, он говорит о «законах» и об «административных порядках»; наконец, он называет свои «экономические общины» — «членами политического целого»; правда, что он объясняет эти слова в смысле «свободного общества, организованного по общности происхождения и языка», но допускает для него «общие законы и общие решения», степень обязательности которых остается смутною; а далее смотрит на эти комплексы общин, как на «политически-общественную территорию, принадлежащие к которой личности составляют объединенное юридическое лицо (Rechtssubject) и оно, как таковое, распоряжается всею почвою, всеми жилищами и всеми учреждениями для производства». При этом степень самостоятельности отдельных общин, свободных союзов лиц и самих лиц становится уже довольно сомнительною, а самый строй во многом напоминает еще «насильственное государство» («Gewaltstaat»), которое Дюринг предполагает разрушенным. Я не стану распространяться на счет того, что обширная система «равенственного обмена» — для которой именно автору и понадобилась так металлическая монета — не особенно удобно удовлетворяет требованию социалистической «справедливости», которую он называет «компасом социалитарного (socialitäre) движения». Вообще Дюринг довольно удачно заимствовал у своих предшественников разные частности своего плана, но этот план, в его целости, нельзя назвать ни глубоко, ни ясно продуманным; в отношении же вопроса, составляющего предмет этого труда, мысль Дюринга даже менее ясна, чем в других отношениях.

деле, так как, при постоянно заостряющейся борьбе нынешних правительств и буржуазии против социалистов, при все более очевидной опасности для первых от усилия вторых едва ли можно сомневаться, что ни в одной стране господствующие классы не дозволят событиям развиваться безо всякого вмешательства до той минуты, пока социалисты будут иметь возможность овладеть легальной властью. Но подробный разбор этого вопроса лежит совершенно вне программы этого труда, и без того достаточно обширного, а потому я не намерен вовсе приступить к его разбору; но это самое обязывает меня взять в соображение здесь и такие формы переворота, в возможность которых я не верю.

Во всяком случае приходится предположить, что почти для каждой европейской страны социальный переворот совершится при других условиях и при различном участии элементов революционного и легального, если допустить, что каждая из этих стран придет к этому перевороту тем путем, которым она теперь к нему приближается. Я скажу несколько слов о различных условиях, существующих в этом отношении для Германии, Англии, Франции и Бельгии.

В Германии ход развития рабочего пролетариата с 1863 г. весьма правилен; если допустить со стороны правительства и буржуазии отсутствие каких-либо энергических подавляющих мер и со стороны внешних исторических событий отсутствие побуждений, ускоряющих революционный взрыв, то можно чуть-чуть не с астрономическою точностью предсказать эпоху, когда легальное право должно очутиться в руках рабочего класса. Организация социально-демократических групп все расширяется, охватывая все большее число рабочих, с совершившимся соединением двух рабочих партий [240] исчезла главная помеха этому расширению; оно должно расти с каждым годом и в непродолжительном времени охватить большинство рабочих Германии. Вместе с тем энергическая деятельность рабочих собраний, странствующих агитаторов и рабочей прессы, с ее все возрастающим числом органов, должна все более уяснить пролетариату, примыкающему к организации, начала рабочего социализма и устранять опасности, которые могли бы возникнуть при перевороте от недостаточного усвоения этих начал. Повидимому, проповедь социализма распространяется уже в Германии и на сельских рабочих, так что оппозиция между земледельцами и рабочими фабрик, заводов, копей и т. п. не обещает представить значительных затруднений при социальном перевороте. При каждых новых выборах в рейхстаг число представителей рабочего социализма должно расти, и расти в весьма быстрой прогрессии. Наконец, оно сделается большинством и, тем самым, легальным законодателем страны, легальным распорядителем государственных сил, с помощью которых может поддерживать законы, изданные для осуществления начал рабочего социализма. Опираясь на обширные рабочие союзы, на значи-

тельный городской и сельский пролетариат, хотя бы и стоящий вне этих союзов, но по самому своему положению долженствующий примкнуть к социально-демократическому движению, имея за себя легальную внешность закона, поддержанные большинством рейхстага — социал-демократы Германии, конечно, даже без особенного труда раздавят противников, если бы эти противники, не подумав о легальном противодействии социализму во время своей силы, вздумали возмутиться против социально-демократического рейхстага в последнюю минуту.

Фатальную неизбежность социального переворота, который должен быть произведен пролетариатом, выработанным капиталистическим хозяйством и вступающим с ним неизбежно в борьбу,— высказали еще в 1847 году авторы «Манифеста коммунистической партии» (нем. изд. 1873 г., стр. 13):

«Вместе с развитием крупной промышленности, из-под ног буржуазии ускользает самое основание, на котором опирается ее производство и присвоение ею продуктов. Прежде всего она производит своих собственных могильщиков. Ее гибель и торжество пролетариата одинаково неизбежны».

Еще определительнее это развито в «Капитале» (Karl Marx, «Le Capital», 1875, стр. 342) *:

«Как только... капиталистический строй поддерживается самою экономическою силою вещей, дальнейшая социализация труда... принимает новую форму. Теперь дело идет уже об экспроприации не независимого работника, но капиталиста, предводителя армии или отряда рабочих.

Эта экспроприация совершается действием законов, присущих капиталистическому производству, законов, которые приводят к концентрированию капиталов... По мере того, как уменьшается число державцев капитала, которые захватывают и монополизируют все выгоды этого периода общественного развития, — растет нищенство, притеснение, рабство, унижение, эксплоатация, но растет также сопротивление рабочего класса, все умножающегося и все более дисциплинированного, соединенного и организованного самим механизмом капиталистического производства... Пробил час капиталистической собственности. Эксплоататоры сами подвергаются экспроприации...

Для преобразования частной и раздельной собственности... в собственность капиталистическую, понадобилось, конечно, более времени, усилий и труда, чем потребуется для преобразования капиталистической собственности... в собственность общественную. Там дело шло об экспроприации массы несколькими хищниками; здесь дело идет об экспроприации нескольких хищников массою».

---

* Я цитирую по французскому переводу, потому что он, по дополнениям и развитиям немецкого текста, может по справедливости считаться совершенно новым, 3-м изданием.

Автор не касается вопроса, произойдет ли этот процесс экспроприации путем насильственным или путем легальным.

Весьма скромную и легальную форму победы нынешнего пролетариата над врагами представляет себе Дюринг в новейших фазисах своей мысли (E. Dühring, Kritische Gesch. d. Nationalökonomie u. d. Socialismus; 2-е изд. 1875 года. Сравн. также «Cursus» etc. 1876, 211). Он отрицает основную истину господствующего теперь между социалистами учения (Маркса), именно, что положение рабочего класса неизбежно ухудшается при современном капиталистическом хозяйстве и что именно это ухудшение должно привести к организации рабочих сил и к торжеству социальной демократии. Он рисует подготовление переворота таким образом («krit. Gesch.», стр. 588 и след.):

«Возвышение буржуазии над феодализмом должно было быть подготовлено возрастанием сил и способностей буржуазии. Может ли быть иначе с рабочим классом?.. Не закон доведения заработной платы до наименьшей величины, необходимой для поддержания рабочего, делает положение рабочего класса невыносимым, но зависимость рабочего класса от заработной платы, связанное с нею унижение и неуверенность в своих силах должна была уяснить, что продолжение этих отношений в их целом нравственно недозволительно и что они должны быть устранены даже в случае лучшей оплаты... Мучительное заострение положения может иметь значение, как возбуждение против лености и против привычек подчинения, навязанных рабочему и обратившихся для него во вторую натуру. Но, к счастью, вообще существуют группы, уровень жизни которых поднимается, и растет в объеме не бедствие, а лишь сознание этих бедствий. Растут шансы эмансипации рабочего, не вследствие присвоений, совершаемых другими, а вследствие того, что рабочий может удержать в своих руках, согласно законам новейшего народного хозяйства, несмотря на эти присвоения. К лучшему положению не пролагает пути грабеж, который со временем уравновесится противоположным грабежом, но непрерывное расшатывание и подрывание способности грабить, существующей у противников, в соединении с возрастанием силы для собственной инициативы доставляет верное и прочное средство к пересозданию общественного строя».

Сообразно этому автор полагает, что цели рабочего движения будут достигнуты довольно мирным путем. Во-первых, рабочие «с точки зрения мгновенной политики действительности» не будут пренебрегать содействием «самомалейшему толчку в направлении свободы» («Cursus», 346). Затем «союзы рабочих», победив «легальные препятствия прямые и косвенные» при помощи стачек («Cursus», 332 и сл.), сделаются «силою, определяющею рабочие отношения». («Krit. Gesch», 593). Завоеван будет 8-часовой рабочий день (там же). Рабочие и собственники, сознав, что они представляют две воюющие стороны, условятся в формах своих

соглашений. («Cursus», 335 и сл.). Все контракты между предпринимателями и рабочими будут совершаться лишь при посредстве органов рабочих союзов (там же, 334 и сл., 357 и сл.). Самое широкое право свободной ассоциации разрушит разграниченность территорий и сделается «исходною точкою новой постройки, которая поднялась бы среди распадения старых связей, сдержанных насилием» («Krit. Gesch.», 591; ср. «Cursus», 356). Международные соглашения рабочих будут препятствовать войнам (там же, 351). Окончательно эти разрастающиеся союзы подорвут весь нынешний государственный, экономический и семейный строй:

«В промежутки развалинообразных остатков государства вместился бы новый политический мир и образовал бы положительную поддержку для дальнейших поколений, между тем как старые учреждения, имевшие своею окончательною основою насилие, были бы осуждены на смерть. По крайней мере, насильственное государство (Gewaltstaat) может разделить судьбу церкви, именно так, что более могущественные коллективные силы достигнут самосознания и приобретут организацию, сначала рядом с ним, а затем перерастут его» («Krit. Gesch.», 591 и след.).

«Вместе с насильственною зависимостью человека от человека распались бы и остальные принадлежности нынешних правовых и экономических отношений, и насильственное государство или насильственное общество заменилось бы строем более свободным и опирающимся на высшую справедливость» (там же).

Какими судьбами нынешний политический и экономический мир дозволит беспрепятственно рабочим ассоциациям до такой степени подорвать себя, автор не объясняет.

Я считаю, как уже сказано выше, решительно невозможным, чтобы правительство Бисмарка или его преемников осталось спокойным зрителем растущей организации врагов современного общественного строя. Оно неизбежно примет, наконец, энергические меры против социально-демократической агитации и против распространения рабочих ассоциаций. Немецкие социал-демократы будут поставлены в необходимость или прибегнуть немедленно к насильственным мерам против врагов, или обратиться к организации тайного социалистического заговора, или... признать себя бессильными в борьбе за торжество рабочего социализма и выждать инициативу другого народа в этом отношении. Едва ли, при настоящем развитии рабочего движения в Германии, последний случай возможен; но *как* поступят социал-демократы при подобных обстоятельствах и каким путем затем будет подготовляться катастрофа — сказать трудно.

Относительно Англии можно было бы даже усомниться, следовало ли мне здесь говорить о ней. Несмотря на громадность английского рабочего движения по числу участников и на силу английских рабочих союзов, в Англии все рабочее движение огра-

ничивается самыми мелкими вопросами. Задачи рабочего социализма в том виде, в котором они поставлены пред читателями, там вовсе не ставятся никем. Все дело идет об изменении частного закона о приобретении частного права, о петиции в парламент, об агитации легальным путем из-за самого скромного улучшения быта рабочих, из-за самого небольшого ограничения самовольства их эксплоататоров. Когда патроны соглашаются на третейский суд, рабочие газеты пишут, что не желают ничего более. Когда правительство соглашается на самый незначительный закон в пользу какой-нибудь группы рабочих, к нему являются благодарственные депутации от рабочих союзов. Можно бы считать, следовательно, что дело рабочего социализма не имеет вовсе почвы в Англии. Но оно не совсем так. Первая половина нынешнего века показала столько примеров самых решительных антилегальных движений среди английского рабочего народа, что странно было бы, ограничиваясь лишь событиями последних десятилетий, считать английских рабочих по природе и по преданию скованными уважением к закону. Широкое легальное право ассоциации и некоторые завоевания, добытые удачными стачками шестидесятых годов, дали английским рабочим прочную легальную почву для укрепления своей организации. Эта организация все разрастается и усиливается, втягивая все большее число лиц и ведя непрерывную малую войну с капиталом во множестве мелких стачек, которые, с одной стороны, увеличивают понемногу заработную плату и сокращают понемногу рабочий день во всех ремеслах, где борьба может итти с успехом; с другой стороны, дисциплинируют рабочую массу для будущего, может быть, не особенно отдаленного боя. Армия эта, в самые последние годы, значительно усилилась начавшеюся успешною агитациею в среде сельских рабочих. Но пока лица, наиболее влиятельные в среде союзов, находят невыгодным (в виду личных или общественных соображений) вести эту армию в решительный бой с существующим порядком, или даже начинать в ней слишком смелую пропаганду против *общих* начал существующего социального зла. Тем не менее признаки начинающейся борьбы в более широких размерах становятся все более заметны. В августе 1875 г., после долгой подготовки, наиболее сильные рабочие союзы составили план федерации (в которую, конечно, со временем, войдут и все союзы, имеющие какое-нибудь значение), потому что «для всех, внимательно наблюдавших события последних двух лет, — говорит ливерпульский циркуляр — очевидно, что борьба между капиталом и трудом будет, вероятно, ведена в будущем в гораздо более значительных размеров, чем мы видели до сих пор... В присутствии общей опасности обществам сопротивления всей страны следует образовать одно соединенное целое и комбинировать свои силы...» («Вперед», год первый, № 16, стр. 512). Эта федерация окончательно устроится на митинге в Бирмингэме 24 апреля 1876 г.

На-днях (25 февр. 1876 г.) собрался в Лондоне годовой митинг национальной федерации работодателей, причем в отчете ее исполнительного комитета указана, в виду расширения рабочих союзов и их федерирования, крайняя необходимость, существующая для работодателей, также образовать крепкий союз для борьбы. «По временам — говорит отчет — можно заметить окончательные политические и социальные цели предводителей рабочих союзов. Нельзя не видеть, что в настоящее время рабочие расположены смотреть на всякий вопрос с точки зрения их класса и принимать за доказанное, что интересы рабочих противоположны интересам всех прочих отделов общества». В то же самое время корреспондент одной нью-иоркской газеты («New York Irishman», цитировано в «Reyn. Newsp.» 27 февр. 1876 г.)[212] вовсе не думает исключать Великобритании из своего очерка положения дел в Европе, очерка, в котором он говорит: «Очевидно, что одна могучая идея работает в разных группах людей, составляющих население Европы. *Те, которые трудятся, отказываются спокойно поддерживать тех, которые праздны*... По всей Европе расширяется эта борьба. Приверженцы каждой стороны собираются в компактные массы. Для борьбы безразлично, какое название или какую форму имеет «правительство», которое дозволяет богатому и праздному обирать бедного и трудящегося, — это правительство осуждено».

При быстром заострении этой борьбы, при существовании громадных рабочих союзов, имеющих возможность в каждую данную минуту уже теперь, по решению комитетов, выставить в поле более взрослых бойцов, закаленных работой, чем имеется войска во всех владениях королевы Виктории[213], вопрос о насильственном перевороте современного порядка рабочими силами Великобритании есть лишь вопрос времени. Как только события доведут до такого спора между владеющими классами и рабочими, в котором ни первые, ни вторые не захотят итти на сделку, как только среди руководителей рабочего движения явятся люди, которые убедятся в выгоде насильственного действия для себя или для дела, в несколько месяцев эта мирная и несколько сонная организация английских рабочих союзов обратится в непреодолимую силу, которая снесет разом всякое сопротивление. Правда, тогда именно может выказаться, во всем ее значении, печальная ошибка нынешних руководителей английского рабочего движения, которые, сообразно привычкам английской мысли во всех областях, и здесь ограничиваются лишь частными, ближайшими вопросами, заботами дня, и совершенно пренебрегают пропагандою основных принципов. Английский пролетариат, без труда сваливши противника, но не приготовленный к теоретической установке оснований, на которых ему следует построить *свой* новый мир, сильно рискует впасть в громадные ошибки и создать в новом обществе большие препятствия самому развитию этого общества по надлежащему

пути. Но это уже вопрос, лежащий вне настоящего рассуждения, которое имеет в виду лишь установить для разных наций вероятнейший путь, который их приведет к перевороту, и выказать вместе с тем то крайнее разнообразие условий, которое приходится ожидать для разных стран на другой день после революции, совершенной пролетариатом *.

Во Франции легальная подготовка организации рабочего класса на почве экономической борьбы (как в Германии и в Англии) совсем не мыслима, точно так же, как мало вероятна пропаганда, ясно отличающая задачи социальной революции для установления всеобщего труда от задач политической революции, передающей власть из одних рук в другие. Зато нигде настолько, как во Франции, нельзя ожидать образования правительства, которое с тупым и ребяческим упрямством, не идя ни на какие уступки, быстро сделается ненавистным для общества, и, будучи неспособно приготовить силы, нужные для собственного охранения, сумеет самым лучшим образом приготовить революцию *против себя*. Кроме того, история последнего столетия подготовила во Франции более противоположения между сельским и городским населением, чем где бы то ни было. Городской пролетариат, давнишнее орудие всех мятежей и революций *в пользу других*, может быть во Франции весьма быстро доведен до взрыва; об нем одном, кажется, дозволительно сказать, что он *всегда готов* к революции, лишь был бы случай к ней. Коммуна 1871 г. дала ему в прошедшем и практический тип, который он будет развивать в будущем. Поэтому форму возможного переворота во Франции не особенно трудно предсказать с достаточною вероятностью. Как только некоторое облегчение легальных условий позволит французскому пролетариату отдохнуть от тяжелого прошедшего, как только явятся снова из его среды предводители, которые будут способны распространить тайную политическую организацию социалистов в достаточном числе городов Франции; как только еще раз правительство Франции (какова бы ни была его форма) повторит за своими предшественниками отлично заученный урок возбуждения революционных страстей *против себя;* — тогда, при первом удобном случае, Париж, Лион, Марсель, а за ними и другие города, где политическая организация будет подготовлена, будут иметь возможность развернуть красное знамя Коммуны, и пролетариат городов может составить федерацию городских социалистических коммун, окруженных сельским населением, которое будет очень мало затронуто социалистическою пропагандою, будет, большею частью, прямо враждебно городам, но не будет в

* Автор «Брюссельской записки», цитированной в предыдущей главе, тоже говорит о рабочем классе в Германии и Англии, что он идет к своей цели «сегодня посредством легальных мер, но завтра, может быть, посредством мер революционных» («Обществ. служба в буд. обществе», стр. 25).

силах бороться против совершившегося переворота и по своей рассеянности, и по отсутствию всякой солидарной жизни в группах деревенских жителей, и по традиционному господству политики центральных городов над ходом дел в селах. Городским социалистам придется или взять на себя диктатуру и совершить социалистический переворот в сельском населении, или принять меры для того, чтобы каким-нибудь иным путем привести это население — вовсе неподготовленное к перевороту и большею частью враждебное ему — к сознательному содействию постройке нового общества. Это затруднение, как можно ожидать, будет одно из самых страшных затруднений социальной революции во Франции. Что касается до опасностей, которые могут и должны возникнуть на другой день после революции, вследствие недостаточного уяснения в среде революционных деятелей различия между целями политической и целями социальной революции, то, может быть, эти опасности менее всех народов страшны именно для французского народа, так как живая восприимчивость и подвижность мысли, выработанная в нем историею, позволяет надеяться, что, по крайней мере, часть его революционных деятелей быстро станет на ту точку зрения, которая логически следует из революции, произведенной рабочим пролетариатом в пользу рабочего пролетариата, и, став однажды на эту точку зрения, не испугается никаких крайних выводов рабочего социализма. Успех будет зависеть лишь оттого, как будет сильна и насколько будет практична эта передовая часть деятелей в надлежащую минуту.

Кабинетных планов перестройки общества в социалистическом смысле было предложено много во Франции, но останавливаться на них совершенно не стоит. Мимоходом упомяну об одном из них, о плане, предложенном Луи Бланом, тем самым, который временно имел за собою чуть не весь французский пролетариат, оказался столь несостоятельным в 1848 году, в минуту решительного действия, еще лучше определил нравственное свое значение тем, что не только заседал в версальском собрании во время майских убийств 1871 г., но участвовал и в официальном приветствии этим войскам и тем не менее в ту минуту, когда я пишу это, все еще играет политическую роль среди самых *крайних* и *почетных* деятелей Франции.

В своей известной «Организации труда» («Organisation du travail», 1839, 9-е изд. 1850; я цитирую по этому изданию) он формулировал свой проект в форме закона, что очень удобно, потому что позволяет цитировать в самой сжатой форме. Вот основные положения этого закона (стр. 119 и сл.):

«§ 1. Создается министерство прогресса, миссия которого — совершить социальную революцию и привести постепенно, мирно, без потрясений, к уничтожению пролетариата.

§ 2. Для этого министерству прогресса поручается: 1-е. Выкупить железные дороги и рудники... 2-е. Преобразовать француз-

ский банк в государственный банк. 3-е. Централизовать страхование... 4-е. Учредить под руководством ответственных чиновников обширные склады, куда производители и фабриканты будут иметь возможность сдавать товары... 5-е. Наконец, открыть рынки, соответствующие розничной торговле, как склады соответствуют оптовой.

§ 3. Из выгод (получаемых от всех этих операций)... министерство прогресса образует свой особенный бюджет: бюджет работников.

§ 4. Из бюджета работников выплачиваются проценты и погашение сумм, нужных на эту операцию. Остальное употребляется: 1-е—на субсидии рабочим ассоциациям; 2-е—на основание земледельческих колоний.

§ 5. Для того, чтобы промышленная или земледельческая ассоциация имела право на государственную субсидию, она должна быть основана на начале братской солидарности, чтобы, развиваясь, она имела возможность приобрести капитал *коллективный, неотчуждаемый и постоянно возрастающий*».

В следующих параграфах автор дает указание, как, во-первых, установить «ассоциацию в одной мастерской», затем, как «установить солидарность между всеми мастерскими одного и того же рода»; наконец, как «основать солидарность между всеми различными промышленностями, между всеми членами общества». Он кончает свой проект закона следующими словами:

«Государство достигает осуществления этого плана последовательными мероприятиями. Не надо насиловать никого. Государство представит свой образец; рядом с ним будут жить частные ассоциации, нынешняя экономическая система. Но мы верим настолько в упругость нашей системы, что в короткое время — мы в этом твердо убеждены — она распространится на все общество, втягивая в себя соперничествующие с ней системы, вследствие непобедимой привлекательности ее могущества...»

Но, окончив это рассуждение, автору (по крайней мере, в новом издании) приходит в голову, что государство очень может *не захотеть* играть подобную роль, и он обращается к народу с воззванием:

«Пусть рабочие союзы согласятся между собой.

Пусть они установят между собою драгоценную связь, которая поддержит их против давления окружающей среды.

Пусть устроится *центральный комитет союзных работников.*

Пусть этот комитет организует... самую важную из всех подписок: *подписку с целью уничтожения пролетариата.*

Этот комитет — безо всякого официального положения — сделается настоящим министерством прогресса, а капитал, собранный по добровольной подписке, во имя самоотвержения, сделается *бюджетом работников*».

Едва ли теперь найдется достаточно наивный читатель, чтобы

верить вместе с этим *государственным человеком* прошлого и настоящего периода, что социальный переворот может быть совершен путем подобного «министерства прогресса» с его «постепенными и мирными» мероприятиями, или путем «подписки» на «бюджет работников», собираемый с этих самых полуголодных работников.

В Бельгии тоже революционный путь в настоящее время есть путь самый вероятный. Обширное волнение в каменноугольных копях, раздраженный и все возвышающийся тон рабочей прессы, вооружение рабочих, стеснительные и вызывающие меры со стороны правительства *, наконец, давнишнее подготовление умов рабочих в социалистической прессе к мысли, что им нечего ждать ни от одной политической партии, и к сознанию необходимости неумолимой борьбы между капиталом и трудом — все это указывает на неизбежность взрыва, *как только* он будет иметь шансы восторжествовать. Но эти шансы для Бельгии в настоящее время меньше, чем для других упомянутых мною стран, конечно, не вследствие силы самого бельгийского правительства, но вследствие того, что всякий взрыв в Бельгии был бы немедленно подавлен соседями — Германией или Францией, смотря по тому, кто в данную минуту стоял бы выше на политической сцене — давно уже жадными до бельгийской территории. Социальный переворот в Бельгии может совершиться лишь при условии социальных волнений у обоих ее соседей, но, при этом условии, нет сомнения, что он примет характер прямо-революционный и немедленно подойдет ближе к задачам рабочего социализма, чем в Англии или во Франции. Причина этому — давнишняя пропаганда социалистической прессы и пропаганда самого решительного характера.

Не мудрено поэтому, что в бельгийской прессе мы находим и весьма подробные рассуждения о том, что придется предпринять пролетариату после его победы, для немедленной замены старого общественного строя новым во всех его подробностях. В этом случае заслуживает особенного внимания «Записка брюссельской секции», выше мною цитированная, и если мне пришлось не раз полемизировать против ее автора в предыдущей главе, когда дело шло об окончательно выработанных формах общежития по началам рабочего социализма, то здесь, при рассмотрении действий общества на другой день после революции, я имею гораздо менее поводов к подобной полемике.

Автор записки предвидит (стр. 56) необходимость «общественной ликвидации; ликвидации, для которой, правда, нельзя назначить точной эпохи, но которую нельзя не предвидеть с такою же уверенностью, с какою многие мыслители уже в половине

* Обо всем этом см. «Вперед», год второй, № 25 и следующие: «Волнения рабочих в Бельгии». «Еще о волнениях рабочих в Бельгии».

прошлого столетия предвидели близость революции третьего сословия».

Для способа ее совершения автор находит даже (стр. 26) вероятным случай, что «обстоятельства принудят пролетариат больших городов установить коллективную диктатуру над остальным населением и сделать это в продолжение революционного периода, достаточно долгого для того, чтобы устранить все препятствия, лежащие на пути к освобождению рабочего класса».

При этих предположениях автор ставит вопрос (стр. 19), «не очутятся ли... эти общины пролетариев, в тот день, когда они заменят нынешние официальные или буржуазные общины, не очутятся ли они, подобно этим последним, лицом к лицу с некоторыми родами общественной службы, существование которых необходимо для жизни общества?»

Автор признает очевидным (стр. 20), «что в этом случае одною из первых мер... будет захват всех видов крупной общественной службы, экспроприация в интересах общей пользы всех компаний, владеющих железными дорогами и т. д... и объявление всего их имущества... долею общественного имущества». Впрочем, он далек от мнения, что только собственность этих крупных общественных эксплоататоров должна подвергнуться захвату. Он прямо заявляет (стр. 51), что «земля... должна быть коллективною собственностью государства или общины. Тою же коллективною собственностью должно быть все то, что связано с землей: рудники, каменоломни, леса и т. д...» Из движимого имущества он передает в коллективную собственность (стр. 52) «все имущества прошлых поколений», причем, впрочем, допускает возможность, что в будущем обществе (или, по крайней мере, вслед за социалистическим переворотом) будет сохранено право наследства или завещания. Относительно «орудий труда» он считает нужным сделать их в иных случаях (там же) собственностью «государства или общины», в других — собственностью «промышленных групп», наконец, даже «частною, индивидуальною собственностью», приводя в последнем случае в пример «шило и нож сапожника, иголки, ножницы и даже швейную машину портного»*.

---

* Автор считает необходимым (стр. 53) обратить еще в «частную собственность работника» будущего общества получаемую им «плату» за труд и думает, что потому должны обратиться в частную собственность «предметы частного потребления, напр., мебель, платье, съестные припасы, украшения и проч.». — Я вовсе не имею здесь в виду останавливаться на тех частных мнениях автора, которые я считаю несообразными с основами рабочего социализма (для чего предлагаю читателю обратиться к примечаниям, сделанным к переводу «Общественной службы в будущем обществе», а частью к тому, что будет изложено здесь на следующих страницах), но буду указывать преимущественно (хотя не исключительно) на те пункты, которые имеют более или менее возможность действительно быть принятыми в соображение строителями нового общества на другой день после социальной революции.

После этого захвата и распределения всех средств страны между территориальными коллективностями (по автору, таковы будут *община* и *государство)* и свободными коллективностями («промышленных групп»), оставив кое-что в руках частных собственников, автор останавливается на тех обязанностях, которые вследствие этого самого распределения собственности падут на образовавшиеся коллективности, преимущественно территориальные, и входит в подробности относительно видов «общественной службы», подлежащих ведению общины или государства, а также способов отправления этих видов «общественной службы».

На долю общины автор относит (стр. 31 и след.) все, что обеспечивает безопасность личности, свидетельства о личности и местную статистику, «общественное вспоможение, покровительство несовершеннолетним и неспособным, медицинскую службу и местную гигиену», содержание и поддержку местных средств сообщения, «снабжение водою», содержание «скотобоен, прачечных, бань», удаление нечистот, освещение, спасательные учреждения, «надзор и содержание общественных зданий, памятников, общественных гуляний и пр.». На общину же он возлагает: заботу о жилищах и недвижимостях, находящихся на общественной территории; администрацию общественных земель там, где «господствует мелкое сельское хозяйство»; «роль главной посредницы между производством и потреблением». Для последней цели он рисует целую систему «торговых агентств общины», «рынков», «общинных базаров» с «расписками», «свидетельствами», «облигациями обращения» и т. п.

В ведение государства автор передает (стр. 37 и след.) большие пути сообщения, почты и телеграфы, обширные сельскохозяйственные работы, приморские работы и заведения, дома для умалишенных, общественное обучение, горную эксплоатацию, администрацию общественных земель там, где господствует крупное сельское хозяйство».

При этом автор полагает, что будут существовать работы или виды общественной службы, которые будут отправляемы обязательно всеми членами общины или государства поочередно. Сюда он относит (стр. 60) службу по общественной безопасности и «работы, очень грубые, трудные и неприятные».

Другие виды общественной службы будут, по мнению автора (стр. 61), отправляемы «общественною администрациею — членами ли ее или назначаемыми ею чиновниками». Сюда он относит, например, в общине — «службу по приготовлению и выдаче свидетельств о личности»; в государстве — «почту, страхование, финансовое управление и проч.» При этом он полагает «возможным и выгодным» ввести сюда «систему выборов»:

«...Раз подобная машина пущена в ход, вряд ли явятся серьезные затруднения устроить дело так, чтобы конторщики и писцы выбирали своих столоначальников, столоначальники — начальни-

ков отделения, а эти последние — членов специального управления почтовой, страховой, финансовой частью и пр. При этом за национальной (или областной или федерационно-общинной) администрацией осталось бы лишь право назначать инспекторов, контролеров, ревизоров, т. е. весь наблюдательный персонал, который во всяком случае должен быть независим от персонала, за которым он наблюдает».

Автор полагает (стр. 62), что «на время» могут получить подобную же организацию службы по «эксплоатации железных дорог» и по другим, сюда подходящим отраслям работ. Он разделяет «персонал» подобных эксплоатаций на две категории: на «чиновников» и на «ремесленников». Только что указанный способ организаций он прилагает безусловно к первой категории.

«Что касается до второй категории, именно ремесленников,— говорит он,— то она может быть организована иначе», именно — «государство может войти в сношения с корпорациями» ремесленников по их специальности. Эту «систему *предпринимательства* (entreprise) рабочими коллективностями», составляющую третий способ отправления общественной службы, автор признает «естественною необходимостью» в некоторых случаях (стр. 66—67):

«Таковы так называемые публичные работы: содержание дорог, очистка улиц, эксплоатация железных дорог, газовые заводы, освещение общественных мест; а также те производства, которые мы назвали большими социальными промышленностями: рудники, каменоломни, доменные печи и металлургические заводы. Мы можем себе представить, что отправление этих отраслей общественной службы может совершенно рационально следовать системе, комбинированной следующим образом: государство или община могут, следуя указанному нами второму способу, отчасти исполнять службу при помощи своих же чиновников; в то же время в другой части службы может иметь место третий способ, т. е. передача предприятий по отдельным работам в руки рабочих коллективностей».

Но относительно существования прочных рабочих коллективностей, предполагаемых последним способом отправления работ, автор приходит к вопросу (стр. 27, 30):

«Всегда ли корпоративная группировка сохранит то значение, которое она имеет в настоящее время и которое еще долго за нею останется?

Заметим прежде всего, что в будущем обществе всестороннее обучение, в одно и то же время научное и техническое, теоретическое и практическое, разовьет в человеке способности к довольно значительному числу занятий, так что всякий будет без затруднения участвовать во многих производствах, одновременно ли или последовательно, но, во всяком случае, в довольно короткие промежутки времени; так что один и тот же человек будет членом нескольких ремесленных корпораций, и потому группировка по

ремеслам сделается менее определенною, менее резко выраженною, чем теперь...

Таким образом, всестороннее обучение, разделение труда и расширение машинного производства, повидимому, должны все вместе содействовать созданию в будущем такого положения, при котором рабочий не будет осужден на всю жизнь ограничиваться одним или двумя занятиями, но когда он будет иметь возможность участвовать одновременно или последовательно в производстве по самым различным ремеслам. Но если такой порядок вещей когда-нибудь осуществится, то очевидно, что классификация рабочих по различным между собою ремеслам, а следовательно и группировка их в ремесленные общества — исчезнет; в таком случае общинная, областная или международная федерация, основанная на разделении производств, совершенно потеряет ту важность и то глубокое значение, которые они имеют теперь».

Итак, в первую же минуту своего существования социалистическая община и социалистическое государство, по мнению автора, должны проявить свою принудительную власть: во-первых, захватывая некоторые формы коллективной и личной собственности; во-вторых, обязывая всех членов исполнять некоторые виды общественной службы; в-третьих, назначая обязательную администрацию на другие отрасли этой службы, причем к выборным должностям присоединяется «назначаемый» персонал наблюдателей; наконец, в-четвертых, входя в контракты с выбранными государством «рабочими коллективностями» на правах предпринимателей. Но значение этих рабочих коллективностей, единственного элемента свободной группировки, составляющего противовес господству территориальной (общинной или государственной) власти, должно быть, по мнению автора, тем слабее, чем разнообразнее развит член общества, чем менее он закован в одну *исключительную* ремесленную коллективность.

Переходим к положению дел в России.

В другом месте (см. передовые статьи в газете «Вперед», год второй (1876), №№ 26—29)[214] я пытался указать вероятнейший путь, которым социальная революция может быть подготовлена на нашей родине. Не повторяя сказанного там, приведу лишь несколько строк, резюмирующих то положение, в котором, по моему мнению, будут находиться социалисты-революционеры в минуту революции и которое должно обусловить особенность их приемов при решении задачи построения нового общества на другой день после революции:

«В среде общинных и артельных центров, уже существующих в русском народе и представляющих готовые и традиционные элементы народной солидарности, должны быть образованы группы, ясно понимающие задачи рабочего социализма. Эти группы должны быть связаны между собою по всей стране (или, по крайней мере, в достаточном числе местностей) крепкою практическою

организациею, позволяющею согласно и энергически направить наличные революционные силы в данную минуту на то именно, что всего удобнее сделать в эту самую минуту. Из этих групп, как местных центров, должна разливаться, по мере возможности, быстрее и энергичнее волна пропаганды, уясняющей начала рабочего социализма, волна агитации, возбуждающей массы, неуверенные в своих силах, против порядка, который обрек их на страдание и на гибель. Из этих групп, пока шансы победы недостаточны, должна постоянно выходить руководящая сила, сдерживающая попытки преждевременных местных бунтов. Из этих групп, в надлежащую историческую минуту, по общему соглашению, должен грянуть одновременно в разных углах России призыв к социальной революции, призыв, к которому будут готовы все группы, вошедшие в организацию; к которому сознательно примкнет всякий, кто более или менее ясно усвоил задачи рабочего социализма; который увлечет толпы сочувствующих, взволнованных агитациею во имя практических требований социальной революции; который поднимет массы во имя их страданий и во имя их доверия к руководящим группам. Эти самые группы, как естественные руководители всех разделяющих их убеждения, всех сочувствующих их целям, наконец, всех масс, поднявшихся по их призыву, составят основную народную федерацию русских революционных общин и артелей; и эта федерация, выработавшаяся из среды самого народа, в его естественных традиционных элементах, эта федерация народных групп, низвергнув старый общественный порядок, станет строителем нового по тем задачам рабочего социализма, которые она усвоила во имя того доверия, которое к ней будут иметь массы. В свои руки она возьмет общественное достояние, находившееся в руках государственных и частных хищников, чтобы немедленно, по подготовленному плану, сделать его народным достоянием в федеративной форме нового строя, и как *общее* достояние всего рабочего люда. Под ее руководством организуется всеобщий труд на общую пользу, как основание будущего общественного развития. Она организует оборону нового общества против всяких его внутренних врагов, побежденных, запуганных, временно бессильных, но далеко не малочисленных; организует оборону общества против внешних врагов, которые могут угрожать новому порядку вещей... Она станет, наконец, как федерация равноправных групп, на страже против собственных своих членов, которые захотели бы внести в новый строй привычки и влечения старого порядка» (№ 29, стр. 129—131).

Допустим, что взрыв произошел. Правительство с господствующими классами так тяжело давило на рабочий народ, а элементы агитации, возбуждающие волнения, были настолько деятельны, что ряд местных бунтов вспыхнул, независимо от стремления пропагандистов социальной революции сдержать эти бунты до более

солидарной связи между разными местностями страны; он произошел преимущественно в местностях, где влияние пропагандистов слабо, а число их незначительно; это самое учащение бунтов указало членам революционной организации, что «течение исторических событий» приближает момент возможной победы революции. При более обширном и энергическом бунте в какой-либо местности революционная организация перешла от агитации в смысле волнений к агитации в смысле бунта во всех пунктах, где организация могла выказать влияние. Местный бунт, вспыхнувший в достаточно значительных размерах, поддержан бунтами, одновременно с ним вызванными в разных пунктах. Войско, в котором происходила своевременно пропаганда, оказалось недостаточно надежным орудием в руках правительства. Его неудача быстро разнесла пожар восстания по обширной территории. Под руководством организованных членов социально-революционного союза (состоящего в огромном большинстве из крестьянства) группы *сочувствующих* целям социальной революции явились в селах с вызовом захватить в «общую, неделенную землю» все частные владения, слить в единую «общую собственность всего рабочего люда» всякую собственность. По этому вызову, поддержанному сведениями об успехах восстания в других местностях, поднялись на обширной территории батраки, младшие члены семей, бедные хозяева, не имеющие возможности при существующих порядках прокормиться круглый год, несмотря на самый усиленный труд, наконец, большинство бедного мещанства. Запуганные кулаки вместе с «культурными» собственниками и администрациею или погибали при народном взрыве, или рады спрятаться от поднявшейся бури. Члены социально-революционного союза в столицах и других центрах управления (преимущественно из интеллигенции), если не во всех, то во многих из этих местностей, устранили и парализовали органы власти. Образовалась территория довольно обширная (хотя, может быть, не сплошная), на которой господствует восставший рабочий народ; *большинство* его произвело революцию, при инициативе немалого числа групп, знакомых с практическими задачами социальной революции и горячо сочувствующих им, под руководством *организованного меньшинства из народа* (с небольшою долею интеллигенции), которое сознательно стремится осуществить помощью этой революции программу начал рабочего социализма: *общую собственность, общий труд, федерацию трудящихся.*

Таким образом условия, при которых приходится строить будущее общество на началах рабочего социализма на русской почве, определяются всем предыдущим ходом дел.

Организованные народные группы социально-революционного союза, сознательные представители программы рабочего социализма и руководители народного движения составляют естественное зерно нового организма. Им нечего будет *создавать* что-либо

новое, искусственное. Они — члены существовавших и народом исторически усвоенных групп общин и артелей. Эти группы продолжают существовать, только на мирской сходке умолкли голоса кулаков-богачей, которые держали общину в экономическом рабстве; на сход не может уже иметь влияния кабачник-ростовщик; близ деревни не раздастся колокольчик станового; в ней не остановится коляска посредника; в артели нет места подрядчику-предпринимателю; все амбары с их добром, скотные дворы с их «животами» составляют достояние всех, готовых работать на общую пользу; вся земля, насколько видит глаз, с хуторами и рощами, стала «неделенною» землею рабочего люда; на всех заводах и фабриках остались хозяевами рабочие; все орудия труда стали общею собственностью рабочих.

И на этом мирском сходе, только что покончившем с исчезнувшими или запуганными своими пиявками, среди рабочих артелей, только что ставших собственниками орудий труда, раздаются голоса людей, давно знакомых местному рабочему люду, сумевших приобрести его личное уважение в прежнее время, а в последние минуты борьбы выдвинувшихся вперед своею энергиею, определенностью и цельностью программы своих действий, своими связями с разными восставшими местностями, верностью и быстротою получаемых ими отовсюду известий; эти голоса одновременно в разных пунктах восставшей территории проповедуют большинству, участвовавшему в восстании и низвергнувшему своих притеснителей, одни и те же простые, всем доступные начала общественного союза:

Необходимость *общего неделенного имущества,* из которого каждый рабочий брал бы нужные ему орудия труда, каждая «живая душа» черпала бы нужные для нее средства существования.

Необходимость *всеобщего труда*, помощью которого каждый отдавал бы все свои силы на общее дело, зарабатывая себе тем равное для всех право на существование, на развитие, на пользование общим неделенным имуществом, устраняя паразитство людей, живущих чужим трудом.

Необходимость *солидарного союза всех рабочих,* приступивших к новым общественным началам, для того, чтобы собственными силами ввести в каждой местности новый порядок, собственными силами сдержать повсюду запуганных, но не исчезнувших врагов для того, чтобы соединенными силами помочь братьям рабочим в местностях, где победа рабочих еще не решительна, соединенными силами отражать противников новых порядков на границе восставшей территории и расширять территорию *рабочей России* на счет *России императорской* или капиталистической; наконец, для того, чтобы взаимною помощью и взаимным контролем препятствовать установиться где бы то ни было на территории *рабочей России* порядкам, противоречащим началам рабочего социализма: властям, которые существовали бы трудом других лич-

ностей; присвоению некоторыми личностями избытка сравнительно с необходимым для каждого; монопольной собственности для групп и экономической конкуренции между ними и т. п.

Едва ли можно представить себе, что эта проповедь, одновременно и энергически раздавшаяся среди восставших масс, выходящая от лиц, которых обстоятельства поставили в чело движения, притом лиц, принадлежащих народным группам, заранее приобретших влияние в этих группах, проповедь, заключающая начала, которые ласкают воображение измученного рабочего народа надеждою на лучшее будущее — едва ли можно представить себе, что эта проповедь вызовет значительное противодействие и что встретятся неодолимые внутренние препятствия немедленному установлению общественного порядка согласно началам рабочего социализма на всем пространстве *рабочей России*.

Поэтому, самое положение дел поставит первые шаги общественного строя, на другой день после революции, в зависимость от соображения и энергии лиц, составляющих группы социально-революционного союза. Он один представит в первую же минуту готовую и определенную программу действий; он один даст твердые принципы, на основании которых можно будет обсудить план деятельности в непредвиденных случаях; он один представит и солидарную связь между различными местностями территории *рабочей России*. При общественных движениях, когда исчезли старые власти, волна революции естественно выносит на поверхность общества тех, кто лучше подготовлен к неожиданному, кто внушает другим доверие в своем отчетливом понимании целей и средств, для других неясных, и кто с большею энергиею указывает другим, что именно следует сделать в данную минуту. Поэтому совершенно естественно социально-революционный союз, подготовивший успех революции, должен будет сделаться руководителем восставших масс и организатором нового общества в первые моменты его развития.

Тут *захвата власти* не будет, потому что социально-революционный союз (и это — его *необходимая характеристика*) состоит в большинстве из самого народа, и его влияние на массы опирается не на принуждение, не на какую-либо внешнюю силу, но на доверие к нему народных групп, из среды которых он вышел, на то обстоятельство, что его члены, *ясно понимающие* задачу рабочего социализма, окружены группами, которые *сочувствовали* их *революционной* деятельности и, во имя этого товарищества в борьбе, готовы и теперь тоже поддержать их деятельность *строительную*, и на то, что те и другие окружены массами, которые одни могли *совершить* революцию, но которые не могли *до нее* выработать себе программы деятельности при обстоятельствах, еще не наступивших.

Мало того: в этом случае руководство и почин организации составляет *обязанность* убежденных и организованных социали-

стов-революционеров. Если они не решатся взять на себя этого почина, то он все-таки не может быть делом *всего* восставшего и совершившего революцию *большинства*, а станет делом других, более решительных людей. Восставшая масса, разорвавшая связь со вчерашним рутинным порядком, не может оставаться хаотическою массою Она имеет потребности, и эти потребности должны быть удовлетворены, для их удовлетворения найдутся органы, и эти органы будут состоять из людей наиболее энергичных или внушающих наиболее доверия массе. Но эти люди могут быть, при полной добросовестности, недостаточно подготовлены к встретившимся обстоятельствам; могут неясно видеть *настоящие* цели, *настоящие* средства для этих целей и, вследствие своей слепоты, могут повести массы по ложному пути; могут подвергнуть революционное движение, только что одержавшее победу, самым большим опасностям; могут затруднить или даже совсем затормозить развитие начала рабочего социализма в новом обществе. Эти люди, наконец, могут быть даже расчетливыми эгоистами и честолюбцами, которые постараются эксплоатировать новое движение в свою пользу и изменят ему, как только извлекут из него все для них нужное. Убежденным социалистам, *во имя их убеждения*, обязательно нужно устранить ненадежных, предупредить расчетливых честолюбцев, стать впереди слепых. Вопрос в этом случае заключается не в том, *большинству* или *меньшинству* будет принадлежать на другой день после революции руководство дел и закладка первых, основных камней нового общественного здания; вопрос в том, *какому* меньшинству будет принадлежать эта роль: *случайному* ли меньшинству наиболее решительных людей, или меньшинству, *подготовленному* к этому делу и своей организацией, и доверием достаточной доли восставших масс, и собственною работою мысли над программами рабочего социализма.

Конечно, желательно, чтобы члены социально-революционного союза стали повсюду на место, для них *обязательное*, на другой день после революции во имя своей личной энергии и во имя доверия к ним окружающих масс; но так как это возможно будет для них, в самом выгодном случае, лишь в местностях их дореволюционной деятельности, между тем как территория *рабочей России* должна охватить и такие местности, в которых они могли быть малочисленны, недостаточно влиятельны, или в которых они могли вовсе не присутствовать до момента восстания, то они должны употребить все свои усилия, чтобы это *обязательное* для них место инициаторов при основании нового общества выпало им повсюду во имя их *организации* и во имя их большей *подготовленности* к наступившему моменту, сравнительно со всем, что их окружает.

Но в чем же будет состоять эта роль инициаторов и организаторов *рабочей России?* Какая доля в этой роли будет принадлежать *государственному элементу?* — Для разрешения этого воп-

роса, хотя бы приблизительно — так как точное решение исторического вопроса во всех его подробностях до самого события есть дело невозможное, по разнообразию комбинации обстоятельств — рассмотрим, каким образом при данных обстоятельствах возможно будет удовлетворение основных личных и общественных потребностей, которые в прошедшей истории требовали более или менее участия организованной власти — государственного элемента, — а в обществе, вполне устроенном по началам рабочего социализма, могут, как я старался показать в предыдущей главе, обойтись совсем без этого элемента.

Здесь на первом месте приходится сказать о потребности *безопасности,* источнике государственного элемента в первобытном обществе. Кроме того, я остановлюсь на потребностях *экономического обеспечения, общественного развития и общественных сношений* в той мере, которая обусловливает, или может обусловить, введение в способы их удовлетворения государственного элемента. Так как основной вопрос социальной революции есть переворот *экономический,* то мне приходится начать с задачи удовлетворения потребностей *экономического обеспечения.*

Каковы бы ни были другие приемы социальной революции, одно бесспорно: она должна начаться *немедленным* и *неуклонным* обращением всякого имущества частного, имущества групп, имущества государственного в имущество *общее.* Уступки тут невозможны. Существование рядом, даже временное, социалистического строя и частной собственности представляет самую грозную опасность для нового социалистического строя, так как на другой же день после революции проснутся старые привычки и влечения монополии и хищничества и будут употреблены всевозможные усилия, чтобы удержать за личностями все то, что у них не будет взято в первую же минуту. Говоря в частности о русской крестьянской общине — которая будет, неизбежно, главною почвою революционной деятельности в России — само собою разумеется, что революция, имеющая в виду не только устранить наличных кулаков, но уничтожить кулачество вообще и сделать его невозможным в будущем, должна устранить ту основную неравномерность распределения крестьянского благосостояния, которая опирается на различие в количестве движимого имущества (скота, орудий труда, запасов, предметов жизненного обихода и мелкой торговли и т. п.), так как, при существовании подобной неравномерности, экономическая зависимость одних личностей от других составляет неизбежное следствие. Но если эта экономическая революция неизбежна, то все другие — между прочим и обращение всех поземельных угодий в *общую, неделенную* собственность — представят несравненно менее затруднений. В первую минуту революции, когда с одной стороны общее увлечение, с другой стороны страх заглушат проявление всех эгоистических инстинктов, возможно разом сломать привычки старого порядка, и люди,

поставленные во главе движения самым ходом дел, люди, подготовленные давно размышлением к этой минуте и действующие согласно *всюду*, будут в состоянии это сделать. Если же они упустят эту *первую* минуту, пойдут на уступки и не вырвут у старого порядка этой существеннейшей его основы — раздельной собственности, — то трудности задачи социальной революции возрастут на другой же день до самых громадных размеров.

Если общность имущества составляет первую основу экономического обеспечения всех в новом порядке с первой же минуты его существования, то столь же неизбежно установить, точно так же с *первой минуты*, и вторую основу его: *всеобщий труд на общую пользу*.

Тут, конечно, не будет возможно полное осуществление принципа участия всех личностей в разных отраслях труда и смены занятий, как должно быть при полном развитии устройства будущего общества (см. выше стр. 278). Если члены социально-революционного союза и некоторая доля сочувствовавших задачам революции выработали в себе заранее и способность к некоторым отраслям мышечного труда и способность к работе мысли, то большинство членов нового общества на другой день после революции будут такими, какими их выработало старое общество, т. е. крайне специализированными работниками, силы которых придется употребить для будущего общества в том виде, в каком эти силы даны. Не надо упускать из виду и то обстоятельство, что самую обязательность труда, составляющую одну из главных нравственных основ нового общества, нельзя вовсе признать аксиомою, для всех очевидною: она будет усвоена опять-таки немногими наиболее развитыми личностями; можно допустить, что значительное число рабочего люда, приступившего к новому порядку, примет труд и при новом порядке, как само собою разумеющееся для них дело по привычке и по рутине. Но и в рядах трудящихся найдется не мало личностей, смотревших на всякий труд, как на тяжелую необходимость, от которой им хотелось бы *вовсе* избавиться; а в рядах побежденных эксплоататоров — труд которых заключался до тех пор в наблюдении за трудом других, в разъездах по рынкам, в щелкании на счетах, да в записывании прихода и расхода — для всех почти поголовно *всякий* обязательный труд будет не только физическим мучением, но нравственною пыткою; будут из них и такие, которые окажутся совершенно неспособными ко всякому производительному труду, кроме разве содержания в чистоте домов и улиц.

Все эти затруднения не будут существовать в обществе рабочего социализма при полном его развитии, так как они будут устранены системою воспитания. Они не существуют *для общества* и теперь, так как современное общество, не будучи вовсе солидарным, предоставляет каждому жить на счет других (эксплоатируя их, воруя или нищенствуя), или доставать себе свой хлеб

посильным и непосильным трудом, главная доля которого идет на чужое обогащение, или, наконец, умирать с голоду. Лишь для преступников или для неспособных существует в некоторой доле обязательная работа или кое-какая система призрения.

Для нового общества, возникающего после социальной революции затруднения в этом отношении будут велики, но не могут считаться непреодолимыми. Оно должно с первой же минуты признать начало солидарности всех трудящихся; должно с первой же минуты устранить всякую возможность кому бы то ни было не трудясь жить на счет труда других; должно отнять у каждого вполне способного участвовать в тяжелом труде других возможность взять на себя произвольно более легкий труд; должно окончательно устранить различие более почетного и легкого труда от труда более унизительного и тяжелого; новое общежитие должно обеспечить с первой же минуты всем все необходимое для существования и должно поставить высоко достоинство трудящегося, причем *всякий* труд на общую пользу должен занимать совершенно одинаковое положение. При этом придется признать, что многие способны на очень специализированный труд; придется признать некоторых почти вовсе неспособными к полезному труду. Но придется, вероятно, для некоторой доли и признать отказ от труда *преступлением* и, следовательно, употребить *принудительные* меры для поддержания начала, которое должно сделаться основою общества.

Конечно, трудно дать с некоторою ясностью общий очерк приемов, которыми это может быть достигнуто, не внося в новое общество элементов, которые могли бы разрастись к его вреду. Я считаю возможным лишь указать приблизительно на немногие стороны этого вопроса, которые могли бы способствовать к его решению.

Прежде всего, так как самое положение дел должно поставить во главу движения членов социально-революционного союза, то они, во имя своих принципов, должны будут немедленно показать на личном примере, что руководители общественными делами должны участвовать в самых тяжелых производительных работах наравне с другими работниками, способными только на это. Зная большею частью среду, в которой они действуют, они без особенного труда выберут из рядов сочувствовавших и содействовавших революционному делу, а также из массы, восставшей и совершившей революцию, лиц, которые наиболее способны разделить с ними труд распоряжения, обсуждения общих принимаемых мер руководства общими делами и общественного строительства, тем более, что для этого нужны не какие-либо особые технические знания сложного законодательства или сложных экономических комбинаций в среде конкурирующих плутов, как в нынешнем обществе, — но нужна лишь сообразительность и честная готовность подумать серьезно о потребностях других. Таким об-

разом, труд распоряжения общими делами будет разделен, уменьшен для каждого, и люди, руководящие общественным движением, будут иметь возможность давать долю своего времени на физический труд производства средств существования для общества, рядом со всеми другими рабочими. Это более важно, чем оно может показаться с первого взгляда, для того, чтобы *сразу* в новом обществе разрушилась привычная ассоциация представлений власти и устранения от обыденного труда.

Затем в общине все знают друг друга, следовательно, знают, на что каждый способен и чего он делать не умеет. Окажутся люди, способные на несколько видов занятий, другие — способные лишь на один род работы. Все рабочие, примкнувшие к восстанию, по этому самому, *фактически,* составят *общий сход* самодержавной общины, решающий все дела ее. Этот сход, действуя под нравственным руководством членов социально-революционного союза, разделит между всеми своими членами необходимый труд охранения наличного общего имущества от гибели, порчи и бесполезной растраты, труд производства новых предметов потребления, труд охранения общества от внутренних и внешних врагов и сношения с другими общинами, труд заботы о неспособных к труду (детях, дряхлых, больных) и т. п. По общему решению схода, к участию в общем труде и в общем деле будут приглашены из непринявших участие в восстании те, которым сход считает возможным доверять; будут приглашены к производительному труду на общую пользу и все способные трудиться из остальных членов. При этом всякий, способный участвовать в нескольких родах занятий, должен быть по возможности привлечен ко всем им, так как привычка к специализации личности в *одном* занятии вызывает невольное противоположение занятий, замкнутость их в цеховые специальности, их конкуренцию, и ослабляет общественную солидарность. Это дело должно быть в значительной степени облегчено примером членов социально-революционного союза, которые, будучи большею частью рабочими из среды общины, в то же время стоят руководителями общего дела и при этих распорядительных занятиях остаются участниками всех работ. Будут, конечно, работы, на которые все способны и в которых, поэтому, все будут приглашены участвовать.

Но будет в общине, как я сказал, доля личностей, которые не будут или не захотят участвовать в общем труде; одни не будут участвовать потому, что не могут или не умеют за него взяться; другие не захотят потому, что смотрят на труд, как на мучение или как на унижение. Как поступить социально-революционной общине относительно их?

Я вовсе не говорю о детях, о дряхлых стариках и больных, потому что относительно их не только само собою разумеется, что они не в состоянии участвовать в общем труде, но само собою разумеется, что община должна отделять долю общего труда на

уход за ними. Но побежденные классы, жившие чужим трудом, дадут в новое общество особый разряд *неспособных к труду,* потому что их развитие сделало их такими. Положим, например, что чиновник какого-нибудь департамента или учитель латинского языка в гимназии удалился от дел и стал управляющим на хуторе богатого помещика: у него жена, которая умеет заказать платье, но не умеет скроить его, умеет заказать кушанье, но не умеет сварить его; у него сыновья — офицеры или чиновники, дочери, которые читают романы, играют на фортепьяно, вышивают по канве и рассчитывают жить на счет работы мужа. У отца сколочен из жалованья, из «посторонних» доходов и из маленьких спекуляций небольшой капитал, достаточный для *приличной* жизни сыновей-офицеров, пока они сами не найдут средств поживиться на службе или выгодно жениться, достаточный и для кое-какого приданого дочерям. Все это гнездо общественных паразитов — люди безобидные, не враждовавшие с новыми идеями, но и не участвовавшие в каком-нибудь движении мысли, так как все они жили рутиною и никогда не подумали серьезно о том, что есть и что должно быть. Теперь их настигает катастрофа. Хутор и частное имущество перешло в общее достояние; жалованья и сколоченного капитала не оказалось; старое войско распущено; уменье заказывать, командовать на ученьи, играть на фортепиано и толковать Саллюстия[215] ни к чему не нужно. Вот вам целая семья взрослых неспособных, которые, собственно, *лично* не виноваты в старом строе, но которые с ужасом посмотрят на участие в производительных работах общины, да и не сумеют приняться за них.

Что делать новому обществу с этими рутинными паразитами вчерашнего дня и полными неспособностями сегодняшнего? Оставить их доживать свое время обособленным куском собственников нельзя: я сказал уже, что малейшая уступка привычкам монополии может подорвать все движение. Что же делать? Завести ли рабочие дома и каторжные команды нового рода, где, под надзором социалистов, неспособные остатки старого мира будут *принуждены* работать? Или надо поставить перед ними ту дилемму, которую теперешнее общество ставит перед массами пролетариев: иди работать на господствующие классы или умирай с голоду? Или новое общество, причислив их к *своим* неспособным (по ребячеству, по дряхлости, по болезни), даст им своим трудом необходимое: кров, пищу, одежду? — Мне кажется, что первое решение слишком вредно для *самого* общества, чтобы оно на нем остановилось, но я буду еще иметь случай разобрать это несколько ниже в связи со многими иными случаями. Может быть, иные читатели найдут *справедливейшим* второе решение, и довольно вероятно, что многие общины остановятся на нем. Но, по моему мнению, единственное *благоразумное* решение, в виду скорейшего устройства нового порядка и удобнейшего направления его сил на его *настоящих и опасных* врагов, заключается в последнем приеме

для всех неспособных, которых не унесла *совсем* первая волна революции.

Несколько иное отношение придется принять новой рабочей общине относительно тех, которые, как известно ее членам, и способны работать и умели бы взяться за дело, но не *хотят* работать на *общую* пользу. Как преступники против основного начала нового общества, они — враги его, они подвергают *опасности* его существование и развитие. Против них, следовательно, приходится принять меры *безопасности* во имя основной и невыделимой общественной потребности — *потребности безопасности*. Поэтому я вернусь к этому случаю, говоря ниже о тех средствах, которыми новое общество, в первые моменты своего развития, должно будет оградить свою безопасность, не рискуя внести в свой строй элементы, которые, укрепляясь и разрастаясь, могли бы подорвать самые начала рабочего социализма.

Рядом с последовательным проведением этих двух главных оснований нового строя: *общности имущества и всеобщего труда*, организаторам этого строя придется заняться, в виду экономического обеспечения всех членов нового строя, рядом распоряжений, которые, хотя имеют в виду лишь вопрос данной минуты, но вследствие того самого принадлежат к наиболее настоятельным задачам, обусловят более других довольство или недовольство в рядах большинства, примкнувшего к знамени социальной революции и совершившего ее, обусловят более других доверие этого большинства к руководителям движения и, следовательно, сделают их трудную задачу более или менее трудною.

Для экономического обеспечения данной общины можно иметь в виду существующие запасы, жилища и угодья, но необходимо и безостановочное производство предметов обиходного потребления. Так как члены социально-революционного союза тем только и отличаются от окружающих их групп, сочувствовавших революционному взрыву, и от массы, совершившей революцию по их призыву, что первые обдумали цели и средства социальной революции, готовились к ней, и в этом лишь заключается их право руководить движением и первыми шагами организации нового общества, — то на их прямой обязанности лежит *знать*, какие средства существуют для обеспечения массы на другой день после революции и откуда придется черпать новые средства в новой рабочей общине.

Революция не может упасть на общество, как снег на голову, совершенно неожиданно. За недели и за месяцы до того внимательные наблюдатели, рассеянные по России и находящиеся между собою в постоянных сношениях, должны предвидеть ее наступление. В таком случае члены социально-революционного союза данной территории (например, уезда) должны знать состояние и размещение запасов (в муке, в зерне, в скоте на убой и в рабочем скоте, в орудиях труда, в основных предметах пот-

ребления и т. п.), жилищ и угодий всякого рода на территории, на которой они работают. Они должны, *по возможности,* собрать верные сведения по этим предметам и относительно ближайших территорий, на которых нет их товарищей, но относительно которых существует вероятность, что они поднимутся по примеру соседей под влиянием общего движения. Точно также членам союза должна быть известна с достаточной точностью численность и размещение населения, которому должны быть обеспечены средства существования при новом порядке и обеспечены не впроголодь, но настолько лучше прежнего, чтобы огромное большинство этого населения немедленно *почувствовало* улучшение своего положения.

Поэтому все усилия руководителей движения должны быть направлены на то, чтобы при революционном захвате наличных запасов в общую народную собственность возможно менее предметов погибло бесполезно. Немедленно должны быть устроены центральные склады, куда будет свезен хлеб в муке и зерне; должны быть организованы общие стада и табуны под наблюдением выборных людей; должны быть образованы склады одежды, склады рабочих орудий; должен быть составлен список всех помещений для того, чтобы, по решению общинного рабочего схода (при участии всех приступивших к революционому движению), или по жребию, рабочее население разместилось в удобнейших из них; должна быть организована раздача из складов всего необходимого для потребления, раздача орудий труда и рабочего скота для пользования. При этом весьма важно будет обратить внимание на то обстоятельство, что количество запасов в разных соседних друг другу общинах может находиться в обратном отношении к потребностям их населения, и что поэтому для правильного обеспечения потребностей населения придется немедленно перевести, например, хлеб из амбаров кулаков и хлебных спекуляторов в амбары полуголодных сельских общин; скот, скопленный на хуторах помещиков для торговли им, придется разделить по стадам этих общин; одежду в лавках городов придется распределить по сельским складам и т. п. Эти распоряжения потому именно особенно важны, что ими в самом начале устранится раздельность собственности в разных общинах и закрепится солидарность не только меньших групп, но довольно обширных территорий.

Второй род распоряжений должен касаться учреждения общественных работ. Так как всякая работа для *продажи,* для *спекуляции* не может иметь места в новом обществе, то часть совершаемых работ может прекратиться. Немедленно должны быть запаханы все межи и уничтожены всякие межевые знаки. Если революция совершилась летом, в рабочее время, до жатвы, то, конечно, придется снять всю жатву, но при новых запашках поля, теперь уже *общего, неделенного,* надо будет расчесть, ка-

кая запашка необходима для обеспечения населения (местного и соседнего), и ограничить запашку общего поля (конечно — лучших нив) лишь этим количеством земли. При этом, как кажется, все работы удобнее производить теми приемами, которые уже теперь употребительны при *помочи* (или *толоке*). Точно также постройка новых, более удобных помещений для центральных амбаров и складов, для общих стад, наконец, для части рабочего населения там, где нет возможности ему вполне разместиться удобно в наличных жильях, должна быть произведена общим трудом по расчету потребностей. Изготовление одежды (которое, может быть, удобнее будет концентрировать в городах) должно быть тоже соображено с потребностью, так как накопление ее в складах бесполезно, а часть потребности будет немедленно удовлетворена из наличных рыночных складов. Производство на фабриках предметов роскоши может быть немедленно остановлено до упрочения нового строя. Производство на фабриках предметов общего потребления остановиться не может, так как, напротив, для сколько-нибудь удобной жизни рабочего населения, последнее должно обладать гораздо большим количеством предметов обиходной жизни (особенно орудий труда), чем обладает теперь. Число участвующих в этих фабричных работах должно увеличиться, чтобы труд каждого был менее продолжителен; все участвующие должны немедленно составить артель для обсуждения приемов, помощью которых работа стала бы легче и безопаснее, не уменьшая количества производимых предметов, но, в случае нужды, даже увеличивая его.

Особенное внимание придется обратить с первой же минуты на работу по перевозке грузов и людей. В настоящую минуту предметы первой потребности (прежде всего хлеб и скот) существуют в достаточном количестве для нужд населения, но их распределение, на основании монопольного хозяйства, таково, что рядом с громадными складами хлеба в руках спекуляторов, невдалеке от многочисленных стад, принадлежащих помещикам-скотоводам и крупным торговцам скотом, десятки тысяч народа лишены необходимого. Лишь перераспределение этих предметов первой потребности, орудий труда и т. п., перераспределение, совершенное с знанием положения дела, местных потребностей, местных средств, и притом совершенное энергично, может явиться действительною помощью большинству населения. К этой перевозке грузов для удовлетворения первых потребностей населения должна присоединиться необходимость деятельных сообщений между разными частями территории *рабочей России* для взаимной помощи против внутренних и внешних врагов, для согласного действия по внутренним делам, необходимость перевозки людей в видах удовлетворения потребности общей безопасности. Поэтому с первой же минуты распоряжение перевозочными средствами и увеличение удобств сообщений должно сделаться одною

из главных забот организаторов. Само собою разумеется, что железные дороги, телеграфы, почты, все лошади, без которых может обойтись население при удовлетворении своих насущных потребностей, будут находиться в руках восставшего народа. Но именно распоряжение *этими* средствами сообщения, которые выходят из-за горизонта деятельности отдельной общины, должно быть в руках тех групп, которые представляют элемент солидарности *всей территории рабочей России.* Еще невозможно составлять самостоятельную артель из лиц, участвующих в работе по этим отраслям занятий, так как значительное число этих лиц, по необходимости, не ознакомилось еще с новым порядком вещей и может поставить в опасное положение новое рабочее общество в самые первые минуты его существования. Кроме того, эти средства сообщения находились большею частью в руках государства или больших компаний. Что касается до общин и артелей, занимавшихся извозом, то на них придется социально-революционному союзу обратить самое большое внимание пред революцией, чтобы эти артели и общины заключали в своей среде членов союза или, по крайней мере, лиц, сочувствующих его деятельности, и в минуту революции добровольно отдали бы свои силы в распоряжение революционных групп.

Я не стану входить в большие подробности относительно самого механизма образования народных складов для существующих припасов, распределения припасов по этим складам, устройства работ для производства предметов насущной необходимости, наконец, устройства перевозки и поддержания всех перевозочных средств. Полагаю, что все эти приемы могут быть достаточно разнообразны, смотря по местности, по комбинации условий общественной жизни, по количеству и распределению существующих запасов и рабочих сил, на которые будет иметь возможность рассчитывать новое общество. Все эти условия определят в каждом частном случае приемы, которые придется употребить для удовлетворения потребности населения в *экономическом обеспечении* и для надлежащего руководства перевозочными средствами, необходимыми для удовлетворения самых разнообразных общественных потребностей. Единообразия приемов при этом ожидать нельзя. Необходимо лишь, чтобы группы лиц, неизбежно поставленные событиями на место распорядителей этими отраслями общественной жизни, постоянно имели в виду, что при всех распоряжениях не может быть допущено *никаких уступок* от общих начал рабочего социализма, а также и то обстоятельство, что население, по отношению к новому порядку, разделяется на несколько весьма различных категорий.

Оно состоит, во-первых, из лиц, уже *подготовивших* себя заранее к наступлению нового порядка; во-вторых из лиц, *примкнувших* к революционному движению на разных ступенях его и при весьма различной степени понимания условий нового по-

рядка; в-третьих, из массы рабочего населения, которая, по самой сущности положения, есть *самая прочная почва* для нового порядка, хотя в значительной доле своей вовсе не знакома с его основными условиями и вынесла из старого строя многие привычки, противоречащие его требованиям; в-четвертых, из части прежнего паразитного населения, которая вела паразитную жизнь гораздо более по рутине, чем по расчету и влечению, заключает в своей среде не мало *возможных союзников* и приверженцев нового порядка, лишь только эти паразиты освоятся с новым положением дел и убедятся, что оно не будет ниспровергнуто ни сегодня, ни завтра, но представляет нечто прочное, к чему приходится приспособиться; наконец, в-пятых, из групп лиц, которые безусловно *враждебны* новому порядку, по всем своим приобретенным инстинктам, по всем своим интересам, разрушенным революцией; из лиц, которые выработали в себе и сметку и достаточную хитрость в прежней гоньбе за наживою и немедленно употребят эту сметку и эту хитрость против нового порядка, как только будут иметь на это малейшую возможность без прямой опасности для себя. В виду теоретических условий и условий среды, распорядители средствами для экономического обеспечения населения должны еще ясно представить себе, что меры для этого обеспечения *должны* быть *немедленно* приняты; что эти меры заключаются в распределении запасов, в устройстве насущных работ, в правильном руководстве перевозочными средствами. Они должны подготовиться *заранее* к принятию этих мер сообразно особенностям местности, где приходится действовать. Дальнейшие частности этой деятельности, как зависящие от случайной комбинации условий среды, определены *вообще* быть не могут.

Почти все пункты этих требований указывают на необходимость внесения в способы экономического обеспечения населения немалой доли *государственного элемента,* т. е. власти, которая должна будет находиться в это время в руках групп, входящих в состав социально-революционного союза и представляющих, на основании организации этого союза, единственный связующий элемент для всей территории *рабочей России* в минуту победы революции. Но не должно забывать, что самое первое из этих требований, именно требование проведения в общественную жизнь начал рабочего социализма, предполагает и подготовление будущего строя, вполне осуществляющего эти начала, следовательно, заменяющего во всех общественных сферах элемент государственной власти элементом свободной федерации личностей и групп для каждого отдельного дела. Не должно забывать, что сам социально-революционный союз должен быть союзом лиц, усвоивших начала рабочего социализма и убежденных не только в теоретической истине, но и в нравственной обязательности этих начал. Поэтому он, во-первых, не может допустить

в своей среде существования государственного элемента, подавляющего самостоятельную деятельность групп; во-вторых, он может допустить этот элемент в новом строе, состоящем из разнообразных слоев, лишь настолько, насколько он *крайне* необходим; в-третьих, во имя своих убеждений, он предполагает самый строгий взаимный контроль относительно возможных попыток кого-либо из членов союза или какой-либо из групп его присвоить себе в данной местности власть, выходящую за пределы крайне необходимого. Этот взаимный контроль групп, составляющих союз, и невозможность в данном случае для лица или для группы удержаться вне поддержки союза и составят *главное ручательство* против присвоения власти и злоупотребления ею на другой день после социальной революции в сфере деятельности по экономическому обеспечению населения.

Не входя в излишние подробности, которые обусловятся частными обстоятельствами, можно, мне кажется, с некоторым основанием, представить себе, что организация этой сферы деятельности могла бы быть, в общих чертах, такова:

Часть членов социально-революционного союза на данной территории (не должно ни на минуту забывать, что они, в *зачительном большинстве,* должны принадлежать рабочему местному населению общин и артелей, без чего вся их деятельность стала бы и бессмысленною, и возмутительно-своевольною, да была бы и *невозможна)* составит то, что я назову *комитетом работ и продовольствия*; т. е. они заранее назначаются на то, чтобы, на другой день после революции, посвятить всю свою деятельность экономическому обеспечению населения этой территории и распоряжению перевозочными ее средствами. У них скопляются все сведения, для того нужные, и о которых сказано выше (стр. 313). Они разделяются на *земский союз и* на надлежащее число *местных групп.* Первый заведует предметами, относящимися до всей территории (перевозкой, путями сообщения, распределением предметов по складам и по общинам); последние — местными делами.

Земский союз пополняется заранее совершенными выборами из наиболее надежных лиц всей территории, хотя бы эти лица не входили прежде в социально-революционный союз, но принадлежали к сочувствующим или даже к лицам, стоявшим вовсе вне движения, если только союз считает их заслуживающими доверия, честными, умными, распорядительными и знающими те отрасли дела, которыми им придется заняться (извоз, распоряжение на станциях железной дороги и на поездах, работа на телеграфных станциях, ремонт и улучшение путей сообщения и т. п.). Земский союз сам подразделяется на несколько секций, которые связаны между собою *распорядительным советом,* каждая из которых заведует своим специальным делом (железными дорогами и телеграфами, перевозочными лошадьми и телегами, мостами и

дорогами и т. п.), имеет своих представителей в распорядительном совете и группирует около себя сколько ей нужно наиболее надежных лиц из остального рабочего населения территории. Сначала придется распределение должностей земского союза, вероятно, сделать так: члены социально-революционного союза, находящиеся на данной территории, выберут из своей среды *комитет работ и продовольствия,* а он выберет из своей среды *распорядительный совет,* который сам пригласит себе помощников, т. е. составит *земский союз,* предоставляя остальным членам комитета разделиться на *местные группы.* При выборе комитета работ и продовольствия будут предложены к участию в земском союзе и разные лица, стоящие вне союза; но на ответственности распорядительного совета будет их действительное приглашение к участию в делах. Эти выборы должны быть совершены заранее, чтобы члены земского союза, в особенности же члены распорядительного совета, могли хорошо ознакомиться со средствами территории и с их распределением. Как только взрыв произошел, хотя-бы на одной части территории, распорядительный совет и земский союз вступают в действие, именно, распорядительный совет назначает членов союза для распоряжения перевозочными средствами и путями сообщения в тех местностях, которые приступили к *рабочей России,* и приглашает заранее выбранных лиц из остального населения на определенные должности. Чрез определенный срок (например, три месяца) в собрании представителей социально-революционного союза решается, следует ли удержать распорядительный совет или только изменить его, или можно уже приступить к более правильным общественным формам для экономического обеспечения населения; если приходится удержать существующее устройство, то через определенные сроки (примерно такой же продолжительности) вопрос этот ставится снова и снова, пока переход к более правильным общественным формам будет действительно признан возможным. Это будет иметь место, когда новый порядок устроится довольно прочно, территория *рабочей России* расширится и округлится, а рабочее население территории более сознательно приступит к новому строю. Вместе с тем *комитет работ и продовольствия* охватит мало-по-малу большинство рабочего населения. Тогда взаимное отношение *земского союза, распорядительного совета и комитета работ и продовольствия* получит существенное изменение. Революционная власть *распорядительного совета,* которая есть власть меньшинства, переходит в рациональное самоуправление большинства рабочего населения, составляющего *комитет работ и продовольствия*; он выделяет из своей среды *земский союз* путем выбора для заведывания *общими* делами территории по экономическому обеспечению населения (именно, составляя земский союз из лиц, более специально знакомых с делом перевозки, с работами по путям сооб-

щения и т. п.; из лиц, по собственному желанию и по согласию товарищей идущих на эти занятия); земский же союз, члены которого до сих пор были приглашаемы распорядительным советом, теперь выбирает этот *распорядительный совет* из своей среды, для более удобного ведения дел, и может сменять его членов, смотря по надобности. В то же время и специализация *комитета работ и продовольствия* мало-по-малу исчезает. Когда *социально-революционный союз* охватит сам большинство населения и, следовательно, мало-по-малу потеряет свою обособленность, само собою разумеется и члены *комитета работ и продовольствия* не будут специально заниматься вопросом об экономическом обеспечении населения, но разделят свое время между разными занятиями. Тогда, собственно, ни социально-революционного союза, ни комитета работ и продовольствия с его подразделениями существовать уже не будет, а будет существовать среди населения *рабочей России,* сознательно поддерживающего новые порядки, с одной стороны, все менее значительное меньшинство, которому, по общему мнению местного населения, не может быть доверено участие в общих делах, с другой стороны, все более свободные союзы лиц, которые, между другими занятиями, посвящают долю времени работам на удовлетворение потребностям общества в средствах и в путях сообщения, выбирают из своей среды комитеты распорядителей по каждой специальной работе (причем члены распорядительных комитетов этого рода могут быть в то же время совершенно рядовыми участниками в других работах); эти комитеты по разным специальностям сносятся между собою для общего дела и распоряжаются под общим контролем всего населения, примкнувшего к новым порядкам. Пройдет поколение; меньшинство, враждебное новым порядкам, обратится в единицы; всякое *назначение* и *приглашение* на должности станет излишним: свободный выбор занятий, свободный выбор распорядителей дела самими участниками установится мало-по-малу во всех отраслях работ по экономическому обеспечению населения; и незаметно из социально-революционного строя, организованного на другой день после революции с немалою долею власти в распорядительных советах, изгладится эта доля власти в виду полнейшего осуществления *федеративного* начала рабочего социализма.

Подобный же процесс может совершиться еще удобнее в *местных группах.* Члены социально-революционного союза, вошедшие в состав *комитета работ и продовольствия,* но не выбранные в *распорядительный совет* или в *земский союз,* должны, как я уже сказал, *заранее* хорошо ознакомиться с распределением средств и населения в местностях, где они находятся, и *местные группы* должны разграничить между собою территориальные участки, на которых они имеют в виду действовать (отдельные села или группы сел, части и кварталы больших горо-

дов, округа расселения заводских рабочих и т. п.), причем величина участков зависит, конечно, от местных обстоятельств, от числа местных членов социально-революционного союза и т. п. Если взрыв удался, то, как сказано выше (стр. 304 и след.), немедленно вся земля, все существующие склады и частное имущество объявляются общей собственностью; это решение принимается и исполняется в первую же минуту членами социально-революционного союза и лицами, примкнувшими к ним, как *фактическою властью* (состоящею, как следует помнить, в *каждой* местности из лиц, огромное большинство которых принадлежит к *местному рабочему населению),* и эта же власть немедленно назначает заранее выбранных членов местных групп *комитета работ и продовольствия* распорядителями общественным имуществом. Само собою разумеется, что они, обладая готовым уже планом действия и немедленно принимая энергические меры, становятся руководителями дела настолько же вследствие этой самой умственной и нравственной подготовки, насколько и вследствие революционных сил, их поддерживающих. Тут главное для них — не терять ни минуты и совершить захват и распределение всей главной массы общественного имущества, прежде чем очнутся застигнутые событиями врасплох и запуганные ими лица, которые могли бы стать за старый порядок во имя рутины. Но распорядители в этом случае должны помнить, что, как бы ни была энергична их деятельность в первую минуту, они, во-первых, не имеют *нравственного права* удерживать свою диктатуру на минуту долее, чем это необходимо, а, во-вторых, распоряжения по экономическому обеспечению населения при социалистическом строе совершенно *невозможны* для небольшого числа лиц без поддержки большинства населения, которое, по самой сущности дела, должно участвовать и в регулировании прихода и расхода существующих запасов и, особенно, в организации работ, нужных сейчас же для экономического обеспечения. Экономическая диктатура членов местных групп комитета работ и продовольствия должна ограничиться самым процессом передачи имущества частных лиц и групп в общее владение и заботою о наименьшей трате и порче этого *общего* имущества под влиянием разгула революционных страстей. Как только этот главный первоначальный процесс совершился для главной массы недвижимого имущества и для большинства движимых запасов, *революционная власть* местных групп комитета работ и продовольствия должна быть сейчас же передана другому органу общественной солидарности, и весь социально-революционный союз обязан строго наблюдать за тем, чтобы нигде эти местные группы не удержали слишком долго своего исключительного положения, так как оно не только безнравственно вне крайней необходимости, но прямо опасно для установления нового порядка.

Новый орган общественной солидарности, который возникнет из самого хода событий и которому, как сказано выше (стр. 311), «фактически» будет принадлежать «решение» всех дел общины, есть собственно весьма старый, традиционный, исторический орган общественной жизни русского народа. Это есть *мирской сход,* но получающий теперь совсем иное значение. Он обращается в «общий сход самодержавной общины», состоящий из «всех рабочих, примкнувших к восстанию». В него войдут *немедленно* первые две из тех пяти категорий лиц, составляющих население общины, которые указаны мною выше (стр. 316—317). Но в него должно сейчас же пригласить *как можно более* и лиц третьей категории (из массы рабочего населения); даже полезно было бы немедленно ввести в него небольшое число четвертой категории (возможных союзников), конечно—при внимательном выборе. Именно это приглашение в «общий сход самодержавной общины» тех или других из лиц третьей и четвертой категории должно быть последним актом революционной власти лиц социально-революционного союза. Затем влияние местных групп комитета работ и продовольствия на общинные дела должно зависеть *только* от их большей подготовленности к насущным вопросам, от их лучшего понимания задач рабочего социализма, от их большей энергии, от их преданности новому порядку. На основании *этих* преимуществ они должны руководить решениями схода, но регулирование прихода и расхода в складах, распределение необходимых работ, сообщения с другими общинами, с распорядительным советом, с земским союзом и т. п. должны быть определены постановлениями общинного схода. Члены революционного союза, в нем находящиеся, должны употреблять все усилия, чтобы мало-по-малу ввести в этот сход *всех рабочих* и уменьшить по возможности четвертую категорию лиц (возможных союзников), вовлекая их большею частью в рабочую жизнь общины (следовательно, переводя в участников общего схода) и выбрасывая остальную долю в ряды пятой категории (признанных врагов нового порядка), которая обречена на постепенное стеснение и вымирание.

Как только «общий сход самодержавной общины» охватил все население ее, кроме признанных врагов нового порядка, государственный элемент в распоряжениях по экономическому обеспечению населения может быть уже доведен до весьма небольшого минимума: все участвуют в распоряжениях работами и запасами; всякий подчиняется лишь решению, в котором свободно участвовал; преобладание одного над другим на сходе зависит лишь от умственного и нравственного превосходства, а не от какого-либо экономического давления, и даже злоупотребление этого преобладания устраняется строгим взаимным контролем наиболее развитых членов общин (о чем ниже).

Сначала большинство членов общин будет участвовать лишь

в общинных делах, дела же общие будут в руках земского союза, как сказано выше. Затем мало-по-малу значительное число лиц будет принимать участие и в тех и других, употребляя долю своего времени на работы экономического обеспечения местного населения, другую долю на работы, связывающие разные местности (перевозку и пути сообщения). Тогда экономическая солидарность обширной территории, осуществленная сначала лишь *теоретически* в социально-революционном союзе, осуществляемая затем *революционно* исключительною деятельностью земского союза, будет, наконец, осуществляться *рационально* свободным участием всего населения территории как в местных, так и в общих работах по своему экономическому обеспечению. С постепенным уяснением для всего населения начал рабочего социализма, с переходом их в обычный строй мысли и в обычный порядок жизни, всякое принудительное решение «схода самодержавной общины» станет излишним; вся экономическая деятельность, как местная, так и связующая разные местности, станет свободною; и небольшой минимум государственного элемента, остававшийся за общинным сходом, будет мало-по-малу совсем устранен, точно так же, как временная экономическая диктатура местных групп комитета работ и продовольствия должна будет исчезнуть еще ранее пред самодержавием общинного схода, сначала более тесного, но затем распространившегося на все рабочее население.

Ограничиваюсь сказанным относительно участия государственного элемента в способах экономического обеспечения населения на другой день после революции и относительно постепенного изменения этого элемента — в количестве и в качестве — при переходе от социально-революционных порядков к положению дел, воплощающему начала рабочего социализма.

Можно было бы подумать, что удовлетворение потребности *общественной безопасности* в строе, который возникнет на другой день после социальной революции, потребует большей доли элемента государственной власти, чем удовлетворение потребности экономического обеспечения, но едва ли это можно допустить; напротив, не отвергая, что и здесь придется уделить ему некоторую долю, я полагаю, что, для прочного установления в будущем обществе начал рабочего социализма, ни в одной отрасли общественной жизни после революции нельзя допустить и половины той диктаториальной власти, которою поневоле приходится облечь, в экономическом отношении, социально-революционный союз,— состоящий в большинстве из рабочего народа, как я уже несколько раз напоминал,— вследствие того, что привычка и влечение вплели так сильно частную собственность во все проявления жизни большинства населения и что тут разрыв с прошлым должен быть совершен *разом*.

При обеспечении безопасности на территории *рабочей России*

на другой день после революции приходится иметь в виду следующие опасности, которые существуют для нового строя:

1) Прежде всего, в нем присутствуют остатки паразитов старого общества, которые по самому своему положению враждебны новому порядку.

2) Огромное большинство лиц, составляющих новое общество (именно все категории лиц, кроме первой, перечисленные на стр. 316), вовсе не усвоило себе начал рабочего социализма; кроме того, все участники нового строя выросли в старом и перенесли из него в новый строй привычки и влечения прежнего времени; следовательно, неясное понимание, привычки и страсти могут беспрестанно вызывать членов нового строя к действиям, опасным для нового порядка.

3) Лица социально-революционного союза, которые. вследствие хода революции, стали властью в общинах и на более обширных территориях, могут поддаться развращающему влиянию своего положения и злоупотребить своею революционною властью, или присвоить ее себе в ненадлежащих размерах, или удержать ее долее, чем это необходимо.

4) Наконец, *рабочей России* вообще грозит непрерывная опасность извне, из императорской и капиталистической России и из других соседних государств, где к этому времени не совершился еще социальный переворот.

Относительно первых двух опасностей может показаться с первого взгляда, что всего удобнее устранить их привычными приемами старого общества: составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом «о наказаниях», выбрать из среды наиболее надежных лиц (преимущественно из членов социально-революционного союза, конечно) комиссию «общественной безопасности» для суда и расправы; организовать корпус общинной и территориальной полиции из сыщиков, разнюхивающих нарушения закона, и из охранителей благочиния, наблюдающих за «порядком»; подчинить людей «заведомо опасных» социалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюрем, а вероятно, и виселиц, с соответственным персоналом социалистических тюремщиков и палачей; и затем, для осуществления *социалистической легальной справедливости,* пустить в ход всю эту обновленную машину старого времени во имя начал *рабочего социализма.*

Не знаю, как это может показаться иному читателю, но я нахожу, что подобный «удобный» (как все привычное и рутинное) прием представляет более опасности для общества, имеющего в виду организоваться по началам рабочего социализма, чем всевозможные враги внутренние и внешние, всевозможные увлечения личной страсти и всевозможные беспорядки.

Он опасен особенно в двух отношениях: во-первых, потому что он развращает мысль членов нового общества, соединяя в

ней понятие о справедливости (нравственной цели нового общества) с явлениями, не заключающими в себе и следа какого-либо нравственного побуждения; во-вторых, потому что он с самого начала нового строя приучает считать целесообразными такие приемы, из которых выросло большинство вредных элементов старого общества и из которых также может вырасти едва ли искоренимое зло и в новом строе.

Человечество, как все сущее, участвует в борьбе за существование, и в эту борьбу входят все способы ограждения безопасности; но оно, вместе со многими высшими животными, ведет еще борьбу за увеличение своих наслаждений; наконец, небольшое меньшинство его борется за развитие (свое и чужое), за воплощение в жизнь своих убеждений. *Справедлива* только последняя борьба; вторая — *эгоистична* и совершается под влиянием *аффектов;* борьба за существование *фатальна* и происходит исключительно под давлением *необходимости.* Все средства, употребляемые личностями и обществами для ограждения своей безопасности, могут опираться *только* на аргумент *необходимости.* Тем не менее старое общество надело на них маску справедливости, уверило себя, что они суть именно воплощения справедливости, и тем самым сделало невозможным для большинства своих членов понимание *действительной* справедливости и воплощения ее в общественные формы. Если новое общество хочет на самом деле воспроизвести в своих формах справедливость, то оно должно прежде всего устранить эту двусмысленность и прямо сознаться, что такие-то действия оно совершает в виду *безопасности* лиц, групп и всего общественного целого, не ставя себе при этом никакой *нравственной* цели (развития личного и общественного), но лишь по *необходимости,* и стремясь придать этим действиям возможно большую *целесообразность,* как *единственное* условие, их определяющее. Затем останутся другие действия, имеющие в виду *развитие* личное и общественное, и к ним одним может уже прикладываться критерий *справедливого.*

Становясь на эту точку зрения, приходится признать, что кодексы, система наказаний и формы судопроизводства, полиция сыщиков и полиция благочиния, тюрьмы и палачи, словом, все формы и проявления *легальной* обороны общества от его врагов и от его непокорных членов входят *исключительно* в сферу деятельности, совершающейся в виду личной и общественной безопасности, в сферу борьбы за существование и потому могут быть оценены исключительно по степени своей *целесообразности.* Если те же цели безопасности могут быть достигнуты при меньшем расходе общественных сил и приемами, не заключающими в себе элементов столь враждебных социализму, как старые формы *легальности,* то нет причины удерживать эти формы и не заменить их другими, более простыми приемами. Приписывать же этим формам какую-либо долю *нравственного* достоинства, какой-ли-

бо *присущий* им элемент *справедливости,* это — упрочивать заблуждение о *действительном* смысле справедливости, следовательно, подвергать опасности ее осуществление в будущем обществе.

Эта опасность теоретического извращения понятия о справедливости, при рутинном смешении ее с легальными формами, сопровождается и опасностью укоренения в общественном строе привычек, противодействующих развитию именно тех сторон жизни, которые совершенно необходимы в новом строе. Установление *специальных* занятий судебною и полицейскою практикою неизбежно вызывает, с одной стороны, образование меньшинства, которое вырабатывает в себе особенную склонность к юридическому формализму и к стеснению воли других; меньшинства, которое мало-по-малу присваивает себе эти функции и становится центром *привычной* государственной деятельности, как подобные же функции в первые периоды истории послужили основою развития государственного элемента (стр. 230 и след.). Эта специализация вызывает, с другой стороны, в большинстве личностей стремление смотреть на общественную безопасность, как на дело чужое, о котором заботятся специально назначенные на это люди, между тем как все общество, стоящее вне этой специальности, может предаваться лишь делам, более близко связанным с непосредственным интересом личности. Но именно это настроение духа всего сильнее подрывает чувство общественной солидарности, которое *одно* может служить основою будущему строю. Оно точно также противодействует выработке личной энергии, решимости осуществлять свою мысль собственною деятельностью и принимать в каждую минуту на себя ответственность за свои действия, тогда как свободные федерации, на которых должен опираться весь строй будущего общества, требуют от личности именно этих качеств. Я уже говорил выше (стр. 286), что «привычка к самостоятельным и энергическим решениям в личности и в небольшой свободной группе должна будет вырабатываться... с *первой же минуты,* когда... придется приступить к построению нового общества на началах рабочего социализма». Точно также с первой же минуты должно вырабатываться и укрепляться в личностях чувство общественной солидарности, вследствие которого *каждый* должен смотреть на общественную безопасность, как на свое личное, самое близкое ему дело, и должен быть в *каждую* минуту готов отдать свое время и свои силы на это дело, быстро обдумывая целесообразность своих действий на общую пользу и принимая на себя полную ответственность за свои действия.

Если приходится совсем устранить вопрос о *справедливости* тех или других общественных форм и действий при обеспечении безопасности лица и общества; если меры, при этом принимаемые, должны быть прежде всего *целесообразны;* если установле-

ние старых легальных форм суда, наказания и полиции оказывается *безусловно вредным* для общества в смысле развития в нем начал рабочего социализма; если важно для этого самого развития вызвать в каждой личности, участвующей в новом строе, возможно более заботливости об общем деле и возможно более энергии в принятии самостоятельных решений при этой заботливости — то для удовлетворения потребности общественной безопасности, как я думаю, могут быть употреблены способы, вполне соответствующие этим условиям.

Северная Америка, где личная энергия наиболее выработалась в наше время и где личная самостоятельность наименее подавлена государственным элементом, дает нам некоторые указания на эти способы. Там очень часто составляются внелегальные ассоциации для противодействия какому-нибудь закону на свою ответственность, для быстрого удаления опасности (действительной или воображаемой), против которой закон не дает оружия или дает оружие слишком медленное и т. п. Конечно, в *современном* обществе, преследующем интересы личного обогащения, охранения монополии, или возбужденном весьма отсталыми верованиями — эта энергическая самодеятельность проявляется и должна проявляться в весьма отвратительных формах: суд Линча вешает вора или разбойника; лица, живущие не по установленной рутине, подвергаются оскорблениям, истязаниям, разорению; секта, возмущающая своими верованиями большинство, преданное столь же нелепым, но *иным* верованиям, изгоняется из данной местности и т. п. Но дело не в этом: при данных противообщественных принципах (экономической и семейной монополии, религиозной нетерпимости и т. п.), господствующих в данной местности, всевозможные формы жизни будут вызывать гибель определенного числа жертв и совершение безнравственных, возмутительных действий; можно доказать, что существующие юридические формы приносят Молоху легального права не менее жертв, прославляют его не менее безнравственным и возмутительным культом, чем суд Линча и все безобразия *нелегальной* народной расправы. Зло последней в настоящее время коренится не в ее формах, а в сущности принципов современного строя.

И при господстве нового социально-революционного строя — период которого можно считать с минуты победы пролетариата до полного ограждения нового строя от главных опасностей, ему грозящих—отстаивание общественной безопасности вызовет жертвы, страдания лиц, которые будут считаться опасными, вызовет явления, которые могут быть подведены только под рубрику *необходимости,* но никак не под рубрику *нравственности и справедливости.* Количество ненужного зла, которое при этом произойдет для лиц, будет зависеть всего более от *общего* нравственного развития господствующих групп и лишь в незначительной степени от форм, в которых будет нанесено это зло. Но

для развития общества по началам рабочего социализма весьма существенно, чтобы формы общественной жизни не вносили в новый мир элементов, противоречащих этим началам, но вносили в него элементы, им содействующие. Следовательно, едва ли не лучше заботу о безопасности общества и личностей, как от присутствующих в обществе враждебных элементов, так и от проявлений в среде лиц, примкнувших к новому порядку, старых влечений и привычек, предоставить не какому-либо *специальному учреждению, но свободной инициативе* групп, входящих в состав нового строя, — прямой *народной расправе.*

Забота о безопасности от врагов настолько присуща каждому, что во всех случаях, когда человеку невозможно рассчитывать на чужую опеку в этом отношении. он непременно сам подумает о принятии надлежащих мер для своего обеспечения. Поэтому полицейский надзор за предполагаемыми или действительными враждебными элементами на территории будет весьма действителен, если он будет делом самого победившего населения. Лишенные всех своих экономических средств, не имея в руках оружия, не имея участия в делах общины или территории, существуя лишь при помощи благотворительности победителей (если общество примет относительно новых *неспособных* то решение, которое выше — на стр. 312 — названо «благоразумнейшим»), находясь под гнетом общественного подозрения, элементы, враждебные новому порядку, имеют мало вероятности сделаться опасными общественному строю даже при слабом надзоре, но все примеры политических революционных движений скорее ведут к мысли, что надзор *общества* за ними будет несравненно строже, чем надзор какой угодно специальной полиции.

Ограждение безопасности личностей и групп от проявления привычек и влечений старого общества в членах нового строя будет, конечно, труднее. Старое общество со своими кодексами, судами, полициею и системою наказаний не развило в личностях обязанности взаимного контроля, а та сила *общественного мнения,* которая должна сдерживать подобные проявления при дальнейшем фазисе развития социалистического строя (см. стр. 266 и след.), еще не образовалась. На бывших членах социально-революционного союза, как на личностях, наиболее ясно понимающих требования рабочего социализма, следовательно, наиболее чутких к поступкам, которые подрывают общественную солидарность, выказывают склонность к монополии, к эгоистической эксплоатации других, к установлению неравенства — на них, как на людях, которым должно быть наиболее дорого осуществление принципов, за которое они боролись, лежит обязанность победить эту трудность. Добровольно подчиняясь самому строгому взаимному контролю (о чем ниже), они должны — не как особое учреждение, но как частные лица—взять на себя обязанность постоянно будить в общине чуткость к поступкам,

опасным для общественной связи и для общественного развития. Они должны составлять *собственной инициативой* группы, которые будут сдерживать порывы страсти и эгоистических влечений в личностях, группы, которые будут стоять на страже развития общественной солидарности, группы, которые будут физическою силою принуждать увлекающихся соблюдать общественные начала, ими признанные; в случае же поступка, который предупредить будет невозможно, но который возбудит общественное негодование, эти самые группы, опять-таки по собственной инициативе, примут относительно общественного преступника те меры, которые они найдут в данном случае наиболее целесообразными.

Конечно, при этой общественной *самодеятельности* в отношении мер общей безопасности можно предвидеть не столько невнимание к враждебным элементам, сколько ненужную жестокость в отношении к ним; не столько снисхождение к проступкам против новых начал, сколько излишнюю суровость и страстность в преследовании этих проступков. Это, действительно, одна из больших опасностей всякого революционного движения. Оно возбуждает страсти, и при этом теряется чувство меры; оно ставит на алтарь принципы, и при этом легко упустить из виду неизбежные слабости личностей. Ни одна серьезная революция не может совершиться без пролития крови, частью ненужного; невозможно будет вполне держать пролетариат, раздраженный в продолжение длинного периода бессовестною эксплоатациею и варварскими притеснениями, от некоторых проявлений мести в первую же минуту. Но всякий, серьезно желающий, чтобы социальная революция повела как можно скорее к прочному основанию солидарного общежития, должен употребить все свои усилия, чтобы проявления народного возмездия, каковы бы они ни были *в самую минуту* революции, прекратились *на другой же день* после победы пролетариата. Всякая *ненужная* жестокость к врагам, на другой день после победы, только подрывает нравственное значение общежития, которое должно сделаться воплощением справедливости и потому должно дать *наименьшую возможную долю* необходимости. Всякая *ненужная* суровость к преступнику против начал, которые он не успел вполне усвоить, подрывает солидарность нового общества. Поэтому одна из важных нравственных обязанностей, лежащих на членах социально-революционного союза, вследствие лучшего усвоения ими начал рабочего социализма и вследствие того руководства событиями, которое им усвоивает их большая подготовленность к этим событиям, заключается тоже в их обязанности оградить новый строй от подрыва его нравственного значения, от подрыва его солидарности *ненужными* увлечениями общества в борьбе за свою безопасность против внутренних врагов и против неизбежной отрыжки старых привычек и влечений.

Таким образом, члены социально-революционного союза, не

в виде особой легальной власти, но как самостоятельные и равноправные личности, должны собственною инициативою устроить общественный надзор в виду личной и общественной безопасности; должны, во-первых, употребить свое нравственное влияние на организацию тех общественных мер, выходящих из свободной инициативы личности, которые предупреждают действия, опасные для лиц или для общества, или воплощают в себе общественное негодование за эти действия; во-вторых, и одновременно с первым, это же самое нравственное влияние должно сдерживать всякую ненужную жестокость и суровость внутри самого общества. Люди, которым досталась на долю завидная историческая роль окончательных подготовителей нового строя, несут на себе ответственность и за охранение его как от небрежного отношения к его началам, так и от всяких излишеств. Внимательное исполнение ими своих разнообразных обязанностей в эту самую критическую для рабочего социализма эпоху, которая наступит на другой день после победы пролетариата, может быть поддержано лишь самым строгим взаимным контролем, который они должны *добровольно* признать необходимым в своей среде.

Он тем более необходим, что члены социально-революционного союза, как я уже несколько раз сказал, фактически образуют *власть* в минуту революции и на другой день после нее, а сделавшись властью, весьма могут злоупотребить ею сознательно или бессознательно. Они составят распорядительные советы и влиятельное меньшинство в земских союзах, на общинных сходах, большинство местных групп комитета работ и продовольствия (см. выше стр. 318). Они, как я только что сказал, примут на себя инициативу всех мер безопасности. Мы увидим ниже, что на них же большею частью будет лежать забота о мерах по общественному развитию. В их руках будут общественные отношения. Конечно, они не составят ни касты, ни бюрократической группы, во-первых, потому, что они, в большинстве, принадлежат традиционным народным группам; их влияние зависит только от их связи с этими группами; во-вторых, потому, что разнообразные общественные функции, падающие на их долю, не составляют исключительного их дела, но, прежде всего, эти руководители общества остаются работниками среди работников и осуществляют на практике начало равного достоинства всех родов труда мышечного и головного, начало обязанности для *всех,* по возможности, участвовать в том и в другом; в-третьих, и потому, что в большей части их общественных функций их влияние зависит не от обособленного положения *распорядителей,* но только от их нравственного и умственного превосходства, происходящего от их большей подготовленности к событиям, от их более ясного понимания задач рабочего социализма и их большей преданности делу социальной революции. Все это так, и только эти условия делают возможным для них сколько-

нибудь удовлетворительное выполнение их разнообразных и трудных обязанностей; но тем не менее все эти люди выросли в *старом* обществе, неизбежно несут на себе неизгладимые следы старых условий жизни, и потому лишь строгий взаимный контроль может оградить их от вольных и невольных увлечений, которые могут выразиться тою опасностью для общества, которую я выше (стр. 324) обозначил номером третьим.

От нравственного достоинства и от нравственной состоятельности этих людей зависит, в значительной доле, более или менее правильное развитие нового строя. Они должны это понимать, если они понимают важность наступающей минуты и важность своей роли в этих событиях. Пред *этим* делом вопрос о личной независимости, о самолюбии, даже о личной безопасности должен для людей убежденных отступить на второй план. Поэтому мне кажется, что накануне революции они должны *добровольно* подчиниться строгому взаимному контролю. Его можно было бы устроить следующим образом:

Допустим, что союз заранее был разделен на секции, группированные в федерации, которые сами входили в состав союза с тою или другою организациею конгрессов, федеральных съездов, центральных и федеральных комитетов и т. п. (об этом в следующей главе). Какова бы ни была самостоятельность или подчиненность секции в отношении к высшим группам и отдельных членов в отношении к секциям в продолжение *подготовления* революции, но при ее *наступлении* опасность увлечения со стороны личностей или групп, в смысле, подрывающем начала рабочего социализма, настолько серьезна, что должна бы заглушить все прочие соображения. Секции должны получить безусловную власть — или предупредить своего члена, отступающего от начал, которые он написал на своем знамени, или даже просто исключить его из своей среды и отнять у него право на участвование в какой-либо руководящей общественной группе, и он должен заранее обязаться *подчиняться* этому приговору. В случае неисполнения этого обязательства, на себя *добровольно* принятого, он должен быть *устранен* тем или другим способом, наиболее целесообразным. Конечно, подчинившись приговору секций, член может протестовать против него, причем в предвидении подобных случаев может быть установлен в союзе особенный прием созыва апелляционного разбирательства между осужденным и секцией, его осудившей. Должны быть приняты меры и на случай, когда секция, вследствие влияния на нее одного из ее членов, или будет снисходительна к нарушению им своей обязанности охранения начал рабочего социализма, или в целом своем составе дозволит себе нарушение этих начал. Подробное развитие этих мер, приемов взаимного контроля, решений, которые должны быть при этом приняты, и способов их исполнения было бы неуместно, так как все это обусловливается частными обстоя-

тельствами местности, распределения личностей, нравственного значения проступка и степенью опасности, им вызванной. Дело не в формализме, а в серьезном понимании задач рабочего социализма и подрывающих его действий, дело в энергической решимости осуществить эти начала. Всякий позыв к монополии общественной собственности, к присвоению за пределами необходимости, всякая попытка к уклонению от общего труда, от службы обществу *всеми* своими силами, всякое злоупотребление своею властью будет *преступлением* в рядах тех, которые ясным пониманием подготовились к великой минуте социальной революции, долженствующей осуществить начала рабочего социализма. Всякая небрежность в заботе об общественной безопасности или в предупреждении *ненужной* жестокости, подрывающей нравственное значение нового строя и общественную солидарность, будет более или менее важным *проступком* для лица, более других подготовленного к событиям и к пониманию их значения в развитии будущего общества. Чем более должны остерегаться ненужной жестокости строители нового порядка в отношении к бессильным остаткам старого мира, которые не по своей вине находились в другом лагере и которых жизнь в новой среде может переработать в полезный элемент нового общества; чем снисходительнее они могут быть к лицам, примкнувшим к новому порядку при недостаточной подготовке к нему и невольно поддающимся привычкам старого мира; тем строже и неумолимее должны быть один к другому те, которые сознательно и с достаточною подготовкою стали в ряды борцов за новый порядок. Сознательно борцы за начала рабочего социализма составляют неизбежно *власть* в новом обществе, но *потому именно* не могут ни желать, ни ожидать для себя *никакого снисхождения* от своих товарищей при нарушении этих начал. Как только они оказываются несостоятельны в своей важной роли, они должны быть от нее удалены; как только они изменяют ей и становятся опасны для рабочего социализма, для них нет более места в новом мире. Эту тяжелую ответственность за свою деятельность должны нести члены прежнего социально-революционного союза во все время, пока для них необходимо играть в обществе роль руководителей и пользоваться своей дореволюционной организацией для временной поддержки против инерции, непонимания и увлечения, около них господствующего. По мере того, как общество вживается в новые порядки, по мере того, как их влияние становится менее существенным, их вмешательство менее нужным и они сами становятся обычными единицами в ряду других, — по мере этого и взаимный контроль со всеми его последствиями станет менее необходимым оружием для безопасности общества; как *чисто революционное оружие,* он исчезнет с концом революционного периода, когда самый факт социально-революционного союза прежних борцов и подготовителей сделается

историческим воспоминанием, а общество вступит в период мирного развития начал рабочего социализма, усвоенных огромным большинством нового поколения.

Я недолго остановлюсь на тех мерах, которые должно принять общинами, вошедшими в состав *рабочей России,* для ограждения безопасности всей ее территории от *внешних* врагов, так как условия положения слишком ясно указывают на способы, которыми придется действовать, и, при всем отличии *чисто-народной* войны социалистического общества с его противниками от всех войн прежнего типа, все-таки условия техники военного дела вызывают и здесь потребность достаточно централизованной власти и подчинения этой власти, довольно близкой к той, которая существовала при всех войнах, имевших место с начала мира.

Конечно, *чисто-народная* война социалистов с их противниками не может вызвать генеральных сражений со всею тактическою обстановкою, которая обусловливается теперь военною организациею государств, вступающих в столкновение. «Битва при березе», воспетая Фрейлигратом[216], останется достоянием мечты поэта. Социалистическая пропаганда должна проникнуть в войско врагов и деморализировать его, как войско, прежде чем начнется настоящая борьба. В № 29 «Вперед» (стр. 139) было сказано:

«Единственную опору против социально-революционного взрыва будет иметь настоящий порядок в *войске*. Революционная организация должна *заранее* расшатать эту опору, насколько это возможно. Она должна иметь среди солдат *своих членов;* она должна иметь между ними *сочувствующих,* чтобы в данную минуту одни, хотя бы немногие, прямо перешли в ряды восставшего народа, другие, в *большем числе,* не решились действовать против народа. При современном военном строе, где все зависит от *коллективного* действия, а личная инициатива солдат играет совершенно ничтожную роль, достаточно не особенно значительного числа *своих* и *сочувствующих* в батальоне, эскадроне или батарее, чтобы сделать из этих боевых единиц ни на что не годную массу людей в руках власти».

Поэтому приходится иметь в виду боевые столкновения лишь с отдельными отрядами, которые случайно или по большей энергии начальников остались бы незатронутыми в достаточной степени социалистическою пропагандою. В этом случае условие победы для народа заключается в том, чтобы против неприятельских отрядов удалось концентрировать значительно преобладающие народные массы, чтобы эти отряды встречали систематически расположенные засады, были бы лишены всякого отдыха внезапными тревогами; чтобы небольшое число искусных стрелков выводило из неприятельского строя начальствующих лиц; вообще важно, чтобы военные действия ведены были согласно и

гармонически в их целом, предоставляя как можно менее судьбу борьбы общим схваткам значительных масс.

Другая особенность войны *рабочей России* с Россией императорской или капиталистической должна заключаться в том, что, в видах успеха дела, территория рабочей России не может быть очерчена какими-нибудь пределами, за которыми можно предоставить существовать прежнему государственному строю, вступая с ним в договоры и в политические сношения. Между новым и старым порядком мира *быть не может.* Где бы в первую минуту ни остановилась социальная революция в своих успехах, она должна немедленно *для собственной обороны* бросить эмиссаров социальной революции за пределы своего развития, должна действовать немедленно наступательно отрядами, высылаемыми через границу далее и далее, чтобы территория *рабочей России,* на которой будет воздвигаться новое здание рабочего социализма, была сейчас же опоясана пространством взволнованным и волнующимся; чтобы как можно далее за пределами нового общества еще непобежденные враги были заняты внутренними беспорядками и опасениями.

Мало того. При настоящем положении дел в Германии и Австрии, довольно важно, чтобы победоносное восстание в России, которое организует территорию *рабочей России,* нашло поддержку в социально-демократических союзах рабочих этих стран. Если в это время в них уже совершится социальная революция или, по крайней мере, уже начнется открытая борьба социалистов с государственным строем, то в этом отношении русские социалисты могут считать себя безопасными. Но если России придется начать эту борьбу ранее, то русские социалисты (т. е. в этом случае члены социально-революционного союза), сознавая приближение взрыва, должны серьезно подумать об установке заранее со своими заграничными товарищами сношений настолько прочных, чтобы немецкие и австрийские социал-демократы решились употребить все усилия для помехи своим правительствам двинуть войска через русскую границу. Точно также на другой день после революции *рабочая Россия* должна, для собственной обороны, поддерживать самую тесную связь с соседними единомышленниками, которые могут доставить ей весьма сильную поддержку в ее борьбе и в том случае, конечно, если они успели справиться со своими вратами, и в том, когда они еще не достигли до этого, но лишь предотвратят вмешательство своих правительств в революционное движение в России.

Организация войны оборонительной, организация эмиссаров и наступательных отрядов в земле врагов, организация сношений с заграничными социалистическими союзами — все это достаточно назвать, чтобы почувствовать неизбежность *государственного элемента,* элемента *власти,* при всех этих общественных отправлениях; но тем не менее и здесь далеко нет необхо-

димости в таких решительных мерах, как те, о которых я говорил выше, рассматривая экономический переворот (стр. 308 и след). В них нет необходимости уже потому, что здесь не нужно ломать никаких старых привычек, но, напротив, приходится следовать рутине войны, рутине, унаследованной чуть ли не от животного периода человечества, и надо только парализовать, насколько возможно, вредное влияние неизбежного военного времени на развивающийся строй, который должен *устранить войну навсегда*. Дело людей, истинно преданных задачам рабочего социализма, будет заключаться именно в деятельности, направленной на эту парализацию вредного влияния войны, и это дело тоже неизбежно приходится на долю членов социально-революционного союза.

Само собою разумеется, что немедленно после победы революции будет распущено все войско, находившееся на территории рабочей России; часть его примкнет к восставшему народу, другая часть покорится победителям. Все наличное оружие, находившееся как в войсках, так и в складах, должно быть распределено сообразно удобству защиты территории. Военные, приступившие заранее к социально-революционному союзу, должны иметь наготове план военной организации, который должен быть обсужден на съездах социально-революционного союза заранее и к исполнению которого придется приступить сейчас же после первого успеха революционного дела. От обширности территории рабочей России и от большей или меньшей опасности, которая будет грозить ей извне (то есть, от меньшей или большей дезорганизации государственных сил у ее врагов) будет зависеть, можно ли будет организовать войска рабочей России по системе охотников или по системе всеобщего народного вооружения (конечно, давая оружие лишь населению, приступившему к новому порядку), и я не стану останавливаться на этом пункте. В обоих случаях призыв охотников или организация народного ополочения будут лежать на тех членах социально-революционного союза, которые, по своим специальным знаниям военного дела, будут на это заранее назначены товарищами, и на тех специалистах, которые, не принадлежа к союзу, будут тем не менее им выбраны в минуту революции, как заслуживающие его доверие. Но раз отряды организованы, едва ли не лучше будет, чтобы отряды выбирали своих ближайших офицеров, эти выбирали бы из своей среды начальников отрядов, а начальники всех отрядов выбрали бы общего распорядителя всеми военными силами и средствами страны. Если он будет признан на *съезде представителей рабочей России,* то он тем самым облекается *властью,* которая безусловна, пока он не сменен тем же съездом или не отрешен инициативою собрания большинства начальников отрядов. Он уже выбирает себе помощников из числа начальников отрядов, сменяет и назначает этих начальников по своему сооб-

ражению, сообщает свои планы *наблюдательной комиссии* из нескольких человек, назначенной съездом, и периодически отдает отчет самому съезду. Наблюдательная комиссия не может мешаться в его распоряжения, обязана держать в безусловной тайне сообщаемые ей планы, но в случае явной опасности для страны, должна принять *на свою ответственность* меры против этой опасности, созывая ли съезд представителей или собрание начальников отрядов, или решаясь на что-либо иное. Съезд представителей всегда может отрешить главнокомандующего и пригласить войска к новым выборам офицеров, начальников отрядов и главнокомандующего. В случае *крайности* наблюдательная комиссия может своей инициативой, под личною ответственностью, и назначить временно главнокомандующего до новых выборов.

Военные распоряжения, по самой своей сущности, требуют *власти,* которая могла бы в данную минуту действовать решительно, не опасаясь сопротивления. Это уже неизбежное зло войны. Опасность злоупотребления подобной властью бесспорно существует и не может не существовать, но можно надеяться, что выбор собрания начальников отрядов (которые сами — выборные) и учреждение съезда представителей рабочей России не падет на личность, способную сильно злоупотребить своим положением. В неожиданном же случае можно рассчитывать на то, что наблюдательная комиссия (неизбежно составленная из членов социально-революционного союза) быстро решится на энергические меры для устранения общественной опасности.

Само собою разумеется, что, с распространением территории рабочей России на все пространство прежнего государства, с ослаблением и уничтожением внешней опасности для нового порядка, весь военный строй станет ненужным, а вместе с тем уничтожится и власть распорядителя военными силами и средствами страны. Как будут храниться тогда военные запасы? Нужны ли они будут вообще? Нужны ли будут военные учреждения на территории рабочей России, или они ограничатся окраинами, сопредельными азиатским племенам? Как при этом устроятся свободные военные федерации лиц или общин при продолжении существования внешней опасности вблизи от этих племен? — Все это — вопросы, которые я не считаю нужным здесь разбирать; частью потому, что это уже выходит за пределы периода, который я имею в виду в этой главе; частью потому, что решение этих вопросов требовало бы разбора множества частных случаев, иных из которых и предвидеть нельзя; частью же и потому, что однажды прийдя к возможности свободных федераций для военного дела, как для всякого другого, мы находимся вне господства *государственного элемента.*

Оказывается, что этот элемент при ограждении безопасности общества может играть далеко не столь значительную роль, как можно было бы ожидать. Опасность от внутренних врагов

и от личных увлечений ограждается самостоятельною инициативою лиц и групп. Гораздо более значительная опасность злоупотребления властью со стороны лиц, неизбежно ею облеченных во внутренних делах, ограждается строгим взаимным контролем этих лиц, контролем, которому каждое из них добровольно подчиняется, следовательно, здесь самые решительные меры суть не проявление власти одной части общества над другою, но проявление власти общества над его членами, сознательно признавшими свою солидарность. Наконец, внешние опасности вызывают, конечно, военный строй с неограниченною властью главнокомандующего, но эта власть, во-первых, вытекает из свободного выбора как компетентных специалистов (следовательно, приближается к свободной федерации), так и представителей свободного населения; во-вторых, контролируется внимательными наблюдателями, каждую минуту готовыми парализовать и устранить личность, склонную к злоупотреблению этим положением.

По неразрывной связи разных общественных отправлений мне пришлось уже упоминать о некоторых отраслях *общественных сношений.* Неизбежно, на другой день после революции, придется направить долю сил, к ней примкнувших, на удовлетворение потребности в этих сношениях, которые одни могут дать возможность осуществиться солидарности разных групп населений. Здесь приходится иметь в виду:

1. Сношения между группами, находящимися в менее далеком расстоянии одна от другой и связанными местными интересами;

2. Сношения, связывающие всю территорию рабочей России в общих ее интересах;

3. Сношения, поддерживающие солидарность русских социалистов с социалистами всех стран.

Я уже говорил о том, что материальная часть этих сношений (почты, телеграфы, пути сообщения) должны составить предмет забот *распорядительного совета и земского союза,* входящих и состав *комитета работ и продовольствия* (см. стр. 318 и сл.). Так как существеннейшая часть сношений между группами, связанными местными интересами, будет заключаться в экономическом вопросе, а последний именно составляет сферу деятельности тех же самых органов, то весьма возможно, что эти сношения вовсе не потребуют иных органов для всех дел другого рода. Впрочем, может быть, желательно, чтобы эта связь соседних общин немедленно приняла форму, более способную к развитию в смысле рабочего социализма. Например, весьма легко представить себе *съезд уполномоченных* от разных общин, т. е. от их «общих сходов», который решает вопросы, общие для всей территории, имеющей общие интересы. Легко представить себе даже, что для одного дела понадобится съезд от определенных общин, до которых оно касается, а для другого дела, имеющего иное значение, составят съезд представители одной доли общин,

отправивших депутатов на первый съезд, но вместе с ними и уполномоченные общин, не участвовавших в первом съезде. Следовательно, здесь, с первого же шага нового общественного устройства, мы уже в значительной степени приближаемся к тому плану свободных союзов, который должен быть господствующим в обществе, удовлетворяющем задачам рабочего социализма, насколько можно теперь же представить себе этот строй (см. выше, стр. 277 и сл.). Государственный элемент, элемент власти и принуждения, немедленно доведен здесь до весьма незначительного минимума.

Вся территория рабочей России или значительная ее доля, если социальная революция получит немедленно широкие размеры, будет поставлена неизбежно на другой день после революции в такое положение, что всему населению, приставшему к новому строю, придется действовать в некоторых отношениях как одно солидарное целое. Это особенно неизбежно, когда дело идет о мерах для борьбы с внешними врагами, мерах, о которых я частью уже говорил перед этим (стр. 333), или когда дело идет об отношениях к социально-демократическим партиям вне России; но могут представиться для этого и многие другие случаи, перечислять которые я считаю неуместным.

В какой же форме могут быть установлены сношения между частями всей территории рабочей России для осуществления этой необходимой солидарности по тем или другим вопросам? Насколько необходимо будет централизовать орган этой солидарности в виду большей энергии *немедленного действия*? Насколько возможно и обязательно будет *немедленно* ввести в эти отношения тот тип федерализма и свободных союзов, к которому должно окончательно притти общество после подавления своих внешних и внутренних врагов, если это общество имеет в виду осуществить начала рабочего социализма?

Решение этого вопроса гораздо более зависит от обстоятельств, чем от теоретических взглядов. Организация общественных сношений должна, прежде всего, соответствовать *действительному* распределению тех сил, которые связывают общество и вырабатывают его солидарность. Эта солидарность всей территории *рабочей России* на другой день после революции, как уже было сказано, существует лишь в социально-революционном союзе, ее подготовившем; следовательно, его распределение обусловит и форму сношений между различными частями территории.

Если он накануне революции будет покрывать сетью мелких групп всю территорию, которая образует на другой день территорию *рабочей России,* то федеративному устройству мелких групп в самых обширных размерах не представится никакого особенного затруднения. Общины могут образовать федерации довольно ограниченных размеров с временными *территориальными съездами* или постоянными *территориальными комитетами,* а

эти *территориальные съезды или комитеты* могут образовать из своих уполномоченных *общую думу рабочей России* для решения общих ее дел по указанию доверителей и *наблюдательную комиссию* при главнокомандующих (см. стр. 335). Само собою разумеется, что в этих съездах, комитетах и комиссиях в первую минуту будут участвовать почти исключительно члены социально-революционного союза, так как они одни подготовлены к обсуждению общих дел; но они должны с самого начала понемногу привлекать к этой общей деятельности по возможности большее число способных лиц, стоявших вне союза, а по мере того, как большее и большее число населения будет усваивать себе задачи нового строя, большее и большее число лиц, примкнувших к этому строю, будет участвовать в выборах представителей в территориальные съезды и комитеты, пока, наконец, прежний социально-революционный союз охватит, как сказано (стр. 321), большинство населения, потеряет всякую обособленность и тогда, — подобно тому, как все население территорий будет принимать свободное участие «в местных и в общих работах по экономическому обеспечению» (стр. 323) — так все оно будет принимать участие и в выборах для сношений между всеми частями *рабочей России* в виду ее солидарности. По мере прекращения дел *обязательно* общих для всей территории (внешней войны и т. п.) могут становиться реже или совсем упразднться территориальные съезды и комитеты, собрания общей думы, обязанности наблюдательного комитета и т. п. Окончательно солидарность территории *рабочей России* исчезнет в общей солидарности всех частей человечества, примкнувшего к началам рабочего социализма, а более частные вопросы будут вызывать свободные федерации общин и их союзов для определенной цели, на определенное время, безо всякого обязательного соединения, обусловливаемого языком, расою или другими антропологическими особенностями, игравшими столь значительную роль в истории.

Сношения с рабочими организациями других стран по самой сущности дела войдут в функции наиболее централизующего органа солидарности рабочей России, т. е. в функции ее *общей думы*, и следовательно, в той же мере, как она, составят сначала обязанность доли членов социально-революционного союза, потом большинства населения, в котором расплывется этот союз, наконец, упразднятся, как ненужные, по мере того как обособленность территории *рабочей России* потеряет свое историческое значение.

Если социально-революционный союз накануне революции будет представлять (что едва ли не будет удобнее для него, см. «Вперед», № 29, стр. 133) четыре, пять федерированных главных центров действия, то это самое определит организацию сношений между частями территории рабочей России на другой день после революции. Неизбежно образуются в таком же числе более

или менее централизованные федерации, которые, с одной стороны, будут к себе притягивать все новые местности, захваченные волною революции, с другой стороны, образуют из своих делегатов *общую думу рабочей России*. В этом случае члены социально-революционного союза должны употреблять все усилия, чтобы мало-по-малу централизованные органы федераций передавали свои функции в более мелкие территории, чтобы легче перейти к окончательной форме свободных союзов мелких групп.

Наконец, если бы силы социально-революционного союза накануне революции были преимущественно концентрированы в одной местности (что, по моему мнению, совершенно неудобно для победы революции) или если бы этот союз имел сильно централизованную форму с постоянным общим *распорядительным комитетом* (что мало вероятно при существующих наклонностях русской молодежи) или с временным *союзным конгрессом,* то естественным путем этот комитет или конгресс обратился бы на другой день после революции в *общую думу рабочей России,* которая была бы органом солидарности всей территории. Конечно, при этом членам социально-революционного союза обязательно будет, во имя начал рабочего социализма, во-первых, вызывать как можно скорее самодеятельность в разных мелких группах; во-вторых, подвергать своих членов, заседающих в подобной *общей думе,* самому строгому контролю и устроить над ним наблюдательный комитет с функциями, более или менее подходящими к тем, которые имеет подобный же комитет при главнокомандующем военными силами.

При последних двух способах государственное начало, присутствующее в форме общественных сношений, будет, конечно, гораздо значительнее; и против злоупотребления им придется принимать меры, но предупреждение этого злоупотребления почти вполне зависит от подготовителей социальной революции, и поэтому я считаю удобнейшим оставить этот вопрос до следующей главы. Во всяком случае и тут элемент государственный — принудительная власть одной доли населения над другою — при установлении сношений между частями *рабочей России* для согласного действия будет, во-первых, ограничен небольшою сферою действия (внешнею войною, внешними сношениями с соседними социалистическими союзами и т. п.) и по мере уменьшения важности этой сферы действия будет сам уменьшаться; во-вторых, будет подвергнут строгому контролю всех членов социально-революционного союза; в-третьих, будет терять свое значение по мере развития местной самостоятельности и системы выборов, которая в возможно скором времени должна заменить *первоначальную* общую рабочую думу — образованную распорядительным комитетом или союзным конгрессом социально-революционного союза — думою, *выборною* при возможно обширном участии всего населения, примкнувшего к новому строю. С те-

чением времени, как сказано выше (стр. 339), и эта дума будет закрыта вместе со всеми органами, обособляющими территории.

Мне остается еще сказать об удовлетворении потребности *общественного развития,* и я ограничусь самым необходимым, не желая увеличивать объема этой работы.

Уже из предыдущего можно заключить, что *прочное* установление общества на началах рабочего социализма вполне опирается на *развитии* общества в смысле этих начал. На другой день после революции придется принять и по экономическому обеспечению (см. стр. 308 и сл.), и по общественной безопасности (см. стр. 323 и сл.) многие меры, которые обусловлены только тем, что большинство населения не усвоило начал рабочего социализма, и тем, что даже те, которые усвоили их теоретически, перенесли в новый строй сознательно или бессознательно множество привычек и влечений старого мира. Лишь немедленные энергические меры для распространения развития в большинстве населения могут облегчить первый период жизни нового общества. Лишь немедленные энергические меры для развития растущего поколения в смысле рабочего социализма могут ограничить переходный период, с временно-неизбежным присутствием в нем государственного элемента, лишь периодом жизни одного поколения.

Таким образом, перед новым обществом на другой день после революции станут немедленно насущные вопросы:

1. Возможно широкое распространение развития в смысле рабочего социализма среди взрослого населения, примкнувшего или способного примкнуть к новому порядку.

2. Воспитание растущего поколения в определенном направлении.

Затруднение здесь представится в том, что большинство русского рабочего народа (следовательно, большинство населения *рабочей России*) вовсе не подготовлено своим прошедшим к ясному представлению о важности этого элемента для прочного установления нового порядка. Затруднение будет и в том, что даже большинство членов социально-революционного союза, как принадлежащее к тому же рабочему народу, если и усвоило себе важность теоретического развития, то нисколько не подготовлено к технике деятельности в этой сфере. Дело будет итти уже не об революционной социалистической агитации, не о пропаганде тех немногих начал рабочего социализма, которые нужно понять для целесообразной борьбы с капиталом и с государством, для усвоения солидарности всего рабочего мира, для стремления к устранению всякой монополии и к развитию самодеятельности мелких групп в свободных федерациях. Надо будет упрочивать новое общество теоретическою и практическою разработкою начал рабочего социализма во *всех* частных сферах мысли и жизни помощью систематической развивающей пропаганды. Надо

будет организовать по всей территории рабочей России школы для растущего поколения по плану, который, при всем допускаемом и неизбежном разнообразии в подробностях, должен будет иметь *одну,* совершенно определенную цель и притом цель, для которой старые школы могут дать очень мало указаний. Этот существенный элемент постройки нового общества будет лежать большею частью *вне* средств, которые прошлое дало большинству членов социально-революционного союза, хотя весь союз должен притти к убеждению в важности этого элемента.

Но в социально-революционном союзе будет находиться *меньшинство,* которое *одно* может принять на себя именно *это* дело; меньшинство, которое по этому самому *обязано* принять его на себя на другой день после революции и *обязано* подготовиться к нему заранее, так как отказ от него, при невозможности найти именно для него других деятелей, и затруднит распространение связующих начал рабочего социализма в переходный — революционный — период, и помешает упрочнению этих начал в растущем поколении. А это может подвергнуть весь новый строй весьма значительным опасностям.

Само собою разумеется, что это меньшинство членов социально-революционного союза, о котором я говорю, составлено из русской интеллигентной молодежи. Оно отреклось от всех связей с классами, его выработавшими. Оно вынесло из своего привилегированного положения лишь лучшее *понимание* настоящего общественного безобразия и путей, которыми это безобразие может быть устранено. Оно почти *одно* вынесло в новый мир теоретическую подготовку, которая *необходима* для удовлетворения потребности в общественном развитии, насущной для нового общества, но не имеющей возможности ни быть ясно понятой, ни быть надлежащим образом удовлетворенной другими. Оно *одно* может дать социально-революционному союзу его первоначальную «зародышевую организацию», его первый «кадр *настоящей* революционной организации». (См. «Вперед» № 29, стр. 132—133). Эта интеллигентная молодежь должна была расплыться в *народном* большинстве социально-революционного союза, потому что самую революцию мог произвести лишь *народ* и элементы, *ему* принадлежащие. Она не может играть никакой особенной роли в тех группах социально-революционного союза, которые на другой день после революции явятся руководителями в сферах деятельности по экономическому обеспечению, по ограждению безопасности, по сношениям внутренним и внешним, потому что во всех этих сферах ее прошедшее не дало ей никакого преимущества; скорее напротив. Но в сфере, требующей предварительной теоретической подготовки, она обязана принести новому обществу все свои силы, которые история лишь в ней выработала. Она должна взять на себя обязанность удовлетворить потребности общественного развития, присущей новому строю.

Предмет настоящего труда вовсе не дозволяет останавливаться на разборе вопроса: каковы должны быть технические приемы этой деятельности? Как только *цель* развития ясно определена, остальное в значительной мере приходится предоставить личной сообразительности, так как придется действовать при крайнем разнообразии условий в городах, в больших селах, в мелких селениях, в разных местностях территории рабочей России.

Общи для всех местностей могут быть лишь самые общие три формы деятельности: *живое слово, печатное слово, школы.* Эти орудия развития должны быть немедленно обращены на пользу начал рабочего социализма.

Степень участия государственного элемента в этой сфере может быть с самого начала весьма различна для этих трех форм деятельности.

Живое слово должно быть допущено с полною свободою полемики. Если уже теперь социалисты-рабочие за границею нигде не боятся спора с противниками, то тем менее могут опасаться полемики публичной и всенародной русские социалисты на другой день после революции. Группы, взявшие на себя обязанность охранения личной и общественной безопасности (см. стр. 328 и след.), должны всеми силами охранять это право свободного слова у противников и не дозволять нанесения оскорблений или вреда тем, которые смело выступают против нового порядка с оружием слова. Новый порядок будет достаточно рационален, чтобы не нуждаться в защите принуждением. Кроме того, подобная смелость будет редким явлением в революционный период, и можно надеяться, что противники, достаточно искренние для этого дела, будут достаточно искренни и для того, чтобы выслушать противные аргументы и убедиться ими.

Но живое слово в пользу нового порядка не должно ограничиваться спорами, речами и лекциями. Несравненно действительнее для масс будет серьезное и сатирическое слово с подмостков народных театров. Во всех формах художественного и ярмарочно-балаганного творчества должна итти со сцены пропаганда порицания старого порядка и уяснения нового. Песня, сказка, анекдотическая быль сделаются орудием народного развития. Все, что в интеллигентной молодежи и среди наиболее развитых народных личностей обладает хотя в некоторой доле талантом слова, должно *заранее готовиться* к разнообразным формам этой беллетристической пропаганды живым словом начал нового порядка массам, не всегда доступным прямому теоретическому уяснению.

Печатное слово обусловливается орудиями типографского труда. Они, как все частное имущество, станут общим народным достоянием и, как средства весьма сильные, должны быть немедленно переданы *местными группами* (см. стр. 318 и след.) в

руки групп надежных людей нового порядка. Хотя при малой грамотности русского народа печатное слово в России далеко уступает по значению широкой словесной пропаганде, но и им пренебрегать нельзя, тем более, что вся литература учебников и книг для чтения в новых социалистических школах должна быть немедленно создана. Интеллигентные члены социально-революционного союза будут самим ходом дела поставлены в управление этими орудиями слова и должны стать в редакции всех изданий, периодических и непериодических, которые будут представителями нового порядка. Закрытие этих средств распространения мнений противникам нового порядка не может иметь никакого значения, так как оно в случае энергических противников вызовет подпольную литературу, тем более энергическую, если она навлекает на себя преследование. Едва ли не целесообразнее открыть станки типографий и страницы журналов нового строя всем противникам его, но озаботиться немедленно парализовать влияние их слов возражениями. Таким образом, и тут прямое принуждение не будет иметь места. Элемент власти будет ограничиваться лишь возможностью всегда опровергнуть противника нового порядка и оставить за защитниками этого порядка *последнее слово*.

Но совсем иное дело *школы*. Здесь, как в экономическом строе, никакая уступка не дозволительна, потому что грозит опасностью новому порядку. Ни одна школа не может быть предоставлена его противникам. *Ни одно* молодое существо не должно вырасти под влияниями, враждебными рабочему социализму. Все старые школы всех наименований должны быть закрыты и немедленно преобразованы в новые, соответственно требованиям нового строя. Всюду, где только это возможно, должны быть заведены новые элементарные школы или устроена система кочующих учителей. Конечно, истинная наука не только не пострадает от этого, но выиграет, потому что «единственная *настоящая* наука, единственные *настоящие* школы» могут иметь место только по совершении социальной революции (см. «Социалистическая и буржуазная наука» во «Вперед» № 14)[217].

Можно представить себе процесс удовлетворения потребности общественного развития следующим образом.

Когда признаки приближения революции станут достаточно ясны, члены социально-революционного союза выберут из своей среды *комитет общественного развития*, большинство которого, почти неизбежно будет состоять из лиц интеллигентной молодежи, вошедших в состав союза.

1. Этот комитет должен будет представить на обсуждение съезда представителей союза план общественного обучения для школ рабочей России.

2. Он должен будет составить, насколько возможно будет, ряд учебников, книг для чтения, литературных произведений, драма-

тических представлений разного рода, план лекций и т. п. Часть этой литературы нового порядка может быть печатаема заранее в типографиях союза, конечно, насколько это не помешает печатанию пропагандистской и агитационной литературы, которая *накануне* революции будет более существенна.

3. Он должен представить на утверждение съезда представителей союза соображение, насколько можно будет воспользоваться материалом старых школ, типографий, библиотек, театров, общественных зал и т. п. при новом порядке, и какие приемы целесообразнее для быстрого учреждения всего нужного для общественного развития.

Сообразно составленным и утвержденным соображениям, члены *комитета общественного развития* немедленно после успеха революции по всей территории, где она удалась, приступают к своему делу, как относительно устройства школ, так и относительно пропаганды среди взрослых живым и печатным словом. Полная свобода инициативы в частностях должна быть предоставлена каждому, но строгий взаимный контроль членов комитета должен устранить возможные отклонения от общей цели и злоупотребления своим положением.

По мере того, как это будет возможно, *комитет общественного развития* привлекает в свою среду большее и большее число членов по выбору его местных групп. Через некоторый период времени (например, через 5 лет) на частных съездах представителей общин разных кусков территории рабочей России, — съездах, *специально* для этого вопроса созванных, — ставится вопрос, нужна ли еще специальная деятельность *комитета общественного развития* для школ, типографий, периодических и непериодических изданий и для всякого рода пропаганды, или можно уже предоставить это дело инициативе свободных ассоциаций. Если для каких-либо частей территории признана еще необходимость деятельности комитета, то через новый промежуток времени (например, такой же продолжительности) вопрос ставится снова, пока повсюду *рациональная* деятельность свободных ассоциаций не заменит *революционной* деятельности комитета.

Я ограничиваюсь предыдущими отраслями общественных потребностей. Конечно, многие и весьма важные стороны общественного строя здесь не затронуты (напр., общественная гигиена, религиозные верования, изменения форм семейной жизни и т. п.), но, имея в виду лишь разобрать вопрос о *государственном элементе* в будущем обществе, я думаю, что достаточно уяснил мою мысль на выбранных мною сферах, которые считаю для рассматриваемого вопроса наиболее существенными.

Я ограничился преимущественно Россией опять-таки потому, что, как я сказал выше (стр. 288 и след.), подготовительная историческая среда, существующая в каждой стране накануне революции, определит в значительной степени формы, в которых про-

изойдет развитие рабочего социализма в этой стране на другой день после революции. Деятели каждой страны, наилучше зная условия, в которых они находятся, могут всего лучше определить и путь, которому тогда придется следовать. Но я глубоко убежден, что каковы бы ни были их приемы в отношении ограждения личной и общественной безопасности или в отношении установления солидарности между различными частями территории, они подвергнут новый порядок самым большим опасностям, если допустят малейшую уступку или малейшее замедление при установлении *общности имущества* или при *устройстве школ* по новому типу.

В этих двух сферах и в организации военного дела в первое время *государственный элемент,* элемент власти одной доли населения над другой, неизбежно должен проявиться на другой день после революции. Никакое обособление собственности, никакая школа старого типа не могут иметь места в новом обществе ни одной минуты. Война требует объединенного распоряжения. Отсюда неизбежность принудительной власти *комитета работ и продовольствия, комитета общественного развития,* главнокомандующего. Но мне кажется, что это временное проявление государственного элемента для разрыва с закоренелыми привычками старого мира и для войны не может привести к злоупотреблениям при внимательном взаимном контроле наиболее влиятельных членов общества, а через незначительный период времени и это участие государственного элемента может быть доведено до минимума, если не совсем устранено. Во всех прочих общественных сферах государственному элементу нет вовсе причины играть значительную роль и на другой день после революции.

VI. Накануне революции

В предыдущей главе мне много раз пришлось говорить о роли, которую должен играть на другой день после революции *социально-революционный союз.* Роль эта, по самой сущности положения дел, требует, с одной стороны, чтобы в руках известной доли его членов находилась немалая власть в продолжение революционного периода; с другой стороны, требует, чтобы *все* члены союза способны были к самому строгому взаимному контролю и к внимательному наблюдению за общественными явлениями, для того, чтобы не дать ни своим товарищам, ни людям, стоящим вне союза, злоупотребить революционным временем для захвата власти, для уклонения от равенства в общем труде, для монополии наслаждений или влияния. Кроме того, было сказано выше (стр. 314), что степень государственного элемента, которую придется допустить в формах сношений между частями территории *рабочей России* на другой день после революции, будет в значительной сте-

пени обусловлена способом действия «подготовителей революции», т. е. опять-таки членов социально-революционного союза. Все это заставляет меня не ограничивать задачу этой работы рассмотрением значения государственного элемента, во-первых, в обществе, которое составляет *цель* социальной революции, во-вторых, в обществе, в том его составе, который может иметь место *на другой день* после победы революции, но сказать несколько слов и о том, каким образом *цель* социальной революции и *условия борьбы* обусловят значение того же элемента и в среде подготовителей социальной революции.

Здесь опять-таки я главным образом имею в виду лишь Россию, так как *условия борьбы* в ней крайне различны от условий, существующих в других «цивилизованных» государствах. В другом месте («Вперед», № 26, стр. 35 и сл.) [218] я указал на зависимость способа «организации социально-революционных сил» в какой-либо стране от «легальной почвы», в ней существующей. Ни в одной стране из тех, где началось социально-революционное движение, легальная почва не отсутствует в такой мере, как в России, для какого бы то ни было действия. Следовательно, и в рассматриваемом теперь вопросе почти нет возможности воспользоваться для России данными, которые могли бы найти приложение в других странах.

Обща социалистам-революционерам всех стран лишь *цель*, к которой они стремятся. Эта цель, как я старался доказать в главе IV, есть общество, в котором государственный элемент доведен до столь незначительного минимума, что этот элемент можно рассматривать, как вполне устраненный. Эта цель есть общество, где личности связаны общим трудом, сознанием всеобщей солидарности и где в самых трудных случаях присутствие принудительной власти становится ненужным, потому что ее деятельность заменяется личною инициативою каждого, действующего на свою ответственность в свободных союзах для общего дела.

Эта *цель*, которая *одна* придает смысл и значение революционной деятельности, существует для социалистов всех стран, существует и для социалистов русских. Ее они должны иметь *постоянно* в виду при всей своей деятельности, насколько бы последняя ни была обусловлена частными обстоятельствами *их* борьбы и отсутствием легальной почвы, на которой они могли бы действовать. В виду *этой цели* им приходится и в подготовлении революции, в «организации социально-революционных сил» постоянно устранять все то, что прямо противоречит идеалу подготовляемого ими общества, и ограничивать возможно тесными пределами все то, что составляет временную потребность переходного периода, периода борьбы, но должно окончательно исчезнуть при развитии в обществе начал рабочего социализма. Им приходится в самих себе, при помощи взаимного контроля, бороться самым упорным образом с привычками и влечениями, уна-

следованными от старого мира и частью прямо противоречащими началам рабочего социализма, частью служащими помехою его развитию. Государственный элемент, который должен исчезнуть при полном развитии будущего общества и который должен быть ограничен лишь крайне необходимою сферою на другой день после революции, принадлежит именно к последней из двух только что упомянутых категорий. Против него, как личной привычки и личного влечения, приходится бороться в среде подготовителей социальной революции; его приходится ограничить лишь крайне необходимым и в формах, имеющих в виду ее подготовление.

Но вовсе устранить его из этих форм едва ли возможно, в особенности потому, что, за отсутствием всякой легальной почвы в России, социалисты-революционеры принуждены там действовать исключительно путем *тайного заговора.*

Тому более года, по поводу манифеста, посланного «Итальянским социально-революционным комитетом» на Брюссельский конгресс Международной ассоциации рабочих, и по поводу мнения корреспондента «Таймса» об этом манифесте, я писал следующее («Вперед», т. III, 1874 г., отд. III, стр. 75) [219].

«Тайная организация имеет свои условия, весьма невыгодные. Она не позволяет вступающему в нее видеть ясно ее силу и ее действительные цели. Она легко может сделаться, при недобросовестных деятелях, громадным обманом увлеченных низкою эксплоатацией энтузиастов. Люди, вступающие в нее с одной целью, могут быть направлены на другую, которой служить они вовсе были не намерены. А тайна, требуемая заговором, всегда помешает удобно выйти из организации человеку, который убедился, что главные двигатели в заговоре — люди недобросовестные. Отсутствие всякой власти при заговоре, осуществляющем свои цели, еще менее мыслимо, чем на поле битвы... Только при явных функциях общественной жизни власть может быть доведена до минимума. При заговоре она будет и должна быть в иных случаях временно безусловною, не допускающею ни сопротивления, ни даже обсуждения. Только она будет тайная и часто безответственная, что еще хуже. Уверять, что заговор может составиться, развиться, подготовить действие и осуществить свои цели безо всякого проявления власти — значит обманывать себя или лгать другим. Но при неизбежной борьбе с государством и с силою капитала выбора нет. Если эта борьба не может быть ведена на почве «либеральных приобретений» и если она отложена быть не может, то ее приходится, ее должно вести тайно, ее приходится, ее должно вести при пособии заговора и при значительной доле тайной власти, в определенные минуты проявляющей свои действия. Это печально. Но это так».

Все это вполне прилагается к тайной социально-революционной организации, как она должна возникнуть в России, для под-

готовления победы социальной революции, и я здесь остановлюсь на двух вопросах, одинаково существенных в настоящем случае:

1. В какой мере *неизбежно* для надлежащего успеха революционного дела подчинение членов и групп, входящих в состав революционного союза, некоторой доле его, составляющей распорядительные органы союза?

2. Какими средствами можно — а потому и *обязательно* — для каждого члена и для каждой группы ограждать социально-революционный союз от злоупотреблений власти, в нем неизбежной, и каким образом, несмотря на существование этой власти, несмотря на неизбежное подчинение ей в известные минуты, можно — а потому и обязательно — в деятельности всех частей союза развивать и укреплять те условия организации *свободных* союзов и привычки к *личной* инициативе, которые должны составить главные основы жизни будущего общества?

Социально-революционный союз должен организоваться таким образом, чтобы в его организации положено было основание солидарности разных частей России, восстание которых должно осуществить задачу революции. Он имеет перед собою опасного врага в органах местного управления и в особенности в явной и тайной полиции; с каждым успехом пропаганды, с каждым шагом, ведущим к уяснению задач социалистов для их врагов, следует ожидать, что травля агитаторов, производимая теперь лишь правительственными агентами, встретит не только все более значительное сочувствие, но и все более энергическое содействие в рядах общества собственников и монополистов. Задачи революции, лежащие на членах социально-революционного союза, настолько сложны и многочисленны, что этот союз не может представлять лишь небольшую кучку людей, которые все знают друг друга, в ту минуту, когда ему придется взять на себя весьма серьезную роль, указанную в предыдущей главе.

Если он должен быть распространен на довольно значительной территории или в нескольких отдельных местностях, должен быть не весьма малочислен, притом должен поддерживать солидарную деятельность всех своих частей и все это в присутствии многочисленных и опасных врагов, то неизбежны некоторые следствия этого положения.

Во-первых, при невозможности всем членам союза хорошо знать друг друга он должен оградить себя от опасностей, которые могут произойти для целого от временной слабости или от увлечения единиц, в него вошедших. Иначе говоря, невозможно, чтобы все члены его одинаково знали все дела, относящиеся до союза в его целом и во всех его частях. Все, что можно допустить (я думаю, что оно действительно возможно), это — оставить за *всяким* членом союза *право* получать *всякое* нужное ему сведение, но при этом необходимо потребовать от него *нравственное обязательство* спрашивать вне сообщаемого ему лишь

то, что ему действительно необходимо или нужно для его деятельности, как члена. Группа, которая заметит в своем члене, что он этого нравственного обязательства не исполняет, принуждена будет удалить его из своей среды. Но как бы то ни было, допуская только что упомянутое право или отвергая его, в организации общества придется допустить группы, более или менее значительные и между собой связанные, но таким образом, что в каждой группе *большинство* членов будет знать более или менее полно лишь *местные дела,* тогда как некоторое *меньшинство* лиц (выборных или назначенных центральным органом и, может быть, даже неизвестных по своему положению всем членам группы) будет обладать знанием общего хода дел союза, сношениями между его частями и т. п., причем они будут сообщать другим своим товарищам лишь некоторую долю получаемых ими сведений. Эти *исключительные* сведения вызовут неизбежную необходимость со стороны этих лиц делать или передавать *распоряжения*, которые должны быть исполнены, но обсуждены быть не могут, так как лица, исполняющие их, не имеют материала для их обсуждения. Поэтому неизбежно в среде групп образуется *власть*, которой остальные члены в большей или меньшей мере подчиняются по добровольно взятому на себя обязательству. Именно эта власть служит для связи данной группы с другими группами, и можно представить себе, что самые эти власти местных групп находятся, по тем же причинам, в подобных же отношениях к более центральным органам, которые объединяют несколько групп, пока, наконец, тем или другим способом все группы социально-революционного союза связываются между собою *одним* органом; этот орган — будет ли он выборный или нет — во всяком случае должен быть облечен *властью,* которая в надлежащую минуту должна привести все части союза в согласное, целесообразное и энергическое действие.

Во-вторых, не только необходимость самозащиты для союза, но самая невозможность для местных групп, погруженных в свои местные задачи пропаганды и агитации, охватить общий ход дела в России принудит организовать союз таким образом, чтобы *решение* задерживать частные восстания или содействовать общему выходило в данную минуту из органа, не поглощенного ходом дел в отдельной местности, но способного оценить положение дел во всей стране, т. е. из органа, или непрерывно следившего за всеми местностями одновременно (распорядительный комитет), или состоящего из представителей местных групп (союзный съезд). В противном случае группы, принадлежащие местностям, где движение идет туго, станут задерживать минуту революции долее, чем это будет нужно; группы же, действующие более успешно, сочтут эту минуту наступившею, когда сколько-нибудь согласное действие в достаточном числе местностей будет еще невозможно. В какой бы мере ни была допущена здесь самостоятельность ме-

стных групп, все-таки, в решительную минуту, должен существовать решающий голос, которому остальные должны *подчиниться* и который, следовательно, образует *власть* для всего союза в самых важных его делах.

В-третьих, личности и группы, принадлежащие союзу, могут быть опасными для дела не только потому, что они могут по слабости духа или по увлечению передать врагам тайны его устройства и его деятельности. Они могут быть опасны для дела еще тем, что под влиянием старых привычек и влечений они могут отклониться в своей деятельности от истинных начал рабочего социализма. При многочисленных трудностях подготовления и постройки нового общества, в присутствии многочисленных врагов, следящих за всеми ошибками и увлечениями социалистов, доходящими до общего сведения, в присутствии колеблющейся еще массы сочувствующих, но неясно понимающих задачи социальной революции, в присутствии народных масс, которые могут быть оттолкнуты от агитаторов всяким неосторожным действием последних, — всякое отклонение личностей и групп, вступивших в союз, от надлежащего пути представляет значительную опасность, которая должна быть предотвращена всеми возможными средствами. Должен существовать орган, который мог бы если не непрерывно следить за действиями частных групп и личностей в разных местностях, то получать об этой деятельности точные периодические отчеты, мог бы предостерегать увлекающихся и отклоняющихся относительно опасности, которую они вызывают для дела, а в случае необходимости мог бы приостановить их деятельность, устранить от дела ненадежные личности, исключить из союза тех, нравственная или умственная сила которых не стоит в уровень с задачею союза, и сделать безвредными для союза лиц, из него исключенных. Все это опять-таки предполагает *власть* и подчинение этой власти, беспрекословное исполнение ее решений *немедленно,* хотя бы с требованием от нее отчета за ее действия впоследствии.

Я ограничиваюсь этими аргументами, которые считаю достаточными для указания необходимости в существовании довольно значительной *власти* при тайной организации социально-революционного союза. Каждому вступающему в союз придется иметь в виду, что, вообще говоря, его сведения о ходе дел в стране и о личном составе союза будут довольно ограничены, но что он будет обязан иногда исполнить данное ему поручение, не имея возможности обсудить его целесообразность; будет обязан в данную минуту призвать к восстанию сочувствующих делу, хотя бы он в ближайшей местности не видел никакой вероятности не только победить противников, но даже поднять довольно значительную массу народа; или, напротив, в волнующейся местности будет обязан сдерживать народное волнение, хотя ближайшие факты его заставляют верить, что минута взрыва настала. Ему придется

иметь в виду, что за действие, которое он совершил, один или с товарищами, в полной уверенности, что так следовало поступать, деятельность его или всей его группы может быть прекращена, он может быть вовсе удален из союза и восстановление его права на место в рядах строителей нового общества может быть довольно трудно при тайной организации союза.

Само собой разумеется, что власть, облеченная по необходимости такими правами, должна быть подвергнута столь строгому контролю, как только это возможно при данных обстоятельствах, и что должны быть приняты всевозможные меры для устранения возможности злоупотреблять ею. Чем необходимее в определенной мере подчиняться этой власти, тем необходимее каждой личности охранять при этом свое человеческое достоинство свободного и сознательного деятеля; тем необходимее всякой группе строго отстаивать свою самостоятельность в сферах, относящихся до ее местной деятельности; тем необходимее всем группам иметь в организации союза не только власть, руководящую каждого в тех делах и в те минуты, когда это руководство неизбежно, но еще и солидарную поддержку каждой личности и каждой группы против злоупотреблений или ошибок власти, возможность изменить личный состав власти, не соответствующей своему назначению.

Самым простым приемом для устранения всякого зла, которое может произойти и большею частью происходит от всякой власти, обыкновенно считается надлежащая *форма* отношений между частями общества, в особенности же между властью и лицами или группами, ей подчиненными, иначе говоря — *конституция* общества. Система выборов и назначений, контроля и суда, перенесение тех или других функций в центральный орган или разделение их между федерированными органами — всему этому придают большею частью громадное значение для данного вопроса. *В известной мере* важность форм общественной связи не может быть оспариваема, т. е. существуют такие формы этой связи, которые почти не допускают никакого контроля власти, следовательно — сами собою ведут к ее злоупотреблению или вполне затрудняют всякое энергическое общее действие, или обусловливают деморализацию личностей, вступающих в общество, или должны, очевидно, повести к недоверию между частями и к разложению общества. Конечно, такие формы не должны быть допущены с самой первой минуты существования образующегося общества или должны быть устранены из него теми самими, которым эти формы всего *удобнее*, как только замечено их вредное действие.— Таков был самый способ вступления членов в нечаевский союз, когда от членов требовали самого безусловного повиновения центральному комитету, не указывая точно и определенно даже целей, к которым стремилось тайное общество. Если раздражение против существующего положения дел и увлечение могли побудить

некоторых лиц из молодежи вступать в общество и на *этих* основаниях, то продолжительное действие подобной формы общественной связи могло выработать нерассуждающие машины, лишенные всякой инициативы и, следовательно, ни на что не годные для постройки сколько-нибудь живого общества, или неискренних конспираторов, вступивших в общество с целью скорее пользоваться им для *своих* планов и целей, чем посвятить себя *общей* цели: в обоих случаях общество, как солидарный союз мыслящих личностей, было невозможно с первой минуты своего существования. — Почти в такой же степени была очевидна с самого начала несостоятельность — в смысле солидарной деятельности мыслящих личностей — организации «Альянса», насколько она изложена в напечатанных статутах (не встретивших опровержения в продолжение двух лет). Еще «интернациональные братья» могли, может быть, охранить себя от злоупотреблений «учредительной и высшей власти», но «национальные братья» не имели никакого средства контролировать действия ста диктаторов, и в этом случае злоупотребление власти было неизбежно [220]. — В известной мере Генеральный совет Международной ассоциации рабочих сам подорвал первоначальную организацию Ассоциации, удерживая в статутах пункт о пополнении совета собственными выборами [221]. Этот пункт, весьма *удобный* для Совета, стал положительно *вреден* для солидарности Ассоциации, как только проснулось в разных странах недоверие к Совету и как только нашлись люди, которые, из-за личных целей, стали раздражать это недоверие. Оно могло бы быть в значительной степени парализовано, если бы Генеральный совет сам предложил изменение своей организации так, чтобы он состоял из представителей, выбранных федерациями, и, следовательно, опирался на доверие интернационалистов к своему выборному, заседающему в этом Совете. В этом случае *форма* связи между частями Ассоциации, с виду неважная, послужила весьма губительным элементом для ее солидарности. — Наконец, можно сказать, что форма федерации вполне самостоятельных небольших местных групп, которые сносились бы непосредственно между собою, безо всяких посредствующих и объединяющих комитетов или конгрессов, не имеет ни малейшего шанса вызвать продолжительную солидарную деятельность и, тем менее, энергическое и согласное действие в минуту всеобщей борьбы.

Но если некоторые формы общественной связи противоречат требованию общественной солидарности при развитии в личностях самостоятельной инициативы, если другие формы, сначала безвредные или даже полезные, должны быть впоследствии отброшены во имя поддержания общественной солидарности, то вне этих пределов находится крайнее разнообразие форм, одинаково *возможных* для общественных связей и спор из-за которых не имеет никакого существенного значения. К этим формам, довольно безразличным, относится *централистическая* или *федералистическая*

организация общественной связи в переходные периоды, которые придется переживать социально-революционному союзу накануне революции и на другой день после нее. Существование или несуществование *постоянного* объединяющего органа, перенесение главных влиятельных функций общественных сношений в общий центральный орган или в органы, объединяющие отдельные федерации, — имеют очень мало значения сравнительно с распределением наилучше понимающих, наиболее энергических, а потому и наиболее влиятельных *личностей;* эти личности могут точно так же руководить всем делом из одной местности при федералистической форме организаций, как могут парализовать чрезмерное влияние центрального органа, находясь во главе местной федерации. Будет ли союз группирован в несколько федераций со своими объединяющими органами, причем главные функции будут принадлежать этим органам, тогда как орган, объединяющий весь социально-революционный союз, будет лишен особенного влияния; или этот последний объединяющий орган будет иметь более решительное значение, — все это не особенно важно, пока соблюдены два условия: во-первых, пока наиболее влиятельные органы образованы такою системою выборов или назначений, которая позволяет большинству мелких групп вполне доверять деятельности этих органов; во-вторых, пока союз, помощью той или другой организации, может постоянно контролировать деятельность всех влиятельных органов и может изменить их состав, если он окажется неудовлетворительным в том или другом отношении. При соблюдении этих двух условий объединяющие органы могут быть облечены весьма значительною властью без вреда для общей деятельности союза и даже без вреда для самостоятельности его мелких групп и отдельных членов.

Поэтому можно себе представить организацию социально-революционного союза в разных формах, сравнительное удобство и неудобство которых гораздо более зависит от случайных обстоятельств пропаганды и агитации, в особенности же от числа и распределения наиболее влиятельных личностей, чем от общих задач рабочего социализма или даже от общих условий борьбы русских социалистов против современного государства и капитала. В последующем, перечисляя некоторые из этих *возможных* форм и отмечая мое *личное* мнение относительно выгод или невыгод каждой из них, я нисколько не имею в виду ни исчерпать все формы организации, возможные для социально-революционного союза, ни произнести решительный приговор над тою или другою из этих форм, так как в одном случае удобства, для меня очевидные, могут быть парализованы неудобствами, возникающими из случайных обстоятельств обстановки; в другом — невыгоды, которые я не могу не отметить, могут уравновешиваться выгодами, вытекающими опять-таки из случайного распределения сил и условий их деятельности. Повторяю, что *форма* организации должна во вся-

ком случае иметь наименьшее значение в глазах социалиста, серьезно понимающего задачи социальной революции.

1. Можно представить себе значительную часть России покрытою сетью мелких групп членов союза, так что каждая группа, или *секция*, действует вполне самостоятельно на своей территории, выбирая из своей среды по два или по три человека для взаимной связи между секциями и для общих дел. Один из этих *выборных людей* секции, по решению их между собою, представляет секцию на *союзном съезде*, собирающемся в определенные сроки или, в случае особенных обстоятельств, на экстренное заседание. Союзный же съезд, который и есть в союзе орган объединения и орган власти, назначает на все время, пока он не заседает, *распорядительный комитет*, который служит постоянным центральным органом для общих дел секций, может созывать экстренные заседания съезда, но сам принимает на себя инициативу действия лишь в крайнем случае.

Эта форма общественной связи предполагает весьма значительное разрастание союза и довольно равномерное распространение его по России, что едва ли можно ожидать в довольно скорое время. Кроме того, обширность России и разнородность условий деятельности социально-революционного союза в разных местностях (например, на Волге, в Белоруссии, в Малороссии, около Москвы, среди горнорабочих Урала, среди казаков Дона или Черноморья и т. п.) едва ли дозволят установить прямую солидарную деятельность мелких групп всех этих частей без промежуточных объединяющих органов. — Контроль действия съезда был бы, конечно, не затруднителен, так как на нем присутствуют делегаты всех секций, но контроль над распорядительным комитетом устроить в рассматриваемом случае не легко. — Прибавлю к этому, что многочисленность съезда при тайной организации представляет значительное неудобство.

2. При тех силах, которые *могла бы* выставить *теперь уже* социалистическая интеллигенция и которые должны составить первый кадр *социально-революционного союза*, при существующей настоятельной необходимости сократить насколько возможно подготовительный период революции и в то же время сделать победу ее возможною, всего удобнее, как я думаю, группировать секции четырех или пяти достаточно обширных, но отдельных территорий, наиболее восприимчивых для пропаганды и агитации, в отдельные *федерации*, со своими съездами и комитетами, которые могли бы составляться точно так, как было только что перед этим сказано в первом случае относительно союзного съезда и распорядительного комитета для всей России. Отдельные члены и секции, действующие вне главных избранных четырех или пяти территорий, были бы причислены к территории наименее отдаленных *федерационных съездов* и *комитетов*. *Федерационные съезды* могут выбирать по нескольку делегатов на *союзный съезд*, состав-

ляющий временную верховную власть союза, и утверждать или не утверждать назначение в *распорядительный комитет*, сделанное союзным съездом. Распорядительный комитет в этом случае есть лишь исполнитель решений союзного съезда и лишь в крайних случаях действует своей инициативой. Федерационные же съезды могут назначать по одному члену в *наблюдательный комитет* при органах союзной власти. Они же могут назначать из своей среды лиц, которые в период подготовления революции должны взять на себя специальную обязанность следить за всеми мерами правительства и, по возможности, парализовать эти меры (об этом см. «Вперед» № 29, стр. 140—141).

На мой взгляд эта форма общественной связи была бы наиболее удобна при существующих условиях борьбы.

3. Предыдущая форма могла бы обойтись без *союзного съезда*, при прямом выборе постоянного *центрального распорядительного комитета* федеральными съездами, причем все остальное могло бы оставаться, как выше; или союзный съезд мог бы быть собран лишь в экстренных случаях, когда наблюдательный комитет нашел бы это нужным, или когда центральный распорядительный комитет не решился бы взять на себя решение крайне важных вопросов (например, призыва к общему восстанию).

Конечно, тут опасность злоупотребления власти значительнее, но, при надлежащей деятельности *наблюдательного комитета*, эта опасность может быть устранена, а энергия общего хода дел могла бы несколько усилиться. Впрочем, может быть, периодические общие съезды важны не только для единства распоряжений, но и для усиления сознания солидарности более частым личным сближением людей, действующих в разных местностях. К тому же, насколько я могу судить об общем настроении мнения в русской социально-революционной молодежи, форма центрального распорядительного комитета, как постоянной верховной власти, будет ей несколько антипатична.

4. Ограничение деятельности социально-революционного союза одною местностью (способ, не представляющий почти никаких шансов для победы революции), конечно, повело бы к организации, которая соответствовала бы одной федерации предыдущей формы. Лица союза, рассеянные в других местностях, должны, по необходимости, в этом случае подчиняться руководству союзных органов отдаленной местности.

Здесь контроль власти мог бы происходить точно так же, как выше. О дальнейших подробностях едва ли стоит распространяться, так как эта форма социально-революционной деятельности, по ограниченности своей сферы, может лишь случайно обратиться в общерусское народное движение; в этом случае имеет очень мало шансов осуществить ту программу деятельности, которая в предыдущей главе поставлена социально-революционному союзу на другой день после революции, и делает собственную победу

настолько сомнительною, что все предприятие может быть рассматриваемо лишь как рискованный *революционный эксперимент*.

Я ограничиваюсь лишь этими четырьмя формами, потому что другие мне кажутся или отличающимися от этих лишь в маловажных подробностях, или дающими слишком широкое поле элементу власти, с полною возможностью злоупотребить ею и без возможности ее достаточно контролировать, или не дозволяющими надеяться на достаточно энергическое и согласное действие всего целого.

Но, как сказано выше, самая форма общественной связи представляет *второстепенное* значение для социально-революционного дела. Существеннейшее же значение имеют *личности*, составляющие союз, и их выработка для этого дела. Личности, недостаточно усвоившие себе начала рабочего социализма, недостаточно умелые в расширении круга пропаганды, недостаточно энергические в борьбе с тысячами препятствий, им встречающихся, — не подвинут ни на шаг дела социальной революции при самой безукоризненной организации союза. Личности, соединяющие в себе ясное понимание, практическую умелость в обращении с людьми и энергию в действии, попав в самую посредственную организацию, сумеют воспользоваться ею для расширения и укрепления дела, сумеют переработать ее неудобные формы в иные. Существенно важно одно: чтобы *существовала* организация, дозволяющая сколько-нибудь солидарное действие личностей и контроль власти. Все остальное сделают из нее *люди*, в нее вступившие с более или менее ясною целью, с более или менее твердою решимостью выработать из себя и из самого союза целесообразные орудия для осуществления начал рабочего социализма.

Это последнее особенно важно, потому что все участники социально-революционного союза, как я уже говорил несколько раз, неизбежно вносят в союз, рядом с сознательным стремлением бороться за новый строй общества, еще более или менее бессознательные привычки мысли и жизни, вынесенные из того самого старого строя, который они отрицают. Им приходится бороться с этими привычками в себе и в своих товарищах преимущественно в подготовительный период революции, потому что при наступлении самого революционного периода, при разнообразной строительной деятельности эти привычки могут проявиться в формах самых гибельных как для самих личностей, так и для общего дела. Итак, приходится теперь же помощью взаимного контроля и взаимной поддержки каждому вырабатывать в себе и в других *нравственные* требования рабочего социализма.

Надо вырабатывать в себе и в других неустрашимое *отвращение от монополии* во всех ее формах и проявлениях.

Надо вырабатывать в себе и в других то *уважение к труду*, которое одно может обратить будущее общество в царство труда всех для общего развития.

Надо вырабатывать в себе и в других ясное понимание выделения *социально-революционных* вопросов из всех прочих политических, националистических вопросов, из культурных вопросов разного рода; то понимание, которое одно дозволит социалистам-революционерам, не отклоняясь от своей цели и не дробя бесполезно свои силы, итти безостановочно и как можно быстрее к революции на началах рабочего социализма.

Надо вырабатывать в себе и в других те *привычки солидарности,* без которых осуществление лучшего общественного строя совершенно немыслимо.

Надо вырабатывать в себе и в других *сознание своего и чужого личного достоинства* и решимость отстаивать их всеми средствами и при всяких условиях, то сознание и ту решимость, которые одни могут сохранить за личностью ее независимость и самостоятельность при всякой форме общественной связи, при всех искушениях, представляющихся во время общественной борьбы: или обратиться в машину в руках других, или сделать других машинами в своих руках.

Из этих требований лишь два последние имеют прямое отношение к рассматриваемому мною вопросу о государственном элементе, но, по тесной связи всех нравственных требований рабочего социализма, мне приходится сказать несколько слов и о предыдущих.

Монополия есть понятие, которое впервые сознательно определилось в области экономической политики государств, имевших в виду удовлетворять своим финансовым нуждам. Это было *исключительное* право, которым государственная власть облекла себя или группу частных лиц пользоваться выгодами определенной экономической операции. Государство брало себе *монополию* чеканки монеты, и долго считалось высокою государственною мудростью употребление этой коронной монополии на обкрадывание населения выпуском малоценной монеты с высокой номинальной ценностью. Государство продавало откупщикам *монополию* сбора податей, выкурки вина; и эти грубые формы монополий играли немалую роль в раздражении общества, подготовляющем политические революции. Эти революции, вместе с развитием мировых экономических отношений, отняли у правительств возможность столь грубых хищничеств и унесли системы государственных откупов. Но когда либерализм торжествовал эти победы над своеволием правительств, наука неожиданно открыла, что совершенно аналогичные формы монополии, только менее грубые, проникали весь строй существующего общества, господствовали даже в тех сферах его, где новый либерализм был, повидимому, неограниченным победителем, и всюду эти монополии, по самой своей сущности, являлись элементом, подрывающим общественную солидарность во всех ее старых и новых формах. В этой новой, более общей и менее грубой форме своей *монополия* есть *исключительное* облада-

ние таким общественным оружием, которое дает его обладателю *преимущество* в общественной конкуренции за богатство, за влияние, за власть и т. п., *совершенно независимо* от умственного и нравственного достоинства этого обладателя.

Оказалось тогда, что монополия, в этом менее грубом значении слова, современна первому хищничеству, что ее существование *вызвало* законы о собственности и о договоре, ее развитие *вызвало* в значительной доле государственный строй, но что в то же время именно развитие в обществе элемента монополии вполне изменило характер государства, долженствовавшего ограждать личную и общественную безопасность, и лишило его всякой возможности исполнять эту функцию (см. выше, стр. 237 и сл.). Она действовала точно так же и в других формах общественной связи, частью под охраною закона, частью не нуждаясь в этой охране, так как самое положение лиц и групп создавало *исключительное обладание* тем или другим общественным оружием в пользу одних и не давало к нему доступа другим. — Закон ограждал монополию брака, создавая гаремы на Востоке, семейную тиранию всюду, но вне всякого закона общественные условия выводили из бедных классов определенное число проституток на монопольное пользование богатым развратникам. В обеих формах монополия явилась, здесь разлагающим началом интимной связи личностей. — Закон оградил в разных формах монополию суда и судебной защиты, но общественные условия сделали суд и судебную защиту, — *по закону* доступные всем, — самым могучим оружием в руках богатых и влиятельных классов для подавления бедных и слабых. И здесь монополия подорвала общественную связь, подорвав веру в общественную справедливость. — Стоимость обучения в высших школах сделала образование монополией богатых и внушило массе недоверие к знанию. — Стоимость литературных предприятий отдала прессу на монопольный откуп полиции и спекуляторам, отнимая у независимых, но бедных общественных партий даже возможность иметь орган для полемики с противниками и делая из *свободного* слова либеральных конституций *монополию* богатых классов. — *Исключительное обладание* тем или другим общественным оружием в растущей конкуренции всех против всех из-за богатства, из-за влияния, независимо от всякого умственного и нравственного достоинства конкурирующих, стало девизом всех сфер буржуазной цивилизации. *Монополия* в ее тысяче форм стала необходимым условием этой общественной борьбы и главным ее оружием. *Монополия* вызывала двух *конкуренции, и конкуренция* требовала всюду опоры *монополии*. Никакая общественная солидарность не могла устоять против этого разлагающего элемента, который становился всюду синонимом взаимного недоверия, эксплоатации слабейшего сильнейшим, всеобщей борьбы.

Совершенно понятно, что социализм, как учение *солидарности*, как отрицание всякой *конкуренции* между членами солидарного

общества, должен был сделаться принципиальным врагом всякой *монополии*. Революционный социализм поставил себе целью насильственное разрушение всякой монополии. Рабочий социализм, провозгласив солидарность всех трудящихся, тем самым осудил всякую монополию в своей среде. Выработка привычек рабочего социализма сама собою включает выработку *отвращения* к монополии во всех ее видах, так как *исключительное обладание* каким-либо оружием для борьбы вызывает с одной стороны желание употребить его и злоупотребить им, с другой стороны воспитывает в обществе взаимное недоверие и во всех случаях подрывает общественную солидарность. Привычка ко всеобщей конкуренции из-за обогащения или влияния настолько распространена в современном обществе, что, в виду устранения ее в будущем, убежденные социалисты теперь же нравственно обязаны искоренять ее в себе и в своих товарищах всеми возможными средствами.

Но при условиях современной борьбы социалисты не могут обойтись для этой борьбы без существующего повсюду орудия монополии. Выработка социалистической нравственности требует поэтому лишь одного: борясь со старым миром при неизбежном пособии существующих монополий, даже *временно* не ставить себе *вспомогательною* целью создание новых монополий как орудий в борьбе за социалистические начала; *никогда и ни в каком случае* не обращаться к монополии, к *исключительному присвоению* каких-либо оружий в общественной борьбе, для целей кружкового соперничества в среде самих социалистов, которые, каковы бы ни были их разногласия (легалистов, революционеров-якобинцев, народных революционеров-экспериментализтов, систематических подготовителей победы народной революции), обязаны, во имя солидарности, устанавливаемой их *целью* (рабочим социализмом) и одинаковою ненавистью против их общих врагов (современного государства и капитализма), бороться между собою лишь оружием открытой и равноправной пропаганды и полемики, предоставляя победу той партии, за которой окажется умственное и нравственное превосходство, но не пользуясь оружием исключительного присвоения и выгоднейшего положения, оружием *монополии,* подрывающей, по самой своей сущности, солидарность всех строителей солидарного мира рабочего социализма.

Живя и действуя в обществе, где *все* составляет предмет или продукт монополии, борясь со старым миром на той исторической почве, которую выработал этот старый мир со своими монополиями во всех сферах, социалистам приходится употреблять оружие, которое у них находится под руками, приходится пользоваться *существующими* около них монополиями для своей борьбы. Деньги, употребляемые ими на борьбу, суть продукт монопольного хозяйства и составляют монопольные средства группы борцов. Всякое общественное положение, которым они пользуются, всякая легальная форма, на которую они опираются в борьбе, заклю-

чает в себе разнообразные результаты прежних и современных монополий. Все это неизбежно, и отказаться от этого оружия борьбы социалисты не имеют права, потому что это значило бы отказаться от самой борьбы, отказаться от победы рабочего социализма.

Но эта печальная необходимость, вытекающая из исторических условий современной социальной борьбы, побуждает иных, вследствие привычных впечатлений, смотреть на существующие монополии не только как на *неизбежное оружие,* но как на оружие *желательное;* как на оружие, которым не только *приходится* пользоваться, потому что оно одно под руками, но как на такое, которое социалисту можно *выковывать* самому; как на такое, которое может быть употреблено не только против врагов социализма и для отстаивания себя в среде враждебного или индифферентного общества, но и в среде своих же товарищей; как на такое, в которое дозволительно обратить самые орудия социалистической пропаганды. — Против подобного на мой взгляд несогласного с социалистическою нравственностью примирения с самым антисолидарным началом старого строя, против такого гибельного, по моему мнению, извращения самых принципов социальной борьбы за будущее нравственно обязан бороться неуступчиво в себе и в других всякий убежденный социалист.

Социалист, который ставит личное богатство, как *правомерную* ближайшую цель своей деятельности, для того, чтобы *после* употребить это богатство на содействие социально-революционным стремлениям, действует развращающим образом на все, что его окружает. Он поддерживает и развивает в товарищах и в тех, которые *могли бы* перейти в ряды рабочего социализма, привычку мысли старого мира, поклонение богатству, борьбу за обогащение. Большинство видит лишь идол, которому он поклоняется, находит в этом оправдание собственному идолопоклонству пред золотым тельцом, и затем является мысль: к чему же изменять способ служения этому идолу, когда буржуазное общество так красиво служит ему, а социалисты не отказываются от этого служения? — Но мало того. Тот, кто гонится за богатством как средством, скоро, под влиянием всей атмосферы своих товарищей и соперников в борьбе за обогащение, отодвигает *цель* все далее и далее, опьяняется процессом своей временной деятельности и, наконец, делается эксплоататором среди эксплоататоров, хищником среди хищников под лицемерною маскою социалистических тенденций.

Еще более разлагающим образом действует на борцов за начала рабочего социализма допущение на минуту, что они, в своих разногласиях и частных соперничествах, имеют малейшее право употреблять оружие монополии *друг против друга.* Совершенно понятно, что, при живом возбуждении борьбы за новые начала, различие понимания вопросов рабочего социализма, различие разви-

тия личностей, вступивших в ряды борцов за него, личные их привычки и влечения ведут к разделению социалистов на группы, оспаривающие друг у друга право на более верное понимание задач социальной революции и средств для решения этих задач. Совершенно естественно, что каждая из соперничествующих групп защищает *свой* способ понимания словесною полемикою на собраниях, печатною полемикою в существующих органах прессы. Оставляя в стороне недобросовестные и гаерские выходки, которые сами осуждают тех, кто их дозволяет себе во вред общему делу, на выделение из рядов честных борцов за будущее; оставляя в стороне эту печальную проказу, возможную во всех партиях и о которой здесь дозволительно говорить лишь мимоходом, — было бы преступно, как я думаю, если бы немногие существующие органы социалистической прессы воспользовались монополиею своего положения, чтобы отнять у несогласных с ними честных борцов-социалистов возможность вести *серьезную* и *приличную по форме* полемику против их способа понимания вопросов рабочего социализма и социальной революции. Было бы еще менее согласно с социалистическою нравственностью — как я ее понимаю — если бы самое распространение органов социалистической пропаганды было обращено в монополию одною группою социалистов, для того, чтобы облегчить себе борьбу за преобладание с другими группами, с которыми первая группа не умела бы надлежащим образом бороться иными способами. Свобода полемики путем слова и обязательность облегчения этой полемики честным противникам, настолько же, как союзникам, есть один из немногих пунктов старой либеральной программы, который, по самой своей сущности, переходит целиком в программу рабочего социализма, и лишь рабочий социализм может безбоязненно и добросовестно осуществить этот пункт. Ограничение же распространения пропаганды собственной партии в видах кружковой политики соперничества есть такое непонимание самой сущности борьбы за идею, что его можно объяснить — но никогда не оправдать — лишь упорством старых привычек конкуренции, вынесенных строителями нового мира из того, в котором они выросли. — Как ни вредны и преступны подобные действия в обществе, которое провозглашает основным своим принципом солидарность всех своих членов и отрицание монополии, но эти действия еще более *опасны* для тех, которые себе дозволяют их, в том смысле, что эти действия укореняют в группах социалистов те самые привычки мысли, которые следует уничтожить всего тщательнее в новом строе и уничтожение которых на другой день после революции составит одну из главных обязанностей того самого, кто теперь холит эти противообщественные привычки в среде своих товарищей по делу.

Уважение к труду написано на знамени всех социалистических групп нашего времени, и едва ли есть социалист, который решился бы отвергнуть требование от будущего общества всеобщего тру-

да на общую пользу; едва ли есть социалист, который не считал бы паразитизм одною из самых отвратительных болячек современного общества. Но как ни обще теоретическое признание этих начал, далеко не соответствует ему практическая выработка в среде социалистов привычек, соответствующих этому признанию.

Я не говорю вовсе о тех безобразниках, называющих себя социалистами, которые преспокойно живут паразитами на счет своих друзей и товарищей, провозглашая свое *будто бы* социалистическое право жить на счет «общества» и не ударяя палец о палец для какого-нибудь *дела* на пользу этого «общества». В своем безобразии виновны не столько эти особи человеческого рода, в инертном мозгу которых никогда не выработалось ни одного *нравственного* побуждения. Виновны особенно окружающие их, имеющие слабость поддерживать безнравственное существование этих паразитов. Преступны люди, которые не отворачиваются от них с презрением, которые воспитывают в них иллюзию, что они могут кому-либо внушить дружбу, любовь, уважение. *Эти* питатели паразитизма опошляют себя, топчут в грязь знамя социализма, изменяют его началам, поддерживая паразитов социализма.

Я не говорю и о других личностях, которые, *имея возможность* поддерживать себя личным трудом, не только живут на счет революционной партии во имя своих *заслуг* пред этой партией, но берут из ее средств далеко более необходимого на свои *искусственные* потребности. Политические заговорщики всегда допускали в своей среде разделение участников в заговоре на разряды: одни доставляли средства партии и повиновались; другие, *высшее* начальство, повелевали, существуя на подати, вносимые лицами *низшего* разряда. В социалистическом союзе этого быть не должно. Там обязанность труда лежит на всех. Там заслуги перед партией могут лишь внушить нравственное уважение, но не дают ни прав, ни преимуществ. *Всякий* обязан отдать *все* свои силы общему делу, и в исполнении этой *обязанности* нет ни малейшей заслуги. Конечно, социалисты имеют своих инвалидов, которые, совершив все возможное для дела, роняют оружие из рук, обессилевших от дряхлости, от болезни, от ран, полученных в борьбе за дело социализма. В этом случае социалистические партии имеют одинаковую обязанность относительно рядового и относительно предводителя. *Всякий* боец за правду заслужил право на необходимое, когда он *потерял возможность* поддерживать себя собственными силами, точно так же, как имеют право на необходимое *все* те, которые отдают *все свое время* работе, *настоящей работе,* на пользу социально-революционной партии. Но все они имеют право *только* на *необходимое.* Всякий же, имеющий *возможность* зарабатывать себе средства существования собственным трудом, не имеет нравственного права существовать на средства товарищей; тем менее имеет право пользоваться средствами революционного союза для своих *искусственных* потреб-

ностей. Более или менее сознательные эксплоататоры социально-революционной партии для своих личных удобств и наслаждений не имеют никакого права на место в ряду против всякого эксплоататорства.

Но я имел здесь в виду не эти слишком грубые нарушения принципа уважения к труду, обязанности отдавать свой труд на общее дело. В борьбе с хищническим обществом слишком часто и более выработанные натуры способны забыть, что дело социальной революции не может ограничиться захватом имущества хищников и передачею его в общее владение, но что сущность будущего строя будет *общий труд* и что каждому приходится уже теперь вырабатывать в себе и около себя те привычки, которые *одни* могут послужить основою для постройки этого царства общего труда. Не только «экспроприация экспроприаторов», о которой говорит К. Маркс (см. выше, стр. 290), должна совершиться, для чего достаточно той ненависти к эксплоататорам, которая давно уже накопляется в рабочем классе; должно еще установиться солидарное общество трудящихся на общую пользу, а для этого нужно строителям будущего общества усвоить совсем иные привычки жизни. Надо усвоить привычку *добросовестного* отношения ко всякому труду, на себя взятому. Надо усвоить — насколько это возможно — привычку практического устранения из приемов действия социально-революционной партии тех приемов, которые выработаны традициею современного хищничества и стремления к паразитизму.

«Мы — борцы за царство труда, и во имя уважения к труду для нас всякое имущество, не заслуженное трудом, должно быть гадко и отвратительно... Мы не можем проповедывать беззастенчивый грабеж чужого имущества, как только оно плохо лежит, не продолжая вашей (буржуазной) теории хищничества. Социалистическая справедливость говорит своим борцам: мне не нужно... богатства отдельных мелких грабителей. Мне нужна социальная революция, полное и всеобщее разрушение старого мира, полная и всеобщая победа... Ее не купить той жалкой добычей, которую можно отнять у одного хищника... Придет она (минута революции), и разом все богатства хищников попадутся в мои руки. Поэтому для торжества моего царства не может быть нужен... отдельный захват имущества хищника... Дело идет об установлении царства труда. Оно требует и теперь трудовой жизни, а не захватов чужого» («Вперед» № 13, стр. 393—396) [222].

Эти начала, выставленные во «Вперед» во имя принципиальной последовательности приверженцев рабочего социализма, во имя чистоты знамени партии, имеют не только это теоретическое значение. Они важны еще в смысле практического самовоспитания социалистов-революционеров к тому будущему, которое они готовят и в котором им придется участвовать в минуты, когда на них будет лежать вся ответственность за успех постройки нового

общества. Конечно, для них не может и не должна быть святынею собственность общественных хищников и паразитов, собственность государства, высасывающего все жизненные соки рабочего люда. Защитники «священной собственности» слишком явно доказывают своими собственными действиями, насколько и для них это не святыня, а удобная фикция. Но истинный социалист устраняет от себя хищнические приемы (которые казались дозволительными некоторым увлекающимся и непоследовательным проповедникам) во имя *иной* святыни, именно во имя святыни труда, которой он служит, как святыне будущего, как основному мотиву будущей общественной жизни; во имя святыни труда, которой он служит, как обязанности, лежащей на нем и теперь, потому что лишь служение ей может подготовить его к руководству в будущем других при постройке царства труда.

Если старые привычки безнравственной среды, из которой вырабатываются современные социалисты, до такой степени способны извратить — большею частью бессознательно — нравственное чувство борцов за рабочий социализм, что приходится им остерегаться от собственных влечений к монополии и к хищничеству, то тем скорее они, при случае, могут поддаваться влиянию привычных понятий и привычных аффектов, когда эти понятия и аффекты противоречат началам рабочего социализма не столь явно и грубо, но могут быть устранены лишь выработкою возможно ясного *понимания* особенности *социально-революционных* задач от огромного большинства исторических задач прошлого времени. Но если здесь вопрос стоит не прямо на нравственной почве, как при допущении монополии и хищнических приемов, то косвенно он касается самой основной обязанности социалиста нашего времени.

Рабочий социализм не есть религиозный догмат или полусознательный аффект; он есть строгий вывод из общественной потребности солидарности, из реальных наблюдений над развитием капиталистического хозяйства и рабочего пролетариата, из неизбежных законов экономической борьбы труда и капитала, из фактической возможности солидарного общежития, опирающегося на всеобщий труд, и фактической невозможности какой-либо общественной солидарности при растущей в старом обществе конкуренции из-за обогащения. Рабочий социализм есть убеждение, опирающееся на *понимание* реальных фактов и их необходимой связи. Поэтому он ставит каждому своему последователю *нравственное* требование стремиться всеми силами к возможно ясному пониманию его вопросов в их отношении к другим насущным вопросам, вызванным прежнею или современною историею. Несколько полный разбор этих отношений далеко превзошел бы те размеры, которые я могу дать этой главе, и потому я ограничусь двумя пунктами, ближе других касающимися основного предмета этой статьи, именно пунктами, находящимися в тесной зависимости от

прежних государственных привычек и от тех типов общественных сношений, которые рабочий социализм имеет в виду осуществить в будущем.

Старое государство опиралось в своей конкуренции с другими государствами на обособленность национальностей и рас. Оно имело большею частью в своей среде господствующую национальность, подавляющую все другие. Оно пыталось иногда создать (и порою достигало этого, как в Швейцарии) легальную национальность, установленную дипломатическими договорами или случайным нарастанием. История всех государств была историею борьбы между классами, борьбы между национальностями, борьбы между расами, и ее предания, наравне с постоянно возобновляющимися враждебными отношениями держав, воспитывали национальную и расовую ненависть в среде общества. Различие языков, различие культурных обычаев усиливало эту ненависть. Литература патриотов и шовинистов разжигала ее всеми силами. Еще в настоящую минуту мы видим пред собою в литературе такие примеры бестолкового раздражения между французами и немцами, между немцами и славянами, между малороссами и евреями и т. д. и т. д., что в разлагающем, антигуманитарном влиянии государственной жизни на солидарность человечества не может быть и сомнения.

Социализм, по самой своей сущности, как учение солидарности, должен был отодвинуть эту привычку национального и расового соперничества на задний план. Но лишь как *рабочий социализм* он дал рациональное основание этому направлению мысли. Борьба против *космополитического* господства капитала требовала *международного* союза рабочих. Интересы рабочих, *одинаково* притесненных эксплоататорами всех рас, государствами всех политических форм, были *реально* солидарны прежде, чем возникло нравственное требование солидарности рабочего класса. Нищий пролетарий был всюду доведен до того минимума в удовлетворении жизненным потребностям, который устранил всякую культурную разницу обычаев, и различие между рабочими-пролетариями всех наций, языков и рас оказалось, вследствие их общей нищеты, *менее значительно*, чем различие рабочего-пролетария от его достаточного единоплеменника и соотечественника. Таким образом, довольно элементарное понимание реальных основ и неизбежных логических требований рабочего социализма могло бы и должно бы уже повести к устранению всякого разделяющего элемента, национального и расового, при организации социально-революционных сил для борьбы за будущее общество.

Но традиционные влечения и привычки слишком часто оказывались сильнее элементарного понимания социалистических вопросов. Если социалисты-рабочие Германии и Франции накануне франко-прусской войны, во время ее и после нее выказали самое разумное понимание своих *общих* рабочих интересов, противоположных шовинистским и псевдо-патриотическим завываниям

буржуазии, то далеко нельзя сказать того же о довольно крупных представителях социального начала даже в русской социалистической литературе, которая, казалось бы, имела все основания не поклоняться старым псевдо-патриотическим традициям ненависти между народами. — Люди, которые позволяют себе огулом ругать «немцев», «жидов» и отрицать даже возможность серьезного рабочего движения в той или другой национальности, в той или другой расе; люди, которые захлебываются энтузиазмом, уверяя, что лишь *их* соотечественники способны осуществить социальную революцию, — показывают тем, что они не доработались до самого элементарного понимания рабочего вопроса. Он именно тем и отличается от прежних исторических вопросов, что отношение пролетария-рабочего к капиталисту-собственнику *вовсе не зависит* от различия политических форм, национальных культурных привычек или унаследованных расовых особенностей; что все эти различия, как бы, впрочем, они значительны ни были, составляют весьма маловажные элементы фатальной экономической борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, всюду и для всех на *одинаковых* основаниях и с одинаковыми последствиями. Условия среды могут облегчить борьбу для рабочих одной страны, затруднить ее для другой. Условия среды могут указать в одной стране один путь действий, в другой — совсем иной путь; но всюду, где есть эксплоатируемый рабочий-пролетарий и эксплоататор-капиталист, общий процесс борьбы пролетариата и капитала и общий исход ее *должен* быть один и тот же. — Но люди, ушедшие так далеко в *понимании* основных условий рабочего социализма, высказывают этим еще свою недостаточную подготовку к делу социальной революции, когда они не могут победить в себе не только внутренних симпатий и антипатий, унаследованных от государственного соперничества наций и рас, но не могут победить в себе даже побуждения *проповедывать* начала, прямо противоречащие знамени солидарности рабочих всех наций и рас, поднятому социализмом. Люди, настолько неспособные выработать в себе элементарное понимание его начал и поступать согласно этому пониманию, могут быть крайне опасными товарищами в минуту революции, когда сдерживание усвоенных привычек и влечений будет всего труднее.

Другое наследие старых государственных привычек есть спутанность понятий при исторических событиях и недостаток способности оценивать эти события с точки зрения начал рабочего социализма. В прежнее время всякая историческая борьба была борьба за *власть*, потому что само государство было не что иное, как орган власти. Все партии, стремившиеся к одной и той же цели, к власти, могли вступать в самые разнообразные коалиции по самым разнообразным вопросам, лишь бы усилить свое положение и отвоевать себе долю влияния, долю власти, сегодня — рядом со своими соперниками, завтра — на развалинах партии вче-

рашних союзников. Борьба за придание и за реформы, за ограничение прав большинства и за их расширение имела постоянно два различные характера: во-первых, это была борьба за некоторые принципы, осуществление которых имелось в виду в более или менее отдаленном будущем; но главное—это была борьба за немедленное политическое усиление партии, которая ставила своим девизом эти отдаленные принципы, так как первым условием всякого успеха была политическая сила. Поэтому всякое крупное историческое событие эксплоатировалось в виду борьбы партий, хотя бы при этом пришлось части членов партии поступать против своих убеждений, хотя бы даже пришлось проводить меры, прямо противоречащие основному принципу партии. На основании этого взгляда на вещи в парламентах Англии, Франции, Германии, Италии результаты голосований зависели и зависят гораздо более от того, *кто* предлагал или предлагает новый закон, чем от связи этого закона с признанными принципами той или другой партии. На основании этого взгляда на вещи английские тори не раз проводили реформы, лишь бы они не были совершены руками реформаторов-вигов; легитимисты поддерживали республиканцев во Франции, лишь бы нагадить приверженцам орлеанистской монархии. Потому же политические революционеры одной страны готовы были поддерживать либеральные революции в каждой стране, во имя какой бы программы они ни совершались: революции всюду были потрясением *существующей* власти и облегчением стремлений всех партий *не у дел* если не захватить власть, то усилить свое политическое значение. И так как все чисто политические партии понимают, что у всех одна цель — *власть*, то выработался между ними некоторый кодекс политических приличий, тем более, что политическое соперничество не давало повода к какой-либо особенной ненависти в благоразумном большинстве. Весьма многие политические деятели находили даже полезным, в виду усиления своего влияния, не уничтожать противной партии, но поддерживать ее существование. Министерства падали, конституции расширялись или суживались, династии и политические воротилы шли в изгнание, побежденные спокойно признавали *совершившийся факт* и продолжали политическую игру, надеясь на новое изменение министерства и конституции, на возвращение эмигрантов, причем их соперники обменялись бы с ними местами. Возмущались политические люди лишь *неприличием* некоторых *средств,* употребленных иными победителями: расстреливанием, ссылкою в нездоровые местности, *слишком* грубою формою переворота; но самый переворот был в порядке вещей: все желали одного и того же — власти; *для нее* вступали в коалиции с принципиальными противниками, *для нее* поддерживали в соседних странах политические движения, не имевшие ничего общего с их программою, *для нее* шли на компромиссы с собственною программою и т. д. и т. д.

Социализм и здесь совершенно изменил положение, по крайней мере с тех пор, как он стал *рабочим социализмом*. Правда, развитие экономической борьбы в среде старого государства подготовило его точку зрения. Борьба политических партий за *формальную* власть перешла, как было сказано выше (стр. 238), в борьбу личностей и групп за обогащение, за экономическую силу, т. е. за *действительную* власть. Экономические вопросы стали *сущностью* политических, но продолжали прикрываться их маскою. Лишь рабочий социализм сорвал эту маску. Он разделил человечество на два лагеря, между которыми существует не соперничество, а вражда, не допускающая уступок. Приверженцы рабочего социализма не могут вступить ни в какую коалицию с какою бы то ни было партией прежнего времени, потому что ни одной из этих партий, ни в ее целом, ни в ее отдельных членах, они не могут предоставить *ни малейшей* доли политического влияния в общественном строе, за который они борются. Всякий, кто хочет воспользоваться выгодами этого строя, должен прежде всего отказаться от всего того, что составляло сущность старого строя: от частной собственности, от возможности жить на счет труда других, от жизни *для одного себя* под охраною легальных форм взаимной конкуренции и т. п. Какая же партия старого мира, не отрицая сама себя, может *искренно* вступить в союз с приверженцами рабочего социализма? — Но союз этот невозможен и для последних, потому что, поддерживая какую бы то ни было партию старого мира, пролетарии не *могут* приобрести никакой доли политической власти, из-за которой боролись старые партии; не *могут* нисколько усилить своего общественного влияния, так как для существования этого влияния есть только одно средство: полное устранение пролетариата и полное разрушение всех основ и подпор капиталистического хозяйства. Всякая рабочая партия, идущая на компромисс, ослабляет себя и усиливает своих врагов во *всяком* случае. Всякий социалист, идущий сражаться за дело буржуазных партий, как бы оно красиво ни было, тем самым сознательно или бессознательно делает все свои силы орудием противодействия делу социальной революции. Одно сближение рабочих с их естественными врагами для какой бы то ни было политической, патриотической, культурной или филантропической цели есть уже страшное зло для социальной революции, потому что оно приучает пролетариат смотреть на капиталистический строй общества как на строй, с которым *можно* примириться во имя чего бы то ни было; приучает смотреть на интересы, чуждые социальной борьбе, как на нечто, имеющее общественное значение для социалиста, *наравне* с этой борьбой. Между тем она настолько трудна, что нуждается во *всех* силах и способностях *каждого* из приверженцев рабочего социализма.

Можно ли сказать, что приверженцы рабочего социализма вполне усвоили это противоположение его требований всем ста-

рым задачам буржуазии, особенно если последние прикрываются блестящими формулами? Увы, это далеко не так. Я не говорю здесь вовсе о людях, которые сознательно — искренно или неискренно — проповедуют необходимость союза социалистов с буржуазными революционными партиями против общей подавляющей власти: эти люди ставят в свои программы слова *рабочий социализм* лишь для отвода или вследствие самообольщения; между ними и рабочим социализмом нет ничего общего. Я не говорю и о людях, живущих более аффектом, чем рассудком, и потому всегда представляющих слишком сомнительный элемент в рядах серьезной общественной партии. Я не говорю о тех, которые, называя себя социалистами, готовы бежать за всяким красивым знаменем, и десять раз на день меняющих свой взгляд на вещи под влиянием минуты. Я не говорю о пылких, но неразумных юношах, которым только бы подраться, только бы участвовать в одушевленном движении масс, и они готовы *всякое* знамя наивно принять за *свое* знамя, готовы совершить геройские подвиги безо всякого рассуждения о цели, средствах, возможности победы и даже о неизбежном вреде для собственного дела. Эти личности безответственны, и вина во вреде, который они приносят общему делу, лежит не на них, а на их товарищах, способных к большей сообразительности и тем не менее допускающих эти слишком горячие головы занимать серьезные места в серьезной борьбе. Но я оставлю эти случайности совсем в стороне. К сожалению, даже весьма видные личности среди настоящей социальной борьбы не всегда могут победить старые влечения к старым кумирам. Мне случилось слышать, как один из самых сознательных французских интернационалистов 1871 года провозглашал величие «единой и нераздельной республики» [223]. Мне случилось слышать, как другой замечательный оратор той же партии, совершенно ясно излагая фазисы борьбы пролетариата с буржуазией, посвятил часть своей речи идолопоклонству пред величием «Франции». Борьба патриотов за национальную независимость, борьба угнетенных сектантов за свой религиозный культ в глазах слишком многих представляет не только историческое *подготовление* современной социальной борьбы, но представляет в *настоящем* борьбу, которая имеет социальное значение и в которой социалист имеет право сознательно участвовать, как бы эта борьба была — *его* дело. Чтобы прикрыть свое увлечение, слишком многие готовы выставить в подобных случаях на первое место тот экономический элемент, который присутствовал во всех более или менее крупных исторических событиях, без которого они не мыслимы, но который в *политической, национальной* или *религиозной* борьбе составляет большею частью лишь иллюзию, увлекающую массы, орудие, помощью которого действуют на массы их предводители, и не может обусловить собою общественный строй после победы иначе, как совершенно устранив и отрицая все старые девизы эксплоататоров.

Чем труднее это выделение социально-революционных мотивов из старой либеральной рутины, особенно в минуту движения масс, тем сильнее на всяком серьезном социалисте лежит *нравственная обязанность* вырабатывать в себе по возможности ясное *понимание* сущности рабочего социализма и его радикального отличия от прежних общественных движений. Старые привычки сильны; искушения могут быть значительны; разнообразие взглядов в этом случае может легко повести в самую опасную минуту и к разрыву солидарности между товарищами по общему делу и к отклонению этого дела от его настоящего направления.

Я ограничиваюсь этими двумя случаями, оставляя в стороне весьма много других, не менее наглядных, но считаю, что и сказанного [224] вполне достаточно, чтобы указать, насколько стремление к ясному *пониманию* задач рабочего социализма составляет насущное нравственное требование для строителей будущего общества.

Солидарность составляет основной его признак. Она была руководящим знаменем всего развития социализма. Реальная солидарность интересов рабочего пролетариата послужила основанием рабочему социализму. Она одна может дать прочность будущему строю. Ее именно должен дать *рабочей России* социально-революционный союз. Без нее всякая его форма будет бессильной фикцией. Следовательно, привычку к солидарности *нравственно обязаны* прежде всего и сильнее всего вырабатывать в себе и в своих товарищах убежденные социалисты. А эта привычка встречает много препятствий в других укоренившихся привычках и влечениях, выработанных старым миром в людях, которым приходится строить мир новый.

Прежняя жизнь развила в высокой степени индивидуализм в личностях и группировку их по личным симпатиям и антипатиям, совершенно независимо от годности людей для общественной борьбы. Конечно, это далеко не в такой степени верно для народа, который должен дать большинство членов социально-революционного союза, чем для интеллигенции, которая составит лишь основной кадр его, а потом будет поглощена народом. Но так как составление кадра в этом случае совершенно необходимо, так как свойства этого кадра неизбежно отзовутся в значительной степени на составе самой армии, которая должна вырасти из этого кадра, то преобладание индивидуализма в первоначальном кадре должно повлиять самым вредным образом на все развитие социально-революционного союза, на всю его деятельность. В виду этой весьма серьезной опасности, на каждом убежденном социалисте лежит нравственная обязанность, насколько он может, бороться в себе и в своих товарищах с проявлениями этой застарелой индивидуалистической болезни старого общества.

Общественная сила заключается только в общественном союзе, и в союзе не формальном, но *действительном,* причем каждый

подчиняет личные влечения общему делу, подчиняется *искренно*, как лицо, решению целого. Полное согласие значительного числа личностей во всех частностях их взглядов теоретических и практических — невозможно. Союз, состоящий из личностей, которые все были бы вполне симпатичны друг другу, невозможен. Но вне союза силы нет и быть не может; следовательно, каждый, вступая в союз, который он хочет сделать силою, должен заранее усвоить мысль, что он должен быть солидарен с людьми, которых взгляды во множестве второстепенных пунктов более или менее расходятся с его взглядами; с людьми, которые ему вовсе не симпатичны. Кто ожидает, что можно составить сильный союз, исключающий эти два неудобства, тот — непрактический мечтатель. Кто, вступая в союз, намерен тем не менее действовать только так, как *ему* кажется лучше, намерен в среде союза обособлять в *деловых* сношениях *себя* и симпатичных *ему* людей из всего товарищества, тот — неисправимый конспиратор старого времени, которому приходится перевоспитать себя до самых основных нравственных влечений, прежде чем он имеет право назвать себя действительным *социалистом*, строителем солидарного общества. Тот же, кто, вступив в союз под личиною товарищества для дела, проводит свои кружковые интересы и подрывает деятельность товарищей, не сходящихся с ним во второстепенных вопросах, — не только нравственный преступник относительно своих товарищей, но нравственный преступник относительно собственного убеждения, потому что он изменяет самым основным принципам социалистической деятельности.

Люди, вступающие в социально-революционный союз, соединяются для общего дела на почве общей основной программы теоретических начал и практических приемов. И в теоретических началах и в практических приемах они идут на взаимные уступки по второстепенным вопросам, лишь бы организовать общественную *силу*. Раз они вступили в союз, между ними нет и не должно быть *для дела* людей более близких и более далеких по симпатиям; есть лишь люди *годные*, допущенные в союз, и *негодные*, оставленные вне его. Самый лучший друг должен быть *в деле* оставлен, как чужой этому делу, если большинство признало его негодным. Наименее симпатичный человек должен быть *по делу* признан товарищем, с которым приходится действовать сообща, если *дело* поставило социалиста рядом с ним. Кружки приятелей, обособляющиеся в среде союза по симпатиям, при общем деле суть элементы самых вредных конспираций и отрицают единственную солидарность, которая может иметь место в союзе, солидарность *общего дела*. Личное убеждение по второстепенному вопросу может быть предметом неустанной полемики печатной — в органах партии, словесной — на больших и малых собраниях; но раз это убеждение отвергнуто большинством товарищей, всякий член союза должен *искренно* действовать согласно решению большинст-

ва, оставляя в стороне свои личные взгляды. Вне этого *нет* общественной силы, *нет* солидарности. Вне этого социализм есть пустое слово или лицемерная маска.

Конечно, это самое предполагает, что уступки, и теоретические и практические, допускаемые для образования *силы,* не идут далее определенных границ. Кто не поступается *второстепенным* мнением в виду составления солидарного союза, тот ставит свой индивидуализм выше общего дела, тот не желает победы общему делу. Кто поступается *первостепенным* пунктом своей программы, тот не имеет программы, не имеет убеждений. Кто не видит разницы между значением различных пунктов своей программы, тот может быть весьма искренний фанатик, но он — не что иное, как фанатик, для которого не существует перспективы в понимании собственных принципов; фанатик, который готов заколоть сущность своего дела на алтаре неважной мелочи и которому приходится старательно воспитывать в себе *понимание* вопросов рабочего социализма.

Здесь не место распространяться о тех пунктах, которые имеют первостепенную или второстепенную важность в теоретической или практической программе русского социально-революционного союза, и я по этому вопросу ограничусь лишь немногими словами.

Теоретические основы *рабочего социализма*, о которых я говорил уже не раз, сами собою исключают всякую возможность *теоретических* уступок политическим или социалистическим партиям, не признающим начала общности имущества и всеобщего труда для общего развития; не признающим рабочего класса единственной возможной основой и для настоящей борьбы со старым порядком и для будущего общественного строя. Союз лиц, которые *и на этом* не сошлись, есть призрак, который может быть лишь вреден рабочему социализму. По моему личному мнению, теоретическое согласие должно бы, для прочности союза, непременно охватывать и принцип свободной федерации, как тип общественной формы, и решительное отрицание религиозного элемента в союзе. Другие теоретические взгляды (например, на интимные отношения между личностями), как они ни важны сами по себе, могут быть сочтены второстепенными задачами *в настоящую минуту* и потому не должны бы, как мне кажется, служить поводом к допущению или недопущению лиц и групп в союз.

Признание рабочего пролетариата единственной основой настоящей борьбы и будущего общежития делает логически невозможною всякую практическую уступку *якобинской* программе революции, произведенной интеллигентным меньшинством и декретированной им для народных масс. Не говоря уже, что эта программа большей частью предполагает союз с *политическими* революционерами, — а это противоречит пониманию рабочего социа-

лизма (см. стр. 370) — она противоречит и пониманию значения рабочего класса в современной борьбе.

Для *России* условия среды, не дозволяющей мечтать о какой-нибудь *легальной* почве для развития начал рабочего социализма, не дозволяют никакой *практической* уступки и программе *легалистов,* надеющихся на достижение целей рабочего социализма *нереволюционными* средствами. Союз с ними может только парализовать деятельность русских социалистов-революционеров. Впрочем, в наличности, эта партия так слаба и приверженцы ее так безмолвны, что их влияние на современный ход дел едва ли можно брать в расчет.

Со всеми искренними представителями упомянутых партий полезно вести полемику в приличных формах, не как с врагами (каковы для социалистов представители старого консерватизма и либерализма), а как с *возможными* товарищами, от которых приверженцы рабочего социализма разделены теперь не противоположностью основных общественных интересов (существующих для защитников капиталистического хозяйства и современного государства), но противоположностью теоретического понимания общественных вопросов. Противоположные интересы примириться не могут, но различие понимания может разъясниться и сгладиться. По моему личному мнению, полемике против упомянутых партий (конечно, в приличных формах и при искренности спорящих) могли бы быть открыты все органы рабочего социализма. Но *солидарная деятельность* с представителями этих партий невозможна для его приверженцев, была бы для их дела крайне вредна и потому их социально-революционный союз не может допустить в свою среду якобинцев или легалистов.

Затем в числе *возможных* членов социально-революционного союза остаются многочисленные оттенки приверженцев рабочего социализма, признающих неизбежность *революционного* пути для достижения его целей и признающих восстание *народных масс* единственным средством для победы. Эти оттенки различаются между собою во многих немаловажных пунктах практической программы. — Одни считают народ русский вполне готовым к социальной революции и ожидающим лишь решительного призыва к ней; другие считают необходимым подготовить народную революцию в продолжение более или менее долгого времени соответственною пропагандою начал рабочего социализма и агитацией против врагов народа; причем между крайними пунктами немедленного призыва к бунту и продолжительной пропаганды (см. статью «По вопросу о социальной революции», помещенную в № 31 «Вперед» и возражения на нее в передовой статье того же номера) [225] встречаем разнообразную постепенность.—Одни видят в экспериментальном процессе местных народных бунтов важный прием подготовления революции и, во всяком случае, воспитательный прием для народных революционеров; другие считают необхо-

димым сдерживать народные бунты до подготовления восстания чуть не всеобщего; причем опять находим промежуточные взгляды относительно необходимости до *некоторой* степени подготовить более или менее *обширный* местный бунт в *одной* местности, или в *нескольких* территориях, связать эти территории заранее более или менее солидарной организацией и т. п. — Одни считают умственную подготовку для социального революционера вовсе ненужной; другие ставят ему, как основное требование, довольно обширную программу знания; промежуточные группы ограничивают эту необходимую программу более или менее. — Одни требуют в революционном деле крайнюю независимость деятельности мелких групп и отдельных личностей; другие считают победу революции невозможною без весьма централизованной организации с достаточной властью центрального органа; промежуточные мнения стараются в большей или меньшей степени соединить выгоды и устранить неудобства того и другого и т. д. и т. д.

Я ни минуты не отрицаю весьма большой важности этих вопросов. «Вперед» высказал по всем им определенную программу действия. Его читатели знают, что он признает необходимость *подготовления* революции нераздельным оружием пропаганды, агитации и организации (см. перед ст. в №№ 26—29); что он допускает возможность весьма незначительной продолжительности этого подготовления, *если* дело будет ведено *надлежащим* образом (см. перед. ст. в № 34) [226]; что он считает необходимой подготовку восстания в нескольких территориях, связанных между собою солидарной организацией, и отрицает полезность революционных экспериментов; что он считает знание весьма важным подспорьем для социалиста-революционера, требует от этого революционера *основательного,* а не *поверхностного* изучения тех вопросов, которые он *может* изучить, требует от него *критической* выработки мысли, *насколько* это возможно, но во всем этом изучении не отделяет *жизненной практики,* как орудия изучения, от книжного знания, в особенности же требует в минуту *дела,* когда оно настанет, участия в деле с тем знанием, которое каждому *удалось* приобрести заранее, и которое определяет каждому его *место* в деле и его *полезность* для последнего (см. «Вперед» тт. I и III: «Знание и революция»; также № 3, стр. 78 и сл. [227], № 14, стр. 421 и след. [228]).

На предыдущих страницах я определительно высказался и относительно того элемента власти, который считаю неизбежным в организации русских революционных сил, и относительно контроля этой власти.

Но, — высказывая свое мнение относительно той программы действия, которую я лично считаю наилучшею или единственно возможной, и вполне сознавая важность упомянутых вопросов, — я не решусь, однако же, поставить эти вопросы в уровень с упомянутыми выше *основными* вопросами рабочего социализма, и раз-

ногласия по первым не решусь считать столь же существенными при организации русских социально-революционных сил, как разногласия по последним. Истинное понимание задач рабочего социализма, как мне кажется, вызывает определенную постепенность в отношениях к группам, против которых приходится бороться. Защитники императорского самодержавия и затхлой реакции заслуживают лишь указания на те безобразия, которые они делают, но против них даже серьезная полемика есть потеря времени и может быть предоставлена буржуазным либералам, которые в этом отношении усердно толкут воду. Несостоятельность либерально-буржуазных попыток решить современные общественные вопросы, и призрачность их программ приходится обличать при каждом удобном случае, особенно напирая на их решительную *враждебность* началам рабочего социализма и блату народных масс. Невозможность солидарности членов социально-революционного союза со сторонниками легализма и якобинизма может быть, как сказано выше, предметом спокойной полемики в органах рабочего социализма, давая полную возможность этим противникам высказывать все свои аргументы для лучшего их опровержения и для лучшего доказательства невозможности солидарного действия с ними. Само собой разумеется, что подобная же открытая полемика желательна по всем вопросам, разделяющим между собою оттенки *народников*,— название, под которым я считаю возможным соединить все группы, о которых я только что говорил,— но эта полемика не может мешать, как мне кажется, ни согласному действию, ни общей организации. Разделяющие вопросы могут быть признаны здесь *второстепенными* для *общего* дела, в виду *общего* врага и в виду *преобладающей* важности составления *солидарной партии*. Большинство примкнувших к делу определит, в какой мере различные приемы могут одновременно быть употреблены разными группами в разных местах, не нарушая взаимной поддержки и общей гармонии деятельности, или в какой мере группы того или другого оттенка должны будут уступить решению большинства. При этом не может быть отнято право у последующих съездов представителей союза изменять принятое прежде решение на основании более ясного понимания и более убедительного опыта. Затем все группы народников, полемизируя печатно и словесно на собраниях, но *действуя* сообща по программе, принятой большинством, «могут предоставить историческому опыту доказать, кто из них лучше понимал условия социально-революционной деятельности в России, и следовательно, кому окончательно придется перейти в чужой лагерь, как представляющий умственное и нравственное превосходство» («Вперед» № 34 стр. 320) [298]. Признание *этих* вопросов второстепенными в виду возможности составления первого кадра социально-революционной организации в России я полагаю совершенно необходимым условием для какой-либо солидарной деятельности и думаю,

что лишь тот, кто способен настолько победить свои индивидуалистические влечения, чтобы искренно вступить в подобный союз, может считать, что он надлежащим образом выработал в себе чувство солидарности, необходимой строителю будущего общества.

Но, конечно, подобное подавление индивидуалистических влечений в виду общего дела должно быть *искренно,* и здесь мы встречаемся с новой проказой, оставленной старым общественным строем в наследство людям, выросшим в его среде.

Старый строй своей повсеместной конкуренцией развивал в личностях не только индивидуализм; он развивал в них лживость и конспираторство. Человек рос между врагами и привыкал смотреть на всех, как на врагов. Но в борьбе с врагами правдивость и искренность — ошибки. Волки и лисицы тайком подкрадываются к своим жертвам, и люди ставят волкам и лисицам западни и капканы. Когда буржуазный строй поставил всем и каждому *одну* цель: личное обогащение, а для того указал *одно* средство: всеобщую конкуренцию; когда в погоне за наживой и в процессе развития критической мысли люди растеряли все свои старые обычные связи, устанавливавшие хотя какую-либо общественную солидарность групп: семьи, сословия, церкви, нации, партии, — тогда совершенно естественно всем людям пришлось поступать друг с другом, как они поступали с хищными животными: ставить друг другу западни и капканы, исключить искренность и правдивость из числа нравственных обязанностей личности.

Социализм, провозгласив общественную солидарность своим основным началом, снова потребовал от людей искренности и правдивости. Конечно, не относительно врагов, которые остались хищными зверями; даже не всегда относительно личностей, не затронутых еще новым благовестием, не имевших еще возможности выработать в себе *человечные* стремления солидарности в среде хищнического мира. Он потребовал лишь искренности и правдивости относительно *своих,* относительно тех, которые тоже приступили к учению солидарности. Он потребовал правды в кругу новых братьев, которые *вместе* шли бороться за новый мир, правды против старого мира лжи. Он потребовал правды в круту тех, которых разделяли лишь второстепенные вопросы, но соединяло *общее* дело, соединяла *возможность* действовать *сообща.* Без исполнения *этого* нравственного требования всякий союз был бы невозможен, всякое соглашение было бы недозволительной игрой, всякое провозглашение начал рабочего социализма было бы надругательством над рабочим социализмом.

Но старые привычки и влечения переломить очень трудно, и не раз люди вступали в социалистические союзы точно так же, как вступали прежде в политические и экономические отношения, с целью тайной борьбы и неумолимой конкуренции. Они ставили друг другу западни и капканы. Они конспирировали против своих

товарищей из-за влияния или власти. Они сходились на съезды и конгрессы, подготовляя голосование, как буржуазные партии подготовляют его. Они провозглашали громко одни принципы, а тайно проводили другие. Они считали себя нисколько не связанными ни решением, принятым большинством, ни собственным словом. Они лгали товарищам; они обманывали братьев по делу; они даже гордились своим умением обойти, оболгать и тем подчинить себе все, что входило с ними в сношения. Эти возмутительные привычки старого мира, как я думаю, настолько налагают сами на себя клеймо осуждения, что нет нужды распространяться о их возмутительности. Я указываю здесь только их вредность. Пока эти привычки и влечения будут вносимы в социально-революционные союзы, пока люди, постоянно действующие оружием лжи и конспираторства, будут терпимы в кружках, называющих себя кружками приверженцев рабочего социализма, до тех пор никакая серьезная организация социально-революционных сил невозможна; до тех пор никакая солидарность *в деле* немыслима; до тех пор не сделано *первого шага* к осуществлению начал рабочего социализма.

Я допускаю, что этот *первый шаг* сделан; что собственное самосохранение побудит социалистов-революционеров исключить из своих рядов людей, настолько чуждых социалистической солидарности, чтобы сознательно возводить нарушение ее в явную или тайную систему. Но и тогда еще не все будет сделано. Привычки и влечения конспираторства живут бессознательно в людях, которые никогда не решатся допустить их в себе сознательно. Оставленные без внимания, эти привычки и влечения могут сделаться страшной опасностью для деятельности социалистов-революционеров в самые трудные минуты, в минуты революционной борьбы, и, особенно, в период постройки нового общества. Поэтому *нравственная* обязанность каждого убежденного социалиста — тщательно следить за их проявлением в себе и в своих товарищах в период подготовления резолюции, не допуская развития этой проказы, тщательно искореняя ее, где она проявляется, и неумолимо исключая из рядов подготовителей нового строя тех, природа которых слишком усвоила себе эту наследственную болезнь.

Повторяю: какова бы ни была форма социально-революционного союза, все достоинства и недостатки этой формы совершенно ничтожны сравнительно с важностью только что упомянутых *нравственных требований,* обусловливающих его *солидарность.* Если его составили люди, *искренно* готовые на уступки по второстепенным вопросам в виду торжества основных задач рабочего социализма, люди, твердо решившиеся внести *правду* в сношения с товарищами, то этот союз может легко победить все недостатки форм своей организации. Если же в него вошли закоренелые индивидуалисты и неисправимые конспираторы, то он никогда не будет в состоянии ни организоваться надлежащим образом, ни употре-

бить свою организацию с какой-нибудь пользой для народа, как бы, впрочем, ни были искусно придуманы формы его организации.

Мне остается сказать о том нравственном требовании, которое охраняет личность социалиста от обращения в машину, неспособную к самостоятельности; о нравственном требовании, которое одно позволяет установить равновесие между властью, неизбежною в тайном союзе, и личностью, нравственно обязанною подчиняться этой власти в виду солидарности для общего дела, но настолько же обязанной воспитывать в себе способность к личной инициативе и к *сознательной* службе своим общественным убеждениям. Это нравственное требование — *охранение человеческого достоинства в себе и других.* Это требование, впрочем, не принадлежит *исключительно* современной борьбе.

Борьба за человеческое достоинство поставлена была на очередь еще либерализмом. Он противопоставил старым принципам *исключительного* достоинства монарха-богопомазанника, родовитого аристократа, чиновного вельможи принцип общих «прав человека», которые первая французская республика и формулировала в знаменитой триаде «свободы, равенства и братства». Как все идеалы либерализма — и этот идеал человеческого достоинства был подорван экономическим развитием капитализма, который фактически лишил всякого *человеческого достоинства* всю массу пролетариата, обратил пролетария в машину для обогащения собственников, в раба прихоти предпринимателя, дал ему лишь свободу умирать с голода, заменил братство конкуренцией между капиталистами с одной стороны, конкуренцией между голодными пролетариями с другой, и дополнил это образцовое братство эксплоататорством слабых сильными, доведенным до вырождения и вымирания масс.

Задачу, поставленную либерализмом, но которую он не был в состоянии выполнить, взял на себя социализм. Он положил в основание человеческого достоинства *личное* развитие в виду труда на пользу общества и обеспечение этого достоинства свободным союзом, имеющим в виду *всеобщее* развитие. Он установил принцип *настоящего* братства в общежитии, солидарном экономически и нравственно, принцип *настоящего* равенства трудящихся, принцип *настоящей* свободы, отрицающей всякий обычный и обязательный для личности союз и заменяющий его союзом по свободному выбору труда. Он установил *настоящие* «права человека» на экономическое обеспечение, на солидарное общежитие, на всесторонне развивающий труд. Он установил и *настоящие* обязанности человека—отдавать все свои силы общему делу и развивать все эти силы в процессе труда для этого общего дела. Большее или меньшее достоинство личности при этом определилось лишь тем, насколько свободно и сознательно личность приняла участие в деле общественного развития.

Таким образом, социалист, как личность, имеет определенный

идеал человеческого достоинства, который ему приходится охранять в себе, как члене солидарного общежития, в других — вследствие своей солидарности с ними. Во имя этого достоинства он ставит себе нравственное требование развивать в себе все свои физические, умственные и нравственные силы в их гармоническом единстве. Во имя этого достоинства он обязан настолько же избегать аскетизма, как и подавления умственных и нравственных потребностей физическими; настолько же беречь в себе силы для общественной борьбы, как беззаветно жертвовать своей жизнью для общего дела; обязан настолько же бороться против невежественного презрения к знанию, как и против ученого филистерства, вырождающегося в жизненный индифферентизм; настолько же вырабатывать в себе твердость характера, как и бороться против влечений к самолюбивому упрямству. Все эти требования неизбежно выходят из условий солидарного общежития и общего дела, для чего нужна возможно большая гармония и возможно лучшее развитие всех сил личности, нужно знание, тесно связанное с жизнью, нужна деятельность в виду убеждения, а не личных фантазий.

Я здесь имею в виду проследить те проявления человеческого достоинства, которые определяют деятельность убежденного социалиста, как бойца за будущий общественный строй, сначала уединенного, потом группирующего около себя товарищей, наконец, составляющего элемент организованных революционных сил, но таким образом, что самостоятельность его инициативы охраняется даже и тогда, когда он подчиняется признанной власти.

Человек, выработавший в себе хотя частью социально-революционное убеждение, поставлен в весьма трудное положение, особенно — если он пришел к этому убеждению путем жизни и чтения, а не прямой проповеди товарищей. Он не только в этом случае одинок, но он еще обставлен со всех сторон условиями жизни, прямо противоречащими его убеждениям. Весьма часто он существует и развивается лишь при средствах, которые он не может оправдать перед собой. Отречься от всех жизненных связей и средств в большей части случаев значит — сделать для себя самую борьбу невозможною, отнять у себя средства служить делу, обречь себя на бессилие, на самоубийство. Многие горячие натуры обрываются на этом первом шаге. Одни, сознавая свое бессилие отказаться от обычных условий жизни, подчиняются им, оставляют сначала свои так называемые *убеждения* в виде недостижимых желаний до *лучшего* времени, потом смотрят на них с улыбкой, как на неосуществимые мечты юности, пока, наконец, тина жизни не засосет совсем этих любителей хороших слов. Другие, преувеличивая свое бессилие бороться с подавляющими обстоятельствами, отвращения к которым они победить не могут, просто убивают себя для охранения своего человеческого достоинства. Третьи успокаиваются на том практическом исходе, кото-

рый находили лучшие индивидуалисты всех поколений, даже не имея понятия о социализме; они исполняют *для себя* элементарные требования рабочего коллективизма: живи трудом, отдавай все свои силы на то, что считаешь справедливейшим, бери лично себе лишь необходимое. Но четвертые не ограничиваются этим: для них достоинство честного индивидуалиста недостаточно; они хотят быть членами солидарного общества и стремятся *в жизни* осуществить солидарное общежитие; они ищут себе товарищей; они несут пропаганду, куда могут нести ее; они стремятся создать общественную силу и видят свое достоинство в положении сознательного и самостоятельного элемента этой силы.

Как же человеку быть элементом общественной силы, но остаться сознательным и самостоятельным ее элементом? — Постараемся найти для этого трудного вопроса если не точное, то хотя бы приблизительное решение, причем удержим в мысли основные требования солидарности и личного развития, особенно же требование, что все, в чем я вижу *мое* достоинство, я должен признать в *солидарном* общежитии и в подготовлении к нему достоинством *каждого,* кого я признал товарищем по общему делу.

Если личность, в которой проснулось сознание нового евангелия, уединена и поставлена в невозможность приобретать себе товарищей, то, конечно, ей приходится ограничиться поддержанием собственного достоинства, как *социалиста-народника,* в собственной личной жизни. Так как первые основы рабочего социализма заключают в себе требование правды и требование посвящения своих сил на общее дело, то в рассматриваемом случае приходится ограничить эти требования искренностью относительно самого себя и работою над самим собой для того, чтобы лучше осуществить в себе задачу борца за рабочий социализм.

Первое предполагает, во-первых, отрицание всех фантастических и метафизических снадобий в деле социализма. Допущение религиозного элемента в его теоретической и практической постройке заключает в себе умственное понижение социализма пред его врагом, буржуазным либерализмом, который в свое время уже основательно подорвал религиозные иллюзии и оставил в наследство человеческой истории эту победу над фантастическим миром, как свое единственное здравое приобретение. Допущение метафизических представлений, что *социалистическая идея* победит мир, как только она проявится в каком-нибудь фаланстере, в какой-нибудь Икарии или в Коммуне Cedar Vale [209], что немедленно миллионеры и короли придут на помощь этой *истинной* идее, во имя одной ее теоретической истины, и что *гармоническое общество* осуществится само собой, без кровавой борьбы за него — выталкивает социализм из мира реального в мир идеалистов-философов, где *я* старшего Фихте создавало *не я,* т. е. не более, не менее как весь мир; где безусловный дух Гегеля развивался гармоническими периодами в природу и в историю. Это допущение принижает со-

циализм не только перед всеми точными науками нового времени, но даже перед разбитой параличом социологией буржуазных партий, которая все-таки толкует о фактах, ищет рациональных методов проверки и уверяет мир, что она есть наука наблюдения и опыта. Во имя личного достоинства убежденный социалист нашего времени должен отрицать всякую примесь религиозного элемента в своем учении, должен опираться на науку, должен изучать реальные факты и должен готовиться к реальной борьбе за свое знамя, к борьбе, которая в своих материальных условиях не может отличаться ни от какой иной исторической борьбы.

То же требование *правды* от самого себя устраняет всякую маскарадную игру в рабочий социализм. Всякий социалист имеет за собой свое прошедшее и около себя определенную среду. Это прошедшее и эта среда выработали в нем склад привычек и характера, который он может переделать до известной степени, но *только* до известной степени. Всякая попытка перейти за этот предел возможности изменить себя будет лишь попыткой принять на себя маскарадную роль, что и практически бесполезно и нравственно унизительно. Надо *по правде* взвесить свои силы, оценить себя и, сообразно этому, *по правде* действовать в *возможном* для каждого положения. Стать простым рабочим в рядах простых рабочих есть *желательная* роль для всякого социалиста-революционера; если он *может* поставить себя в это положение; но если он будет лишь *играть* в рабочего, стараясь *подделаться* под свою *роль*, пусть лучше поищет себе другого круга действия. При подобном маскараде человек не только не приносит пользы делу, но скорее вредит ему, потому что, большей частью, незаметно для себя, он *унижает* тип, который представляет. Кто *представляет* тип, ему несвойственный, тот обыкновенно схватывает и передает в уродливой форме некоторые *внешности* этого типа и, по преимуществу, именно *недостатки* его. Когда буржуа-жантильом Мольера [230] играл в аристократа, он старался уловить и преувеличивал как раз те стороны типа маркизов времен Людовика XIV, которые мало-по-малу сделали самое блестящее сословие французского общества бессильным в борьбе с волной политической революции. Точно так же когда неумелый продукт интеллигентной среды *играет* в простолюдина: он старается перепить мужика в кабаке, превзойти его во внешней грязи, в грубости и в непечатных ругательствах, но он даже не подозревает, что, подчеркивая эти печальные стороны простонародного быта, он, социалист-строитель будущего общества, является *консерватором* тех форм, которые фатально навязала простонародью история его прошедших бедствий и унижений и которые должны исчезнуть в будущем обществе вместе с этими бедствиями и с этим унижением; является гаером, отдающим на посмешище современного пролетария в его недостатках, в которых он неповинен; является препятствием к развитию нравственного типа народного борца за народное дело;

не говоря уже о том, что в этой самой погоне за внешностью маскарадный простолюдин показывает свою полную неспособность проникнуть до той нравственной *сути,* которая одна дает современному пролетариату право на построение будущего общества. Во имя *достоинства рабочего человека* неумелый социалист из интеллигенции не должен себе дозволять играть в *рабочего,* унижая его тип.

Требование работы над собой есть требование всестороннего саморазвития физического, умственного и нравственного. Я коснулся уже выше (стр. 379—380) некоторых частностей этого вопроса и не считаю нужным останавливаться на нем долее. В общих чертах он исчерпывается *одним* требованием морали, восходящей весьма далеко в прошедшее: насколько обстоятельства дозволяют тебе развить в себе силы физические, для возможности борьбы за лучшее, силы умственные — для понимания этого лучшего, силы нравственные — для решимости вести эту борьбу, настолько ты и *обязан* развивать в себе эти силы.

Но влияние социалистических идей на весь ход современного развития мысли отозвалось в значительном изменении точки зрения старых моралистов. Древнее противоположение уединенного добродетельного мудреца окружающему его порочному и безумному обществу оказалось метафизической фикцией. Уединенная личность может лишь на очень небольшое расстояние уйти вперед от окружающей среды. Вообще говоря, порочная и безумная среда наложит печать своих пороков и своего безумия на своих мудрецов в столь значительной степени, что их добродетели и их мудрость будут большей частью лишь маской для всеобщих пороков и для всеобщего безумия, а в самом выгодном случае они не будут иметь никакого общественного значения вследствие своего уединения. Поэтому правило старой морали: старайся выработать в себе исключительную добродетель и исключительную мудрость, — заменилось иным: старайся распространить около себя всякое твое приобретение умственное и нравственное, потому что, лишь распространяя его, ты укрепляешь его *в себе* и даешь себе возможность развивать это приобретение далее; старайся образовать около себя лучшую умственную и нравственную среду, потому что лишь она сделает тебя общественной силой; стремись внести в общество, тебя окружающее, более разумные и более нравственные формы и условия жизни, потому что вне этих форм и условий, существующих *для всех,* твое уединенное превосходство, умственное и нравственное, останется бесплодно и будет не более как эгоистическим самоуслаждением. *Личная* нравственность находится в самой тесной зависимости от нравственности общественной и не может, вообще говоря, развиваться без развития последней; самое существенное условие первой есть энергическая деятельность в смысле улучшения общественного строя для того, чтобы искоренить в нем причины, неизбежно вызываю-

щие определенные пороки и определенное безумие, и дать место новым побуждениям, имеющим шанс развить столь же определенные добродетели и определенную мудрость. *Нравственное достоинство* личности невыделимо из развития *общечеловеческого достоинства* в среде, в которой личность действует.

Эти общие начала новой морали формулировались для социалиста еще более определенно. Уединенный социалист есть или несчастнейший человек, или лицемер перед собою или невозможность. Социалистическая нравственность требует пропаганды своих идей настолько же для личного благополучия отдельных особей, приступивших к знамени социализма, и для проверки искренности собственных убеждений, насколько и для осуществления лучшего общественного строя. Как только человек стал социалистом, он *не может* развиваться один; он *должен* искать *товарищей* организовать группу, расширять и сплачивать партию, развивать в себе солидарное действие с другими. *Нравственное достоинство социалиста лишь в группе.*

Если оно так, то социалисту приходится во имя своего убеждения бороться со склонностями, противодействующими группировке личностей, и развивать в себе привычки, содействующие этой группировке. Социализм (и особенно революционный социализм) группирует людей для *определенного дела,* следовательно, как я уже сказал выше (стр. 371 и сл.), связь по симпатиям и антипатиям здесь места иметь не может и не должна. Люди, сошедшиеся для *общего дела,* должны уживаться вместе и облегчать друг другу общность действия развитием в себе *уживчивости.* Каждому приходится *прилаживаться* до известной степени к другим для возможности товарищества, итти на уступки и сдерживать себя для возможности совместного действия. Конечно, все это — до известной степени. Сказанное выше (стр. 373) о второстепенных и первостепенных пунктах программы прилагается вполне здесь при образовании товарищеских отношений между личностями. Кто наносит грубые оскорбления людям, с которыми *приходится* действовать сообща в серьезном деле, потому лишь, что не умеет *сдерживаться,* тот не выработал в себе основного элемента достоинства социализма: сознания, что его личное достоинство лежит в достоинстве его группы и каждого из его товарищей; он унижает собственное достоинство, оскорбляя других, и оплевывает свое собственное знамя. Кто не хочет в мелочах приладиться к товарищам в виду облегчения общего дела, тот не развил в себе понимания элементарных требований деятельности сообща и не дорос до сознания положения, упомянутого выше, что «нравственное достоинство социалиста осуществимо лишь в группе». Но рядом с этим, достоинство социалиста, как личности, сохраняющей обязанность *личной инициативы,* должно быть охранено от *порабощения личности группе,* от исчезания личной самостоятельности в безразличии кружка (который, в подобном случае, почти всегда

становится в действительности орудием одного или двух вожаков). Личность не должна допускать ни в отношении к себе, ни в отношении к кому другому в кружке товарищей оскорбления или подавления со стороны другой личности или со стороны кружка. Личность не должна уступать во имя товарищества ничего, что для нее имеет *серьезное нравственное значение.* Товарищество, допускающее оскорбление и подавление личностей, в него входящих, *не есть вовсе* социалистическое товарищество людей, готовящихся строить солидарное общежитие с полным развитием личной инициативы в трудных случаях. Товарищество, требующее от своих членов уступок, касающихся серьезных убеждений, есть товарищество не людей убежденных, но рабов или деспотов. Первое условие для товарищества, способного разрастись в серьезный деловой союз, есть уважение каждого к чужому достоинству и охранение достоинства каждого от всех других общим мнением товарищества.

Старое общество имело свои оружия для охранения личного достоинства: кодекс приличий и самозащиту в разных формах, начиная с кулака и ножа за пазухой, до дуэли, обставленной всеми формальностями рыцарского турнира. Элементарная форма самозащиты, унаследованная человеком от его животных праотцев, составлявшая едва ли не единственное средство обороны в большинстве жизненных столкновений доисторического периода, осталась и теперь в иных случаях единственным ограждением личности от насилия; она понадобится еще, по всей вероятности, и надолго, хотя ее проявления и могут сделаться более редкими. Но *достоинство* человека она никогда не ограждала и не могла оградить, потому что никакое насилие не может оскорбить этого достоинства, если оно есть действительно насилие. Что касается до разных *выработанных* форм самозащиты, то все они до такой степени пропитаны дикими иллюзиями религиозных представлений о божьем суде, о волшебной связи праведности и неправедности человека с механическими силами природы, или еще более дикими иллюзиями чести сословной, чести рыцарской, чести мундирной и т. д., и опять-таки волшебного действия собственной или чужой крови для логического доказательства в пользу нравственного достоинства личности, — что смешно и говорить об *этих* способах поддержания человеческого достоинства в группах, имеющих претензии на постройку рационального общежития. — Кодекс приличий, ограждающих достоинство личности, изменяется сообразно формам культуры и продолжает изменяться. Конечно, приличия старого общества были так же гнилы и лицемерны, как самое это общество: они не устраняли ни конкуренции во всех возможных формах, ни взаимного неуважения и личной враждебности, ни отсутствия всякой солидарности; они просто дозволяли людям сходиться для пустых формальностей общежития или для официальных сношений, не оскорбляя друг друга. Приличия соци-

алистического товарищества иные: они должны предполагать не только отсутствие конкуренции, но солидарную деятельность в общем деле, составляющем основной элемент убеждения каждого члена; они должны предполагать взаимную искренность, взаимное уважение настолько, что допускают товарищескую деятельность и отсутствие враждебности, каковы бы ни были личные симпатии и антипатии товарищей по делу. Приличия социалистического товарищества не могут быть маскою; они составляют лишь сознательные усилия каждого ужиться с товарищами по делу и приладиться к ним для общего дела.

Многие коммунистические общины (преимущественно в С. Америке) впали в другую крайность. Считая основным требованием будущего общества гармоническое общежитие личностей, они пытались создать искусственно эту гармонию полным раскрытием всех элементов личной жизни для всего товарищества. Устраивались и устраиваются собрания, где самые мелкие поступки, движения души и особенности характера личности отдаются на общее обсуждение. Личный выбор устраняется в самых интимных сторонах жизни. Я не стану разбирать, насколько подобное «залезание в чужую душу» и подобное полное разрушение личной жизни полезно вообще для будущего строя, где личная инициатива должна будет, как я думаю, играть немаловажную роль. Я ограничусь здесь замечанием, что каково бы ни было значение подобных приемов для общин, имеющих специальной целью переработку в личностях инстинктов и привычек индивидуальных в инстинкты и привычки социалистические, эти приемы не имели бы никакого смысла при составлении товариществ и кружков, имеющих в виду *определенную общественную цель,* выработку социально-революционной партии для организации пролетариата и для замены существующего общественного порядка иным порядком. Здесь залезание в чужую душу может быть лишь вредно для прочности и для расширения товарищества. В социально-революционной группе общему участию может подлежать лишь то, что входит в состав *общего дела* и до него касается, и то, что каждый сам *добровольно* отдает обществу из своей личной жизни. Во всем остальном личная жизнь должна оставаться неприкосновенной, и охранение этой неприкосновенности должно составлять для группы часть охранения личного достоинства ее членов.

Товарищество имеет целью разрастись в *организацию,* и когда это совершилось, личность становится членом уже не только кружка, в котором она знает всех членов и в совещаниях которого по общему делу она участвует; она становится членом общественной силы, обширного союза, причем «невозможно, чтобы все члены его одинаково знали все дела, относящиеся до союза в его целом и в его частях», и является необходимость с одной стороны делать, с другой исполнять «*распоряжения,* которые должны быть исполнены, но обсуждены быть не могут» (см. выше стр. 350).

Член организации вступает в нее с «*правом* получать всякое нужное сведение», но давая при этом «*нравственное обязательство* спрашивать, вне сообщаемого ему, лишь то, что ему действительно необходимо или нужно для его деятельности» (см. стр. 349—350). При этом последнем условии ни один член союза не может считать себя униженным в своем достоинстве, если даже его знания об общем ходе дел ограничены и некоторые действия его зависят от распоряжений других лиц, *до тех пор,* пока он в этом знании или в обсуждении этих распоряжений *участвует,* если не сам, то через лиц, им *выбранных* и пользующихся его доверием. Он член *секции,* и в каждой секции есть *выборные люди, которые знают,* почему каждый член секции должен поступать так-то, хотя для его деятельности нет необходимости, чтобы он участвовал в этом знании. Вся секция подчиняется распоряжениям, принятым на *федерационном съезде с участием* ее выборных людей или на *союзном съезде,* составляющем верховную власть союза, но в котором участвуют делегаты всех федераций. Пока эта система выборов действует свободно, пока каждый имеет в органе власти своего представителя, выбранного прямо или косвенно, но выбранного свободно, пока есть возможность контролировать действия власти и сменять в случае нужды ее представителей, до тех пор нет потери личного достоинства при подчинении власти, без которой союз *тайный* обойтись ни в каком случае не может.

Но каждая личность точно так же, как каждая секция и федерация, должны, во имя собственного *достоинства* следить внимательно, чтобы эти условия были *отлично* соблюдены; чтобы никакое решение, обязательное для членов союза, не состоялось без участия их представителей; чтобы никакая власть не стояла вне возможности их контроля. Ни личность, ни секция не имеют нравственного права подчиняться решению, распоряжению, форме организации, в обсуждении которых они не участвовали ни прямо, ни косвенно, или они делаются рабами из свободных деятелей, отказываются от права личной или коллективной инициативы, унижают свое достоинство. Никакая социалистическая власть, во имя каких бы то ни было начал, не имеет права требовать подобного подчинения, потому что она тем самым обращает членов социально-революционного союза в машины, лишенные инициативы, подрывает достоинство своих товарищей, а следовательно, и собственное (так как «нравственное достоинство социалиста осуществимо лишь в группе»), изменяет тем самым началам, для которых она сделана властью. Принятие какою-либо центральной социалистической властью «решения», относящегося до группы или до личности, не имеющих выбранного представителя в центральной власти при принятии этого решения, равносильно исключению группы из союза; во имя своего достоинства ни группа, ни лицо не должны допускать этого, и если они будут внимательно следить за соблюдением этого начала, едва ли какой-либо

властью, даже в тайном союзе, можно будет злоупотребить. Это еще в большей мере относится до местностей и групп, которым поручена какая-либо специальная обязанность, требующая личной или коллективной инициативы, личной или коллективной ответственности. Во имя своего достоинства эти личности или группы должны отказаться от исполнения своей ответственной обязанности, как только они не могут принимать равноправное участие в решениях, до них касающихся, или когда их деятельность подвергается осуждению собраниями, на которых они не имеют представителей. Конечно, во имя службы общему делу, никто не имеет права выйти из рядов борцов за общее дело, как бы несправедливо ни отнеслись к нему товарищи; но всякий имеет право оставить специально ответственную должность, когда не пользуется для этой должности свободой действия, когда его деятельность вызвала от товарищей незаслуженное осуждение или когда он лишен возможности принимать участие в «решениях», до него относящихся.

Я ограничиваюсь лишь предыдущими случаями, но вообще можно сказать, что социалисты, умеющие всегда стоять за свое личное или коллективное достоинство, не впадая в мелочную щекотливость, ни при какой форме организации не дозволят злоупотреблений власти и сумеют контролировать эту власть. Если же личности и группы легко поступаются своим достоинством, то власть, самая ограниченная формально, весьма легко обратится в деспотизм.

Может быть, многие читатели не согласятся с высказанными здесь мнениями; я высказал то, в чем убежден; пусть несогласные со мною сделают то же; пусть читатели взвесят аргументы за и против, и результатом обсуждения могут получиться более верные взгляды. Может быть, иные читатели найдут, что я слишком долго остановился на вопросе о нравственных требованиях от членов социально-революционного союза, что этим рассуждениям здесь не место и что вовсе не следует поднимать вопросы, которые могут затруднить организацию союза, возбудить споры по пунктам, не имеющим насущной практической важности, и которые, по тому самому несвоевременны. Я позволю себе думать, что успех и особенно *быстрый* успех нынешнего социально-революционного движения в России в значительной степени зависит от нравственной силы личностей, которые вступают в этот союз, что пренебрежение к этим нравственным требованиям может, с одной стороны, подорвать все социально-революционное дело; с другой стороны, придаст элементу власти, совершенно неизбежному в известной мере, как *накануне* революции, так и *на другой день* после нее, характер весьма вредный; тем самым может вызвать в революционный период вообще массу волнений и бедствий, которые желательно, возможно, а потому и должно устранить. Это последнее соображение тесно связывало вопрос о нравственных

требованиях рабочего социализма с предметом всего этого труда и побудило меня остановиться на них. Конечно, можно было бы вовсе отделить последнее рассуждение от этого труда и развить несколько более в особой статье, но я думаю, что многие читатели не осудят меня за помещение его здесь.

Я ограничился Россией по причинам, которые указал выше (стр. 347), и не имею ни желания, ни возможности здесь еще останавливаться на вопросе об элементах государственности, легальности и революции, входящих в современное движение в Европе и Америке, более, чем это сделано выше (стр. 221 и сл.; стр. 289 и след.). Ограничусь несколькими строками.

Рабочее движение в странах немецких, англо-саксонских, скандинавских и романских языков представляет такую связь во всех своих частях, что его можно рассматривать как одно движение, поставленное в достаточно сходные условия, чтобы получить и формальное объединение. Главный элемент движения здесь всюду — фабричный пролетариат: сельский же пролетариат здесь вовсе не затронут движением или играет в нем второстепенную роль. В славянских землях, особенно в России, сельское население имеет совсем иное значение, и потому организация социально-революционного союза должна сообразоваться с этой особенностью. Но точно так же, как в России дело социально-революционного союза заключается в организации связи между сельским населением, одинаково страждущим в разных частях России, но лишенным солидарности, точно так же все усилия социальных революционеров Европы и Америки должны стремиться к тому, чтобы связать самым тесным образом рабочее движение разных стран, сделать из него одну международную борьбу организованного пролетариата всей европейско-американской промышленности с его эксплоататорами. Эта цель определенно поставлена почти 30 лет тому назад в словах «Манифеста коммунистов», которые я привел на первой странице. Эта цель была близка к осуществлению в Международной ассоциации рабочих 1864 года. Но эта могучая организация после восьми лет деятельности, которая испугала все державы и всех капиталистов, выказала недостатки и совершила ошибки, которые довели ее до теперешнего ее положения, когда она почти прекратила свое существование [232]. Опять пролетарии каждой страны борются отдельно от братьев со своими врагами, не поддержанные организацией, которая могла бы в очень короткое время сделать из фабричного пролетариата Европы и Америки неодолимую силу. Слышно о новых проектах возрождения Международной ассоциации на несколько иных основаниях [233]. Крайне желательно, чтобы они удались. — Конечно, рабочее движение в каждой отдельной стране может иметь уже достаточную силу, чтобы положить основание новому строю, более или менее подходящему к идеалу рабочего социализма, и удача социальной революции в одной боль-

шой стране имеет полную вероятность вызвать немедленные взрывы и у соседей. Но, к сожалению, из всех больших стран одна Германия представляет в настоящую минуту в своей рабочей организации некоторые шансы к успешной социально-революционной попытке. Затем, далее всего подвинуто дело в Бельгии и Дании, странах слишком незначительных, чтобы взрыв, в них происшедший, не был немедленно подавлен соседями, если бы даже он был удачен в пределах страны. Поэтому точно так же, как к недавно образовавшимся группам русских революционеров, приходится обращаться снова и снова со словами: «Революционеры-народники, организуйтесь! Лишь в солидарной организации для вас существует возможность побед!»; точно так же деятельность всех сознательных социалистов-революционеров Европы и Америки должна быть и в настоящую минуту направлена к осуществлению того призыва, который поставили рабочим в 1847 г. авторы «Манифеста коммунистов»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Будет ли в форме этого союза господствовать централизация или федерализация, это — дело второстепенное; лишь бы социально-революционная деятельность оживляла и мелкие группы и их централизующие органы; лишь бы все элементы международного союза были представлены в объединяющем конгрессе, совете или комитете. Первое дело — единство и солидарность пролетариата всех стран. Первое дело — девиз 1847 года:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

VII. Заключение

Каковы же выводы из предшествующего рассуждения? Какое значение имеет государственный элемент в общем цикле миросозерцания рабочего социализма?

Этот элемент является элементом необходимым в течение длинных исторических периодов, необходимым в настоящем, необходимым в будущем, и лишь в том строе, который составляет цель рабочего социализма, этот элемент может быть устранен.

Но особенность государственного элемента выказывается в том, что во всех случаях, при всех обстоятельствах он должен быть доведен до возможного минимума и что все другие элементы, делаясь основанием общественной связи, стремятся довести его до этого минимума. Пока общество руководится обычаем, этот антропологический строй не дает развиваться элементу власти иначе, как случайно: власть облагается со всех сторон узами обычая, подчиняется обычаю, и всякое нарушение обычая произволом власти есть потрясение общественной связи, общественное преступление. Как только общество вступает в период господства религиозного учения, власть ставится под руководство догмата, закон и все

государственные отношения получают свое оправдание исключительно в откровении свыше, в божественной воле, а всякое столкновение государственной власти с представителями религиозного учения представляется опять-таки подрывом не только благосостояния, но самого существования общества, грехом, за которым должна следовать божественная кара, общественное бедствие. По мере того, как рационализм начинает проникать в общежитие, по мере того, как реальные начала получают более и более места в социалистических соображениях, элемент власти вызывает оппозицию со всех сторон и во имя всевозможных начал. Никто и никогда не ставит государство — элемент власти, общественного порядка — целью, оправдывающей собственное существование. Обычай для его рабов оправдан тем самым, что он существует. Религия освящена в глазах верующих тем, что она для них есть очевидная истина. Общественное благо, справедливость, общественное благосостояние, экономические отношения — представляют цели, которые сами в себе заключают повод стремиться к ним и защищать их. Но всякий закон, всякое распоряжение правительства, всякое изменение в форме власти всегда должны были быть объяснены чем-нибудь, *вне* их заключающимся: поддержанием обычая, волей богов, благом народа, экономическими или нравственными целями, словом — чем угодно, только не сами собой. Государство, как закон, как администрация, как суд, само по себе никогда не имело смысла, и этот смысл должен был быть ему придан тем или другим связующим общественным началом, которое, смотря по формам общественной культуры, было господствующим. Это начало составляло *цель, благо,* которое было желательно, и мысль о котором должна была руководить подданных при их подчинении власти, правительство при его распоряжении закона, политического революционера при замене одной формы власти другою формою. Государство во всех своих органах и функциях было не более, как средством для иной цели. Но отсюда следовало уже само собой, что всякое поглощение общественных сил и общественной деятельности *средством* для цели, совершаемое *на счет самой цели,* было нерационально и составляло *злоупотребление* государственной власти. Если государство было в глазах социолога лишь средством для блага народа, то всякое действие власти, уклоняющееся от этой цели, было преступлением и должно было быть сделано невозможным. Если подати нужны были правительству лишь для обеспечения существующих экономических отношений или для их улучшения, то всякая лишняя копейка, которая переходила из общественного имущества в государственную казну или в карманы государственных чиновников, была украдена у общества. Если справедливость составляла то благо, которое должно было быть осуществлено путем государственного законодательства и суда, то законы и судебные решения подлежали самому строгому контролю общества

во имя справедливости. Иначе говоря, государственной власти, государственному элементу следовало предоставить во всех случаях как раз лишь размеры, *крайне необходимые* для достижения той общественной цели, для которой государство должно было служить средством. Логика общественной науки требовала, как я сказал, чтобы собственно государственный элемент был постоянно доведен до минимума, чтобы общество отдавало сколько можно более *добровольно, свободно* обычаю, религии, общему благу, развитию экономического благосостояния, справедливости и как можно менее уступало в этом случае принуждению, власти, *государственному элементу*. Государственный элемент был во всяком случае лишь *необходимым злом*. Ровно сто лет тому это прямо высказал Томас Пэн [234] в своей знаменитой брошюре «Здравый смысл» (Th. Paine: Common sense, 1776): «Общество во всякой форме есть благо, но правительство, даже самое лучшее, есть лишь необходимое зло, худшее же есть зло невыносимое».

Причину этой особенности государственного элемента легко видеть. Всякое общество тем лишь отличается от совокупности особей, что в нем особи чувствуют или сознают свою взаимную солидарность, что между членами общества существует некоторая органическая связь. Эта связь может быть связью обычая, связью временного аффекта или верования, связью рассчитанной цели, связью нравственной обязанности; во всех этих случаях солидарность между членами существует, хотя может быть весьма различна по прочности, по разумности, по целесообразности. Как только какая-либо из этих связей образовалась, *совокупность личностей* стала *обществом*, которое составляет *организм*, может действовать как нечто цельное, так что члены его могут рассчитывать друг на друга. Всякое общество, в виду своей солидарности, естественно стремится связать подобным началом солидарности всех личностей, находящихся в кругу его деятельности, и оставить вне этой связи возможно меньшее число этих лиц. Но на практике до сих пор это стремление почти никогда не осуществлялось и не могло осуществиться, по крайней мере вне общества, где господствует обычай с таким же безусловным деспотизмом, как в обществе пчел и муравьев. Между тем совокупности особей, которые лишь *частью* солидарны в каком-либо отношении, приходится жить и действовать, *как будто* эта совокупность была *солидарным* обществом, когда в ее среде существуют люди с разными аффектами, с разными верованиями, с разными интересами, с разными общественными идеалами. Для возможности жить и действовать господствующие группы заменяют недостающий элемент общественной солидарности *властью*, государственным подчинением. Чем далее совокупность особей от солидарности, тем грознее в ней должна быть власть, тем могущественнее должен быть государственный элемент. Как только общество проникается каким-нибудь сознанием солидарности, немедленно принуж-

дение ему становится ненужным, власть теряет для него значение, от государственного элемента требуют, чтобы он понизил свой минимум. Все элементы, допускающие свободную, добровольную связь, все элементы общественной солидарности могут расти или убывать в обществе, заменяя друг друга, но ни от одного из них не требуют постоянно, чтобы он ограничивался минимумом. Один государственный элемент составляет исключение, потому что он есть, по самой своей сущности, элемент *принуждения,* потому что *он не есть вовсе элемент общественной солидарности,* а лишь указатель ее недостатка.

Так как полной солидарности в обществе никогда не существовало, то на всех фазисах исторического развития прошедшего времени власть являлась необходимостью и государственный элемент играл значительную роль. Но он никогда не ограничивался той ролью, которая ему приходилась законно, как дополнителю недостатка общественной солидарности. Обладатели *фактической* власти постоянно пользовались этой властью, чтобы захватить себе более общественного влияния, чем им приходилось по условиям общественной культуры. Это неизбежно вызывало легальные и нелегальные протесты со стороны представителей обычая, религии, экономических или нравственных интересов в обществе, смотря по тому, который из этих жизненных и связующих элементов общества считался высшим благом и законной общественной целью в данную эпоху. Происходила борьба за власть, причем попеременно торжествовала или фактическая власть, начало консервативное, начало *механической* связи общества, или элемент, ограничивающий власть, начало более или менее прогрессивное, начало *органической* связи общества. Но с течением истории все более развивалось в передовых группах людей сознание, что роль государственного элемента, роль принудительной власти в обществе должна ограничиваться лишь *дополнением* недостатка связующей силы других общественных элементов; что государственная власть есть лишь средство для других, более жизненных общественных целей; что государство есть лишь необходимое зло при недостатке общественной солидарности. Вместе с тем развивалось в истории и либеральное стремление все более и более понизить минимум государственного элемента в общественной жизни.

Весьма характеристично было положение этого элемента в последний период истории, в период буржуазной цивилизации. Экономические начала были признаны руководящим принципом общественного строя; «общественное обогащение» или, точнее, возможно быстрое скопление богатств в данной стране, совершенно независимо от их распределения, было признано идеалом общественного благополучия. Сообразно этому государственная власть должна была быть доведена до минимума во имя принципа свободы конкуренции, свободы денежных спекуляций. Либерализм

развил свои теории ограничения роли власти лишь исполнением общенародной воли, причем общенародное благо осуществлялось возможно полной свободой особи. Буржуазия выставила свой идеал государства как полицейского надзора за порядком на всемирном рынке. Но при этом с понятием о государстве совершались одновременно в социологии два противоречивые процесса. В то самое время, когда государство, таким образом, было поглощено экономическими идеалами господствующих классов, в то время, когда экономический отдел социологии вырабатывал тип федерации бирж, как идеал свободных распорядителей судьбами мира, вследствие будто бы существующей солидарности всемирных экономических интересов, в это самое время политико-юридический отдел той же социологии ставил все выше и выше идеал государства; оно воплощалось в законе, перед которым должны исчезнуть всякие личные интересы; оно вызывало патриотизм, на алтарь которого надо принести в жертву всю частную жизнь; оно представляло реализацию высшего разума, пред которым должен умолкнуть мелкий рассудок отдельной особи. Причина этой последней идеализации государства была ясна: экономические начала, выросшие из монопольной собственности и всемирной конкуренции, не представляли вовсе начала общественной солидарности, но вызывали войну всех против всех. Между тем все прежние общественные связи — обычая, религиозного предания, национальной культуры, нравственных требований — были подорваны господством экономических вопросов. Оставалось попытаться сделать само государство связующим идеалом, элементом солидарности; иначе говоря, пришлось попытаться связать конкурентов на всемирном рынке законом, который не был освящен ни обычаем, ни религией, но был бы освящен *сам по себе,* как акт, установленный властью; пришлось попытаться связать личности, опьяненные погоней за наживой, патриотизмом, который опирался не на общность предания, не на общность культуры, не на взаимную любовь и поддержку, а на линию границ, проведенных трактатом такого-то года; пришлось попытаться связать пролетариев и их эксплоататоров идеей высшего разума, который был бы не разум ряда поколений предков, не разум сверхъестественного бога, не разум развитой человеческой личности, требующей общего блага, общего благосостояния, но разум *сам по себе,* причем его олицетворением служил какой-нибудь полоумный король, интригующие и развратные министры или собрание спекулирующих на бирже и на скачках депутатов и перов парламента. Удача попытки была невозможна, потому что государственные начала, как я только что сказал, никогда не были сами по себе началами общественной солидарности, но только пополняли ее недостаток, а при данных обстоятельствах, при господстве всеобщей экономической конкуренции, легальность, патриотизм и государственная разумность не могли слу-

жить даже временными пособиями для поддержки органической связи в обществе; они могли служить лишь масками для экономических спекуляций, разрывающих эту связь.

Оно так и вышло. Современное государство стало противоречием самому себе, отрицанием самого себя (см. выше стр. 245 и сл.). Всеобщая конкуренция не дозволила возникнуть никакому связующему элементу в обществе. В настоящем строе отсутствует всякое солидарное начало. *Общество* стремится снова обратиться в *совокупность особей.* Государство не может уже помочь делу, потому что оно всегда могло только *дополнить* недостаток общественной солидарности; при полном отсутствии этой солидарности ему приходится захватить *все* общественные функции, сделаться *самому по себе* источником общественной связи, но этим оно никогда не было, никогда и не может быть; к тому же и буржуазные экономические начала по самой своей сущности не могут допустить подобного подавления их государством. Само собой разумеется, что общественный порядок, при котором общество распадается на отдельные особи, долго существовать не может; государственная власть ему тоже помочь не может; пока общественный порядок существует на нынешних основаниях, для него исхода *нет.*

На замену ему выступает рабочий социализм. Он связан с предыдущим строем тем положением, что и для него экономические отношения составляют основу всех прочих общественных задач, но он дает вопросу об экономических отношениях между личностями совсем иное решение, чем буржуазная социология. Он устанавливает новые элементы общественной солидарности и устраняет из общества все элементы вражды личностей и групп, которые вызвали современное общественное разложение, именно: устраняет монопольную собственность, всеобщую экономическую конкуренцию и общественный паразитизм. Рабочий социализм имеет, следовательно, за себя шансы создать прочный общественный порядок. Как все предшествующие общественные порядки, он с самого начала и во всех фазисах своего развития ставит себе целью доведение государственного элемента до минимума, но ставит эту цель с самого начала сознательно и притом представляет возможность довести в своих дальнейших фазисах этот элемент до минимума несравненно меньшего, чем те минимумы, которые представляла предшествующая история. Эта возможность представляется опять-таки потому, что рабочий социализм стремится развить помощью общего труда и свободных союзов разных форм несравненно высшую степень солидарности для всех особей, входящих в будущее общество, чем это можно было сделать какому-либо прежнему строю. По мере достижения этой солидарности минимум государственного элемента в обществе может и должен уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзией надежды на его уничтожение разом или путем внезапного переворота. Вне-

запные перевороты не создают солидарности. Она развивается постепенно в ряде поколений, а пока она не осуществилась в обществе, до тех пор государственный элемент, элемент власти и принуждения, вполне исчезнуть из общества не может. Он не может исчезнуть *накануне* социальной революции, когда социально-революционный союз в России или Международный союз рабочих в Европе и в Америке будет представлять армию, готовящуюся к бою за новый мир, но все солдаты которой выросли в старом мире конкуренции, монополии и паразитизма. Он не может исчезнуть и *на другой день* после социальной революции, когда победители будут окружены внешними и внутренними врагами и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира. Он может исчезнуть лишь в тот период, когда солидарность общего труда в свободных союзах охватит все общество. Никто не в состоянии вызвать этот момент к жизни внезапно и без предварительного подготовления, но всякий может приблизить его, вырабатывая в себе и около себя то чувство и ту практику солидарности, которые составляют нравственное требование рабочего социализма и которые одни, охватывая все органы и все функции общества, в состоянии довести, наконец, все убывающий минимум государственного элемента в будущем обществе до нуля.

19 июля 1876 г.

ПРИМЕЧАНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЯ
УКАЗАТЕЛЬ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Предисловие» к «Общественной службе в будущем обществе» давнишнего приятеля Лаврова — Де-Папа, представленной в виде доклада на Брюссельский конгресс бакунистов 1874 г. от имени Брюссельской секции Интернационала, написано для русского перевода этой работы, снабженного примечаниями пояснительного и полемического характера самого Лаврова. В приложении дан еще «Отчет женевской секции пропаганды» под заглавием «Кто и каким образом будет отправлять общественную службу в будущем обществе». Как предисловие, так и примечания к этим двум докладам интересны как предварительные этюды к работе Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе».

[2] См. о прениях на Брюссельском конгрессе бакунистов отчет Лаврова в «Летописи рабочего движения» в III томе «Вперед» 1874 г.; перепечатано во II томе настоящего издания, стр. 343—374.

[3] Имеется в виду работа Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе», перепечатанная в настоящем томе.

[4] Так как в работе, указанной в предыдущем примечании, действительно вопрос об общественной службе в будущем обществе рассмотрен более подробно, то пояснительные и полемические примечания Лаврова к работе Де-Папа здесь не приводятся.

[5] Статья «Новый 1875 год» — первая передовица газеты «Вперед», начавшей выходить в Лондоне с самого начала 1875 г. и затем аккуратно выходившей в течение 2 лет каждые 2 недели.

[6] Речь идет об анонимной статье Н. К. Судзиловского «Народ и студенчество», растянувшейся на 9 номеров «Вперед».

[7] Речь идет о слиянии лассальянцев с эйзенахцами.

[8] О русских либералах и консерваторах Лавров говорит, изобличая их внутреннее бессилие, и в целом ряде других статей газеты «Вперед» — в №№ 20, 21, 22, 24 за 1875 г. и в №№ 30, 32, 38, 41 за 1876 г.

[9] Здесь разумеются статьи самого Лаврова «Свобода русской печати» и «Гниль старого и рост нового», где говорится о преследованиях печати в России.

[10] Статья «Рабочий вопрос в России и повсюду» является как бы подытоживанием всего содержания № 3 от 3—15 февраля 1875 г., для которого она служит передовицей.

[11] Действительно, в следующем № 4 от 17 февраля — 1 марта 1875 г. законам о найме рабочих в России посвящена статья Лаврова «Валуевская комиссия и органы прессы».

[12] Для более ясного понимания этого и дальнейших указаний на статьи в № 3 сообщаю содержание этого номера: 1. Рабочий вопрос в России и повсюду. 2. Что делается на родине. К истории арестов последнего времени. 3. Одесский пролетариат. 4. Из Цюриха. 5. Студенче-

ские волнения (окончание). 6. Народ и студенчество (продолжение). 7. Летопись рабочего движения. Годовщина польского восстания 1863 г. 8. Хроника борьбы. 9. Извещения корреспондентам. 10. Важное исправление.

[13] Барятинский, Ал-р Ив., князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, бывший главнокомандующий кавказской армией, взявшей в плен Шамиля и покорившей Кавказ.

[14] Милютин, Дм. Алексеевич, граф (1816—1912), фельдмаршал, военный министр в 1861—81 гг., введший в 1874 г. всеобщую воинскую повинность; автор книг по военной истории и по географии.

[15] Бобринский, Ал-р Алексеевич, граф (1823—1903), член Госуд. совета, обер-гофмейстер, автор трудов по генеалогии.

[16] Канкрин, Егор Франц., граф (1774—1845), министр финансов в 1823—1844 гг., сторонник протекционизма в интересах промышленного капитала, провел в 1839 г. финансовую реформу, восстановив металлические деньги вместо ассигнаций.

[17] Нессельроде, Карл Вас., граф (1780—1862), канцлер, участник в 1815 г. Венского и др. международных конгрессов, подчинявшийся реакционной политике Меттерниха.

[18] Арним, Карл, граф (1824—1881), германский дипломат и посланник в Париже, имевший препирательства с Бисмарком.

[19] Питт, 1) Вильям, старший (1708—1778), английский политический деятель, с 1735 г. член Палаты общин, в 1766—68 гг. — премьер, 1756—61 — министр. Примыкал к вигам, отстаивал интересы английского торгового капитала, придавал особое значение колониальным владениям. 2) Вильям, младший (1759—1806), с 1783 по 1801 — премьер. Вдохновитель войны с революционной Францией. Во внутренней политике провел ряд реакционных мер для борьбы с рабочим движением. В 1798 г. им жестоко было подавлено ирландское восстание. Организатор общеевропейской противонаполеоновской коалиции.

[20] Фокс, Чарльз-Джемс (1748—1806), член английского парламента, лидер вигов, в 1806 г. министр-президент; защищал сев.-америк. колонии и Великую французскую революцию.

[21] Каннинг 1) Джордж (1770—1827), англ. госуд. деятель, министр иностр. дел (1807—1809 и 1822—1827). Побуждаемый интересами английской промышленности, жаждавшей внешних рынков, отмежевался во внешней политике от священного союза и терпимо относился к национально-революционным движениям в Греции, Италии и Испании и оказал поддержку отложившимся от Испании южно-американским колониям. 2) Чарльз, сын предыдущего (1812—62), ген.-губ. Индии (1855—62), жестоко подавил восстание сипаев (1857), при нем управление Индией перешло от англ. Ост-Индской компании к англ. правительству.

[22] Кобден, Ричард (1804—1865), глава манчестерской партии промышленной буржуазии в английском парламенте, защищавший свободную торговлю и отмену хлебных законов; основатель лиги борьбы против хлебных пошлин, отстаивавшихся крупными землевладельцами.

[23] Гладстон — см. прим. 18 в т. III.

[24] Брайт — см. прим. 88 в т. III.

[25] Дизраели — см. прим. 63 в т. I.

[26] Брадлоу (вернее Бредло) (1833—1891), английский политический деятель, радикал, член парламента, автор многих политических памфлетов; враг самостоятельного рабочего движения, с которым пытался бороться посредством организации атеистов.

[27] В статье «Парижская коммуна 1871 г.» повторяются по существу мысли Лаврова о Коммуне, высказанные им в письмах к Штакеншнейдер в 1871 г. Более подробно они развиты в его книге о Коммуне, написанной в 1879 г.

[28] Веллингтон, Артур Уелсли, герцог (1769—1852), английский полководец и консервативный госуд. деятель, в 1809—1813 г. освободил Испанию от власти Наполеона I; 18 июня 1815 г. победою над Наполеоном при Ватерлоо положил конец франц. империи «ста дней» (см. след. примечание). Один из вдохновителей союза Англии с Россией, премьер-министр в 1828—1830 и 1832—1834 гг.; упорно боролся против парламентской реформы.

[29] Ватерлоо, селение близ Брюсселя, где в сражении 18 июня 1815 г. англо-голландская армия Веллингтона с помощью прусской армии Блюхера разбила армию Наполеона I.

[30] Садова, селение близ Кенигреца в Чехии, где в сражении 3 июля 1866 г. между австро-саксонской и прусской армиями Австрия была разбита Пруссией.

[31] Тейс (у Лаврова — Тэйс), Альбер-Фредерик-Феликс (1839—1887), рабочий-резчик, чеканщик и бронзовщик, прудонист, член Интернационала и Парижского федерального его совета, один из организаторов Федеральной камеры рабочих обществ в Париже, товарищ председателя ЦК национальной гвардии, комиссар почт и телеграфов во время Коммуны. После разгрома Коммуны бежал в Лондон, где был членом Ген. совета и Французской федералистской секции; вернулся в Париж после амнистии 1880 г., писал в социалистических газетах.

[32] Пенди, Луи-Жан — см. прим. 291 в т. III.

[33] Из членов Коммуны было три Клемана: один — журналист, другой — сапожник, третий — рабочий неизвестной профессии. Здесь имеется в виду вероятнее всего сапожник Эмиль-Леопольд Клеман (ему было 33 года в 1871 г.), обозначенный в избирательной афише 17-го округа Парижа в 1871 г. как член Интернационала. После революции 4 сентября 1870 г. он был членом муниципальной комиссии 17-го округа, где проживал Лавров.

[34] Гебер, Жак-Рене (1757—1794), радикальный деятель Великой французской революции, левый якобинец, популярный среди парижского пролетариата своим радикализмом, проводимым им с 1789 г. в газете «Отец Дюшен». Содействовал осуждению жирондистов и был левее Робеспьера, по настоянию которого и был казнен вместе с его приверженцами в марте 1794 г. как глава левой оппозиции «бешеных».

[35] Бэн, Александр (1818—1903), англ. философ и психолог экспериментальной ассоциативной школы, сочинения которого переводились на русский язык. У Лаврова — Бен.

[36] Августа, жена императора Германии Вильгельма I.

[37] Оливье, Эмиль (1825—1913), сперва республиканец, затем ренегат, глава кабинета при Наполеоне III, ведшего реакционную политику и жестоко преследовавшего революционное движение, свергнутого в 1870 г.; автор мемуаров «Либеральная империя».

[38] Парадоль. Имеется в виду Прево-Парадоль, Люсьен-Анатоль (1829—70), фр. журналист и историк, посланник Франции в САСШ в 1870 г., где он в том же году покончил самоубийством; умеренный либерал, сначала оппозиционно выступавший против Наполеона III, а в конце 1860-х гг. резко повернувший к примирению с ним.

[39] Лабулэ, Эдуард-Рене-Лефевр (1811—1883), основатель франц. истории права и публицист, автор «Политич. истории САСШ» и сказки-памфлета «Принц Собачка». В 1869 г. высказался за Наполеона III, чем вызвал враждебные студенческие демонстрации, заставившие его прекратить лекции. В 1871 г. избран в Национальное собрание, где поддерживал политику Тьера.

[40] Леверрье, Урбен-Жан-Жозеф (1811—1877), знаменитый франц. астроном, открывший планету Нептун и составивший таблицы движения солнца и планет.

[41] Тьерри, Огюстен (1795—1856), франц. буржуазный историк, по определению К. Маркса — отец «классовой борьбы» во французской историографии. В своем главном труде «История происхождения и успеха третьего сословия» изобразил «последовательную смену метаморфоз, которые проделывает класс (буржуазия), прежде чем он достигнет господства» (Маркс). Однако, несмотря на это, Тьерри отрицал наличие антагонизма между буржуазией и пролетариатом.

[42] Мори, Луи-Фердинанд-Альфред (1817—92), фр. писатель, директор Национального архива в Париже, профессор истории религии и этики в Коллеж-де-Франс. Об одной из его работ писал Лавров.

[43] Шевалье, Мишель (1806—1879), франц. буржуазный экономист, вульгарный защитник промышленного капитализма, автор соч. «Письма о Сев. Америке», «Курс политич. экономии» и др.

[44] Литтре, Эмиль (1801—1881), франц. философ, врач и филолог, последователь Огюста Конта. В старости вступил в члены масонского ордена.

[45] Блюхер, Гебгарт-Лебрехт (1742—1819), прусский полководец, противник меттерниховской системы, отличившийся в войнах с Наполеоном I. В 1815 г. решил судьбу сражения при Ватерлоо, придя во-время на помощь английскому главнокомандующему Веллингтону (см. прим. 28).

[46] Броун, Джон (1800—1859), америк. борец за освобождение негров от рабства, повешенный южными плантаторами.

[47] Линкольн, Авраам (1809—1865), деятель эпохи гражданской войны в САСШ и президент, представитель мелкой буржуазии и фермерства, убитый в театре южанином — сторонником рабства негров.

[48] Серно-Соловьевич, Николай Ал-рович (1834—1866), деятель «Земли и воли» 60-х годов, приговоренный в 1864 г. к каторге, замененной ему ссылкой на поселение; умер на пути в ссылку.

[49] Комиссия Слезкина — Жихарева, это — комиссия, разбиравшая все политические дела и состоявшая из жандармского генерала И. Л. Слезкина, прокурора С. С. Жихарева, жанд. полковников Чуйкова и В. Д. Новицкого, тов. прокурора Меркулова, Давыдова и Шубина и др.

[50] Чемадуров, Яков Яковл. (1823—1888 г.), сенатор, бывший председатель суда, производивший в 1870—71 гг. следствие по делу нечаевцев.

[51] Жюдик, Анна (р. 1850), популярная в 70-ые годы французская опереточная певица.

[52] Баймаков, Федор Петр. (1831—1907), биржевой деятель, был издателем «Спб. ведомостей», как и «Финанс. обозрения», а Усов, Павел Степан. (1828—1888), писатель и исследователь раскола, был редактором «Спб. ведомостей» и «Биржи».

[53] Щербань, Николай Вас. (умер в 1894 г.), корреспондент газ. «Голос» из Парижа в 1870-х гг., редактировал одно время официозную газету русского министерства иностр. дел «Nord» в Брюсселе; сотрудник «Моск. ведомостей».

[54] Михаил Никифорович — редактор «Моск. ведомостей» Катков (см. прим. 276 в I томе).

[55] Жэкэ, китаянка-спиритка 70-х годов.

[56] Маркевич, Болеслав Мих. (1822—1884), реакционный романист, очень плодовитый, но далекий от художественности.

[57] Игуменья Митрофания, бывшая баронесса Розен, была осуждена в Москве за выпуск фальшивых векселей в 1875 г.

[58] Цион, Исаак (он же Илья Фаддеич), профессор физиологии Медико-хирургической академии 1872—74 гг., из-за которого в ней в 1874 г. произошли студенческие беспорядки; затем был заграничным агентом мин-ва финансов, а, уволенный от этой должности, стал писать против русского мин-ва финансов франц. памфлеты и был лишен прав русского подданства. С 1891 г. — ретроградный публицист.

[59] Вслед за статьей «Наша сила» в № 12 «Вперед» помещено стихотворение самого Лаврова «Новая песня» («Отречемся от старого мира!»), известный революционный гимн.

[60] Принадлежность статьи «Нечто о русском промышленном оазисе» Лаврову я предполагаю по стилю и по содержанию ее.

[61] Вальстер, Отто-Август, или Отто-Вальстер, Август, нем. соц.-демократ, редактор ежедн. газеты «Дрезденер Фольксботе», член временного комитета эйзенахской партии после 1870 г., с 1875 г. участник рабочего движения в САСШ.

[62] Мальцев, Сергей Ив. (1810—1893), заводчик и землевладелец Калужской, Смоленской и Орловской губ., устроил первый в России рельсопрокатный завод и завод земледельч. орудий и машин, а всего имел 107 заводов и фабрик, завел свои пароходы, свою сеть жел. дорог и телеграфа.

[63] Скальковский, Аполлон Ал-рович (1808—1897), писатель, историк Новороссийского края.

[64] Кольб, Георг-Фридрих (1808—1884), немецкий статистик и публицист, автор «Руководства к сравнительной статистике», «Истории культуры» и пр.

[65] Буняковский, Виктор Як. (1804—1889), академик, математик и статистик, автор «Оснований математической теории вероятностей», изобретатель пантографа и других приборов.

[66] Пален, Конст. Ив., граф (1833—1912), с 1867 до 1878 г. министр юстиции, реакционер, противник судебной реформы 1864 г., провел первые отступления от нее; затем член Гос. совета.

[67] Имеется в виду Дм. Андр. Толстой, обер-прокурор синода и министр народного просвещения.

[68] Виндишгрец, Альфред-Фердинанд, князь (1787—1862), австрийский фельдмаршал, подавивший в 1848 г. восстание в Праге и в Вене.

[69] Бутлеров, Ал-р Мих. (1828—1886), известный химик и пчеловод, один из создателей учения о строении органических химических соединений; увлекался спиритизмом.

[70] Крукс, Вильям (1832—1919), англ. химик и физик, один из творцов современного учения о строении материи, изобретатель радиометра, трубок для наблюдения электрического разряда и др. Увлекался спиритизмом.

[71] Сведенборг, Эммануэль (1688—1772), шведский мистик, утверждавший, что имел видения и откровения свыше, учил о новой церкви и новом Иерусалиме и имел общины последователей в С. Америке и в Англии. Его книги, особенно «Небесные тайны», были довольно распространены в начале XIX века и в России.

[72] Здесь имеется в виду Огюст Конт.

[73] Дагомея (у Лаврова по французскому произношению—Дагомэ), франц. колония на берегу Гвинейского залива в западной Африке, состоящая из непров.

[74] Перикл (493—429 до хр. эры), афинский госуд. деятель и оратор, глава демократической партии, покровитель наук и искусств.

[75] Лонгобарды, герм. племя, покоренное в 744 г. Карлом Великим, но оставившее после себя памятники законодательства.

[76] Немецкое слово, означает специальность, цех.

[77] Дело идет о процессе Дьякова, Вячеслава Михайл. (1854—1880), Сирякова, А. И., Герасимова, В. Г., и Александрова, Д. А., которые вели пропаганду среди рабочих Петербурга на Выборгской стороне и среди солдат Московского полка. Арестован был Дьяков в апреле 1875 г. и 17 июня 1875 г. особым присутствием сената приговорен к каторге. 25 октября 1875 г. приговор ему объявлен на Конной площади. См. «По поводу Дьяковского дела» — «Вперед», № 18, стр. 552—553.

[78] Евреинов, Ал-р Григ. (умер в 1885 г.), Тизенгаузен, Павел От-

тонович (умер в 1886 г.), Хвостов, Борис Никол. (умер в 1885 г.) — сенаторы, судившие в 1875 г. В. М. Дьякова и его товарищей за пропаганду среди рабочих и солдат. О Тизенгаузене В. Д. Спасович сообщил судившемуся по «процессу 50-ти» Джабадари, что он был во времена Герцена «красным», возил из-за границы «Колокол» Герцена и снабжал им адвокатов Петербурга и даже придворных лиц. См. «Былое», 1907, № 8, стр. 3, статья Джабадари.

[79] Кн. Мещерский (имеется в виду В. П., см. том III, прим. 120) Новосельский и Зорин — судьи по делу Долгушина.

[80] Долгушин, Ал-р Васил. (1848—1885), арестован 4 янв. 1870 г. по нечаевскому делу и 27 авг. 1871 г. оправдан, затем основал свой кружок пропаганды в народе и с лета 1873 г. в деревне Сареево, Звенигор. уезда, вместе с Папиным, Плотниковым, Дмоховским и Ан. Васильевым печатал составленные им воззвания «К русскому народу» и «К интеллигенции». Арестован 16 сент. 1873 г. и 15 июля 1874 г. присужден к 10 годам каторги. Гражданская казнь совершена над ним 5 мая 1875 г. в Петербурге на Конной площади, после чего отправлен в Ново-Белгородскую центральную каторжную тюрьму, где в 1878 г. написал протест «Заживо погребенные», отпечатанный в нелегальной типографии. Летом 1881 г., находясь в Красноярской тюрьме, во время волнений дал пощечину тюремному надзирателю, за что был присужден к 15 годам дополнительных каторжных работ, которые отбывал на Каре, потом в Петропавловской и Шлиссельбургской крепости. Умер от туберкулеза. Программа кружка Долгушина исходила из радикального демократического и утопического стремления уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, ограничить эксцессы капитализма в городах путем немедленного восстания. Она стремилась и к тому, чтобы помещичья земля полностью была передана крестьянам, чтобы солдатчина была заменена народным ополчением, чтобы образование было всеобщим, чтобы паспортов не было и чтобы демократическая выборная и сменяемая власть регулировала экономику в интересах укрепления крестьянского хозяйства в деревне, производительных ассоциаций — в городе.

[81] Сиряков, Алексей Ив. (род. 1855, год смерти неизвестен), сын священника, был студентом Петерб. ун-та, 28 апреля 1875 г. арестован за пропаганду среди рабочих вместе с В. Дьяковым и 17 июля 1875 г. приговорен к 6-летней каторге. Жил на Каре в 1882 г., около 1890 г. заболел душевным расстройством, в апреле 1896 г. выехал в Волог. губ. на родину.

[82] Герасимов, Василий Герасимович (1852—1892), питомец воспит. дома, с 12 лет работал на Кренгольмской ткацкой мануфактуре в Нарве, в 1872 г. участвовал в стачке, в 1875 г. вел пропаганду среди рабочих на фабрике Чешера в Петербурге и среди солдат Московского полка. Арестован 11 апреля 1875 г. и 17 июля 1875 г присужден к каторге на 9 лет, в 1883 г. вышел с Кары на поселение в Якутскую область, где умер от болезни печени.

[83] Александров, Диомид Ал-рович (1850—1925), петерб. мещанин, питомец воспитат. дома, с 11 лет работал на Кренгольмской ткацкой мануфактуре, а в 70-х годах на фабрике Торнтона. В 1873 г. участвовал в кружке Синегуба, в 1874—75 г. вел пропаганду среди рабочих и солдат вместе с Дьяковым, Сиряковым и В. Герасимовым. Арестован 18 апр. 1875 г. и 17 июля присужден к 10 годам каторги. В 1884 г. выпущен на поселение в Якутской области, по окончании срока в 1896 г. переехал в Якутск, где умер 75 лет.

[84] Мария Алакок (1647—1690), религиозная визионерка, мистик.

[85] Карагеоргиевичи — сербская династия, ведущая свой род от Карагеоргия, признанного князем Сербии в 1808 г. Александр К. (1806—1885) низложен народом в 1858 г.

[86] Обреновичи, сербская династия, ведущая свой род от Милоша О.

и правившая Сербией с 1818 по 1842 и с 1859 по 1903 г., после чего опять правит династия Карагеоргиевичей.

[87] Франц-Иосиф (1830—1916), реакционный император Австро-Венгрии, вступивший на престол в декабре 1848 г.

[88] Николай Черногорский, князь, родился в 1841 г., вступил на престол в 1860 г.

[89] Об Александре Карагеоргиевиче см. выше примеч. 85.

[90] Ксеркс, царь персидский с 485 до 465 до хр. эры, сжег Афины в 480 г., но был разбит греками в морской битве при Саламине. Убит своим телохранителем.

[91] Жанна д'Арк (1412—1431), крестьянская девушка, воодушевившая франц. войска в эпоху Столетней войны и помогшая им снять осаду англичан с Орлеана (почему прозвана Орлеанской девой). Имела «видения», попала в плен к англичанам, сжегшим ее как колдунью, а в начале XX века причислена к лику святых.

[92] Фении — мелкобуржуазная и узко-заговорщическая террористическая ирландская революционная организация, возникшая в 1858 г. с целью освободиться от английской зависимости и основать ирландскую республику; применяли аграрный и политический террор; организовали 2 неудачных восстания в Канаде в 1866 и 1870 гг. и в Ирландии в 1867 г., после чего движение было обескровлено. Маркс считал, что «фенианизм характеризуется социалистическою тенденциею (в отрицательном смысле, т. е. направленной против присвоения земли и как движение низших классов») и «всяческими средствами старался провоцировать демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма». (См. Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXIII, стр. 479—480 и 646).

[93] Дюкро, Огюст-Александр (1817—1882), франц. генерал эпохи франко-прусской войны и осады Парижа, хвастливый и бездарный.

[94] Рэпилеры — депутаты парламента, требовавшие отмены законодательных ограничений ирландцев.

[95] Плятер, Владислав, граф (1809—1889), участник польского восстания 1830 г. и один из агитаторов за восстание 1863 г., основатель журнала «Le Polonais» и национального польского музея в Швейцарии.

[96] Георг Зейдлиц. «Дарвиновская теория».

[97] Роберт Бир. «Борьба за существование». Роберт Бир — псевдоним немецкого военного романиста Байера, Карла-Эммерика-Роберта (родился в 1835 г.).

[98] Гельвальд, Фридрих (1842—1892), автор книг «История культуры», «Земля и ее народы», «В стране вечного льда», историк, географ и этнограф.

[99] В оригинале напечатано: убеждение «в какую бы то ни было религиозную истину».

[100] Речь идет о Варваре Никол. Батюшковой, по мужу Цвиленевой (1852—1894), дочери действит. статского советника, входившей в Цюрихе в кружок «фричей» и в Москве в кружок «чайковцев». Арестована в августе 1875 г. и по «процессу 50-ти» приговорена к каторге на 9 лет, замененной ей ссылкой на поселение в Иркутской губ.

[101] Цвиленев, Николай Федор. (род. в 1852 г.), сын штабс-капитана, был студентом Мед.-хирург. академии, занимался пропагандой среди петерб. рабочих, весною 1874 г. «ходил в народ», вел пропаганду среди крестьян в Донской области, член кружка «чайковцев» с осени 1874 г.; арестован 10 авг. 1875 г. и по «процессу 50-ти» 14 марта 1877 г. присужден к ссылке в Сибирь. С 1889 г. жил в Орл. губ.; с 1918 г. живет в Крыму.

[102] Аносов, Николай Мих. (1850 — год рожд.), сын дворянина, студент Петровской с.-х. академии, где занимался пропагандой, член

моск. кружка чайковцев, «ходил в народ» на Урал. Арестован 10 авг. 1875 г. в Москве на квартире Батюшковой, был судим по «процессу 193-х», выслан под надзор в Арханг. губ. Впоследствии — смоленский статистик.

[103] Иванов, Лев Андр. (1853—1887), отставной штабс-капитан артиллерии, студент, летом 1875 г. арестован в Москве и по «процессу 50-ти» присужден к каторге на 9 лет, замененной ему ссылкой на поселение в Тобольской губ.

[104] Речь идет о Дмитрии Мих. Рогачеве (1851—1884), дворянине, отставном поручике артиллерии, близком к чайковцам и ведшем пропаганду среди петерб. рабочих в 1873 г., ходившем в народ с Кравчинским. Но он не был убит в 1875 г., как сообщает здесь Лавров. Он арестован 14 авг. 1876 г. и по «процессу 193-х» приговорен к 10 годам каторги. Умер на Каре.

[105] В оригинале напечатано: убеждения в святость.

[106] Грановский, Тимофей Никол. (1813—1855), проф. всеобщей истории, гегельянец, буржуазный либерал, западник, в лекциях своих протестовавший против режима Николая I.

[107] Хомяков, Алексей Степан. (1804—1860), один из основоположников славянофильства, философ и поэт, публицист идейной реакции 1830—40 годов.

[108] Чаадаев, Петр Яковл. (1796—1856), крупнейший философ-публицист, автор «Философического письма» (1836), критиковавшего режим Николая I; впоследствии впал в мистицизм.

[109] Шевырев, Степан Петр. (1806—1864), историк литературы и журналист, реакционер и националист.

[110] Бенкендорф, Ал-р Христофорович, граф (1783—1844), шеф жандармов и начальник Третьего отделения при Николае I.

[111] Бальзак, Оноре, де (1799—1850), один из создателей реалистического романа во Франции, изобразитель буржуазного быта.

[112] «Бесчестная» — так Вольтер называл католическую церковь.

[113] Искандер — псевдоним А. И. Герцена.

[114] Станкевич, Николай Влад. (1813—1840), глава литературно-философского московского кружка 30-х годов, настроенного против русского крепостнического строя. Из этого кружка вышли западники и славянофилы.

[115] Статья Лаврова о Герцене осталась незаконченной.

[116] Мастодонтов — псевдоним автора фельетона «Письмо к графу Д. А. Толстому», напечатанного в № 14 «Вперед» от 20 мая 1875 г.

[117] Марков, Евг. Львович (1835—1903), писатель-очеркист и умеренно-либеральный публицист, автор «Софистов XIX века», «Очерков Кавказа» и др.

[118] Оуэн, Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист, веровавший в мирное переустройство человеческого общества путем организации коммунистических общин — земледельческих ассоциаций, в которых промышленный труд является добавочным трудом, тесно связанным с земледелием. По мнению Оуэна, члены общины должны работать на общую пользу сообразно со своими способностями и получать долю общего продукта в соответствии со своими потребностями.

[119] Этюд о Евг. Маркове во «Вперед» не напечатан.

[120] Eo ipso — по-латыни, значит: тем самым.

[121] Оффенбах, Жак (1819—1880), композитор, один из основоположников оперетты в Париже при Наполеоне III, дававшей сатиры на сюжеты античные и современные бытовые.

[122] Стоюнин, Владимир Яковл. (1826—1888), известный педагог и историк литературы.

[123] «Revue des deux mondes» — «Обозрение двух миров», французский литературно-научный и политический журнал-ежемесячник,

основанный в 1829 г. и выражавший идеологию умеренно-либеральной франц. буржуазии.

[124] Гарусов, Ив. Д., педагог и историк литературы 1860—70 гг.

[125] Боткин, Сергей Петр. (1832—1889), профессор Медико-хирург. академии и врач по внутр. болезням, крупный ученый, диагност и педагог.

[126] Пирогов, Николай Ив. (1810—1881), знаменитый профессор-хирург и либеральный деятель по нар. образованию.

[127] Трубников, Конст. Вас. (род. в 1829 г.), редактор «Биржевых ведомостей» в 1860—75 гг. и «Нового времени» в 1875—76 гг.; позднее редактор других газет, общих и экономических; автор многих брошюр по политич. и экономич. вопросам.

[128] Штейн, Генрих-Фридрих-Карл, барон (1757 — 1831), госуд. деятель Пруссии, с 1807 г. первый министр, проведший отмену крепостного права, городское самоуправление, всеобщую воинскую повинность и т. п.; монархист и сторонник преобладающей роли дворянства в государстве, однако возбудил недовольство прусского юнкерства и оставил правительственную деятельность в 1808 г.

[129] «Конституционалист» — это В. А. Гольцев (см. прим. 68 в I т.). Лавров называет его «парижским конституционалистом» и притом «неизвестным» ему только ради конспирации, чтобы не повредить Гольцеву.

[130] «Внутреннее обозрение» в «Вестнике Европы» за 1875 год принадлежало перу Мих. Матв. Стасюлевича, до 1861 г. профессора всеобщей истории, а с 1866 г. по 1908 г. редактора-издателя «Вестника Европы».

[131] Гильфердинг, Ал-р Федор. (1831—1872), историк литературы и славянства, этнограф, автор «Истории балтийских славян», «О сродстве языков славянских», «Онежские былины» и др.

[132] Лавров имеет в виду свои собственные возражения Гильфердингу, высказанные им в статье «Философия истории славян» в «Отечеств. записках» за 1870 г.

[133] Речь идет о статье А. Пыпина «Древний период русской литературы и образованности», напечатанной в нескольких книжках «Вестника Европы» за 1875 г.

[134] Казимир III, король Польши с 1333 по 1370 г. При нем была завоевана Червонная Русь.

[135] Хмельницкий, Богдан (умер в 1657 г.), вождь украинской крестьянской революции 1648—54 гг., предавший ее и вошедший в соглашение с царем крепостнической Москвы Алексеем Михайловичем о принятии Украины в подданство Москве.

[136] Брюховецкий, Иван Мартын., гетман Украины в 1662—65 гг.

[137] Дорошенко, Петр Дорофеевич, гетман Украины в 1665—76 гг.

[138] Фадеев, Ростислав Андр. (1824—1884), генерал и писатель, автор «Писем о современном состоянии России», «Русское общество в настоящем и будущем», «60 лет Кавказской войны» и др.; реакционный защитник опеки дворян над крестьянством.

[139] Адамиты — коммунистическая секта XV века в Богемии, мечтавшая о возвращении к невинности Адама.

[140] Пристлей, Джозеф (1733—1804), знаменитый англ. химик и богослов — пресвитерианец, детерминист и материалист в психологии.

[141] Чаннинг, Вильям-Эллери (1782—1842), америк. теолог, апостол унитариев, противник торговли неграми. У Лаврова — Ченнинг.

[142] Речь идет о проповеди виленского главного раввина против революционной пропаганды, текст которой помещен в статье «Косвенный продукт правительственной паники» во «Вперед», № 18, стр. 565—566.

[143] Ключарев, Алексей Иосиф. (1821—1901), проповедник, позднее архиепископ под именем Амвросия.

[144] Кабэ, Этьен (1788—1856), франц. коммунист-утопист и госуд. деятель, редактор журнала «Популер», автор «Путешествия в Икарию» (1840) и основатель коммунистической с.-х. колонии в Техасе, просуществовавшей с 1849 до 1855 г. В эпоху победы машин план создания образцовой земледельческой коммуны увлекал главным образом пролетаризированных парижских ремесленников. Кабэ ввел обобществление труда и строжайшую регламентацию потребления и культурных запросов населения.

[145] Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871), нем. коммунист-утопист, член Союза справедливых, участник революции 1848 г., автор «Евангелия бедного грешника», «Человечество как оно есть и каким оно должно быть» и др.; воспитал в коммунистич. духе многих рабочих-ремесленников, возлагая все свои надежды на низшие классы, в отличие от других утопистов, надеявшихся на высшие. Разойдясь с Марксом, уехал в Нью-Йорк, где в 1851—54 гг. издавал журнал «Республика рабочих».

[146] Густав III (1746—1792), шведский король с 1771 г., вел борьбу с аристократией и убит на маскараде одним из членов аристократич. партии.

[147] Карл I Стюарт (1600—1649), король Англии с 1625 г., боровшийся с парламентом и казненный революцией в 1649 г.

[148] Людовик XVI (1754—1793), фр. король с 1774 г., казненный революцией 21 января 1793 г.

[149] Здесь сопоставляется Руссо, Герцен и Вольтер.

[150] Шатобриан, Франсуа-Рене (1768—1848), франц. госуд. деятель и провозвестник правого романтизма, старавшийся доказать в «Духе христианства» (1802), что в христианстве — корни всей современной цивилизации; автор эпопей «Мученики», «Атала» и «Рене»; идейный вождь католической и роялистской реакции.

[151] Зелоты или зилоты — фанатическая еврейская религиозно-политическая партия городской и сельской бедноты, веровавшая в «избрание» еврейского народа и возбуждавшая его к восстаниям против римлян в последние годы борьбы еврейского народа за свою политическую самостоятельность.

[152] Николаиты, древне-сирийская секта, отвергавшая постановления апостольского собора относительно любодеяния, пищи и т. п.

[153] Василидиане, последователи Василида, египетского гностика II века хр. эры.

[154] Ириней, епископ Лиона, мученик христианства, живший около 200 г. хр. эры.

[155] Огдоас, по-гречески, число восемь, имевшее мистическое значение. София — мудрость мира. Демиург — творец видимого мира у гностиков и начало чувственного мира у неоплатоников.

[156] Хильдерик — имя нескольких франкских королей династии Меровингов с 456 по 755 г.

[157] Здесь по ошибке напечатано Струсберг. См. т. III, прим. 36.

[158] Овсянников и Шумахер, как и игуменья Митрофания, были осуждены в 1875 г. за подлог векселей.

[159] Редкин, Петр Григ. (1808—1891), профессор философии права и администратор, член Гос. совета с 1882 г., автор литографиров. курса «Из лекций по истории философии права», «Обзор гегелевой логики» и др., проповедник правого гегельянства, умеренный либерал, веривший в личного бога.

[160] Донецкий, Василий Федосеевич (1850—1885), студент Петровской земледельч. академии, близкий к моск. чайковцам, в начале 1873 г. поехал за границу и был близок с русскими эмигрантами; в ноябре 1873 г. вернулся в Россию и был арестован с прокламациями 20 сент. 1875 г., присужден к каторге на 5 лет, заболел душевно в 1880 г.

[161] Малиновский, Ал-р Андр. (1854 — год рожд.), студент Петровской земледельч. академии, член кружка М. Фроленко, арестован 10 авг. 1874 г., привлечен к «делу 193-х» и 23 янв. 1878 г. признан невиновным, но выслан административно с Сольвычегодск.

[162] Игнатьев, Николай Павл. (1832—1908), дипломат, в 1868—1878 гг. посол в Константинополе, в 1881—82 г. министр внутр. дел; ярый панславист и реакционер.

[163] Салиас-де-Турнемир, Евг. Андр., граф (1842—1908), автор. историч. романов, реакционный писатель.

[164] Курочкин, Вас. Степ. (1831—1875), основатель и руководитель лучшего сатирического журнала 60-х годов «Искры», поэт-переводчик Беранже и др.

[165] Бибиков, Петр Алексеевич (1832—1875), публицист, критик и переводчик сочинений А. Смита, Мальтуса, Бэкона, автор статей «Современные утописты» в книге «Критические очерки» (Спб. 1865).

[166] Толстой, Алексей Конст., граф (1817—1875), поэт, драматург и романист, близкий к славянофилам.

[167] Weekly Dispatch» — «Еженедельная депеша» — англ. газета 70-х годов.

[168] Ординер, Франциск (род. в 1843 г.), фр. прогрессивный депутат 1870-х годов, участник франко-прусской войны 1870—71 гг.

[169] Наке, Альфред (р. 1834), фр. ученый и госуд. деятель; провел закон о разводе.

[170] См. примеч. 1 к настоящему тому.

[171] Первое объявление о том, что «Вперед», том IV, вып. I: «Государственный элемент в будущем обществе» — *печатается*, было помещено в № 7 газеты «Вперед» от 3—15 апреля 1875 г. Отсюда можно заключить, что вся эта работа была в основном закончена Лавровым в 1875 году, хотя предисловие ее помечено 19 июня 1876 г., повидимому, перед тем, как эта работа вышла из-под печатного станка. Впрочем, обозначение даты 19 июня 1876 г. *в конце* книги доказывает, что в это же время были внесены в работу и окончательные поправки и написаны некоторые дополнения и заключительная глава, что видно по нескольким ссылкам на статьи «Вперед» начала 1876 г. Но так как в основном работа была закончена в 1875 г., то в настоящем издании она отнесена к 1875 г. В тексте эта работа несколько раз названа Лавровым «статьей», так как вначале он предполагал ее напечатать среди других статей в IV томе «Вперед», но впоследствии пришлось выпустить эту работу отдельным выпуском в виду ее обширных размеров. В настоящем издании текст сверен по лондонскому изданию 1876 г.

[172] См. Иоанн-Филипп Беккер, примеч. 317 во II томе.

[173] Точное название «Альянса» — «Alliance internationale de la démocratie socialiste» (Международный союз социалистической демократии). Альянс образовался в сентябре 1868 г. в Берне из сторонников Бакунина, ушедших вместе с ним с конгресса «Лиги мира и свободы». Бакунин сделал попытку легализовать свой Альянс как организацию, открыто входящую в Интернационал с самостоятельной программой и правом съездов. В начале марта 1871 г. выяснилось, благодаря Елизавете Дмитриевой (см. мою статью о ней в «Летописях марксизма» 1928, № 7—8), что эта попытка не удалась. Тем не менее Альянс, вопреки уверениям Бакунина, что он распустил его, продолжал существовать тайно, а после Гаагского конгресса 1872 г. и открыто.

[174] Здесь имеется в виду программа сторонников Бакунина, наиболее резко выраженная Юрской федерацией Интернационала на съезде швейцарских секций в Сонвилье 12 ноября 1871 г.

[175] Мютюелизм (от франц. слова mutuel — взаимный) — система разрешения социального вопроса на принципе взаимных услуг, по рецептам франц. утописта и анархиста Прудона (см. т. I, примеч. 19) с его

идеей об обменном банке, где каждый производитель получал бы столько, сколько он затратил на свой продукт, а каждый рабочий получал бы даровой кредит. У Лаврова, по ошибке, мютюализм.

[176] Имеются в виду лассальянцы и эйзенахцы.

[177] Имеется в виду Конгресс тред-юнионов, возникший в 1868 г., органом коего является ежегодно выбираемый парламентский комитет, выполняющий политические резолюции конгресса. На парламентских выборах 1868 г. были выставлены этим комитетом кандидатуры членов Генерального совета Интернационала — Оджера и Кремера, но первый из них снял свою кандидатуру, а второй не был избран. Возникшая в ноябре 1869 г. Лига представительства рабочих на дополнительных выборах в парламент в начале 1870 г. опять выставила кандидатом Оджера, но он провалился. Лишь на выборах 1874 г. из 12 рабочих кандидатур прошли 2 кандидатуры—Берта и А. Макдональда.

[178] Имеется в виду исключение Бакунина и Гильома из Интернационала на Гаагском конгрессе последнего в 1872 г.

[179] Имеются в виду особенно англ. члены Ген. совета — Оджер и др.

[180] Имеется в виду Толен, прудонист и член Интернационала, исключенный из него во время Парижской коммуны 1871 г.

[181] Более подробно смотри об этом в «Летописи рабочего движения», глава I, написанной Лавровым, во II томе «Вперед», стр. 16, и в III томе, стр. 105. Перепечатано во II томе настоящего издания.

[182] Об объединении лассальянцев и эйзенахцев на Готском конгрессе см. статью в газете «Вперед», №№ 11, 12, 15 и 16.

[183] Имеются в виду конгрессы Интернационала 1873 г. в Женеве — с 1 по 6 сентября бакунистов и с 8 по 12 сентября — марксистов. См. о них подробности в статье Лаврова «Летописи рабочего движения», глава I, во II томе «Вперед». Перепечатано во II т. наст. издания.

[184] Имеется в виду Брюссельский конгресс бакунистов 1874 г., о котором Лавров писал подробно в 1-й главе «Летописи рабочего движения» в III томе «Вперед». См. II том настоящего издания.

[185] Имеются в виду «записки» Де-Папа и женевской секции пропаганды. См. примеч. 1 к настоящему тому.

[186] «Историческое развитие Интернационала» — произведение Бакунина, изданное Сажиным-Россом в 1873 г.

[187] Роланд, правитель Бретани, один из 12 пэров Карла Великого, убитый во время неожиданного нападения басков в долине Ронсеваль в Пиринеях в 778 г.; герой франц. средневекового эпоса — «Песни о Роланде» начала XII в., идеал рыцаря-крестоносца; он же герой поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», позднейшей обработки «Песни о Роланде».

[188] Добрыня Никитич, богатырь русских былин, представитель боярского сословия.

[189] Аргонавты, герои греческой мифологии, ездившие на корабле Арго, во главе с Язоном, в Колхиду (нынешнюю Грузию) за золотым руном, оберегавшимся драконом; но все же Язон добыл руно при помощи волшебницы Медеи, дочери царя Колхиды. Миф об А. отражает сношения древних греков с народами, жившими по берегам Черного моря.

[190] Молох, бог солнца финикиян, приносивших ему человеческие жертвы; нарицательное имя многих семитических божеств древней Сирии.

[191] «Позволяйте делать что угодно и итти куда угодно» — формула манчестерской школы политической экономии, отрицающей всякое вмешательство государства в экономические отношения.

[192] Коммонеры, члены палаты общин в Англии, в отличие от членов палаты лордов.

[193] Коронеры, особые судебные следователи в Англии и САСШ, на обязанности которых возложена защита прав государства в случае

самоубийств (имущество самоубийц конфискуется в пользу казны), скоропостижной смерти, кораблекрушений и т. п.

194 Примечание это принадлежит самому Лаврову.

195 Статья «Кто разрушает основы общества?», как видно по ее рукописи, не принадлежит Лаврову, так как в рукопись внесены значительные дополнения рукою писавшего ее неизвестного автора, рукою же Лаврова сделаны незначительные редакторские поправки.

196 Статья эта написана Лавровым. См. перепечатку ее в настоящем томе.

197 Штейн, Лоренц (1815—1890), немецкий буржуазный социолог, юрист и экономист, автор трудов «Социализм и коммунизм современной Франции» и др.

198 М. А. Р. — Международная ассоциация рабочих.

199 Здесь имеется в виду записка Де-Папа.

200 Суд Линча — самосуд толпы белых над неграми через повешение или сожжение.

201 Имеется в виду записка Де-Папа.

202 Статья принадлежит Лаврову. См. ее в настоящем томе.

203 Сьейс — см. прим. 159 в т. II.

204 Об этом Лавров писал подробно в статье «История городского и сельского устройства в Западной Европе». См. библиографию к I-му тому настоящего издания, № 114.

205 «Курс социальной экономии» в журнале «Социальная экономия».

206 Гердер, Иоганн-Готфрид (1744—1803), нем. философ, поэт и критик, собрал и перевел много народных песен разных народов.

207 Шварц, Вильг. (1821—1899), нем. исследователь сказаний и мифов разных народов.

208 Дюринг, Евгений (1833—1902), немецкий философ, экономист и математик, невыдержанный материалист, антисемит и противник пролетарского социализма. Оказывал большое влияние на часть студенчества и социал-демократии. Уничтожающую критику его дал Энгельс в «Антидюринге». С 1863 г. приват-доцент Берлинского университета, в 1877 г. уволен за «антиправительственную пропаганду». Идеолог мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата.

209 «Курс национальной и социальной экономии» (1876 г.).

210 Имеются в виду лассальянцы и эйзенахцы, объединившиеся на съезде в Готе в 1875 г.

211 Дюринг. Критическая история национальной экономии и социализма. 2-е изд. 1875 г.

212 New-York Irishman — «Нью-Йоркский ирландец», цитировано в «Reynolds Newspaper» — «Газета Рейнольдса».

213 Виктория (1819—1901), королева Великобритании и Ирландии с 1837 г., с 1876 г. — императрица Индии. При ней мощь английской буржуазии достигла высшей точки, так что влияние королевы на англ. дела уменьшилось значительно.

214 Заглавия этих передовых статей, написанных самим Лавровым, следующие — в № 26: «Общие законы подготовления социальной революции», № 27: «Почва для социальной революции в России», № 28: «Невозможные и возможные пути социальной революции», № 29: «Задачи организации социально-революционных сил в России». Все эти статьи перепечатываются в следующем томе настоящего издания.

215 Саллюстий, Гай-Крисп (86—34 до хр. эры), римский историк войн Катилины и Югуртинской войны; государств. деятель.

216 Фрейлиграт, Фердинанд (1810—1876), нем. революционный поэт, член «Союза коммунистов», автор песни «Ça ira», участник «Новой Рейнской газеты» Маркса и друг последнего; с конца 1850-х годов буржуазный демократ; в 1868 г. вернулся в Германию; был на стороне Бисмарка в франко-прусской войне.

[217] Статья эта перепечатана в настоящем томе.

[218] Имеется в виду передовая статья Лаврова «Общие законы подготовления соц. революции», перепечатываемая в V т. наст. издания.

[219] Имеется в виду «Летопись рабочего движения», глава I, перепечатанная во II томе настоящего издания.

[220] Под «ста диктаторами» здесь разумеются сто «интернациональных братьев» Альянса Бакунина, возглавлявшихся Центральным комитетом и вершавших все дела Альянса. В полном подчинении от них находились комитеты «национальных братьев» в отдельных странах, от которых держалось в строгой тайне все, что касалось «интернациональных братьев».

[221] Пункт о пополнении Генерального совета Интернационала путем кооптации имелся в резолюции учредительного митинга Интернационала 28 сентября 1864 г., был подтвержден Лозаннским конгрессом 1867 г. и широко применялся на практике.

[222] Имеется в виду статья «Социально-революционная и буржуазная нравственность», перепечатанная в настоящем томе.

[223] Здесь Лавров указывает на факт своего присутствия на площади Ратуши в Париже во время провозглашения Коммуны 28 марта 1871 г.

[224] В тексте по ошибке напечатано «сказанное».

[225] Имеется в виду передовая статья Лаврова «Народное миросозерцание и социальная революция», перепечатываемая в следующем томе настоящего издания.

[226] Имеется в виду передовица Лаврова «Роль народа и роль интеллигенции», перепечатываемая в следующем томе настоящего издания.

[227] В № 3 «Вперед», стр. 78 и сл. напечатана статья «Студенческие волнения» (окончание), принадлежащая Лаврову.

[228] Здесь имеется в виду передовица Лаврова «Социалистическая и буржуазная наука», перепечатываемая в настоящем томе.

[229] Ceda Varle — Кедровая долина — название коммуны в Америке, по поводу которой писал Лаврову в журнал «Вперед» состоявший в ней В. Фрей (см. т. I, прим. 112). В этой коммуне, кроме В. Фрея (Гейнса), состояли: Н. В. Чайковский (Н. Грей), «нечаевцы» Вл. и Наталья Святские (Райт), С. Клячко, Ив. Лог. Линев и др. Письма их имеются в архиве Лаврова, хранящемся в Архиве германской социал-демократии, перевезенном в Париж немедленно после захвата власти Гитлером.

[230] Мольер (Покелен, Жан-Батист, — его настоящее имя, 1622—1673), великий франц. драматург и директор придворного театра Людовика XIV. В пьесе «Мещанин в дворянстве» разоблачил тщеславие разбогатевшего буржуа.

[231] Имеется в виду прекращение конгрессов Интернационала в его марксистской части со времени конгресса в Женеве в 1873 г. и в его бакунистской части — со времени конгресса в Брюсселе в 1874 г. В 1876 г. 15 июля состоялась конференция марксистской части Интернационала в Филадельфии, объявившей Интернационал «распущенным на неопределенное время», но Лавров, закончивший до этой даты «Госуд. элемент», не мог об этом знать.

[232] Слухи о новых проектах возрождения Интернационала доходили до Лаврова, повидимому, со стороны бакунистов. Действительно, в октябре 1876 г. состоялся конгресс бакунистской части Интернационала в Берне, но никакого возрождения Интернационала из него не получилось. Состоялся еще один конгресс бакунистской части Интернационала в сент. 1877 г. в Вервье (в Бельгии), оказавшийся последним.

[233] Пэн, Томас (1737—1809), англо-американский политический деятель и публицист, участник борьбы САСШ за независимость, автор брошюр «Здравый смысл» и «Права человека», член Конвента в Париже и жирондист; умер в Нью-Йорке. У Лаврова — Пэйн.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВЫХ 24 НОМЕРОВ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД» ЗА 1875 ГОД

(Материал систематизирован по 5 рубрикам, а внутри рубрик расположен в хронологическом порядке)

1. Передовицы:

а) Современная адвокатура. Лондон, 27 (15) марта. № 6 от 20-III—1-IV, стр. 161—166. [Статья Н. Г. Кулябко-Корецкого].

Доказывается, что в России и вообще в современном строе адвокатура не может быть общественной справедливостью.

б) По санитарному вопросу. Лондон, 30 (18) апреля. № 8 от 19-IV—1-V, стр. 225—232. [Статья В. Н. Смирнова].

Об эпидемиях в России из-за социальной нищеты и о равнодушии к последней санитарных врачей.

в) Голодные и сытые. Лондон, 13 (1) мая. № 9 от 3—15 мая, стр. 257—264. [Статья В. Н. Смирнова].

О хроническом голодании крестьян в России и о возмутительном отношении к нему земцев и прессы.

Передовицы Лаврова см. в «Библиографии сочинений П. Л. Лаврова за 1875 год», те статьи, которые сопровождаются пометкой «Лондон» и датой.

2. Стихотворения:

а) Свидание. № 10, стр. 298. [Н. П. Огарева]. б) Новая песня. № 12, стр. 361—362. [П. Л. Лавров]. в) В память июньских дней 1848 г. № 13, стр. 399—400. [Автор неизвестен].

3. Статьи и корреспонденции о рабочем движении в России:

а) Одесский пролетариат. № 3 от 3 (15)-III, стр. 71—76. Две корреспонденции вместе с новейшими данными из «Правит. вестника» о положении рабочих в Одессе. Можно предполагать, что автор этих корреспонденций — Е. О. Заславский, переславший их через служившего на пароходе кочегаром Ляховича. (См. об этом указание у М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса. 1921, стр. 42).

б) Из Цюриха. Цюрих, 25-I 1875 г.

№ 3 от 3 (15)-III, стр. 76—78.

О прибывших в Цюрих двух русских рабочих: крестьянине С. В.

уроженце Яросл. губ., и финляндце К. А. из Петербурга, революционных пропагандистах Петербурга. Речь идет о С. И. Виноградове и К. А. Иванайнене.

в) Из села Александровского. (В 12½ верстах от Петербурга).

№ 6 от 20-III—1-IV, стр. 168—173.

Об Обуховском сталелитейном заводе и о положении на нем рабочих.

г) Из Иркутска. [Статьи Г. А. Лопатина].

№ 1 от 3(15)-IV, стр. 201—205; № 8 от 19-IV—1-V, стр. 244—248; № 10 от 20-V—1-VI, стр. 306—309; № 11 от 3 (15)-VI, стр. 334—339; № 12 от 20-VII—1-VIII, стр. 436—442 и № 16 от 20-VIII—1-IX, стр. 499—502.

О положении рабочих на приисках золотопромышленников и о губернаторе Синельникове и его попытках ввести «законные улучшения» в их положении.

д) Из жизни петербургского рабочего люда. Петербург, 23 марта (4 апреля) 1875 г.

№ 8 от 19-IV (1-V), 237 — 244.

О положении рабочих в мастерских на Петербургской станции Варшавской ж. д., на бумагопряд. фабрике Максвеля, на ткацкой ф-ке Шау, на Новой бумагопрядильне на Обводном канале, в «Т-ве латунного производства» на Выборг. стороне.

е) Еще из жизни петербургского рабочего люда. (Получено 4 мая).

№ 9 от 3 (15)-V, стр. 269—271.

Дополнения к предыдущей корреспонденции другого автора о положении рабочих на ф-ке Максвеля, Торнтона, Чеслера (Чешера?), на Семянниковском заводе; о положении женского труда в Америк. т-ве резиновой мануфактуры.

ж) Из жизни села Павлова. (Получено в мае).

№ 9 от 3—15-V, стр. 271—275.

О положении кустарей стальной и железной промышленности в с. Павлове, Горбатовского у., Нижегор. губернии.

з) Из корреспонденции.

№ 10 от 20 мая (1 июня), стр. 299.

О рабочем Мальцевской фабрики Коробове, арестованном в марте 1874 г. и вследствие жестокого с ним обращения в тюрьме убившем себя стулом.

и) Волнения на заводе Семянникова. (Получено 5 июня (24 мая) [1875 г.]).

№ 11 от 3 (15) июня, стр. 330—334.

О разгроме рабочими конторы Невского механич. завода Семянникова из-за невыплаты в срок жалованья рабочим перед пасхой; об арестах рабочих и суде над ними.

к) Из Бахмута. (Получено 15 июня [1875 г.]).

№ 12 от 19-VI (1-VII), стр. 372—374.

О стачке на чугунно-литейном заводе Юза в апреле 1874 г. (В Бахмутском у., Екатериносл. губ.)

л) Нечто о русском промышленном оазисе. 13 мая 1875 г.

№ 12 от 19-VI (1-VII), стр. 368—372.

О положении рабочих на заводах С. И. Мальцева в Брянском у., Орловской губ. и в смежных с ним уездах Калужской и Смоленской губ. [Статья П. Л. Лаврова].

м) Из Одессы. (Получено 20 (8) октября).

№ 20 от 20-X (1-XI), стр. 628—629.

О стачке рабочих на заводе «Беллино-Фендерих» в Одессе. Вов-

можно, что автор ее также Е. О. Заславский, напечатавший прокламацию по поводу этой стачки в своей типографии. (См. в указанной выше книге Сквери, стр. 39).

н) Серпуховское дело. 1 (13) октября.
О стачке на ткацкой фабрике Н. И. Коншина в Серпухове.
№ 22 от 19-XI (1-XII), стр. 685—689.

о) Из Астрахани. 15 (27) сентября.
№ 22 от 19-XI (1-XII), стр. 689—692 и № 23 от 3 (15)-XII, стр. 718—721.
О положении рабочих на соляных копях Баскунчакского озера.

п) Из Белостока.
№ 23 от 3 (15)-XII, стр. 721—726; № 24 от 19 (31)-XII, стр. 753—756.
О положении рабочих на фабриках в Белостоке.

4. Статьи и корреспонденции о рабочем движении за границей:

а) Новый фазис рабочего движения в Германии. № 1, стр. 23—26. [Об объединении лассальянцев и эйзенахцев]. б) Годовщина польского восстания 1863 г. № 3, стр. 87—90. [Отчет о собрании в Лондоне 23-I 1875 г. по поводу годовщины польского восстания 1863 г. с изложением речей Врублевского, Смирнова, Николича, Соловьева, Маркса, Лиссагаре, Франкеля, Судзиловского, Энгельса, Свенцицкого, Якубовского и Я. Кринского]. в) Смерть Светозара Марковича. № 5, стр. 151. [Заметка о смерти сербского социалиста]. г) Ливерпульский конгресс рабочих обществ. № 5, стр. 151—153, и № 6, стр. 183—185. [Отчет о конгрессе англ. трэд-юнионов и оценка его работы]. д) Светозар Маркович. № 7, стр. 211—213. [Биография Марковича и отклики на его смерть в сербской печати]. е) Проекты программы и организации «Немецкой рабочей партии». № 7, стр. 213—217. [Текст проектов и маленькое послесловие от редакции]. ж) Объединительный конгресс социал-демократов в Готе. № 11, стр. 339—344, № 12, стр. 373—376, № 15, стр. 477—480, и № 16, стр. 507—508. [Официальный отчет с примечаниями корреспондента «Вперед», присутствовавшего на конгрессе]. з) Рост социально-революционной прессы. № 22, стр. 698. [Заметка о появлении новых рабочих газет в Греции, Италии, Сербии, Мексике, Германии и на еврейском языке]. и) Речь Либкнехта по поводу новых налогов. № 23, стр. 727—729 и № 24, стр. 764—768. [Текст речи В. Либкнехта в германском рейхстаге]. к) Годовщина польского восстания 1830 г. № 24, стр. 757—764. [О лондонском собрании 4 декабря 1875 г. в память годовщины польского восстания 1830 г. Отрывки из писем Маркса и Энгельса собранию; речи Врублевского, Лаврова, чехов Ауманна и Ружички, немца Шлезингера, серба Петровича, В. Н. Смирнова, француза Вишара]. л) Корреспонденции о рабочем движении: из Вюрцбурга — № 11, стр. 344—345, № 14, стр. 441—443, и № 20, стр. 634—636; из Копенгагена — № 18, стр. 568—569, и № 21, стр. 670—671; из Кенигсберга — № 4, стр. 121—123; из Лейпцига — № 6, стр. 181—183, № 9, стр. 279—280, и № 10, стр. 311—316; из Нью-Йорка — № 20, стр. 636—637, и № 23, стр. 732—733; из Нюрнберга — № 21, стр. 667—670. [обещано «окончание в ближайшем номере», но его нет]; из Рима — № 11, стр. 345—349; из Румынии — № 12, стр. 379—381; из Сербии — № 12, стр. 376—379, № 14, стр. 443, № 17, стр. 533—538, № 21, стр. 671—672, и № 22, стр. 696—698. Телеграмма. [О Готском конгрессе] — № 10, стр. 320. Письма из Саксонии: 1) Народный праздник в Цвиккау — № 17, стр. 538—540, 2) Выборы в ландтаг — № 18, стр. 565—568, 3) Рабочие на каменноугольных копях — № 20, стр. 631—634, № 21, стр. 665—667, № 22, стр. 693—696, и № 23, стр. 730—732. м) Повести о народном горе [о положении рабочих масс]: 1) Австрия — стр. 28, 60, 123 и 182; 2) Америка — стр. 29, 153 и 200; 3) Англия — стр. 27, 60, 249, 282 и 383; 4) Германяи — стр. 28, 58, 155, 349; 5) Италия — стр. 284; 6) Турция — стр. 57; 7) Франция — стр. 383; 8) Швеция — стр. 157. н) Хроника борь-

бы [о политической и экономической борьбе рабочего класса]: 1) Австрия — стр. 91, 159, 256, 318, 415, 446 и 735; 2) Америка — стр. 32, 62, 93, 181, 221, 254, 285, 413 и 443; 3) Англия — стр. 31, 63, 94, 187, 251, 285, 381, 511 и 542; 4) Бельгия — стр. 63; 5) Германия — стр. 61, 127, 217, 286, 601 и 638; 6) Голландия — стр. 126 и 158; 7) Дания — стр. 64, 225, 444, 540 и 733; 8) Испания — стр. 30 и 541; 9) Италия — стр. 30, 95 и 127; 10) Китай — стр. 221; 11) Португалия — стр. 541; 12) Сербия — стр. 64, 126, 155, 316 и 508; 13) Турция — стр. 93 и 542; 14) Франция — стр. 30, 186, 220 и 446; 15) Швейцария — стр. 158, 185, 219, 448, 509 и 569; 16) Швеция — стр. 220, 444 и 735. о) Некролог. Фридрих Альберт Ланге — стр. 736. [П. Л. Лаврова].

5. Статьи и корреспонденции о событиях и о студенческом и народном движении в России.

1. Народ и студенчество (Мой отчет студентам ...ского университета) — стр. 13, 48, 84, 110, 174, 275, 310 и 474. [Статья Н. К. Судзиловского]. 2. Документ по внутренней политике русского правительства — стр. 41. 3. Глава из иностранной политики русского правительства — стр. 44. 4. Из истории арестов последнего времени — стр. 67. 5. Даниловское дело — стр. 107. [Статья Н. А. Морозова]. 6. Из истории последних студенческих волнений — стр. 135. 7. Из государственной деятельности графа Толстого — стр. 140. 8. Из литературного мира — стр. 173. 9. Письмо автору «Солдатчины» [В. Н. Смирнову] — стр. 199. 10. Еще мученик — стр. 231. 11. Новые жертвы — стр. 234. 12. Документ правительственной паники — стр. 234. 13. Преследования в юнкерском училище — стр. 267. 14. Факты пропаганды в народе — стр. 269. 15. Опять старый сотрудник — стр. 278. 16. Мартиролог нового времени — стр. 297, 399 и 617. 17. Очерк с натуры — стр. 363. 18. Разговор в остроге — стр. 366. 19. Из закулисной стороны Долгушинского дела — стр. 399, 403 и 435. 20. Из истории арестов и преследований — стр. 408. 21. Записка, разосланная графом Паленом, — стр. 459. 22. Письмо к графу Палену — стр. 487. 23. Еще документы правительственной паники — стр. 525. 24. Развязка Логишинского дела — стр. 530. 25. Общество вспомогательного фонда для политических преступников — стр. 532. 26. По поводу Дьяковского дела — стр. 552. 27. Косвенный продукт правительственной паники — стр. 563. 28. По Чигиринскому делу — стр. 692. 29. Из современной истории русских школ — стр. 716. 30. С птичьего полета; а) Вступление — стр. 617. б) Обыкновенные и высочайшие спекуляторы — стр. 618. в) Высочайшая нравственность — стр. 620. г) Императорский смотр — стр. 651. д) Заметки пропагандиста — стр. 652. е) Борьба с пропагандой — стр. 756. ж) Вонючие реформы и плевок Потапова — стр. 758. 31. Корреспонденции: из Белостока — стр. 559, 598, 624, 721 и 753; из Борисоглебска — стр. 627; из Вильно — стр. 503 и 659; из Вятки — стр. 554 и 753; из Гжатска — стр. 246; из Даниловского уезда — стр. 528 и 557; из Киева — стр. 436, 466, 470 и 630; из Луги — стр. 553; из Могилева — стр. 596; из Москвы — стр. 267, 410, 431 и 595; из Петербурга — стр. 3, 165, 166, 197, 263, 265, 299, 301, 327, 329, 361, 404, 497, 551, 713, 751 и 752; из Полтавы — стр. 658; из Самары — стр. 235; из Саксонии [о русских делах] — стр. 412; из Цюриха [о русских делах] — стр. 76; из Чернигова — стр. 303; из Южной России — стр. 663. Отрывки из писем — стр. 623 и 685. Известия из Брод и Кенигсберга [о русских делах] — стр. 267. 32. Из иностранных газет: а) Мнение англичанина об агитации в России — стр. 507; б) Мнение «Dziennika Polskiego» о социализме в России — стр. 533; в) Из варшавской корреспонденции «Gazety Narodowej» — стр. 566; г) Из русских корреспонденций в иностранных газетах — стр. 631. 33. Фельетон. Письмо помещика Мастодонтова к графу Толстому — стр. 419. 34. По разным вопросам: Из Тарнова (о секте Банася) — стр. 189—192. От редакции — стр.

и 224. Извещения корреспондентам — стр. 96, 224, 288, 352, 384, 416, 448, 480, 512, 544, 576, 608, 672, 704, 736 и 768. Библиографические известия — стр. 384 (о приготовлении к изданию под редакцией Н. Жуковского и П. Ткачева книги «Политические движения в России с 1825 по 1875 г.), 672 (о программе журнала «Набат» Ткачева) и 768 (о выходе «Капитала» Маркса на франц. яз., заметка П. Л. Лаврова).

II. СПИСОК ИНОСТРАННЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ, ДАННЫЙ В ГАЗЕТЕ «ВПЕРЕД»

Лавров придавал большое значение ознакомлению русских революционеров с рабочим социалистическим движением за границей. Поэтому он уделял много места и в журнале и в газете «Вперед» статьям и корреспонденциям о рабочем движении в Европе и в Америке. Значительнейшая часть известий «Вперед» о рабочем движении за границей составлялась сотрудниками Лаврова по иностранным рабочим газетам.

Лавров видел в факте печатной пропаганды рабочих социалистических газет «обстреливание твердыни существующего строя». Когда появлялась в какой-либо стране новая рабочая газета, он спешил поделиться с читателем «радостным известием» об этом факте. В № 22 «Вперед» в заметке «Рост социально-революционной прессы», сообщая о появлении пяти новых рабочих газет—в Греции, Италии, Сербии, Мексике и Германии, — Лавров добавляет: «Итак, международная батарея, обстреливающая твердыни существующего строя человеческого общества, усиливается почти одновременно в пяти совершенно различных пунктах; почти одновременно берутся за фитиль — греческий, итальянский, сербский, немецкий и мексиканский рабочие. Шлем вам свой привет и горячие пожелания всяких успехов, дорогие братья-товарищи! Напомним, кстати, читателю, что печатная проповедь социальной революции идет на 14 языках. Вот эти языки: немецкий, французский, итальянский, испанский, португальский, английский, датский, голландский, мадьярский, сербский, чешский, греческий, русский, украинский. Из самых достоверных источников можем сообщить, что в самом непродолжительном времени к числу этих языков присоединится 15-й, именно еврейский»...

Но Лавров желал, чтобы русские революционеры и сами читали иностранные рабочие газеты. В тюках, в которых пересылался «Вперед» и его русские издания, Лавров пересылал и много номеров «Volksstaat», органа германской социал-демократии. Во всяком случае Лавров желал, чтобы русские революционеры и рабочие, попавшие временно за границу, читали иностранную социалистическую рабочую печать, покупая ее.

Только этим желанием Лаврова можно объяснить тот факт, что в конце 1875 г. он дал в своей газете «Список социалистических газет» с обозначением места их издания, адресов и стоимости абонемента на 3 месяца.

Для исследователей международного рабочего движения эпохи 1870-х годов список этот имеет самостоятельный интерес. Для исследователей Лаврова список имеет то значение, что показывает, какими иностранными газетами пользовался Лавров и его сотрудники для составления хроники рабочего движения за границей.

Список систематизирован самим Лавровым по языкам.

1. На сербском языке

Братство. Вршац (Versecz, Австрия). Еженедельник. 1 флорин за 3 месяца. В дальнейшем цены указаны всюду за 3 месяца; исключения оговорены).

Народна Вольа. Смедерево (Сербия). Еженед.
Старо Ослободьенье. Крагуjевац (Сербия). 3 раза в неделю. 3 флор.

2. На чешском языке

Budoucnost. Прага (Богемия). — 2 р. в мес.; 60 кр.
Delnické Listy. Прага. — 2 р. в м.; 48 кр.

3. На немецком языке

Allgemeine Buchbinder-Zeitung, орган союза переплетчиков. Лейпциг. — Еженедельно; 1 марка.
Arbeiterfreund. Рейхенберг (Богемия).— Два раза в месяц.; 50 крейцеров.
Arbeiter-Wochen-Chronik; Будапешт (Trommelgasse, 96).—Еженедельно; 60 кр.
Berliner Freie Presse; Берлин. — 6 раз в нед.
Bote, орган жестяников. Гамбург. — 2 раза в месяц; 60 пф.
Botschafter, орган союза табачных рабочих. Лейпциг. Еженед.; 50 пф.
Braunschweiger Volksfreund. Брауншвейг. — 6 раз в нед.; 2 м.
Chemnitzer Freie Presse. Хемниц (Саксония). — 6 раз в нед.; 1.80 пф.
Chemnitzer Raketen (Die), сатирический листок. Хемниц. — Еженедельно.
Correspondent für Deutschlands Buchdrucker und Schriftgiesser. Лейпциг. — 3 р. в нед.; 1.50 пф.
Correspondent (Der), орган шляпников. Лейпциг.
Crimmitschauer Bürger und Bauernfreund. Криммичау (Саксония) — 6 р. в нед.; 1.50 пф.
Dresdener Volksbote. Дрезден. — 3 раза в нед. 1.50 пф.
Eulenspiegel, сатирический листок. Майнц. — Еженедельно.
Genossenschafter (Der), орган рабочих золотых дел. Пфорцгейм— 2 р. в нед.; 1 м.
Glauchauer Nachrichten. Глаухау (Саксония). — 2 р. в неделю.
Gleichheit, орган социально-демократической рабочей партии в Австрии, Винер-Нейштадт (Pognergasse, № 8). — Еженед.; 15 кр.
Grundstein, Орган строительных рабочих. Берлин.— 2 р. в м.; 30 пф.
Grütlianer, орган союза „Грютли". Винтертур (Швейцария). — Ежен.; 1 пф.
Hamburger-Altonaer Volksblatt. Гамбург (Hohe Bleichen, 42).— 3 р. в нед; 3 м.
Leuchtkugeln (Die), сатирический листок. Брауншвейг. — Еженед.
Neue Offenbacher Tageszeitung. Оффенбах. — 6 р. в нед.; 2.50 пф.
Neuer Social-Demokrat, орган социалистической рабочей партии Германии. Берлин. (S.O. Kaiser Franz-Grenadier-Platz, 8a). — 3 раза в нед.; 3 марки.
Neue Welt (Die), иллюстрированный беллетристический орган социалистической рабочей партии Германии. — Лейпциг (Genossenschaftsbuchdruckerei, Färberstrasse, 12, II). — Ежен.; 1.20 пф.
New-Yorker Social-Demokrat, орган социально-демократической рабочей партии Сев. Америки. Нью-Йорк (New York, 17 Forsyth-street). Еженед.
Nürnberg-Fürther Social-Demokrat, орган социалистической рабочей партии Германии. Нюрнберг (Obere Schmiedgasse, 445). 3 р. в нед.; 1.30 пф.
Pionier, орган немецких плотников. Берлин. — 2 р. в мес.; 1.20 пф.
Sennefelderbund (Der), орган литографщиков. — Нюрнберг (Бавария). — Ежем.

Socialist (Der). Мильвоки (Висконсин. САСШ).
Süddeutsche Volkszeitung. Штуттгарт.—2 р. в неделю; 1.30 пф.
Tagwacht, орган швейцарского рабочего союза. Цюрих(Neumünster).—2 р. в нед; 1 80 сант.
Türinger Freie Presse. Апольда.—Ежен.; 75 пф.
Union (Die), орган соединенных обществ сопротивления Германии. Гамбург.—Еженед., 60 пф.
Volksstaat (Der), орган социалистической рабочей партии Германии. Лейпциг (Färberstrasse 1-2, II) 3 раза в неделю; 1.80 пф.
Vorbote, орган рабочей партии Иллинойса. Чикаго (94, Sout), Market-street).—Еженед.; 60 центов.
Wecker, орган немецких сапожников. Гота.—2 р. в мес.; 30 пф.
Westfälische Freie Presse. Дортмунд.—3 р. в нед.; 1.30 пф.
Zeitgeist. Мюнхен.—6 р. в нед.; 1.80 пф.

4. На французском языке

Ami du Peuple (L'), орган люттихской федерации «Международной ассоциации рабочих». Бельгия. Люттих (Rue du Palais, 54).—Еженед.; 1 фр.
Bulletin de l'Union républicain de langue française. Нью-Йорк (16, Catharinstreet).—Еженедельно.
Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Association Internationale des travailleurs. Шо-де-Фон, Швейцария. (39. Rue des Arts, Chaux-de-Fonds, canton de Neuchatel). — Еженед.; 2 фр.
Bulletin de la Commune, par Cluseret, Gambon et Fesnau, Женева.
Mirabeau (La), орган бельгийских секций Интернационала. Вервье (15, rue Saint Antoine). - Еженед.; 1 фр.
Perseverance (La), орган синдикального союза мраморщиков и каменотесов Бельгии. Шербек (144, rue Jolly, Schaerbeck),—Ежем.; 25 сант.

5. На итальянском языке

Agitatore (La). Лугано (кантон Тессин, Швейцария).—2 р. в неделю.
La Lince. Палермо (Via Bandiera, № 76, 3º piano).—Еженедельно.
Nomade (Il). Палермо. — Еженедельно.
Plebe (La). Милан. — 6 раз в неделю.
Secolo XIX (Il) Палермо.
Tribuno (Il) Салерно. — 2 раза в неделю.

6. На испанском языке

Revista social. Барселона (Испания).
Socialista (El). Еженедельник для защиты рабочего класса. Мексика.

7. На португальском языке

O'Protesto. Лиссабон (Rua do Bemformoso, № 110, 2. Lisboa).—Еженедельно.

8. На датском языке

Social-Demokraten, орган социалистической рабочей партии Дании. Копенгаген (Ravnsborggade, 21, 1-ste sal i Mellembygningen). — 6 раз в нед.;-2 кроны 60 эр.

9. На фламандском языке

De Werker. Антверпен (Бельгия). — Еженед.

10. На голландском языке

Tolk (De). Роттердам (Голландия). — Ежемесячно.
Werkman (De), орган рабочих корпораций. Амстердам. — Еженед.

11. На греческом языке

Frgates. Афины.

12. На венгерском языке

Munkàs-Heti-Kronika, орган венгерских рабочих. Будапешт. — Еженед.; 60 кр.

13. На английском языке

National Labour Tribune. Питтсбург (Пенсильвания, Соед. штаты). — Еженед.

БИБЛИОГРАФИЯ
СОЧИНЕНИЙ П. Л. ЛАВРОВА И О НЕМ ЗА 1875 г.

В 1875 г. литературная работа Лаврова ограничивается почти исключительно газетой «Вперед», которая выходила аккуратно каждые две недели. К большинству номеров Лавров писал передовые статьи, во многих писал статьи по отдельным вопросам и все номера тщательно редактировал. К тому же, кроме статей во «Вперед», написаны Лавровым предисловие и примечания к «Общественной службе в будущем обществе», целая книга «Государственный элемент в будущем обществе» и выпущены в свет народные издания: «Сказки о Мудрице Наумовне», «Изнанка» и «Внушителя словили», которые тоже прошли через редакцию Лаврова. Естественно, что для работы в легальных журналах России у Лаврова оставалось мало времени. Вышла только в Петербурге без подписи его книга «Опыт истории мысли», составившаяся из статей, напечатанных еще в 1874 г. в «Знании», и в том же «Знании» в 1875 г. напечатана без подписи статья Лаврова «Жизнь и ее начало».

Нумерация произведений Лаврова является продолжением нумерации библиографии I и III томов. Все статьи с обозначением «Лондон» и с датой означают передовицы.

179. [Де-Пап, Цезарь]. Общественная служба в будущем обществе. Две записки, представленные на Брюссельский конгресс Международной ассоциации рабочих в 1874 г. Перевод с французского с предисловием и примечаниями П. Л. Лаврова. Изд. журнала «Вперед». Лондон. Типогр. не указана. 1875. Стр. XIII + 90.

Кроме предисловия П. Л. и записки Де-Папа, здесь напечатан в приложении и отчет Женевской секции пропаганды «Кто и каким образом будет отправлять общественную службу в будущем обществе». В предисловии и примечаниях П. Л. дает критику этих записок, написанных в анархическом духе, и принципиально ставит некоторые вопросы социализма.

Перепечатано: Пгр. Изд. «Колос». 1919. Стр. XIV + 135.

180. Опыт истории мысли. «Знание». 1874, №№ 1, 2, 8 и 9, стр. 1—164 (отдельная пагинация). Вышло отдельной книгой: Опыт истории мысли. Том I. Вып. 1. Спб. 1875. Стр. 162. Без подписи.

О формах проявления мысли, о роли мысли в истории, о необходимости в истории, о существенном содержании истории; о столкновении элементов мысли в истории; подготовление человека, выделение человека, антропологическая религиозная мысль, обособленные религии и цивилизации; цивилизации греческая, средневековая, новоевропейская; период социологической мысли; обзор материалов по истории мысли.

Рец.: Никитин, П. [Ткачев]. Роль мысли в истории. «Дело». 1875, № 9, стр. 75—98, и № 12, стр. 325—352. (Отношение к П. Л. как к эклектику; об экономических отношениях как нерве истории). Перепечатано в избранных сочинениях П. Н. Ткачева под ред. Б. П. Козьмина в издании 1932 г., том III.

В Библиотеке Академии наук СССР имеется экземпляр этой книги Лаврова с надписью печатными крупными буквами по-русски: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения». Из этой книги имеется цитата в «Диалектике природы» Фридриха Энгельса.

Статьи из газеты «Вперед» за 1875 г.

181. Новый 1875 год. Лондон, 13 (1) января 1875 года № 1 от 3 (15) янв., стр. 2—4.

Приветствие преследуемым в России революционерам; указание, что борьба за социализм идет во всем мире.

182. Студенческие волнения. № 1 от 3 (15) янв., стр. 7—13; № 3 от 3 (15) февр., стр. 78—84.

О волнениях студентов в Медико-хирургической академии, Технологическом и Горном институтах (цитируются корреспонденции оттуда); об отношении к ним правительства, общества и прессы; выяснение политического смысла этих волнений; призыв к студентам пойти на путь социальной революции.

183. Гниль старого и рост нового. № 1 от 3 (15) января, стр. 15—22.

О проворовавшемся вел. князе Николае Константиновиче, объявленном сумасшедшим; об отношении правительства к самоуправлению столицы; о 4-м съезде сельских хозяев в Харькове; об отношении к школам славянофила—князя Черкасского; о несчастном положении народа, как он страдает от всесословной воинской повинности, как его мучают исправники, помещики и т. д. в разных местах России; как на Балтийском железно-судостроительном и механическом заводе и в Казани на заводе заставляют малолетних работать в ночную смену; о самоубийствах среди крестьян; о злоупотреблениях интеллигенции в самоуправлении и в судах; о волнениях в разных местах России крестьян, о подавлении их, об обращении с арестованными.

184. Русские либералы и консерваторы. Лондон, 27 (15) января 1875 г. № 2 от 20-I (1-II), стр. 33—36.

О бессилии либералов постоять за права, даже легально данные, и о единственном светлом представителе прошедшего — Гарибальди.

185. Свобода русской печати. № 2 от 20-I (1-II), стр. 35—41.

Приводятся две корреспонденции о преследовании цензурой журналов «Знание», «Отеч. записки», «Вестник Европы», романа Омулевского «Шаг за шагом», газеты «С.-Петерб. ведомости»; предлагается либералам создать свои органы печати за границей.

186. Гниль старого и рост нового. № 2, стр. 51—58.

О новогодних ликованиях официальной России и русских либералов и консерваторов; о погроме высших учебных заведений и печати, о сибирской ссылке; об ужасном состоянии обеих столиц; об огромных размерах движения в народ; дополнения об арестах в Данилове; приветствие новому революционному органу «Работник».

187. Рабочий вопрос в России и повсюду. Лондон, 13 (1) февраля 1875 г. № 3 от 3 (15)-II, стр. 65—68.

О постановке на очередь рабочего вопроса в России и в европейских странах.

188. Политическое безлюдье. Лондон, 27(15) февраля 1875 г. — № 4 от 17-II (1-III), стр. 97—100.

О том, что способных государственных людей нет и не может быть ни в царской России, ни в других буржуазных странах, и о причине этого.

189. Валуевская комиссия и русская пресса. № 4 от 17-II (1-III), стр. 96—106.

О комиссии «для рассмотрения законодательных проектов о найме рабочих и прислуги» и об отношении к ней русской легальной печати.

190. Гниль старого и рост нового. № 4, стр. 113—122.

О «мудрых» финансовых операциях правительства; о Брюссельской конференции и проекте международных военных правил; об обращении униатов; о нормальном уставе общественных собраний; о Валуевской комиссии и найме рабочих; о скудости государственной мысли в Империи; о русском милитаризме; о новых судах; о поэте-цензоре Полонском; о газете «Спб. ведомости»; о дворянстве и земстве; о положении крестьян и рабочих и об их эксплоатации.

191. Парижская коммуна. Лондон, 13 (1) марта 1875 г. — № 5 от 3 (15)-II, стр. 129—134.

18 марта не должно быть забыто, так как тогда в первый раз в истории пролетариат выдвинул для управления государством своих собственных людей. Причина падения Коммуны в том, что она не была достаточно социальной и твердой в борьбе с буржуазией.

192. Гниль старого и рост нового. № 5, стр. 144—150.

Об успехе революционной пропаганды в России; корреспонденция об арестах революционеров; о гнили дворянства в Москве; о брошюре графа Орлова-Давыдова о земледелии и землевладении; о литераторе Максимове и его «Бродячей Руси»; о положении рабочих и крестьян в разных местах России.

193. Гниль старого и рост нового. № 6 от 20-III (1-IV), стр. 177—182.

О проекте всесословной волости петербургского дворянства; о мировых посредниках и уездных присутствиях; о выборах непременных членов в земстве.

194. Ученые агрономы. Лондон, 13 (1) апреля 1875 г. № 7 от 15-IV 1875, стр. 193—198.

Доказывается против либералов-публицистов, что мелкое хозяйство не может устоять против крупного и что единственный исход — в уничтожении как формы крупного, так и формы мелкого частного хозяйства и в превращении их в общенародное.

195. Гниль старого и рост нового. № 7 от 3(15)-IV, стр. 205—212.

О голоде среди крестьян в разных местах России, о падеже скота; о росте недоимок и жестком сборе их; о взяточничестве; о волнениях в Уральском казачестве; о безобразных кутежах великих князей; об арестах революционеров и о волнениях крестьян.

196. Жизнь и ее начало. «Знание». 1875, № 4, стр. 53—88. Без подписи.

О развитии жизни на земле и подготовке мыслящего организма и человека.

Рец.: Попов, В. А. О самозарождении организмов. «Православный собеседник». 1877, № 5, стр. 32—63.

Перепечатано в «Собр. соч. П. Л.». Серия III. Вып. I. Пгр. 1918.

197. Слухи о войне. Лондон, 2(15) мая. Газета «Вперед» № 10 от 20-V (1-VI), стр. 289—297.

О результатах войн последнего времени, от которых выигрывали не победители, а побежденные, и о необходимости использовать всякую войну для пропаганды социальной революции.

198. Готовящийся процесс. Лондон, 13(1) июня 1875 г. — № 11 от 3(15)-VI, стр. 321—326.

О процессе 193-х и об условиях, в которых он готовится, об адвокатах и о возможном значении процесса для успеха социальной революции.

199. Наша сила. Лондон, 27 (15) июня 1875 г. № 12 от 19-VI (1-VII), стр. 353—361.

По поводу статьи Щербаня о «Вперед» в № 137 «Моск. ведомостей». О скромных денежных средствах «Вперед» и об огромном сочувствии ему в массах.

200. Нечто о русском промышленном оазисе. № 12 от 1-VII, стр. 368—372. Дата: 13 мая.

О росте русской буржуазии и о положении рабочих на заводах С. И. Мальцева. (Статья написана самим Лавровым на основании печатных материалов, как видно из самой статьи, где он говорит о себе в первом лице).

201. Социально-революционная и буржуазная нравственность. Лондон, 13 (1) июня. и № 13 от 3(15)-VII, стр. 385—399.

По поводу циркуляра министра народного просвещения гр. Толстого против революционеров. Нравственность революционеров есть справедливость. В основе её — общий труд на общую пользу, борьба против хищнического капитала, жизнь трудом, оставляя себе лишь необходимое.

202. Социалистическая и буржуазная наука. Лондон, 27(15) июля, № 14 от 20-VII (1-VIII), стр. 417—432.

Нынешная наука играет жалкую роль, будучи непоследовательна в мысли, в методе и в систематическом целом и будучи далека от жизни. Мы хотим, чтобы всякий работник физического труда был в то же время работником мысли, посвящая свои досуги ученым открытиям.

203. Два важные документа. Лондон, 13(1) августа, № 15 от 3(15)-VIII, стр. 449—460.

Об отчете о процессе русских революционеров Дьякова, Сирякова и др. и о записке, разосланной графом Паленом (министром юстиции), о революц. пропаганде; о пропаганде революционеров в России.

204. Исторический фатализм. Лондон, 27(15) августа. № 16 от 20-VIII (1-IX), стр. 481—488.

Югославянская война во имя старых идеалов национальной независимости, государственной автономии и христианской церкви заглушает проповедь единственно святой войны — против капиталистов.

205. Социализм и борьба за существование. Лондон, 13(1) сентября, № 17 от 3 (15) сент., стр. 513—526.

Против дарвинистов Зейдлица, Бира и Гельвальда, утверждающих, что все борющиеся партии одинаково правы. Люди выработали инстинктивную солидарность как оружие в борьбе за существование общества. Социализм требует прекращения борьбы за существование *внутри* человечества. По поводу этой статьи Энгельс в письме к Лаврову от 12-XI 1875 г. выражает с ней согласие по существу, делая замечания только о частностях. См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. Изд. 6-е. М. 1933, стр. 224—226.

206. Новый разгул сыщиков. Лондон, 27(15) сентября № 18 от 19-IX (1-X), стр. 545—552.

Об арестах революционеров в Москве и др. городах и бессилии русского правительства и буржуазии против пропаганды революционеров.

207. Александр Иванович Герцен. Сочинения А. И. Герцена, с предисловием. Т. I.

Женева. Изд. Г. Георга, 1875 г. — № 18 от 1-X (19-IX), стр. 573—576; № 19 от 15(3)-X, стр. 605—608, № 22 от 1-XII (19-XI), стр. 697—

704. Обещано продолжение в «ближайшем номере», но ни в «ближайшем», ни в дальнейших номерах продолжения статьи нет.

О значении Герцена, как социалиста. Много цитат из Герцена.

208. Рабочий социализм. Лондон, 13(1) октября. № 19 от 3(15)-X, стр. 577—594.

Против фельетонов об «Упразднителях современного общества» Евг. Маркова в газете «Голос». Объяснение, что социализм есть требование солидарности всего человечества. Его задача не ограничивается материальным благосостоянием, а требует всестороннего гармонического развития для человечества на основе общего труда на общую пользу. Двигателем рабочего социализма мог сделаться лишь рабочий класс.

209. Рабские привычки. Лондон, 27(15) октября. № 20 от 20-X (1-XI), стр. 609—616.

О двух заявлениях русских либералов Стоюнина и кн. Васильчикова о положении школ в России и об их боязни всякой искренней постановки вопросов педагогии.

210. Диагноз и рецепты общественных медиков. Лондон, 13(1) ноября. № 21 от 3(15)-XI, стр. 641—652.

О передовых статьях либеральной газеты «Голос» по поводу революционной пропаганды в России. Они ставят верно диагноз общественных болезней, но рецепты предлагают негодные. Настоящий рецепт только у партии социальной революции.

211. Ответ русскому конституционалисту. № 21 от 3(15)-XI, стр. 655—658.

Вначале приведено и письмо из Парижа «русского конституционалиста», занимающее ¼ статьи. Автор письма—В. А. Гольцев, критикующий основы революционного народничества. Перепечатано в «Былом», Париж, 1910 г., № 13, стр. 78—81, по поводу появившегося сборника автографов, где Гольцев упоминает о своем письме в «Вперед».

212. Ученые фантазии либеральных оптимистов. Лондон, 27(15) ноября. № 22 от 19-XI (1-XII), стр. 673—686.

О нескольких страницах «Внутр. обозрения» «Вестника Европы», успокаивающих читателей относительно возможности успеха социально-революц. пропаганды в России. Экскурс в область истории Новгорода и Украины. О социальной борьбе в России. О неверии народа в царя.

213. Социализм и историческое христианство. Лондон, 13(1) декабря, № 23 от 3(15)-XII, стр. 705—714.

Доказывается, что между историческим христианством в его самых чистых, первобытных формах и *нашим* рабочим социализмом нет и не может быть ничего общего.

214. Некролог. Фридрих Альберт Ланге. № 23 от 3(15) дек., стр. 736.

Краткая биография Ф. А. Ланге, указание, что он не был революционером и искал мирного решения социального вопроса, но сочувствовал рабочему классу. Рекомендуется его «История материализма».

215. Минувший год. Лондон, 27(15) дек., № 24 от 19(31)-XII, стр. 737—752.

Доказывается, что «во всем цивилизованном мире совершается тот же процесс все растущего подчинения всех общественных вопросов вопросу денежному»; обзор политич. событий в России, Германии, Франции, Англии; об Интернационале, который ослабел, но мысль о котором среди рабочих растет; преследования в России также не сломили революционеров.

216. Речь на собрании 4 дек. 1875 г. в Лондоне в годовщину польского восстания 1830 г. № 24, стр. 760—761.

Международный социализм — завершение всей предыдущей истории. Приветствие борцам за польскую независимость, поскольку они подготовили борьбу современного пролетариата.

217. Государственный элемент в будущем обществе. «Вперед». Том IV. Вып. I. Издание и наборня журнала «Вперед». Лондон. 1876. [На обложке — 1875]. Стр. VIII+199. Без указания автора.

Книга отвечает на 5 вопросов: 1) в чем сущность государственного элемента, 2) почему в буржуазном строе он противоречит началам рабочего социализма, 3) исчезнет ли этот элемент в социалистическом строе, 4) нужен ли он на другой день после социальной революции и 5) нужен ли он накануне социальной революции при организации партии и при организации последней борьбы с капитализмом и государством.

Перепечатано в «Собр. соч. П. Л.». Серия VI. Вып. VII. Пгр. 1920. Стр. 244.

Рец.: Кульчицкий, Л. Взгляды Лаврова на государство в настоящем и будущем — в его книге «Современный анархизм». Перевод с польского С. Штерн. Спб. 1907, стр. 83—91.

Мильштейн, А. А. Элементы научного социализма в учении П. Л. Лаврова. Труды Вятского педагогического института им. В. И. Ленина. Том II, вып. I. Вятка, 1927, стр. 113—123.

Книжник-Ветров, Ив. П. Л. Лавров, 2-е изд. М. 1930, стр. 125—126.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Цифры означают страницы; курсивом обозначены страницы, где о данном лице даны, кроме упоминаний, и краткие сведения. Иностранные имена даны в конце).

Августа — 31, *401*.
Алакок, М. — 93, *404*.
Александр I — 33.
Александр II — 19, 23, 39, 94, 199, 202.
Александров, Д. А. — 84, 86, 87, 403, *404*.
Алексей Михайлович — 407.
Алексей Федорович — 179.
Аносов, Н. М. — 112, *405*.
Апперт — 204.
Аракчеев — 89.
Аргонавты — 234.
Ариосто — 410.
Арним, К. — 20, 204, *400*.
Ауманн — 415.
Ахилл — 233.

Байер, К.-Э.-Р. — 405.
Баймаков, Ф. П. — 44, *402*.
Бакунин, М. А. — 124, 129, 409, 410, 412.
Бальзак, О. — 126, *406*.
Банась — 416.
Барятинский, А. И. — 19, *400*.
Батюшкова, В. Н. — 111, *405*, 406.
Беккер, И. Ф. — 211, 409.
Белинский — 34, 35, 123—125, 127—130, 132, 174.
Беллино-Фендрих — 414.
Бен — см. Бэн, А.
Бенкендорф, А. Х. — 126, *406*.
Беранже — 409.
Берт — 410.
Бибиков, П. А. — 203, *409*.
Бир, Р. — 100, *405*, 423.
Бисмарк — 15, 20, 23, 33, 171, 204, 292, 400, 411.
Блан, Л. — 33, 296.
Блюхер, Г.-Л. — 33, 401, *402*.
Бобринский, А. А. — 19, *400*.
Бонапарт — 15, 21.
Боткин, С. П. — 157, *407*.
Брадлоу — 21, *400*.
Брайт — 20, 400.
Бредло — 21, *400*.
Броун, Д. — 34, *402*.
Бруно, Д. — 184.
Брюховецкий, И. М. — 177, *407*.
Буняковский, В. Я. — *403*.
Бурбоны — 15.
Бутлеров, А. М. — 74, *403*.
Бэкон — 409.
Бэн, А. — 28, *401*.
Бюшэ — 187.

Валуев — 19, 20, 422.
Вальстер, О.-А. — 45, *403*.
Варлен — 24, 26.
Василид — 408.
Васильев, А. — 404.
Васильчиков, А. И. — 151, 154, 155, 157, 424.
Вейтлинг, В. — 187, *408*.
Веллингтон, А. У. — 24, 33, *401*, 402.
Виктор Эммануил — 95.
Виктория, кор. — 21, *411*.
Вильгельм I — 31, 401.
Виндишгрец, А.-Ф. — 68, *403*.
Виноградов, С. И. — 414.
Вишар — 415.
Вольтер — 119, 126, 127, 184, 406, 408.
Вольф — 284.
Врублевский — 415.

Габсбурги — 94.
Гайнау — 68.
Гамбетта — 33, 93, 204.
Гарибальди, Д. — 17, 18, 22, 95.
Гарусов, И. Д. — 157, 198, *407*.
Гассельман — 224.
Гаутон — 28.
Гебер, Ж. Р. — 26, *401*.
Гегель — 129, 130, 381.
Гейнс — 412.
Гельвальд, Ф. — 100, *405*, 423.
Георг, Г. — 116, 423.
Герасимов, В. Г. — 86, 87, 403, *404*.
Гердер, И.-Г. — 284, *411*.
Герцен, А. И. — 34, 35, 116—133, 174, 404, 406, 408, 423, 424.
Гете — 126.
Гизо — 24.
Гильом, Д. — 410.
Гильфердинг, А. Ф. — 174, 175, *407*.
Гладстон — 20, 93, 400.
Гоголь, Н. В. — 124, 127, 131.
Гольбах — 127.
Гольцев, В. А. — 407, 424.
Горчаков — 31, 35, 199, 200.
Грановский, Т. Н. — 123, 174, *406*.
Грей, Н. — 412.
Густав III — 189, *408*.

Давыдов — 402.
Дантон — 26, 187.
Дарвин, Ч. — 74, 103, 110.
Демиург — 191.
Де-Пап, Ц. — 7, 12, 223, 284, 399, 410, 411, 420.
Джабадари — 404.
Дидро, Д. — 127.
Дизраели — 21, 23, 205, 400.
Дмитриева, Е. — 409.
Дмоховский — 404.
Добролюбов, Н. А. — 34.
Добрыня Никитич — 233, *410*.
Долгушин, А. В. — 84, *404*, 416.
Донецкий, В. Ф. — 199, *408*.
Дорошенко, П. Д. — 177, 407.
Дьяков, В. М. — 85—87, *403*, 404, 416, 423.
Дюкро, О.-А. — 97, *405*.
Дюринг, Е. — 287, 291, *411*.

Евреинов, А. Г. — 84, *403*.
Екатерина II — 89.

Жанна д'Арк — 95, *405*.
Жихарев, С. С. — 38, 111, 157, *402*.
Жуковский, В. — 125.
Жуковский, Н. И. — 417.
Жэкэ — 45, 47, 74, *402*.
Жюдик, А. — 41, *402*.

Заславский, Е. О. — 413, 414.
Зейдлиц, Г. — 99, 405, 423.
З—ий, И. — 52.
Зорин — 84, *404*.

Иван Грозный — 80, 176.
Иванайнен, К. А. — 414.
Иванов, Л. А. — 112, 406.
Игнатьев Н. П. — 199, *409*.
Иисус — 190—192.
Иоанн, ап. — 189, 191.
Ириней — 191, *408*.
Искандер — 128, 131, *406*.

Кабэ, Э. — 187, 188, *408*.
Казимир III — 177, *407*.
Канкрин, Е. Ф. — 20, *400*.
Каннинг, Д. — 20, *400*.
Каннинг, Ч. — 20, *400*.
Карагеоргиевич, А. — 94, *404*, 405.
Карагеоргиевичи — 94, *404*, 405.
Карагеоргий — 404.
Каракозов — 35.
Карл Великий — 403, 410.
Карл I Стюарт — 189, *408*.
Катков, М. Н. — 34, 44—47, 157, 195, 201, 402.
Клеман, Э.-Л. — 24, *401*.
Ключарев, А. И. — 185, *407*.
Клячко, С. — 412.
Книжник-Ветров, И. — 425.
Кобден, Р. — 20, *400*.
Козьмин, Б. П. — 421.
Кольб. Г.-Ф. — 56, *403*.
Кольцов, А. В. — 124.
Конт, О. — 131, 402, 403.
Коншин, Н. И. — 415.
Коробов — 414.
Кравчинский, С. М. — 406.
Кремер, У. Р. — 410.
Кринский, Я. — 415.
Крукс, В. — 74, *403*.
Ксеркс — 95, *405*.
Кульчицкий, Л. — 425.
Кулябко-Корецкий, Н. Г. — 413.
Курочкин, В. С. — 203, *409*.

Лабулэ, Э.-Р.-Л. — 32, *401*.
Лазарь — 193.
Ланге, Ф. А. — 424.
Ламармора — 204.
Ласкер — 20.
Лассаль — 210, 213, 217, 222.
Леверрье, У.-Ж.-Ж. — 32, *401*.
Ленин, В. И. — 425.
Леонтьев — 45, 47.
Лермонтов, М. Ю. — 124.
Либкнехт, В. — 113, 224, 415.
Линев, И. Л. — 412.
Линкольн, А. — 34, *402*.

Линч — 327, 411.
Лиссагаре — 415.
Литтре, Э. — 33, 75, *402*.
Лонгинов — 204.
Логишин — 416.
Лопатин, Г. А. — 414.
Любимов — 201.
Людовик XIV — 382, 412.
Людовик XV — 263.
Людовик XVI — 189, *408*.
Ляхович — 413.

Мадзини — 95.
Майков — 204.
Макдональд, А. — 410.
Мак-Магон — 22, 23, 33, 97.
Максвель — 414.
Максим Петрович — 89.
Максимов, С. В. — 422.
Малиновский, А. А. — 199, *409*.
Мальтус — 409.
Мальцев, С. И. — 52, 54—58, *403*, 414, 423.
Маркевич, Б. М. — 46, *402*.
Марков, Е. Л. — 134—138, 159, *406*, 424.
Маркович, С. — 415.
Маркс, К. — 196, 290, 364, 402, 405, 408, 411, 415, 421.
Мастодонтов — 134, *406*, 416.
Меркулов — 402.
Меттерних — 20, 33, 200, 400.
Мещерский, В. П. — 84, 195, 201, *404*.
Милль, Д. С. — 131.
Милош, О. — 404.
Милютин, Д. А. — 19, 199, *400*.
Митрофания — 46, 196, *402*, 408.
Михайлов — 35.
Молох — 235, 327.
Моль, фон, Р. — 175, 217.
Мольер — 382, *412*.
Мольтке — 33.
Монтескье — 127.
Мор, Т. — 188.
Мордвинов — 20.
Мори, Л.-Ф.-А. — 32, *402*.
Морозов, Н. А. — 416.
Муравьев (вешатель) — 34, 204.
Мясоедов, П. А. — 52—54.

Наке, А. — 205, *409*.
Наполеон I — 80, 401, 402.
Наполеон III — 22, 24, 68, 200, 401, 406.
Нерон — 176.
Нессельроде, К. В. — 20, *400*.
Никитин, П. — см. Ткачев, П. Н.
Николай Константинович — 421.
Николай Николаевич (старший) — 37.
Николай I — 33, 34, 165, 200, 406.
Николай Черногорский — 94, *405*.
Николич — *415*.
Новицкий, В. Д. — 402.
Новосельский — 84, *404*.

Обреновичи — 94, *404*.
Овсянников — 196, 408.
Огарев, Н. П. — 119, 130, 413.
Оджер — 410.
Оливье, Э. — 32, 401.
Омулевский — 421.
Ордынер, Ф. — *409*.
Орлов-Давыдов — 422.
Отто-Вальстер, А. — см. Вальстер.
Оуэн, Р. — 134, 136, *406*.
Оффенбах, Ж. — 141, *406*.
Оффенгейм — 56.

Павел, ап. — 189, 190.
Павел I — 89, 189.
Пален, К. И. — 58, 59, 73, 88, 111, 134, 157, 172, 199, *403*, 416, 423.
Папин — 404.
Парадоль — см. Прево-Парадоль.
Патти — 41.
Пенди, Л.-Ж. — 24, *401*.
Перикл — 80, *403*.
Петр, ап. — 189, 190.
Петр I — 178.
Петр III — 179.
Петрович — 415.
Пиа, Ф. — 22.
Пий — 93.
Пирогов, Н. И. — 157, *407*.
Питт, В., младший — 20, *400*.
Питт, В., старший — 20, *400*.
Платон — 79, 188.
Плимсоль — 205.
Плотников — 404.
Плятер, В. — 97, *405*.
Покелен, Ж.-Б. — 412.
Полонский, Я. П. — 204, 422.
Попов, В. А. — 422.
Потапов — 416.
Прево-Парадоль, Л.-А. — 32, *401*
Пристлей, Д. — 184, *407*.
Прудон, П.-Ж. — 131, 409.
Пугачев, Е. — 179.
Пушкин, А. С. — 124, 125, 127.
Пыпин, А. Н. — 407.
Пэн, Т. — 392, *412*.

Разин, С. Т. — 178, 179.
Райт — 412.
Робеспьер — 26, 187, 401.
Редкин, П. Г. — 198, *408*.
Рогачев, Д. М. — 112, *406*.
Розен, бар — см. Митрофания.
Роланд — 233, *410*.
Романовы — 94.

Ружичка — 415.
Руссо, Ж.-Ж. — 127, 408.

Сажин-Росс, М. П. — 410.
Салиас де-Турнемир, Е. А. — 203, *409*.
Саллюстий, Г.-К. — *411*.
Сафонов — 52.
Сведенборг, Э. — 75, *403*.
Свенцицкий — 415.
Святские, В. и Н. (Райт) — 412.
Семянников — 414.
Серно-Соловьевич, Н. А. — 35, *402*.
Симон-Маг — 190.
Синегуб — 404.
Синельников — 414.
Сиряков, А. И. — 85, 86, 403, *404*, 423.
Скальковский, А. А. — 52, *403*.
Сквери, М. П. — 413, 414.
Слезкин, И. Л. — 38, 111, *402*.
Смирнов, В. Н. — 413—416.
Смит, А. — 409.
Сназин-Тормасов — 84.
Соловьев — 415.
Солодовников — 46.
Софронов — 52.
Спасович, В. Д. — 404.
Сперанский — 20.
Станкевич, Н. В. — 129—131, *406*.
Стасюлевич, М. М. — 407.
Стоюнин, В. Я. — 151—154, 157—159, *406*, 424.
Струсберг — см. Штрусберг.
Судзиловский, Н. К. — 399, 415, 416.
Стюарт — 408.
Сьейсс, Э.-И. — 411.

Тамерлан — 176.
Тейс, А.-Ф.-Ф. — 24, *401*.
Тизенгаузен, П. О. — 84, *403*, 404.
Ткачев, П. Н. — 417, 421.
Толен, А.-Л. — 410.
Толстой, А. К. — 203, 204, *409*.
Толстой, Д. А. — 58, 59, 88—91, 134, 151, 152, 154, 155, 157—159, 172, 199, *403*, 406, 416, 423.
Толстой, Л. Н. — 134.
Торнтон — 414.
Трубников, К. В. — 158, 407.
Тургенев, И. С. — 124, 129.
Тургенев, Л. Б. — 181.
Турунов — 84.
Тьер — 22, 31, 33, 204.
Тьерри, О. — 32, *402*.
Тэйс — см. Тейс.
Тютчев — 204.

Усов П. С. — 44, *402*.

Фадеев, Р. А. — 181, *407*.
Фейербах, Л.-А. — 131, 189.
Фихте, И.-Г. — 381.
Фокс, Ч.-Д. — 20, *400*.
Франкель — 24, 26, 415.
Франц-Иосиф — 94, *405*.
Фрей, В. (Гейнс) — 412.
Фрейлиграт, Ф. — 333, *411*.
Фроленко, М. Ф. — 409.
Фурье — 284.

Хвостов, Б. Н. — 84, *404*.
Хильдерих — 192, *408*.
Хмельницкий, Б. — 177, *407*.
Хомяков, А. С. — 124, 126, *406*.
Христос — 190, 191, 193.

Цвиленев, Н. Ф. — 112, *405*.
Цвиленева, В. Н. — 405.
Цезарь — 189.
Цион, И. Ф. — 46, *402*.

Чаадаев, П. Я. — 124, 125, 129, *406*.
Чайковский, Н. В. (Грей) — 412.
Чаннинг, В.-Э. — 184, *407*.
Чарторийский — 97.
Чемадуров, Я. Я. — 39, 59, *402*.
Черкасский, кн. — 421.
Чернышевский, Н. Г. — 34, 35, 131.
Чешер — 414.
Чингисхан — 176.
Чуйков, полк. — 402.

Шатобриан, Ф. Р. — 189, *408*.
Шау — 414.
Шварц, В. — 284, *411*.
Шевалье, М. — 32, *402*.
Шевырев, С. П. — 125, *406*.
Шлезингер — 415.
Шрейбер — 83, 84.
Штакеншнейдер, Е. А. — 400.
Штейн, Г.-Ф.-К. — 20, 163, *407*.
Штейн Л. — 250, *411*.
Штерн, С. — 425.
Штрусберг — 194.
Шубин — 402.
Шувалов, А. П. — 181.
Шувалов, П. А. — 19, 20, 31.
Шумахер — 196, 408.

Щербань, Н. В. — 44, 45, 47, 134, *402*, 423.

Энгельс, Ф. — 411, 415, 421, 423.
Энгельсон, В. А. — 245.

Юз — 414.

Язон — 410.
Яков, ап. — 189.
Якубовский — 415.

Byr, R. — 100.
Dühring, E. — 291.
Hellwald, F. — 100.
Kolb. — 56.
Marx, K. — 290.
Paine, Th. — 392.
Seidlitz, G. — 99.
Stein, L. — 250.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (к «Общественной службе в будущем обществе») Цезаря де-Папа 7
Новый 1875 год (15/I 1875 г.) 13
Русские либералы и консерваторы (1/II) 15
Рабочий вопрос в России и повсюду (15/II) 18
Политическое безлюдье (1/III) 19
Парижская коммуна 1871 г. (15/III) 22
Ученые агрономы (15/IV) 27
Слухи о войне (1/VI) 31
Готовящийся процесс (15/VI) 38
Наша сила (1/VII) 43
Нечто о русском промышленном оазисе (1/VII) 51
Социально-революционная и буржуазная нравственность (15/VII) . 58
Социалистическая и буржуазная наука (1/VIII) 72
Два важные документа (1/VIII) 83
Исторический фатализм (1/IX) 93
Социализм и борьба за существование (15/IX) 99
Новый разгул сыщиков (1/X) 111
Александр Иванович Герцен (1/X—1/XII) 116
Рабочий социализм (15/X) 133
Рабские привычки (1/XI) 150
Диагноз и рецепты общественных медиков (15/XI) 158
Ответ русскому конституционалисту (15/XI) 167
Ученые фантазии либеральных оптимистов (1/XII) 171
Речь на лондонском собрании по поводу годовщины польского восстания 1830 г. (4/XII) 183
Социализм и историческое христианство (15/XII) 185
Минувший год (31/XII) 193
Государственный элемент в будущем обществе (1875—1876) . . . 207
Предисловие 209
I. Несколько вступительных слов 210
Разногласия социалистов относительно рассматриваемого вопроса.—Ослабление раздоров из-за формальных элементов. — Смутность понятий. — Задача этого труда.
II. Значение государственного элемента в обществе 216
Разнообразие представлений. — Примеры. — Разные общественные союзы. — Присутствие государственного элемента в прежних общественных союзах.
III. Нынешнее государство и рабочий социализм 224
Потребности, которым удовлетворяло государство. — Царство обычая и его разрушение. — Работа политической мысли. — Возрастание экономической борьбы. — Изменение характера государства. — Теория обмена услуг и договора. —

Государство — разрушитель общественной безопасности. — Государство стремится к своему упразднению. — Социализм как учение солидарности. — Отрицание современного государства.

IV. Строй будущего общества. 252
Потребности естественные, патологические и временные. — Примеры мнений современных социалистов. — Оружия будущего общества для обеспечения безопасности личной и общественной. — Побуждения к некоторым видам труда. — Устранение монополии из других видов его. — Возможность устранения государственного элемента. — Новые вопросы перед будущим обществом.

V. На другой день после революции 288
Трудность задачи. — Местные различия. — Германия. — Англия. — Франция. — Бельгия. — Специальный разбор вопроса о России. — Рабочая Россия. — Экономическое обеспечение. — Общественная безопасность внутренняя и внешняя. — Общественные сношения в объединенной рабочей России. — Общественное развитие.

VI. Накануне революции 346
Социально-революционный союз. — Условия тайного заговора. — Необходимость власти и ее контроль. — Возможные формы союза. — Нравственные требования рабочего социализма. — Противодействие монополии. — Уважение к труду. — Понимание. — Солидарность. — Личное достоинство. — Международный союз пролетариата.

VII. Заключение 359
Особенность государственного элемента. — Ее причины. — Постепенное понижение минимума. — Противоречия настоящего времени. — Рабочий социализм.

Примечания 397

Приложения:

1. Содержание газеты «Вперед» в 1875 году. 413
2. Список иностранных социалистических газет, данный в газете «Вперед» 417
3. Библиография сочинений П. Л. Лаврова и о нем за 1875 г. 420

Указатель имен 426

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. и.